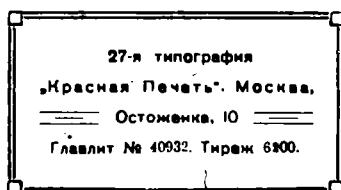

ВЕСТНИК КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

КНИГА
XII

1925

Ю. МАРХЛЕВСКИЙ

1866—1925.

Ю. Ю. Мархлевский.

ЮЛИАН ЮЗЕФОВИЧ МАРХЛЕВСКИЙ

Тов. Ю. Мархлевский был членом Коммунистической Академии с самого ее основания. В его лице мы потеряли не только старейшего партийного работника, политического деятеля, но и крупного теоретика. Его теоретические работы имели большое значение в борьбе с буржуазными и ревизионистскими направлениями. Этого старого бойца-коммуниста, боровшегося как на фронте политической и экономической борьбы, так и на фронте теоретическом, мы никогда не забудем.

Президиум Ком. Академии.

ЮЛИАН МАРХЛЕВСКИЙ (1866—1925).

1. В кружках и среди рабочих.

Умерший недавно т. Мархлевский имел за собой почти сорок лет сознательной революционной жизни. Это была кипучая энергией жизнь, полная плодотворной научной, политической, организационной и публицистической деятельности в Польше, Германии и России, всегда на левом фланге рабочего движения этих трех стран и международного движения пролетариата вообще. Требовалось бы исписать не один об'емистый том, чтобы представить всю эту богатую, разнообразную трудовую жизнь. Я здесь поэтому ограничусь лишь некоторыми, как мне кажется, важнейшими эпизодами из жизни и деятельности Мархлевского, имеющими общее историко-революционное значение.

Я познакомился с Мархлевским в Варшаве в конце 1886 или начале 1887 г., когда он был еще учеником реальной гимназии. Знакомство произошло на почве кружков самообразования молодежи, которые создавались тогда нелегально в Польше, как и в других частях царской империи. В каком направлении могло это кружковое движение влиять на дальнейшее развитие Мархлевского?

Нелегальные кружки учащейся молодежи, даже если первоначальной их целью было одно лишь самообразование, должны были влиять на их участников в революционном духе. Во-первых, они сами по себе были проявлением протеста и первой подготовительной школой борцов против царского режима вообще, как это было, вероятно, во всех подобных кружках в самой России. Во-вторых, специально в Польше они в большинстве случаев были также проявлением протеста и возмущения против национального гнета, который не щадил даже ребенка, переступающего порог руссификаторской школы. Таким образом, кружки эти могли влиять в двух направлениях: чисто национальном, толкая молодежь на путь борьбы в духе шляхетско-повстанческой традиции «отцов и дедов», или же в направлении революционно-социалистическом, благодаря свежему еще и чарующему молодежи влиянию героической борьбы партии «Народной Воли» и связанной с нею польской революционно-социалистической партии «Пролетариат», вожди которой только недавно, в январе 1886 г., с необычайным мужеством погибали на виселицах варшавской цитадели.

Мархлевского сразу потянуло к рабочему социалистическому движению, националистической агитации он не поддавался. Правда, он, как и другие, охотно искал и доставал запрещенные под царским игом и печатаемые в Галиции книги, из которых он знакомился с историей Польши, польской литературой, произведениями польских романтиков и т. п. И он до конца жизни оставался прекрасным знатоком польской литературы и не переставал следить за новейшими изданиями по истории Польши. Но в этом роде протеста против национального угнетения нет, конечно, никакого национализма. Впрочем, в описываемое время, в 1886-87-88 годах националистическая агитация не особенно давала себя чувствовать. После разгрома национально-партизанского движения 1863—64 года, националистическая агитация воскресла в весьма слабых размерах в конце семидесятых годов, но была быстро ликвидирована жандармами и лишь с конца восьмидесятых и начала девяностых годов стала развиваться среди учащейся молодежи и среди рабочих.

Что же тогда давали эти кружки своим участникам? На их собраниях от времени до времени появлялся кто-нибудь из оставшихся на свободе членов партии «Пролетариат», прочитывал реферат или просто рассказывал что-нибудь из истории революционного движения на Западе или в России, начинал курс социализма, но обыкновенно дело кончалось одной-двумя лекциями, лектор скоро исчезал за воротами X павильона варшавской цитадели или за пределами царской досягаемости. Читали все, что попадало в руки на польском или русском языках, читали не только самые популярные вещи, но бросались на Дж. Ст. Миля, Бокля, Спенсера, Конта Августа, Дарвина, Геккеля, с легкой руки Писарева читали Бюхера (*Сила и Материя*) и Мошешота (*Физиологические эскизы*), думая найти в них какое-нибудь познание материализма, и лишь после уж читали *Историю Материализма (как и Рабочий вопрос)* А. Ф. Лянге; читали, конечно, *Капитал* Маркса, конспиративными путями, иногда с большим трудом доставали *Что делать* Чернышевского, *Вестник Народной Воли*, *Процессы революционеров*, читали, конечно, польскую социалистическую литературу (тогда особенно очень скудную), интересовались и довольно горячо спорили о *Судьбах Капитализма* В. В., о роли личности и субъективизме Михайловского и т. д. Читали, я сказал бы, слишком много и прежде всего хаотично, бессистемно, вследствие чего далеко не все можно было переварить. Но прежде всего и главным образом интересовались начавшейся в 1887—88 г.г. борьбой между легальным марксизмом с Людовиком Крживицким во главе и нарождающимся польским «народничеством». Мархлевский был всецело на стороне марксизма, и когда в то же самое время в руки наши попали брошюры Плеханова — *Социализм и политическая борьба* и *Наши разногласия*, — Мархлевский окончательно определился уже как социалист-марксист.

Нужно, впрочем, оговориться: польский легальный марксизм не был похож на появившийся позже русский легальный марксизм, как польское «народничество» не имело ничего общего с русским народ-

ничеством. Правда, объект спора как будто был один и тот же: крестьянство, при чем польские народники (людовцы — позднейшие и теперешние вожди реакционно-националистической партии «Народовой Демократии» с Р. Дмовским во главе) выступали тоже как враги марксизма и материализма вообще, хотя и не увлекались в такой мере, как Михайловский, теорией субъективизма и роли личности. Но польские народники увлекались крестьянством не в связи с судьбами капитализма, существование и развитие которого давно уже было слишком реальным фактом, чтобы оставаться незамеченным, и не в связи с вопросом о возможности прямого перехода крестьянского хозяйства в систему коммунизма. Их интересовало крестьянство единственно с точки зрения национальной обороны и борьбы за независимость Польши. С этой точки зрения они были ближе к действительности и не нуждались в идеализации крестьянства, как прогрессивно-революционного или даже социалистического фактора. Они не только не закрывали глаз на консерватизм крестьянства, а наоборот — они ценили этот консерватизм, как самое надежное и самое мощное орудие в деле обороны этнографических границ Польши от напора германизации с Запада и руссификации с Востока. С этой точки зрения они, по большей части атеисты, безбожники, ценили даже глубокую католическую веру крестьянства, защищающую его от напора православия и протестантизма, за которыми скрывалась руссификация и германизация. И именно потому, что крестьянство самим фактом своего консерватизма защищает веру, язык и национальные обычаи отцов и дедов, именно потому, что оно составляет несокрушимую скалу, о которую разбивается бешеный натиск колонизаторской и денационализующей политики врагов Польши, — польские народники требовали расширения или лучше увеличения числа крестьянских хозяйств за счет помещичьего землевладения, требовали парцелляции помещичьей земли, противопоставляли крестьянство помещикам, которые охотно продавали, напр., прусской колонизационной комиссии за хорошие деньги свои имения, в которых прусское правительство насаждало немецких крестьян, стремясь таким образом продвинуть германскую этнографическую границу на Восток, в то время как польский крестьянин цепко держался за каждый клочок своей земли, борясь за него до последней возможности. И именно поэтому польские народники выступали против всего, что способно разлагать крестьянство, следовательно, против капитализма, подкапывающего старые устои крестьянского хозяйства и национально-религиозного консерватизма, против евреев, которые в качестве ростовщиков, купцов, посредников, скупщиков подтачивали старые устои деревенской жизни, предлагая путь капиталистическим отношениям в деревне. Против этого течения выступил, как марксист, Людовик Крживицкий, доказывая преимущества крупного, фольварочного земледелия и реакционность этого народнического, мелкобуржуазного социализма, который в самом деле вырождается вскоре в самый вульгарный национализм и антисемитизм.

Мархлевский, будучи еще в гимназии, решил окунуться в рабочую гущу и это свое решение он исполнил немедленно после окончания реального училища. Он поступил на фабрику рабочим красильщиком. Через некоторое время, в конце 1888 г., в связи с арестами среди членов партии «Пролетариат», жандармерия напала на следы Мархлевского, которому грозил арест. Владея прекрасно немецким языком, он решил поработать среди германских рабочих и отправился в Германию, где хотел познакомиться с опытом массового рабочего движения, развивающегося под знаменем марксизма. Где же тогда — и долго еще потом — можно было изучать марксизм на практике, как не в Германии? Мархлевский работал на разных фабриках Саксонии и Швейцарии, в одной и другой стране состоял членом профсоюза красильщиков, читал, изучал, и когда окончательно вернулся обратно в русскую Польшу, окунулся всецело в организационную и агитаторскую работу «Союза польских рабочих», созданного в 1889 г.

Как в России борьба партии «Народной Воли» достигла своего апогея с убийством Александра II и делом I марта, так польская ветвь ее, социально-революционная партия «Пролетариат», достигла высшей точки своей деятельности и влияния среди рабочих в 1885 — 86 г.г., когда лучшие ее вожди были отправлены на каторгу и на виселицу. И тут и там стала все больше обнаруживаться историческая несостоятельность методов действия обеих организационно связанных с собой партий. Но несостоятельность партии «Народной Воли» скрывалась в ее народнической идеологии, в ее взглядах на общину и на капитализм, на значение крестьянства и рабочего класса, в ее отрицании марксизма. Поэтому первой и самой главной исторической задачей русских социалистов была борьба за марксизм, как необходимый результат обнаружившейся несостоятельности народнического метода борьбы за свободу и социализм. В Польше же самые выдающиеся вожди рабочих того периода — Людовик Варынский, Шимон Дикштейн и др., организовали партию «Пролетариат» с евангелием «Коммунистического Манифеста» в руках, т.е. как марксисты, мировоззрение которых глубоко расходилось с мировоззрением вождей русского народничества. Как марксисты, опирающиеся на борьбу рабочего класса, они противопоставляли классовую борьбу борьбе национальной и признавали необходимость общей классовой борьбы рабочих в границах одного и того же государства без различия национальности, а следовательно, и необходимости одной общей социалистической партии польских и русских рабочих. Но в России тогда не было еще партии рабочих, единственной социалистической партией была тогда «Народная Воля», и польские социалисты, с Варынским во главе, делают смелый вывод из своего основного положения о необходимости одной общей партии: социально-революционная партия «Пролетариат», партия рабочего класса, объединяется организационно с партией «Народной Воли», не признающей за рабочим классом роли единственного или главного борца за социализм. Таким образом, на практику борьбы польских социалистов начинает влиять практика террористической борьбы наро-

довольцев. Партия «Пролетариат», начавшая свою деятельность не только с пропаганды идеи социалистической революции, но и с начавшейся еще в конце 70 годов агитации за повседневные интересы рабочих масс, за повышение заработной платы, за сокращение рабочего дня и т. п., организующая рабочих на почве этих требований в «кассы стачечного фонда», в кружки пропаганды и агитации борьбы за эти требования, стремящаяся организовать стачечное движение,— эта по существу рабочая партия, особенно после исчезновения с исторической сцены Варынского и др., мало-помалу оставляет свой первоначальный широкий массовый размах движения, втискивая свою деятельность и свой кругозор в узкие рамки конспиративно-террористических заданий. Под влиянием организационных связей и политического сотрудничества с народовольцами деятели «Пролетариата» проникаются идеологией террористической борьбы, идеологией, которая была неотъемлемой частью и следствием народнического мировоззрения вообще и которая в Польше—как это много лет спустя блестяще выяснила в одной из своих работ Роза Люксембург—не имела под собой никакой исторической и социально-экономической почвы.

Появление «Союза польских рабочих» было реакцией на обнаружившуюся несостоятельность этой идеологии, перенесенной из России в Польшу, подобно тому как появление группы «Освобождение Труда» было реакцией на бессилие народничества вообще. Но между этими двумя реакциями была большая, существенная разница.

Появление группы «Освобождение Труда», с Плехановым во главе, означало рождение русского марксизма, означало перевод марксизма на язык исторических, социально-экономических, политических и классовых отношений России, давало совсем новый ответ на вопрос, который с эпохи декабристов мучил русскую революционную интеллигенцию: где и как найти те движущие объективные силы и те массы народа, которые призваны, наконец, сдвинуть страну с мертвой точки абсолютизма и сбросить иго царя и помещика. В этом новом ответе на старый проклятый вопрос, в указании на то, что нарождающийся рабочий класс призван быть гегемоном русской революции, что эта революция будет рабочей революцией, или ее вовсе не будет—в этом все величие исторической заслуги Плеханова, как основоположника русского марксизма.

И в Польше существовал вопрос, который в продолжение целого века мучил не только революционную интеллигенцию, но и передовых польских рабочих: польский вопрос. И этот вопрос требовал применения, в первый раз в истории, марксистского метода, и это сделала потом Роза Люксембург (вместе с Львом Иогихесом—Тышкою), которая спустя десять лет после Плеханова стала переводить марксизм на язык польской истории и польских социальных и политических классовых отношений (Варынский, Дикштейн и др. приступили к рабочему движению лишь с абстрактными марксистскими формулами, оставляя нетронутым или просто отрицая значение самого главного в Польше вопроса, т. е. вопроса национального). В этом отношении Роза Люксембург была основательницей польского марксизма, как Плеханов — русского.

Но в описываемое время, в 1889 г., образовавшийся «Союз польских рабочих» не означал еще применения нового, марксистского метода к польскому революционному движению. Польская социал-демократия, как выразительница революционного марксизма, начала создаваться—как я уже сказал—лишь через десять лет после образования группы «Освобождение Труда». *Союз же польских рабочих* был реакцией против идеологии террористической борьбы, означал стремление к массовому рабочему движению. Группа «Освобождение Труда», начав борьбу за марксизм, как за новый метод борьбы, как известно, вначале не отрицала террора. Наоборот, она (в программе 1884 г.) признавала необходимость террористической борьбы против абсолютизма и еще в 1888 г. (во втором проекте программы) признавала, хотя уже условно, террор, как средство борьбы. Единственной же реакцией «Союза польских рабочих» был решительный отказ от террора и возврат к начальной деятельности Варынского, к первой фазе партии «Пролетариат», т.-е. к организации рабочих в стачечные кассы, к агитации на почве заработной платы, законодательства об охране труда и т. д.

Но и этот отказ от террора не был результатом нового мировоззрения; не имел характера идейной борьбы против политических методов, чуждых рабочему движению, а был просто стихийным поворотом в сторону массового движения после очевидного банкротства всех террористических начинаний партии «Пролетариат». Эту идейную борьбу пришлось значительно позже провести Розе Люксембург, когда партия Пилсудского (П. П. С.), состоявшая в близком идейном родстве с партией эс-эров (она и теперь состоит с ней в довольно тесной дружбе и вместе с ней конспирирует против СССР), переняла от нее метод террористической борьбы.

Понятно, что поворот умов среди польских социалистов 1889 г. в сторону массовой борьбы совпал с тем опытом рабочего движения, который получил Мархлевский в Германии. Продолжая работать после своего возвращения в Польшу, как красильщик, на разных фабриках в главных центрах польской промышленности, обладая знанием рабочей среды, прекрасный популярный оратор, Мархлевский вскоре стал душой «Союза польских рабочих». В октябре 1891 г. он был арестован в Лодзи. Но когда *шестьдесят тысяч* лодзинских рабочих покинули фабрики для первомайской демонстрации 1892 года, можно было смело сказать, что это в большой степени его заслуга.

Просидев около года в Х павильоне варшавской крепости и выпущенный под залог на свободу, Мархлевский после тяжелой и продолжительной болезни поехал в 1893 г. в Цюрих, где поступил в университет. Варшавские рабочие, которые первые примкнули к начинающей тогда складываться польской социал-демократии (первый съезд которой состоялся в марте 1894 г. в фабричном городе Жирардове, близ Варшавы), послали Мархлевскому мандат на Международный Социалистический Конгресс в Цюрихе.

2. Вместе с Розой Люксембург.

В Цюрихе Мархлевский встретился с Розой Люксембург, которая в конце 1888 г., вследствие массовых арестов среди членов «Пролетариата», должна была укрываться некоторое время в провинции, пока ей не удалось весной 1889 г. переправиться за границу при помощи известного польского рабочего-революционера Мартина Каспржака (казненного в 1905 г. за убийство пришедших арестовать его жандармов). Ко времени приезда Мархлевского в Цюрих Роза Люксембург вместе с Львом Иогихесом (который до конца жизни принимал непосредственное и самое деятельное участие во всех почти ее политических и теоретических работах, хотя и не выступал публично) начала уже ту работу применения марксизма к польским историческим и экономическим условиям, которая стала создавать польский марксизм. К этим двум вождям начинающей таким образом складываться польской социал-демократии примкнул Мархлевский и несколько других польских товарищей. Этот небольшой кружок начал за полгода до открытия Международного Социалистического Конгресса издавать (в Париже) свой орган («Рабочее Дело»), признанный вскоре теми варшавскими рабочими, которые дали Мархлевскому мандат на Международный Конгресс и которые создали организацию «Социал-демократии Царства Польского». Мархлевский принял деятельное участие в этом журнале, поставившем себе целью выработку новой программы польского социалистического движения и во главу угла ставившем борьбу с национализмом.

С начала девяностых годов националистическая агитация стала со все возрастающим успехом распространяться среди молодежи, охватив чуть ли не поголовно всю университетскую демократическую молодежь, стала также проникать в среду рабочих, особенно в таких индустриально неразвитых, мелкобуржуазных частях Польши, как бывшая Галиция и т. п. Лозунг борьбы за независимость Польши, от которого отеклась шляхта после разгрома последнего национального восстания, к которому всегда относилась отрицательно и даже враждебно выросшая под опекой царизма крупная промышленная и финансовая буржуазия б. русской Польши, который «научно» похоронила новая, т. наз. «краковская» школа польских шляхетских историков,—этот лозунг означал несомненно пробуждение демократической мелкой буржуазии к политической жизни, выражал ее протест против капиталистического развития. Это развитие создавало непосильную конкуренцию ремесленному и мелкому производству вообще, разрушало старые устои цеховых и бытовых отношений, а с другой стороны, оно приковывало б. русскую Польшу к русскому рынку, создавая на почве общей таможенной границы и развивающихся взаимных капиталистических отношений раздел труда, обмен продуктов и общность интересов польской и русской буржуазии.

В том же направлении действовало развитие капиталистических отношений и в других частях Польши, вызывая общность интересов

особенно польских помещиков б. прусской Польши с прусскими аграриями, галицийских помещиков с австрийской монархией. В этих условиях национализм сливался с антагонизмом и борьбой мелкобуржуазных элементов против капиталистического развития, и принимая оттенок социализма или выступая прямо как «интегральный», «полный», «всесторонний» социализм в отличие от «узкого», «доктринерского» марксизма, создавал огромнейшую опасность мелкобуржуазного влияния на пролетариат.

Оставшиеся в эмиграции идейные руководители партии «Пролетариат», Станислав Мендельсон, Витольд Иодко и др., связанные узами организации и совместных конспиративно-террористических начинаний с народовольцами, в борьбе группы «Освобождение Труда» против последних за марксизм, защищали народовольцев против русских марксистов, т.-е. по существу защищали народническое неверие в развитие русского пролетариата и его революционную роль. Когда же фиаско партии «Народной Воли» стало и для них очевидным, не подлежащим малейшему сомнению историческим фактом,—их народническое неверие в русский рабочий класс означало уже неизбежно неверие в русскую революцию вообще. Таким образом, последние вожди партии «Пролетариат», растеряв все идейное наследство Варынского и Дикштейна и все прекрасные традиции своей партии, окончательно созрели для польской националистической агитации.

В 1892 г. они вместе со Станиславом Грабским, нынешним вождем реакционно-националистической партии и другими, захваченными националистической агитацией, польскими социалистами, создают (на с'езде в Париже) Польскую социалистическую партию, партию Пилсудского, строящую свою программу борьбы за независимость Польши на неверии в русский рабочий класс, на отрицании самой возможности русской революции. Это народническое отношение к русскому пролетариату и объясняет в значительной степени позднейшее духовное родство П. П. С. с партией эс-эров, террористическую и авантюристическую тактику обеих этих партий и т. п.

В лице П. П. С. польская демократическая мелкая буржуазия показала свою реакционную сторону: она отвернулась от русской революции, в лице же других националистических организаций, также действующих среди рабочих, она прямо повернулась лицом против русской революции.

Против этой опасности мелкобуржуазного реакционного влияния на пролетариат и решила бороться горсточка молодых польских марксистов, собравшихся вокруг Розы Люксембург и Иогихеса. Против них был необыкновенно сильный, рвущий поток польского социалистического общественного мнения: в сторону программы борьбы за восстановление польского независимого государства повернули все старые польские социалисты, вся польская социалистическая интеллигенция, вся социалистическая партия прусской и австрийской частей Польши с И. Дашинским во главе, а вскоре и большинство организованных социалистических рабочих в русской Польше. Против них были традиции Маркса и Энгельса и I Интернационала в польском

вопросе, против них был авторитет Плеханова и Аксельрода во II Интернационале и т. д. И несмотря на все, эта горсточка решила бороться против течения.

Мархлевский с мандатом от варшавских рабочих и Роза Люксембург с мандатом от группы польских социал-демократов, издающих «Рабочее Дело», выступили с печатным отчетом о состоянии движения в Польше для Международного Социалистического Конгресса в Цюрихе. Отчет, написанный Розой Люксембург, самым резким образом выступает против лозунга борьбы за независимость Польши, как реакционной мелкобуржуазной утопии, и за общую борьбу польских рабочих с русскими (в австрийской Польше с австрийскими, в прусской — с прусскими рабочими). Социал-патриоты завопили и потребовали, чтобы Конгресс отверг мандат Розы Люксембург. Плеханов их поддержал, и мандат ее не был признан Конгрессом. Началась борьба на жизнь или смерть между польскими марксистами и социал-патриотами, борьба, которая продолжается до сих пор (между Компартией и П. П. С.). Эта борьба имела решающее влияние на все дальнейшее направление политической мысли Мархлевского и на всю его революционную жизнь.

Как известно, Ленин (а вместе с ним и все большевики) считал ошибочной позицию Розы Люксембург (и всей польской социал-демократии), отвергающей принцип самоопределения наций и лозунг независимости Польши. В другом месте я займусь разбором вопроса, в чем состояла сущность и значение этой ошибки, с совершенной несомненностью доказанной опытом революционного периода. Но как бы то ни было, огромная историческая заслуга Розы Люксембург, которую признавал и Ленин, состояла в том, что она впервые связала польский вопрос с классовой борьбой и вопросом российской революции.

В самом деле, до появления учения Розы Люксембург — учения, которое Коминтерн по инициативе т. Зиновьева окрестил именем люксембургизма, — на польский вопрос или, лучше говоря, на вопрос о польско-русских отношениях смотрели исключительно с традиционной точки зрения, как будто отношения эти остались такими, какими были 100 лет тому назад, как будто не произошло в них никаких коренных, существенных изменений. В этих традиционных взглядах царская Россия представлялась как страна, застывшая на известной ступени своего социального развития, неспособная к дальнейшему прогрессу, как неподвижная масса в роде какой-нибудь старой азиатской деспотии. Славянофилы и народники с их отрицанием «гнилого западничества» и капиталистического развития служили как бы доказательством или живым воплощением подобных взглядов. Польша же в силу этих традиционных воззрений оставалась прикованной к застывшему, неподвижному русско-азиатскому колоссу одними лишь чисто-механическими средствами, исключительно силой штыков, как будто между обеими странами и не начинали даже развиваться никакие внутренние социально-экономические связи и взаимодействия, не начинали создаваться никакие общие классовые интересы

и общие классовые противоречия. С этой традиционной точки зрения польский вопрос разрешался так же просто при помощи чисто внешних, механических средств, как разрешался в конце XVIII и в первой половине XIX века: восстанием Костюшки 1794 г. и восстанием 1831, т.-е. в действительности внешней войной при помощи национальной польской армии, или же при помощи международных войн, как войны Наполеона I, пытавшегося по-своему разрешить польский вопрос, или же, наконец, при помощи империалистической войны 1914—18 г., в результате которой создана нынешняя Польша. Как я уже упомянул, ППС стала на путь отрицания русской революции, т.-е. в сущности на путь старых традиционных взглядов на польско-русские отношения, и этот путь неизбежно толкнул Пилсудского и ППС в сторону добровольного, желанного, давно ожидаемого участия в империалистической войне, привел их сначала в лагерь австро-германских империалистов, а потом в лагерь Антанты. Это был реакционный, контр-революционный, националистический метод решения польского вопроса.

Великою историческою заслугой Розы Люксембург (и тех, кто, как Мархлевский, имели мужество примкнуть к ее точке зрения и пойти против течения) было, что она впервые, как основательница польского марксизма, поставила польский вопрос на новые, революционные рельсы, разбив прежние традиционные взгляды, так же, как Плеханову пришлось разбить традиционные взгляды народничества, чтобы очистить путь для революционно-пролетарского метода борьбы с царизмом. Подходя к польскому вопросу с анализом развивающихся социально-экономических отношений между Польшей и Россией, Роза Люксембург, коротко говоря, приходит к заключению, во 1), что развитие капиталистических отношений все более и более объединяет б. русскую Польшу с Россией в один общий капиталистический организм, польских же и русских капиталистов, помимо конкуренции и противоречивых интересов отдельных капиталистических групп, объединяет в один общий класс капиталистов. Это положение подтверждается всеми важнейшими явлениями общественной и политической жизни польской буржуазии и дворянства, их открытым примирением с Россией, их небывалой, неслыханной раньше защитой (в Государственной Думе, в прессе и т. д.) внешних интересов русского государства, наконец, во время империалистической войны 1914—18 г. *позицией* всей польской буржуазии в лагере российских патриотов и Антанты; во 2), что это капиталистическое развитие имеет обратную революционную сторону, именно: оно объединяет польский и русский пролетариат в один общий класс, борющийся за низвержение царизма; в 3), с точки зрения пролетариата решение польского вопроса должно стоять в непосредственной связи с задачами пролетариата в революции.

Такая постановка вопроса означала противопоставление классовой борьбы—национализму. А так как в Польше главной задачей молодых марксистов была непримиримая борьба с национализмом в рабочем движении, то непримиримая классовая борьба стала главной

пружиной их развития и развития созданной ими польской социал-демократии. Эта исходная точка их борьбы с национализмом и объясняет нам, почему и Роза Люксембург и Мархлевский в каждой стране, в которой им приходилось действовать, как и во втором Интернационале вообще, всегда боролись на левом фланге рабочего движения, почему они всегда занимали позицию классовой борьбы против оппортунизма и ревизионизма, почему они, выросшие в борьбе с социал-патриотизмом в Польше, сразу оказались врагами социал-патриотизма в Германии и других странах после 4-го августа 1914 г. и, наконец, почему они всей душой были на стороне Октябрьской революции.

Окончив в Цюрихе 1896 г. факультет социально-юридических наук с докторской диссертацией, представляющей интересное историко-экономическое исследование под заглавием «Физиократизм в Польше», Мархлевский через некоторое время поехал в Германию, чтобы работать в рядах германской социал-демократии, не переставая одновременно быть активным и любимым вождем польской социал-демократии.

Рассказать историю его деятельности в рядах обеих партий? Это значило бы писать историю этих партий. Ибо жизнь Мархлевского, как и Розы Люксембург, непосредственно связана с повседневной борьбой этих партий, со всеми перипетиями внутрипартийных разногласий и споров, с борьбой против оппортунизма и ревизионизма в Германии и в Интернационале, с историей трех российских революций, с основанием и борьбой Союза спартаковцев и т. д.

Мархлевский работал и боролся вместе с Розой Люксембург и Львом Иогихесом. Огромнейшая часть его трудовой, революционной жизни прошла вместе с ними, а потом с Карлом Либкнехтом. И вот теперь прах этих незабвенных учителей и вождей революционных рабочих поживает вместе во Фридрихсфельде, а имена их, неразрывно связанные между собой, золотыми буквами вписаны в историю борьбы международного пролетариата.

Юлиян Бальтазар Юзефович Мархлевский родился в 1866 г. в г. Влоцлавке (Польша). Умер 22 марта 1925 г. в Нерви.

Вот перечень (неполный) написанных им книг и брошюр, любезно предоставленный нам вдовой покойного, тов. Брониславой Мархлевской.

На польском языке:

1. Политическая экономия (1902 г.).
2. Социально-экономические отношения в прусской Польше (1903 г.).
3. Как и за что бороться (1905 г.).
3. Царская Дума и избирательное бесправие (1906 г.).
5. Долой социал-демократов (1906 г.).
6. О прибыли (1907 г.).
7. Анти-семитизм и рабочие (1908 г.).
8. Аграрный вопрос в Польше (1918 г.).
9. Коммунисты и сельский рабочий народ (1919 г.).
10. Пан Станислав Грабский (1920 г.).
11. Аграрная программа немецких коммунистов (1920 г.).
12. Пролетарская Россия и буржуазная Польша (1921 г.).

На немецком языке:

12.—Der Physiokratismus in Polen (1896). 13.—Flottenkoller und Weltmachtspolitik (1909). 14.—Brandschätzung des Volkes durch indirekte Steuern in Deutschland (1909). 15.—Die Börse (1910). 16.—Lebensmittelwucher und Warenteuerung (1910). 17.—Die indirekten Steuern und Zölle, wer sie zahlt und wem sie nützen (1911). 18.—Mittelstand und Sozialdemokratie (1911). 19.—Krieg, Zusammenbruch und Revolution (1911). 20.—Schutzzoll-Raubzoll (1911). 21.—Teuerung, Warenwucher und Klassenstaat. (1911). 22.—Imperialismus oder Sozialismus (1912). 23.—Sozialdemokratie und Militär Vorlage (1913). 24.—Teuerung, Warenpreise und Goldproduction. (1913). 25.—Kriegssozialismus in Theorie und Praxis (1918). 26.—Das Rätesystem (1919). 27.—Die Sozialisierung des Bergbaues (1919). 28.—Was ist Bolshevismus (1919).

Мархлевский, кроме того, был редактором и сотрудником многих партийных изданий, газет и журналов в Германии и Польше. Писал и выступал на съездах под разными псевдонимами, как И. Карский, Куявяк, Бальтазар из Куяв, Чичероне, Кохан Кемпф и т. д.

Во время мировой войны принадлежит к основателям нелегального Союза Спартака, журнала «Internationale» и нелегальных Spartacusbriefe, в которых принимает деятельное участие. Арестованный в 1916 г., был освобожден правительством РСФСР из лагеря гражданских пленных в Хафельберге в 1918 г. и переехал в Москву. Отсюда удалось ему пробраться в 1919 г. на революционную работу в Германию, но через некоторое время должен был вернуться, так как был в списке лиц, предназначенных к расстрелу Носке.

В РСФСР работал на разных постах государственной службы, с 1918 по 1921 г. был членом ВЦИК'а, представлял компартию Польши на съездах Коминтерна. Был членом Ком. Академии, организатором и председателем МОПР'а, ректором Ком. Университета Запада и т. п. В 1920 г., во время наступления Красной Армии на Варшаву, был назначен председателем Временного Революционного Комитета в Польше.

А. Варский.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ И КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛИЗМЕ ¹⁾.

Как будет выглядеть социалистическое общество в конкретности? Как на деле произойдет ликвидация стихийного рыночного регулирования, и его место займет социалистический план? Какова будет организационная структура тех органов, которые будут созданы работниками для руководства хозяйством? Какова будет система распределения продуктов в социалистическом обществе? В каких отношениях будет находиться социалистическая часть хозяйства к до-социалистическим формам и как будет происходить отмирание последних? Чем будет отличаться человеческий тип, выработанный эпохой товарного производства, от работника социалистического хозяйства? Будет ли социалистическое хозяйство иметь иную техническую базу, чем капитализм, и какова будет эта новая база?

Ко всем этим вопросам и к ряду других, с ними связанных, социалистическая мысль обращалась не раз. В этой главе, которой мы начинаем книгу о новой экономике, мы хотим дать исторический очерк конкретных представлений социалистов и коммунистов о социализме. Но мы заранее ограничиваем этот очерк вот с какой стороны. Представления о социализме в строго научном понимании этого слова могут возникать лишь на базе капиталистического производства. Попытки вплетать в историю социализма различные конструкции мысли и утопии, возникавшие на базе других способов производства и имевшие совсем иной социально-классовый смысл, представляют из себя, с одной стороны, грубое отступление от марксизма, а с другой,—говорят о том, что авторы таких попыток сами не ясно представляют себе существо социалистического хозяйства вообще. Поэтому мы наш краткий обзор начинаем с представлений и конструкций о социализме, возникших в период начавшегося развертывания капиталистического производства, т.е. с так называемых великих утопистов.

Необходимо заметить еще следующее.

Конструкция социалистического общества есть теоретическое преодоление капитализма. Но если так о е преодолении капитализма,

¹⁾ Эта статья представляет начало первой части подготовляемой к печати книги „Новая экономика“.

если такая социализация производства возможна до пролетарской революции, то никакая действительная социализация производства без пролетарской революции невозможна. А отсюда следует тот очевидный вывод, что все конструкции социалистического производства, которые либо абстрагируются от пролетарской революции и диктатуры пролетариата, либо рассматривают пролетарскую революцию как тот торжественный момент, когда у социалистов в парламенте будет на один голос больше, чем у открыто-буржуазных партий,—все эти конструкции неизбежно пропускают первую стадию существования социалистического производства и прямо перепрыгивают ко второй.

Ниже мы более подробно остановимся на этих утопиях XX века, а теперь отметим, с какой стороны и в каком объеме вопрос о завоевании власти пролетариатом, вопрос о необходимости для рабочего класса гражданской войны связан с конкретными представлениями о первой стадии строительства социалистического хозяйства. Вопрос о диктатуре пролетариата поставлен Марксом и получил наиболее полное развитие и обоснование у Ленина. В нашей работе нас интересует этот вопрос не сам по себе. Нас интересует, как будет влиять на структуру социалистического хозяйства первого периода продолжительность и разорительность гражданской войны, как общество, отброшенное в результате гражданской войны назад в смысле своей производительной способности, будет при социалистической организации хозяйства преодолевать развал и продвигаться вперед, и какие закономерности будет оно развивать в этот период своего существования. Нас интересует вместе с тем и вопрос о структуре хозяйства социалистического государства, находящегося более или менее длительный период в состоянии внешней войны, потому что эпоха распада капитализма и пролетарских революций есть в то же время эпоха социалистических внешних войн.

Наш очерк ни в малейшей степени не претендует на полноту. Что же касается расположения материала, то я держался хронологического порядка. Это имеет свои удобства, но и недостатки. Основной недостаток состоит в том, что взгляды Маркса и Энгельса на социализм, примыкающие и логически, и по своему классовому содержанию к нашим коммунистическим представлениям о социализме, отделены от последних в изложении представлениями о социализме II Интернационала, синдикалистов и немецкой литературы о социализме, тем не менее хронологическое изложение приходится предпочесть, потому, что оно позволяет рассматривать представление о социализме не как идею, саморазвивающуюся по своим внутренним законам, а как выражение классовой борьбы пролетариата на каждой данной ступени ее развития или ее деградации.

Посмотрим же, как из скорлупы товарно-капиталистических представлений об обществе, и разбивая эту скорлупу, вылупливались первые ласточки социалистических построений.

ВЕЛИКИЕ УТОПИСТЫ.

1. Сен-Симон.

Незрелому состоянию капиталистического производства и незрелости классовых противоречий соответствовали и незрелые теории.

Энгельс.

Сен-Симона лишь с очень большой натяжкой можно причислить к социалистам. Скорее оценка его, как социалиста, является недоразумением. Ниже читатель увидит, на чем основывается это наше мнение. Однако, разбор взглядов Сен-Симона в нашем очерке обязателен потому, что он первый выдвинул необходимость планового хозяйства. Вместе с тем или, вернее сказать, именно благодаря тому, что он поднялся на такую огромную высоту в этом центральном вопросе социализма, он должен был затронуть, он затронул и весьма интересно осветил ряд отдельных проблем социализма: о ликвидации классовой борьбы и связанных с этим преимуществ для внеклассового общества, о непроизводительном потреблении, о системе воспитания, о роли науки при плановом хозяйстве и т. д.

Существо взглядов Сен-Симона на организацию хозяйства сводилось к следующему. Производство является основным занятием людей, с ним связано существование всякого общества. Основным же производительным классом являются работники физического труда и их организаторы и руководители, т.-е. промышленники, люди науки и техники. Между тем в современном обществе (т.-е. современном для Сен-Симона обществе) господствующим классом, управляющим и командующим является паразитическая феодально-аристократическая знать. Этот последний класс должен быть отстранен от господства, и вместо него должны управлять промышленники, используя аппарат королевской власти. Только при господстве этого класса не только в производстве, но и в государстве возможна организация всего хозяйства на новых основах: плановое начало, ликвидация классовой борьбы, прекращение непроизводительного потребления, гораздо больше чем теперь применение науки к производству и научная организация всего общества, новая система воспитания и т. п. По вопросу о том, кто такие промышленники и почему они должны были господствовать в современном Сен-Симону обществе, последний писал:

«Вопрос. Кто такой промышленник (industrielle)?

Ответ. Промышленник—это человек, который занимается производством или доставкой для различных членов общества того или другого или многих продуктов для удовлетворения физических или духовных потребностей членов общества; поэтому земледelec, сеющий хлеб и разводящий домашних животных и птиц, является промышленником. Промышленниками являются каретник, кузнец, слесарь, столяр; фабриканты ботинок, шляп, драпа, кашемира также являются промышленниками;

промышленники также: купец, извозчик, матрос торгового корабля. Взятые в целом, все промышленники, занятые производством или доставкой всем членам общества материальных ресурсов, удовлетворяющих их физические или духовные потребности и склонности, образуют три больших класса: земледельцев, фабрикантов и купцов.

Вопрос. Какое положение в обществе должны занимать промышленники?

Ответ. Класс промышленников должен занимать первое место, потому что он является самым важным из всех классов общества; потому что он может обойтись без всех других классов, тогда как ни один из этих других классов не может обойтись без него; потому что он существует на свои собственные ресурсы, живет на свой личный труд. Другие классы должны работать на него, потому что эти классы являются его креатурами и живут на его счет; одним словом, раз все делается благодаря промышленности, то все должно делаться для промышленности». (Saint-Simon. *Catéchisme des industriels. Oeuvres choisies*, t. III. Bruxelles, 1859, стр. 67—68).

В том же произведении Сен-Симон резюмирует существующее положение так. Франция, являющаяся по существу нацией промышленной, имеет над собой правительство феодальное (там же, стр. 83).

Так как огромное большинство общества состояло и всегда будет состоять из работников физического труда, то организаторы и руководители этого труда тем самым являются естественными представителями большинства нации. (*Opinions littéraires, philosophiques et industrielles* там же, т. III, стр. 239). О том, что рабочие физического труда являются фундаментом всей современной общественной пирамиды, что над ним непосредственно возвышаются организаторы производства, ученые и деятели искусства, а правящая знать и бюрократия — лишь паразиты на этом производственном организме, Сен-Симон пишет в заключение отрывка «О социальной организации» (*De l'organisation sociale*, там же, том III, стр. 281—282).

Вот этим-то руководителям современной промышленной системы, т.-е. наиболее крупным аграриям, фабрикантам, купцам, банкирам, по мнению Сен-Симона должна быть предоставлена власть. Они должны составить индустриальный совет (*Conseil des industrielles*), который должен вести финансами и руководить всей системой.

Тоже своего рода власть совета!

Из сказанного выше совершенно очевидно, что Сен-Симон; при всех его симпатиях к труящимся и бедным классам общества, симпатиях, которые он неоднократно выражал во многих своих произведениях, отчасти по недоразумению, считается социалистом. Он был скорее идеологом наиболее прогрессивной промышленной буржуазии своего времени, отторгой от власти в период реставрации дворянством, и в первую голову был рупором промышленной технической интеллигенции. Но взгляды Сен-Симона все же интересны для истории социалистических представлений о социализме, потому что в известных частях они ведут за пределы капитализма. Вальтер Ратенау также был лишь

представителем буржуазного порыва к преодолению анархии капиталистического хозяйства, одним из умнейших людей буржуазного мира, утопии которого насчет централизованной организации капиталистического производства и распределения есть лишь меланхолический вздох смертельно больного организма современного буржуазного общества. И как взгляды не-социалиста Ратенау и его деятельность во время войны в министерстве снабжения нельзя обойти при историческом очерке социалистических представлений о социализме, так нельзя пройти мимо взглядов защитника диктатуры промышленности и промышленников Сен-Симона.

Уже Сен-Симон вполне ясно представлял себе, как велики издержки классового общества на внутреннюю борьбу и как увеличился бы человеческий натиск на природу, если бы новая общественная организация освободила для производства те силы, которые в современном обществе идут на внутренние междуклассовые конфликты.

«До настоящего времени люди оказывали чисто индивидуальное и обособленное воздействие на природу. Больше того, их усилия в весьма значительной части всегда взаимно уничтожались, так как до настоящего времени человечество было разделено на две неравные части; из них меньшая тратила постоянно все свои силы и даже часто часть сил большей—в целях господства над последней, между тем как большая употребляла значительную часть своих сил для борьбы против этого господства. Несомненно, однако, что и при такой огромной трате сил человечество достигло все же в наиболее цивилизованных странах довольно значительной степени достатка и благосостояния.

Судите поэтому, какой степени процветания оно достигло бы, если бы не растрачивалось напрасно ни одно усилие, если бы люди, перестав господствовать друг над другом, объединились вместе, чтобы оказывать коллективное воздействие на природу, и если бы народы придерживались той же системы в отношении друг к другу» (Сен-Симон. Избранные сочинения, Госиздат, 1922 г., стр. 8).

В том же отрывке о теории общественного устройства Сен-Симон настойчиво утверждает, что производительным трудом является труд, направленный к воздействию человека на вещи. Наоборот воздействие человека на человека означает двойную трату сил и лишь тогда может быть полезно, когда этим путем косвенно можно воздействовать на природу ¹⁾).

Эти глубокие мысли Сен-Симона начинают проверяться на опыте первых лет социалистического строительства СССР. Ниже мы увидим, сколько средств расточает капитализм на одну стачечную борьбу и сколько их сберегает пролетарская промышленность благодаря тому, что стачка перестала быть орудием классовой борьбы.

Что касается зародыша идеи планового хозяйства, то она заключалась в том единстве цели, которое Сен-Симон считал абсолютно не-

¹⁾ Эти взгляды Сен-Симона несколько противоречат его мнению о том, что после ликвидации рабства различные классы отличаются друг от друга „лишь оттенками“.

обходимым в системе нового общества, а также в наиболее разумной и научной организации труда, в наиболее «полезном комбинировании всех отдельных работ в области науки, искусств и ремесел» (там же).

Эти зародыши мысли о плановом хозяйстве логически неизбежно приводят Сен-Симона к такому пониманию роли государства, которое находится в вопиющем противоречии со взглядами манчестерцев в Англии и физиократов во Франции, т.-е. с типично буржуазной точкой зрения на государство в период начала разворачивания капиталистического способа производства.

Сен-Симон пишет:

«Всеми признано, что почти все меры, посредством которых правительство пыталось оказывать влияние на общественное благосостояние, в конечном счете лишь оказались вредными для общества, из этого факта и был сделан вывод, что самое лучшее, что могут сделать правительства для счастья общества, это—не вмешиваться. Но эта точка зрения, правильная только по отношению к существующей политической системе, явно неправильна, если ее понимать в абсолютном смысле, она имеет смысл лишь до тех пор, пока мы не возвысились до представления о другой политической системе». (Там же, стр. 11).

Сен-Симон полагал, что государственные функции подавления и управления должны уменьшаться в обществе, где цель политической системы состоит не в защите интересов меньшинства, а в содействии благосостоянию большинства трудящихся. Сен-Симон защищает такую политическую систему, целью которой является труд и его наиболее целесообразная организация.

По вопросу о наиболее целесообразной системе распределения и о стимулах к труду Сен-Симон защищал ту точку зрения, что институт прибыли является полезным для общества потому, что благодаря этому институту происходит смычка между личным и общественным интересом. От взглядов Сен-Симона в этом пункте определенно отдает Бентамом. Вот что писал об этом между прочим Сен-Симон: «Для достижения духовного и материального благосостояния общества необходимо насколько только возможно поощрять и стимулировать труд в области земледелия, промышленности и торговли. Необходимо стимулировать приманкой частных выгод всякие предприятия, имеющие своим объектом постройку каналов, дорог и мостов, а также работы по осушению почвы, поднятию целины и ирригации. Не надо придирается (*chicaner*) к доходам, которые приносят работы общественного значения, и не следует возражать против того, что они поступают целиком в распоряжение тех, кто эти работы предпринимает» (*Oeuvres choisies*. Bruxelles. 1859, том II, стр. 443—444).

В другом месте, в «*Catéchisme des industriels*», Сен-Симон пишет следующие слова, подчеркнутые вместе с предшествующим абзацем курсивом: «Известно, что дело, в котором заинтересовано все общество, оказывается, в конце концов, личным делом, что личный интерес есть единственный агент, который может направлять (*diriger*)

общественный интерес. Вся трудность заключается в том, чтобы найти комбинацию, при которой личный интерес совпадал бы с общественным». (Там же, том III, стр. 99).

Из приведенных цитат мы видим, что Сен-Симон является энергичным защитником института прибыли. Но его защита является условной, условной в том смысле, что он рассматривает прибыль, как функцию производства. Следовательно, с того момента, когда институт прибыли превращается не в стимул, а в препятствие к развитию производительных сил, он, по духу учения Сен-Симона, уже не имеет оправдания. Роскошь та кой защиты прибыли могла себе позволить или очень молодая, полная сил и веры в свое будущее буржуазия, либо ее техническая интеллигенция, для которой буржуазная форма организации производства не является альфой и омегой всякого целесообразного производства вообще, какой она представляется самой буржуазии ¹⁾.

Но Сен-Симон поднимает вместе с тем и огромной важности общий вопрос о стимулах к труду и о сочетании индивидуального интереса с общественным. Этот вопрос имеет колоссальнейшее значение для социализма. Он имеет колоссальное значение для периода, когда институт прибыли превращается объективным ходом развития капитализма из стимула к разворачиванию производства и производительных сил в институт только частного обогащения и расхватаывания прибавочной стоимости, когда отдельный производитель включается в грандиозную систему мирового хозяйства, когда это мировое хозяйство после социальной революции превратится в плановое хозяйство. Вопрос о стимулах к труду при социалистическом, т.-е. при плановом, хозяйстве стоит совсем иначе, чем вопрос о стимулах к труду для организаторов буржуазного производства в период его развития. Нам нужно взять проблему социалистического общества, выдвинутую Сен-Симоном. Постановка же этого вопроса для социалистического общества и ответ на него будет, как мы увидим ниже, чрезвычайно непохожим (за исключением внешней формы) на то решение, которое считал правильным Сен-Симон.

Мы не будем здесь касаться подробно вопроса о том, каким образом Сен-Симон считал возможным осуществить свою «промышленную систему». Заметим только, что его предложение добиться реорганизации существующей системы путем подачи королю петиции, подписанной 25 миллионами французов, очень мало отличается от утопии Каутского и других социал-демократов о «завоевании» власти пролетариатом через петицию избирательных бюллетеней. В том и другом случае предполагается, что одна система сменяет другую без революции.

¹⁾ При защите члена у нас часто употреблялись аргументы, близкие к сен-симоновским.

II. Ф у р ь е.

Для историка конкретных представлений социалистов о социализме Фурье имеет значительно больший интерес, чем Сен-Симон. Фурье меньше всего можно упрекнуть в том, что его представления о социалистической системе являются слишком общими. Наоборот, излишняя конкретизация у Фурье придает многим местам из его работ впечатление несерьезности, утопического доктринерства и мелочности. На ряду с гениальными местами, полными глубины и исторического реализма, вы встречаете мертворожденные конструкции и схемы и такую педантическую мелочность и точность в описании будущей системы, которая не только не имеет ничего общего с научной гипотезой, но даже и не забавна в качестве утопической беллетристики.

Так как наша задача по отношению к Фурье ограничивается лишь изложением его представлений о социализме и притом таких представлений, которые сохранили свой интерес и по сей день, мы не будем вдаваться в критику его взглядов и просто пройдем мимо того, что для нас не интересно в его системе.

Основные недостатки современного ему общества Фурье видел в нецелесообразной организации труда, в нецелесообразном характере распределения и в неспособности использовать для блага общества все положительные и все отрицательные черты человеческого характера.

Основной недостаток в области организации производства Фурье видел в раздробленности труда, в полной несогласованности отдельных работ. Вот к чему сводил он все эти недостатки:

«Наемный труд—есть косвенное рабство. Он влечет за собой отсутствие экономии в механизме производства, воровство, обман, общее кедоверие, перерывы в работе из-за отсутствия средств, борьбу конкурирующих предприятий, несоответствие между индивидуальными и коллективными интересами, отсутствие единства плана и исполнения его». (*Théorie de l'Unité Universelle*, IV).

Что касается системы распределения, она допускает существование огромного количества паразитов, к числу которых Фурье относил: женщин, детей, прислугу (домашние паразиты). Затем армии и флоты, сборщики налогов, фабриканты, купцы, транспортные агенты, агенты положительного разрушения и агенты отрицательного производства ¹⁾ (социальные паразиты). Праздные по закону, софисты праздные вообще отщепенцы. В частности в «*Théorie de quatre mouvements*» в главе о преступлениях в торговле Фурье с замечательной яркостью доказывает паразитизм торгового аппарата, огромное расточение сил общества на современную систему обмена вообще (в том числе на базары и т. д., *Théorie etc.*, стр. 310—371. Лейпциг, 1808 г.).

Что же противопоставляет Фурье современному обществу в области производства и распределения?

¹⁾ См. „Отрицательное расширяющее производство“ в „Экономике переходного периода“ Н. Бухарина.

Ассоциацию на основе укрупнения производства, его механизации, наиболее целесообразного разделения труда и организации по определенному плану. Конкретной формой наиболее целесообразной организации Фурье, как известно, считал фаланстер, самопотребляющую коммуну в составе в среднем трехсот семей, с общим числом взрослых и детей в 1.500—1.600 душ.

В фаланстер должны были входить не только люди различных профессий, люди как промышленного труда, так и земледельцы, но и люди различного социального положения. Фаланстер должен был объединить труд, капитал и талант. Утомительно читать у Фурье подробное расписание, кто что должен делать в фаланстере, как жить, как делить доход и т. д. Нас интересует в его построении то, что интересно для нашего времени. На этом только мы и остановимся.

Идея фаланстера Фурье является одним из самых ярких примеров того, как бессильно сознание даже самого гениального и самого прогрессивного идеолога передового класса вырваться из цепей бытия там, где само бытие не толкает мысль далеко вперед.

Фаланстер Фурье—это не крупное производство с далеко идущим разделением труда, не предприятие, входящее в общую цепь таких же крупных предприятий, совместно образующих единый комплекс социалистического хозяйства на данной территории. Нет. Фаланстер Фурье—это комбинация ремесленного типа промышленности и мелкого интенсивного земледелия в одну самопотребляющую коммуну. Это попытка теоретически вырваться из на $\frac{5}{6}$ ремесленного, на $\frac{1}{6}$ мануфактурного производства Франции. Ремесленными же средствами Фурье не мог дойти до представления не только о мировом хозяйстве, как едином организме (какового единства в его время не существовало и в действительности), но даже до представления о хозяйстве Франции, как внутренне связанной системе, что уже было фактом. В этом пункте Фурье делает шаг назад по сравнению с Сен-Симоном. Следовательно, ни по вопросу о новой технической базе социализма, ни по вопросу об организации единого хозяйственного комплекса, социалистически руководимого, ни тем более о социалистической организации мирового хозяйства мы ничего не найдем и не должны искать у Фурье. Его социализм был во всех этих пунктах ремесленным социализмом.

В построениях Фурье сохраняют свое значение, а не только исторический интерес, следующие проблемы: 1) борьба с непроизводительным потреблением, 2) в частности борьба против огромных издержек обращения, неизбежных при товарном хозяйстве; 3) ликвидация противоречия между городом и деревней в форме соединения промышленного труда с земледельческим; 4) организация общественного питания и ликвидация индивидуальной кухни; 5) политехническое образование и переход работника от одних видов труда к другим; 6) соединение детского воспитания с трудом; 7) использование тех стимулов человека к труду и к полезной для общества деятельности, которые не могли быть использованы и которые, наоборот, заглушались в капиталистической системе.

Что касается борьбы с непроизводительным потреблением, в особенности с расходами на торговый аппарат—распределение, то в основном Фурье видел решение этого вопроса в переходе к ассоциированному труду по типу фаланстеров. Фаланстер, тем самым, что он должен был явиться по мысли Фурье самоудовлетворяющей себя коммуной, делал излишним в старом объеме торговое посредничество и всю систему капиталистического обмена, хотя торговый обмен между фаланстерами оставался. Фурье решал вопрос путем натурализации хозяйства, т.-е. принципиально правильно с точки зрения социализма, но только его натурализованное хозяйство не было социалистическим в современном смысле. Проблема остается проблемой. Как увидим ниже в главе о системе обмена, затруднения в борьбе с издержками распределения останутся и после социализации производства, т.-е. после отмирания системы денежного товарообмена. Затруднения будут заключаться в том, что производительность труда в промышленности росла при капитализме и тем более будет расти при социализме быстрее, чем растёт рационализация механизма распределения. Если в единицу времени, благодаря постепенному росту производительности труда, достигается производство не одной, а двух единиц продукта, то для системы распределения здесь получается вдвое больше работы, раз рационализация распределения не идет вперед в ногу с рационализацией производства. А это неизбежно должно привести к поискам новых путей распределений, которые, быть может, приведут в ряде отраслей к особым формам децентрализации не только распределения, но и производства, и к иной системе отношений между промышленностью и земледелием. Если решение проблемы, предлагавшееся Фурье, неприемлемо для социалистической организации труда, как она мыслится нами теперь, то само направление, в котором искал решение Фурье, отнюдь нельзя считать непригодным. А суть этого направления лежит в области соединения промышленности с земледелием, и в этом отношении он верно уловил тенденцию социализма. Заметим здесь, кстати, что позиция Фурье в отношении торговли является более прогрессивной (в социалистическом смысле), чем позиция Сен-Симона. Сен-Симон считал занятие того, кто доставляет продукты (*mettre à la portée*), следовательно, не только транспорт, но и торговлю—трудом производительным. Купец занимает видное место в его категории (*industrielles*), тогда как Фурье считает торговцев паразитами, и стоимость всего процесса обращения в современном ему, т.-е. в товарном хозяйстве, рассматривает как *faux frais*.

Мы подошли уже к следующему пункту воззрений Фурье, имеющему актуальное значение для социализма,—к проблеме преодоления противоречия между городом и деревней. Ниже мы еще не раз вернемся к этому пункту, в частности к постановке его в программе РКП. Теперь же напомним, как решал проблему Фурье. В его фаланстер на $\frac{1}{4}$ должны были входить капиталисты, ученые и артисты, а на остальные $\frac{3}{4}$ как работники промышленности, так и работники земледелия.

Производственные мастерские, общественные учреждения и жилая часть помещаются в одном здании, специально для этого выстроенном. Культивируемые поля, огороды и сады окружают этот промышленный и вместе с тем сельскохозяйственный центр, который не является ни городом, ни деревней в современном смысле. Работники фаланстера продают часть своей продукции другим фаланстерам и покупают сами от других фаланстеров то, что по природным и иным условиям сами не производят, или производят недостаточно. Но в основном, в главной своей части потребности работников ассоциации удовлетворяются внутри фаланстера. Фурье прекрасно создавал все преимущество соединения промышленности с земледелием не только с точки зрения огромной экономии в труде, в доставке продуктов, их хранении и т. д., но и преимущества с точки зрения гигиены, здравоохранения ¹⁾.

Фурье очень убедительно защищает преимущества общественной кухни и общественного питания над домашней индивидуальной кухней,—вопрос, который сохраняет полную актуальность для эпохи социалистического строительства. Он убежден, что такая организация не только гораздо выгоднее с общественно-экономической точки зрения,—это всем ясно,—но и окажется более привлекательной для всех членов семьи, ранее собиравшихся только вокруг «своего» стола.

Что касается организации труда со стороны его разнообразия и перехода от одной профессии к другой, то этому вопросу Фурье придавал огромное значение. Он считал, что лучшим способом поднять интенсивность труда и его привлекательность является переход от одного вида работы к другому на протяжении одного и того же рабочего дня. В числе прочих условий, необходимых для усиления любви к труду и для его привлекательности, Фурье находил необходимым следующие меры:

1) Чтобы каждый работник входил в ассоциацию и получал дивиденд, а не заработную плату.

2) Чтобы каждый, будь то мужчина, женщина или ребенок, получали вознаграждение пропорционально трем факторам (facultés): к апиту, труду и таланту.

3) Чтобы сеансы работ менялись, примерно, восемь раз в день, потому что при выполнении как сельскохозяйственных, так и промышленных работ энтузиазм не может поддерживаться дольше, чем на 1½—2 часа.

4) Чтобы работы выполнялись компаниями добровольно соединившихся друзей, стимулируемых и интригуемых взаимным соперничеством.

5) Чтобы условия работы в мастерской и агрикультурные работы привлекали работника чистотой и изяществом.

6) Чтобы разделение труда было доведено до высшего предела, дабы использовать каждый возраст и каждый пол на той работе, которая ему наиболее подходит.

¹⁾ Надо заметить здесь, что Фурье считал промышленный труд подсобным занятием для труда сельскохозяйственного. В этом отношении его взгляды являются не только не прогрессивными, но реакционными даже для его времени.

7) Чтобы при этом разделении все мужчины, женщины и дети пользовались полным правом на труд и правом выбирать себе в любое время такую отрасль работы, которая им больше нравится,—при условии соблюдения честности и способности к избранной работе.

Наконец, самое главное, чтобы народ пользовался при этой новой системе гарантированным минимумом благосостояния, который был бы достаточен на сегодняшний день и на будущий и освобождал человека от всякого беспокойства за себя и свое семейство». (*Théorie de l'Unité Universelle. Oeuvres complètes. Paris, t. II, стр. 15—16*).

Оставляя фантастическую систему распределения в пункте 2-м, мы должны отметить, что все остальные пункты сохраняют полный интерес для строящегося социалистического общества. Разумеется, переход от одной работы к другой через каждые 1½ часа невозможен при теперешней технике и той научной организации труда, которая возникает на базе этой техники. Тут фантазия Фурье была целиком во власти полуремесленного типа производства его времени. Но основная линия предложений Фурье совершенно правильна. Необходимо стремиться к политехнизму в обучении и делать возможным для работника переход, по крайней мере, от одной профессии к другой. Для социалистического хозяйства, которое не может, как капитализм, иметь резервную армию промышленности на случай расширения производства, резервом рабочей силы должна служить способность работников к разным видам труда, многосторонняя его квалификация. Сохраняют все свое значение также мысли Фурье насчет привлекательной обстановки труда, насчет соединения разнообразия в труде для отдельного работника с самым законченным разделением труда для ассоциации.

Фурье принадлежит огромная заслуга в правильной (с социалистической и педагогической точки зрения) постановке вопроса об общественном воспитании и о детском труде. Разрыв обучения с трудом характерен для буржуазно-помещичьей системы образования. Наоборот, социалистическая система воспитания должна строиться на соединении обучения с трудом, на переходе детской игры в труд, на ликвидации пропасти между книжкой и станком и прежде всего на ликвидации права родителей на воспитание своих детей. Гениальность Фурье проявилась, пожалуй, больше всего в том, что в этом пункте он предвосхитил на столетие-полтора вперед организацию воспитания, необходимую для социализма.

Вопрос о стимулах к труду играет важнейшую роль во всей системе взглядов Фурье. Его ассоциация и по способу ее формирования (добровольное сообщество), и по способу управления (ареопак, решения которого, однако, не обязательны, потому что он должен действовать только авторитетом своего совета), предполагает не только чрезвычайно высокий уровень сознательности и социального инстинкта, но и личную заинтересованность каждого в труде и именно таком труде, который одновременно полезен для всех. Отсюда огромная роль внутренних стимулов к труду вместо внешнего принуждения. В числе

этих стимулов Фурье намечает добровольный выбор труда, привлекательность обстановки труда, дивиденд сверх прожиточного минимума, соревнование индивидуальное (в своей группе работающих), соревнование коллективное (фаланстера с фаланстером), общественное одобрение, использование всех наклонностей человека, всех его индивидуальных свойств на пользу труду. Чрезвычайно важен также тот пересмотр страстей и пороков человека, который произвел Фурье под новым углом зрения. Он нашел в результате своего анализа, что многие из так называемых пороков при соответствующей организации общества превратятся в стимулы к труду и к деятельности на пользу общества. Мы не будем останавливаться на конкретных взглядах Фурье в этой области. Отметим лишь, что сама постановка этого вопроса, как мы заметили выше, говоря о Сен-Симоне, имеет огромное значение для социализма. Вопрос о том, что заменит внешнее принуждение к труду, существовавшее при рабстве и крепостничестве; что заменит бич голода при капитализме; какие стимулы к труду могут сменить стимул личной выгоды товарного общества; что мы можем достать из сундука нашего зоологического наследства при социализме, чего не могли использовать при системе товарного хозяйства; что мы должны отбросить из наследства этой последней системы,—все эти вопросы так или иначе затрагиваются Фурье. А это все вопросы, над которыми еще много раз задумается после своей победы рабочий класс и его мыслящий авангард.

В заключение я хотел бы отметить одну мысль Фурье, которая ставит его на целую голову выше тех «социалистов» II Интернационала, которые под человечеством разумели лишь его цивилизованную часть, под рабочим классом лишь рабочий класс Европы и Америки, под социализмом лишь продукт мирной парламентской сделки между аристократией рабочего класса и капиталистическим классом, сделки, совершаемой на неразогнутой спине угнетенных трудящихся масс колоний. Об этих народах, не входящих в семью цивилизованных народов и в то же время составляющих большинство человечества, Фурье писал:

«Деятели неточных наук, претендующие работать на благо человеческого рода! Неужели вы думаете, что шестьсот миллионов варваров и дикарей не входят в состав человечества? Между тем ведь они страдают, а что вы сделали для них? Ничего. Ваши системы приложимы лишь к цивилизации...» (*Théorie de quatre mouvements*, стр. 409). Правда, в симпатиях Фурье к нецивилизованным народам было много элементов, общих у него с Руссо. Фурье считал, например, преимуществом нецивилизованных народов, что они на протяжении тысячелетий сохраняют основы своего социального строя, тогда как у цивилизованных народов всякие новшества отцветают, не успев расцвести. Его протест против буржуазно-помещичьей цивилизации имел достаточно реакционный привкус. Но важно для нас здесь то, что Фурье в своих построениях не забывал о большей части человечества и в этом смысле не находился подобно Макдональдам и Шейдеманам в

идейном плену у империалистических плантаторов, для которых территория человечества ограничивается капиталистически развитыми странами.

В истории часто бывает, что какая-либо социальная конструкция или отдельная мысль, вырастающая, как -реакционный протест против данной экономической системы и ее прогрессивного развития, на другом историческом этапе, когда данная система сама становится препятствием к развитию, обретает новое бытие. Она начинает оить данную систему, если можно так выразиться, с исторического тыла. Она включается теперь, как отдельное звено, в цепь идей новой революционной критики, направленной против данной системы.

Все это целиком относится ко многим мелкобуржуазным критикам капитализма, это относится также и к Фурье, в работах которого причудливо переплетается мелкобуржуазный и реакционный протест против капитализма с подлинно социалистической критикой. А вместе с тем часть его мыслей, исторически возникших, как мелкобуржуазный протест против развертывания капиталистических отношений, воскресает к новой жизни в системе взглядов современного коммунистического пролетариата на социализм, в наших взглядах на отдельные стороны и черты подлинной социалистической системы общества.

III. Кабэ.

Утопия Кабэ «Путешествие в Икарию» представляет для нас интерес в том отношении, что автор дал нам законченную картину коммунистического производства, как это производство мыслилось французскому социалисту 40-х годов.

По сравнению с Фурье Кабэ сделал большой шаг вперед прежде всего потому, что его представления о будущем обществе складывались под впечатлением не только французской экономики того времени, с ее сравнительно слабым развитием крупно-капиталистического производства, но и под впечатлением машинной индустрии Англии, с которой Кабэ познакомился во время своего пребывания в этой стране. Разумеется, коммунизм Кабэ весьма примитивного свойства, как и техническая база этого «коммунизма». Курьезно теперь читать, с каким энтузиазмом наш утопист пишет об общественных дилижансах Икарии, как об идеальном способе передвижения внутри большого столичного города, о стоке уличной воды в подземные трубы, об огромных мастерских для каждой профессии (в сущности, мануфактурного типа) и т. д. Кабэ здесь дает не картину того, что будет в коммунистическом обществе, а того, чего не было во Франции 40-х годов. Все это с успехом и в гораздо более широком масштабе уже осуществил капитализм в передовых буржуазных странах до всяких социалистических революций. Но все эти наивности не являются главными и основными в работе Кабэ. Существенный интерес его утопий заключается

в том, что он дает нам продуманную в основных чертах систему замкнутого натурального коммунистического хозяйства. Представления Кабэ о коммунизме весьма типичны и являлись ходячими представлениями на этот предмет у большинства социалистов второй половины прошлого века.

Рассмотрим ближе наиболее интересные для нас места из утопии Кабэ. Рисуя основные черты социального устройства коммунистической Икарии, Кабэ пишет: «Подобно тому, как мы (т.-е. икарийцы. Е. П.) образуем единое общество, единый народ, единую семью, так и наша земля, со всеми ее рудниками внутри и постройками над поверхностью ее, образует единое владение (*domaine*), которое является нашим общественным владением.

Все движимое имущество членов общества, со всей продукцией земли и промышленности, образуют единый общественный капитал (*capital social*) ¹⁾.

Это общественное владение (*domaine*) и этот общественный капитал, как неделимое целое, принадлежат народу, который их обрабатывает и эксплуатирует на основах коммуны, который ими распоряжается сам или через своих выборных и затем поровну делит все продукты (*Cabe. Voyage en Jarie. Paris. 1842, стр. 35*).

Рассматривая будущее общество, как единый производственный коллектив, как одну большую коммуну с многомиллионным населением, конструируя, как увидим дальше, и соответствующую систему распределения, Кабэ делает огромный шаг вперед от торгующих друг с другом и производственно автономных фаланстеров Фурье, он изгоняет также претензии кроткого «капитала» Фурье на участие в производстве и распределении на особых основаниях.

Промышленность Кабэ—это нечто среднее между английской фабрикой и французской мануфактурой 40-х годов; все это увеличено в размерах, так сказать, помножено на некоторый коэффициент забегающей вперед фантазии автора,—и только. Что же касается источников движущей энергии, то здесь Кабэ еще целиком во власти пара и ничего не знает и не подозревает о роли электричества в качестве технической базы будущего общества.

Земледелие же будущего общества наш утопист мыслит в форме мелкого фермерского производства, разумеется, без применения наемной рабочей силы, но с применением «максимума всевозможных машин». Что этот максимум является с точки зрения рационального крупного земледелия минимумом, это ясно само собою. Сельское хозяйство Икарии, — это рационализированное мелкое хозяйство французского крестьянина средней руки.

Противоположность между городом и деревней преодолевается не полностью, не путем урбанизации деревни, а лишь частично, с одной

¹⁾ Ниже мы увидим, что Кабэ печально обронил здесь термин, которого не избежать нашим экономистам при анализе государственного капитала. Если по отношению к коммунистическому обществу этот термин не нужен, для экономики перехода его трудно заменить чем-либо другим.

стороны, путем уравнительного распределения продуктов всего национального производства города и деревни, а с другой стороны, путем свободной смены промышленного труда на сельскохозяйственный и обратно, потому что вся молодежь обучается сельскохозяйственному труду еще до выбора профессии.

Средства транспорта являются для коммунистического общества весьма жалкими. Верх достижений—это 12 железных дорог. Затем летают немного на воздушных шарах, на небольшие расстояния ездят на дилижансах, а продукты развозят даже на собаках.

Размеры коммуны определяются правительством республики на основе статистического подсчета. Здесь перед нами уже законченная система планового хозяйства, сменяющего товарное производство и товарный обмен. Купли и продажи нет.

«После того, как таким образом (т.-е. комитетом ученых) разработан список продуктов питания, республика производит их силами своих рабочих и земледельцев и распределяет их между семьями. Так как каждый может получить лишь то, что распределяет республика, то никто, как ты видишь, не может потреблять другой пищи, кроме той, которую назначает республика» (там же, стр. 52).

«Она производит сначала самое необходимое, затем полезное и, наконец, приятное—все в максимально возможных размерах.

Республика делит продукты между всеми поровну и именно таким образом, что каждый гражданин получает поровну с другими таких продуктов питания, которых хватает для всех, и получает по очереди их, если продуктов хватает каждый год и каждый день лишь для части населения (там же, стр. 53).

Равенство Кабэ, как видим, отнюдь не является коммунистическим. Это такое понятие о равенстве, которое еще не выходит из рамок капиталистических представлений, вернее, из рамок товарного производства, хотя бы эти понятия и были реакцией против капиталистического неравенства. Система распределения продуктов республики с точки зрения организационной (все свозится в огромные магазины и затем распределяется между гражданами) весьма напоминает наркомпродовский способ распределения в период нашего военного коммунизма. Если бы не было известно, что наша организация распределения периода военного коммунизма была необходимой частью экономики гражданской войны, можно было бы подумать, что мы в 1918—20 гг. начисто списывали у Кабэ. Вообще Кабэ вопросами распределения занимается с большим интересом, чем вопросами производства. Жесткая регламентация предметов питания и определенного типа одежды, которые производятся и распределяются республикой, была бы целесообразна, если бы Икарія была такой же «коммуной» нищих, какой была в период военного коммунизма РСФСР. Но ведь у него все в избытке, и каждый гражданин имеет королевский стол ежедневно. Эта регламентация плюс предписания комитета по питанию, диктующего время еды, количество и качество блюд и т. д., очень мало пахнет полнокровным коммунизмом, со свойственной для него

величайшей эластичностью всей системы. Это скорее отражение в социалистическом зеркале фантазии Кабэ характерных черт традиционного французского бюрократизма. Любопытно, что уже в построениях Оуэна, представителя «самоуправляющейся» Англии, мы не находим такой регламентации.

Впрочем, внутри мастерских правила работы устанавливаются самими работниками, которые выбирают и свою администрацию, пункт, который имеет столь важное значение в построениях гильдейских социалистов. (Там же, стр. 105).

Из любопытных особенностей утопии Кабэ надо отметить: 1) Наличие государства при отсутствии классов, вследствие чего этому государству у него нечего делать, кроме выполнения функций ВСНХ. 2) Огромную роль конкуренции в деле выполнения работ по конкурсам, проводимым республикой. 3) Довольно реакционную систему воспитания, в большинстве домашнего, а не общественного. Реакционный семейный быт, вплоть до того, что для выхода «замуж» нужен сговор между родителями. 4) Занятия науками, искусствами и т. д. являются не работой сверх обязательного для всех минимума физического труда, а составляют профессии специалистов этого дела, т.-е. разрыв науки и физического труда, составляющий отличительную черту эксплуататорских систем, у Кабэ продолжает существовать. Вдобавок, коммунистическое общество Кабэ не может жить без божьего благословения, т.-е. без религии и без специалистов по религии, т.-е. без попов, «труд» которых считается общественно-полезным и вознаграждается на общем основании.

Таковы в кратких чертах взгляды Кабэ на будущее общество, поскольку они имеют интерес для нашего исследования.

Кабэ не чужда идея о переходном периоде от капитализма к коммунизму. Во всяком случае, от «Октябрьской революции» в Икарии до организации полного коммунизма проходит пятьдесят лет. Особенности этого наиболее интересного для нас периода, Кабэ, однако, представляет себе крайне смутно и лишь в общих чертах. Что же касается перехода к этому переходному периоду, т.-е. способа выхода из капиталистического общества, то здесь Кабэ в общем остается на уровне остальных утопистов, т.-е. он не связывает судьбы социализма с классовой борьбой пролетариата и с победой рабочей революции. Поэтому-то никто из утопистов, и Кабэ в том числе, не могли сказать ничего вразумительного об экономической структуре переходного периода.

Хотя Икария Кабэ рождается из гражданской войны, и в этом гениальность его прогноза, однако, этот прогноз сам автор как бы не принимает всерьез и не им руководствуется в своей практической борьбе за социализм. Кабэ участвует в организации коммуны, которая должна побить капитализм конкуренцией своей более высокой организации и, как все подобные начинания, побивается конкуренцией капитализма.

IV. Роберт Оуэн.

Если работы Роберта Оуэна далеко уступают произведениям Фурье и Кабэ по размаху фантазии, они обнаруживают огромное преимущество в другом отношении, преимущество, связанное с воздействием на идеологию Оуэна экономической базы более высоко развитого капитализма. А это делает некоторые из его построений более современными и менее старомодными, в сравнении с французами. В этом изложении, как и при замечаниях о французских утопистах, нас интересует не вся система взглядов Оуэна, а только та их часть, которая связана с конкретными представлениями Оуэна о социалистическом обществе.

В работах Оуэна, посвященных будущему обществу, проблема воспитания нового человека занимает непропорционально много места, в сравнении с другими проблемами социализма. В нашем изложении взглядов Оуэна мы не делаем особого удара на этом вопросе, а ставим его в общий ряд с другими проблемами.

Рассмотрим последовательно взгляды Оуэна на систему производства будущего общества, на систему распределения, на систему воспитания и, наконец, на пути выхода к социализму из капиталистического общества.

По мнению Оуэна, совершенное будущее общество должно быть организовано сознательно, на наиболее рациональных началах. Наиболее же рациональной организацией, которая должна сменить теперешнюю стихийно сложившуюся общественную постройку, он считал научную организацию всего общества. Точно также он считал необходимой и научную организацию производства. Нигде, быть может, предчувствие будущего не оказалось столь верным и пророческим, как в этом прогнозе Оуэна о научной организации производства.

При такой организации прежде всего надлежит ликвидировать противоречие между городом и деревней. Как и многие другие социалисты, Оуэн был горячим сторонником соединения промышленности с земледелием, несмотря на то, что для него, как жителя капиталистически высокоразвитой страны, были особенно очевидны трудности проведения этой меры. Соединить ремесленный или полуремесленный труд с земледелием—как представлял себе это дело Фурье—есть вещь куда более простая, чем соединить крупное машинное и весьма специализированное производство с земледелием. Ниже мы увидим, что Оуэн считал возможным и по этим и по другим мотивам (сокращение издержек обращения) приближать не продукты питания и товары к человеку, а человека к продуктам питания и другим благам ¹⁾.

Ему не могло притти в голову, что частично эта проблема разрешается не только путем приближения некоторых отраслей промышленности к источникам сырья (что шло по линии взглядов Оуэна), но и

¹⁾ Когда у нас в 1918—20 гг. говорили, что мы везем людям хлеб вместо того, чтобы нести хлеб к людям, то этот оборот был плагиатом у Оуэна.

революцией в транспорте. Именно эта революция вместо перенесения деревни в город и обратно, делает возможным быстрое перенесение жителей и продуктов города в деревню и наоборот, т.-е. укорачивает не в пространстве, а во времени расстояние между городом и деревней. (К этой проблеме мы еще не раз вернемся в дальнейшем изложении). К числу чисто экономических мотивов за слияние земледелия с промышленностью Оуэн прибавлял мотив другого порядка: по его убеждению, большой современный город портит человеческий характер и делает невозможным рациональное воспитание. (Robert Owen. The look of the new moral world. Лондон, 1849, часть 2-я, стр. 16 и passim).

Производство по Оуэну должно быть организовано таким образом, чтобы максимальное количество продуктов и самого лучшего качества производилось с минимальным количеством труда, поставленного в лице производителей в наилучшие условия в процессе работы. Для достижения такого эффекта необходимы, как технические предпосылки, так и соответствующая структура хозяйства. Что касается технических предпосылок, то Оуэн здесь считает необходимым употребление самых усовершенствованных машин и полное использование науки для производства. Что же касается самой системы хозяйства, то здесь Оуэн является противником денежного обмена, производства ради прибыли, или, точнее говоря, он является противником товарной системы хозяйства вообще. Наиболее производительным труд будет, по его мнению, только тогда, когда производство будет вестись непосредственно для потребления, а не для прибыли, не для продажи за деньги и для дальнейших перепродаж.

Для рационализации производства, по его мнению, необходимо целесообразное и по существу очень сложное деление страны на определенные части. Затем необходимо скомбинировать соответствующим образом промышленное производство с земледельческим, расставить людей на работу с максимальным учетом их природных склонностей и призвания и затем установить определенные пропорции между отдельными отраслями труда.

Чтобы провести все это, необходимо «распустить» теперешнюю организацию общества (*dismiss at once all the existing divisions, institutions and arrangements*. Там же, стр. 19).

Такая организация общества и производства приведет не только к увеличению количества и качества продукции, но и к экономии расходов на надзор, администрирование и т. д. Она будет означать также ликвидацию паразитических классов и групп современного общества.

Но такой тип организации приведет к колоссальной экономии и в другой области, в области распределения, к которому мы теперь переходим.

Подобно Фурье, Оуэн был энергичнейшим противником капиталистической системы обмена и распределения. Он считал ее верхом бессмысленности и расточительности. В частности, он считал деньги совсем ненужным инструментом обмена, без которого общество научиться постепенно обходиться.

В вышецитированной большой книге о будущем обществе, дающей резюме социалистических взглядов Оуэна, последний писал: «Распределение благ при современной системе ложится мертвой тяжестью на производителей и является наиболее деморализующим началом для общества» (там-же, часть 2-я, стр. 22). Агенты распределения не прибавляют никакой новой ценности к распределяемым ими благам, они прибавляют лишь издержки на их содержание. «Поэтому прямой интерес всякого общества состоит в том, чтобы на распределение благ тратить минимальное количество труда, чтобы, после изготовления продукта в месте производства, затраты на транспорт и утери в пути свелись к минимуму». «При разумной научной организации общества потери, связанные с продолжительным транспортом и нерациональным хранением в лавках и складах, могут быть избегнуты» (стр. 24).

Что же предлагает Оуэн вместо товарно-денежной системы распределения и современной капиталистической торговли?

Вместо существующей организации производства и распределения, когда процесс производства резко отделен от процесса распределения, когда это разделение еще больше увеличивает скученность в городах и отрыв человека от природы, вместо всего этого Оуэн предлагает тесное соединение процесса производства, распределения и потребления и ожидает огромных выгод от подобного переустройства существующих отношений. «Когда это устройство будет проведено в жизнь и будет в полном ходу, тогда будет очевидна разница между ныне действующим принципом доставлять продукты питания и другие жизненные средства к человеку и между приближением человека к его пище и потребляемым им благам, т.е. приближением к месту, где эти продукты питания и другие блага добываются и производятся» (там-же, стр. 26).

Здесь Оуэн затрагивает вопрос, имеющий огромное значение для социалистической организации общества. Его лозунг: «минимум обращения и трат на обращение» есть актуальнейшая проблема социалистической рационализации распределения промышленности по территории и сокращения издержек на аппарат распределения. В главах об экономике промышленности и о системе обмена в хозяйстве СССР мы еще вернемся ко всем этим проблемам. Заметим лишь, что эта проблема для социалистической промышленности несравненно сложнее и трудней, чем это мыслил себе Оуэн. Дело идет не только о сокращении расходов на транспорт от места производства к месту потребления, но и о не менее важной проблеме: о сокращении расходов на транспорт сырья и топлива к месту производства. Сперва должен быть решен вопрос о сосредоточении промышленности в месте производства сырья, а затем уже можно говорить о дальнейшей рационализации. Но решение этого последнего вопроса до крайности осложняет всю проблему приближения потребителя к месту производства. Распределение булочных по стране ¹⁾ и распределение металлур-

¹⁾ Ниже мы увидим, что, кроме проблемы наиболее рационального распределения промышленности по данной стране, перед социализмом стоит вопрос о наиболее рациональном распределении индустрии по всему миру.

гических заводов, — две вещи совершенно различные. Трудно этого достигнуть «наиболее простым и рациональным» делением общества, потому что наиболее рациональное, с точки зрения, сокращения издержек, производственное деление общества никогда не будет и наиболее простым. Но в основном здесь Оуэн прав. При научной организации производства, имеющей задачу только наиболее рациональное распределение промышленности по территории, при максимальной урбанизации деревни, возможно достигнуть минимума расходов на промежуток между производством и потреблением.

Но кроме чисто физического приближения потребителя к продукту, кроме сокращения между ними и пространства и времени, приближение может быть достигнуто на почве социально-экономической, т.-е. путем уничтожения всей теперешней системы распределения. Продукт отдаляется от потребителя не только вследствие отрыва промышленности от земледелия и сосредоточения промышленности в пунктах, отдаленных от потребления, но и благодаря баррикаде денежно-товарной системы всего обмена. Рационализация производства и распределения не достижима без ликвидации товарного хозяйства и всей денежной системы капиталистического общества. Оуэн это заметил, но он, подобно всем социалистам, не понимавшим взаимной зависимости всех частей капиталистической системы и примата производства, набрасывался с преувеличенной энергией на отдельные стороны товарно-капиталистической системы, особенно на деньги. Он набрасывался здесь на то, что является важным, но не самым важным. Указав на нелепость с общественной точки зрения производства ради денег вместо производства ради потребления, Оуэн писал: «В правильно и рационально организованной системе общества золото, серебро или бумажные кредитные билеты никогда не будут употребляться в качестве посредника при распределении благ» (стр. 26). Оуэн считал, что социалистическое производство есть производство для потребления. Только при такой системе общества делается возможным ликвидировать огромный и дорого стоящий аппарат товарно-капиталистического распределения, резко обособившийся от производства, ликвидировать современную торговлю, приблизить производство к потреблению и сэкономить для производства огромные расходы, растрачиваемые теперь на процесс обращения. Все это — вопросы, которые сохраняют всю свою актуальность для нашей экономики сегодняшнего дня, и на долгие десятки лет сохраняют свой интерес и значение.

Перейдем теперь к взглядам Оуэна на воспитание. Вопросу воспитания нового человека все социалисты-утописты придавали весьма большое значение. Оуэн уделяет ему совершенно исключительное внимание. О какой бы проблеме он ни начал говорить, он всегда подходит к вопросу о воспитании. Мы уже говорили выше, почему этот вопрос имеет первостепенное значение для социализма и почему нам, отнюдь не с узко-педагогической точки зрения, важно осветить постановку этого вопроса у социалистов прошлого столетия.

В вопросах воспитания основная мысль, которую Оуэн упорно развивает и доказывает, заключается в том, что человеческая природа всех людей одинакова. Человеческий характер дается не от природы, а формируется в процессе воспитания. Из ребенка путем соответствующего воспитания можно сделать все, что угодно. В своей брошюре о воспитании человеческого характера Оуэн пишет.

«Все без исключения дети представляют из себя пассивную и удивительным образом составленную смесь; из них посредством внимательного с начала до конца ухода, основанного на полном знании дела, можно в массе добиться формирования любого характера» (*«Essays on formation of the human character»* by Robert Owen, London, стр. 12). «Кардинальная ошибка, внедряемая в сознание всех, начиная с самого детства, заключается в том, что люди сами формируют свой характер...» (там же, стр. 50).

Возражая энергично против мысли о том, что люди различных профессий могут иметь различные характеры, наклонности и привычки от природы, а не в результате воспитания, Оуэн говорит:

«Нет! Человеческая натура, за исключением несущественных различий, присущих каждому сложному продукту природы, во всех случаях одна и та же; она без всяких исключений бесконечно пластична; путем правильного воспитания из массы детей одного класса можно воспитать взрослых людей другого класса; их можно даже заставить верить и объявлять то или иное дело правильным и благородным, умирать, защищая его, хотя бы их родители считали все это ложным и порочным и сами в свою очередь были бы способны добровольно пожертвовать жизнью против него» (там же, стр. 66).

Какую роль играли все эти педагогические воззрения Оуэна во всей его системе, мы поймем, если вспомним, что наш утопист отвергал революционный путь в борьбе за социализм. При таких условиях иллюзия о перевоспитании человечества мирным путем представлялась обходной дорогой насильственной социалистической революции. Оуэновские взгляды на воспитание были связаны, с одной стороны, с общим его взглядом на пути и способы выхода из капиталистического общества, а с другой стороны, давали очерк системы воспитания в самом будущем обществе. Что касается последнего, то система воспитания в нем рисовалась Оуэну следующим образом. Дети, особенно в переходный период, удаляются от своих невежественных родителей, могущих вредно повлиять на формирование их характера, и сосредотачиваются в особых воспитательных учреждениях. Только в переходный период, в виде уступки старому быту, на ночь дети возвращаются родителям. Воспитание является, таким образом, общественным. Оно соединяется с трудом, и дети, прошедшие все необходимые его ступени, должны сделаться работниками всех основных отраслей промышленности и земледелия. Труднейший вопрос для системы Оуэна, вопрос о том, как возможно посредством старых учителей воспитать

нового человека, в сущности не был и не мог быть удовлетворительно решен Оуэном, несмотря на то, что эта трудность была ему ясна, и несмотря на то, что программу будущего воспитания он расписал довольно подробно в пятой части своей книги «New moral world», под заголовком «Of the social state of man». Если Бланки также придавал огромное значение просвещению масс и воспитанию нового человека, то он ставил эту проблему перед обществом после социалистической революции, при диктатуре пролетариата, тогда как Оуэн носился со своими воспитательными планами и хотел приступить к их реализации в условиях капиталистической системы. Оуэн доказывал, что принципы его воспитания «безвредны» для капиталистов. Тем самым он доказывал, что они бесполезны для пролетариата, для дела его действительного освобождения.

Основная ошибка Оуэна, как и других утопистов, состояла, как известно, в том, что они отрицали классовую борьбу пролетариата и не понимали, что только на бушующих волнах классовой борьбы пролетариата их утопии могли бы приплыть к берегам действительности. Но ошибка их была не только в том, что они не увязали социализма с классовой борьбой пролетариата, но и в том, что неправильно понимали самое существо социализма в одном из решающих пунктов. Например, Роберт Оуэн допускал, что социализм, начинающийся мелкими ручейками добровольных объединений, может победить капитализм на основе формального равенства в конкурентной борьбе. В сущности мы имеем здесь перед собой концепцию, в основе которой лежит аналогия с первыми шагами капиталистического развития в окружении докапиталистических форм. В основе же этой аналогии лежит как раз полное непонимание исторических особенностей капитализма и социализма. Капиталистическая мануфактура, а тем более капиталистическая машинная фабрика могла быть ремеслом в свободной конкурентной борьбе, если можно так выразиться, в рассыпном строю и без радикального изменения политической системы. Между тем социализм может развить свои преимущества перед капитализмом, лишь противопоставляя ему научную и плановую организацию хозяйства по всей линии крупного производства вообще. Это замечание еще пригодится нам ниже, при анализе советской экономики. Здесь же надо только отметить, что надежда Оуэна на победу нового общества над старым, путем успешного развития мелких ассоциаций типа коммун, связана с непониманием не только политических предпосылок победы социализма, но и технико-экономических предпосылок. Ниже мы увидим, что утописты и II Интернационал повторяют, но только с известной модификацией, основную ошибку утопистов (разумеется, с точки зрения стратегии капитала это отнюдь не является ошибкой).

Все практические попытки Оуэна начать, в обход революции, реформирование капиталистического общества кончились, как известно, полной неудачей: и его рабочая биржа, и Новая Гармония и т. д. Но было одно исключение. Как раз на участке обмена Оуэн имел из-

вестный успех, успех не в смысле реформирования капитализма в социалистическом духе, а в смысле рационализации капиталистического обмена и сокращения (хотя и крайне скромного) издержек обращения для потребителей. Но это доказывало лишь, что если система капиталистического обмена поддается небольшой рационализации и принимает кооперативную поправку, то система капиталистического производства отвергает всякие коррективы и может быть рационализирована лишь путем пролетарской революции и организации государственного хозяйства пролетариата. И если кооперация сыграла огромную роль для рациональной организации обмена при диктатуре пролетариата и при социалистическом строительстве хозяйства, как сыграл эту роль и при трансформировании мелкого производства государственным хозяйством, то все это будет достигнуто не благодаря Оуэновским методам, а несмотря на его ошибку в основном вопросе строительства социализма.

Взгляды Оуэна интересны для нас теперь также и потому, что его с не меньшим, а я думаю с гораздо большим правом, чем Морриса и Рескина, можно считать отцом гильдейского социализма в Англии. *Generale Union classes of the production* Оуэна был предтечей гильдейской лиги строителей Англии. Его взгляды на организацию производства, распределение, самоуправление очень близки гильдейским социалистам. Есть между ними сходство и в основном, что касается пути выхода из капитализма: и здесь, и там это достигается в обход единственно историей данного пути,—в обход диктатуры пролетариата.

Заканчивая с утопистами, я хочу привести пару строк из Маркса и Энгельса, в которых последние давали характеристику утопистам и их эпигонам.

В «Коммунистическом манифесте» читаем: «Значение критически утопического социализма и коммунизма стоит в обратном отношении к историческому развитию... Если основатели этих систем были во многих отношениях революционерами, то их ученики образуют всегда реакционные секты. Они неизменно держатся образа мыслей своих учителей, игнорируя весь дальнейший ход развития пролетариата» («Коммун. манифест», под ред. Рязанова, 3-е изд., стр. 100).

А в предисловии к «Крестьянской войне в Германии» Энгельс говорит: «Немецкий теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-Симона, Фурье и Оуэна, трех людей, принадлежавших, при всей фантастичности и утопизме их учений, к наиболее выдающимся умам всех времен, гениально предвидевших и предвосхитивших множество вещей, правильность которых мы теперь доказываем научно» (русс. перевод Котляра, Госиздат, Петроград, стр. 23).

КОММУНИСТЫ.

Огюст Бланки.

Бланки с полным правом может быть отнесен в нашем историческом очерке к коммунистам. Но если мы его ставим в рассматриваемом вопросе в один ряд с Марксом и Энгельсом, то это ни в малейшей мере не относится ко всем другим областям его взглядов, ни к его тактическим методам. Небольшие статьи Бланки, посвященные социальным и экономическим вопросам, представляют из себя нечто до крайности жалкое и убогое в сравнении с работами основателей научного коммунизма. В этих работах, собранных в двух томиках под заголовком «*Critique sociale*», Paris 1885 г., Бланки касается ряда экономических проблем, но подходит к ним, как революционно-демократический публицист, подходит крайне поверхностно, говорит массу наивностей, и лишь кое-где его выручает социалистический инстинкт. Вообще Бланки не был литератором, он был человеком непосредственного дела. В сравнении с его жизнью, полной героизма и эпической красоты, в сравнении с его борьбой за диктатуру пролетариата,—печатные листки большинства его литературных произведений кажутся каким-то случайным недоразумением. Но здесь есть одно серьезнейшее исключение. Литературная работа, о которой я говорю, составляет такое исключение именно потому, что касается как раз той области, где Бланки был велик, касается революции и диктатуры пролетариата. Среди ряда статей, трактующих различные социально-экономические темы поверхностно и дилетантски, заблудилась замечательная работа, написанная Бланки в 1869—70 г.г., называемая «*Le communisme, l'avenir de la société*». В этой замечательной статье или брошюре Бланки, с одной стороны, резко выступает против социалистов-утопистов, особенно против сен-симонистов и фурьеристов, вскрывая их контр-революционную позицию в реальной политической борьбе рабочего класса; с другой стороны, он развивает свои взгляды насчет задач революционного пролетариата на другой день после переворота.

В своем отращивании к социалистическим утопиям Бланки сходится с теоретиками научного коммунизма ¹⁾. Утописты довольно обстоятельно расписывали прелести будущего общества, но отрекались от классовой борьбы пролетариата, т. е. отрекались от единственного реального пути, который ведет к преодолению капиталистических отношений и к постройке нового общества. Наоборот, Бланки центр тяжести переносит именно на эту проблему. Только ее он считает достойной обсуждения. Как мы увидим ниже, именно здесь лежит общий водораздел между различными социалистическими течениями и социалистическими теориями, с одной стороны, и между коммунизмом, с другой. Бессмысленно обсуждать вопрос о деталях в структуре буду-

1) „Коммунизм не утопия. Он продукт нормального развития и не состоит в родстве с тремя или четырьмя системами, выдуманными в готовом виде на фантазирующих мовгов“ („*Critique sociale*“, т. I, стр. 198).

щего общества, если обходится вопрос о революции, о диктатуре пролетариата, если обходится вопрос о тех неизбежных процессах, которые являются предпосылками для всякого социалистического строительства.

В статье «Секты и Революция», в связи с вопросом о возможности или, вернее, о невозможности дать заранее описание социалистического общества, Бланки пишет следующее: «Возможно ли построить теперь же, сразу здание, откуда будет изгнан капитал?»

Имеем ли мы план, материалы, все элементы этого драгоценного здания? Сектанты говорят да. Революционеры говорят нет, потому что гораздо лучше знают то будущее, которое принадлежит социализму» («Critique sociale», т. II, стр. 114).

«Сен-симонисты, фурьеристы сами осудили себя, благодаря своему узурпаторскому самомнению и бесплодности всех их произведений. Всякий социальный догматизм сам собой погибнет» (там же, стр. 115).

«Никто не знает, никто не обладает секретом будущего... Только революция, расчищая почву, прояснит горизонт, снимет с него постепенно вуаль, откроет путь или, верней, многочисленные тропы, которые поведут к новому обществу» (там же, стр. 116)¹⁾.

В этом пункте Бланки оказался величайшим реалистом. Стоит лишь вспомнить о тех тропинках и обходных дорогах, которыми мы идем к социализму в период так называемого нэпа. Но одну основную дорогу Бланки видел ясно и своротов с нее не признавал: эта дорога — диктатура пролетариата.

Посмотрим же, что писал Бланки в своей вышеупомянутой работе на интересующую нас тему.

Он заявляет категорически, что коммунизм является синонимом революции, он должен избегать утопических одеяний, он не должен отделять себя от политики, которая является его служанкой. На другой день после революции он находит необходимым провести немедленно следующие меры в области экономической:

1) Приказ всем руководителям промышленных и торговых предприятий, под страхом изгнания с территории, сохранить временно при существующем status quo данное положение, как в смысле персональном, так и вознаграждения. Уладить дело с этими руководителями должно государство. Смена управления там, где предприниматели будут изгнаны за отказ подчиниться распоряжению.

2) Созыв компетентных собраний (assemblées) для урегулирования вопроса о таможнях, о рудниках и больших промышленных компаниях, о кредите и о средствах обращения.

3) Собрание, с заданием набросать основы рабочих объединений. Этими распоряжениями предпринимателям удар со стороны капитала будет отражен. На первое время это самое главное. Рабочие смогут, однако, теперь ждать не на мостовой новых социальных меро-

¹⁾ Писано Бланки в 1866 г.

приятый («Le communisme, l'avenir de la société», «Critique sociale», t. I. p. 204—205).

В области финансов Бланки декретирует: «Аннулирование государственных долгов. Создание комиссии для решения вопроса о сберегательных кассах. Замена всех прямых и косвенных налогов единым прямым прогрессивным подоходным налогом и налогом на наследства». (Там же, стр. 206).

Из мероприятий, отнесенных Бланки в разряд политических и воспитательных, необходимо для полноты картины отметить: уничтожение армии и бюрократии. Немедленное увольнение всех чиновников высшего и среднего разрядов, с временным оставлением низших. Национализация всех имуществ церкви и конгрегаций. Уничтожение уложения о наказаниях, а также административного кодекса. Арбитраж в гражданских делах, третейский суд в уголовных. Всеобщее вооружение рабочих и республиканского населения. «Н и к а к о й свободы для врагов».

Таким же языком рабочей диктатуры говорит Бланки в вопросе об организации новой власти.

«Диктатура Парижа (Dictature parisienne).

Апелляция ко всеобщему голосованию в 1848 г. была сознательной изменой. Известно, что вследствие удушения прессы после 18 брюмера провинция сделалась добычей духовенства, чиновничества и аристократии. Требовать права голоса для такого населения, значит требовать этого права для его господ...

Обращение к «выборам на другой день» после революции может преследовать лишь две цели, одинаково преступных: либо вырвать вотум насилием, либо восстановить монархию. Могут сказать, что так рассуждают именно те, кто опирается на меньшинство и на насилие. Нет. Большинство, завоеванное террором или затыканием рта, является не большинством граждан, а стадом рабов. Это трибунал слепых, который семьдесят лет шел за одной из двух партий. Он сам должен будет следовать следующие семьдесят лет за противоположной партией. Так как эти партии не могли защищать перед судом истории (plaider) свое дело одновременно, они должны будут выступить с такой защитой своего дела одна после другой...» (стр. 207).

«В 1848 г. республиканцы, забыв о преследованиях их на протяжении 50 лет, согласились на полную и безусловную свободу для своих врагов. Это был торжественный и решающий момент. Он более не вернется. Победители, несмотря на долгие и жестокие обиды, проявили инициативу, подали пример.

Каков же был результат? Истребление...

В день, когда намордник (bâillon) спадет с уст пролетариата, он будет надет на уста капитала.

Один год диктатуры Парижа в 1848 г. сберег бы для Франции и для истории четверть столетия, которое подходит к концу. Если

теперь нужен будет не год, а десять лет диктатуры, никаких колебаний. В конце концов, правительство Парижа есть правительство всей страны, осуществляемое через страну, единственно законное правительство. Париж не является муниципальным городом, ограниченным своими местными интересами, он является истинным представительством нации» (стр. 207—208).

Главным препятствием для осуществления коммунизма после захвата власти пролетариатом Бланки считает невежество всего населения и в том числе недостаточные успехи просвещения среди пролетариата. Любопытно, что и главным препятствием для осуществления равенства в распределении Бланки считает недостаточное просвещение среди пролетариата. Вспоминая опыт 1848 г., Бланки пишет: «В 1848 г. большинство рабочих плохо приняло равенство в оплате, несомненно, трудно совместимое с недостаточными успехами образования» (там же, стр. 213).

Любопытны взгляды Бланки на крестьянский вопрос при диктатуре пролетариата. Он рекомендует величайшую осторожность по части внедрения коллективизма в деревне, которая живет в несравненно большей темноте и невежестве, чем город. Бланки не считает безнадежным доказать крестьянам, что коммунизм есть для них «угроза, а надежда».

«Если,—говорит он,—политическая ассоциация на территории Франции уже существует, то почему не может возникнуть и экономическая ассоциация страны, как естественное дополнение первой?».

«Но нужно решительно заявить,—говорит Бланки,—что никто никогда не может быть принужден насильно присоединиться к своему участку к какой-либо ассоциации, а там, где это может иметь место, это должно быть всегда результатом вполне и безусловно добровольного решения» (стр. 210). Должно быть непременно объявлено, что конфискация крупного землевладения церкви и аристократии ни в коей мере не заденет интересов мелкой и средней собственности ¹⁾. «То, что нужно вымести железной метлой из страны, без колебания и без жалости, это аристократию и духовенство. К границе, марш!» (стр. 211).

Бланки отказывается отвечать на вопрос, через какой промежуток времени коммунизм может воцариться во Франции. Он снова подчеркивает, что главным препятствием является темнота и невежество всей страны, темнота, размеры которой недостаточно видны из такого освещенного пункта, каким является Париж. В этом вопросе, т.-е. в вопросе о роли просвещения и воспитания, Бланки, как видно из предыдущего, сходил с утопистами, но коренная разница в их взглядах состояла в том, что утописты считали возможным создание путем воспитания нового человека в старом обществе, тогда как Бланки считал необ-

¹⁾ Бланки — сторонник распределения земель по рабочей силе. «Труд,—говорит он,—дает право лишь на такой участок, который может быть обработан лишь самим владельцем» („Critique sociale“, p. 47, том II).

ходимым сначала опрокинуть старое общество, чтобы воспитать нового человека.

Перейдем теперь к оценке взглядов Бланки. Мы оставляем в стороне его экономическую публицистику. Мы оставляем без рассмотрения и его маленькие по размеру и энергичные статьи, написанные в 1870 г. и изданные в 1871 г. под заглавием «*La patrie en danger*». Эти статьи, показывающие, как ручей рабочего социализма, соединившийся во временный союз с патриотическим потоком, опрокинувшим монархию, примчал ладью социализма к Парижской Коммуне,—не представляют, однако, ничего особенно интересного для нашей темы. Мы не занимаемся здесь также историей вопроса о диктатуре пролетариата, как историко-политической проблемой. Нас интересует у Бланки идея диктатуры пролетариата и программа экономических мероприятий на другой день после захвата власти прежде всего потому, что он решительно порывает с утопическими представлениями о социализме и начинает с того звена, которое отсутствовало у великих утопистов первой половины XIX века, которое отсутствовало и отсутствует у жалких утопистов II Интернационала, которое налицо у Маркса и Энгельса, которое есть в программе и проведено в жизнь у большевиков. Идея диктатуры пролетариата, означавшая в переводе на язык тогдашней Франции, диктатура рабочего Парижа над крестьянством и мещанством провинций, эта идея у Бланки есть исходный пункт всяких представлений о социализме (или коммунизме, в его терминологии). Связь конкретных представлений о социализме с идеей диктатуры пролетариата и гражданской войны—это есть самое существенное, что разделяет революционные и научно-коммунистические представления о социализме от социалистических, утопических и оппортунистических представлений о нем. При такой квалификации взглядов на социализм на одном полюсе оказываются сторонники диктатуры Бабеф, Маркс, Энгельс, Бланки и большевики (несмотря на огромное различие в теории), на другом—противники диктатуры и гражданской войны, т. е. утопический социализм, социалисты II Интернационала, все буржуазные мечтатели о социализме типа катедер-социалистов и т. д. Эта квалификация, верная под углом зрения общей истории мирового рабочего движения, оказывается верной и по линии того специального вопроса, которым мы занимаемся.

Первые годы и первые десятилетия практического строительства социализма протекают в условиях диктатуры пролетариата. Это обстоятельство накладывает печать на всю обстановку, на все условия социалистического строительства. Какое огромное значение имеет этот факт для всей экономики строящегося социализма, это мы увидим ниже. Но даже и без детального анализа этого вопроса совершенно ясно, что структура нового общества в условиях диктатуры и структура его в условиях мирной эволюции от капитализма к социализму, как представляли и представляют себе дело великие утописты начала и маленькие утописты конца XIX столетия,—должны разниться кардинальным образом. Гениальный прогноз Маркса и Бланки

полностью оправдался, как на увертюре к пролетарской революции в Европе, на опыте Парижской Коммуны, так и на первой победоносной рабочей революции, на Октябрьской революции российского пролетариата и на дальнейшем строительстве социализма в СССР. Без идеи диктатуры пролетариата невозможен никакой действительно научный прогноз насчет структуры социалистической экономики в отношении наиболее интересного для нас периода, периода первых десятилетий строительства социализма. Гениальная концепция Бланки в вопросе о диктатуре сразу переносит проблему строительства нового общества с небес утопии и балагуриющего прожектерства на твердую почву исторической реальности. Это колоссальнейший шаг вперед в деле научного понимания того, что такое социализм, колоссальный шаг, который Бланки сделал, благодаря верному революционно-пролетарскому инстинкту и политической дальнорзости и несмотря на полное незнание с теорией марксизма. Наоборот, французский марксизм ухитрился, несмотря на знакомство с теорией Маркса, вытравить из идеологии партии идею диктатуры и в этом пункте представлял не шаг вперед от Бланки, а глубочайшую оппортунистическую реакцию против и Бланки и революционного марксизма. За идею диктатуры было заплачено рабочей кровью. И у Маркса и у Бланки она появляется впервые лишь после кровавого подавления парижского пролетариата в 1848 г. Представления о социализме были поставлены на реальный базис. А в следующую эпоху, эпоху приспособления социализма к капитализму, в эпоху II Интернационала из представлений о путях к новому обществу была выброшена идея диктатуры, после чего все рассуждения о будущем обществе приняли характер неопотизма.

Заканчивая с Бланки, мы должны попутно заметить, что пора уже реабилитировать его от ренегатской социал-демократической критики периода II Интернационала и поставить его в истории революционного рабочего движения на должное место. Пора также дать правильную оценку взаимоотношений бланкизма с марксизмом и тем установить прямое родство большевизма с бланкизмом, как с первым действительно-революционным движением авангарда пролетариата ¹⁾, ставившим перед собой завоевание диктатуры, как ближайшую практическую цель.

Заканчивая с Бланки, мы должны заметить, что идею диктатуры у него нельзя изучать без исторического анализа взглядов Бабефа, который «был одновременно последним якобинцем и первым представителем современного социализма». (А. Lévalis. «Auguste Blanqui», Paris, стр. 6).

¹⁾ Та оценка, которую давал бланкизму сам Маркс, существенным образом отличается от традиционной филистерской критики бланкизма представителями с.-д. оппортунизма.

Маркс и Энгельс.

В лице Маркса и Энгельса коммунизм в области теории проделал путь от утопии к науке. Основатели научного коммунизма с величайшей подозрительностью относились ко всему тому, что заставило бы их проделывать обратный путь от науки к утопии. Отсюда их величайшая осторожность при всяких формулировках, которые претендовали бы на описание конкретных сторон социалистического общества. В своем письме к Марксу от 28 мая 1876 г., Энгельс ядовито замечает по поводу Либкнехта, что последний стремится «восполнить пробел в нашей теории и иметь ответ на каждое филистерское возражение, а также картину будущего общества, потому что филистер всего этого требует». В этом пункте Маркс и Энгельс никогда не шли навстречу ¹⁾ обывательскому любопытству насчет будущего общества, поскольку удовлетворить это любопытство, не сходя с почвы науки, было невозможно. В этом пункте взгляды Бланки полностью совпадали со взглядами Маркса и Энгельса.

Но значит ли это, что у Маркса и Энгельса вообще нет абсолютно ничего относительно будущего общества значит ли это, что соответствующая часть нашей работы должна выглядеть, как лист неписанной бумаги, если мы не хотим заниматься сочинительством того, что Маркс и Энгельс не сочиняли?

Нет, дело обстоит не так и несколько сложнее. У Маркса и Энгельса мы не найдем никаких описаний и замечаний о будущем обществе, которые означали бы разрыв с наукой и апелляцию к утопии, но мы находим в их работах ряд таких замечаний о будущем обществе, которые они не только могли делать, не сходя с почвы науки, но и должны были делать как раз в интересах научного анализа капиталистического общества. За исключением соответствующих страниц из «Критики Готской программы» и некоторых замечаний по случайным поводам, огромное большинство мест из Маркса, касающихся отношений будущего общества, представляют из себя продолжение научного анализа капиталистической системы. И это вполне понятно. Не каждый коммунист может дать правильный теоретический анализ капиталистической системы в целом. Но тот, кто дает такой анализ, не может не быть коммунистом. «Капитал» мог написать только коммунист, потому что детальное выяснение капиталистической системы в целом неизбежно требует противопоставления капитализму той экономической формации, в которую капитализм с железной необходимостью переходит. Точно также и отдельные стороны капиталистического хозяйства делались отчетливо ясными Марксу в своем историческом своеобразии не только при противопоставлении докапиталистическим формам, но и при противопоставлении их отношениям социалистического или коммунистического общества.

¹⁾ Briefwechsel, т. IV, стр. 378.

Лишь продумав до конца вопрос о трансформации производственных отношений капитализма в более высокую форму, Маркс был в состоянии с такой классической ясностью и прозрачностью описать капитализм в его чистом виде, как законченную систему, взятую в целом и в условиях движения. Иногда, при описании капиталистических отношений и для большей отчетливости такого описания, для того, чтобы описываемая форма выделялась своими особенностями не только в рамке прошлого, но и будущего, Маркс бросал беглый взгляд в это будущее, помогая тем самым читателю понять лучше ту или другую особенность капитализма. Несомненно, Маркс в качестве научного прогноза и рабочей гипотезы имел в своей голове довольно законченное представление о социализме, по крайней мере в общих чертах. Но из этой картины в его работах мы находим либо отрывки, либо формулировки крайне общие, максимально алгебраические. Однако, если собрать все эти отрывки вместе, мы получаем гораздо больше того, что мы находим в сочинениях Маркса при беглом чтении, без специального изучения этого вопроса. Читатель в этом ниже убедится.

В противоположность великим утопистам 20—40-х годов и в противоположность жалким реакционным утопистам II Интернационала, Маркс и Энгельс (так же как и Бланки) мыслили себе выход из капиталистического общества лишь путем рабочей революции и диктатуры пролетариата. Следовательно, и их представления о социализме предполагали более или менее длительный период переходного состояния. В их представлениях о социализме не было того провала, который мы видим у утопистов, как бы малы численно и по размерам ни были их замечания на эту тему, и какой бы общий алгебраический характер они ни имели. Принципиальную важность такого взгляда на гибель капитализма и переход к новому обществу мы уже подчеркнули, когда говорили о Бланки. Именно здесь лежит водораздел между, с одной стороны, коммунистическими и, с другой стороны, социалистическими, в том числе социал-демократическими, представлениями о социализме.

История вопроса о диктатуре пролетариата не входит в нашу тему, а что касается, в частности, Маркса и Энгельса, то эти стороны их взглядов достаточно выяснены прежде всего в ряде работ Ленина. Нам предстоит здесь рассмотреть лишь их взгляды на структуру социалистического и коммунистического общества.

Маркс первый выдвинул мысль о том, что законченное коммунистическое общество необходимо отличать от переходных форм от капитализма к коммунизму. Мы не находим у него, правда, сколько-нибудь законченного изложения мысли насчет отличия социализма от коммунизма, но из ряда его формулировок видно, что он различал эти два этапа в развитии общества. Она различал их не только с той точки зрения, что при социализме существуют еще классы, а, следовательно, и государство, но и с точки зрения системы производства и распределения при социализме и при коммунизме. Мало этого. Мы находим у него еще и то, что можно было бы назвать переходными мерами от капитализма к социализму, а не к коммунизму.

Таковы, прежде всего, некоторые из программных пунктов «Коммунистического манифеста» и «Требований коммунистической партии в Германии» (документа, подписанного комитетом союза во главе с Марксом и Энгельсом). Из «Манифеста» необходимо вспомнить здесь следующие места. Авторы документа писали: «Пролетариат воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т.-е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата, и, по возможности, скорее увеличить массу производительных сил.

}

Конечно, сначала это может совершаться только путем деспотических вторжений в право собственности и в буржуазные условия производства, следовательно, путем мероприятий, которые, с экономической точки зрения, кажутся недостаточными и ненадежными, но которые в ходе движения перерастут самих себя и неизбежны, как средство для преобразования всего способа производства. Эти мероприятия будут, конечно, различны в различных странах». («Коммунистический Манифест» с введением и прим. Д. Рязанова, второе изд., Петроград, 1923 г., стр. 87). Из десяти требований, которые должен был, по мысли авторов «Манифеста», осуществить в первую голову победивший пролетариат, мы упоминаем лишь такие, которые идут дальше требований самой радикальной буржуазно-демократической революции. Это: 1) «Централизация кредита в руках государства посредством национального банка с государственным капиталом и исключительной монополией». 2) Кроме централизации транспорта, «увеличение числа государственных фабрик и орудий производства, возделывание и улучшение полей по общему плану». 3) «Одинаковая трудовая повинность для всех, учреждение промышленных армий, в особенности для земледелия». 4) «Соединение земледельческого труда с фабричным, постепенное уничтожение различий между городом и деревней». 5) «Общественное и даровое воспитание всех детей. Устранение фабричной работы детей в современной ее форме. Соединение воспитания с материальным производством и т. д.» (там же, стр. 88). В «Требованиях Коммунистической партии в Германии» есть другие вариации. Например, в § 7 национализируются, кроме имений государя и феодалов, также «все рудники, копи и т. д.», и «на этих землях ведется, в интересах всего общества, хозяйство в крупном масштабе и при помощи наиболее современных вспомогательных средств, даваемых наукой» (там же, стр. 331, в немецком издании Грюнберга, выпуск 5-й *Die Londoner Kommunistischer Zeitschrift*, стр. 91—92). Необходимо отметить еще в «требованиях» ¹⁾ равенство вознаграждения всех государственных чиновников, организацию национальных мастерских и го-

¹⁾ Интересно, что в первом наброске „Манифеста“, сделанном Энгельсом, т.-е. в „*Grundsätze des Kommunismus*“, этот пункт гласит так: „Постепенная экспроприация крупных землевладельцев, фабрикантов, владельцев ж. д. и пароходств, частью путем конкуренции с ними государственной промышленности, частью прямо, с вознаграждением их бумажными деньгами“. Moskau, 1918 г.

государственное обеспечение безработных и инвалидов труда. Чрезвычайно, наконец, любопытна мотивировка в § 10. Весь этот параграф гласит: «На место всех частных банков выступает государственный банк, бумаги которого имеют узаконенный курс».

Эта мера делает возможным регулирование всего кредитного дела в интересах всего народа и, таким образом, подрывает господство крупных собственников денег. Мало-по-малу, замещая золото и серебро бумажными деньгами, она удешевляет необходимое орудие буржуазного оборота, всеобщее средство обмена и позволяет использовать золото и серебро во внешних отношениях. Эта мера, в конце концов, необходима для того, чтобы прикончить к правительству интересы консервативных буржуа» (стр. 332).

Из всех процитированных мною и изложенных пунктов «Манифеста» и «Требований» совершенно очевидно, что, выражаясь на нашем жаргоне, Маркс и Энгельс советовали после завоевания пролетариатом власти начать с нэп'а весьма умеренного свойства гораздо более умеренного, чем наш теперешний нэп.

Пролетариат должен был начать лишь с этого, и только затем «постепенно отнять у буржуазии весь капитал» ¹⁾. Глубочайшая трезвость Маркса и Энгельса в этом пункте достаточно подтверждена нашим опытом, поскольку дело идет о нецелесообразности всеобщей национализации сразу, на другой день после захвата власти. Гениальная осторожность у них и в отношении к денежной системе: о быстрой ликвидации денег и о натурализации обмена нет ни слова, хотя вообще место насчет «консервативных буржуа» и кажется несколько наивным. Однако, ход событий, по крайней мере, российской революции поправил эту схему в другом отношении. Он показал, что пролетариат либо вообще не побеждает, и тогда он не в состоянии провести почти ни одного из требований «Манифеста», вплоть до просто радикально-демократических; либо он побеждает по всей линии и тогда он не может ограничиться теми размерами национализации которые очерчены в «Манифесте» и в «Требованиях».

После этого периода, после второго письма Ц. К. Союза Коммунистов к местным организациям в Германии, письма, замечательного прежде всего с политической точки зрения, у Маркса и Энгельса

¹⁾ Интересно вспомнить в связи с этим следующее место из статьи Энгельса против буржуазного радикала Гейнца, написанной в 1847 году.

„Все мероприятия с целью ограничения конкуренции, с целью ограничения скопления больших богатств в руках немногих, всякое ограничение или упразднение права наследства, всякая государственная организация работы — все эти мероприятия в качестве революционных мероприятий не только возможны, но и необходимы. Они возможны потому, что весь составивший пролетариат стоит за ними и вооруженной рукой охраняет их. Они возможны, несмотря на все выдвинутые против них экономистами затруднения. Все эти затруднения заставят только пролетариат идти все дальше и дальше до полного упразднения частной собственности. Пролетариат вынужден будет это сделать, чтобы не потерять снова того, что было им уже завоевано. Они возможны, как подготовительные мероприятия, как переходные промежуточные ступени к управлению частной собственностью, но только в качестве таковых“ („Коммунисты и К. Гейнц“. Опубликовано Л. Б. Рязановым в „Под знаменем Марксизма“, 1923 г. № 4—5, стр. 12).

мы находим снова места о будущем обществе и путях к нему, главным образом уже в последние полтора-два десятилетия жизни Маркса. Мы находим несколько мест в «Капитале», в «Переписке», в «Критике Готской программы», в «Анти-Дюринге» и в «Гражданской войне во Франции». Рассмотрим все, что мы можем найти в этих работах и что относится, главным образом, к организации хозяйства.

Начнем с общей характеристики переходного периода.

Наиболее часто цитировавшееся место Маркса из «Критики Готской программы» гласит: «Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного преобразования одного в другое. Ему соответствует и политический переходный период, во время которого государство не может быть ничем иным кроме революционной диктатуры пролетариата». (Критика Готской программы. Госиздат, 1923 г., стр. 69). Что же касается характеристики самого революционного процесса с политической точки зрения, то это не входит в нашу тему. Приведем лишь одно место из Энгельса, которое показывает, что он не имел никакого отношения к филистерским представлениям германской с.-д. о пролетарской революции.

«Большая ошибка немцев заключается в том, что они представляли себе революцию, как нечто такое, что может быть закончено за ночь. На самом деле она представляет длящийся многие годы процесс развития масс с ускоренным темпом движения. Всякая революция, которая была закончена за ночь, устраняла только уже заранее безнадежную реакцию (1830 г.), или же вела прямо к противоположному в сравнении с тем к чему стремились ее участники (1848 г. во Франции)». (Архив Маркса и Энгельса «Письма Ф. Энгельса к Э. Бернштейну», стр. 349).

Энгельс считал очень трудным ответить на вопрос, как конкретно сложатся условия в переходный период в сфере экономической, в сфере организации нового переходного общества. Он и другим не советовал давать дилетантские ответы на этот вопрос. Так в письме к Конраду Шмидту от 1 июня 1891 г.

«Ваш план:—переходные этапы к коммунистическому обществу—стоит того, чтобы над ним подумать. Но я вам посоветую выполнить его только в результате продолжительной работы (nunc prematur in annum). Это труднейший материал из всех существующих, потому что условия постоянно меняются. Каждый новый трест ¹⁾, например, изменяет их, и пункты для атак совершенно меняются даже в течение десятилетий». (Письма, перев. Адоратского, стр. 288).

Однако, сам Энгельс делал кое-какие замечания насчет будущего. Так, например, в одном из писем к Марксу, относящемся еще к 1851 г., он, размышляя о личном составе аппарата пролетарской власти после переворота, делал следующее предложение:

¹⁾ Хотят следует напомнить о замечательном прогнозе Энгельса насчет неизбежности мировой империалистической войны, сделанном в примечании ко 2-й части III тома „Капитала“ (стр. 28).

«Хорошо было-бы рекомендовать повсюду вести пропаганду среди приказчиков, конторщиков. На случай, если-бы пришлось организовать управление—подобного рода люди незаменимы. Они привыкли к усидчивой большой работе, к ведению книг, легко доступных обозрению. Коммерция — это незаменимая практическая школа для хороших канцеляристов. Наши юристы и т. д. для этого не годятся. Конторщики для ведения книг и отчетности, талантливые образованные люди для редактирования депеш, писем, документов—вот что нам надо. С шестью конторщиками и приказчиками я организую любую отрасль управления в тысячу раз проще, доступнее для обозрения и практичнее, чем с 60 статскими советниками и студентами юридического факультета. Эти последние не могут писать разборчиво и так запакостят книги, что ни один черт не поймет». (Там же, стр. 30).

К той же мысли Энгельс возвращается 40 лет позже, уже на склоне лет, когда перспектива перехода власти к пролетариату, по его мнению, была близка. Так, в письме к Бебелю от 24 октября 1891 г. он ставит вопрос о том, как отнесется техническая интеллигенция к пролетарской власти в случае—«преждевременного» перехода власти к пролетариату и предсказывает нечто вроде того саботажа, с которым мы имели дело в 1917 г. Вот, что он писал в этом письме:

«Для того, чтобы овладеть производительными силами и пустить их в ход, нам нужны технически подготовленные люди и множество таких людей. Таких людей у нас нет, мы даже до последнего времени радовались тому, что мы по большей части избавлены от так называемой «образованной» публики. Теперь другое дело. Теперь мы достаточно сильны, чтобы быть в состоянии переварить любое количество образованного тварога, и я предвижу, что в ближайшие 8—10 лет к нам примкнут достаточно молодых техников, врачей, юристов, учителей, чтобы организовать управление фабрик и крупных поместий руками партийных товарищей для нужд нации. Тогда взятие власти явится совершенно нормальным и произойдет относительно гладко. Но если мы придем к власти преждевременно, благодаря войне, то техники будут нашими принципиальными врагами и будут обманывать и предавать нас, как только могут; нам придется прибегать к устрашению их, и нас все-таки будут обманывать. Во французской революции это случалось в малом размере постоянно. Там им пришлось заполнять даже в общественной администрации второстепенные должности,—а на них, в сущности, и лежит действительная работа,—старыми реакционерами — и те мешали и парализовали все. Поэтому я надеюсь и желаю, чтобы наше развитие, совершающееся со спокойствием и неуклонностью естественного процесса, продолжало бы идти старым путем». (Там же, стр. 292).

Перейдем теперь к представлениям Маркса и Энгельса об экономике социалистического общества. Основная черта всех их экскурсий в эту область — это крайняя осторожность, крайняя общность формулировок. Из этих формулировок можно сделать вывод: чем меньше конкретности, тем долговечней то или другое положение. Мы в СССР уже имеем некоторый опыт социалистического строительства и на соб-

ственным опыте можем видеть, как правильны были все эти осторожные и общие формулировки, как долговечны, как мало пришлось бы брать назад из сказанного их авторам. Совсем иное дело с чисто конкретными предположениями. Пример у нас здесь же налицо,—приказчики Энгельса, с помощью которых он собирался пустить в ход машину нового государства.

Начнем с технической базы социалистической экономики. В первом томе «Капитала» Маркс заметил, что «экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда». (Капитал, т. I, стр. 156, пер. Степанова). Эта мысль, с одной стороны, является выводом из анализа техники различных экономических систем, а с другой стороны, уже а priori предполагает различие технической базы капитализма в сравнении с социалистической экономикой. Маркс, по всей вероятности, и был убежден в том, что основной технической базой капитализма являлось применение пара, тогда как характерной чертой техники социалистического общества будет электрификация. За это предположение говорит тот факт, что Маркс чрезвычайно интересовался всеми успехами только-что начинавшихся в его время опытов производственного использования электричества. В письме к Энгельсу от 5 мая 1851 г. он запрашивает своего друга насчет применения электричества к земледелию (повидимому, для ускорения прорастания семян и вегетации), о чем он прочитал в одном журнале и требует от Энгельса пояснений. Во время Лондонской выставки 1864 г. Маркс сильно заинтересовался успехами электротехники, а перед смертью, как заявил Энгельс, в речи при похоронах своего друга, Маркс весьма интересовался опытами Депрэ с передачей электрического тока на большие расстояния. Выводы из этих опытов сделал Энгельс, которому больше чем Марксу удалось проследить за успехами электротехники. В своем письме к Бернштейну от 27 февр. 1883 г. он писал на интересующую нас тему следующее:

«Новейшее открытие Депре, что электрические токи очень высокого напряжения со сравнительно слабой потерей силы, могут передаваться по простой телеграфной проволоке на неслыханные до сих пор расстояния и быть примененными на конечном пункте—дело это находится еще в зародыше — окончательно освобождает промышленность почти от всех местных границ, делает возможным употребление даже самых отдаленных водяных сил. И если даже вначале этим воспользуются только города, в конце-концов оно должно стать самым могущественным рычагом для уничтожения антагонизма между городом и деревней. Но что вместе с этим производительные силы примут такие размеры, при которых они перерастут руководство буржуазии, совершенно очевидно». (Архив, стр. 342).

В этой замечательной цитате мы находим две чрезвычайно важные и прямо пророческие мысли Энгельса. Во-первых, мысль о том, какую роль должна играть электрификация в деле преодоления противоположности между городом и деревней—вопрос, к которому мы еще вернемся не раз, в том числе при анализе взглядов Ленина на

социалистическую экономику. Во-вторых, мысль о том, что электрификация чисто технически разрывает оболочку капиталистической собственности и требует разрыва этой оболочки и социально, т. е. требует социализации производства. Как бы ни была высока приспособленность и гибкость капиталистической собственности в этом пункте, обнаруженная в последние два десятилетия, основная мысль Энгельса оказывается абсолютно верной¹⁾).

Разумеется, пролетариат, овладев властью, организует производство, используя ту технику, которую он получает от капитализма, и хронологически история социалистической экономики должна считаться с момента революции. Но по мысли Маркса (а также, как увидим ниже, и Ленина) социалистическое производство может выявить свои характерные черты в отличие от капиталистической экономики лишь тогда, когда оно будет в состоянии опереться на новую техническую базу.

Относительно организации производства в социалистическом обществе формулировки Маркса и Энгельса являются весьма алгебраическими, тем не менее они сохраняют все свое руководящее принципиальное значение, поскольку путем сравнения с капиталистической системой рельефно оттеняют своеобразные особенности социалистической структуры.

Мы начнем с обзора тех мест из Маркса и Энгельса, которые относятся непосредственно к производству, затем перейдем к местам, где проблема производства трактуется вместе с проблемой распределения, либо где дело идет только о распределении.

Вопрос о социалистической организации производства есть прежде всего вопрос о плановом хозяйстве, о формах организации планового хозяйства. Но вместе с тем это и вопрос о ликвидации товарного хозяйства, ликвидации стихийно регулирующего начала в нем — закона стоимости и о замене действия этого закона бухгалтерией общественного хозяйства. Противопоставление в самой общей форме анархического товарного производства плановому социалистическому производству мы находим у Маркса и Энгельса весьма часто в различных их работах. Мы приведем здесь только те места, относящиеся к этому вопросу, которые имеют более конкретный характер.

В «Антидюринге» Энгельс пишет: «Силы, проявляющиеся в обществе, действуют подобно силам природы: слепо, насильственно, разрушающе, пока мы их не знаем и не умеем учитывать их действие. Когда же мы начинаем познавать их, понимать их действие, их тенденцию и последствия их действия, тогда только от нас зависит подчинять их все более и более нашей воле и посредством их добиваться осуществления наших целей. В особенности это приложимо к мощным силам современного способа производства. Пока мы упрямо отказываемся от задачи постигнуть их природу и их свойства, — а против такого понимания протестует самый способ капиталистического про-

¹⁾ См., например, интересную работу нашего писателя и работника Госплана, Горена, об электрификации во Франции.

изводства и его защитники — до тех пор эти силы действуют помимо нас, против нас и господствуют над нами, как это мы обстоятельно доказали выше. Но с тех пор как их природа познана, в руках ассоциированных производителей они могут превратиться из демонов властителей в их послушных слуг... Когда мы сможем именно так управлять современными производительными силами, на основании знания их природы, тогда вместо анархии общественного производства выступит общественно-плановое регулирование производства, сообразно потребностям как всего общества, так и каждого в отдельности». («Herrn Eugen Dührings Umwälzung der Wissenschaft», Stuttgart, 1921, стр. 301). Дальше Энгельс говорит о новой форме распределения и о связи последнего с новым, т. е. плановым способом производства. Тот факт, между прочим, что Энгельс и в этом, и в ряде других мест говорит сразу и о ликвидации стихийности, и о плановом хозяйстве, и о способе распределения доказывает, что для него было в ту пору еще невозможно дифференцировать эти проблемы и более конкретно осветить каждую из них. О ликвидации закона стоимости, как регулятора производства, и о ненужности для социалистического общества прибегать к косвенному пути для определения количества общественно необходимого труда, требующегося для производства отдельных видов продуктов, Энгельс писал: «Общество может прямо рассчитать, какое количество рабочих часов заключается в паровой машине, в гектолитре пшеницы последнего урожая, в сотне квадратных метров материи определенного качества. Ему не может притти в голову количество труда, которое отложено (*niedergelegt*) в продуктах и которое оно знает полностью и прямым путем, выражать через весьма относительное, колеблющееся, недостаточное, хотя раньше необходимое, вспомогательное мерило, через исключительный продукт, вместо того, чтобы измерять его естественной, адекватной, абсолютной мерой — в р е м е н е м». («Антидюринг», нем. изд., стр. 335). (Кстати, в возмутительнейшем русском переводе «Анти-Дюринга» («Московский Рабочий», 1922 г.) вместо последней мысли фигурирует нечто, как раз обратное, стр. 175).

Останавливаясь на том же вопросе и противопоставляя стихийному регулированию всех процессов товарного хозяйства сознательное регулирование планового социалистического хозяйства, с присущей ему ясностью внутрипроизводственных отношений, Маркс в I томе «Капитала» писал следующее:

«Весь продукт отсюда свободных производителей есть общественный продукт. Часть этого продукта в свою очередь служит средствами производства. Но другая часть потребляется определенными членами союза, как средства существования. Следовательно, она должна быть распределена между ними. Способ этого распределения будет изменяться соответственно характеру самого общественно-производственного организма и степени исторического развития производителей. Лишь для того, чтобы провести параллель с товар-

ным производством мы предположим, что доля каждого производителя в средствах существования определяется его рабочим временем. При этом условии рабочее время играло бы двойную роль. Его общественно - планомерное распределение устанавливает надлежащее отношение между различными трудовыми функциями и различными потребностями. С другой стороны, рабочее время служит вместе с тем мерой индивидуального участия производителей в совокупном труде, а, следовательно, и в индивидуально потребляемой части всего продукта. Общественные отношения людей к их работам и продуктам их труда остаются здесь прозрачно ясными, как в производстве, так и в распределении». (Маркс, «Капитал», пер. Степанова, стр. 47. «Kapital», т. I, 5-е немецкое издание, Гамбург, стр. 45).

Что касается организации планового хозяйства, то конкретно на эту тему мы ничего не находим у Маркса и Энгельса, кроме интересных двух мест из «Капитала»:

«Ведение книг, как средство контроля и идеального объединения всего процесса, ставится тем необходимее, чем более процесс расширяется до общественных размеров и чем более он утрачивает чисто индивидуальный характер. Таким образом, ведение книг более необходимо при капиталистическом производстве, чем при раздробленном ремесленном и крестьянском производстве, оно более необходимо при коллективном производстве, чем при капиталистическом. Но издержки по ведению книг сокращаются с концентрацией производства, и сокращаются тем больше, чем больше оно превращается в общественное счетоводство» («Капитал», т. II, стр. 111).

«По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства, определение стоимости ¹⁾ попрежнему продолжает господствовать, в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными отраслями производства, наконец, охватывающая все это бухгалтерия становятся важнее, чем когда бы то ни было» («Капитал», т. III, часть 2, стр. 389).

В третьем томе «Капитала», мы находим также интересное место о роли кредитной системы в переходный период от капитализма к социализму. Марксу была ясна роль этого «мощного рычага» в деле подхода к плановому хозяйству, но он тут же предупреждает от ошибочной мысли насчет того, что кредитная система в дальнейшем может существовать и при полной победе социалистического производства.

«Не подлежит, наконец, никакому сомнению, что кредитная система послужит мощным рычагом во время перехода от капиталистического способа производства к способу производства ассоциированного труда,—однако, лишь, как один из элементов в связи с дру-

¹⁾ Совершенно ясно, что здесь идет о стоимости в широм смысле слова.

гими великими органическими переворотами в самом способе производства. Напротив, иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела, в социалистическом смысле, вытекают из полного непонимания капиталистического способа производства и кредитного дела, как одной из его форм. Раз средства производства перестали превращаться в капитал (что подразумевает также уничтожение частной земельной собственности), кредит, как таковой, не имеет уже никакого смысла,—это и поняли, впрочем, даже сен-симонисты». («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 148) ¹⁾.

Выше мы видели, что Маркс предсказывал для будущего общества огромный рост значения общественного счетоводства, при чем концентрация и рационализация всего производства могут и не привести к росту затрат на этот аппарат, заменяющий капиталистический рынок. (Нельзя сказать, чтобы в период военного коммунизма мы организовали бухгалтерию государственного хозяйства в этом отношении «по Марксу»). С другой стороны, он в «Капитале» и Энгельс в «Антидюринге» указывали на то, что система капиталистического надзора за трудом является ненужной в социалистическом обществе, поскольку дело идет о надзоре класса за классом, а не технического руководителя за исполнителями». «Этот труд главного надзора необходим при всех способах производства, основанных на противоположности между рабочим, как непосредственным производителем, и собственником средств производства. Чем больше эта противоположность, тем больше роль этого верховного надзора за рабочими. Поэтому своего максимума она достигает в системе рабства. Но он необходим и при капиталистическом способе производства, так как здесь процесс производства есть одновременно и процесс потребления рабочей силы капиталистом. Совершенно так же, как в деспотических государствах, труд верховного надзора и всестороннего вмешательства правительства охватывает обе стороны: и исполнение общих дел, вытекающих из природы всякого общества, и специфические функции, вытекающие из противоположности между правительством и массой народа» (Капитал», т. III, ч. 1, стр. 370; см. об этом также в том же томе, стр. 373).

Говоря в другом месте о настойчивом стремлении капиталистов во что бы то ни стало экономить на средствах производства, что заставляет их приспособить к этой задаче организацию труда, Маркс писал:

«Задача состоит в том, чтобы ничто не расточалось и не пропало даром, чтобы средства производства расходовались лишь настолько, насколько этого требует само производство. Достигается это

¹⁾ Очень важно и место в „Капитале“ страницей выше, кончающееся строками: „...банки и кредит становятся водно и то же время самым сильным из средств, выводящих капиталистическое производство за его собственные пределы и одним из самых могучих очагов кризисов и спекуляций“ (стр. 147—148). См. также о роли кредитной системы при переходе к социализму в открытом письме К. Маркса о Прудоне (Socialdemocrat“, 1865 г.).

частью при помощи дрессировки и обучения рабочих, частью при помощи дисциплины, которой капиталист подчиняет комбинированных рабочих и которая становится излишней в таком общественном строе, где рабочие трудятся за свой собственный счет, как она уже теперь становится почти совершенно излишней при поштучной плате». («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 58; см. об этом там же стр. 60).

При производственных отношениях социалистического общества капиталистическая дисциплина со всем штатом надсмотрщиков класса эксплуататоров отпадает. Эти, как и другие непроизводительные расходы общества, вызывавшиеся необходимостью поддерживать самую систему капиталистической эксплуатации, отпадают, как издержки управления, не относящиеся к производству. «Эта доля будет с самого начала весьма значительно урезана в сравнении с теперешним обществом и будет уменьшаться в той мере, в какой будет развиваться новое общество» (К. Маркс. «Критика Готской программы», Госиздат, 1923 г., стр. 52).

«Но главные массы непроизводительно растрчиваемых при капитализме сил и средств связаны с анархичностью его структуры, с протекающими отсюда кризисами, с методом распределения через торговлю, с тем фактом, что величайшая экономия для отдельного капиталиста оказывается бесполезной растратой с точки зрения общества. Наконец, «капиталистическое производство, несмотря на все свое скопидомство, несомненно, расточительно в обращении с человеческим материалом»... («Капитал», т. III, ч. 1, стр. 62).

Так, описывая капитализм, Маркс или прямо или косвенно освещал отдельные стороны того способа производства, который сменяет этот капитализм. Если не всегда можно ответить на основе этого описания, что будет в будущем вместо того или иного капиталистического института, зато, на основе анализа только одного капиталистического производства можно всегда почти сказать, какие стороны системы особенно характерны для капитализма и должны рухнуть вместе с ним, какие допускают известную трансформацию в переходный период.

Маркс и Энгельс неоднократно останавливались на вопросе о необходимости прибавочного труда в будущем обществе, и о необходимости расширенного воспроизводства, или выражаясь в терминах эпохи капитализма, на необходимости накопления.

В третьем томе «Капитала» Маркс писал на эту тему следующее:

«Прибавочный труд вообще, как труд сверх данного количества потребностей, всегда будет существовать. Но при капиталистической, как и при рабской системе и т. д., он имеет антагонистическую форму и дополняется полнейшей праздностью известной части общества. Определенное количество прибавочного труда требуется и в качестве страхования против случайностей, вследствие необходимого, соответствующего развитию потребностей и прогрессу населения, постоянного расширения процесса воспроизводства, что с капиталистической точки зрения называется накоплением» («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 356).

Ниже в том же томе, Маркс снова возвращается к этому вопросу и пишет: «Но постоянный капитал, который..... не представляет продукта вновь присоединенного труда, хотя этот продукт невозможно было бы произвести без него, — этот постоянный капитал подвергается во время процесса воспроизводства, в вещественном отношении, случайностям и опасностям, которые могут его уменьшить... Вследствие этого часть прибыли, следовательно, прибавочной стоимости, а потому и прибавочного продукта, в котором (если рассматривать его с точки зрения стоимости) получает свое выражение лишь вновь присоединенный труд, служит страховым фондом... Это — единственная часть дохода, которая не потребляется как доход и не служит непременно фондом накопления. Служит ли она фактически фондом накопления, или лишь покрывает недочеты воспроизводства, это зависит от случая. Это также единственная часть прибавочной стоимости и прибавочного продукта, а, следовательно, и прибавочного труда, которая на ряду с частью, служащей для накопления, следовательно, для расширения процесса воспроизводства, должна сохраниться и по уничтожению капиталистического способа производства» («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 385, курсив мой. Е. П.).

Итак, по Марксу, прибавочный продукт необходим и в социалистическом обществе: 1) для расширенного воспроизводства или, оставая старым термином, для накопления; 2) для создания страхового фонда. Расширенное же производство или накопление необходимо вследствие прогресса населения и роста потребностей. Что же касается страхового фонда, то он нужен для восполнения постоянного капитала и действия случайностей, «которые могут его уменьшить». Если же уменьшение этого капитала произошло в огромном размере при переходе от капитализма к диктатуре пролетариата, если для строящегося социалистического общества необходимо начать переход на иную техническую базу с самого первого периода его существования, то дело будет уже идти не о прибавочном продукте и накоплении в нормальных условиях функционирования социалистического производства, а о прибавочном продукте и о предварительном накоплении, которое делает возможным само это социалистическое производство. Отсюда с неизбежностью мы приходим к проблеме предварительного социалистического накопления, о котором более подробно будет сказано в другой главе этой работы.

Полемизируя с Дюрингом, Энгельс также доказывал нелепость такой системы распределения в будущем обществе, которая игнорирует «самую важную прогрессивную функцию общества — накопление» («Антидюринг», немец. изд., стр. 338).

Что касается производительной способности нового общества в сравнении с капиталистическим, то об этом мы находим следующее весьма интересное место в письме Энгельса к Ланге от 23 марта 1866 г.

«Вы сами ставите вопрос, каким образом, можно согласовать возрастание населения с возрастанием средств существования. Но, кроме одной фразы в предисловии, я не нашел ни одной попытки разрешения этого вопроса. Мы исходили из того, что те же самые силы, которые создали современное буржуазное общество, — паровая машина, современное машинное производство, массовая колонизация, железные дороги и пароходы, мировая торговля, — и которые теперь работают уже над его разрушением (*Zerrütung*) и над его окончательным уничтожением, благодаря непрерывно повторяющимся торговым кризисам, — что эти средства производства и сообщения будут также вполне достаточны для того, чтобы в течение короткого времени превратить все соотношение в противоположное (*das Verhältniss umzukehren*) и поднять настолько производительную силу каждого отдельного человека, что он сможет производить достаточное количество для потребления двух, трех, четырех, пяти, шести человек; что современная городская промышленность сможет теперь выделить достаточно сил, являющихся для нее лишними для того, чтобы применить к сельскому хозяйству совсем иные силы, чем это было до сих пор; что теперь можно приступить к применению в сельском хозяйстве новейших научных открытий и применить их в крупных размерах и с той же последовательностью, как и в промышленности; что эксплуатацию областей юго-восточной Европы и Западной Америки, удобренных самой природой и по плодородию неисчерпаемых, можно теперь производить в грандиозном размере, совсем иначе сравнительно с тем, как это делалось до сих пор. Если все эти области будут перепаханы и будут приближаться к недороде, то будет достаточно времени предупредить об опасности» («Письма», пер. Адоратского. Издат. «Моск. Рабочий», стр. 119).

Перейдем теперь к проблеме распределения в будущем обществе. Интересно отметить здесь, что если по отношению к системе производства мы почти не находим в вышеприведенных местах из Маркса и Энгельса отдельных формулировок, характеризующих, с одной стороны, отношения социалистического, с другой стороны, отношения коммунистического общества, то наоборот, в связи с проблемой распределения различие между социализмом и коммунизмом проводится у них более отчетливо. При обсуждении именно этой проблемы и у Маркса (в «Критике Готской программы») и у Энгельса (письмо к Конраду Шмиду от 5 авг. 1830 г., см. ниже), мы находим более отчетливые формулировки самой идеи переходного периода, а также мысль об эволюции самого социалистического способа производства. Это отчасти объясняется вероятно тем, что все представления о будущем обществе, выраставшие в кругах вульгарного мелкобуржуазного социализма, главным образом, выдвигали проблему распределения и заставили Маркса и Энгельса более точный ответ дать именно на этот вопрос.

Марксу и Энгельсу прежде всего пришлось позаботиться о том, чтобы самый вопрос о распределении в будущем обществе был правильно поставлен, и чтобы распределение не отрывалось от системы про-

изводства данного общества, чтобы оно рассматривалось в тесной связи с проблемой производства.

Рассматривая этот вопрос в «Критике Готской программы», Маркс писал:

«Всякий раздел средств потребления есть только результат данного раздела самих средств производства. Последний же обуславливает характер данного способа производства. Так, капиталистический способ производства зиждется на том, что вещественные условия производства находятся в руках не рабочих, тогда как масса является собственником только личного условия производства — рабочей силы. Раз элементы производства распределены, таким образом, то нынешнее распределение средств вытекает из него само собою. Если вещественные условия производства будут составлять товарищескую собственность самих рабочих, то точно также получится само собою отличное от нынешнего распределение средств потребления. Вульгарный социализм (а от него, в свою очередь, часть демократии) перенял от буржуазных экономистов манеру рассматривать распределение, как нечто независимое от способа производства, потому он изображает социализм, вращающимся, главным образом, вокруг распределения. После того, как действительное отношение достаточно выяснено, к чему снова возвращаться вспять?» (цитирую по вышеуказанному изданию Госиздата, стр. 57).

Продолжая эту мысль, Маркс в той же работе говорит:

«Представление о социалистическом обществе, как царстве равенства, есть одностороннее французское представление, примыкающее к старому девизу: «свобода, равенство, братство»; это представление имело в свое время и на своем месте оправдание, как ступень развития, но теперь должно быть преодолено, как и все односторонности прежних социалистических школ, так как вызывает только путаницу в умах и так как найдены более точные представления о деле» (там же, стр. 90).

Энгельс останавливается на том же вопросе в нижеприводимом письме к К. Шмидту, но затрагивает его с другой стороны.

Для него является бесспорным положение, что система распределения определяется системой производства. Но он высказывает еще и другую мысль, а именно, что даже при раз данной системе производства, способы распределения могут меняться в зависимости от количества продуктов, подлежащих распределению. Иными словами, если производство организовано на социалистических началах, то методы распределения при недостатке тех или иных продуктов и при необходимости регламентации будут иными, чем в том же обществе, когда избыток продукции будет делать такую регламентацию излишней. Вот, что писал Энгельс.

«Вот тоже в «Volkstribune» появилось обсуждение вопроса о распределении продукта в будущем обществе, будет ли оно происходить соответственно количеству труда или иначе. К вопросу подходили очень материалистично, в противоположность известным идеалисти-

ческим формам о справедливости. Но удивительно, как это никому не пришло в голову, что способ распределения существенным образом зависит от количества вещей, подлежащих распределению, и что это количество, конечно, меняется вместе с прогрессом производства и общественной организации, а следовательно, и способ распределения может меняться. Но для всех участников обсуждения, повидимому, социалистическое общество представляется раз навсегда установленной, определенной, неизменной вещью, а не чем-то таким, что постоянно меняется и прогрессирует. Поэтому, согласно им, оно должно иметь раз навсегда установленный определенный способ распределения» («Письма», перев. Адоратского, стр. 274—275).

Ниже мы еще вернемся к этой и к другой глубокой мысли Энгельса об эволюции социалистического производства и распределения, и увидим, как блестяще подтвердились эти мысли на опыте нашего социалистического строительства. Теперь же посмотрим, как представляли себе основатели научного коммунизма систему распределения, освобожденную от типично капиталистических черт, т.-е. превращение прибавочной ценности в прибавочный продукт, а заработной платы—в средний рацион работника социалистического общества. Вот что писал об этом Маркс:

«Сведем заработную плату к ее общей основе, т.-е. к той части продукта собственного труда, которая входит в личное потребление рабочего; освободим эту долю от капиталистических ограничений и расширим размеры потребления до тех пределов, которые, с одной стороны, допускаются наличной производительной силой общества (т.-е. общественно производительной силой собственного труда, как действительно общественного), которых, с другой стороны, требуют полное развитие индивидуальности; сведем, далее, прибавочный труд и прибавочный продукт к тем размерам, которые при данных общественно-производительных условиях необходимы, с одной стороны, для образования страхового и резервного фонда, с другой стороны, для непрерывного расширения воспроизводства, согласно общественной потребности; присоединим, наконец, к необходимому и прибавочному труду то количество труда, которое работоспособные члены общества должны затратить в пользу еще или уже неработоспособных его членов. Производя эти операции, мы действительно устраним специфические капиталистические черты, как в заработной плате, так и в прибавочной стоимости, как в необходимом, так и в прибавочном труде,—и перед нами окажутся уже не те формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства» («Капитал», т. I, ч. IV, стр. 414—415).

Но наиболее полно о распределении в будущем обществе и о переходном периоде к коммунизму, Маркс высказался в «Критике Готской программы». Мы приведем поэтому полностью то место, которое относится к этому вопросу. Выписка будет очень длинной. Несмотря на это и несмотря на то, что это место не раз цитировалось в социалистической и коммунистической литературе, мы не можем удовлетвориться

здесь простым изложением Маркса. Я должен вообще здесь заметить, что считаю необходимым при изложении взглядов Маркса и Энгельса на социализм оперировать чаще подлинными цитатами из их произведений. Только подлинные цитаты, приведенные в некоторую систему, могут дать нам правильное представление об их взглядах на этот вопрос. С другой стороны, только при таком текстуальном изложении мы в состоянии, на основании нашего опыта социалистического строительства, оценить, насколько оказались верными их прогнозы. Теперь происходит в полном смысле слова историческая проверка этих прогнозов. В этом случае необходима величайшая осторожность, всякое изложение не может не быть несколько субъективным и односторонним, и потому должно уступить свое место подлинным словам авторов.

Обратимся поэтому к тексту Маркса. В вышеназванной работе он писал следующее:

«Внутри товарищеского, основанного на общем владении средствами производства общества производители не обменивают своих продуктов; столь же мало употребленный на продукты труд является здесь как ценность этих продуктов, как вещественное свойство, которым они обладают. Ведь теперь — в противоположность капиталистическому обществу — индивидуальные труды становятся составными частями совокупного труда уже не окольным путем, а непосредственно. Таким образом, выражение «доход от труда», которое следует отвергнуть уже в виду его двусмысленности, теряет всякий смысл.

Здесь мы имеем дело с коммунистическим обществом не в том виде, в каком оно развилось на своей собственной основе, а, наоборот, в каком оно еще только выходит из капиталистического общества, — значит, еще покрытым во всех отношениях — экономическом, нравственном, умственном — родимыми пятнами старого общества, из лона которого оно выходит. Сообразно с этим отдельный производитель получает от общества обратно, за всеми вычетами, ровно столько, сколько отдает ему, а отдает оно ему свое индивидуальное количество работы. Так, общественный рабочий день представляет сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время отдельного производителя есть доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что отдал ему столько-то труда (за вычетом труда в пользу общественных фондов), и за эту квитанцию получает из общественных складов средства потребления в количестве, стоящем такого же количества труда. Сколько труда он отдал обществу в одной форме, столько же и получает обратно в другой.

Здесь, очевидно, господствует принцип, тождественный с тем, который регулирует товарный обмен, поскольку последний есть обмен равноценностей. Содержание и форма изменились, потому что при изменившихся обстоятельствах никто не может дать ничего кроме своего труда, а, с другой стороны, ничто не может перейти в собственность индивидуума, кроме индивидуальных средств потребления. Но что касается распределения их между отдельными производителями, то

здесь господствует тот же самый принцип, что и при обмене товарных эквивалентов; известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой.

Поэтому здесь равное право—все еще по своему принципу буржуазное право, хотя принцип и практика и не ссорятся более, тогда как при товарном обмене, обмен эквивалентов существует только в среднем, а не в каждом отдельном случае.

Несмотря на этот прогресс, равное право все еще заключено в буржуазные рамки. Право производителей пропорционально доставленному ими труду; равенство состоит в равенстве мерила — труда.

Но один человек превосходит другого физически или умственно, следовательно, доставляет за то же время больше труда или же может работать дольше; и труд, чтобы служить мерилom, должен определяться по протяженности или напряженности, иначе он перестал бы быть мерилom. Это равное право есть неравное право для неравного труда. Оно не признает никаких классовых различий, потому что каждый есть только рабочий, как и все прочие; но оно молча признает неравную индивидуальную одаренность и работоспособность за естественные привилегии. Поэтому оно по своему содержанию есть право неравенства, как и всякое право. По своей природе право может состоять только в применении общего мерила; но неравные индивиды (а они не были бы различными индивидами, если бы не были неравными) имеют общую мерку лишь постольку, поскольку их рассматривают под одним углом, понимают только с одной стороны,—в данном случае, например, только, как рабочих, и ничего больше, отвлекаясь от всего прочего. Далее, один рабочий женат, а другой нет, у одного больше детей чем у другого, и проч. Поэтому при равной работоспособности, а значит, и равном уделе в общественном потребительном фонде, один получает фактически больше другого, является богаче другого и проч. Для устранения этих зол право должно бы быть вместо равного, неравным.

Но этих зол нельзя избежать в первой фразе коммунистического общества, когда оно только-что вышло из капиталистического общества после долгих мук родов. Право никогда не может быть выше экономической формы и обусловленного ею культурного развития общества.

Лишь на высшей стадии коммунистического общества, лишь когда исчезнет холопская иерархия индивидов при разделении труда, а с нею и противоречие между умственным и физическим трудом; когда самый труд станет первой жизненной потребностью, а не только средством к жизни; когда вместе с всесторонним развитием личности вырастут и производительные силы, и все родники общественного богатства изобильно потекут, — лишь тогда узкий буржуазный правовой кругозор будет совершенно покинут, и общество напишет на своем знамени: «С каждого по его способностям, каждому по его потребностям» (стр. 53—56).

Нам в дальнейшем еще не раз придется останавливаться на этих замечательных страницах, дающих краткое, но классическое по ясности изложение коммунистических взглядов на будущее общество и его этапы. Нам придется говорить об этом месте Маркса и при анализе взглядов Ленина на социализм и, в частности, на вопрос о распределении, поскольку Ленин переводил на язык арифметики эти алгебраические формулы Маркса; придется говорить о нем и при рассмотрении проблемы ликвидации разрыва между наукой и физическим трудом и т. д. Пока же необходимо отметить следующее.

Мысль о том, что принцип равенства представляет из себя лишь реакцию против капиталистического или феодального неравенства и обеими ногами стоит на почве классового общества, появляется в системе марксовых взглядов отнюдь не с 70-х только годов. Это та мысль, которую Маркс развивал еще в самых первых своих коммунистических работах, начиная со «Святого Макса», т.-е. начиная с его критики Штирнеровского индивидуализма. Это доказывает всю глубину марксовой абстракции, доказывает, как глубокое и верное понимание существа классового общества и, в частности, капиталистического общества, уже дает возможность правильно уловить основные черты его антипода—коммунистического строя.

Во-вторых, необходимо отметить, что в цитированном месте Маркс говорит, с одной стороны, о «первой фазе коммунистического общества», с другой стороны, о его «высшей фазе». Он не употребляет здесь слово социализм в противопоставлении коммунизму. Но по смыслу этого места совершенно ясно, что «первая фаза коммунистического общества» — это тот самый период, который в другом месте Маркс называет «периодом революционного преобразования» капиталистического общества в коммунистическое, периодом, когда государство не может быть не чем иным, кроме революционной диктатуры пролетариата». Иными словами, «первая фаза» — это есть социализм, система общества, когда еще не ликвидировано классовое деление общества, хотя и ликвидированы в основном эксплуататорские классы, когда именно поэтому еще существует государство, когда и на системе распределения еще зияет «родимое пятно» капиталистического строя.

Чтобы закончить с распределением и перейти к вопросу о разделении труда, прежде всего к проблеме ликвидации отрыва науки от физической работы, мы приведем здесь одно место из «Антидюринга», которое одинаково относится и к вопросу о распределении и к последней, названной нами, теме.

Главу о простом и сложном труде Энгельс заканчивает следующими строками: «Как же разрешается теперь весь важный вопрос о более высоком вознаграждении за сложный труд? В обществе частных производителей издержки по подготовке обученных рабочих несут отдельные лица или их семейства; частным лицам поэтому поступает и более высокая плата за квалифицированный труд; как за более искусно работающего раба платят больше, так и квалифицированному рабочему платят дороже. Наоборот, в социалистически организованном

обществе упомянутые издержки несет общество, поэтому обществу же принадлежат и плоды, т.-е. большие ценности, произведенные квалифицированным трудом. Сам рабочий не может претендовать на дополнительное вознаграждение. Отсюда, кстати сказать, следует и тот вывод, что пресловутое право работника «на полный продукт труда» и с этой точки зрения хромает на обе ноги» (*manchmal seinen Hacken hat*). (Цитированное выше издание, стр. 213—214).

Это место из Энгельса имеет крайне важное принципиальное значение для правильной постановки вопроса об оплате квалифицированных рабочих и чернорабочих в нашей государственной промышленности. Более того, оно относится также и к проблеме оплаты красных рабочих инженеров, несмотря на все своеобразие условий, в которых протекает в крестьянской стране строительство социализма на первых этапах. Но обо всем этом у нас еще будет речь впереди.

Что же касается вопроса о ликвидации разрыва между наукой и физическим трудом, разрыва, который так характерен для всех эксплуататорских систем общества и который представляет из себя лишь один из видов господства человека над человеком, то над этой проблемой задумывались уже утописты. Но они не могли разорвать здесь с теми представлениями, которые навязывались им капиталистическими отношениями. У Кабэ, например, профессия ученых существует в обществе на ряду с профессиями портных, печатников, земледельцев и т. д., у Фурье «талант» имеет право на особое вознаграждение и т. д. Обособление умственного труда рассматривается еще как один из видов необходимого разделения труда в обществе, а не как монополия на образование, на науку, на техническое руководство производственным процессом в руках господствующих классов, монополия, представляющая из себя лишь другую сторону монополии собственности на орудия производства. Роскошные цветы наук и искусств Руссо еще заслоняют собой зверское лицо эксплуататорского класса, осуществляющего здесь в самой утонченной форме свое господство над трудящимися массами, которые обладают тоже монополией, но только монополией на физический труд и на подчинение образованным эксплуататорам. Наоборот, у Маркса и Энгельса мы находим до конца продуманную, с коммунистической точки зрения, постановку этого вопроса и совершенно точные формулировки самой проблемы.

Мы уже читали выше у Маркса строки о «холопской иерархии индивидов при разделении труда» и связанном с этим «противоречием между умственным и физическим трудом». Более подробно на этом пункте останавливается в «Антидюринге» Энгельс. В главе книги «Очерк теории» Энгельс указывает на связь между разделением труда и классовым делением общества. Он указывает на то, что это разделение труда и разделение на классы, имеющее свое историческое оправдание, связано с недостаточным развитием производительных сил и должно отпасть на более высокой ступени этого развития (стр. 303 и 304). Мы не будем здесь касаться вопроса о том, как надо понимать эти места «Антидюринга» в духе всех других работ Энгельса и Маркса.

Заметим только, что Энгельс говорит здесь, разумеется, не об уничтожении разделения труда в процессе производства, а об уничтожении закрепленного, окостеневшего разделения людей по профессиям в обществе, а также о разделении труда, связанном с разделением на классы. Развитие производительных сил в том смысле ликвидирует старое разделение труда, что оно, с одной стороны, благодаря новой системе образования — о чем ниже — делает возможным и легким переход от одной профессии к другой, а, с другой стороны, освобождая от труда большую часть дня работника, делает для него возможным овладение наукой. Когда прибавочного продукта в обществе было мало, а весь день работника был занят физическим трудом, то за счет этого прибавочного продукта могли получать образование лишь немногочисленные группы эксплуатирующих классов. Наоборот, социалистическое, а еще больше коммунистическое общество, обеспечивая полностью материально всех работников, всем им обеспечивает и большой досуг, а тем самым всем им обеспечивает в области науки и искусства то, что было закрепленной фактической монополией эксплуатирующего меньшинства. Эта монополия теперь, т.е. в новом обществе, не только не является неизбежной и нужной, а, наоборот, делается препятствием для более быстрого развития техники, науки, производительных сил и самих производителей. Новое общество, писал Энгельс, «будет иметь своей предпосылкой более высокую ступень развития производства, при которой присвоение отдельными классами средств производства, продуктов, а вместе с тем политического господства, монополии на образование и умственное руководство будет не только излишним, но сделается, наоборот, преградой для политического, экономического и интеллектуального развития» (там же, стр. 304)¹⁾. В том же «Антидюринге» и на ту же тему Энгельс писал еще следующее:

«Место теперешней должна занять такая организация производства, при которой, с одной стороны, никто не сваливает на другого своей обязанности участвовать в производительной работе, в этой естественной предпосылке человеческого существования, а с другой стороны, производительный труд из орудия порабощения превращается в средство освобождения человека, поскольку он дает возможность каждому развить и проявить на деле во всех направлениях всю сумму его физических и умственных способностей, и потому из страдания превращается в наслаждение» (там же, стр. 317).

На ту же тему и в том же «Антидюринге» Энгельс писал:

«С точки зрения социализма, стремящегося ликвидировать превращение рабочей силы в товар, имеет огромное значение то положение, что труд не имеет стоимости, не может ее иметь. Вместе с этим отпадают всякие попытки, которые Дюринг унаследовал от стихийного

¹⁾ Это относится также и к ликвидации неравенства между полами. Энгельс напоминает в Антидюринге о глубокой мысли Фурье, что степень эмансипации, которой достигает женщина в той или иной системе общества, служит мерилем его общей эмансипации (стр. 278).

рабочего социализма, регулировать распределение средств существования в будущем обществе, как своего рода более высокую заработную плату. Из этого же положения следует тот вывод, что над распределением, если его принципы определяются экономическими мотивами, должны господствовать интересы производства; для производства же будет наиболее выгоден такой способ распределения, который позволяет в сем членам общества возможно более всесторонне развить, сохранить и использовать их способности. Для господина Дюринга, унаследовавшего привычные представления образованных классов, должно, конечно, казаться чудовищным, что не будет существовать ни извозчиков, ни архитекторов по профессии, и что человек, который в течение полчасика давал указания в качестве архитектора, будет затем некоторое время управлять повозкой, пока ему не потребуются снова перейти к работе архитектора. Хорош социализм, который увековечивает работу извозчика в качестве профессии!» («Антидюринг», стр. 212—213).

Это замечательное место, где представление о будущем обществе в рассматриваемом нами пункте, увязано с основной идеей марксовой теории капитализма, с идеей ликвидации закона стоимости вместе с ликвидацией капитализма, представляет из себя яркую и точную принципиальную формулировку взглядов научного коммунизма на вопрос о ликвидации противоречий между наукой и трудом, на вопрос о ликвидации «холопской иерархии интеллигентов при разделении труда». Но здесь Энгельс дает характеристику положения в коммунистическом обществе. Для нас же представляет огромный и злободневный интерес и другой вопрос, вопрос о том переходном пути развития, который должен пройти социалистическое общество, чтобы достигнуть этого конечного пункта. В частности, нас интересует вопрос о том, почему на восьмом году пролетарской диктатуры, мы так мало продвинулись вперед в решении рассматриваемой проблемы. Известный ответ, мы можем получить из другого места у Энгельса, подходящего к той же проблеме, с другой стороны. Рассматривая вопрос о разделении на классы с точки зрения разделения труда в обществе и с точки зрения размеров прибавочного продукта, Энгельс говорит: «Заметим здесь, кстати, что все существовавшие до сих пор исторически противоречия между эксплуатирующими и эксплуатируемыми между господствующими и угнетенными классами, находят свое объяснение в той же относительно недостаточно развитой производительности человеческого труда. Поскольку действительно трудящееся население настолько поглощено своей необходимой работой, что у него не оставалось времени для участия в общественных делах общества—в руководстве трудом, в государственных делах, в суде, в искусстве, науке и т. д.—постольку должен был всегда существовать особый класс, который был свободен от настоящего труда и выполнял эти функции; при этом он никогда не упускал случая, защищая свои интересы, сваливать на трудящихся все большее и большее бремя труда. И только связанный с развитием крупной промышленности огромный рост производительных сил позволяет распределить труд между всеми членами общества без исключения, и

благодаря этому настолько сократить рабочий день каждого, что для всех остается достаточно времени, чтобы принять участие в выполнении общественных функций, как в сфере теоретической, так и практической деятельности. Только теперь, поэтому, всякий командующий и эксплуатирующий класс сделался лишним, более того, сделался преградой для общественного развития и только теперь он неумолимо будет устранен, хотя-бы вся «непосредственная власть» находилась еще в его руках». («Антадюринг», стр. 130—131).

Это место из Энгельса дает нам основной, принципиальный ключ для ответа на поставленный выше вопрос. Если у нас в СССР существует диктатура пролетариата и юридически «каждая кухарка может управлять государством», то фактически пролетариат вынужден разрешать свое классовое тело на части по профессиям и на профессию управления и руководства трудом выделять наиболее подготовленный для этого, более развитый и более культурный авангард, используя также при этом старую интеллигенцию. Материальная нужда и сравнительно длинный 8-часовой рабочий день, связанные с низким уровнем производительности труда, а также унаследованный от старого строя низкий культурный уровень не дают возможности быстро двинуться вперед в деле ликвидации естественно складывающейся, и на этом уровне объективно неизбежной «иерархии инвазидов». При таких условиях выделяемая пролетариатом и проходящая высшую школу рабочая интеллигенция, вместе со старыми руководящими кадрами, при отсутствии какой-либо формальной монополии на управление и руководство, неизбежно обособляется на основе разделения труда от рабочих у станка и все обратные переводы к станку, с одной стороны, и выдвижения новых групп рабочих в руководящий кадр, долго еще останутся слабым паллиативом. Лишь быстрый рост промышленности и быстрое увеличение производительности труда в ней, могут ускорить движение вперед по пути превращения производственно занятых рабочих в фактических руководителей государства и промышленности. Но к этому вопросу мы еще вернемся в главе о накоплении социалистической культуры и социалистических навыков к труду.

Мы не будем останавливаться на некоторых других местах из Маркса и Энгельса, на ту же тему. Эта мысль ясна. Будущее общество, ликвидируя всю систему эксплуатации, ликвидирует и противоречие между физическим трудом и наукой и тем самым ликвидирует и особую касту, особый цех деятелей науки. Каждый должен заниматься и физическим трудом и, в меру способностей и призвания, наукой. И каждый член общества, даже самый одаренный, должен знать, что ученым он может и не быть, а работником физического труда быть обязан.

В теснейшей связи с этой проблемой находятся взгляды Маркса на трудовое воспитание детей, на соединение при воспитании физического труда с обучением науке, взгляды, развитые как в «Капитале», так и в Программе I Интернационала. В виду того, что эта сторона взглядов Маркса достаточно пропагандировалась у нас в СССР и достаточно известна не только педагогическим кругам, я не буду на ней здесь

останавливаться. Суть взглядов Маркса на воспитание в связи с проблемой ликвидации противоречия между физическим и умственным трудом заключается в том, что участие детей в производительном труде наряду с изучением науки есть лишь обратная сторона обучения наукам всех работников производительного труда.

Вопросу о противоречии между городом и деревней все утописты, как мы видели, уделяли очень много внимания. Однако, их заслуга заключалась скорее в постановке этого вопроса и в выяснении причин и отрицательных последствий этого разрыва, чем в открытии путей к преодолению его. Маркс и Энгельс также уделяли этому вопросу много внимания. Заканчивая в I-м томе «Капитала» главу о машинах и крупной промышленности, Маркс, с одной стороны, указал на прогрессивную сторону этого процесса, который накапливает в растущих городах «силу исторического движения общества», а с другой стороны, подчеркнул его отрицательные стороны, в том числе тот факт, что развитие городов за счет деревни «препятствует обмену веществ между человеком и землей» и ведет к деградации сельского населения. В том-же «Капитале» Маркс дает яркую картину того отупения, к которому приводит, оторванная от земледелия, работа городского пролетария.

Энгельс в «Анди-Дюринге» также в нескольких местах касается этого вопроса. Он говорит о том, что «первое большое разделение труда, т.-е. разделение труда между городом и деревней приводит к разрыву самого человека. Жителя деревни это разделение лишает возможности умственного развития, а жителя города прикрепляет к однообразной работе, притупляет и лишает необходимых предпосылок для физического развития» (стр. 314).

Описав последствия концентрации промышленности в городах, Энгельс пишет: «Только уничтожение капиталистического характера современной крупной промышленности может прорвать этот заколдованный круг, ликвидировать это вновь и вновь возникающее противоречие. Только то общество, которое распределяет свои производительные силы по единому, строго продуманному общему плану, в состоянии осуществить такое размещение индустрии по стране, какое будет в наибольшей степени соответствовать, как ее собственному развитию, так и поддержанию, т.-е. развитию остальных элементов производства» (там-же, стр. 319). «Уничтожение противоречия между городом и деревней не только возможно, но оно стало прямой необходимостью для самого индустриального производства» (319—320)... «Уничтожение разрыва между городом и деревней не является, таким образом, утопией даже и с точки зрения возможно более равномерного распределения крупной промышленности по всей стране. Несомненно, цивилизация, в лице больших городов, оставила нам наследство, для ликвидации которого требуется много времени и усилий. Но это наследство должно быть и будет ликвидировано, хотя бы это и был весьма длительный процесс» (стр. 320).

Все эти положения Энгельса являются бесспорными для современного коммунизма, они вошли, в частности, и в программу РКП. Но один пункт мотивировки Энгельса является спорным. В числе прочих доказательств возможности рассеяния крупной промышленности по стране, он приводит тот факт, что «капиталистическая промышленность уже теперь сделалась относительно независимой от локальных границ места производства своего сырья» (стр. 320) и приводит пример текстильной, отчасти металлургической, промышленности с привозной рудой и т. д. Мне кажется, что первая задача научной социалистически-плановой организации производства в этом вопросе будет заключаться в возможном приближении промышленности к источникам сырья. И только под контролем этой задачи, и не для всех отраслей, можно будет ставить проблему равномерного распределения промышленности по стране. Энгельс смотрел на вопрос немного с английской или европейской точки зрения. Разумеется, если текстильное сырье везут в Англию с расстояния в 3.000 верст, то вопрос о том, будет-ли, при прочих равных условиях, текстильная фабрика на 50 верст ближе или дальше от источников сырья, не имеет существенного экономического значения. Но ведь при организации планового мирового социалистического хозяйства отнюдь необязательно исходить из сосредоточения промышленности в бывших капиталистических странах, как непреложного и не подлежащего изменению факта. Для мирового хозяйства самый вопрос стоит иначе. Дело здесь идет не о распределении по стране внутри высокопромышленных стран крупной индустрии, а о рассеянии высокопромышленных концентратов по всему миру. Если для будущего общества необязательно жить в тех городах, которые настроил капитализм, подчиняясь экономическим законам своего существования и развития, то для него столь-же необязательно поддерживать и сложившееся распределение промышленности между странами, которое также подвержено эволюции, как показал факт индустриализации колоний за время мировой войны. К этому вопросу мы еще вернемся в главе об экономике нашей промышленности, но уже не в общей постановке, а в связи с вопросом о наиболее целесообразном распределении государственной промышленности на территории СССР.

Перейдем теперь к вопросу об организации земледелия в социалистическом обществе и об отношении между социалистическим хозяйством и мелким крестьянским производством.

Маркс неоднократно подчеркивал, что капитализм ведет хищническую политику по отношению к земле. Он говорил, что «всякий прогресс в капиталистическом земледелии есть прогресс не только в искусстве подвергать рабочего ограблению, но вместе с тем в искусстве ограбления почвы, всякий прогресс во временном повышении ее плодородия есть в то-же время прогресс в разрушении постоянных источников этого плодородия» («Капитал», т. I, стр. 507).

В третьем томе «Капитала» он писал: «Совершенно консервативные агрокультур-химики, как наприм., Джонстон, признают, что дей-

ствительно рациональное земледелие на каждом шагу наталкивается на непреодолимые помехи, полагаемые частной собственностью... Но агрикультуре, которой приходится считаться, прежде всего, с совокупностью постоянных потребностей и сменяющихся человеческих поколений, противоречит и зависимость культуры особых земледельческих продуктов от колебания рыночных цен, и постоянное изменение этой культуры при таких колебаниях цен, и весь дух капиталистического производства, направленные на непосредственную, возможно быструю денежную выгоду» («Капитал», т. III, ч. 2, стр. 157-158, примечание).

Но общественный контроль над производством сырья и продуктов питания при капитализме невозможен.

«Всякая мысль о совместном, решительном и дальновидном контроле над производством сырого материала,—контроле, который в общем и целом совершенно несовместим с законами капиталистического производства и потому всегда остается платоническим благопожеланием или ограничивается исключительно совместными действиями капиталистов в моменты большой непосредственной опасности и беспомощности—уступает место вере, что предложение и спрос будут взаимно регулировать друг друга». («Капитал», т. III, ч. I стр. 96-97).

А отсюда, а также и по другим мотивам Маркс делает вывод о том, что при капитализме рационализация земледелия на основе использования всех данных науки и техники невозможна.

«Мораль истории, которую можно извлечь также из непосредственного исследования земледелия, заключается в том, что капиталистическая система противодействует рациональному земледелию, или, другими словами, рациональное земледелие несовместимо с капиталистической системой (хотя последняя и благоприятствует его техническому развитию) и требует или руки мелких самостоятельно работающих крестьян, или-же контроля ассоциированных производителей», («Капитал», т. III, ч. I, стр. 98).

Это знаменитое место из «Капитала» народники и оппортунисты всех стран не раз цитировали для доказательства того, что и Маркс считал невозможной полную победу крупного производства над мелким в земледелии и признавал возможность и экономическую целесообразность существования мелкого самостоятельного крестьянского хозяйства. На самом-же деле для всякого, кто знаком с основным ходом мысли Маркса, очевидно, что это место из Маркса есть аргумент не за мелкое крестьянское хозяйство, а против капитализма. К числу прочих аргументов против капитализма прибавляется добавочный аргумент против капитализма в земледелии и тем самым аргумент за социалистическую организацию последнего.

Что-же касается взаимоотношений между социалистическим производством и мелким крестьянским хозяйством после пролетарской революции, то в своей брошюре «Крестьянский вопрос во Франции и Германии» Энгельс писал: «Каково-же наше отношение к мелкому крестьянству? И как нам придется с ним поступать, когда государственная власть очутится в наших руках?»

Во-первых, безусловно правильно следующее положение французской программы: мы заранее предвидим неизбежную гибель мелкого крестьянина, но ни в коем случае не призваны ускорять ее каким-либо вмешательством с нашей стороны.

А во-вторых, точно также очевидно, что, обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насильно экспроприровать мелких крестьян (с вознаграждением или нет, это безразлично), как это мы вынуждены будем сделать с крупными землевладельцами. Наша задача по отношению к мелким крестьянам состоит прежде всего в том, чтобы их частное производство и частную собственность перевести в товарищескую, но не насильно, а посредством примера и предложения общественной помощи для этой цели. И тогда у нас, разумеется, будет достаточно средств, чтобы предоставить крестьянину все преимущества, которые и теперь уже должны быть ему раз'яснены». (Энгельс, «Крестьянский вопрос» под ред. Плеханова, Госиздат, Петроград, стр. 37). И далее, указав на неизбежность гибели самостоятельного крестьянского хозяйства при капитализме, Энгельс пишет: «Так теперь обстоит дело, и вот являемся мы и даем крестьянам возможность ввести самим крупное производство не за капиталистический, а за их собственный общий счет. Неужели нельзя дать понять крестьянам, что это в их собственных интересах, что это их единственное средство спасения?» (там же, стр. 38).

Энгельс писал эти строки, во-первых, до начала пролетарской революции, во-вторых, исходя прежде всего из положения пролетариата в индустриальных странах. Он не мог знать о массе новых до б а в о ч н ы х проблем, которые встают при решении крестьянского вопроса перед пролетариатом, осуществляющим диктатуру и социалистическое строительство в к р е с т ь я н с к о й, а не в промышленной стране. Но тем не менее общая принципиальная постановка Энгельса оправдалась полностью на опыте нашей революции и, как увидим ниже, Ленин часто ссылался на приведенный взгляд Энгельса для обоснования политики РКП по отношению к деревне.

Наше изложение взглядов Маркса и Энгельса на будущее общество слишком затянулось. Мы можем пока на этом кончить, чтобы ниже, однако, еще вернуться к некоторым местам из их работ. Мы познакомились здесь с коммунистическими взглядами на социализм Бланки и революционного марксизма. В дальнейшем мы проследим развитие этих взглядов у коммунистов другой эпохи, т.-е. у большевиков, как за время военного коммунизма, так и за период нэпа.

Но перед этим, следуя взятому нами хронологическому методу изложения, нам придется исследовать представления о социализме II Интернационала, различных ветвей синдикализма и немецкой литературы о социализме.

(Продолжение следует).

Е. Преображенский.

К ПРОБЛЕМЕ КВАЛИФИЦИРОВАННОГО ТРУДА.

(Квалифицированный труд в социалистическом обществе).

В настоящей статье мы думаем подойти к проблеме редукции квалифицированного труда с новой стороны. Принято думать, что в вопросе редукции теория Маркса не полна, ибо она только указывает, что эта редукция фактически совершается на рынке; она ограничивается только указанием, что такая редукция принципиально возможна, но она не дает законов такой редукции. Что такие законы существуют, на это указывает сам Маркс в «Zur Kritik der politischen Oekonomie». Очевидно также, что эти законы были ему уже известны, раз он о них упоминает. Этот видимый пробел теории Маркса не мог не привлечь внимания критиков; построенная поистине с железной логикой, монолитная теория Маркса является таким неблагоприятным объектом для всевозможной «критики», что, конечно, не приходится negliжировать подобными пробелами. То обстоятельство, что законы редукции легко могут быть выведены на основе того же учения Маркса—мало беспокоило критиков; для них было важно, что Маркс сам их не дал. Но вместе с тем и перед марксистами встала интересная задача: дать эти законы редукции, и тем заполнить этот пробел марксовой теории. Не то, чтобы отсутствие этих законов опрокидывало или подрывало всю теорию Маркса—об этом говорить не приходится; но если вообще учение Маркса правильно, то и этот, второстепенный по своему значению, вопрос должен же получить свое разрешение на основе марксовой теории. Отсюда целый ряд попыток дать разрешение проблемы редукции (теории редукции Бернштейна, Дейча, О. Бауэра, Гильфердинга); на этих теориях мы останавливались в своей работе «Квалифицированный труд и теория ценности Маркса», но должны были притти к выводу, что ни одну из них нельзя считать удовлетворительным разрешением этой проблемы.

В основном все они сводились к такого рода построению; однако, дадим слово т. Мотылеву, который очень хорошо сформулировал тот основной принцип, который лежит в основе всех этих наиболее распространенных теорий редукции; к ним не приходится, правда, относить теорию Гильфердинга, ибо она стоит несколько особняком.

«Относительно способов определения коэффициентов перевода (сложного труда к простому. В. П.),—говорит т. Мотылев—в марксистской политической экономии существует, однако, в настоящее время

ясная и определенная точка зрения, хотя в деталях еще имеются расхождения. Труд квалифицированный, как источник стоимости, тем отличается от труда неквалифицированного, что он есть труд обученного рабочего, в котором овеществлены трудовые издержки его производства, как квалифицированной рабочей силы, т.-е. рабочее время, потраченное как им, так и его учителями, на обучение его квалификации. Естественно, что он за равный промежуток времени производит большую стоимость, чем неквалифицированный рабочий, ибо в производимых им предметах воплощается не только рабочее время, непосредственно затраченное им на производство, но и некоторая часть трудовых издержек его производства, как квалифицированного рабочего. Все количество рабочего времени, затраченное им лично и его учителями на обучение его квалификации, переносится по частям в течение периода его работы, как квалифицированного рабочего, на производимые им предметы»¹⁾.

Сюда же надо включить также стоимость орудий и материалов обучения.

Надо сознаться, что, действительно, в основе большинства теорий редукции лежит именно такой ход рассуждений,—это отмечает и сам т. Мотылев; другой вопрос, насколько он правилен. В этом отношении нужно сказать, что он в одно и то же время и верен, и не верен. Во всяком случае нам кажется, что в основу редукции нужно положить нечто иное; а именно «и к этому вопросу нужно подходить с точки зрения общественного воспроизводства. Несомненно, что для обучения квалифицированных работников необходима известная затрата труда; следовательно, часть всей совокупной общественной рабочей силы общества будет отвлекаться от непосредственного производства потребительных ценностей. В то же время, так как без такого предварительного обучения квалифицированной рабочей силы вообще невозможно производство ряда продуктов, то такая затрата части общественного труда на обучение квалифицированных рабочих, очевидно, не может рассматриваться, как затрата впустую. Общество эту затрату должно будет учесть, оно и учитывает ее в виде более высокой ценности продуктов произведенных квалифицированным трудом. Другими словами, если $\frac{1}{10}$ всего общественного труда представляет труд по обучению, причем обученный труд в свою очередь составляет $\frac{1}{5}$ часть всего общественного труда, то продукт, произведенный этим квалифицированным трудом, будет расцениваться выше, чем $\frac{1}{5}$ общей, произведенной в данном обществе, суммы ценностей; ибо в действительности обществом будет затрачено на него $\frac{3}{10}$ всего общественного труда. А это и даст нам тот коэффициент редукции, который был нами выведен в нашей,

¹⁾ В. Е. Мотылев „Основные проблемы экономической теории социализма“ в его сборнике „Дискуссионные проблемы марксистской политической экономии“, 1924 г., стр. 18.

указанной выше, работе «Квалифицированный труд» и т. д.» Заменяя цифры буквенными обозначениями, мы можем обозначить его так:

$$Q = \frac{x + q}{q}$$

где x — число рабочих или то количество труда, которое тратится на обучение, а q — число квалифицированных рабочих.

Так, если мы имеем 200 квалифицированных рабочих и 100 обучающихся рабочих, то очевидно, что для обучения 2 квалифицированных рабочих требуется труд одного простого рабочего, или же для получения годовичного труда одного квалифицированного рабочего требуется затрата полугодовичного труда простого рабочего. Таким образом, коэффициент редукции здесь будет $1\frac{1}{2}$, и, повидимому, получается то, о чем говорил и т. Мотылев. Труд простого рабочего по обучению овеществился в квалифицированной рабочей силе и перешел затем на производимый квалифицированным рабочим продукт.

Но это будет так только по видимости; ибо здесь приходится при этих условиях предположить неизменными все условия: и неизменную производительность труда, и неизменное (относительно) количество квалифицированных рабочих, как принимающих участие в производстве, так и еще обучающихся от одного цикла к другому и т. д., и т. д. В таком случае, действительно, мы получаем количественно одинаковый результат. С этой количественной точки зрения основное положение тех теорий редукции, о которых мы говорили, и которое получило свое резкое выражение в формулировке т. Мотылева, верно. Но верно в том же смысле, как верно и Смитовское определение ценности вещи тем количеством труда, которое может быть выменено или куплено за данную вещь. Ибо в условиях простого товарного общества, при прочих неизменных условиях — той же неизменной производительности труда, — количество купленного труда будет по своей величине равно количеству труда затраченного на производство данного предмета, конечно, если предположить обмен по ценности. Впрочем, это было отмечено еще Марксом¹⁾.

Но это основное положение данной теории редукции одновременно и не верно, также как не верно и Смитовское определение ценности вещи покупаемым за эту вещь трудом, или ценностью покупаемого труда. Не верно хотя бы потому, что сам труд ценности не имеет. Буквально то же самое выражение приходится выдвинуть и здесь против этих, весьма распространенных теорий редукции. Точно также и они приходят и должны притти к ценности труда. В самом деле: «все количество рабочего времени (т.-е. просто труда. В. П.), затраченное им лично и его учителями на обучение его квалификации, переносится по частям в течение периода его работы, как квалифицированного рабочего, на производимые им предметы» (Мотылев). Что

¹⁾ См., напр., К. Марх. „Theorien über den Mehrwert“, I. 1923 г., стр. 136.

это значит? А это значит, и не может не значить, что труд обучающего создает ценность, но ценность чего? Ценность воплощенную, овеществленную в квалифицированном труде; следовательно, квалифицированный труд имеет ценность постольку, поскольку он является таким квалифицированным трудом. Но здесь нужно или провести принципиальное различие в этом отношении между простым и сложным трудом, или же это положение распространить и на простую рабочую силу, ибо и на ее производство тоже ведь затрачивается труд,—труд вообще, поэтому, имеет ценность. Да, наконец, сам простой труд есть нечто исторически обусловленное. То, что вчера было квалифицированным, сложным трудом, сегодня становится простым трудом, но более высшей потенции. Этот вывод, логически вытекающий из подобных теорий редукции, идет в разрез с основными положениями теории Маркса; на этом мы, впрочем, уже останавливались в той же нашей работе.

Исходный пункт этой ошибки ясен: принимая, что квалифицированная рабочая сила является товаром, просто переносят без дальнейшего все то, что относится к товару, и на квалифицированную рабочую силу; при этом забывают, что квалифицированная и вообще всякая рабочая сила, хотя и товар, но товар *suí generis*. Вообще всякий товар может быть не только «потребительным благом», но и «производственным благом»,—извиняемся перед читателем за эту австрийскую терминологию. Как производственное благо товар становится средством производства, и, как таковое, при производительном потреблении он теряет свою брэнную оболочку. Но в нем живет вечная, бессмертная душа—овеществленная в нем ценность; ее он и переносит на готовый продукт и переносит по частям, если он по своей природе пригоден к более или менее продолжительному функционированию в процессе производства; правда, переносит при помощи живого труда. Рассматривая и квалифицированную рабочую силу, как простой товар, ничем не отличающийся от тысячи других товаров, и полагая, что она также переносит часть содержащейся в ней ценности на продукт, придется отнести и ее к элементам постоянного капитала, а саму квалифицированную рабочую силу, в некоторой доле, считать простым средством производства.

Т. Мотылев ссылается на «обстоятельную статью» О. Бауэра, Бауэр же в этой статье в свою очередь указывает на «превосходную книгу Ганса Дейча», но в своей «превосходной книге» Дейч без всяких околичностей относит квалифицированную рабочую силу к элементам постоянного капитала. «Заработная плата квалифицированной рабочей силы,—говорит он,—содержит часть постоянного капитала»¹⁾. И он определяет его ближе, как оборотный капитал. Отсюда он и выводит, что применение квалифицированной рабочей силы повышает органический состав капитала, а это приводит в результате применения квалифицированного труда к модификации ценно-

¹⁾ „Der Lohn qualifizierter Arbeitskräfte einen konstanten Kapitalteil enthält“. H. Deutsch. „Qualifizierte Arbeit und Kapitalismus“. Wien, 1904., стр. 73—74.

сти в цены производства. Факт опять-таки, констатирован правильно, но его причинное объяснение грешит тем, что оно в корне противоречит основам теории Маркса. В сущности эти теории представляют из себя возврат к домарксовым взглядам, некий рецидив смитовских воззрений.

Перейдем теперь к более интересному вопросу: как будет обстоять дело с квалифицированным трудом в социалистическом обществе? Социалистическое общество будет нуждаться в определенной массе различных продуктов—в «потребительных благах» или потребительных ценностях. С этим согласятся все экономисты без различия направлений. Но и тогда жареных цыплят в природе не будет, и копченые селедки в море плавать также не будут. Наконец, если бы они и плавали, их нужно было бы еще поймать. Для получения всех этих благ понадобится некоторая затрата труда, с этим тоже, пожалуй, согласятся даже крайние представители полезников. Но количество труда, которым будет располагать социалистическое общество, есть величина определенная и ограниченная.

Поэтому трудовые затраты нужно будет учитывать. Если бы имелся только простой труд, то дело обстояло бы просто: нужно было бы, очевидно, просто подсчитать число работников, и необходимые данные тем самым будут под рукой. Но как быть с квалифицированным трудом?

Социалистическое общество без такого трудового учета невозможно, поэтому наличность квалифицированного труда сделает невозможным осуществление социализма; он опрокинет все расчеты на осуществимость социализма. Раньше Бем-Баверк пытался, но безуспешно, с помощью квалифицированного труда и пресловутой редукиции уничтожить теорию Маркса: ныне подобным же образом с помощью того же квалифицированного труда, но и с равным успехом, занимается уничтожением социализма другой Sozialismusfresser г. Бруцкус¹⁾.

«Мерилом количества труда является в нашем социалистическом обществе время»—говорит, и пока говорит хорошо, г. Бруцкус,—«но в пределах каждого данного производства применяется и труд разной квалификации, низшей и высшей... Неужели этот труд высшей квалификации, которым общество располагает в самом ограниченном количестве и которым оно не может не дорожить, мы засчитаем в расходы день за день по такой же норме, как и труд неквалифицированный? Как бы сильны ни были наши эгалитарные тенденции в оплате труда, при учете труда мы так поступать не можем. У Маркса мы также найдем указание, что единицу времени такого труда высшей квалификации надо приравнять к единице времени труда низшей квалификации, умноженной на известный коэффициент. Но как определить эти коэффициенты? Напрасно мы стали бы искать способа определения этих коэффи-

¹⁾ См. Б. Д. Бруцкус. „Проблемы народного хозяйства при социалистическом строе“, журнал „Экономист“ 1922 г., № № 1—3.

циентов у Маркса» ¹⁾. Вместе с тем Бруцкус попадает в безвыходное положение; и он наивно думает, что в этом же безвыходном положении окажется и «народное хозяйство при социалистическом строе». Во всяком случае «коэффициенты наши будут весьма условны, если не произвольны». Но «условности приведения к единице труда разной формы и разной квалификации подрывают значение всего учета» ²⁾. А разве может существовать без учета социалистическое общество? Ясно, что не может; это и требовалось доказать.

Мы нарочно остановились на «критике» Бруцкуса, ибо тут затрогивается существенная проблема: как будет обстоять дело с квалифицированным трудом при социалистическом строе? Этот вопрос уже ставился в нашей экономической литературе. Кроме того, постановка этого вопроса поможет нам лучше понять и принцип редукции в капиталистическом, вообще в товарном обществе. Мы насчитываем несколько попыток ответить на поставленный таким образом вопрос. Все они, положим, даны мимоходом, специально этим вопросом авторы не занимались, но посмотрим, однако, что они могут нам дать. О «социализме, как положительном учении», говорит Туган-Барановский. Когда он переходит к вопросам трудового учета в социалистическом обществе,—заголовок соответствующей главы носит несколько странный характер: «ценность, стоимость, цена и деньги при социализме» ³⁾,—то ему приходится коснуться и квалифицированного труда. «При учете трудовой стоимости продукта,—говорит Туган-Барановский,—придется приводить к общей единице общественного труда трудовые процессы различного рода. Квалифицированный труд придется сводить к простому труду. Придется определять сколько часов среднего общественно-необходимого рабочего времени заключается в часе труда квалифицированного рабочего. Для этого требуется, в свою очередь, учесть труд квалифицированного рабочего, потраченный им для приготовления к своему роду труда, а также и весь общественный труд, потраченный на доставление квалифицированному рабочему необходимых знаний и навыков» ⁴⁾.

Как видим, здесь Туган-Барановским устанавливается только общий принцип, хотя уже и тут можно найти отголоски Дейч-Бауэровской теории. Еще яснее выступает она у Варги. В своей статье «Исчисление стоимости производства в безденежном хозяйстве» ⁵⁾, он за-

¹⁾ Ук. ст. Бруцкуса. «Экономист», № 1, стр. 57.

²⁾ Курсив Бруцкуса, *ibidem*, стр. 59.

³⁾ Правда, «ценность», «стоимость» и т. д. при социализме, по Туган-Барановскому, есть нечто иное, чем ценность, цена и т. д. в капиталистическом обществе. Первые—логические категории, вторые—исторические категории. С этой стороны нельзя ничего возразить против этой терминологии; вообще, терминология—вещь условная. Встает лишь вопрос о целесообразности такой терминологии. А с этой точки зрения терминология Туган-Барановского способна произвести очень большую путаницу. Нельзя одним и тем же словом обозначать совершенно разнородные понятия. Но здесь дело не только в терминологии.

⁴⁾ М. И. Туган-Барановский, «Социализм, как положительное учение». 1918 г., стр. 102.

⁵⁾ См. «Экономическая Жизнь», 1920 г., № 259.

дается целью вывести формулу, непосредственно определяющую количество труда (абстрактного, т.е. «нереального», как он говорит), затраченного на производство какого-либо продукта. Конечно, в такой формуле мерилom может служить только рабочее время. Отвлекаясь от ряда осложняющих моментов, он выводит такую формулу: трудовая стоимость в рабочих часах

$$\frac{\text{числу рабочих} \times \text{рабочие часы}}{\text{количество произвед. единиц}}$$

или:

$$A = \frac{Z H}{n}$$

Но здесь не принят во внимание квалифицированный труд. Поэтому в эту формулу нужно внести соответствующую поправку на квалифицированный труд; для этого Варга останавливается на редукции и показывает, каким образом должна она совершаться в социалистическом обществе. «Предположим, что необученный рабочий работает с 16-ти до 48-летнего возраста. Чтобы сделать из него квалифицированного рабочего, пришлось бы обучать его 4 года. В течение этого времени общество будет содержать его. До 48-летнего возраста он будет, таким образом, работать для общества всего 28 лет, т.е. на $\frac{1}{8}$ меньше, чем необученный рабочий. Следовательно, я и оцениваю его рабочий час на $\frac{1}{8}$ выше, чем рабочий час необученного рабочего. Обучение специалиста-инженера, агронома, экономиста, врача и т. д. требует 8 лет, считая с 16-летнего возраста, т.е. четвертую часть того времени, в течение которого он будет работать, поэтому рабочий час специалиста я оцениваю на одну четверть больше рабочего часа простого рабочего. Можно, конечно, принять и другие числовые отношения. Основная идея заключается в том, что, жертвуя определенным числом лет труда, общество может сделать из каждого человека среднего обученного рабочего или специалиста». Таким образом, мы получаем следующую исправленную формулу:

$$A = \frac{Z_1 H_1 + 1\frac{1}{8} Z_2 H_2 + 1\frac{1}{4} Z_3 H_3}{n}$$

Здесь Z_1 означает число необученных рабочих, Z_2 — обученных и Z_3 — специалистов, участвующих в данном производстве, а H_1 , H_2 и H_3 — число рабочих часов каждой из этих категорий.

Легко заметить, что все составные элементы тех теорий редукции, о которых мы говорили и представителем которых можно считать теорию Дейча, здесь налицо, только в модифицированном виде постольку, поскольку речь идет о социалистическом обществе. Точно так же Варга исходит от единичного квалифицированного работника: точно так же он учитывает труд обучения готовящегося стать квалифицированным работником, — он как бы накапливается за время обу-

чения (в капиталистическом обществе он должен был бы создавать ценность квалифицированного труда) и затем переносится на готовый продукт в виде большего трудового удельного веса рабочего часа этого труда. Но в отличие от Дейча Варга принимает во внимание только труд самого обучающегося и совершенно не учитывает труда обучающихся.

Наиболее полную и резкую формулировку того, как будет совершаться такая редукция, дает т. Мотылев. «Мы считаем, однако, — говорит он, — что из современной теоретической постановки проблемы вытекает следующая формула сведения: рабочее время, потраченное обучающимся, плюс рабочее время, потраченное учителями, плюс стоимость материалов обучения, минус рабочее время, в которое обучающийся использовывался во время обучения, как рабочая сила» ¹⁾. На этой формуле сведения точно так же лежит печать всей той же дейчевской теории. Прежде всего, и она рассматривает труд квалифицированного работника, поскольку он будет приниматься в счет при трудовом учете, как нечто двойственное: с одной стороны — как труд живого работника, а с другой, — как каким-то образом консервированный в нем или его собственный труд по обучению, или труд обучавших его или изготовлявших предметы, используемые при его обучении. Правда, здесь не говорится о ценности, но только потому, что вообще в социалистическом обществе нет места для такой категории, как ценность. Основной грех подобных представлений и только что приведенной формулы сведения заключается в их подходе к вопросу. Они исходят не из совокупного общественного труда; они делают своей исходной точкой отдельного квалифицированного работника. Поэтому приходится громоздить Пелион на Оссу и, стремясь учесть все факторы, так или иначе влиявшие во время процесса производства квалифицированной рабочей силы, приходится прибегать к таким сложным и таким длинным формулам, что оперировать с ними просто окажется невозможным. В самом деле, например, в формуле т. Мотылева упущен еще ряд моментов; он забыл, хотя бы, о смитовской лотерее. Смит полагал, что с вопросом об обученном труде дело обстоит также, как и в лотерее. Что проигрывают одни, выигрывают другие. Не всякий обучающийся достигнет успеха, будут и неудачники; но на неудачное обучение тоже ведь будет затрачен труд. И если число неудачников не будет превышать общественно-необходимого, то и этот труд тоже должен войти в ценность, создаваемого обученным трудом товара (в капиталистическом обществе и быть учтенным — в социалистическом); следовательно, в эту формулу нужно ввести еще один плюс. Но не весь труд, затраченный на неудачника, может быть затрачен впустую. Обучающийся, возможно, не станет инженером, но сможет быть каким-нибудь механиком; он станет представителем не столь высококвалифицированной специальности, но все же квалифицированным работником. Итак, к формуле нужно будет прибавить еще этот минус и т. д. и т. д.

1) Уж. статья, стр. 19.

В капиталистическом обществе проблема редукции связана с затруднениями принципиального характера. Каким образом различные виды труда — труд ювелира, напр., и труд прядильщика — вообще могут быть сводимы один к другому, какою общою мерою они могут быть измерены и как может происходить этот процесс сведения — вот вопросы, на которые, прежде всего, приходится наталкиваться при решении проблемы редукции в товарном обществе. В социалистическом обществе эти затруднения будут носить технический характер, и простой труд, и квалифицированный там представляют только части совокупного труда, находящегося в распоряжении общества. С этой точки зрения никаких затруднений не встретится. Если мы имеем продукт, на изготовление которого затрачено 1.000 часов простого труда, а с другой стороны, продукт, потребовавший для своего изготовления тоже 1.000 часов, но квалифицированного труда, то ясно, что второй продукт потребует вообще большего количества труда, ибо обучение квалифицированных работников в свою очередь тоже стоило труда. Весь вопрос и будет заключаться в том, чтобы учесть, во сколько же раз во втором случае затрачено больше труда.

И если для подобного учета социалистическое общество пожелало бы воспользоваться формулой т. Мотылева и вообще построить его на тех основаниях, которые предлагаются всеми этими распространенными теориями редукции, то мы сильно сомневаемся, чтобы этот учет удался. Не забудем, что подобная редукция в социалистическом обществе есть только техническая проблема; но в этом случае пришлось бы учитывать такое большое, можно даже сказать, такое бесконечно большое количество факторов, что самый учет оказался бы практически невозможным. Учитывающий аппарат был бы таким громоздким, что его тяжести просто не выдержало бы социалистическое хозяйство; поэтому нужно сказать, что в эту формулу сразу же пришлось бы внести ряд очень существенных поправок, иначе плановость социалистического хозяйства просто оказалась бы невозможной. Мы знаем, что в капиталистическом обществе ценность товара определяется не тем количеством общественно-необходимого труда, которого фактически стоило производство товара, а количеством того труда, который необходим для производства в данный момент нового экземпляра такого же товара: ценность определяется количеством труда, необходимого для воспроизводства товара. То же самое нужно сказать и здесь. Если мы возьмем труд обучающего (учителя), то в расчете при сведении квалифицированного труда к простому мы должны брать не тот труд, который в действительности был затрачен на обучение данного наличного работника, а тот труд, который в данный момент общественно-необходимо затрачивается и обучающим и обучающимся. Точно также мы должны принять во внимание не тот труд, которого фактически стоило производство предметов обучения, но тот, который в данный момент необходим для такого производства, т. е. опять-таки труд, необходимый для их воспроизводства.

И наше социалистическое общество рано или поздно должно будет притти к этого рода учету. Эта формула потерпит, таким образом, существенное видоизменение: другими словами, социалистическое общество в таком случае станет руководиться той формулой сведения или тем коэффициентом редукции, который мы вывели и который мы уже приводили выше, т.-е.

$$Q = \frac{a + q}{q}$$

Может показаться, что эта формула упускает из виду очень существенное обстоятельство: в ней мы имеем дело и с к л ю ч и т е л ь н о с живым трудом. Но при обучении квалифицированных работников необходимы также и известные материальные предметы, продукты прошлого труда. Не принимая их во внимание, мы, повидимому, совершаем большую ошибку. Но это не так; капиталистический способ производства характеризуется господством мертвого труда над живым, причем мертвый, накопленный труд и живой труд концентрируются на противоположных полюсах. Носителем живого труда является рабочий класс, накопленный же труд выступает, как чуждая по отношению к нему сила — как капитал. В социалистическом обществе будут интересоваться лишь живым трудом. Более того, это будет иметь место даже по отношению к элементам постоянного капитала.

В капиталистическом производстве сношенные и потребленные в процессе производства средства производства переносят свою ценность на произведенный товар: к живому труду, затраченному на его производство, присоединяется еще некоторое количество прошлого труда, затрата которого в прошлом была необходима, чтобы данный товар был произведен. Если бы рынок этого не учитывал, и ценность, созданная прошлым трудом, не проявлялась бы вновь в ценности произведенного товара, то капиталист был бы лишен всякой возможности продолжать производство: он не смог бы восстановить *in natura* сношенных средств производства. Отметим еще, что в ценность готового товара переносится не ценность производства, а ценность их в о с п р о и з в о д с т в а. В социалистическом обществе такой окольный путь будет излишним; ему непосредственно нужно будет учитывать только тот живой труд, который необходим для воспроизводства сношенных и потребленных средств производства. В применении к интересующему нас случаю квалифицированного труда дело будет обстоять точно так же. Если сношено k единиц предметов обучения и для их воспроизводства требуется m рабочих часов, то общество прямо и учет это количество живого труда, а не $m + p$ рабочих часов, затраты которых требовало производство этих материалов обучения раньше, при прежних технических условиях. Вообще прошлый труд, овеществленный в средствах производства, будет интересовать его постольку, поскольку от него зависит производительность труда. Но не иначе обстоит дело и с трудом обучающихся.

Предположим, что все отрасли производства в социалистическом обществе разбиваются на три группы; пусть в одних применяется только простой труд, в других — только квалифицированный, и в третьих — и тот и другой в различных пропорциях; последний случай в то же время представит и наиболее реальный случай. Но для того, чтобы резче поставить вопрос, возьмем только две первые категории. Для производства ряда продуктов достаточен только простой труд, для производства же некоторых продуктов нужен квалифицированный труд — пусть требуется q квалифицированных работников. Но так как работники рано или поздно выбывают из трудового строя, то тому же обществу придется затрачивать еще труд α простых работников, необходимый для обучения q^1 новых квалифицированных работников, которые заступают место выбывающих. Их должно быть произведено столько, чтобы в распоряжении общества всегда находилось потребное количество, т.е. q квалифицированных работников. Если при этом необходимы еще средства обучения, то для их производства пусть необходим еще труд α^1 простых работников. Всего, стало быть, нашему обществу для того, чтобы получить известный продукт, производство которого требует квалифицированного труда, потребуется затратить труд $\alpha + \alpha^1 + q$ работников. Войдет ли сюда труд q^1 обучающихся? Он может войти, но может и не войти. Если мы согласимся с Варгой, что рабочий период начинается с 16-ти лет, и если обучение в данной специальности вообще заканчивается до 16-ти лет, то ясно, что труд обучающихся в формулу не попадет. От трудового процесса в этом случае не будет оторвано ни одного работника: обучающиеся будут черпать из подрастающего поколения. Если же, в связи с характером обучения, оно требует более продолжительного времени, и, начинаясь с 12 лет, кончается к 20 годам, то в этом случае половина всех обучающихся будет представлять еще подростков, не вступивших в трудовой процесс, а вторая половина, имеющая более 16 лет, будет для такового обучения отвлекаться от непосредственного производительного труда. В таком случае их труд должен быть принят во внимание при учете; к нашей формуле нужно в таком случае прибавить еще $\frac{q^1}{2}$.

Разделив эту полученную сумму на число квалифицированных работников, мы и получим коэффициент редукции, т.е. ту формулу сведения, которой придется пользоваться для перевода квалифицированного труда в простой. Возьмем конкретный пример. Предположим, что в нашем социалистическом обществе требуется значительно увеличить железнодорожную сеть или построить ряд новых электростанций; для этого нужно будет, в числе прочего, также некоторое добавочное количество инженеров, во-первых, для того, чтобы осуществить эти новые постройки, а во-вторых, для непрерывного и правильного функционирования новых предприятий. Первый вопрос оставим в стороне; предположим, что он так или иначе разрешен. Новые железные дороги или электростанции построены, необходимые для этого инжене-

ры были получены, и в дальнейшем эти L новых инженеров найдут применение для своего труда на этих вновь построенных предприятиях. Теперь общество должно будет озаботиться только постоянным обучением смены для замещения выбывающих ежегодно инженеров. Для ежегодного получения новых, положим, ста инженеров, необходимых для такой замены, придется создать новый инженерный институт, в котором будет занято как обучением, так и созданием материальных средств обучения N работников (для упрощения предположим, что все они представители простого труда); кроме того, обучение такой специальности, в данном случае инженеры, должно начаться довольно поздно и продолжаться сравнительно долго. У нас оно начинается с 16 лет и продолжается четыре года: следовательно, для того, чтобы институт ежегодно выпускал 100 инженеров, необходимо, чтобы в нем было 400 студентов; а если мы примем, что в среднем будет 10% неудачников, то число студентов должно равняться 440.

Итак, чтобы обслужить вновь построенные и пущенные в ход предприятия высококвалифицированным трудом инженеров, обществу придется ежегодно затрачивать труд уже имеющихся L инженеров, плюс труд N работников по обучению, плюс труд 440 студентов. Но так как общее число инженеров равно L , то в данном случае коэффициент редукции для этого вида квалифицированного труда будет равен

$$Q = \frac{L + N + 440}{L}$$

Пусть теперь введены новые методы преподавания, экономизирующие труд по обучению (теперь потребуются N' работников) и дающие возможность окончить труд обучения в три года; кроме того, путем лучшей подготовки и лучшего отбора кандидатов удастся понизить процент неудачников до 5. Теперь коэффициент редукции будет

$$Q = \frac{L + N' + 315}{L}$$

Может показаться, что эта формула грешит в очень существенном: она явно не полна и далеко не учитывает всего труда, который был затрачен для получения этих высококвалифицированных работников. Ведь, в самом деле, она учитывает только тот живой труд, который должен затрачиваться на подготовку смены для выбывающих инженеров. Ну, а как же быть с тем трудом, который был затрачен для того, чтобы получить первоначально то добавочное количество инженеров (L), которое было необходимо для производства новых построек? Неужели он просто исчез, не произведя никакого эффекта, и общество в дальнейшем совершенно перестает его учитывать? Без сомнения, для того, чтобы произвести новое добавочное количество квалифицированных работников, потребуется определенное количество труда, и обществу, пока идет их подготовка, придется с этим считаться. Но как

только их обучение закончилось, в дальнейшем потребуется только такая постоянная затрата живого труда, какая необходима для поддержания числа этих квалифицированных работников на постоянном уровне; только этот живой труд и будет учитываться обществом. Прежде затраченный труд свой эффект произведет: но его результатом будет рост производительных сил этого общества. Конечно, самая возможность такого расширения производства предполагает, что общество располагает необходимым количеством потребного для этого живого труда. Получить в кредит труд будущих поколений нельзя. Такое расширение производства будет актом социалистического накопления. Если тому же социалистическому обществу нужно выстроить новую электростанцию, то для этого, в конце концов, потребуется потратить известную массу живого труда; некоторая доля всей общественной рабочей силы в течение одного или нескольких лет должна быть выделена для совершения этой работы. Труд этот, во всяком случае, должен находиться в распоряжении общества, иначе самая постройка окажется невозможной. Но раз она закончена, в дальнейшем будет требоваться только то, далеко при том меньшее, количество труда, которое будет необходимо для постоянного поддержания этой электростанции в состоянии годности ее для эксплуатации.

Таким образом, в результате этого небольшого теоретического экскурса в социалистическое общество мы пришли к тому выводу, что наша формула коэффициента редукции или формула сведения сложного труда к простому, выведенная нами для товарного общества, оказывается вполне применимой и к социалистическому обществу, но с той только разницей, что здесь непосредственно фигурирует общественный труд, измеряемый рабочим временем, тогда как в капиталистическом (или вообще товарном) обществе приходится иметь дело с абстрактным трудом в его ценностном выражении. Здесь — это техническая норма, которой сознательно пользуется общество для планомерного регулирования производства; там — слепой закон рынка, складывающийся за спинами производителей, принудительно навязываемый им и осуществляющийся благодаря механизму рыночной конкуренции.

В. Позняков.

СТРОЕНИЕ ПОСТОЯННОГО КАПИТАЛА И ИЗДЕРЖКИ ПРОИЗВОДСТВА ¹⁾).

Как я уже говорила во введении к настоящей работе, мы обычно пользуемся экономикой Маркса только ради теоретических целей, изучая его во всевозможных школах, но благополучно оставляем его стоять на полочке, когда дело касается практической работы и в частности—практической терминологии. Необходимой предпосылкой всякой общественной работы является общезначимая терминология. Между тем, по отношению к хозяйственной практике мы имеем в настоящее время две терминологии: с одной стороны—экономическую терминологию Маркса, с другой—рыночно-бухгалтерскую. Маркс, как глубокий знаток промышленности, посвятил много глав анализу строения капитала, природе элементов производства и элементов ценности, как в статическом разрезе, так и в динамическом. Мы не пользуемся, однако, его рубриками и терминами в практическом анализе. Здесь преобладают условные термины, далеко не всегда однозначные и в большинстве случаев плохо укладывающиеся в рамки последовательного экономического анализа. Такого рода термины, как «накладные расходы», фигурируют в нашем словесном обиходе в самом различном понимании и в высокой степени мешают ясности экономического анализа. Можно ли или нельзя анализировать процессы промышленности в практическом повседневном наблюдении их, в постоянной деловой работе с помощью экономических категорий Маркса и охватывают ли эти категории те издержки производства, основные и накладные, с которыми мы имеем дело в бухгалтерской отчетности. Иначе говоря, поможет ли применение марксовских категорий на практике ясности и отчетливости нашей повседневной хозяйственной работы. Нужен ли Маркс для практики, или мы можем благополучно оставить его дремать на полочке, пока мы сидим в учреждениях и сводим наши бухгалтерские балансы или калькулируем наши прибыли и убытки,— вот вопрос, который мы поставим и постараемся разрешить в настоящей главе.

Согласно учению Маркса, мы имеем три важнейших экономических категории, характеризующих состав капитала: состав аванси-

¹⁾ Настоящая статья представляет одну из глав подготовляемой мною к печати работы — „Экономика калькуляции“. В той части работы, где я имела дело с техникой, я пользовалась помощью и указаниями научного сотрудника Ком. Академии инженера В. И. Вейца, за что и приношу ему здесь мою товарищескую благодарность.

рованного капитала, состав валовой ценности продукции и состав ее чистой ценности или общественного дохода. Первая рубрика включает постоянный и переменный капитал, вторая—постоянный, переменный капитал и прибавочную ценность и, наконец, третья—ценность рабочей силы (переменный капитал) и прибавочную ценность. В общем и целом они имеют следующий вид:

$$\begin{array}{c} c + v \\ c + v + m \text{ или } c + v + \Delta v \\ v + m \text{ или } v + \Delta v \end{array}$$

Для характеристики постоянного капитала дадим слово самому Марксу.

«Капитал C , — читаем мы в главе 7-й I тома, — распадается на две части — денежную сумму c , идущую на средства производства, и другую денежную сумму v , издерживаемую на рабочую силу; c представляет часть ценности, превращенной в постоянный капитал, а v — часть, превращенную в переменный капитал. Первоначально, следовательно, $C = c + v$, например: авансированный капитал в 500 фунтов стерлингов = 410 ф. ст. + 90 ф. ст... Но мы уже видели, что часть употребленного постоянного капитала, состоящая из орудий труда, передает лишь часть своей ценности продукту, тогда как другая часть продолжает существовать в своей прежней форме. Так как последняя не играет никакой роли в образовании ценности, то мы ее здесь не принимаем во внимание. Ничто не изменилось бы от того, что мы приняли бы ее в расчет. Предположим, что $C = 410$ ф. ст. и состоит из сырого материала на 312 ф. ст., вспомогательных веществ на 44 ф. ст. и изнашивания в процессе труда машин на 54 ф. ст., вся же ценность примененных в производстве машин составляет 1054 ф. ст. Авансированной для производства ценности продукта мы считаем лишь ценность в 54 ф. ст., которую машина, функционируя, теряет и в силу этого передает продукту. Если бы мы считали так же и тысячу ф. ст., продолжающих существовать в своей прежней форме в виде паровой машины и т. д., то мы должны были бы их считать на обеих сторонах уравнения — на стороне авансированной ценности и на стороне ценности продукта, и получили бы, таким образом, 1500 ф. и 1590 ф. ст. Под постоянным капиталом, авансированным на производство ценности, мы подразумеваем поэтому, там, где из контекста не вытекает обратное, всегда лишь ценность средств производства, потребленных в процессе производства» ¹⁾.

Уже в этой цитате из I тома мы находим полный анализ состава постоянного капитала. С одной стороны, мы имеем здесь дело с сырым материалом и вспомогательными веществами, ценность которых передается целиком продукту, а с другой — с изнашиваемыми в процессе труда машинами, которые передают продукту лишь часть своей ценности. Во втором томе в главе 8-й мы находим точнейшее

¹⁾ „Капитал“, т. I, стр. 134—5 перевода под редакцией Струве.

определение и детальную характеристику строения постоянного капитала и обеих его частей—основного и оборотного. «Мы видели, что вся капитальная стоимость находится в постоянном обращении и весь капитал является в этом смысле оборотным капиталом, но обращение рассматриваемой здесь части капитала своеобразное. Во-первых, она не обращается в своей потребительной форме—в обращение поступает только ее стоимость и притом входит в обращение лишь постепенно, частями, в той мере, как она переходит в продукт, который обращается, как товар. Во все время функционирования этой части некоторая доля ее стоимости остается фиксированной в ней, сохраняет свою самостоятельность по отношению к товарам, производству которых она содействует. Благодаря такой особенности эта часть постоянного капитала приобретает форму основного капитала. В противоположность ему все другие материальные основные части капитала, авансированного на производственный процесс, образуют оборотный или текучий капитал» ¹⁾.

Далее Маркс характеризует важнейшее различие между основным и оборотным капиталом. Что касается до оборотного капитала или сырья и вспомогательного материала, то тут мы имеем дело с той частью средств производства, которые «потребляются целиком во всяком процессе труда и потому для каждого нового процесса труда их приходится целиком заменять новыми экземплярами того же рода» ²⁾. При этом вспомогательные материалы, в отличие от сырья, являются той частью средств производства, которая «материально не входит в продукт». «Такие вспомогательные материалы, которые потребляются самими средствами труда во время их функционирования, как каменный уголь потребляется паровой машиной, или которые лишь содействуют процессу, например, светильный газ и т. д.,—эта часть средств производства материально не входит в продукт, только ее стоимость составляет часть стоимости продукта. В своем собственном обращении продукт несет в обращение и стоимость таких средств производства. Эта особенность общая им и с основным капиталом» или, иначе говоря, «эта часть вспомогательных материалов материально не входит в продукт, но входит в мир продуктов лишь по своей стоимости, как часть стоимости» ³⁾. В этом сходство вспомогательных материалов с машинами и в этом же источник ошибочного отнесения их некоторыми экономистами к основному капиталу; различие же их от основного капитала состоит, как мы видели уже, в том, что они потребляются во всяком процессе труда, в который они входят целиком, тогда как машины или основной капитал в собственном смысле слова потребляются в процессе труда лишь частично, передавая продукту лишь часть своей стоимости. Что касается до сырья, то оно так же, как и вспомогательные материалы, потребляется целиком во всяком процессе труда, в который оно входит, и для каждого нового процесса

¹⁾ „Капитал“, т. 2, издание „Коммунист“, 1918, стр. 184.

²⁾ *Ibidem*, стр. 135.

³⁾ „Капитал“, т. 2, стр. 134—5.

труда его приходится заменять целиком, но в то же время, в отличие от вспомогательных материалов, основной сырой материал «входит в продукт материально и приобретает благодаря этому такие формы, в которых он позже может войти в индивидуальное потребление в качестве средств потребления» ¹⁾. Итак, машины и вспомогательные материалы имеют тот общий признак, что они материально не входят в продукт, а лишь передают ему свою стоимость, при чем первые передают ее частично, а вторые целиком. Вспомогательные же материалы и основной сырой материал оба передают продукту свою стоимость целиком, но основное сырье входит помимо этого в индивидуальное потребление и в качестве средств потребления. Впрочем, из машин или средств труда, которые Маркс называет «материальными носителями основного капитала», приходится в этом отношении исключить средства транспорта. «Полезный эффект, который они доставляют во время своего производительного функционирования, следовательно, во время пребывания в сфере производства, в то же самое время входит и в сферу индивидуального потребления, например, пассажира» ²⁾. Особую категорию составляют случаи, когда сырой материал и вспомогательные вещества отчасти используются, как средства труда, перенося на продукт свою стоимость лишь постепенно, частично же входят в продукт в потребительной форме. «В земледелии вещества, вложенные для улучшения почвы, отчасти входят в продукт, как продуктообразователи. С другой стороны, их действие распределяется на продолжительный период, например, 4—5 лет. Поэтому часть их материально входит в продукт и тем самым переносит свою стоимость на продукт, между тем как другая часть, оставаясь в старой потребительной форме, в ней фиксирует и свою стоимость. Она попрежнему продолжает существовать в качестве средств производства и потому по своей форме является основным капиталом» ³⁾.

Попутно Маркс восстает против той путаницы, которая связана, во-первых, со смешением категорий—основного и оборотного капитала, с категориями постоянного и переменного, а, во-вторых, с тем, что «определенные свойства, принадлежащие материальной форме средств труда, они (экономисты) превращают в свойства непосредственно основного капитала, — такова хотя бы физическая неподвижность, например, дома. Но ведь было бы очень легко показать, что другие средства труда, которые, как таковые, тоже являются основным капиталом, обладают противоположными средствами, например, физической подвижностью хотя бы корабля». Наконец, «экономическую определенность формы, обуславливаемую обращением стоимости, они смешивают с вещественным свойством, как будто вещи, которые сами по себе вовсе не являются капиталом, но становятся таковым лишь в определенных общественных отношениях, могли бы быть уже сами по себе, по своей природе капиталом в той или иной определенной форме—

¹⁾ „Капитал“, т. 2, „Коммунист“, 1918, стр. 135.

²⁾ Ibidem.

³⁾ „ „ стр. 135. 136.

основным или оборотным» ¹⁾. На самом же деле вещь может стать основным капиталом лишь при условии, что она «функционирует, как средство труда. Если она по своим материальным свойствам способна служить и в других функциях, кроме функции средства труда, то она является основным капиталом или нет, в зависимости от различия своего функционирования. Скот в роли рабочего скота есть основной капитал, откармливаемый же на убой скот представляет сырой материал, который, в конце концов, как продукт, вступает в обращение, следовательно, это не основной, но оборотный капитал. Простое состояние продолжительной закреплённости какого-либо средства производства в повторных процессах труда, которые взаимно связаны между собою и составляют непрерывный ряд—период производства, охватывающий все время производства, необходимое для того, чтобы изготовить продукт, это состояние подобно основному капиталу, требует от капиталиста авансирования на более или менее продолжительный срок, но еще не делает соответствующей части капитала основным капиталом. Семена, например, отнюдь не основной капитал, но лишь сырой материал, который почти на целый год фиксируется в процессе производства. В процессе производства вообще фиксируется всякий капитал, пока он функционирует, как производительный капитал, фиксируются, следовательно, и все элементы производительного капитала, какова бы ни была их материальная форма, их функции и способ обращения их стоимости. Продолжается ли это закрепление более или менее значительное время в зависимости от рода производственного процесса или желательного полезного эффекта—не это создает различие между основным и оборотным капиталом» ²⁾.

Между оборотным капиталом и переменным капиталом также существует одна общая черта. Стоимость, авансированная на них, переходит целиком на стоимость продукта. «Как бы рабочая сила ни отличалась в остальном по отношению к образованию стоимости от тех составных частей постоянного капитала, которые не являются основным капиталом, способ оборота стоимости оказывается у рабочей силы общим с этими составными частями и противоположным основному капиталу» ³⁾. Само собою разумеется, что этим и кончается общность между той и другой частью капитала; основная же разница между ними, как и между переменным и постоянным капиталом вообще, состоит в том, что «та часть капитала, которая превратилась в рабочую силу, изменяет свою ценность в процессе производства; она воспроизводит свой собственный эквивалент и излишек сверх него—прибавочную ценность, которая сама может изменяться,—быть больше или меньше» ⁴⁾ (т. I, глава 6).

Мы знаем, что до-марксовские экономисты, включая Смита и Рикардо, не сумели установить всех этих основных элементов капитала и не сумели провести ясной грани между переменным и постоянным

¹⁾ „Капитал“, т. 2, „Коммунист“, 1918, стр. 137.

²⁾ *I d e m*, стр. 138.

³⁾ „ „ „ 141.

⁴⁾ „ „ „ 132.

капиталом и между оборотным и основным капиталом. И Маркс показал нам, что именно благодаря этим смешениям как его предшественники, так и его противники сбивались на ложный путь в целом ряде важнейших моментов анализа ценности и прибыли. Свой анализ путаницы понятий в этом отношении, «ведущей свое происхождение от Адама Смита», Маркс резюмирует следующим образом:

«1) Различие между основным и оборотным капиталом смешивается с различием между производительным капиталом и товарным капиталом. Так, например, одна и та же машина есть оборотный капитал, если она в качестве товара находится на рынке, и основной капитал, если она введена в процесс производства...

2) Всякий оборотный капитал отождествляется с капиталом, который затрачен или должен быть затрачен на заработную плату (см., например, Дж. Стюарта Милля и др.).

3) Различие между переменным и постоянным капиталом, которое уже Бартон, Рикардо и другие смешивают с различием между оборотным и основным капиталом, сводится, в конце концов, совершенно к этому последнему.

4) У новейших английских, в особенности шотландских, экономистов, которые рассматривают все с невыразимо ограниченной точки зрения банкирского приказчика, у Маклеода, Паттерсона и др., различие между основным и оборотным капиталом превращается в различие между *money at call* и *money not at call* (денежные вклады, получаемые обратно без предварительного уведомления—и выдаваемые лишь после предварительного извещения)»¹⁾.

Нужны ли нам для практической работы, устанавливаемые Марксом с такой ясностью, важнейшие составные элементы основного и оборотного капитала или же для практического хозяйствования, для целей калькуляции мы можем довольствоваться ходячими представлениями, варьирующими от головы одного практика к голове другого практика, или, как говорит Маркс, представлениями банкирских приказчиков, которые рассматривают все «с невыразимо ограниченной точки зрения».

Ясно, что четкое отделение основного капитала, в собственном смысле слова, от всех видов оборотного капитала и точное расчленение отдельных составных частей оборотного капитала является необходимой предпосылкой правильной и единомерной калькуляции, правильного и единомерного учета общественных ценностей. Здесь мы имеем тот основной экономический анализ, который является необходимой предпосылкой создания общезначимой терминологии, без которой сравнимые и сопоставимые друг с другом приемы калькуляции вообще невозможны. Если же мы примем во внимание, что в зависимости от технической природы каждого производства относительные размеры основного и оборотного капитала и их составных частей будут весьма различны для различных отраслей производства и, с другой стороны, весьма различны в зависимости от высоты органического состава капитала, то нам станет ясно, что установление типич-

¹⁾ „Капитал“, т. 2, выше цитир. издание, стр. 206 и 207.

ческих калькуляций и всякого рода средних норм возможно только при условии ясного разграничения отдельных элементов стоимости и общезначимой терминологии.

При изменяющихся условиях производства, влияющих в понижательном или повышательном направлении на ценность продукции, необходимо отдать себе отчет, какие именно составные части авансированного капитала повлияли на изменение ценности: будет ли в основе ее лежать повышение коэффициента использования сырья или химические изменения в вспомогательных материалах или, наконец, введение новых машин. Только при условии отчетливого представления об изменениях, претерпеваемых этими отдельными составными частями авансированного капитала, мы сможем отдать себе отчет как в причинах изменения ценности отдельных продуктов на отдельных предприятиях, так и во влиянии этих отдельных изменений на изменения средних норм.

Важнейшим различием между основным и оборотным капиталом, которое приходится принимать во внимание с калькуляционной точки зрения, является тот факт, что основной капитал переносит на продукт лишь часть своей ценности, тогда как оборотный капитал переносит на продукт свою ценность полностью в данный цикл производства, за исключением лишь тех отдельных случаев, указанных Марксом, когда вспомогательное сырье тратится в течение нескольких циклов производства, как, например, химическое удобрение. Однако при ближайшем анализе оказывается, что «в капитале, вложенном в одно и то же дело, долговечность отдельных элементов основного капитала различна, а потому различно и время их оборота. На железной дороге, например, продолжительность функционирования, а потому и время воспроизводства рельсов, шпал, земляных работ, станционных *зданий, мостов, туннелей, локомотивов и вагонов,— различны, а, следовательно, различно и время оборота частей капитала, авансированного на них... Предметы, которые больше всего подвергаются снашиванию, это—рельсовый путь и подвижной состав... В общем, рельсы изнашиваются с быстротой, пропорциональной числу поездов, при увеличенной скорости снашивание возрастало в большей пропорции, чем квадрат-скорости, т.-е., при удвоенной скорости поездов снашивание возрастало более, чем в четыре раза»¹⁾. Это пишет Маркс во 2 томе, в главе, озаглавленной «Составные части, возмещение, ремонт, накопление основного капитала». Свои положения он подтверждает ссылками на материалы специальной «королевской комиссии по железным дорогам» и на другие специальные работы. Говоря о машинах, он проводит определенную разницу между машиной и инструментом. «Существует большая разница,—читаем мы в I томе, в главе «Машины и крупная промышленность»,—между ценностью машины и той частью ее ценности, которая периодически переносится с нее на продукт. Существует большая разница между машиной, как элементом образования ценности, и машиной, как эле-

¹⁾ I b i d e m, стр. 146 и 147.

ментом производства продуктов. Чем больше период, в продолжение которого данная машина служит в одном и том же процессе труда, тем больше эта разница. Правда, мы видели, что и всякое вообще настоящее орудие труда или инструмент всегда входит целиком в процесс труда и всегда лишь частью — соответственно их среднему ежедневному изнашиванию — в процесс образования ценности. Однако, эта разница между пользованием (*Benutzung*) и использованием или изнашиванием (*Abnutzung*) *гораздо больше у машины, чем у инструмента* (подчеркнуто мною. М. С.); так как, построенная из более крепкого материала, она дольше служит, а употребление ее, регулируемое строго научными законами, делает возможной большую экономию в расходовании ее составных частей и ее средств потребления (топлива и др.). . . . Во сколько больше размер производительной деятельности машины в сравнении с производительной деятельностью инструмента, во столько больше и ее даровая служба в сравнении с даровой службой инструмента. Только в крупной промышленности человек научается заставлять работать даром в больших размерах, подобно силам природы, продукт своего прошлого, уже овеществленного труда»¹⁾. И далее: «Сравнительный анализ цен товаров, производимых ремесленным или мануфактурным способом, и цен этих же товаров, как машинных продуктов, в общем приводит к тому результату, что при машинном продукте составная часть ценности, передаваемая орудиям труда, относительно увеличивается, но абсолютно уменьшается»²⁾.

Практически и для калькулятора и для статистика это различие между машиной и инструментом имеет огромное значение; не даром же английская промышленная перепись 1907 года отступила в этом вопросе от приемов американских переписей, по стопам которых она шла в общем и целом, и, отказываясь от учета амортизации машин, в собственном смысле слова, остановилась, однако, на учете стоимости потребленных в производстве инструментов³⁾. В калькуляционной практике инструменты (*Werkzeuge*) иногда учитываются вместе с вспомогательным материалом, используемым при уходе за машиной, а иногда учитываются отдельно — в зависимости от природы производства. У Лайтнера мы находим такие примеры соединенного учета инструментов, частей машины, смазочных и очистительных материалов; так, в машиностроении в одной и той же рубрике фигурируют приводные ремни, смазочные масла и мыло, шлифовочные материалы, молотки, сверла, лаки, краски и т. д., в текстильной индустрии смазочное масло, защитительные приборы, иглы, и т. д. В этих производствах общая схема расчленения между смазочным и очистительным материалом — с одной стороны, и инструментами и частями машины — с другой стороны — отсутствует. Однако, там, где производство требует особо дорогих инструментов, например, при производстве измерительных аппаратов, или точных механических приборов, калькуляция стоимости инструментов производится самостоятельно. Лайтнер различает:

1) Капитал, т. I, выше цитир. издание, стр. 268.

2) *Ibidem*, стр. 270.

3) Мерсварт, „Введение в хов. статистику“, вып. I, стр. 132.

- 1) Инструменты, находящиеся под контролем рабочего.
- 2) Инструменты, находящиеся под контролем мастера и выдающиеся рабочему лишь под расписку.
- 3) Инструменты, употребляющиеся предприятием для целей монтажа.

Для практических целей калькуляции и инвентаризации Лайтнер дает следующие указания: «В одних предприятиях каждому рабочему выдается особая книга, в которой записываются все виды переданных ему в пользование инструментов. В других предприятиях удовлетворяются общим учетом их в одной специальной книге. Инструменты, сделавшиеся негодными, возвращаются, инструменты же, потерянные рабочим, возмещаются за его счет; испорченные — относятся на счет предприятия» ¹⁾.

Помимо особого учета инструментов и частей машины, учету подлежат также и расходы по сохранению и по ремонту машины. «Труд сохранения, — говорит Маркс, — относится к текущим издержкам, т.-е. составляет элемент оборотного капитала» ²⁾. Но, с другой стороны, «сохранение осуществляется отчасти самым процессом труда... Это сохранение, вытекающее из употребления в процессе труда, представляет безвозмездный дар, который приносит природа живого труда. Такая сохраняющая сила труда имеет двоякий характер: с одной стороны, труд сохраняет стоимость материалов труда, перенося ее на продукт, с другой стороны, поскольку он не переносит на продукт стоимость средств труда, он тем не менее сохраняет и их стоимость, сохраняя и их потребительную стоимость, заставляя их функционировать в производственном процессе» ³⁾. Здесь речь идет о чистке машин, поскольку этот труд «выполняется рабочими бесплатно в перерывы» и поскольку, таким образом, «капиталист сберегает издержки по сохранению своей машины». Особую категорию составляет ремонт: «Собственно ремонт или починочные работы, — читаем мы у Маркса, — требуют затраты таких капитала и труда, которые не содержатся в первоначально авансированном капитале и, следовательно, не могут быть, во всяком случае не всегда могут быть, возмещены и покрыты из такого источника, как постепенное возмещение стоимости основного капитала» ⁴⁾. Здесь речь идет о «позднейших, частичных, добавочных затратах капитала на средства труда и рабочую силу», которая должна быть учитываема независимо от основных расходов по амортизации машины. Само собою разумеется, что «эта стоимость, присоединяемая благодаря дополнительной затрате капитала и труда, не может входить в цену товаров одновременно с тем, как производится эта затрата. Если у прядильщика, например, на этой неделе сломалось колесо или порвался ремень, он не может за текущую неделю продавать свою пряжу дороже, чем

¹⁾ Friedrich Leitner. „Die Selbstkosten Berechnung industrieller Betriebe“ стр. 164.

²⁾ „Капитал“, т. 2. машинопис. изд., стр. 151.

³⁾ I d e m, стр. 150.

⁴⁾ I d e m, стр. 151.

продавал на прошлой неделе. Общие издержки прядения нисколько не изменялись вследствие этого несчастья на отдельной фабрике. Здесь, как и вообще при определении стоимости, решает средняя величина». В общем и целом «дополнительный капитал, который возмещается таким образом, относится к оборотному капиталу». Или, как говорит Маркс несколькими строками дальше, мы имеем тут дело с «капиталом особого рода. Его нельзя отнести ни к оборотному, ни к основному капиталу, но все же можно более причислить к первому, так как он принадлежит к категории текущих затрат» ¹⁾).

В калькуляционной практике к расходам по ремонту относят также и заработную плату персонала, содержимого специально для ремонта. Однако, Маркс утверждает, что «их заработная плата составляет часть переменного капитала и стоимость их труда распределяется на продукты» ²⁾. Практики-калькуляторы требуют тщательной регистрации и ремонта отдельных типов машин для того, чтобы можно было вычислить среднюю потребность в издержках по ремонту именно данного типа машин. Лайтнер различает между обычными издержками по ремонту, которые не должны быть причисляемы к расходам по амортизации и которые следует считать расходами по производству (Betriebs Kosten), и расходами по ремонту, *повышающими ценность* основного капитала, как, например: улучшение и расширение установок и зданий и т. д. Сюда же относят и расходы по страхованию машин. Что касается до страхования машин, то Маркс относит этот расход за счет прибавочной стоимости. «Как от возмещения снашивания, так и от работ по сохранению и ремонту совершенно отлично *страхование*, которое распространяется на разрушения, производимые чрезвычайными явлениями природы: пожаром, наводнениями и т. д. Оно должно покрываться из прибавочной стоимости и представляет вычет из нее. Или, рассматривая дело с точки зрения всего общества, необходимо, чтобы всегда имело место добавочное производство, т. е. производство более широких размеров, чем требуется для простого возмещения и воспроизводства существующего богатства» ³⁾.

В общем и целом Лайтнер дает следующую примерную калькуляцию всех издержек по содержанию, например, двигателя ⁴⁾.

Расчет издержек на двигательную силу при паровой машине в 100 л. с. с максимальным напряжением в 150 л. с. и нормальным рабочим напряжением в 100 л. с., при 300 годовых рабочих днях по 12 ч. в день и 70% загрузки (Wirkungsgrad).

А. Расходы по установке.

1. Машина (двигатель)	12.600 марок.
2. Котельная установка (генератор)	8.300 "
3. Провода, трубы	2.000 "
	22.900 марок.

¹⁾ I d e m, стр. 153.

²⁾ I d e m, стр. 153.

³⁾ I d e m, стр. 155.

⁴⁾ Friedrich Leitner, *вышецитир. работа*, стр. 157, 8.

4. Вмязка, дымоход	5.700	марок
5. Фундамент	350	"
6. Стрoения	7.200	"
		13.250 марок.
Итого . .		36.150 марок.

Б. Расходы по эксплуатации.

1. Топливо с накидкой на разжигание	5.200	марок.
2. Поддержание (Intsandhaltung) и ремонт	952	"
3. Смазочные и очистительные материалы	1.160	"
4. Вода для питания котла и охлаждения	144	"
5. Рабочая сила	1.800	"
6. Страхование от огня 1,4%	51	"
7. Чистка, проверка	190	"
8. Амортизация машины 7% с капит. в 22.900 мар.	1.600	"
9. 4% " строений 2% " в 13.250 "	265	"
10. Освещение	112	"
Итого . .		12.920 марок.

Эксплуатационные расходы на 1 лошадино-силочас—3,56 пфен.

В первой части этого расчета учитывается только основной капитал в собственном смысле слова. Во второй мы имеем дело отчасти с издержками по сохранению и содержанию машины, отчасти по ее ремонту, далее списывание на амортизацию или ту часть стоимости двигателя, которая передана продукту в данном цикле производства, стоимость рабочей силы или переменный капитал, затрачивающийся при обслуживании машины, и, наконец, затраты на «вспомогательные материалы, которые потребляются самими средствами труда во время их функционирования», как топливо, смазочные и очистительные материалы и воду. По отношению к производству энергии затраченное топливо можно, однако, считать за сырье в собственном смысле слова. Таким образом, в графе «эксплуатационные расходы» фигурируют все расчленяемые Марксом элементы постоянного капитала и та часть переменного капитала, которая затрачивается на обслуживание машин, а при производстве энергии является основной рабочей силой предприятия. Для данного конкретного расчета нерасчлененное перечисление всех элементов себестоимости может и не играть особой роли. Однако, при всяком сравнении и сопоставлении предприятий различной мощности, различной организованности и различного строения капитала выделение этих экономических рубрик явилось бы основным условием возможности самого сравнения. Приведем здесь следующую таблицу, иллюстрирующую изменения составных элементов капитала при разной мощности машин в производстве электрической энергии (Дюссельдорф, 1914 г.) ¹⁾.

¹⁾ Заимствована из книги de Grahl'я „Die Wirtschaftliche Verwertung der Brennstoffe“.

Изменение состава авансированного капитала при росте мощности агрегатов от 50 до 150 лощ. см., при 3.000 рабочих часах в год

(Выработка электрической энергии в 1914 г.).

Изм. издержек.	Паровая машина лощ. см.			Дизель лощ. см.			Электродвигатель лощ. см.		
	50	100	150	50	100	150	50	100	150
Расходы по установ.	Марк.			Марк.			Марк.		
	30.000	40.000	48.000	20.180	28.860	40.000	4.020	6.300	9.200
Эксплуатацион. расходы.	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %
	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %	в вар. в %
A. Основной капитал:									
Амортизация капита-	3.500	41	4.650	45	5.664	44	2.520	36	3.740
ла и содерж. маш.									
Б. Оборотный капитал:									
Торговые материалы.									
Уголь	2.870	33	3.370	32	4.560	36	—	—	—
Лаз	—	—	—	—	3.170	—	—	—	—
Омывочное и оже-	—	—	—	—	46	6.170	—	—	—
стательное масло .	220	3	390	4	560	4	330	6	610
Вода для охлаждения	—	—	—	—	—	—	75	—	—
Изем тока	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого издержек по-	6.590	77	8.410	81	10.764	84	6.115	88	10.790
стоянного капитала									
С. Перемен. капитал:									
Рабочая сила . . .	2.000	23	2.000	19	2.000	16	800	12	800
Всего издержек .	8.590	100	10.410	100	12.764	100	6.915	100	11.590
Число получ. л. с. часов	150.000	300.000	450.000	150.000	300.000	450.000	150.000	300.000	450.000
Средством. л. с. ч. в год	5,72	3,47	2,84	4,61	3,87	3,67	5,45	5,00	4,63

Эта таблица резко выявляет процесс изменения составных частей капитала при росте мощности машин. В частности, относительная ценность рабочей силы всюду резко падает по мере роста мощности. Резко бросается также в глаза разница между сравнительной экономичностью машин разного типа. Дизель является наиболее выгодным, требуя наименьших затрат на основной капитал, и хотя затраты на оборотный капитал в нем относительно выше, чем в паровой машине, однако, расход на рабочую силу или переменный капитал в нем гораздо ниже. Для электромотора издержки по основному капиталу и амортизации его наиболее низки; так же, как и расход на рабочую силу. Однако, издержки по оборотному капиталу или оплата наемного тока чрезвычайно высока, и в результате для условий 1914 г. дизель является наиболее выгодным двигателем из всех трех типов машин в производстве электрической энергии. Но для всех трех типов машин ярко выдвигается один и тот же результат: рост массы продукта при падении его ценности по мере роста органического состава капитала.

Это выявляется особенно отчетливо, если мы сопоставим для каждой отдельной машины относительное (процентное) изменение постоянного и переменного капитала, всего авансированного капитала массы продукции и себестоимости единицы продукции. На прилагаемой таблице последние две графы наглядно демонстрируют рост массы продукции, пропорциональный росту мощности машины, и в то же время последовательное падение себестоимости единицы продукции, пропорциональной сокращению издержек производства. Постоянный капитал растет всюду в меньшей пропорции, чем мощность машины, переменный остается стационарным, благодаря чему авансированный капитал растет в меньшем отношении, чем постоянный. Смешивание роста массы продукции и ее ценности привело многих экономистов буржуазного лагеря к полному непониманию марксова закона падения нормы прибыли. Демонстрируемые нами данные наглядно показывают, однако, что если с ростом органического состава капитала растет масса продукции, то ценность ее возрастает не пропорционально этой массе, а лишь в соответствии с изменившимися издержками производства. Произведение возросшей массы продукции на упавшую себестоимость единицы ее даст нам движение себестоимости всей массы продукции именно в том отношении, в каком возрос авансированный капитал. В этом легко убедиться, проделав соответствующие арифметические операции (см. табл. на стр. 102).

Хотя в нашей таблице приводятся только данные о себестоимости и ничего не говорится о полученной прибыли, нетрудно, однако, показать, что мы имеем здесь дело с падением нормы прибыли при условии, что прибавочная ценность равна ценности рабочей силы ($\Delta v = v$) или норма эксплуатации составляет 100%. При $\Delta v > v$, или норме эксплуатации большей 100%, все отдельные % прибыли возрастают, но до известных пределов возрастания нормы эксплуатации картина от этого не меняется. Так, при $\frac{m}{v} = 150\%$,

Изменение постоянного, переменного и авансированного капитала, массы и себестоимости продукции по мере роста мощности машины (выработка электрической энергии—Дюссельдорф, 1914 год).

Мощность в лш. спл.	C		V		C + V		Масса продук- ция в л. с. часах.		Себестоимость единицы про- дукции (1 л. с. в пфенигах.)	
	абс.	в %	в м.	в %	п м	в %	абс.	в %	абс.	в %

а) Паров.

50	100	6.590	100	2.000	100	8.590	100	150.000	100	5,72	100
100	200	8.410	128	2.000	100	10.410	121	300.000	200	3,47	60
150	300	10.784	164	2.000	100	12.784	149	450.000	300	2,84	50

в) Дизель.

50	100	6.115	100	800	100	6.915	100	150.000	100	4,61	100
100	200	10.790	176	800	100	11.590	167	300.000	200	3,87	84
150	300	15.725	275	800	100	16.525	239	450.000	300	3,67	79

с) Электродвигатель.

50	100	7.902	100	250	100	8.152	100	150.000	100	5,45	100
100	200	14.000	186	280	100	15.024	183	300.000	200	5,00	92
150	300	20.576	260	280	100	20.856	255	450.000	300	4,63	85

получим тот же результат ¹⁾. В прилагаемой таблице мы берем в основу расчета *весь* основной капитал (а не только затраченный в данном цикле производства), плюс стоимость оборотного капитала и получаем:

	Строение валовой ценности при				Норма прибыли при	
	$\frac{m}{v} = 100\%$		$\frac{m}{v} = 150\%$		$\frac{m}{v} = 100\%$	$\frac{m}{v} = 150\%$
Паровая машина.	33.090 c	+ 2.000 v	+ 2.000 m	+ 3.000 m	6%	8,50%
	43.750 c	+ 2.000 v	+ 2.000 m	+ 3.000 m	5%	6,50%
	53.120 c	+ 2.000 v	+ 2.000 m	+ 3.000 m	4%	5,40%
Дизель.	23.775 c	+ 800 v	+ 800 m	+ 1.200 m	4%	4,80%
	36.920 c	+ 800 v	+ 800 m	+ 1.200 m	3%	3,20%
	50.725 c	+ 800 v	+ 800 m	+ 1.200 m	2%	2,30%
Электродвигатель.	11.600 c	+ 280 v	+ 280 m	+ 420 m	20%	3,50%
	20.540 c	+ 280 v	+ 280 m	+ 420 m	14,0%	2,00%
	29.040 c	+ 280 v	+ 280 m	+ 420 m	10%	1,40%

¹⁾ В общей форме мы рассмотрим вопрос в следующей главе.

Если, однако, мы будем проследивать не динамику отдельных типов капитала, а захотим вычислить для этой группы капиталов среднюю норму прибыли и отклонения цены производства от стоимости, как это сделал Маркс, с *предположительными данными* ¹⁾ (см. гл. 1-ая), то получим таблицу ²⁾ (см. стр. 104).

Обратимся теперь к вопросу о способах калькулирования каждой из составных частей авансированного капитала по отношению к ценности производимого продукта. Начнем со списывания на амортизацию или восстановление основного капитала в собственном смысле слова. И к этому вопросу Маркс подходит с точки зрения общественной средней. «При определении общественной средней как для снашивания, так и для издержек по ремонту, неизбежно оказываются большие различия даже для равновеликих капиталов, вложенных, вообще говоря, при одних и тех же условиях в одну и ту же отрасль производства. На практике у одного капиталиста машина и т. д. существует дольше среднего периода, у другого—не так долго. Издержки ремонта у одного выше средней величины, у другого—ниже, и т. д. Но надбавка к цене товаров, определяемая снашиванием и издержками ремонта, одна и та же; она определяется по средней величине. Таким образом, благодаря этой надбавке к цене один получает больше, чем он в действительности дополнительно затратил, другой—меньше. Это, как и все другие обстоятельства, которые, несмотря на одинаковую эксплуатацию рабочей силы, делают различной прибыль различных капиталистов в одной и той же отрасли производства,—способствует тому, чтобы затруднить понимание истинной природы прибавочной стоимости» ³⁾.

Как подходят к этому вопросу практики-калькуляторы? Единственная задача, которую они умеют пока что решать,—это исчисление снашивания оборудования, поскольку оно зависит от технических причин, а не от того процесса обесценивания, который Маркс называет «моральным» обесценением машины, а практики называют «конъюнктурным». Правда, для некоторых отраслей промышленности и особенно для транспорта, где процесс морального изнашивания, в силу постоянных технических усовершенствований, совершается регулярно и непрерывно, экономисты, специалисты по данной отрасли производства, вычисляют определенный процент обесценения, вызываемый процессом технической эволюции. Еще Маркс, цитируя по этому вопросу работу Ларднера «Railway Economy» («Экономика железных дорог»), пишет: «Здесь, как и повсюду в крупной промышленности, моральное снашивание тоже играет свою роль. По истечении 10 лет обыкновенно можно купить за 30.000 фунтов такое количество вагонов и локомотивов, которое раньше стоило 40.000 фунтов. Таким образом, на этот материал приходится класть до 25% понижения рыночной цены, хотя бы не совершилось никакого понижения потребительной

¹⁾ „Капитал“, т. III, ч. I, стр. 134—135, ГИЗ.

²⁾ Только лишь иллюстративную и примерную, конечно.

³⁾ „Капитал“, т. II, вышецитир. издание, стр. 155.

Стоимость и цена производства 1 л. с. часа энергии для 9 капиталов разного состава 1).

Капиталы (C + V) в марках.	Прибыль или сто- мость (m = 100%) в марках.	Масса продукции и д. с. ча- сах.	Смешан- ные + оборотный капитал в марках.	Издержки производ- ства (4 + v).		Стоимость (5 + m).		Средняя прибыль (или весь затрачен капитал).	Цена производства (5 + 9).		Удельное число от стоимости на 1 тов. единицу и цены. (8—11).
				Всего то- тала в марках.	1 тов. единицу и цены.	Всего то- тала в марках.	1 тов. единицу и цены.		Всего то- тала в марках.	1 тов. единицу и цены.	
				5	6	7	8		9	10	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
33.090+2.000	2.000	150.000	6.590	8.590	5,72	10.590	7,06	3%	9.613	6,43	—0,53
43.760+2.000	2.000	300.000	8.210	10.410	3,47	12.410	4,10	3%	11.793	3,93	—0,17
53.120+2.000	2.000	450.000	10.784	12.784	2,94	14.784	3,28	3%	14.438	3,21	—0,07
23.735+800	800	150.000	6.115	6.915	4,61	7.715	5,14	3%	7.652	5,10	—0,04
36.820+800	800	300.000	10.790	11.590	3,86	12.390	4,13	3%	12.721	4,27	+0,14
50.725+800	800	450.000	15.725	16.525	3,67	17.325	3,85	3%	18.070	4,02	+0,17
11.602+280	280	150.000	7.902	8.182	5,45	8.462	5,64	3%	8.538	5,69	+0,05
20.540+280	280	300.000	14.744	15.024	5,00	15.304	5,19	3%	15.649	5,22	+0,12
29.040+280	280	450.000	20.576	20.856	4,63	21.136	4,69	3%	21.735	4,83	+0,14
32.552+9.240											

1) Принимая oport-таки в расчет весь затраченный капитал и при условии, что норма эксплоатации равна 100%, для что $\Delta V = V$.

стоимости. Благодаря прогрессу промышленности, в средствах труда обыкновенно совершаются постоянные перевороты. Поэтому они возмещаются не в своей первоначальной форме, а в форме, претерпевшей переворот. С одной стороны, то обстоятельство, что масса основного капитала вкладывается в дело в определенной натуральной форме и должна просуществовать в ней известный средний срок жизни, служит причиной того, что новые машины и т. д. вводятся лишь постепенно, а потому являются помехой быстрому и повсеместному введению усовершенствованных средств труда. Но, с другой стороны, конкурентная борьба, в особенности сопровождающаяся решительными переворотами, заставляет заменять старые средства труда еще до их естественной смерти новыми средствами труда. Катастрофы, кризисы — вот что, главным образом, принуждает к такому преждевременному возобновлению производственных принадлежностей в широком общественном масштабе»¹⁾. Здесь мы имеем выпуклую характеристику положения дел в анархическом хозяйстве. При нормальных условиях новые машины не могут вводиться «быстро и повсеместно», потому что в старые вложен определенный капитал или, как говорят англичане, мы имеем тут дело с «инвестированными интересами» (*vested interests*). Известны случаи сопротивления техническим нововведениям, несмотря на их экономическую выгодность, со стороны крупнейших акционерных обществ, бравших монополию на снабжение городов водой, освещением, средствами сообщения и т. д. Известно, что в странах деградирующего капитализма упорство капиталистов по отношению к введению новых средств и методов труда является существенной причиной более высоких цен на продукты этих стран по сравнению с странами технически прогрессирующего капитализма. Таково, например, положение дел в Англии по сравнению с Америкой и Германией, особенно предвоенной.

Толчком к возобновлению производственного аппарата являются, главным образом, катастрофы и кризисы. Таково анархическое хозяйство. В регулируемом хозяйстве, в планомерном производстве предвидение технического расширения производственной базы необходимо должно принять определенную счетную форму. Его придется учитывать вперед в каком-то постоянном прикидочном проценте, исходя из представления о каком-то движении, совершающемся по геометрической прогрессии или по какому-нибудь постоянному ряду поступательного движения. Если Маркс мог уже в свое время опираться на постоянный процент обесценения инвентаря в железнодорожном хозяйстве, то это прежде всего потому, что именно на железнодорожном хозяйстве этот процесс непрерывного морального обесценения постоянного капитала получил свое наиболее полное, наиболее регулярное выражение и уже тогда поддавался изучению.

Практики-калькуляторы делают, конечно, различие между двумя типами обесценения. «Причиной списывания некоторой суммы с прежней ценности (основного капитала), — пишет Лайтнер, — является либо

¹⁾ I d e m, стр. 147.

обесценение, вызываемое, например, конъюнктурными изменениями, либо последующая правильная переоценка первоначальной оценки, иначе говоря, или постепенное уменьшение материальной субстанции основного имущества, или его количественное уменьшение, благодаря непосредственному изнашиванию, или уменьшение коэффициента его полезности, благодаря новым изобретениям и вызываемым ими переменам в управлении производством, внешним влияниям и т. д.»¹⁾ Калькуляционные формулы для исчисления обесценения Лайтнер дает, однако, только лишь для «уменьшения ценности, являющегося результатом использования средств производства в работе предприятий». Ибо остальные изменения «не поддаются исчислениям так же, как не поддается исчислению и та доля прибыли, которая является результатом использования таких изменений». Систематическое списывание касается обыкновенно лишь рабочего изнашивания данной машины, хотя и самый «коэффициент списывания является все же лишь приблизительно оценочным, представляя из себя среднюю величину. Действительное изнашивание может быть определено лишь точным техническим измерением».²⁾ Так как обычно такие технические измерения или вновь производимые регулярные инвентарные оценки требуют слишком много времени и средств и производятся поэтому лишь от времени до времени при каких-либо исключительных обстоятельствах, то в обычной практике списывание по определенным формулам является самым распространенным приемом учета обесценения инвентаря.

Самая регистрация обесценения может вестись двояко: списывания делаются либо в форме ежегодного отчисления определенного процента всего основного капитала, либо же списывание производится с текущей стоимости основного капитала на данный год (сальдо—списывание). В первом случае, если обозначить буквой A общую ценность инвентаря на день приобретения новых установок, буквой M —общую ценность сохранившихся частей старой установки, и принять за p —период жизни вновь приобретенных машин и за r —процент ежегодного списывания, то a , или сумма ежегодного списывания, выразится формулой:

$$a = \frac{A - M}{n}, \text{ тогда как } p = \frac{100(A - M)}{nA} = \frac{A - M}{n} \cdot \frac{100}{A}$$

Для составления же баланса на каждый данный год вводится еще величина z , или число протекших со времени приобретения новых машин лет. Тогда балансовая ценность на каждый данный год выразится формулой:

$$B. Ц. = (A - M) \frac{n - z}{n} + M$$

¹⁾ Вышецитированная работа, стр. 227.

²⁾ Id e m.

На практике обычно не учитывается, однако, стоимость сохранившихся старых машин, и тогда вышеприведенные формулы принимают вид:

$$a = \frac{A}{n}, \quad p = \frac{100}{n}$$

$$Б. Ц. = A \left(\frac{100 - zp}{100} \right)^z, \text{ или, подставляя значение } p, A \frac{n - z}{n}$$

При втором способе учета обесценения, т.-е. списывания с той ценности машины, которую она имеет на данный год, вышеприведенные формулы имеют вид:

При учете сохранившейся стоимости старого оборудования

$$Б. Ц. = (A - M) \left(\frac{100 - p}{100} \right)^z + M$$

и при неучете его

$$Б. Ц. = A \left(\frac{100 - p}{100} \right)^z$$

Тогда как при первом способе мы имеем дело с одинаковым средним амортизационным процентом, во втором случае амортизационный процент становится с каждым годом меньше. Однако, списывание с общей ценности вновь приобретенных машин можно представить и в виде постоянно растущего процента по формуле: $a = \left(\frac{z}{n} \right)^n$. Так, например, если период жизни машины составляет 10 лет, а стоимость приобретенной машины 1000 марок, то списывание представляется в этом случае в виде следующей таблицы:

Годы.	В конце каждого г. списанная сумма составляла.	Ежегодные списывания в % к стоимости приобретенной машины.	Ежегодная списанная сумма в марках.	Действительная стоимость в конце каждого года.
1	10	1	10	990
2	40	3	30	960
3	90	5	50	910
4	160	7	70	840
5	250	9	90	750
6	360	11	110	640
7	490	13	130	510
8	640	15	150	360
9	810	17	170	190
10	1.000	19	190	—
		100	1.000	

По первому способу списывание с основной стоимости приобретенной машины примет форму:

Конец года.	Стоимость в начале года.	Ежегодно списываемые 100 марок составляют по отношению к стоимости на данный год.	Списанные суммы в % к стоимости на данный год.	Списанные суммы в % к общей стоим. машин.
1	1.000	1.000	10	10
2	900	100 900	11,1	20
3	800	9 800	12,5	30
4	700	8 700	14,29	40
5	600	7 600	16 $\frac{2}{3}$	50
6	500	6 500	20	60
7	400	5 400	25	70
8	300	4 300	33 $\frac{1}{3}$	80
9	200	3 200	50	90
10	100	2 100	100	100
		1		

При списывании сальдо или списывании по отношению к стоимости данного года записи примут следующий вид:

Конец года.	Стоимость в начале года.	Списывания.	
		100% стоимости на данный год.	% к первонач. стоимости маш.
1	1.000	100	10
2	900	90	9
3	810	81	8,1
4	729	72,9	7,29
5	653,10	65,61	6,36
6	590,49	59,05	5,91
7	531,44	53,14	5,31
8	478,30	47,83	4,78
9	430,47	43,05	4,31
10	387,42	38,74	3,87
		Итого: 651,32 мар.	65,13%

При этом способе мы получаем, что через 10 лет амортизировано лишь 65% основной стоимости машины. А так как, при постоянном проценте списывания по отношению к цене машины на данный год, процент по отношению к основной цене машины будет все время падать, то полная амортизация потребует не 10 лет, а 35 лет. Для того, чтобы по этому способу получить полную амортизацию в течение 10 лет—периода действительного изнашивания машины—ежегодный процент списывания с ее стоимости на данный год должен был бы составлять около 35%.

Если мы представим оба метода списывания графически, то в первом случае получим прямую линию, а во втором—эллипсообразную кривую (см. чертеж на стр. 109).

В защиту второго метода указывают, что эта эллипсообразная кривая иллюстрирует постепенное замедление темпа использования машины. Однако, технически это очень сомнительно, так как техники знают и случай обратного темпа обесценения машины, увеличивающегося с возрастом машины. Во всяком случае, каков бы ни был технический процесс, с точки зрения калькуляции речь может идти только о равномерном ценностном восстановлении машины, а с этой точки зрения первый метод является практически гораздо целесообразнее.

Особый случай составляет, конечно, такое ремонтное обслуживание машин, которое увеличивает их ценность. У Маркса в главе об основном и оборотном капитале (том 2-й) читаем: «Способ ведения книг, конечно, ничего не изменяет в действительном соотношении вещей, относительно которых ведутся эти книги, но важно отметить, что во многих отраслях предприятий издержкам починки и действительному снашиванию капитала обыкновенно ведется общий подсчет следующим способом: пусть авансированный капитал—10.000 фунтов. Продолжительность его существования—15 лет. Ежегодное снашивание при этом условии— $666\frac{2}{3}$ фунта, но вместо этого снашивание рассчитывают всего на 10 лет, т.е. к цене производимых товаров ежегодно надбавляют на снашивание основного капитала 1000 фунтов вместо $666\frac{2}{3}$, т.е. на починочные работы и т. д. создается резерв в размере $333\frac{1}{3}$ фунта (числа 20 и 15 взяты лишь для примера). Следовательно, такая сумма расходуется в среднем на ремонт, чтобы основной капитал просуществовал 15 лет. Такой способ подсчета, разумеется, не препятствует тому, что основной капитал и затрачиваемый на починки дополнительный капитал составляют различные категории. На основе такого-то рода подсчетов принимается, например, что... на железных дорогах средняя продолжительность жизни локомотивов—10 лет, но, принимая в расчет починки, снашивание определяется в $12\frac{1}{2}\%$, что сводит продолжительность существования к 8 годам. Для пассажирских и товарных вагонов снашивание определяется в 9%, следовательно, продолжительность жизни определяется в $11\frac{1}{9}$ лет»¹⁾.

Мы уже говорили в предыдущей главе относительно влияния, которое оказывают на амортизационный процент время использова-

1) „Капитал“, т. 2, вышецитир. издание, стр. 153 и 154.

ния машин и регулярность или нерегулярность их использования. Амортизационный процент будет чрезвычайно различен для предприятий, работающих круглые сутки, часть суток или работающих только периодически, в определенные сезоны, как, например, спиртоочистительные и сахарные заводы, или, наконец, предприятия подвижного типа (Betriebe im Wander Gewerbe), как, например, предприятия для производства бурения и всякого рода специальных почвенных и строительных работ на местах. Лайтнер приводит целую таблицу вариаций амортизационного процента для четырех типов предприятий, из которой мы приведем здесь наиболее любопытные разделы ее. Таблица составлена таким образом, что машины определенных типов или же машины, работающие в определенных отраслях промышленности, составляют в ней отдельные группы. Приводим следующие разделы:

	Предприятия, работающие			
	Только днем.	Днем и и ночью.	Периоди- чески.	На вре- менных работах.
Процент амортизации.				
Силовые установки и провода.				
Паровые котлы и трубы, машины для пе- регрева, для водоочистения и т. д.	5—10	5,7—12	4—7	—
Паровые машины	4—10	5—12,5	3—5	—
Машины, работающие газом, дизели	8—12	12—15	7—9	—
Водяные двигатели (турбины и водяные колеса)	6—8	10—15	5—7	—
Топливные установки	5—10	7—12	4—7	—
Установки электрического освещения	4—10	6—10	—	—
Коллекторы	—	8—12	—	—
	—	10—15	—	—
Транспортные средства.				
Полевые пути, включая локомотивы	4—20		—	—
Железные дороги в частном пользовании	5—10		—	—
Краны, подъемные аппараты, козлаки, воз- душные пути, приспособления для пере- возки угля	7—10	10—15	5—8	5—10
Инструменты и рабочие орудия.				
Инструменты всех видов	10—25	15—30	10—20	20—40
Рабочие орудия для всякого рода промыв.	в среднем 33 1/3			
Машины, употребляемые в текстильной про- мышленности.				
Машины для прядения пеньки	7,5—10	9—12	—	—
„ „ шерстяной пряжи	7—10	8—12	—	—
„ „ прядения хлопчатой бумаги	6—9	7—12	—	—
„ „ ткачества хлопчатой бумаги	7—8	7—12	—	—
Аппретурные машины	8—10	9—14	—	—
Оборудование суконных фабрик	4—8	7—12	—	—
Машины, употребляющиеся в сельском хо- зяйстве:				
Паровые плуги	—	—	5—15	6—18
Молотилки и локомобили	—	—	3—10	4—12
Лесопильные установки и инструменты в т. п.	3—12	—	—	—
Козлаки с рычагами и воздушными двига- телями	4—18	—	—	—

Все эти цифры являются, конечно, цифрами минимальной и максимальной стоимости амортизации для предприятий, работающих при нормальных условиях. Процент списывания исчислен в них по отношению к полной стоимости машины. Этот способ является вообще, как мы уже видели, наиболее рациональным с точки зрения экономической, а не бухгалтерской. В частности, Лайтнер утверждает, что этот способ является единственно возможным для предприятий и машин следующего типа: 1) для предприятий, пользующихся временными правами или работающих на арендованной земле, 2) для горно-заводских предприятий и 3) для машин такого типа, который переживает резкие технические изменения и которые могут, следовательно, быстро устареть и, значит, должны быть быстро амортизированы.

Таковы важнейшие моменты учета обесценения основного капитала. Относительно влияния объема продукции и времени продукции на величину амортизационного процента мы уже говорили выше, в 1-й главе. Перейдем теперь к вопросу об учете стоимости оборотного капитала.

Согласно определению Маркса, оборотный капитал состоит из двух частей: 1) вспомогательных материалов и 2) основного сырья. Важнейшую часть вспомогательных материалов составляют в первую голову топливо и энергия. Уже в 1-й главе мы указывали на зависимость стоимости потраченного топлива от целого ряда технических факторов, как-то: нагрузка машины, использование неиспользованной в машине теплоты, количество рабочих часов и, наконец, тип самой установки. Самый факт регистрации стоимости потраченного топлива или энергии, как она обычно имеет место в калькуляционных расчетах, ничего не говорит нам поэтому до тех пор, пока мы не знаем возможных колебаний стоимости топлива или энергии в данном производстве. Приведем здесь следующие калькуляционные схемы (см. стр. 113), произведенные Эберле при вычислении сравнительной стоимости одного киловат-часа энергии для переменных расходов производства¹⁾.

Здесь мы можем проследить влияние на стоимость одного лошадиного-часа энергии целого ряда отдельных факторов: 1) мощности оборудования, 2) нагрузки машины, 3) количества рабочих часов, 4) степени автоматизации и типа машины и, наконец, 5) стоимости затрачиваемого угля в зависимости от колебания цен на него. Результат получается всюду вполне определенный и ясный. Все элементы оборотного капитала, расход на уголь, на смазочные масла, на очистительные материалы обходятся больше или меньше в зависимости от изменения всех вышеприведенных условий. Соответственно изменяются и расходы на рабочую силу или переменный капитал, который и фигурирует здесь под двумя рубриками: 1) обслуживание машин и 2) содержание машин, т.-е. работа по сохранению чистки и мелкому ремонту машин. Ясно, что говорить о том проценте стоимости, который падает на рабочую силу или на оборотный капитал, можно только при условии известности всех вышеприведенных факторов.

1) Заимствовано из вышецитированной книги До-Гралья.

Если же речь идет о какой-либо *общественной средней*, то для установления таковой необходимо знание: 1) всех конкретных вариаций этих факторов и 2) установления преобладающего типа каждого из них, которым и определяется искомая общественная средняя. Вопрос об экономичности тех или иных машин и установок является, конечно, основным во всех калькуляционных изысканиях. Однако, до сих пор мы не имеем еще почти никаких *сравнительных* изысканий в этом направлении. В анархическом хозяйстве общественные средние, о которых мы говорили выше, определяются стихийным рыночным процессом, а не точным исчислением.

Для отдельного типа машины, в частности, для дизеля, огромную роль играет также и возможность использования неиспользованного в машине тепла. В вышецитированной работе де-Граля находим следующие данные для калькуляции сравнительного расхода на топливо в зависимости от возможности полного или частичного использования неиспользованного тепла. В общем алгебраическом выражении расчет его имеет следующий вид:

Стоимость топлива в зависимости от использования или неиспользования неиспользованного в машине пара на 1 лошадино-сило-час в пфеннигах.

Стоимость топлива для получения 1000 килограмм пара, включая потери на разжигание и остановки котельной установки . . . х марок.	Без использования.	При полном использовании.	При половинном использовании.	Примечания.
А. Паровая машина с затратой 10 кг л с. в час Б. То же с затратой 5 кг л с. в час	х	Неиспользованного пара. $\frac{x}{10}$	0,55 х 0,3 х	Из поступившего в машину свежего пара на работу и потерь в машине уходит 10% тепла, так что неиспользованный пар содержит еще 90% тепла. Используется 20% тепла. В остальном использованное тепло приблизительно то же, что и в первой машине.

В арифметическом выражении приводится следующий расчет:

Расходы по эксплуатации 2-х машин в 300 кв. при 12-ти часах работы предприятия и 300 годовых днях в 1914 году (при стоимости угля 16,50 марок за тонну) в марках.

	При использо- вании.	При неиспользо- вании.
	Неиспользованного тепла.	
Стоимость установки	100.000	100.000
Ежедневные расходы		
Амортизация и проценты	30	30
Рабочая сила	15	15
Смазочные, очистительные и упаковочные материалы	10	10
Уголь	75	26
Итого	130	81
Стоимость 1 кв. часа	3,60 пф.	2,25 пф.

Значительная экономия пара и тепла реализуется также при комбинированном использовании пара для работы и пара для нагревания по сравнению с раздельным их использованием, что наглядно демонстрируется следующей таблицей (см. стр. 116).

С точки зрения теплотехники огромное значение для экономного использования тепла и превращения его в энергию без значительных потерь играет так называемое «температурное падение». В той же книге «Die Wirtschaftliche Verwertung der Brennstoffe» де-Граль совершенно справедливо приходит к заключению, что центр тяжести научно-технической мысли должен теперь сосредоточиться на проблеме создания максимальной «температурности падения» — области, не зависящей от топлива ¹⁾.

1) Для того, чтобы увеличить получаемую механическую энергию, из определенного данного количества тепла, которое само зависит от рода топлива, нужно в первую очередь стремиться к тому, чтобы разность абсолютных температур рабочего тела (в ином случае газа) была максимальной (T_1 — начальной температуры и T_2 — конечной, уже отработанного газа). Что это так, можно видеть и из следующей формулы:

$$\frac{T_1}{T_2} = \frac{Q_1}{Q_2}, \quad \text{где } T_1 \text{ — начальная температура газа,}$$

Q_1 — начальное количество тепла в калориях, заключающееся в топливе,
 T_2 — конечная температура уходящего (отработанного) газа.
 Q_2 — уносимая им теплота (в калориях), а потому и не использо-
 ванная для механической энергии.

Потребление пара и теплоты: 1) при раздельном производстве пара для работы и пара для нагревания и 2) при использовании нагревательного пара для работы.

Масса нагревательного пара в кг/час.	№						Тепло под- черкнутым
	2.750	2.500	2.000	1.000	0		
Раздельное производство работного пара в котлах высокого давления и на- гревательного пара в кот- лах низкого давления.	Количество т.-с./часов, затрачен- ных на нагревательный пар. . .	1 1.750.000	1.590.000	1.270.000	635.000	0	—
	Количество т.-с./часов, затрачен- ных на производство 250 ккал. .	2 1.370.000	1.370.000	1.370.000	1.370.000	1.370.000	—
	Общее количество потребленного тепла в т.-с./часах	3 3.120.000	2.960.000	2.640.000	2.005.000	1.370.000	—
	Общее количество потребленного тепла в т.-с./часах	4 2.125.000	2.320.000	3.135.000	1.810.000	1.370.000	—
Передача нагревательного пара для работы.	Передаваемая масса пара в 0/0 ко- нечной массе потребленного пара .	82,5	78,5	65,0	40,2	0	—
	В т.-с.	5 635.000	640.000	505.000	135.000	0	3—4
Экономия благодаря пере- даче нагревательного пара для работы.	В 0/0 всей массы использован- ного тепла	6 22,3	21,6	19,1	9,75	0	5 3. 100
	В 0/0 массы тепла, использован- ной для нагревания	7 39,7	40,2	39,4	30,8	0	5 1. 100
Подсумки экономии на издержках по производ. пара в марках		7.300	6.720	5.300	2.050	—	—

В общем и целом для разных типов машин де-Граль дает следующую сводную таблицу потерь и использования потерянного тепла:

	Затрата топлива	Исполь- зованные т.-е.	Потерян- ные т.-е.	Т.-е., поте- рянные между генера- тором и машиной.	Т.-е., по- терянные в машине.	Т.-е., ко- торые мо- гут быть частично использо- ваны.
			а	в	с	а—(в+с) —Q ₂
Машины осветитель- ного газа, газ в 5000 т.-е. (теоретически) . . .	0,452 cbm.	2.260	1.624	—	339	1.285
Газовсасывающие ма- шины, уголь 7250 т.-е. (теоретически)	0,386 клг.	2.779	2.134	386	416	1.341
Газовые машины сред- него напряжения, газ 5000 т.-е.	0,500 cbm.	2.500	1.864	—	375	1.489
	0,700 „	3.500	2.864	—	525	2.338
Газовые машины сред- него напряжения, уголь 7250 т.-е.	0,568 клг.	4.271	3.536	568	640	2.328
Газовые машины выше 300 л. с., газ 5000 т.-е.	0,460 cbm.	2.300	1.664	—	345	1.419
Газовые машины выше 300 л. с., уголь 7200 т.-е.	0,416 клг.	3.000	2.364	416	450	1.498
Нефтяные двигатели, нефть 10500 т.-е.	0,350 „	3.675	3.039	—	551	2.488
Дизели, сырая нефть 10500 т.-е.	0,220 „	2.320	1.684	—	348	1.336

Далее де-Граль приводит следующую калькуляцию экономии и затрат, получаемых после перестройки установки с котлами высокого

Отсюда Q_2 — это неиспользованная теплота, величину которой мы должны свести к минимуму, равна $\frac{T_2}{T_1} \cdot Q_1$. Следовательно, при данном Q_1 (зависящем от рода сжигаемого топлива) Q_2 будет тем меньше, чем меньше будет дробь $\frac{T_2}{T_1}$, т.-е. чем больше разница между T_1 и T_2 . Использованная же механическая энергия будет равняться Q_1 (израсходованная теплота) — Q_2 (неиспользованная теплота, ушедшая с газом), помноженному на механический эквивалент теплоты (1 кал. = 427 килограмм-метров).

Де-Граль приводит следующие диаграммы, иллюстрирующие это положение.
Диаграмма № 1: $ab = (Q \text{ нам дано}) = 100 \text{ кал.}$

давления так, чтобы последние были заменены котлами низкого давления особого типа.

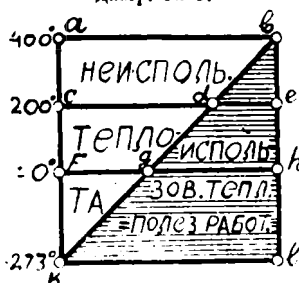
Реализуемая экономия.

Экономия 20.000 центнеров угля в год по 1,295 м.	25,900 мар.
Экономия расходов по обслуживанию регулятора при котлах высокого давления	260 "
Эконом. на перевозке шлаков	300 "
Экономия на чистке котлов	120 "
Экономия на ремонте	200 "
Экономия на заработной плате	1.200 "
Итого	27.980 мар.
	5.020 "
Итого годовой экономии	22.960 мар.

Новые расходы.

Потребность в теплой воде	1.000 мар.
Уголь, тратящийся в резервных котлах при остановке дизелей	3.750 "
Расход на рабочую силу по обслуживанию, ремонту и достройке	270 "
Итого	5.020 мар.

Диагр. № 1.

Ось ординат — температуры.
Ось абсцисс — Q в калориях.

Величина механической энергии будет изменяться по закону прямой (на чертеже kb). Заштрихованный треугольник khl — будет область использованного тепла, egh и полученной механической энергии; треугольник akb — область неиспользованного тепла, т. е. при температуре, например, в 200° (уходящего газа) — de будет та часть тепла (из 100 кал.), которая превратилась в механическую энергию, а cd — часть (100 кал.), ушедшая не использованной.

Этот полезный эффект мы получаем благодаря сжиганию топлива, но его можно было получить (или, по крайней мере, усилить) и помимо этого, создавая разность абсолютных температур ($T_1 - T_2$) путем образования „холодильников“. Такие имеются, например, в паровых турбинах: отработанный пар охлаждается в конденсаторах, этим увеличивая „перепад“ температуры и получаемую механическую энергию.

Это, между прочим, — лишний довод в пользу того, что неограниченные возможности имеют перед техникой абсолютно увеличить „энергети-

Начальное $T_0 = 400^\circ$ (при котором сжигается наше топливо).

Теперь, если T_1 — конечную температуру уходящего газа — можно было бы снизить до абсолютного нуля, тогда Q_2 — неиспользованная теплота =

$$= Q_1 \cdot \frac{T_2}{T_1} = 100 \cdot \frac{0}{400} = 0$$

и Q — использованная механич. энергия =

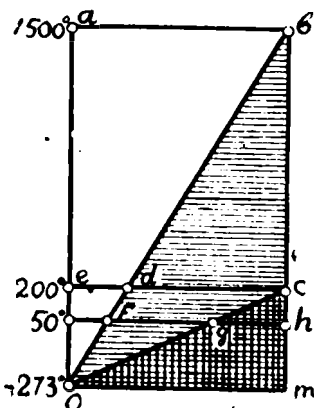
$$= Q_1 - Q_2 = 100 - 0 = 100 \text{ ккал}$$

Наоборот, если бы температура уходящего газа = 100° (т. е. разница между T_2 и $T_1 =$

$$= 0), \text{ то } Q_2 = Q_1 \cdot \frac{T_2}{T_1} = 100 \cdot \frac{400}{400} = 100$$

и $Q = Q_1 - Q_2 = 100 - 100 = 0$, т. е. никакой механической энергии не было бы.

Диагр. № 2.

Таким образом, затрата на топливо и энергию дает чрезвычайно сильные колебания в зависимости от целого ряда тепло-технических моментов. Повидимому, и в этой области рынок, игнорируя эти колебания ориентируется на общественную среднюю, и уклонение цены от стоимости, его величина и знак определяются и здесь реальным уклонением каждой отдельной варианты от среднего типа топливного хозяйства. Совершенно очевидно, что калькуляция затрат на эту часть оборотного капитала должна иметь в своей основе точное знание средних минимальных и максимальных достижений тепло-техники. Так же решается вопрос и о наибольшей экономичности той или иной силовой машины.

Вопрос о затратах на сырье решается несколько иначе. Здесь нам приходится иметь дело не с одной определенной группой материалов, как топливо и энергия, а с целым рядом специальных материалов, соответствующих различным видам сырья. Здесь не играют, быть может, столь сильную роль технические моменты, хотя технология и товароведение дают, конечно, целый ряд руководящих указаний относительно экономичности использования того или иного сырья. Но подвести их под систему общих правил, как это имело место в тепло-технике, конечно, невозможно. Для каждого вида сырья существуют свои машины и свои нормы использования или так называемые нормы «выхода материала»; например: выход муки из зерна, выход металла из руды и т. д. И здесь существует вопрос об использовании неиспользованного материала, и играют большую роль вопросы об угаре, отбросах, браке и т. п.

В калькуляционной практике существуют разные способы определения нормальной затраты материала. 1. Теоретическое определение нормы затрат материала по отношению к определенному количеству продукта и теоретическое же исчисление нормы необходимых потерь, и вычисление фактических отклонений от них. Так, в текстильной индустрии вычисляется, например, теоретическая длина нити по отношению к каждому номеру пряжи; в прокатных заводах произведенная масса металла вычисляется теоретически по количеству оборотов и длине различных частей вальцовочных аппаратов.

ческий ресурс... если даже допустить возможность истощения угольных залежей, ибо шовишение в этой области эффекта лежит за пределами рода используемого топлива.

Диаграмма № 2 это ярко иллюстрирует. Температура сжигаемого нами топлива на колосниковой решетке (*Rost*) в топке котла $= 1500^{\circ}$, в то время, как котел сам достигает $t^{\circ} = 200^{\circ}$. Допустим, что температура уходящего газа (благодаря охлаждению) $= 50^{\circ}$, тогда, если бы мы при начальной температуре исходили из 1500° (t° сгорания топлива), то область используемого тепла была бы *обт* и при конечной температуре в 50° используемое тепло равнялось бы Fh . Но на самом деле мы вправе исходить только из начальной температуры котла $= 200^{\circ}$ (остальные 1300° не доходят до котла вследствие потерь на излучение и прочих несовершенств техники). Поэтому область используемого тепла будет уже не *обт*, а *ост* и при t° уходящего газа в 50° используемая часть теплоты не Fh , а только gh , т.-е. меньше на величину Fh (а всего, таким образом, уменьшается на площадь *обс*).

С другой стороны, если бы нам удалось уменьшить температуру уходящего газа с 50° до 30° , то и тем самым мы тоже увеличили бы эффективную величину механической энергии.

II. Определение нормальной затраты материала на основе фактического наблюдения и регистрации затрат и полученных результатов за определенный промежуток времени и в выведении соответствующих средних. При этом методе затрата материала определяется, таким образом, не вперед, а пост-фактум, как определенный результат работы.

III. Установление материальных затрат на основе пробной рабочей операции, проводимой при нормальных технических условиях; этот способ является, в сущности, разновидностью первого метода.

Констатация отклонений фактического расхода от нормального в ту или иную сторону является в то же время и проверкой организованности работы. В книге инженера Бурова читаем: «Выяснив практический расход материалов на каждый сорт и цвет товара, мы будем иметь в руках так называемые нормы стоимости. Зная количество кусков сработанного товара в каком-либо отделении фабрики и умножая его на нормальную стоимость по затратам материалов, получим в общей сумме так называемый нормальный расход материалами на отдел фабрики. Сравнивая его с действительным, поданным материальным магазином, мы увидим экономичность работы мастера, заведующего отделом, или перерасход» ¹⁾.

Для выведения каких-либо общественных средних здесь приходится принимать во внимание и значение выдвигаемой современной техникой так называемой *унификации* производства. Унификация материалов имеет решающее значение по отношению к экономичности их потребления. Так, в книге Ганса Лаге «Нормализация и стандартизация промышленности» читаем: «Унификация начинается уже с материала, т.-е. с сырья, полуфабрикатов и готовых продуктов, которые получаются со стороны и подвергаются дальнейшей переработке или использованию в собственном предприятии. Правила, касающиеся материала, не только обуславливают определенное качество материала, и тем самым достижение одинаковой обработки и одинаковой доброкачественности продуктов; эти нормы, кроме того, сводя все материалы к определенному числу, стремятся тем самым существенно упростить сложный процесс производства в современных предприятиях. Если мы представим себе, как сложна организация снабжения крупных предприятий материалами, когда в нее входят: требования, поступающие от отдельных мастерских и технических бюро, условия выгодности закупки, содержание на складах, номенклатура их и контроль над ними, выдача для дальнейшей переработки на основании особенных требовательных ведомостей, учет расходования материалов при вычислении общих расходов и т. д., то нам станет ясно, что здесь тем легче может быть создан правильный порядок, чем меньше число различных материалов, благодаря нормам, установленным для их размера и качества.

Нормируя пределы допустимых отклонений и нормализуя измерительные приборы, мы получаем возможность точно измерять

¹⁾ „Калькуляция отделки хлопчатобумажной ткани и ткацкого производства“, стр. 37 и 40.

материалы и избегать излишков в величине и весе. Дальнейшая экономия материалов достигается путем применения способов производства, которые стали возможны благодаря нормализации и стандартизации. При изготовлении единичных экземпляров или лишь незначительного числа ненормированных предметов, принято обыкновенно щедро отмерять материалы для того, чтобы в процессе работы имелся некоторый запас и не возник недостаток, который нельзя было бы пополнить и который заставил бы снова повторить весь процесс производства. Методы работы, применяемые при единичном производстве почти всегда значительно менее точны, чем методы, применяемые при часто повторяющемся изготовлении нормалей или стандартов. И чем точнее становится процесс работы, тем точнее можно отмерять используемые материалы. Так, например, при изготовлении небольшого количества отдельных кованых изделий процент получаемых отходов будет значительно больше, чем при изготовлении большого числа одинаковых предметов. При индивидуальном изготовлении все-таки придется прибегнуть к работе кузнеца и кузнечного горна. Здесь нельзя наперед точно определить количество потребного материала, это количество меняется еще и потому, что выковывание и вытягивание материала ручным способом не всегда совершается равномерно. Для того, чтобы иметь достаточный запас, необходимо обильно отмерять материал, а это ведет и к соответственному увеличению количества отходов. Совершенно иначе совершается производство нескольких сот или еще большего числа одинаковых кованых изделий. Здесь вместо кузнечного горна применяется калильная печь и ковочный пресс. Раскаленный материал сдавливается в формах, так называемых штампах, которые не имеет смысла заготавливать для небольшого количества кованых изделий; здесь путем ряда опытов можно точно установить, сколько потребуется материала, так что отходов вообще не останется»¹⁾.

Таким образом, здесь уже идет речь не только об экономичности отдельного мастера или заведующего отделом, но об общем принципе экономичности в организации самого дела. Унификация и нормирование материалов имеют значение не только, поскольку речь идет об увеличении размеров производства, но и поскольку речь идет о правильном содержании материальных складов. «Нормирование материалов,—читаем мы у Лаге,—всегда давало возможность организовать легко обозримые и содержащиеся в надлежащем порядке материальные склады. Наоборот, беспорядочное приобретение материалов всех возможных сортов и видов при производстве большого количества разнообразных предметов всегда крайне затрудняло целесообразный контроль, хранение, расходование и пополнение материалов. При неупорядоченном производстве не представляется возможным указать виды и точные размеры требующихся материалов. Между тем, при массовом производстве и при изготовлении сериями, ведомости, заклю-

¹⁾ Гавс Лаге. „Нормализация и стандартизация промышленности“, стр. 97 и 98.

чающие в себе данные о материалах, затраченных на каждый выделанный продукт, дают безупречные основания для правильной оценки той доли, которая падает на материалы при зачислении выручки. Всякая неправильность в использовании материалов может быть без труда констатирована, если процесс производства часто повторяется»¹⁾.

Вопрос об *утилизации отбросов производства* чрезвычайно отчетливо сформулирован у Маркса. В III-м томе «Капитала» читаем: «Вместе с капиталистическим способом производства расширяется использование отбросов производства и потребления. Под первыми мы понимаем отбросы промышленности и сельского хозяйства, под последним — частью экскременты, являющиеся результатом естественного обмена веществ у человека, частью ту форму, какую принимают предметы потребления после того, как процесс потребления их закончен. Отбросами производства являются, таким образом, в химической промышленности побочные продукты, которые теряются при малых размерах производства: железные стружки, остающиеся при фабрикации машин и снова вступающие в железоделательное производство в качестве сырого материала, и т. п. Экскременты потребления — это вещества, выделяемые человеческим организмом, остатки платья в форме тряпок и т. д. Экскременты потребления наиболее важны для сельского хозяйства... В общем, условия этого вторичного использования таковы: накопление значительных масс экскрементов, которое возможно только при организованных в широком масштабе; усовершенствование машин, благодаря чему вещества, не находившие прежде употребления в данной форме, получают вид, пригодный для применения в новом производстве; успехи наук, в особенности химии, открывающей особенные свойства таких отбросов»²⁾... «Наиболее яркий пример применения отбросов дает химическая промышленность. Она потребляет не только свои собственные отбросы, находя для них новое применение, но также отбросы самых разнообразных других отраслей промышленности и превращает, например, пропадавший в прежнее время почти совершенно без пользы каменноугольный деготь, — в анилиновые краски, в ализарин, а за последнее время — также в медикаменты»³⁾.

Помимо утилизации экскрементов и отбросов, большую роль играет также вопрос об «экономии при получении самих отбросов, т. е. сведение экскрементов производства к их минимуму и непосредственное максимальное использование сырых и вспомогательных материалов, входящих в производство»⁴⁾. И далее:

«Сбережения на отбросах частью обусловлены хорошим качеством применяемых к делу машин. Масло, мыло и т. п. сберегаются тем более, чем точнее работают отдельные части машин и чем лучше они отполированы. Это касается вспомогательных материалов. Отчасти

1) Ibidem, стр. 104.

2) «Капитал», т. 3, ч. 1. Гиз, стр. 76 и 77.

3) Ibidem, стр. 77 и 78.

4) Ibidem, стр. 78.

же — и это самое важное — от качества применяемых машин и орудий зависит больше или меньше та часть сырого материала, которая в процессе производства превращается в отбросы. Наконец, это зависит также от качества самого сырого материала. Последнее в свою очередь зависит частью от развития добывающей промышленности и земледелия, которые производят сырой материал (от успехов культуры в собственном смысле этого слова), частью от выработанности техники тех процессов, которые сырой материал прорабатывает до своего вступления в мануфактуру»¹⁾.

Само собою разумеется, что вопрос об утилизации отбросов и вопрос о сведении их к минимуму имеет огромную важность с точки зрения исчисления стоимости продукта. Лайтнер утверждает даже, что «рентабельность предприятия зависит часто от утилизации отбросов»²⁾. Для практических целей Лайтнер определяет важнейшие моменты использования отбросов отдельно для химико-технологических предприятий и для механико-технологических. Для первых он устанавливает следующие важнейшие моменты по отношению к отбросам материала:

1) Отбросы не могут быть использованы в самом предприятии и не могут быть проданы. Стоимость их, следовательно, ложится полностью на стоимость продукта, включая расходы по их собиранию и удалению с предприятия.

2) Отбросы и побочные продукты производства не используются в собственном предприятии, но продаются другим, как, например: шлаки и побочные продукты газовых фабрик, из которых вырабатываются аммиак, бензол и т. д. В этом случае мы имеем дело с значительным уменьшением ценности продукта.

3) Отбросы и побочные продукты используются на том же предприятии, где они получаются. Это особенно часто имеет место в комбинированных предприятиях. И здесь также мы имеем дело с уменьшением основной стоимости продукта. Разница состоит, однако, в том, что в первом случае мы имели дело с определенными рыночными ценами на продаваемые отбросы, во втором же дело представляется несколько иной форме, так как переработанные отбросы являются тоже продуктами сбыта данного предприятия, и вопрос касается уже разложения первоначальной стоимости материала между теми и другими.

Для механико-технологических предприятий различаются следующие случаи:

1) Отбросы учитываются вперед по определенному нормальному проценту, как например, угар пряжи или потеря в весе переплавляемого материала и т. п.

2) Потери определяются дефектами поставленного материала или дефектами работы, как это может, например, иметь дело в литейном производстве, в стекольном производстве и при всякой работе.

¹⁾ Ibidem, стр. 78.

²⁾ Leitner, вышецитир. работа, стр. 20.

дающей определенный процент брака. Если причиной брака, поломки, порчи материала и т. д. являются рабочие, то убытки ставятся на их ответственность; при дефекте же закупленного материала вопрос становится сложнее,—здесь практикуются самые различные методы разделения убытков между разными отделами предприятия, его закупочным аппаратом или перерабатывающими отделами, выработавшими из плохого материала дефективный продукт, продающийся на рынке ниже его стоимости.

Все сказанное относительно возможных причин колебания стоимости сырья прекрасно резюмировано Марксом в следующем абзаце: «И эта область сбережения есть результат общественного труда в крупном масштабе. Только при таком масштабе отбросы получают в столь значительных массах, что они сами становятся скоро предметом торговли, а, следовательно,—новыми элементами производства.. и уменьшают, поскольку они снова могут быть проданы, издержки на сырой материал, так как к этим издержкам всегда причисляется нормальный отброс материала, т.-е. то его количество, которое в среднем должно быть потеряно при обработке» ¹⁾.

Резюмируем все сказанное в настоящей главе.

В жизненном обиходе при калькуляции себестоимости мы сплошь и рядом имеем дело с термином «издержки производства». С точки зрения марксовской экономики издержки производства «суть те части товарной стоимости, которые возмещают авансированный капитал» ²⁾. Лишь при таком определении понятие «издержек производства» приобретает полную ясность. Речь здесь идет, конечно, не о стоимости товара, а только об определенной части ее, ибо, как говорит Маркс двумя страницами раньше, «то, чего стоит товар капиталистам, измеряется затратой капитала, то, чего товар действительно стоит, — затратой труда» ³⁾. Полная товарная стоимость включает, помимо этих своих частей, которые возмещают авансированный капитал, еще и прибавочную стоимость. В вульгарной экономике капиталистического общества прибавочная стоимость смешивается с прибылью, а «при кажущемся образовании издержек производства не видно никакого различия между постоянным и переменным капиталом» ⁴⁾. На самом деле, издержки производства—это «граница минимальной продажной цены товара.. Если он продается ниже издержек его производства, то израсходованные составные части не могут быть вполне возмещены из продажной цены. Если этот процесс продолжается, то авансированная капитальная стоимость исчезает» ⁵⁾.

В настоящей главе мы рассмотрели строение той составной части производительного капитала, которую Маркс называет «постоянным

¹⁾ Капитал, т. 3, Гиз, стр. 54

²⁾ Ibidem, стр. 5

³⁾ Ibidem, .. 2

⁴⁾ Ibidem, .. 11

⁵⁾ Ibidem, .. 12.

капиталом» и которая передает продукту свою стоимость без увеличения этой последней. Постоянный капитал распадается на две основные части — основной и оборотный. капитал, из которых первый передает свою стоимость продукту по мере его изнашивания при длительном цикле потребления, а второй — целиком в каждом цикле производства. Целый ряд факторов определяет колебания этих издержек производства, или «экономии в применении постоянного капитала». Важнейшим из этих факторов является рост объема производства при концентрации его. Прежде всего, концентрация производства обуславливает значительную экономию в использовании основного капитала. «На крупной фабрике с одним или двумя центральными двигателями,—читаем мы у Маркса,—издержки на эти двигатели возрастают не в той пропорции, в какой растет количество лошадиных сил двигателей, а, следовательно, и возможная сфера их действия. Издержки на передаточные механизмы растут не в той пропорции, как масса рабочих машин, которым они сообщают движение. Сам остов рабочей машины удорожается не в той пропорции, в какой увеличивается число орудий, которыми она действует, как своими органами. Далее концентрация средств производства обуславливает сбережения на всякого рода постройках» ¹⁾. Здесь мы имеем дело с ростом потребительной стоимости машины при данном уровне производительности труда. «На одной ступени технического развития плохая машина может быть дорога, на другой — хорошая машина может быть дешева» ²⁾. Вторым важным фактором экономии на основном капитале являются «успехи в области интеллектуального производства, именно — естественных наук и их применения» ³⁾. Экономии, получаемую этим путем, Маркс сводит к четырем пунктам, а именно:

1. Экономии благодаря улучшению материала машин;
2. Удешевлению машин вследствие улучшения фабрикации машин вообще;
3. Благодаря специальным усовершенствованиям, которые позволяют уже имеющимся машинам работать дешевле и успешнее;
4. Благодаря уменьшению количества отбросов при усовершенствованных машинах» ⁴⁾.

Те же факторы обуславливают в общем и целом экономию в применении оборотного капитала, как по отношению к основному сырью, так и по отношению к вспомогательному сырью, топливу и энергии. Именно по отношению к двум последним моментам играют огромную роль, как мы видели, «успехи в области интеллектуального производства». Еще Маркс, цитируя письмо изобретателя парового молота — инженера Джемса Насмита, приводит из него следующую цитату: «Экономия, достигаемая, как результат применения таких машин, выражается в том, что здесь работа одной лошадиной силы в течение часа создается 3—4 фунтами угля, тогда как на машинах

¹⁾ I d e m, стр. 53

²⁾ I d e m, „ 55

³⁾ I d e m, „ 56

⁴⁾ I d e m, „ 55

старой системы для этого необходимо было 12—14 фунтов» ¹⁾. В настоящее время, как мы видели, вопрос о минимальной затрате угля на единицу движущей силы является одним из основных вопросов теплотехники. Но если тут мы имеем дело с сокращением затрат топлива для получения прежнего эффекта, то, с другой стороны, для теплотехники немалую роль играет и сбережение отбросов пара и тепла, и мы видели, что использование этих отбросов или сокращение их является чрезвычайно важным фактором в экономии на оборотном капитале или, точнее, той части его, которая представлена затратами на горючие материалы. И при использовании основного сырья выдвигаются все те же моменты: 1) объем производства и 2) тот прогресс интеллектуального производства, на этот раз химии и технологии, благодаря которому становится возможным «обратное превращение экскрементов производства, так называемых отбросов, в новые элементы производства той же самой или другой отрасли промышленности» ²⁾ или, иначе говоря, «задача состоит в том, чтобы ничто не расточалось и не пропадало даром, чтобы средства производства расходовались лишь настолько, насколько этого требует само производство» ³⁾.

Анализируя все эти моменты экономии в применении постоянного капитала, следует помнить, что все выгоды такого рода «являются продуктом общественного труда» и что если «большая или меньшая дешевизна товара зависит от производительности труда в той отрасли производства, из которой он выходит, как продукт», то в то же время она является не только условием удешевления тех товаров, в производство которых входит данный товар, как средство производства, но и с условием уменьшения стоимости постоянного капитала, элементом которого становится здесь данный товар» ⁴⁾.

М. Смит.

¹⁾ Ibidem, стр. 75

²⁾ " " 54

³⁾ " " 58

⁴⁾ " " 56

ПОДЪЕМ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ НАКА- НУНЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И МЕТОДОЛОГИЯ КА- ПИТАЛИСТИЧЕСКОЙ КРИВОЙ.

В русской экономической литературе было высказано мнение о чрезвычайной слабости русского промышленного подъема 1909 — 1913 г.г. «Наш подъем,—говорит Л. Кафенгауз в статье, представляющей стенограмму его доклада, зачитанного 1 марта 1914 года на заседании «Вольно-Экономического Общества», — отличается... одной истинно-русской особенностью—он настолько слабо выражен, что иногда сомневаешься, можно ли такое состояние называть тем, что обыкновенно называется общим промышленным подъемом ¹⁾. Вместе с ростом спроса в 1910 году производство начинает увеличиваться, выплавка чугуна с 175 миллионов в 1909 году доходит до 219 милл. пуд. в 1911 году и до 293 милл. пуд., по предварительным исчислениям, в 1913 году. Увеличение, как мы видим, значительное. Однако, если мы сравним эти пять лет с подъемом второй половины девяностых годов и если мы примем во внимание, что этому подъему предшествовал небывалый по своей продолжительности застой, то первое впечатление, которое получается от этих цифр, несколько потускнеет. Так, с 1908 по 1913 год выплавка чугуна возросла на 70,7%, между тем, во второй половине девяностых годов производство возросло на 103%: в 1895 году было выплавлено 86.780 тыс. пуд. чугуна, а в 1900 уже 176.828 тыс. пуд. Еще менее благоприятная картина получится, если мы сравним средний годичный прирост выплавки чугуна за все десятилетие 1890—1900 г.г. по сравнению с десятилетием 1903—1913 г.г.: в то время как в первое десятилетие ежегодный прирост равнялся 22,1%, в последнее десятилетие тот же прирост составил только 9,6%. Нечего и говорить, что наше развитие не выдерживает никакого сравнения с развитием западно-европейской железной промышленности; с 1900 года до 1913 года, несмотря на два кризиса, производство чугуна в Германии возросло с 8½ милл. тонн до 19 милл. слишком, т.е. ежегодно возрастало на 9 слишком процентов. Иначе говоря, тот прирост, который у нас является экстраординарным, свойственным эпохе исключительного подъема, в Германии является совершенно обычным в течение последних тринадцати лет» ²⁾.

¹⁾ Труды Вольного Экономического Общества. 1914. Кн. 1—2. Спб. 1914. стр. 62.

²⁾ Там же, стр. 67 и след.

Трудно признать научное достоинство как за общей характеристикой темпа промышленного подъема в России 1909—1913 г. г., которую дает Л. Кафенгауз, квалифицируя ее, как его «истинно-русскую особенность», так и за теми статистическими выкладками, которыми он оперирует.

В прениях по докладу Л. Кафенгауза один из его оппонентов, Ф. Липкин, заметил: «Сравнение цифр последнего пятилетия с цифрами 90-х годов — несостоятельно: тогда у нас промышленность только создавалась» ¹⁾. Вряд ли Ф. Липкин теоретически сознавал всю глубину своей мысли: тут просто сказался здравый смысл человека, далекого, по выражению В. И. Ленина, от «игры в цифирьки», от того, чтобы «делать выводы из статистики, забывая экономику», и за количественными различиями не упускающего из виду различий качественных.

Основная ошибка Л. Кафенгауза в том, что он не различает качественных фаз в промышленном развитии отдельных капиталистических стран. Это сказалось на всем построении его доклада, сказалось и на сравнении двух последних русских промышленно-капиталистических подъемов.

Различие в темпе промышленного развития между старыми и молодыми капиталистическими странами было отмечено еще Туган-Барановским ²⁾. В настоящее время можно считать твердо установленным тот факт, что молодые капиталистические страны отличаются более быстрым темпом промышленного развития, чем старые капиталистические страны.

Но этого мало: необходимо отметить значительные колебания и в темпе развития каждой отдельной капиталистической страны в разные исторические периоды ее существования, при чем из этих многих периодов ее промышленной эволюции лишь один, нековторимый период характеризуется наиболее мощным, революционным темпом.

К доказательству второго положения и установления его связи с первым мы и перейдем, так как это чрезвычайно существенно для того, чтобы из сравнения темпа русского промышленного подъема накануне мировой войны с темпом промышленного подъема в 90-х годах XIX века не делать того неправильного вывода, к которому пришел Л. Кафенгауз.

Рост чугуноплавильного производства наиболее четко отражает темп развития промышленного капитала. Для характеристики этого темпа в отдельных странах приведем рекордные цифры выплавки чугуна по пятилетиям ³⁾.

¹⁾ Труды Вольного Экономического Общества. 1914. Кн. 1—2. Сиб. 1914, стр. 16.

²⁾ М. Туган-Барановский. „Русская фабрика в прошлом и настоящем“. См. в издании „Московского Рабочего“, 1922 г., стр. 283.

³⁾ Погодные цифры выплавки чугуна взяты из изданий: 1) постоянной совещательной комиссии железозаводчиков („Материалы для истории и статистики железной промышленности России. Общий обзор железной промышленности“. Сиб. 1896 г.) и 2) Стат. Бюро горнопромышленников юга России („Железная промышленность“ за ряд лет). Погодными же цифрами добычи угля и потребления кокша мы обязаны т. Х. Рапошпорту, извлекшему их для своей работы из иностранных статистических ежегодников.

1. Таблица рекордных цифр выплавки чугуна по пятилетиям (в миллионах пудов).

В каждой графе сверху указана цифра выплавки чугуна, внизу — год выплавки.

Пятилетия. Страны.	1841—1845 г.	1846—1850 г.	1851—1855 г.	1856—1860 г.	1861—1865 г.	1866—1870 г.	1871—1875 г.	1876—1880 г.	1881—1885 г.	1886—1890 г.	1891—1895 г.	1896—1900 г.	1901—1905 г.	1906—1910 г.
	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.	г.
Англия	87 1844	140 1850	200 1855	237 1860	299 1865	370 1870	412 1872	480 1880	532 1882	511 1889	478 1895	577 1899	595 1905	633 1910
Германия	—	—	—	34 1859	60 1865	86 1869	137 1873	166 1880	225 1885	284 1890	333 1895	490 1899	671 1905	903 1910
Северо-Амер. Соед. Штаты	—	50 1847	48 1855	60 1859	62 1864	104 1869	156 1873	234 1880	282 1882	561 1890	585 1895	855 1900	1426 1905	1693 1910
Россия (с Финляндией)	10 1845	14 1850	16 1855	20 1860	19 1861	30 1869	26 1875	27 1880	32 1885	57 1890	87 1895	179 1900	181 1904	186 1910

II. Таблица рекордных цифр выплаты чужуна по пятилетиям в ‰/‰ отношении к выплате первого пятилетия.

Пятилетия. Страны.	1841—1845 гг.	1846—1850 гг.	1851—1855 гг.	1856—1860 гг.	1861—1865 гг.	1866—1870 гг.	1871—1875 гг.	1876—1880 гг.	1881—1885 гг.	1886—1890 гг.	1891—1895 гг.	1896—1900 гг.	1901—1906 гг.	1906—1910 гг.
Англия	100	161	230	272	344	425	474	532	611	587	549	663	694	728
Германия	—	—	—	100	177	263	403	488	662	835	979	1.441	1.974	2.659
Сев.-Амер. Соединен. Штаты	—	100	96	100	124	208	312	468	664	1.122	1.170	1.710	2.852	3.386
Россия (с Финляндией) . . .	100	140	160	200	190	300	260	270	320	670	870	1.790	1.810	1.860

Для того, чтобы вскрыть искомые исторические периоды в капиталистической динамике исследуемых стран, сгруппируем те относительные данные, которые нами получены в таблице II, по двадцатипятилетиям ¹⁾, и в пределах каждого двадцатипятилетия вычислим кратное отношение между рекордными цифрами выплавки чугуна первого и последнего пятилетия, см. табл. III.

Итак, в таблице III искомые периоды найдены: для Англии период 1841—1865 г.г., для Германии—1856—1880 г.г., для С. А. С. Ш.—1866—1890 г.г. и для России—1876—1900 г.г. В каждом из этих хронологических отрезков можно отметить какое-либо крупное национальное явление, играющее роль капиталистического рычага: для Англии—отмена хлебных таможенных законов и навигационного акта Кромвеля, для Германии—последствия франко-прусской войны в виде объединения германских государств, пятимиллиардной контрибуции и аннексии Эльзас-Лотарингии, для Сев. Амер. Соед. Штатов—реализация победы промышленно-капиталистического севера над торгово-капиталистическим югом и для России—форсированный процесс первоначального капиталистического накопления в деревне в результате проведения в жизнь крестьянской реформы 1861 г. и небывалых голодов 1891—1892 г.г.

Прежде чем обнажить экономическую природу этих исторических эпох, сделаем соответствующие выводы из последней таблицы.

Каждая капиталистическая страна переживает один исключительный по темпу промышленного развития период, за пределами которого промышленный темп ослабевает. При этом, чем позже страной овладевает промышленный капитал, тем выше темп отмеченного периода: для Англии таблица регистрирует его цифрой 3,4, для Германии—4,9, для Сев. Амер. С. Штатов—5,4 и для России—6,6. Далее, национальные стадии максимального темпа промышленных подъемов следуют друг за другом в определенной исторической последовательности, и существует органическая связь между всеми предыдущими и каждой последующей ступенью: промышленный капитал, созревая в более старых капиталистических странах, проносится ураганом по более молодой капиталистической стране, и победное шествие его по пути сокрушения докапиталистических форм хозяйства знаменуется катастрофическим темпом, тем большим, чем более страна отстала в промышленном развитии.

Эти выводы подтверждает и темп добычи ископаемого угля, см. табл. IV.

Теперь обратимся к анализу темпа железнодорожного строительства в каждый данный период.

Железнодорожная сеть увеличилась в Англии за 20 лет, с 1840 до 1860 г., с 1219 километров до 16.797 килом., т.-е. на 15.578 килом., что составляет 41% всей ее железнодорожной сети в 1910 году (37.689 килом.), тогда как за следующее двадцатилетие (1860—1880 гг.)

¹⁾ Что следует группировать по четвертям века, выявила табл. II (см. подчеркнутое).

IV. Таблица рекордных цифр добычи угля по двадцатипятилетиям.

Страны.	Даты.				
		1841—1865 г.г.	1866—1890 г.г.	1891—1900 г.г.	
Англия	Добыча угля в рекордные годы I и V пятилетий (в милл. пуд.). Кратное отношение.	2112 — 5991 2,8			
Германия	Добыча угля в рекордные годы I и V пятилетий (в милл. пуд.). Кратное отношение.		751 — 2869 3,8 ²⁾		
Соед.-Амер. Соед. Штаты	Добыча угля в рекордные годы I и V пятилетий (в милл. пуд.). Кратное отношение.			1801 — 8639 4,8 ²⁾	
Россия ¹⁾	Добыча угля в рекордные годы I и V пятилетий (в милл. пуд.). Кратное отношение.				201 — 986 4,9

¹⁾ Для России надо принять во внимание и исключительный рост добычи жидкого минерального топлива.

²⁾ По Michael Mulhally (The dictionary of Statistics) — 3,5.

³⁾ По Гранату (Энцикл. слов.) — 4,2.

соответствующий прирост 32%. В Германии железнодорожная сеть за 20-летие с 1860 до 1880 г. увеличилась с 11.724 килом. до 33.838 килом.,—прирост в 37% по отношению к железнодорожной сети 1910 года (59.031 килом.), за следующее же 20-летие (1880—1900 гг.) соответствующий прирост лишь 15%. В С. А. Соед. Штатах железнодорожная сеть за 20-летие, с 1870 до 1890 г. дала увеличение на 113.781 милю (с 52.922 до 166.703) — прирост в 47% от железнодорожной линии 1910 года (244.084 мили), а за следующее 20-летие (1890—1910 г.г.) соответствующий прирост 31%. В России из 58.850 верст, открытых для движения с 1838 до 1910 г., на 20-летие с 1881 по 1900 г. приходится 26.394 версты, или 45%.

Отсюда вывод: темп железнодорожного строительства в каждой капиталистической стране за пределами определенного периода ослабевает.

Рассмотрим, наконец, в тех же хронологических границах рост потребления хлопка. Для Англии вырисовывается следующая статистическая картина:

Пятилетия.	Среднее годовое потребление хлопка в милл. англ. фунтов.		То же в % к цифре первого десятилетия.		Рекордная цифра выплавки чугуна за каждое пятилетие (в милл. пуд.).	
			То же в % к цифре первого десятилетия.			
1841—1845 г.г.	521,3	100	87	100		
1851—1855 " "	750,1	144	200	230		
1861—1865 " "	628,6	140	299	344		
1871—1875 " "	1228,6	236	412	474		

Как видим, в период исключительно высокого темпа капиталистического развития Англии с 1841 по 1865 г.г. (кратный рекордный индекс выплавки чугуна для десятилетия 1846—1855 г.г.—2,3 и для десятилетия 1856—1865 г.г.—1,5) хлопчатобумажная промышленность развивается гораздо слабее, чем за десятилетие 1866—1875 г.г. с более низким чугуноплавильным индексом (1,4).

Для остальных стран приведем синхронистическую таблицу относительных рекордных цифр потребления хлопка и выплавки чугуна:

Двадцатипятилетия.	1856—1880 г.г.		1866—1890 г.г.		1876—1900 г.г.	
	Кратное отношение рекордных цифр перв. и послед. пятилетий.					
	Потребле- ние хлопка.	Выплавка чугуна.	Потребле- ние хлопка.	Выплавка чугуна.	Потребле- ние хлопка.	Выплавка чугуна.
Страны.						
Германия	2,0	4,9				
С. А. Соед. Штаты			2,6	5,4		
Россия					2,4	6,6

Цифры красноречивы: они показывают, что для подъемных периодов динамика легкой индустрии не обнаруживает той закономерности, которая так рельефно проступает в динамике индустрии тяжелой, и что, стало быть, рост легкой индустрии для этих периодов не характерен,—ключ к разгадке их оригинальной природы нами найден вне пределов производства средств потребления.

Таким образом, на основе методологически использованного цифрового материала, мы не рискуем ошибиться в определении экономического содержания тех капиталистических циклов, когда кривая промышленных подъемов достигает рекордной высоты.

Это эпохи революции в средствах транспорта и связанного с ней мощного грядущего тяжелой индустрии, пробивающей брешь в экономическом господстве легкой индустрии и закладывающей прочные основы своей собственной диктатуры в национальной экономике.

Механизация сухопутного, морского и речного транспорта и сказочный рост тяжелой индустрии в обстановке оживления мирового рынка средств обращения (открытие и лихорадочная разработка во второй половине 19 века золотых россыпей в Калифорнии, Австралии и Трансваале)—таковы технические и экономические сдвиги на крутых перевалах к последней стадии капитализма.

Из изложенного ясно, что к количественному сравнению амплитуды промышленных темпов в одной и той же стране и в разных странах надо подходить не абстрактно, а конкретно, качественно модифицируя количественные выводы в зависимости от тех капиталистических эр, в предельных вехах которых идет восхождение кривой того или другого промышленного подъема.

Другими словами, темпы качественно различных промышленных подъемов статистически несравнимы при исключительно арифметическом сопоставлении: применение такого сопоставления методологически правильно только для качественно одинаковых капиталистических эпох, при чем и в последнем случае не малое значение имеет учет национальных особенностей этих эпох, так как качественных абсолютов общественная история не знает.

Ведая это, мы имеем методологическую возможность выйти за пределы тех исторических дат, дальше которых не шел ограниченный метод Л. Кафенгауза, и провести ряд более широких исторических параллелей.

Прежде, однако, укажем на неправильность того методологического приема, к которому прибегает Л. Кафенгауз для определения высоты промышленного подъема: из цифры конечного года промышленного подъема он вычитает цифру года, предшествующего начальному году подъема, т.-е. того года, который отмечен кризисом или депрессией. Вычитаемым же надо брать цифру года, рекордного по производству для предыдущего цикла капиталистического развития, так как она является для данного подъема историческим минимумом, с достижения или превышения которого разворачивается новый нормальный капиталистический цикл. В тех же случаях, когда предыдущий подъем

настолько слабо выражен, что рекордный год дан подъемом, бывшим до него, приходится исходить из этого последнего года в виду того, что он датирует цифру предельных достижений капиталистического производства за весь тот исторический период, за которым следует данный промышленный подъем: определение высоты подъема предполагает подход исторический, а не просто циферно-хронологический, и процентный индекс служит для показания роли данной восходящей прямой в общем восхождении кривой капиталистического развития страны.

В противном случае процент повышения производства за время подъема получается выше действительного. Так, если для характеристики роста выплавки чугуна в России за время подъема 1909—1913 гг. за исходную принимать цифру 1908 года, то процент равен 64¹⁾, при исходной же цифре 1904 года (за которыми последовал рецидив кризиса) процент понизится до 57. Нагляднее всего это видно на анализе темпа промышленного подъема 1909—1913 гг. в С.-А. Соед. Штатах. Вот погодные данные о выплавке чугуна в С.-А. С. Ш.:

Выплавлено чугуна (в мил. пуд) 2).

1907 г. 1908 г. 1909 г. 1910 г. 1911 г. 1912 г. 1913 г.

1599 988 1598 1693 1466 1843 1920

Прирост в процентах к цифре предыдущего года.

1908 г. 1909 г. 1910 г. 1911 г. 1912 г. 1913 г.

— 38,2 + 61,7 + 5,9 — 13,4 + 25,7 + 4,2

На пороге XX века С.-А. С. Ш. избежали участия в разразившемся тогда мировом кризисе: за это они заплатились в 1908 г. после кризиса конца 1907 года небывалым падением производства чугуна (38,2%), так что в 1909 году произошел такой же небывалый скачок вверх (61,7%) только для того, чтобы достигнуть нормы 1907 года. Из приведенных относительных чисел видно, насколько прирост 1909 года нехарактерен для темпа прироста последующих 4 годов подъема. Если для определения высоты подъема выплавки чугуна за 1909—1913 гг. исходить из цифры 1908 года, получается прирост в 94%; взяв же вычитаемым цифру 1907 года, вычисляем прирост в 20% — почти в 5 раз меньше.

Попутно отметим совершенную нелепость приема Л. Кафенгауза при сравнении развития русской железной промышленности с развитием германской: для Германии он берет период 1900—1913 гг. и для России 1903—1913 гг. и, определив ежегодный прирост выплавки чугуна соответственно в 9 слишком процентов и в 9,6%, приходит к такому изумительному выводу: «Иначе говоря, тот прирост, который у нас является экстраординарным, свойственным эпохе

1) У Л. Кафенгауза процент выше, а именно 70,8, так как он, пользуясь чьими-то предварительными исчислениями, определяет выплавку чугуна для 1913 г. в 293 мил. п. (точная цифра — 282).

2) Железная промышленность южной России в 1913 г. Изд. Стат. Бюро Сов. Съезда горнопромп. юга России.

исключительного под'ема, в Германии является совершенно обычным в течение последних тринадцати лет» (цитировалось выше). Как будто Россия в 1903—1908 гг. переживала эпоху исключительного под'ема! И такая параллель приводится для характеристики русского промышленного под'ема 1909—1913 гг.!

После этих замечаний, вернемся к обещанным историческим параллелям.

Зная из предыдущего изложения, что для каждой отдельной страны высота темпа промышленных под'емов различна в разные исторические периоды ее капиталистического развития, сравним темпы всех промышленных под'емов, длившихся 5 и более лет, от того времени, когда та или другая страна вступила в полосу исключительной по темпу капиталистической эволюции, до 1914 года.

В таблице V промышленные под'емы каждой страны расчленяются на два класса: первый относится к выше освещенному Sturm und Drang—Period'у ¹⁾, второй—ко времени, следующему за ним до мировой империалистической войны.

Индекс промышленных под'емов во второй период во всех странах значительно ниже, чем в первый: отношение максимального индекса второго периода к максимальному индексу первого для Англии—21%, для Германии—71%, С.-А. С. Ш.—45% и России—55%. Из второго периода выделяется еще канун империалистической войны, когда индекс последнего промышленного под'ема дает новое резкое понижение. В общем высота промышленных под'емов обнаруживает тенденцию к понижению: если в первый период капитализм переживает дни молодости, то к концу второго периода он доживает свои осенние дни. Все обостряющееся в эпоху империализма противоречие между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями ведет к задержке промышленного развития и толкает классы капиталистического общества к внеэкономическим методам разрешения этого противоречия—национальную буржуазию на путь империалистической войны, имеющей целью перераспределить территории национальных рынков и таким образом за счет одних стран расширить круг производственных отношений для дальнейшего развития производительных сил стран—победительниц, и международный пролетариат на путь социалистической революции, на который он вынужден вступить в результате мировой империалистической войны, не только не разрешающей рокового противоречия, но еще более его обостряющей.

По темпу промышленных под'емов в первый период и до XX века во второй период С.-А. С. Ш. шли впереди Германии; в XX

¹⁾ Цифры прироста выплавки чугуна в рекордные под'емы (для Англии 430%, Германии 780%, С.-А. Соединенных Штатов 990% и России 1030%) еще раз подтверждают существование интернациональной связи между национально-промышленными Sturm und Drang—Period'ами. Относительное же понижение рекордно-подъемного прироста в последнее 15-летие XIX века объясняется усиленным экспортом капитала в колонизальные страны из капиталистических стран, переживших Sturm und Drang—Period, который приводит к стадии финансового капитализма.

V. Таблица прироста выплавки чугуна по пятилетним промышленным подъемам.

В абсолютных числах приращений в млн. пуд. цифры выплавки чугуна за рекордные годы 1) для несто предыдущего развития промышленности (в скобках указан этот год) и 2) для данного подъема (такие годы являются 5-м и 6-м годами пятилетия); в отнoсительных — процент прироста.

Страны.	В ш л а н д с к о ч у г у н а					Россия (для 1-го подъема с Финляндией, для 2 и 3 — ссз нео).
	А н г л и я.	Г е р м а н и я.	С.-А. Соед. Штаты.	Россиа (для 1-го подъема с Финляндией, для 2 и 3 — ссз нео).		
Литературные промышленные подъемы.	В абсолютных числах.	В абсолютных числах.	В абсолютных числах.	В абсолютных числах.	В абсолютных числах.	
1852—1856 г.г.	156 (1851)—223					
1853—1857 "	43					
1863—1872 "	290 (1865)—418					
1869—1873 "	40					
1879—1883 "	77 (1880)—137					
1881—1885 "	78					
1886—1890 "	36	106 (1880)—225	136 (1879)—280	79		
1887—1891 "	—	—	222 (1882)—501	99		
1890—1894 "	—	276 (1889)—339	—	—	32 (1890)—61	91
1895—1899 "	532 (1892)—577	—	—	—	—	—
189—1900 "	8	—	—	—	87 (1895)—177	103
1902—1906 "	577 (1899)—629	—	—	—	—	—
1903—1907 "	9	513 (1902)—791	1,104 (1902)—1,599	45	—	—
1909—1913 "	3	796 (1907)—1,178	1,599 (1907)—1,920	20	150 (1904)—252	57

же веке они меняются ролями: Германия обгоняет Америку. Это объясняется тем, что в XX веке темп развития тяжелой индустрии в Германии оживает (темповый индекс по германскому чугуноплавильному производству для подъема 1881—1885 г.г.—36 и для подъема 1890—1894 г.г.—23, тогда как для подъема 1903—1907 г.г.—55 и для подъема 1909—1913 г.г.—48) за счет русского и особенно английского рынка. Насколько велико было противоречие между английской и германской металлургией, видно из следующих цифр: средний годовой процент прироста производства чугуна в Англии для периода 1841—1865 г.г. равен 9,8, для периода же 1865—1913 г.г. он понижается до 2,4; процент прироста германской выплавки чугуна для периода 1856—1880 г.г. равен 21,5%, а для следующего (1881—1913 г.г.)—18,5—понижение весьма незначительное.

И если дальнейшее развитие самой старой европейской капиталистической страны — Англии — упиралось в империалистическую войну, то дальнейшее развитие самой молодой европейской капиталистической страны — России — упиралось в революцию.

В самом деле, за период 1876—1900 г.г. средний ежегодный прирост выплавки чугуна в России равен 24%, а за время с 1901 по 1913 г.г.—4,5%: падение даже больше, чем в Англии.

Бурный рост капитализма в России за последнюю четверть XIX века поставил на повестку начала XX века актуальное разрешение вопроса о революционной ликвидации политического и социально-экономического наследия торгово-капиталистического прошлого. Революция 1905—6 г.г. не разрешила этого вопроса, но ее политические и социально-экономические рикошеты вызвали такие потрясения в деревне, что для дальнейшего развития капиталистической промышленности открылась отдушина, и тем революция была отсрочена до нового промышленного кризиса.

Эта отдушина заключалась в том, что вновь форсированное разрушение докапиталистических форм хозяйства расширило емкость капиталистического рынка.

Насколько значительно была расширена база для развития капитализма в молодой капиталистической стране, видно из того, что подобно подъему второй половины 90-х годов XIX века и капиталистический подъем 1909—1913 г.г. по темпу промышленного развития ставит Россию на первое место в ряду мировых капиталистических держав (см. табл. V). О том же говорят и следующие сравнительные данные: было выплавлено чугуна в России (с Финляндией) с 1896 по 1900 г.г. 694 млн. пуд., за время же с 1909 по 1913 г.г.—1.121 млн. пуд., т.-е. на 62% больше, тогда как в Германии за 1903—1907 г.г.—3.451 млн. пуд., а за время с 1909 по 1913 г.г.—4.908 млн. пуд. т.-е. всего лишь на 42% больше: ископаемого угля было добыто в России с 1896 по 1900 г.г.—3.847 млн. пуд., а с 1909 по 1913 г.г.—8.954 млн. пуд., т.-е. на 133% больше, тогда как в Германии с 1903 по 1907 г.г.—55.195 млн. пуд., за время же с 1909 по 1913 г.г.—73.992 млн. пуд., т.-е. всего лишь на 34% больше.

Г. Меерсон.

СОЦИАЛИЗМ В ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

(Очерк второй).

I.

Коммунистические представления не были чужды греческой общественной мысли. Как мы видели ¹⁾, одно из направлений общественной теории признавало коммунистический строй естественным, изначальным состоянием человеческого общества, унаследовав это учение от более ранних мифологических сказаний. Как широко были распространены эти взгляды, доказывает тот факт, что поздние греческие писатели упоминают об общности владения при Кроносе, как о чем-то всем хорошо известном, без всяких дальнейших пояснений ²⁾. Эта теория—один из первых моментов в истории коммунистических идей. Учение о первобытном коммунизме, о коммунизме золотого века—один из идейных первоисточников позднейшего социализма. Но само по себе это учение, относящее золотой век в прошлое, может свободно соединяться,—и не раз в истории человеческой мысли соединялось,—с признанием невозможности возврата к золотому веку, с признанием необходимости частной собственности для человечества, вышедшего из естественного состояния. Коммунизм, как счастливое прошлое, и коммунизм, как идеал будущего,—это два существенно различных комплекса идей, хотя и питающихся однородными или близкими настроениями.

Знала ли древняя Греция учения второго типа? Существовали ли в древней Греции теории, признававшие необходимым или желательным переход от системы частной собственности к системе общественной собственности и товарищеского труда? Ранние европейские коммунисты (XVI—XVIII вв.) считали своим предшественником величайшего представителя древне-греческой идеалистической философии—Платона. Анализ социальных идей Платона и составляет основную тему настоящего очерка.

Социально-политические произведения Платона были написаны в первой половине IV века, т.-е. относятся к эпохе наивысшего напряжения социального кризиса в большинстве греческих общин. Первое и основное из этих произведений—диалог «Государство», за ним следует «Тимей» и отрывок «Крития» и, наконец, старческий труд

¹⁾ См. «Вестник Ком. Академии», кн. 10.

²⁾ Паппос, Паутарх в биографии Кимона говорит, что Кимон свою щедрость снова имел и жизнь своего рода общность владения, как то было, по мифологии, при Кроносе». Плут. Сим. 10.

Платона—«Законы»¹⁾. Даже наиболее отвлеченный из этих диалогов—«Государство»—содержит в себе не мало черт, непосредственно связывающих теоретическое построение с конкретными социально-экономическими условиями эпохи, в которую он написан. Отношение Платона к социально-экономической действительности его времени и необходимо прежде всего уяснить для понимания мотивов его социально-политического творчества.

Не подлежит никакому сомнению: капиталистическое развитие греческих общин вызывает у Платона самое резкое осуждение. Накопление богатства для него—зло, имущественная дифференциация—разложение единого общества. На первый взгляд критика социально-экономического строя современной ему Греции может производить впечатление социалистической критики.

Наиболее ясно и законченно мысли Платона о богатстве и бедности формулированы в 4-й книге «Государства»²⁾. Он исследует здесь причины порчи и гибели трудящихся и приходит к заключению, что их губит богатство и бедность³⁾. Разбогатевший работник перестает интересоваться работой, он становится бездельником. С другой стороны, бедность лишает человека возможности достать орудия производства и все прочее, что для этого производства необходимо. Продукты его труда ухудшаются, его дети и ученики не могут научиться у него ремеслу, как следует. Таким образом, от богатства и от бедности в одинаковой мере страдают и продукты труда и сами работники⁴⁾. Ясно, что правителям необходимо бороться против богатства и бедности всеми мерами. И для подкрепления этой мысли Платон еще раз повторяет в несколько измененной форме свою аргументацию: ибо богатство порождает изнеженность, безделье и страсть к новшествам, а бедность порождает низость, злобу и ту же страсть новшествам⁵⁾.

Тот же совет правителям бороться с бедностью и богатством находим мы и в «Законах». Законодателям,—говорит здесь Платон,—предстоит сражаться с двумя противниками: бедностью и богатством; последнее извратило роскошью душу людей, первая скорбью вскормила душу на бесстыдство⁶⁾. Страсть к богатству способна поглощать все внимание людей: обуреваемые ею люди не думают ни о чем, кроме богатства. Чтобы стать богатым, человек готов на любые средства и уловки—все равно, хорошие или плохие⁷⁾. Самое великое зло—одичание души от вожделений, на первое место среди

1) Диалог „Политик“ дает ряд прямых указаний, помогающих уяснить те этические принципы общественных взглядов Платона, но не содержит в себе данных о характере этики его социального идеала.

2) Platon. 421 C — 423.

3) 421 C — D: Τὸς ἄλλους τὸ θεμιτοῦργον σκόπει εἰ τὰδε διαφθείρει ὥστε καὶ κακοὺς γίνεσθαι. — Τὰ ποία δὲ ταῦτα; — Πλοῦτος, ἢν δ' ἔγωγ καὶ πένια.

4) 421 D — E: Ὁ πλούσιος τὸν δὲ πένιαν τε καὶ πλοῦτον, χειρὶς μὲν τὰ τεχνῶν ἔργα, χειρὶς δὲ αὐτοῖς.

5) 422: ὥς τὸ μὲν πρῶτον τε καὶ ἄρτιον καὶ νεωτερισμὸν ἐμποιοῦντος, τοῦ δὲ ἀνελευθερίαν καὶ κακοποιίαν πρὸς τῶν νεωτερισμῶν.

6) 919 B: πρὸς οὗ μὲν πένιαν καὶ πλοῦτον.

7) 831 D: διὰ τὴν τὸν πλοῦτον τε καὶ ἄρτιον ἀπληστίαν πάντων μὲν τέχνην καὶ μηχανήν, καλλίαν τε καὶ ἀσχημονέστεραν, εὐδαίμων ὑπομένειν πάντες ἄνδρες, εἰ μᾶλλον πλοῦσιος ἐκείνου.

которых приходится поставить побуждение к беспредельному и ненасытному стяжанию имущества и денег ¹⁾. Праздность и ожирение— неизбежные последствия богатства. Вполне правильно, чтобы праздное и ожиревшее живое существо стало добычей другого существа, закаленного в мужестве и трудах ²⁾.

Богатство, таким образом, является злом и по своему основному движущему мотиву—своекорыстью, себялюбию ³⁾ и по своим моральным последствиям как для богатых, так и для бедных, и по своим экономическим результатам. Но этого мало: наличие в обществе богатых и бедных разрушает общественные связи, порождая внутри общества антагонизм. Платон дает этой мысли чрезвычайно яркое выражение. В городе, где есть богатство и бедность, всегда есть два взаимно враждебных города: один—город богатых, другой—город бедных, и оба они, живя в одном месте, злоумышляют друг против друга ⁴⁾. Такие города только кажутся великими, а на самом деле они совершенно неустойчивы ⁵⁾.

При всей резкости платоновской критики богатства и вызываемого им социального антагонизма, нельзя, однако, не заметить в аргументации Платона одной характерной черты: он критикует в приведенных местах не частную собственность, а то, что является, с его точки зрения, злоупотреблением частною собственностью. В его доводах сквозит не идеал общественной организации труда, а идеал среднего, умеренного достатка индивидуального ремесленника,—достатка, дающего ремесленнику возможность своевременно закупать сырье и орудия производства, поддерживать производство на должной высоте. С этим вполне гармонирует и та смягченная формулировка, к которой иногда прибегает Платон, говоря о накоплении богатств. Накопление есть зло, поскольку оно ведет к разложению общества и к порче нравов,—мы это уже видели; но Платон не может совершенно игнорировать накопление, как стимул хозяйственной деятельности, поскольку перед его умственным взором раскрывается не общество товарищеского труда, а общество индивидуальных товаропроизводителей. Запретить искать обогащения в таком обществе нельзя, и Платон рекомендует не искать лишь «несправедливого» обогащения ⁶⁾, запрещает наживаться «неблагородным» способом ⁷⁾. Но если накопление,—в известных пределах и в известных формах,—допустимо, то должно быть допущено в известных пределах и неравенство. И, действительно, Платон критикует существующий общественный строй отнюдь не с точки зрения абсолютного равенства. Неравенство людей является, можно сказать, одним из основных положений, на

1) 870: τὸν ὑπερβολὴν τῆς ἀπληστίας καὶ ἀπειροῦ κτήσεως.

2) 807.

3) 729; 731 E.

4) 551 D: τὸ πρὸς ἄλληλ. πόλιν δὲ τὴν πλούτην εἶναι τὴν πτωχότην πόλιν τὴν μὲν πνήτην τὴν δὲ πτωχὴν, ὁμοιωτάς ἐν τῷ πότῳ καὶ ἀποφθεύοντάς ἀλλήλους.

5) 422 E.

6) 737: εὐλογημάτων μετὰ δίκης.

7) 741 E: τὸν ταπεινὸν ὑπερβαίνειν.

которых строится его «Государство»¹⁾. Равенство неравных—главный порок демократии²⁾. Против абсолютного равенства, в защиту «среднего» порядка высказывается Платон и в «Законах». «Для неравных равенство стало бы неравным»,—говорит он³⁾. Истинное равенство—в пропорциональности: одному больше, другому меньше, сообразно природе каждого. Принципом математического равенства приходится иногда пользоваться—в угоду толпе,—но это нужно делать, как можно реже⁴⁾. Естественно, поэтому, что задачи законодателя не в том чтобы уничтожить бедность и богатство, а в том, чтобы установить пределы бедности и богатства⁵⁾.

При всех этих оговорках, Платон—враг капитализма и плутократии. Это бесспорно; приведенные выше цитаты о богатстве и его значении для общественной жизни—не случайные выпады; они выражают ряд основных идей Платона,—идей, проходящих через все его литературные произведения, затрагивающие социальные темы. В частности плутократии, политической власти богатых Платон посвящает значительный отрывок восьмой книги «Государства»⁶⁾. Здесь он опровергает принцип плутократии—связь способности к управлению с богатством (разумно ли доверять управление кораблями богатому, а бедному, но искусному в этом деле, отказывать?), отмечает неизбежный упадок добродетели в обществе, где уважают богатство и богатых, и высказывает уже известную нам мысль о разложении такого общества на две враждебные части.

Требуя регулирования богатства и бедности, Платон, однако, является решительным противником революционных мер в этом направлении. Революционные настроения бедноты—злоба и страсть к новшествам, по выражению Платона,—представляются ему, как мы видели, одним из отрицательных последствий бедности. Толпа не понимает истинного равенства, требуя равенства фактического. У Платона имеются еще более определенные выражения, не оставляющие сомнения в том, как он расценивает политическую активность масс. Выступления неимущих против имущих он трактует в «Законах», как болезнь государства, возникающую в результате недостаточного воспитания. Несколькими строками ниже он называет эту болезнь тем именем, под которым проходило большинство социальных движений в древней Греции: это—страшный и опасный спор за передел земли и кассацию долгов⁷⁾. Деятельность демагогов, своим неразумием и наглостью приводящих все в смятение, он признает пагубной для государства⁸⁾.

Не только к революционной борьбе общественных низов относится Платон отрицательно. К демократии вообще, как к системе,

1) Об этом ниже, в характеристике положительного построения „Государства“.

2) 558 С.

3) 757.

4) 757 Е—758.

5) 744 Е: *ὅσον δὲ τοῦτων ἑκάτερον φράζειν.*

6) 851—854.

7) 736—736 С: *γῆς καὶ χρημάτων ἀποκοπὴς καὶ νομῆς περὶ θεῶν καὶ ἀνθρώπων ἐρίων.*

8) 716 В.

в которой низы пользуются значительным политическим весом, он чувствует не меньшую антипатию, чем к власти богатства. Демократия—правление приятное, анархическое и пестрое ¹⁾; она устанавливает равенство и для равных и для неравных. Безначалие и равенство доходит в демократии до крайней степени. Учитель там боится учеников и подлаживается к ним, юноши спорят со стариками, а старики угодничают перед юношами. Метеки и чужестранцы пользуются теми же правами, что и туземец; наконец, даже рабы чувствуют себя столь же свободными, как и их господа, что кажется Платону чем-то уже явно выходящим за пределы здравого смысла. И чтобы нагляднее показать все свое презрение к столь неестественному порядку, Платон иронически продолжает свои сопоставления за пределы человеческого общества. Даже животные, говорит он, в таком городе гораздо свободнее, чем в каком-либо другом; лошади и ослы ходят весьма свободно и важно и по дорогам толкают встречного, если он не посторонится ²⁾. Трудно найти более резкую формулировку антидемократического настроения, чем эта гипербола Платона.

Итак, перед нами враг капитализма, но не отрицающий частной собственности, враг крайнего богатства и бедности, но считающий нежелательным полное равенство, противник плутократии, но не меньший противник демократии и революционных популяристов «черни». Таково отношение Платона к основным социальным и политическим проблемам, ставившимся окружавшей его общественной действительностью. Что же противопоставляет он этой действительности, как положительный общественный идеал?

II.

Общий подход Платона к построению общественного идеала—чисто рационалистический. Он аргументирует в пользу определенного порядка не от исторических соображений, а от разума и природы человека. Государство, которое он теоретически строит,—естественное и разумное государство (в «Законах») ³⁾, истинное, правильное государство (в «Государстве») ⁴⁾. Четыре существующие формы правления—болезни государства, отклонения от его единой истинной формы ⁵⁾. Иногда мы встречаем, правда, еще выражение «божественный» в приложении к городу ⁶⁾, но этот термин в устах Платона огню не свидетельствует о прорыве рационалистической аргументации, ибо для него между божественным и разумно доказуемым нет и не может быть противоречия.

¹⁾ 558 С: *ῥῆμα πολιτεία καὶ ἀναρχία καὶ ποικίλη.*

²⁾ 563 С: *το μὲν γὰρ τῶν θηρίων... ὅσοι εὐδαιμονότερα ἔστιν ἑνταῦθα ἢ ἐν ἄλλῃ, ἢ* дальше: *καὶ ἵπποι καὶ ὄνοι... κατὰ τὰς ὁδοὺς ἐμβαλλόμενοι τοῖς ἀνθρώποις, εἰν μὲν εἴσιγγαται.*

³⁾ 832 D: *εὐνομία καὶ κατὰ λόγον.*

⁴⁾ 372 E: *ἀληθινὴ πόλις*, 544: *οὐδὲ πόλις.*

⁵⁾ 544 E: *πολεως νόσημα.*

⁶⁾ Пауп., 630 E.

Подобно рационалистам XVIII в. Платон убежден, что существуют некие «естественные» свойства человека и что, исходя из них, можно построить «естественное» государство путем чисто логических умозаключений. Наиболее связно эти логические умозаключения даны в «Государстве», но и в «Законах» Платон стоит по существу на той же позиции, выявляя ее иногда даже более ярко.

Природа человеческих индивидуумов, по мнению Платона, качественно разнообразна. Каждый человек рождается непохожим на другого и в силу своих природных отличий наиболее приспособлен к выполнению одной определенной работы ¹⁾. Из этого основного свойства человеческой природы с необходимостью вытекает разделение труда. В самом деле, как целесообразнее организовать труд? Лучше ли, выгоднее ли, чтобы каждый, не заботясь о других, запасал пищу только для себя, а в остающееся время сам готовил себе платье, строил дом, шил обувь? Или выгоднее, чтоб каждый занимался чем-либо одним, заготавливая, например, пищу не для одного себя, а для четверых? Лучше ли сделает человек свое дело, занимаясь многими искусствами или занимаясь одним? Принимая во внимание разнообразие человеческой природы, очевидно можно дать только один ответ: лучше, когда один занимается одним ²⁾.

Разделение труда исключает хозяйственное самодовление индивидуума. Каждый оказывается уже неспособным удовлетворять свои потребности самостоятельно и вынужден обращаться к другим; образуется сожитие, основанное на сотрудничестве и взаимных услугах. Такое сожитие мы и называем государством ³⁾. Государство основывается, таким образом, на общем интересе входящих в его состав людей: его цель—мир и дружелюбие. В «Законах» афинянин (Платон) спорит с Клинием, выводящим государство из вечной, непримиримой войны. Все учреждения и законы должны иметь в виду войну,—утверждает Клиний. Война ради мира, а не мир ради войны,—возражает Платон. Война—только средство, а мир—цель ⁴⁾. Реальные государства обычно не соответствуют этому логическому определению. В результате борьбы за власть в них устанавливаются законы, имеющие в виду частные интересы той или другой группы граждан. Но такие законы, которые установлены не ради общего блага всего государства в совокупности—неправильные законы. Такое государство, собственно говоря, неправильно называется государством ⁵⁾.

Однако, понятие общего блага само по себе недостаточно ясно, оно не вполне определяет отношение государства к индивидууму. Совершенно бесспорно, что законы государства, цель которого—общее благо, правильны лишь в том случае, если делают счастливыми тех, кто ими пользуется. ⁶⁾ Но что значит сделать граждан государства

¹⁾ 370 В: πρῶτον γὰρ φύσιν ἔχοντες οὐ πᾶσι ὁμοίως ἔχοντες, ἀλλὰ διαφόρων τῶν φύσεων, ἅλλος ἐπ' ἄλλου ἑρῶς πρᾶξιν.

²⁾ 369 — 370 В.

³⁾ 369 В — С.

⁴⁾ 625 — 626 D; 629 D — E.

⁵⁾ 715 В: καὶ οὕτως ὀφθαλμοὶ πολιτείας.

⁶⁾ 631 В.

счастливыми? Означает ли это равенство в пользовании властью и материальными благами? Ни в коем случае. Это противоречило бы исходному положению о естественном различии людей. Государство должно давать каждому «соразмерно» его природе: большему больше, меньшему—меньше ¹⁾. Рабы не могут быть в дружбе с владыками, негодные—с порядочными. Большой почет должен воздаваться людям добродетельным, меньший—тем, кто меньше преуспел в добродетели. Этот принцип соразмерности в отношении к разным категориям граждан Платон именует справедливостью в государстве или иначе—истинным равенством ²⁾. Государство справедливо, если в нем каждый из родов его граждан делает свое ³⁾. Если же этой соразмерности, надлежащей меры нет, то истинное равенство нарушается, ибо «для неравных равное стало бы неравным» ⁴⁾. Эти соображения о справедливости и соразмерности мы находим в почти тождественных формулировках во всех произведениях Платона—от «Государства» до «Законов». Это одна из доминирующих идей его учения об обществе. Справедливостью—соразмерностью природе каждого—определяется и общественная функция индивидуума и его доля в тех благах, какие дает общество своим членам.

На какие же основные категории распадается «по природе» масса граждан? Наиболее четкий ответ дает Платон на этот вопрос в «Государстве». Его рассуждение о социальном составе гражданства опирается здесь на определенную психологическую теорию. В человеческой душе—по его учению—имеется три начала: руководящее начало—разум; движущее—аффект, страсть и нежелательное—чувственное вожделение (*λογιστικόν, θυμικόν, επιθυμητικόν*). Разум призван управлять деятельностью души, начальствовать в нем; аффект, исполняя предначертания разума, помогает ему в направлении, регулировании и сдерживании чувственных вожделений ⁵⁾. В каждой отдельной душе указанные элементы соединены не в одинаковой пропорции. В одной преобладает разум, в другой—страсть, в третьей—вожделение. Или, как выражается Платон в другом месте, к одним душам творец при-
мешал золота, к другим серебра, к третьим железа и меди. Первые предназначены природой начальствовать, вторые помогать им, проводить в жизнь их постановления, третьи—повиноваться и работать ⁶⁾. Таким образом, разделение общества на правящих и управляемых (трудящихся) предуказано самой природой. Вместе с тем оказывается, что строение общества представляет аналогию строению человеческой души. В обществе, как и в душе, три основные группы, соответствующие разуму, страсти и вожделениям, и функции каждой группы соответствуют функциям аналогичного ей элемента души. Эту аналогию

1) 757 С. το ἕκαστον ἡμῶν κατὰ τὴν φύσιν αὐτοῦ ἀπολαμβάνει τὴν ἐξουσίαν καὶ τὰς τιμὰς κατὰ τὸν πόρον τῆς αἰσθητικῆς φύσεως.

2) 757 С. το δίκαιον, 757 В. ἀποδίδωμεν ἑκάστῳ τὸ αὐτοῦ.

3) 411 D.

4) 757.

5) 439 E—442.

6) 415.

Платон проводит весьма последовательно на всем протяжении «Государства». Можно сказать, что она составляет основной формальный стержень построения диалога. Для пояснения социальных взаимоотношений Платон все время прибегает к примерам из области индивидуальной психологии,—и наоборот. Говоря о болезненных отклонениях государства от нормы, он параллельно рисует индивидуальные психологические типы. В известном ограниченном смысле Платон может считаться одним из первых представителей органической школы в науке об обществе.

В «Законах» Платон уделяет меньше внимание теоретическим предпосылкам своего учения о государстве. Но все же нетрудно заметить, что они остаются и здесь по существу теми же. И в «Законах» он ищет «истинное» государство, «справедливое по природе»,—полемизируя с тем возражением, согласно коему «справедливого по природе» не существует, и законодательство есть дело искусства, почему его положения изменчивы и далеки от истины ¹⁾. Находим мы в «Законах» и параллели между государством и индивидуумом, между справедливостью в том и в другом, впрочем, в несколько упрощенном виде. Народная масса сопоставляется с той частью души, которая испытывает скорбь и наслаждение, а правящие—с разумом ²⁾. Власть в государстве «по природе» принадлежит мудрым. Им и должно быть поручаемо управление ³⁾. Несведущий должен следовать руководству разумного и быть под его властью. Это—величайшее основание власти из всех существующих ⁴⁾.

Свой естественный и разумный порядок Платон называет аристократией, так как управление разумнейших есть управление лучших. Но если такой порядок вытекает из природы вещей, то нужно ли его регламентировать какими-либо законами? Нуждается ли власть мудрых в какой-либо санкции, кроме своей разумности? В частности, нужно ли для ее поддержания принуждение? Исходя из принципа «природы», логически чрезвычайно просто притти к анархическим выводам. Повидимому, к таким выводам приходил в древней Греции Зенон, отправившийся в своих построениях, как и Платон, от закона природы ⁵⁾. В XVIII веке законченную анархическую систему на основах естественно-правового рационализма создал Годвин. Логическую правомерность анархических выводов из своих предпосылок вполне сознает и Платон. Более того: он принимает эти выводы в теории, лишь оговариваясь, что от них приходится на практике отступать в силу особых соображений, так сказать, исторического порядка.

Замечательно, что с наибольшей выпуклостью формулирует Платон анархические положения в «Законах»,—в том произведении, где он с особой тщательностью регламентирует в законодательном по-

1) 888 E — 890; по мнению С. Н. Лурье, Платон возражает здесь против релятивистской философии Антифонта. См. Лурье Антифонт, 1925, 55 II.

2) Напр. 689—689 C.

3) 689 D; 690 C.

4) 690 B — C.

5) Пельма, История античного коммунизма I, 280—283.

рядке мельчайшие детали жизни граждан, где он стремится «ничего не оставить без надзора» ¹⁾. Платон как бы чувствует противоречие между этой детальной регламентацией и идеей «естественного» и «разумного» порядка и стремится объяснить, чем противоречие вызвано. Ни какой закон, никакой порядок не может стоять выше разумного знания,—говорит он. Разум не может быть чьим-либо рабом; он должен править всем. Человек, достаточно способный к разумному усвоению изложенной выше «естественной» теории, вовсе не нуждался бы в законах, которые им должны управлять ²⁾. Но в наше время таких людей либо вовсе нет, либо мало. Поэтому-то и приходится прибегать, как к известного рода компромиссу,—к законам. Законы, конечно, несовершенны: они обращают внимание на многое, но никогда не могут охватить всего. Разум должен быть поставлен на первом месте, законы и порядок—на втором ³⁾. И власть закона, если он уже устанавливается, должна быть «по природе» основана не на насилии, а на добровольном подчинении ⁴⁾. Таким образом, система государственного насилия признается противоречащей природе, но допускается, как печальная необходимость, вызываемая неразумием человечества.

В связи с этим следует подчеркнуть, что Платон в обоих своих больших произведениях, посвященных государству,—и в «Государстве», и в «Законах»,—дает нам системы, приспособленные к несовершенству современных людей. Это признается всеми исследователями по отношению к «Законам». Сам Платон отводит «Законам» второе место с точки зрения близости к «бессмертию», т.-е. к идеалу ⁵⁾. Но и в «Государстве» мы имеем тоже лишь некое, хотя и большее, чем в «Законах», приближение к идеалу,—приближение, считающееся с конкретной действительностью. Вся аргументация основных частей «Государства» исходит из понятия несовершенного, «лихорадочного» города. Лишь вступительные рассуждения 2-й книги относятся к понятию «истинного», «здорового» города ⁶⁾. Здесь мы находим уже приведенные выше соображения о разделении труда и краткую характеристику главных разрядов трудящихся. Дальше начинается изображение «больного» города, не довольствующегося удовлетворением насущных потребностей ⁷⁾. Платон показывает, как рост потребностей приводит к недостатку земли, а последний вызывает столкновение с другими городами. Отсюда он уже выводит необходимость войска, стражей и всей той организации, которая составляет сущность социальной системы «Государства». Что эта система не есть абсолютный идеал, видно, между прочим, и из замечания, которое Платон влагает в уста одного из собеседников, Главкона, в начале 8-й книги. Город, который описан в «Государстве», здесь называется хорошим. Но, по видимому,

1) 760: ἀφ' ὧν οὐδὲν ἔστιν.

2) 875 С: νόμον οὐδὲν αὐτῷ δεῖται.

3) 875 D.

4) 690 С: καὶ φύσει τὰς τῶν νόμων ἐκείνων ἀρχὴν, ἀλλ' οὐ βίαν παροίκαται.

5) 739 E.

6) 369 В—372 E.

7) 372 E: εἰ δὲ τὸ βέλτερόν τις φέρειν οὐδὲν θέμεναι.

прибавляет Главком, ты мог говорить и о лучшем ¹⁾. Картины этого «лучшего» города, т.-е., очевидно, города, абсолютно соответствующего природе и разуму, Платон нам не дал. Это, впрочем, для нас и не существенно: по конкретным предложениям обычно скорее и точнее можно определить социальные симпатии автора, чем по его абстрактным построениям.

С «естественной» теорией общества тесно связано учение о естественном состоянии, свойственном первобытному человечеству на заре его существования. Эту связь мы наблюдаем в равной мере и у греческих рационалистов IV в. до Р. X. и у французских рационалистов XVIII в. Если тот или иной порядок общежития является естественным, а существующие реальные общественные порядки—болезненные отклонения от природы, то очевидно, что наибольшей близости к естественному порядку следует искать в первоначальной эпохе жизни человечества, когда оно стоит ближе всего к природе. Нам уже приходилось вскользь упоминать, что Платон также не чужд этой идеализации ранних ступеней общественного развития ²⁾.

Попытку подойти к проблеме государства с исторической точки зрения мы находим у Платона в 3-ей книге «Законов». Платон констатирует здесь, что в безграничной протяженности времени не только сменяли друг друга тысячи государств, но и каждое из них проходило через разные формы государственного устройства ³⁾. Чтобы ориентироваться в этих переменах, он стремится найти «начало государственного устройства», уяснить себе возникновение его и развитие ⁴⁾. Гипотетическим исходным пунктом служит здесь Платону катастрофа, постигшая человечество и разрушившая всю предшествовавшую культуру. Он не склонен считать современный ему цикл культурного и государственного развития—первым и единственным. Итак, катастрофа (потоп) уничтожила все государства, ибо средоточия государственной власти были расположены в равнинах и у моря, уничтожила науки и искусства, уничтожила все орудия труда.

Спасть от гибели могли при таком предположении лишь горные пастухи, совершенно чуждые культуре ⁵⁾. Эти пастухи имеют в своем распоряжении только уцелевшие стада, которые дают им средства существования. У них нет даже воспоминания о государстве и законах. А между тем с течением времени именно из такого состояния развились вновь и государство, и законы, и искусства. Людей было мало, недостатка в пастбищах не было, спорить было не о чем; естественно, что они относились друг к другу с полным доброжелательством ⁶⁾. Не было особенной бедности, но не было и богатства, так как не было золота и серебра. Поэтому люди были добродетельны; они не знали ни наглости, ни несправедливости, ни ревности, ни

¹⁾ 543 D: *ὅς ἐστις, καλλίον ἐστὶ βῆρον εἶναι τὸν πόλιν.*

²⁾ См. Социализм в древней Греции, очерк первый, В. К. А., 10.

³⁾ 676 В—С.

⁴⁾ *Ἰδὲ τὴν πρῶτην τὴν πολιτικὴν γενεὴν καὶ καταβολήν.*

⁵⁾ 677.

⁶⁾ 678.

зависти ¹⁾. Нужды в законодательстве и законах у них не было, их заменяли обычаи ²⁾. Общественную ячейку составлял род, во главе которого стоял старейший в роде.

Этот первобытный, патриархальный и безгосударственный строй существовал много поколений: Что же нарушило его равновесие? По-видимому, толчок к его изменению был дан, по мнению Платона, ростом населения и переходом к земледелию. В сообщество вступает все большее и большее количество людей. Люди начинают обрабатывать землю на склонах гор. Роды, доселе разрозненные, сближаются, а между тем их обычаи и традиции различны. Так возникает потребность в едином законодательстве ³⁾. Это первое законодательство представляется Платону,—опять-таки, как и рационалистам XVIII в.,—в форме общественного договора. Сошедшиеся для совместной жизни роды должны были сообща избрать некоторых лиц из своей среды. Те должны были рассмотреть все существующие обычаи, выбрать наиболее подходящие, ясно их изложить и учредить правительственные должности. По утверждению на общем совете предводителей (очевидно, старейшин) новый государственный строй вошел в жизнь. Платон думает, что этот новый строй, первый после патриархата и, следовательно, еще близкий природе, был,—в соответствии с его теоретической концепцией,—строем аристократическим, быть может с чем-либо вроде царской власти ⁴⁾.

Образцами таких изначальных государственных установлений Платон считает спартанские и критские учреждения ⁵⁾. Отличительной и привлекательной чертой этих аристократий является их имущественное равенство. Там не приходилось для установления равенства производить передел земли и отмену долговых обязательств, ибо больших богатств еще не было, как не было и бедности. Задачу можно было разрешить без недоразумений ⁶⁾. И тем не менее, в большинстве государств этот первоначальный, близкий к природе и истине строй не удержался. Причину его порчи Платон, как и следует ожидать, совершенно рационалистически усматривает в неведении, как в неведении же причина несовершенства государственного устройства и в настоящее время. «Ту власть погубило тогда величайшее неведение так же, как оно по своей природе совершает это и посейчас» ⁷⁾. Между прочим, искажение не плохого старинного афинского строя Платон приписывает несколько неожиданно поэтам. Не понимая, что справедливо и законно, они ввели беззаконие в поэзии, а оттуда оно распространилось и на все прочее ⁸⁾. Очевидно, и бороться с несовер-

¹⁾ 679 С.

²⁾ 680.

³⁾ 680 E — 681.

⁴⁾ 681 C — D.

⁵⁾ 683.

⁶⁾ 684 D — E.

⁷⁾ 688 — E: τὴν πρώτην αἰτίαν τότε ἐκείνην τὴν βλάβην ἀπολαύει καὶ νῦν τὸν αἰὸν αὐτὸν παραμένει ποιεῖν.

⁸⁾ 700 — 701.

шенством необходимо, внедряя в государстве разумность и искореняя неразумие ¹⁾).

В «Государстве» мы не находим изображения первобытного патриархального строя. Однако и здесь Платон считает нужным дать картину развития—по Платону, последовательной порчи,—форм государственного устройства. Начинает он прямо с аристократии, как с формы нормальной, здоровой. Зато в «Государстве» дан анализ последующих форм, связанных, как различные стадии разложения, определенной исторической последовательностью: тимархии, олигархии, демократии и тирании. Очень интересно в «Государстве» также объяснение смены форм,—объяснение гораздо более реалистическое, чем в «Законах».

Аристократия есть истинное правление, поскольку это правление мудрых. Но «все происшедшее доступно разрушению» ²⁾, в том числе и аристократия. Идея аристократии осуществляется людьми, а жизнь людей подчинена не всегда известным им законам. Из поколения в поколение в составе правящей аристократической группы могут происходить изменения, которые дадут, в конце концов, перерождение аристократии. Частью правящих овладевает стремление к обогащению, к наживе, и эта часть оттесняет от дела управления истинно мудрых. Страсть к богатству получает простор для своего развития. Устанавливается смешанное из добра и зла правление. В нем есть еще черты аристократии, но наряду с ними играет решающую роль богатство. Это—тимархия ³⁾. Но тимархия, освобождающая страсть к наживе, неизбежно приводит к следующему за ней, еще более испорченному, порядку. С ростом богатства растет почитание богатства. Перед богатством отступает все, в том числе и закон. Стяжатели занимают первое место в городе. Наконец, это первенствующее значение богатства закрепляется законом, который устанавливает, что править должны богатые, а бедные совсем не допускаются к власти. Так возникает олигархия ⁴⁾.

В олигархии противоположность между богатством и бедностью достигает крайней степени. В ней бедняки—почти все, кроме правителей. Люди, угнетаемые олигархами, неизбежно начинают питать ненависть к олигархическому порядку и задумывают восстание. Между тем, ростовщики не замечают этого и своей деятельностью продолжают плодить в городе бездельников и нищих. Занимаясь барышничеством, богатые мало думают о других. Встречаясь с разжиревшим богачом, изможденный бедняк не может чувствовать к нему уважения. Ему приходит в голову, что богатые люди богаты только дурными качествами, что они в сущности ничего не стоят. Происходит возмущение бедных против богатых, богатых убивают или изгоняют, а бед-

¹⁾ 688 E.

²⁾ 546b: γενόμενον παντὶ φθορὰ ἐστιν.

³⁾ В «Законах» тимархию Платон расценивает в общем, как строй удовлетворительный. 698^{AB}—699 C.

⁴⁾ 550 C—551 B.

ные, одержав победу, распределяют власть между всеми на равных основаниях. Устанавливается демократия¹⁾.

Принципы демократии—равенство и свобода. Человек, способный к делу управления, может в нем не принимать никакого участия. Тот, кто пользуется благосклонностью народа, может получить, наоборот, честь управления, каков бы он ни был по своей природе. Эти крайности свободы и губят демократию. Излишняя свобода естественно должна привести народ к рабству²⁾. Еще в олигархии зарождается класс праздных и расточительных людей—трутней, которые, впад в бедность, замышляют восстания и поднимают народ против олигархов. Обычно эти-то люди и становятся во главе демократии. Они льстят черни и подстрекают народ отнимать имущество у богатых. Кое-чем из отнятого они делятся с чернью, чтобы привязать ее, а большую часть забирают себе. Богатые становятся как-бы пастбищем трутней. Конечно, богатые начинают стремиться к восстановлению олигархии. Вновь воцаряются смуты, и чернь, напуганная, выдвигает одно лицо, поручая ему управление. Эта-то временная диктатура и перерождается затем в тиранию³⁾.

В первые дни лицо, облеченное властью, улыбается всем, всем дает обещания, всем старается угодить, притворяется милостивым и кротким. Но у его власти неизбежно есть враги. И он не может не бороться с ними казнями, ссылками, конфискацией имущества. Он должен стремиться к тому, чтобы народ чувствовал необходимость в нем. Это толкает его к войнам. Вокруг его растет недовольство даже среди тех, кто помогал ему получить власть. Он вынужден уничтожать своих бывших сторонников. Теряя опору в народе, он ищет опоры в наемниках—и, конечно, находит ее. К нему сбегаются те же бездельники-трутни, иностранцы, вольноотпущенники. Чтобы кормить их, тиранину приходится грабить свою страну. Так необузданная свобода демократии сменяется тягчайшим рабством⁴⁾. Так от счастливейшего города, где господствует аристократия, мы приходим к несчастнейшему—тирании.

Страницы, посвященные смене форм государственного устройства, принадлежат к числу интереснейших в «Государстве». От них пахнет реальной жизнью с ее борьбой классов за «грубые» материальные интересы. Это—не рационалистическая схема, а обобщение наблюдений над конкретной исторической действительностью,—наблюдений, сделанных, конечно, под определенным, откровенно-аристократическим углом зрения. Социальные вкусы и симпатии Платона выявляются здесь с полной отчетливостью. Но это не мешает признать его обобщения чрезвычайно ценными для характеристики социальных взаимоотношений в древне-греческих обществах. Еще более ценными являются они, конечно, для социальной характеристики самого автора.

1) 555 В—557.

2) 564.

3) 561 — 565 D.

4) 565 E — 569 C.

III.

Платон скептически относится к возможности и целесообразности частичных, мелких поправок к существующим порядкам. Беспринципные исправления могут только увеличить зло¹⁾. Законодатели сосредоточиваются часто на какой-либо одной области: на законах о наследовании, об оскорблении действием и т. п. Надо идти другим путем: законодатель должен иметь в виду не одну часть добродетели, а всю добродетель в совокупности²⁾. Он должен дать, следовательно, общую систему, построенную на установленных принципиальных положениях. Такую общую систему—в двух вариантах—и дает нам Платон в «Государстве» и в «Законах». Рассмотрим их в той последовательности, в какой они возникли.

Идеальное общество, изображаемое в «Государстве», распадается на две резко отличающиеся друг от друга социальные группы: стражей и трудящихся. Функция стражей—охрана общества в самом широком смысле этого слова. Прежде всего, конечно, стражи составляют войско, защищающее достояние общества³⁾. Но из их же числа избираются и правители⁴⁾. Принципиальным основанием для отделения стражей от трудящихся является уже известное нам учение о качественном различии людей и о разделении труда. Стражем не может быть всякий: настоящий страж должен быть и мудрым, и энергичным, и ловким,—иначе он не сможет надлежащим образом выполнять свои функции защитника государства. С другой стороны, страж, для того чтобы быть настоящим специалистом в своем деле, должен быть освобожден от всякого иного труда. Чем важнее дело стражей, тем больше оно требует искусства и старания, тем необходимей для них досуг от других занятий⁵⁾. Если мы признали необходимость специализации для кожевника, земледельца, ткача, то тем более должны признать ее для стража.

Итак, стражи, это—категория граждан, отличающихся определенными высшими качествами, а потому несущих в обществе обязанности высшего порядка и освобожденных от физического труда. Такое определение теоретически исключает возможность превращения стражей в замкнутую касту. Платон подчеркивает, что главной задачей правителей является отбор стражей. Если человек, происходящий от стражей, окажется человеком низких качеств, то его должно отсылать к ремесленникам или к земледельцам, а кто, исходя из семьи трудящихся, обнаружит высшие качества, его надлежит возводить в стражи⁶⁾. Однако, справедливость этого отбора ничем, кроме добродетели

1) 425 E—426.

2) 630 E.

3) 374.

4) 412 D.

5) 374 E.

6) 415 B—C: εἰν τε φρουροὶς ἐκείνους ἀπορρίπτειν ἢ ἀπαρτίζειν γενναίαι, καὶ ἐκ τούτων καταλέγειν, ἀλλὰ τῶν τε φύσει προσηκόντων τούτῳ ἀπορρίπτειν καὶ ἐκείνους ἃς οὐκ ἔχουσιν καὶ ἂν αὐτοὶ ἐκ τούτων τῶν ἀπορρίπτειν ἢ ἀπαρτίζειν φείδῃ, τῶν τε καὶ ἐκ τούτων αὐτῶν ἀπορρίπτειν καὶ ἀπαρτίζειν.

отбирающих стражей, не гарантирована, и сам Платон, в своем исследовании причин разложения истинного государства указывает, между прочим, как на один—правда, вторичный—фактор, на неправильный отбор стражей¹⁾.

Помимо пристрастия правителей при отборе, которое Платон теоретически отвергает (ибо добродетель стражей—предпосылка всего его теоретического построения), имеется еще одно обстоятельство, которое неизбежно придает стражам характер общественной группы, проникновение в которую со стороны почти невозможно. Таким обстоятельством, практически замыкающим группу стражей, является организация деторождения и воспитания в «Государстве».

Брак среди стражей отнюдь не есть дело личного влечения и произвола. Брачные сношения регулируются правителями для пользы управляемых, или, вернее,—для пользы всей группы стражей. Индивидуальной прочной семьи у стражей нет. Все женщины, — говорит Платон, — должны быть общими для всех мужчин, ни одна не должна жить в частном порядке ни с одним²⁾. Это, однако, отнюдь не означает беспорядочного совокупления. Правители должны определять количество брачных сношений в зависимости от потребностей государства в приросте населения. Они должны иметь в виду также и качество приплода. Как лучшие экземпляры животных и птиц при спаривании дают лучший приплод, так и от лучших людей можно ожидать лучших детей. Поэтому правители и должны организовать дело брачных сношений так, чтобы лучшие соединялись с лучшими, а худшие—с худшими. Брачные сношения должны допускаться для женщин только от 20-ти до 40-а лет, а для мужчин—от достижения полной зрелости до 50-ти лет, т.-е. в таком возрасте, когда можно ждать хороших детей. Разрешенные правителями соединения будут полезными для общества и потому будут считаться священными. Соединения, не узаконенные правителями, будут, наоборот, считаться позором и грехом. Лишь по достижении предельного возраста, когда ни от мужчины, ни от женщины нельзя уже ждать хорошего плода, они получают свободу соединения. Однако дети, если они произойдут от таких соединений, подлежат уничтожению³⁾.

Вся система половых сношений имеет, таким образом, одну цель—улучшение породы стражей. Ту же цель преследует и воспитание. Тотчас по рождении дети берутся властями. Дети от лучших отцов и матерей, не имеющие никаких дефектов, предназначаются для дальнейшего воспитания в качестве будущих стражей. Остальных скрывают в тайном месте, и их дальнейшая судьба неясна. (В «Тимее» указывается, что их переводят в категорию трудящихся. Tim. 19.) Это необходимо для того, чтобы иметь чистую породу стражей,—говорит Платон⁴⁾.

1) 546 E.

2) 457 D.

3) 457 D — 461 C.

4) 460 B — C.

Отобранные лучшие дети являются общественными детьми. Они относятся немедленно в особое место, где и воспитываются. Родители не должны знать своих детей и дети — родителей. Матери приходят к детям, чтобы покормить их молоком, но при этом принимаются все меры, чтобы мать не могла узнать своего ребенка. Воспитание детей стражей носит, следовательно, исключительно общественный характер. Проблеме воспитания стражей Платон уделяет большое внимание, посвящая ей значительную часть «Государства» ¹⁾. Он подробно излагает, каких поэтов следует давать читать и каких не следует, чтобы развивать и укреплять в стражах нужные для выполнения их функций качества: мужество, рассудительность, чувство справедливости и т. п. Он говорит о гимнастике, т.-е. о физическом воспитании, которое должно сделать стража выносливым, умеренным, здоровым ²⁾. Наконец, он перечисляет и науки, каким следует обучать стражей, детально выясняя пользу, приносимую их изучением, — преимущественно с точки зрения задач той части стражей, на которую будет возложено впоследствии дело управления ³⁾.

Таким образом, мы имеем искусственный отбор родителей, затем искусственный отбор детей и, наконец, тщательно продуманную систему специального воспитания стражей. Очевидно, Платон предполагает, что этим способом будет надлежащим образом обеспечен качественный состав стражей. Но не очевидно ли также, что выходя из трудящихся при всех его способностях будет трудно конкурировать с человеком, который был предназначен стать стражем, можно сказать, еще до своего зачатия? И не по субъективному пристрастию отбирающих, а по основаниям совершенно объективного свойства. Так организация воспитания закрепляет за стражами наследственное право управления, превращает их в наследственную аристократическую группу.

Эта наследственная аристократическая группа живет за счет труда остальной части общества. Все нужное для нее она получает в награду за охрану от остальных граждан ⁴⁾. При этом стражи сами определяют, сколько им необходимо, облагая, таким образом, трудящихся известным налогом в свою пользу. Однако, это не значит, — оговаривает Платон, — что трудящиеся — рабы. Стражи должны смотреть на народ, как на своего кормильца, платящего им жалование ⁵⁾. Для возможности таких взаимоотношений необходимо два условия: во-первых, стражи должны быть добродетельны; во-вторых, народ должен быть воспитан в вере, что бог создал людей с разными способностями и что разделение труда между стражами и трудящимися — естественно ⁶⁾.

1) Некоторые исследователи склонны видеть в «Государстве» прежде всего трактат о воспитании.

2) 376 С — 412.

3) 512 С — 536 С.

4) 416 Е: τὰ δ' ἐπιτρεῖται, ὅσων δεόντων... ταῖς ἀνάγκαις παρὰ τῶν ἄλλων πολιτῶν δεχέσθαι: μισθὸν τῆς φύλαξης.

5) 463 В: μισθοδοῦντας τε καὶ τροφὰς.

6) 415.

Добродетель стражей должна быть обеспечена, — мы видели, — правильным воспитанием. Но этого мало. Платон знает хорошо, как разлагались в исторической действительности аристократические группы под разрушительным воздействием капитала, как оказывались бессильны все старые традиции перед этой силой. Он говорит об этом достаточно ясно в своем очерке развития форм государства ¹⁾. Чтоб предупредить эту опасность, надо принять ряд особых мер, мер исключительной жесткости. Совокупность этих мер и составляет то, что обычно именуется платоновским коммунизмом.

Необходимо всячески заботиться о том, чтобы стражи не делали зла народу, чтобы они были истинными его защитниками, а не жестокими господами ²⁾. Это неосуществимо, если стражи будут собственниками. Как только они приобретут собственную землю, дома и деньги, — они станут вместо стражей хозяевами и земледельцами, вместо защитников — ненавистными повелителями ³⁾. В город проникнет вражда, и он пойдет, как это уже показано выше, — к своей гибели, к разложению аристократии. Стоит разрешить стражам приобретать что либо особо от всех, и каждый все, что возможно, потащит в свой собственный дом, тем самым расторгая государство ⁴⁾. Итак, чтобы стражи из собак — охранителей общества не превращались в волков, нужно, чтобы никто из них не имел никакой собственности, кроме самого необходимого ⁵⁾. Повидимому, под последним приходится разумеать предметы непосредственного потребления, вроде одежды — после того, как они уже переданы тому или иному стражу. У стражей не должно быть ни собственного жилья, ни собственных кладовых. Они должны жить сообща и питаться в общественных столовых ⁶⁾. Они не должны даже прикасаться к золоту и серебру ⁷⁾.

В том же направлении, как и общность имуществ, должно действовать и запрещение индивидуальной семьи. Имея свою жену, своих детей, человек неизбежно начинает отделять свои интересы от интересов общественных. У него свои скорби и свои удовольствия ⁸⁾. Для государства лучше всего, когда свое совершенно отождествляется с общим, когда в нем наибольшее число граждан одно и то же называет моим и не моим, когда все радуются одному и тому же, страдают одним и тем же ⁹⁾. Такое государство, действительно, становится подобным единому организму. Все раздоры между людьми возникают из-за денег, детей и родственников. При отсутствии инди-

¹⁾ См. выше: М. 547 — 548.

²⁾ 416 В.

³⁾ 417: *οὐδὲν ἄλλοτε γὰρ πρὸς ὅτιν καὶ οὐκ ἔστι, καὶ ὑποφάσκει κτερίζων ὁκνοῦντες οὐκ ἔστιν ἐκείνῳ τῶν φιλικῶν ἐκείνῳ, ἀλλὰ τῶν ἐχθρῶν ὅτις ἐκείνῳ τῶν ἁλίων πλεονέχων κτερίζων.*

⁴⁾ 464 С.

⁵⁾ 416 D: *οὐδὲν κακώτερον γὰρ ἐστὶν ἢ τὸν ὅτιν, ἐν ᾧ οὐκ ἔστιν ἀνδρῶν.*

⁶⁾ 416 E: *φρονέτωσαν ὅτι ἐστὶν ἐκείνῳ, κοινῇ τῇ.*

⁷⁾ 417.

⁸⁾ 464 D.

⁹⁾ 462 C—D.

видуальной семьи все стражи будут смотреть друг на друга, как на родных, ибо они не будут знать, кто из них чей родитель, кто—чье дитя. Платон совершенно убежден в том, что польза такого режима не подлежит сомнению (ибо она разумно доказана); он неуверен лишь в его реальной осуществимости ¹⁾.

Совершенно ясно, что так называемый коммунизм Платона носит чисто потребительский характер. Стражи ничего не производят, они живут за счет трудящихся групп населения. У них не только нет, но и не может быть никакой—ни коммунистической, ни какой-либо иной—организации труда. У них имеется лишь военная организация, связанная с их основной задачей—охраной государства. Эту организацию сам Платон уподобляет лагерю ²⁾. Всякий лагерь имеет в себе некий элемент потребительского коммунизма. Платон идеализирует этот потребительский коммунизм, рационалистически его обосновывая и обобщая. Практическая цель всей конструкции не подлежит спору. Его задача—предотвратить разложение аристократической группы, а вместе с тем и всего аристократического строя общества. Чтобы помешать этому разложению, нужно по возможности тщательнее заткнуть все дыры, через которые денежное хозяйство, а за ним и капитал, проникает в среду аристократии. В «Государстве» Платон ищет разрешения этой проблемы в наиболее общей, наиболее абстрактной форме.—а потому в форме, наименее приспособленной к реальной действительности. И он находит такое общее, абстрактное разрешение в потребительском коммунизме. Коммунизм «Государства»—это как бы железный обруч, стягивающий рассыпающуюся аристократию и позволяющий ей противостоять разрушительным влияниям времени.

Большая часть стражей выполняет функцию охраны государства в буквальном смысле этого слова. Это—войско. Но из стражей, конечно, выделяется и группа правителей. Если воины соответствуют в индивидуальной душе аффективному началу, то правители—разумному. Этим определяется и способ отбора правителей. В правители должны избираться те из стражей, в которых разумное начало преобладает. За стражами надо наблюдать с самого раннего возраста, обращая внимание на таких, которые ни в каких случаях жизни не поддаются обольщениям, но всегда стремятся делать то, что полезно для города ³⁾. Их нужно подвергать всяческим испытаниям и искушениям, и только тех, кто выйдет из всех испытаний безукоризненным, можно считать пригодными для дела правления ⁴⁾.

Мудрым следует считать то государство, в котором правители мудры ⁵⁾. Но мудрость, помимо жизненного опыта, требует и воспитания. Это должно быть принято во внимание при воспитании стражей. Оно должно быть поставлено так, чтобы все упражнялись в тех

1) 457 D — 458 B.

2) 416 E; 415 D — E.

3) 412 D — E.

4) 413 D — E.

5) 428 D.

науках, какие необходимы для мудрости. Как испытывают стражей в делах, так же следует их испытывать и в умственных способностях ¹⁾. Сочетание добродетелей, свойственных воинам, с высшей мудростью — редкое явление. Тем большее значение получает правильный отбор, который возможен лишь при правильном воспитании. Сначала должно идти обучение частным наукам: арифметике, геометрии, астрономии, музыке. В двадцати-летнем возрасте способнейших надо отбирать, этим отобранным сообщать высшие обобщения наук, связывающие их в единое целое ²⁾. В тридцать лет должно производиться новое испытание, для выбора людей с диалектическими способностями ³⁾. Диалектика — высшая наука, наука — по преимуществу. К ней должны приступать лишь люди сложившиеся и подготовленные. После пятилетнего изучения диалектики, во время которого они освобождены от всяких других занятий, эти избранные становятся, наконец, начальниками ⁴⁾. Однако, высшие функции управления, повидимому, принадлежат не им. Их продолжают испытывать, — теперь уже опять в области жизненной практики, — очевидно, на низших должностях. По достижении пятидесяти-летнего возраста отличившиеся и делами, и познаниями вступают, так сказать, на высшую ступень своей жизненной карьеры. Часть из них посвящает свое время философии, часть — начальствованию и труду над воспитанием будущих поколений стражей ⁵⁾.

Правящая группа составляет как бы высшую духовную иерархию, руководящую обществом и своим духовным авторитетом закрепляющую основные устои его организации. Эта группа тесно спаяна своим происхождением со всем классом стражей. В отборе правителей нет никаких элементов демократии. Отбор производится правителями же на основании проявленных способностей. Важнейшая из этих способностей может быть названа с полным правом философской. Естественно, что Платон свое идеальное государство именует правлением философов. Пока философы не будут царствовать, или цари философствовать, — говорит он, — не может быть конца царящему злу ⁶⁾. С установлением этой категории философов-правителей в составе гражданства проводится новая грань. Двучленное деление — на стражей и трудящихся — превращается в трехчленное: философы, воины и трудящиеся. Таким образом, структура общества оказывается аналогичной структуре души. Философы — соответствуют разуму, воины аффекту, трудящиеся — чувственным вожелениям. И вместе с тем торжествует принцип разделения труда в его платоновском понимании.

Необходимо отметить, в связи с характеристикой группы стражей, еще одну крайне интересную черту в социальных взглядах Платона, поскольку они выразились в «Государстве». Все, что сказано выше о стражах и философах, об их подготовке, об их жизни, об их

¹⁾ 503 E.

²⁾ 537 B — C.

³⁾ 537 C.

⁴⁾ 539 D — E.

⁵⁾ 540 — 540 B.

⁶⁾ 473 D.

общественных функциях, относится совершенно в равной мере как к мужчинам, так и к женщинам. Платон является защитником абсолютного равенства полов. Это, пожалуй, самая изумительная черта всего его построения. Логически женское равноправие легко связывается с теоретическими предпосылками системы. Но оно совершенно не гармонирует с тем, что можно назвать общим социальным тоном «Государства». Аристократизму Платона больше, казалось бы, должен был отвечать в области отношения полов патриахальный уклад, к которому он, как мы уже видели, высказывает в других случаях совершенно определенные симпатии. Упразднение индивидуальной семьи отнюдь не могло помешать сохранению общего подчиненного положения женщины. Если Платон не пошел по этому пути в решении вопроса об отношениях полов, то, очевидно, здесь сказались влияния специфически интеллигентской среды, в которой вращался Платон и в которой женщины играли уже к его времени достаточно видную роль.

В природе мужчины и в природе женщины,—рассуждает Платон, есть различие. Но из этого отнюдь не следует, чтобы им свойственны были различные общественные функции. Ведь, очевидно, есть различие и в природе лысых и волосатых. Однако никто не скажет, что волосатые не могут шить сапоги, если их шьют лысые. Нужно принимать во внимание только те различия, какие имеют отношение к существу исследуемого вида деятельности ¹⁾. Если смотреть с этой точки зрения, то будет ясно, что все те способности, какие нужны для государственной деятельности, есть в женщине, как и в мужчине. Женщины, в общем, во всем слабее мужчин. Но нет никакого дела, которое было бы свойственно мужчине, как мужчине, и женщине, как женщине ²⁾. Следовательно, женщины могут быть и стражами и философами. Именно такие женщины, которые способны сами быть стражами, и должны быть женами стражей. Мужчины и женщины—стражи, мужчины и женщины—философы несут одинаковые социальные обязанности. Очевидно, что одинаковой должна быть для обоих полов и система воспитания ³⁾.

Стражи, их жизнь, их взаимоотношения до такой степени стоят в «Государстве» в центре внимания Платона, что подчас можно позабыть о том, что рядом с ними живут трудящиеся, которые их кормят и которых они охраняют. По исходной мысли Платона стражи существуют для трудящихся, чтобы обеспечивать безопасность их труда; между тем, по прочтении «Государства», получается впечатление, что трудящиеся существуют для стражей, чтобы давать им возможность культивировать высшие человеческие качества: мужество и мудрость. О том, как представлял себе Платон жизнь трудящихся, приходится судить, большей частью, по случайным замечаниям и противопоставлениям.

¹⁾ 453 — 454.

²⁾ 455 D.

³⁾ 461 D — E.

Обратимся прежде всего к характеристике здорового города, с которой начинает Платон свой анализ во второй книге «Государства». Прежде чем приступить к доказательству необходимости особой группы стражей, Платон перечисляет здесь виды трудящихся и обосновывает их право на существование. Основной кадр трудящихся образуют земледельцы и ремесленники. Какой-либо общественной организации труда мы не видим. Земледельцы и ремесленники—индивидуальные товаропроизводители. Между ними существует соответствующее природе вещей разделение труда, и они обмениваются друг с другом своими продуктами ¹⁾. Этот обмен происходит опять-таки без всякого организованного регулирования—посредством обычной в обществе товаро-производителей сделки купли—продажи ²⁾.

Купля-продажа для своего удобства требует рынка, как постоянного места обмена, и денег, как менового знака. И то, и другое Платон принимает без всяких замечаний ³⁾. Но не всегда земледелец и ремесленник, отправившись на рынок, встретит там тех, кто нуждается в его продуктах. Неужели он должен прервать свою работу и сидеть на площади в ожидании? Очевидно, это бессмысленно. Для того, чтобы устранить это неудобство, нужна особая категория людей, которая специально берет на себя труд обмена. Это обычно люди слабосильные. Они сидят на площади и выменивают за деньги продукты у тех, кому нужно их сбыть, а потом за деньги же отдают эти продукты тем, кто имеет в них надобность ⁴⁾. Так получает логическое оправдание существование наряду с земледельцами и ремесленниками также и торговцев.

Наконец, бывают люди, не очень заслуживающие общения по своему уму, но обладающие физической силой. Эта физическая сила может быть приложена к труду. Если такие люди продают свою силу за деньги, то их называют наемниками. Нужны ли городу наемники? спрашивает Платон.—И отвечает положительно ⁵⁾.

Мы имеем во второй книге общее теоретическое рассуждение о составе города. Но Платон нигде, на всем протяжении «Государства» не дает почувствовать, что та характеристика отдельных элементов общества, какую он здесь дает, неприложима, должна быть так или иначе видоизменена в условиях его идеальной аристократии. Наоборот, все, что мы находим о трудящихся в прочих книгах, вполне соответствует данному выше описанию. Так, в конце третьей книги, запрещающей стражам касаться золота и серебра, Платон запрещает это «только им», тем самым допуская золото и серебро для прочих граждан ⁶⁾. В начале четвертой книги Платон указывает, что стражи не пользуются теми благами, какие имеются у других: не могут приобретать поля, строить дома и т. д. Предполагается, следовательно,

1) 369 В — 370 В.

2) 371 В: *πολλοὺντες καὶ ἀνταλλάττοντες*.

3) Ibid: *ἀγορὰ καὶ νομισμὰ γενεσέσθαι*.

4) 371 С.

5) 371 Е.

6) 417: *μόνον τοῖς τοῖς ἐν τῇ πόλει*.

что другие все это могут ¹⁾. В пятой книге рекомендуется не иметь рабами эллинов. Следовательно вообще и рабство допускается ²⁾, Единственное место, которое может быть истолковано в том смысле, что Платон стремился к распространению коммунистического порядка и на-нестражей, это уже цитированный нами отрывок из пятой книги, где Платон признает наилучшим порядком такой, в каком наибольшее число граждан одно и то же называют «моим» и «не моим» ³⁾. Следующие за этим отрывком фразы раз'ясняют его значение. Здесь имеется в виду единство граждан в отношении к благополучию и невзгодам государства. Радость и беда каждого должны быть радостью и бедой всех. Индивидуализм расторгает это единство. Это—как-будто общий аргумент в пользу коммунизма. Но таких, по смыслу общих аргументов у Платона не мало. Однако все они—в том числе и разбираемый нами, встречаются только в контексте, обосновывающем коммунизм стражей: именно о нем идет речь во всей этой части пятой книги. В связи с этим не следует также упускать из виду, что Платон говорит здесь не о всех, а только о «наибольшем» числе граждан ⁴⁾.

Итак, граждане, не принадлежащие к стражам, ведут хозяйство индивидуально. Они дают, очевидно, известную долю продуктов стражам, а остальное либо потребляют сами, либо вывозят на рынок. Посредниками в обмене являются купцы. Хозяйство носит денежный характер. Допускается наемный и рабский труд. Однако, чрезмерное обогащение, как и чрезмерная бедность, нежелательны: стражи должны всеми силами караулить, чтобы богатство и бедность не проникли в государство ⁵⁾. Очевидно, ими должна вестись по отношению к трудящимся какая-то уравнительная политика, препятствующая накоплению капитала. В чем состоит эта политика, нельзя представить себе конкретно, так как Платон не считает нужным предуказывать своим стражам, какие законы должны они установить о ремесле, о рынках и т. п. Все это они, как истинные стражи, сами без труда откроют ⁶⁾. Само собою разумеется, что трудящиеся не имеют никаких политических прав (управление—дело стражей) и потому все именуется гражданами.

Организованное таким образом государство должно быть по возможности самодовлеющим. Этим определяется потребная для него территория ⁷⁾. Чрезмерное количество земли может только повредить. Платон не предполагает, чтобы истинное государство могло вести агрессивную политику по отношению к другим греческим государствам. У его правителей нет для этого побудительных мотивов. Платон вообще не одобряет распрь между эллинами и рекомендует им напра-

¹⁾ 419.

²⁾ 469 С.

³⁾ 462 С.

⁴⁾ *Id., pléiston.*

⁵⁾ 421 С — Е.

⁶⁾ 425 D.

⁷⁾ 423 В — С.

влять свои силы против варваров¹⁾. Однако необходимость может заставить воевать. И в этом случае нашему государству победа обеспечена, несмотря на отсутствие в нем больших материальных богатств. Она обеспечена, во-первых, доблестью и искусством стражей, во-вторых неизбежным внутренним разладом во всех других городах, где есть богатство и бедность²⁾.

К изображению того порядка, который защищается в «Государстве», Платон возвращается дважды: в «Тимее» и в «Критии». В «Тимее» мы находим только сжатое изложение содержания «Государства» без всякой аргументации³⁾. Более интересен со стороны формы «Критий». Здесь, в согласии с исторической концепцией Платона о смене нескольких циклов культур, общественный строй «Государства» дан, как строй, уже существовавший некогда в Афинах. Это было во времена до потопа⁴⁾. Так как после потопа спаслись только малокультурные обитатели гор, то память об этих старинных порядках не сохранилась⁵⁾. Таким образом «Критий» — это своеобразная историческая утопия, написанная на мотивы «Государства». Мы имеем здесь то же разделение общества на воинов и трудящихся, то же равноправие женщин, тот же потребительский коммунизм для воинов. Своеобразно в «Критии» лишь то, что мы не находим в нем правителей-философов. В нем есть одно сомнительное место, которое при помощи поправки толкуется, как упоминание о жрецах⁶⁾. Но если даже мы примем эту поправку, для нас остается неясным, предполагал ли Платон показать нам в жрецах приспособленную к далекой старине разновидность философов, или он вовсе отказался от перенесения этой черты, — власти философов, — в свою утопию. К сожалению, «Критий» остался неоконченным.

Какие социальные мотивы лежат в основе системы «Государства»? На какой социальной почве выросла эта система, которой нельзя отказать в большом своеобразии? Ответ на эти вопросы не представляет теперь затруднения. Платон — один из крупнейших представителей греческой интеллигенции. В то же время он аристократ по происхождению и социальным вкусам — аристократ, живущий в эпоху разложения аристократических групп под воздействием денежно-хозяйственного развития. Последнее он ненавидит всеми силами своей души. Поскольку эта ненависть сближает его настроение с настроением обездоленных мещанских и крестьянских масс, он выступает и их защитником против капитала. Вместе с тем, стремясь путем режима потребительского коммунизма оградить от перерождения аристократию, он должен принять меры и к тому, чтобы капиталистические тенденции не заразили аристократию, проникнув в общество через трудящихся. Это побуждает его укреплять мелко буржуазный

1) 469 С.

2) 422 — 423.

3) Tim. 17 — 19.

4) Ib. 22 — 23.

5) Krit. 109.

6) Krit. 112 С: *αἱρεῖται-αἱρεῖται* (?) — поправка К. F. Hermann'a.

режим для трудящихся путем уравнительного законодательства. Но демократию, власть мелко-буржуазной массы, он презирает и потому лишает трудящихся всяких политических прав. В своих существеннейших чертах система «Государства» — идеализированная наследственная аристократия. Однако это — аристократия во многих отношениях модернизированная и стилизованная в духе настроений высших слоев греческой интеллигенции, гордой своими культурными достижениями, рационалистической и свободомыслящей. Отсюда у Платона чисто рационалистическое обоснование аристократии вместо обоснования традиционного, исторического. Отсюда представление о высшей духовной иерархии, как о власти философов (так легко устранимое уже в «Критии»). Отсюда равноправие полов и ряд более мелких деталей «Государства».

IV.

Анализ последнего произведения Платона — «Законов» — не только не колеблет данную выше характеристику его социальных построений, но, наоборот, ее подкрепляет. Внешние контуры государственного здания «Законов» весьма далеки от первого проекта Платона. Но их основные социальные мотивы — по существу те же, «Законы», поэтому, помогают нам уяснить и уточнить то представление о Платоне, как о социальном мыслителе, какое можно составить на основании «Государства».

Общество «Законов», как и общество «Государства» — аристократическое. Но аристократия «Государства» сведена здесь с неба на землю, с отвлеченных высот в конкретную действительность. Охрана общества и дело управления вручается и «Законами» наследственной группе граждан, как ее исключительная привилегия. Все остальное население вполне последовательно считается не-гражданами. Аристократия (граждане) — группа замкнутая, но не при помощи организации воспитания, а путем прямого преграждения в нее доступа со стороны. Аристократия не занимается производительным трудом. Функция гражданина — управление. Этим нельзя заниматься между прочим, в этом деле нужно постоянно упражняться; это дело требует много различных познаний. Поэтому занятие ремеслом воспрещается гражданам ¹⁾. Никто из них не имеет права заниматься торговлей ни мелкой, ни крупной ²⁾, под страхом тюремного заключения. Наконец, и земледелием занимаются не граждане а рабы ³⁾.

Люди, занимающиеся делом, «величайшим из всех предписываемых законами», должны, однако, откуда-то получать средства к существованию. В «Государстве» предполагалось, что они будут брать их с прочего населения непосредственно и коллективно. В «Законах» задача решается проще, ближе к условиям исторического существова-

1) 846 D: ἀπὸ τῶνδε μὲν ἐστὶν τὸν περὶ τῆς ἀριστοκρατίας τεχνίματα διαπονοῦντων.

2) 919 D: μὲντε κατὰ μέρος μὲντε γυνεῖσιν, μὲντε ἑμπορίᾳ.

3) 806 E: γεωργίᾳ δὲ ἐκδιδομένην δουλοῖς.

ния аристократии. Аристократия опускается на землю в буквальном смысле этого слова. Она живет на доходы, доставляемые земледелием ¹⁾. В связи с этим приближается к действительности и система распределения благ между членами аристократической группы. Полная общность имущества признается недостижимой для настоящего поколения: оно до нее не доросло ²⁾. Поэтому земля не составляет общего неделимого фонда, доход с которого поступал бы в общее пользование всех на коммунистических началах. Земля делится по числу граждан на участки, на наделы. Общность сохраняется, однако, как принцип: каждый, получивший надел, должен все же считать его общей собственностью всего государства, т.-е. всей правящей группы ³⁾. Точно также и дома, принадлежащие отдельным гражданам, являются скорее собственностью государства ⁴⁾. Вообще, государству, как совокупности умерших, ныне живущих и будущих поколений, принадлежит, в сущности, все имущество его членов ⁵⁾.

Платон, конечно, понимает, что такой принципиальной общности совершенно недостаточно, чтобы предохранить аристократию от проникновения в ее среду разлагающих капиталистических тенденций. Отказываясь от коммунизма, как от средства, слишком сильно действующего и потому неприемлемого для современников, он вовсе не отказывается от всякой борьбы с теми процессами, которые грозят устойчивости аристократии. В качестве более мягкой меры охраны прочности своего излюбленного режима он предлагает в «Законах» вместо коммунизма уравнительную регламентацию владения, — в виде весьма сложной и детальной системы норм, ограничивающих возможности накопления с одной стороны, и обнищания — с другой.

По возможности равномерным должно быть прежде всего первоначальное распределение земли и жилищ между гражданами ⁶⁾. Платон исходит из предположения, что город основывается заново, так сказать, на чистом месте. Общее число наделов не должно ни увеличиваться, ни уменьшаться. Наделы не должны дробиться при передаче по наследству. Надел переходит всегда только к одному из детей владельца ⁷⁾. Остальные сыновья распределяются по тем наделам, владельцы которых не имеют потомства. Если, тем не менее, состав граждан перерастет число наделов, Платон рекомендует выводить избыток в колонию ⁸⁾. Однако, лучше предупреждать такой прирост населения путем своевременного сокращения деторождения. В противоположном случае, когда число граждан окажется меньше числа наделов, — вследствие эпидемий или войны, — придется пополнить состав граждан не-гражданами, но только со строгим выбором. В виде второго возможного выхода из такого положения Платон, повидимому,

1) 743 D.

2) 740.

3) 740.

4) 877 D: *ὅτι τῶν πόλεως ἀρχαίων.*

5) 923.

6) 737 C: *τὴν γὰρ πόλιν καὶ τὰς οἰκίας ὅς τι καλεῖται ἰσὰς ἐπιμετρήσων.*

7) 740 C.

8) 740 E.

намечает передел. Упоминание о переделе,—и именно в направлении увеличения надела,—у него имеется ¹⁾).

Само собою разумеется, что размер надела не может быть увеличен или уменьшен путем купли или продажи. Купля-продажа земли не допускается ²⁾). Несколько большей свободой располагают граждане в отношении движимого имущества. Здесь допускается в известных пределах неравенство. Лучше всего, по мнению Платона, чтобы и в этом все были равны. Но это невозможно. Приходится поэтому следить лишь за тем, чтобы не было богатства и бедности, превосходящих меру. Низшим пределом будет здесь, очевидно, неотчуждаемый надел; высшим—имущество, равное учетверенной цене надела ³⁾). Тот, у кого окажется по какой-либо причине больше, должен сдать излишки государству под страхом штрафа. Все, чем каждый владеет сверх надела, учитывается государством ⁴⁾). Опять-таки всякий излишек сверх показанного конфискуется в пользу государства. Имя виновного предается позору, и он лишается права на участие в переделах земли, если таковые будут. Переучет имущества производится ежегодно, и в соответствии с ним определяется взнос каждого гражданина в государственную казну ⁵⁾).

Можно было бы предположить, что, получив в свое владение надел, гражданин получает и право на доход с этого надела. Однако, это не так. Распределение всех продуктов сельского хозяйства и скотоводства производится, повидимому, государственной властью. Платон говорит об этом распределении не очень ясно, но, во всяком случае, он предлагает весь продукт делить на три части: одна—гражданам, вторая—рабам, третья—иностранцам. Первые две части поступают в распоряжение граждан, которые и снабжают припасами свободных членов своих семей и рабов. Третья часть—для иностранцев, т.-е., ремесленников и купцов,—идет в продажу ⁶⁾). Очевидно, весь доход с земли рассматривается, как общее достояние государства. Если так, то владельцы наделов оказываются в положении как бы управляющих отдельными участками общественной земли. Принцип «все принадлежит государству» получает весьма реальное применение, сводя к минимуму права индивидуального владельца.

Своеобразный «коммунизм» Платона дает себя чувствовать не только в организации распределения, но и в организации потребления. Как и стражи «Государства», граждане «Законов» питаются в общественных столовых—сисситиях. К этому вопросу Платон возвращается неоднократно. В каждом округе,—говорит он,—будут сисситии, в которых должностные лица будут сообща столоваться. Если кто от этого уклонится, его имя будет предано позору. За посещением сисситий

¹⁾ 755.

²⁾ 741 В.

³⁾ 744 Е.

⁴⁾ 745.

⁵⁾ 955 D.

⁶⁾ 847 Е.—848 С.

необходимо строго следить¹⁾. И все прочие граждане обязаны в них участвовать, при чем для мужчин и для женщин устроены сисситии отдельно²⁾.

Далее, Платон старается предугадать, кто будет склонен увильнуть от сисситий. Это—молодожены. И они не должны пользоваться в этом отношении никакими преимуществами. Как и до брака, они будут проводить жизнь в сисситиях³⁾. Наконец, так как сисситии для мужчин были установлены в Спарте и на Крите, а сисситий для женщин не было нигде, то Платон отдельно останавливается на этом вопросе и обосновывает желательность женских сисситий необходимостью упорядочить и подчинить контролю жизнь женского пола⁴⁾.

Для Платона капитал—прежде всего торговый капитал. Главная арена его деятельности—рынок. Поэтому Платон очень заботится о том, чтобы не пустить своих граждан в это место, где им грозит опасность утратить свою чистоту. Мало того, что они не могут быть торговцами, они не могут ничего продавать на рынке. Та часть продуктов, которая предназначена для продажи иностранцам, доставляется на рынок рабами. Покупать что-либо на рынке им тоже воспрещено,—не только им, но и их рабам⁵⁾. Рынок и обмен необходимы только для не-граждан: ремесленников и их рабов, наемников, иностранцев⁶⁾. Таким образом, община граждан представляется замкнутой не только в политическом, но и в экономическом смысле. Ее хозяйство—натуральное хозяйство. Проникновение в нее капиталистических тенденций достаточно затруднено, несмотря на все те уступки, какие делает Платон индивидуалистическим привычкам своих современников, не доросших до полной общности.

В «Государстве» пригодность стражей к отправлению своих обязанностей гарантировалась жесткой системой отбора и рационально поставленным воспитанием. В «Законах», в связи с их общим более реалистическим тоном, отбор отступает на второй план. Правда, Платон считает необходимым отобрать надлежащий состав граждан при самом образовании государства⁷⁾. Иначе испорченные граждане заразят и остальных. Но дело создания новых поколений идет уже гораздо более обычным путем. Устанавливая индивидуальное владение землей, Платон устанавливает и индивидуальную семью. Государство регламентирует возраст брака. Мужчина может вступать в брак с 25-ти лет⁸⁾, женщина с 18-ти. Не женившийся до 35-ти лет, как уклоняющийся от исполнения общественных обязанностей, подвергается штрафу и бесчестью. Но выбор жены свободен⁹⁾. Государство содействует целесообразному с точки зрения потомства заключению брака

1) 762 C—D.

2) 806 E.

3) 780.

4) 780 E.

5) 849 B—D.

6) 742.

7) 735 B—C.

8) 772 E; в другом месте—785 B—с 30-ти.

9) 772 E.

лишь путем убеждения, а не принуждения. Это не значит, что Платон отказывается от основной точки зрения: брак должен быть полезен для государства. Это значит лишь, что он находит нужным считаться с господствующими предрассудками¹⁾. Цель брака—производство детей. Для него установлен 10-тилетний срок. Если за этот срок детей не будет, супруги расходятся²⁾. Допустим развод и в случае несходства характеров. Разведшиеся, по возможности, вступают в новый брак, особенно если у них нет детей. Точно также необходимо вступить в брак и бездетной вдове³⁾. Сношения мужчины не с законной женой воспрещаются⁴⁾. Однако, к лицам, вышедшим из возраста деторождения и в «Законах», как в «Государстве», Платон более снисходителен. Их он карает только за бесчинство в половом отношении⁵⁾.

Нравы людей не менее важны, чем законы. Многие мелочи ускользают от закона и регулируются нравами. Но, если человек в мелочах поступает неправильно, он может привыкнуть вообще к противозаконию. Нравы граждан не должны быть разнообразными и друг на друга непохожими⁶⁾. Чтобы достигнуть единообразия и соответствия общему порядку государства, необходимо правильное и единообразное воспитание. Физическое воспитание начинается еще в утробе матери и продолжается в годы младенчества. Платон дает ряд мелочных указаний беременным и кормилицам, как они должны себя вести и как обращаться с ребенком. С трех лет начинается общественное воспитание⁷⁾. Главная его задача по отношению к телу—сделать человека здоровым и выносливым. С этой точки зрения важно, чтобы и ребенок знал скорби, знал наказания, чтобы он не был изнежен. Когда ребенок подрастет, вступает в свои права гимнастика, которая затем переходит в военные маневры. В отношении души все направлено в первую очередь к тому, чтобы закрепить законопослушность, преданность традиции. Чтобы законы были прочны, нужно чтобы все было прочно в сознании людей. Даже игры детей должны быть единообразны, традиционны. Новшества в них допускать не следует. Петь можно только священные, общенародные песни, плясать только общие хороводные пляски. Поэтические произведения допускаются только после того, как они прошли через цензуру определенных должностных лиц⁸⁾. Даже в повседневном распорядке жизни: времени сна и т. п.—необходимо внушать гражданам единообразие, общий порядок. Так аристократия, являющаяся в принципе аристократией, основанной на разуме, превращается в «Законах» в аристократию, откровенно опирающуюся на традицию, откровенно консервативную.

1) 772 С — D.

2) 784 В.

3) 929 Е—930 С.

4) 841 D — E.

5) 784 Е.

6) 783 В.

7) 794.

8) 797 В; 800; 801.

таны¹⁾, должны получить надлежащее образование²⁾. Указание на особую систему образования для избранных мы находим в «Законах»³⁾. Но эта старая мысль Платона не может найти в строе «Законов» соответственного оформления. В конце-концов, по своему составу, Ночное Собрание—лишь совещание высших духовных и светских сановников с некоторым количеством специально приглашаемых граждан. В него входят жрецы, получившие отличия, десять старейших хранителей закона, заведующий общественным воспитанием и его предшественники на этом посту. Участниками Собрания могут быть также лица, путешествовавшие за границу по поручению государства. Каждый из перечисленных членов Собрания приводит с собою одного гражданина, заслужившего эту честь своими дарованиями и своим воспитанием,—при условии согласия всего Собрания. Это—кооптированные члены⁴⁾. В конце-концов гарантией мудрости Собрания является только изложенная выше система выборов должностных лиц.

Слабое отражение нашла в «Законах» и другая идея Платона: равноправие полов. Женщины получают одинаковое воспитание с мужчинами⁵⁾. Они должны обучаться даже военному делу⁶⁾. Женщины должны принимать участие в государственной жизни⁷⁾. Но для них выделяются особые сферы деятельности. Женщины заведуют воспитанием малолетних — от 3-х до 6-ти лет⁸⁾. Женщинам вручен надзор за браками⁹⁾. Женщины участвуют в обучении молодежи. Но в общем управлении государством мы не видим женщин, на ответственные должности в государстве они не допускаются. Даже в суде женщина может вести судебное дело или выступать в качестве защитницы лишь в случае, если у нее нет мужа¹⁰⁾.

В противоположность «Государству», где о рабах упоминалось лишь вскользь,—в «Законах» все экономическое благополучие граждан основывается на труде рабов. На рабах лежат все земледельческие работы. Рабов, поэтому, нужно иметь в достаточном количестве и хорошего качества. Но владение большим числом рабов — опасная вещь. Они оказываются иногда способными восставать. Чтобы это предотвратить, необходимо стараться держать рабов разноплеменных, которые не могут друг с другом сговориться. Далее, их нужно надлежащим образом воспитывать. Уговаривать их—баловство. Им нужно приказывать. Платон, как мы видим, дает блестящую формулировку принципов правильной рабовладельческой политики¹¹⁾. Этому соответ-

1) 969 В.

2) 969.

3) 818.

4) 951 Е; 961 В.

5) 804 D.

6) 814 C.

7) 805 C—806 C.

8) 794.

9) 784.

10) 937.

11) 777—778.

ствует и его отношение к личности раба. Раб стоит у него рядом с вьючным животным ¹⁾. Раб не может быть другом гражданина, как негодный человек не может быть другом порядочного. Господин может пользоваться рабом, как ему вздумается. За всякое преступление раб карается более сурово, чем свободный. Там, где свободный получает выговор, раба ждут удары. Где свободного ждет позор, рабу грозит смерть. Свободный, убивший свободного во время самообороны, признается невиновным. Раб — подлежит смертной казни. Раб, убивший своего господина, ни в коем случае не может остаться живым. Наоборот, гражданин, убивший своего раба, подлежит лишь религиозному очищению, убивший чужого раба — вдвойне оплачивает его стоимость владельцу ²⁾. Таков реальный фундамент «власти разума».

Ремесленники свободны, но прав гражданства они не имеют ³⁾. Иногда Платон противопоставляет их гражданам, как иностранцев ⁴⁾. Согласно принципу разделения труда, каждый ремесленник должен заниматься только одним ремеслом. Правительство распределяет ремесленников по стране в соответствии с потребностью в их труде. Они работают, обслуживая нужды граждан, на заказ. Таким способом устраняется необходимость для граждан прибегать к помощи рынка и торговцев.

Если отношение Платона к ремесленникам несколько неопределенно, то торговцы у него под большим подозрением. Ведь именно через торговлю и входит в общество все зло, именно в торговле накапливаются крупные состояния, торговля повергает город в горячку спекуляции и разрушает тем самым его устои. «По природе», мелкая торговля вовсе не вредна государству. Наоборот, она помогает удовлетворению потребностей. Но беда в том, что только исключительные люди, занимаясь торговлей, могут удержаться на уровне должного. Большинство теряет трезвость, когда перед ним открывается возможность «ненасытной прибыли» ⁵⁾. Поэтому, государство должно зорко следить за торговлей. Нужно терпеть только такую торговлю, которая будет признана «крайне необходимой». Торговцами могут быть лишь метеки и иностранцы, ни в коем случае не граждане. Так как торговцам трудно уберечься от испорченности, деятельность их должна быть точно регламентирована. Их расход и приход должен быть учтен чиновниками, и должна быть закреплена «соразмерная прибыль»; такая торговля, под контролем властей, может быть безвредна ⁶⁾. Торговля в целях наживы не может быть допущена. Поэтому, цены на товары и даже возможная с них скидка устанавливаются властями ⁷⁾. Повышение установленной цены, запрос и даже изменение раз назначенной цены в пределах дозволенного в один и тот же день — воспрещается

¹⁾ 761.

²⁾ 865 — 872; 914 E.

³⁾ 806 E.

⁴⁾ Например, 847.

⁵⁾ 918 B — D.

⁶⁾ 920 — 920 C.

⁷⁾ 850.

ются. Торговля в кредит и ссуда под проценты не пользуются охраной закона. Обращение в суд по кредитным сделкам не принимается. Должник может не возвращать кредитору ни процентов, ни капитала. Точно так же не признаются законом и объединения торговцев в товарищества ¹⁾. Владеть золотом и серебром никому не дозволено. Монета для целей обмена есть, но она делается из малоценного материала.

И все же, несмотря на все эти меры, пресекающие возможности накопления капитала, Платон боится торговцев. Торговцы в государстве «Законов» по преимуществу — иностранцы, хотя, повидимому, торговлей могут заниматься также вольноотпущенники (неясно, тождественны ли иностранцам метеки, о положении которых Платон ничего определенного не говорит). Иностранцы и вольноотпущенники — временные гости в государстве. Повидимому, Платон считается с возможностью, что, имея прочную оседлость, они все же чересчур разживутся и станут опасными. И те, и другие могут оставаться в государстве не более 20-ти лет. Для продления срока требуется особое разрешение властей. Смысл этого основного постановления раскрывается дополнительным: кто из иностранцев или вольноотпущенников, хотя бы до истечения 20-летнего срока, скопит состояние, превышающее имущественный ценз граждан третьего класса, подлежит немедленному изгнанию, — и в этом случае уже никакие просьбы об оставлении не должны приниматься во внимание.

Ставя в такие узкие рамки внутреннюю торговлю, Платон вполне последовательно еще более ограничивает торговлю внешнюю. Ввоз и вывоз регулируются властями, которые допускают к ввозу лишь абсолютно необходимые предметы, — главным образом, материалы для военного снаряжения и отнюдь не предметы роскоши ²⁾. Иностранных купцов принимают за городом особые должностные лица, которые должны следить, чтобы они не ввели каких-либо новшеств ³⁾. Вообще государство должно быть возможно более замкнутым, возможно более самоудовлетворяющимся и в экономическом, и в культурном отношении. С этой точки зрения полезна для государства некоторая отдаленность от моря или отсутствие хороших гаваней. Море ведет к крупной торговле и к спекуляции, а последняя колеблет устой государства ⁴⁾.

Охрана основных положений государственного строя вообще очень заботит Платона. Он как бы не чувствует уверенности в его внутренней стойкости среди окружающих его «нездоровых» обществ и ищет средств к его сохранению ⁵⁾. Охрана устоев — основная задача Ночного Собрания. За попытку изменения существующего строя виновный карается смертью ⁶⁾. Чтобы вредные идеи не проникли из-за границы, Платон крайне стесняет выезд за пределы государства. Ехать

¹⁾ 849 E; 915 F.

²⁾ 847 C — D.

³⁾ 932 E.

⁴⁾ 704 D — 705.

⁵⁾ 960 B.

⁶⁾ 856 C.

за границу могут лишь лица, достигшие 40 лет, и притом только с государственным поручением. Между прочими видами поручений есть и ознакомление с иноземными порядками. Лица, имевшие такое поручение, должны тотчас же по возвращении сделать доклад Ночному Собранию. И если Собрание найдет, что он вернулся испорченным, его исключают из общения с гражданами. Если же окажется, что он, не довольствуясь жизнью частного человека, пытается вводить «суетные новшества», — он наказывается смертью¹⁾.

Высшую санкцию государственному строю дает религия. Интересно, что самое существование богов обосновывается в «Законах» в первую очередь аргументами социального порядка. Чтобы защитить закон, надо доказать, что боги есть, что они благи, что они почитают правосудие²⁾. Неверие в богов неизбежно вызывает смуты, разрывая узы подчинения и развязывая борьбу людей друг с другом³⁾. Поэтому государство должно всячески бороться с неверием. Правители не могут отказываться от убеждения граждан в существовании богов. Но, если гражданин упорствует в своем нечестии, он подлежит суду. Кто впал в нечестие по злобе своего характера, карается смертью; кто — по неразумию, карается 5-летним заключением. В течение 5 лет его убеждают в неправильности его взглядов⁴⁾. Но, если он окажется несправим, и его ждет тоже смертная казнь. Так государственная власть охраняет религию, наличность которой обеспечивает в свою очередь прочность государственной власти.

Допустим, что мерами экономической и религиозной политики порядку, изображенному в «Законах», действительно, будет придана должная устойчивость. Остается вопрос, как он может возникнуть. Мы знаем, что общую основу дурных законов составляет неведение, добрых — разум. Но мы знаем также, что при наличии неведения, отдельные изменения в строе вызываются различными перепетиями во внешней и внутренней жизни государств. Так возникло разнообразие существующих государственных систем: олигархия, демократия, тирания. С точки зрения рационалиста Платона, перед лицом абсолютного разума все такие перепетии являются случайностями. В этом смысле Платон и утверждает, что все наши законы даются нам случайно⁵⁾. Очевидно, условием осуществления разумного строя должно быть также известное случайное соединение благоприятных условий. Но одной случайности мало. Необходимо также и искусство, необходимо, чтобы нашелся разумный законодатель, который сумеет воспользоваться случайностью и искусно ввести в жизнь новые порядки. Наиболее благоприятствует осуществлению разумного строя — строй тиранический, — вопреки тому, что говорил Платон о тирании в «Государстве». Дана случайность: молодой, мужественный, здравомыслящий, способный к учению тиран. Дана другая случайность:

1) 950 D — 952 D.

2) 887 — 887 C.

3) 890.

4) 907 D — 909.

5) 709 — 709 D.

встреча тирана с мудрым законодателем. Дальше остается действовать уже искусству¹⁾. Как известно, сам Платон дважды пытался получить нужное соединение случайностей при дворе сиракузских тиранов. Результаты получились печальные. Тем не менее, и после перенесенного разочарования в тиране, Платон не смог указать иного более надежного пути к осуществлению своих проектов, и политически, и экономически в равной мере реакционных.

Аристократия, политическое бесправие трудящихся, потребительско-коммунистический режим для правящих, как способ предохранить аристократию от проникновения капиталистических тенденций,—таковы наиболее характерные черты «Государства». Все эти черты, лишь в несколько иных конкретных формах, нашли мы и в «Законах». Аристократия освободилась от того идеалистического тумана, который скрывал ее реальные контуры. Бесправие трудящихся оформилось, как рабство одних и исключение из состава гражданства других. Борьба против капитала, сохраняя в себе кое-какие черты потребительского коммунизма, пошла, главным образом, по линии уравнилительной политики и строгой регламентации деталей хозяйственной жизни. Платон в своих основных социальных взглядах—в «Законах» тот же, что и в «Государстве». Только отвлеченно-идеалистический подход к «Государству» давал возможность усматривать в «Законах» падение с высот, достигнутых Платоном в его первом социальном диалоге.

Само-собою разумеется, что Платона невозможно признать социалистом даже при самом неопределенном, при самом широком толковании понятия социализм. Причислять Платона к социалистам так же мало оснований, как—считать социалистическим движением аристократические уравнилительные попытки в Спарте III в. Тем не менее, коммунисты XVI—XVIII в.в. не напрасно видели в нем своего учителя. Из истории социалистических идей имя Платона не выбросишь. Его вражда к капиталу была враждой аристократа, а не представителя общественных низов. Однако, его выпады против богатства и бедности, против неравенства, против роста общественных антагонизмов могли быть понятны, близки всем, в ком развитие общества в капиталистическом направлении вызывало протест. Его коммунизм—потребительский коммунизм избранных. Но принцип общности имущества, но аргументы в защиту этой общности могли служить, с соответственными изменениями, для целей создания новых социальных систем, проникнутых совершенно иными социальными настроениями, чем учение Платона. Так это в действительности и было. И Т. Мор, и Кампанелла обязаны Платону очень многим. Того, что Платон зовет совсем не туда, куда зовут они, Мор и Кампанелла, быть может, и не замечали. Но то, что им было нужно, они у Платона взяли.

В. Волгин.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ ОПЫТ, ИЛИ „ПРЕОДОЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ“.

Надо констатировать тот факт, что существуют размышляющие индивидуумы, полагающие, что в своем размышлении и через его посредство они преодолевают все и проходят все ступени, что они разрушают все грани, в то время как в действительности они никогда не выходят за пределы умозрений.

(Маркс—„Святой Макс“).

I.

Организационный опыт и реальная действительность.

Труд, как мироорганизующая активность, находит свое универсальное обоснование в тектологии Богданова. Тектология есть всеобщая организационная наука. Она имеет характер универсальности, исключая возможность применять к понятию организации атрибуты, применяемые к этому понятию обычно. В обыкновенном понимании под организацией подразумевается формирование данного материала, согласно определенной цели. Материал предполагается существующим, но еще в бесформенном виде, не отвечающем предназначенной цели, а в результате обработки, соответствующей данной цели, приобретающий организованный вид. Но понятие «организации» у Богданова носит совершенно другой характер и относится не только к человеческим, но и к нечеловеческим активностям. Положение, что организация относится не только к человеческим активностям, выдает сразу головой подлинную природу организации Богданова. У Богданова организация, это—творческая функция коллективного субъекта, при помощи которой он творит, порождает, организует мир. Самостоятельно существующего материального мира нет. «Без субъекта—нет объекта». Это основное положение всякого идеализма лежит в основе «преодоления философии» Богдановым. Все, что не вошло в цепь организационной деятельности, лишено существования, и материя, как самостоятельная субстанция, просто об является фетишем, который могущественно ниспровергается оригинальным опытом тектологии. «В общем весь процесс борьбы человека с природой—подчинения и эксплуатации стихийных ее сил—есть не что иное, как организация мира для человека в интересах его жизни и развития. Таков объективный смысл человеческого труда» (Тектология, стр. 7).

Странно, что это за природа, с которой борется человек? Ведь природа для Богданова—это бесконечное поле сопротивлений, относи-

тельное к организующим усилиям человека. Если природы самостоятельно существующей нет и она является лишь осколком организующей активности, то последняя, следовательно, порождает противодействие, которое она же преодолевает. Это весьма похоже на сверхличное «я» Фихте, которое творит противодействующее начало, чтобы в процессе его преодоления достигать максимальной мощи, высоты, совершенства, это похоже на всевозможные измышления идеализма, но это совершенно не связано с марксизмом и вовсе не есть оригинальное преодоление философии, а традиционная, устаревшая интерпретация традиционных идеалистических положений. Человеческий труд изменяет формы материи, как естественная сила, противостоящая естественной материи, противодействие которой связано неразрывно с ее самостоятельностью. Материя есть то, что действует на наши чувства. Поскольку материя противодействует человеку, как самостоятельный объект, не зависящий от его субъективного произвола, постольку его приспособление к материи, осуществляемое в процессе производства, определяется не противодействием материи, соотносительным к трудовому усилию, а необходимостью борьбы за существование, способы и пути которой определяют формы и характер социальной организации людей. Только для Богданова «экономическая точка зрения» отличается от технической тем, что «сосредоточивает свой интерес специально на отношениях людей; поэтому для нее организационным элементом должны являться только люди с их действиями». Все существующее существует лишь постольку, поскольку оно действует. Но действующие субъекты сами являются модусами активного универсума. История их развития и система их действий протекают в ограниченных пределах этого универсума. Организационная деятельность человека касается его отношений к этой действующей на его чувства материи, которая его проникает, ибо он не только субъект, но и объект, не только дух, но и тело, не только слово, но и действие, и последнее прежде всего. А организация Богданова? Охватывает не только людей с их действиями, но и вещи, как продукты организующей деятельности; она рассматривает всю природу, как поле организационного опыта человека, рассматривает всякий «процесс природы, как возможный для трудового коллектива источник получения каких угодно других процессов». Откуда и как их получить? Как удастся Мюнхгаузену вытащить себя за собственную косу из болота остается загадкой, сфинксом. Объективный смысл труда известен. Труд есть мироорганизующая активность. Но технология одним трудом не исчерпывает свой мироупражняющий акт. Упразднить мир одним трудом было бы оскорблением для ее почетной универсальности, и она совершает этот акт всеми имеющимися в ее распоряжении родами оружия. «Еще очевиднее организационный характер познания и вообще мышления. Его функция заключается в том, чтобы координировать факты опыта в стройные группировки — мысли и системы мыслей, т. е. теории, доктрины науки и проч., а это значит — организовать опыт. Точные науки организуют всю современную технику машинного производства; они способны к этому потому, что сами представляют организованный опыт прошлого, прежде всего

также технический». Познание, мышление организуют, таким образом, опыт. Но объективный мир, как известно, есть для Богданова социально-организованный опыт. «Организационный опыт, говорит Богданов, есть весь наш опыт, взятый с организационной точки зрения». Познание в волшебном свете тектологии творит мир, бытие, универсум, является Платиновской иррадиацией, излучающей такое удивительное чудо, как социально-организованный опыт. Тектология есть не учение о развитии, а учение об организации. Организация, миростроительство противопоставляются развитию вполне закономерно с точки зрения принципов Богдановской философии. Развитие мира предполагает человека, как одно из звеньев мировой цепи. В своей познавательной деятельности человек почерпает в этом развитии силу для преодоления вырастающих на его пути препятствий. Но строительская активность Богданова слишком нетерпелива, чтобы познавать развитие, и предпочитает строить. Но строить—из ничего? Ведь и греческие боги создавали мир из предполагавшейся материи. Но они, повидимому, еще были далеки от оригинального преодоления мира тектологическими чудесами. Оказывается, что именно потому, что в философии Маркса имеет место развитие, «применение диалектического метода делается неточным и расплывчатым, в его схемах примешивается произвол, и не только границы диалектики остаются неопределенными; но иногда самый смысл ее сильно извращается» (Богданов. «Фил. жив. опыта», изд. III, с 242).

Совершенно естественно, что развитие в свете метафизики квалифицируется, как неопределенное, ибо метафизика не имеет и не хочет иметь дела с действительностью, которая является развивающимся процессом. Напротив, в свете диалектики, как адекватного осознания действительности в ее антагонистической динамике, развитие имеет очень определенный и недвусмысленный смысл. Ленин, гениальный мастер диалектического мышления, говорит об этом понятии очень определенно и четко: «Развитие есть «борьба» противоположностей; две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение и увеличение, как повторение и развитие, как единство противоположностей (разделение единого на взаимноисключающие противоположности и взаимоотношение между ними). Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая—жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву» постепенности», к «превращению в противоположность», к «уничтожению старого и возникновению нового» (Ленин. «К вопросу о диалектике», «Большевик», № 5—6). Развитие для Ленина, в отличие от «субъективизма и софистики», как «борьба взаимно исключающих противоположностей» определено, абсолютна, ибо «для объективной диалектики и в релятивном есть абсолютное», когда для Богданова абсолютное только фетиш.

Итак не развитие, а организация, всеобщая организационная наука раскрывают тайну бытия, и так как развитие мира есть материаль-

ная основа диалектического материализма, который является теоретическим отражением объективного мирового процесса, отраженного в человеческом сознании, то организационная философия Богданова, упраздняя «неопределенное» развитие, заменяет диалектику организацией. Диалектика, с легкой руки Богданова, превращается в организационный процесс, идущий путем борьбы разных тенденций. Понятно, если центр тяжести перенести в субъект, то такое определение вполне приемлемо, но если видеть в диалектическом материализме теоретический рефлекс совершающихся в мире и человеческом духе процессов, то такое определение совершенно неприемлемо и так же относится к диалектике, как библейское творение к биологической эволюции. Победоносно разоблачая бесплодный характер диалектики, Богданов восклицает: «Но посмотрите, как легко применить «триаду» с ее отрицаниями и там, где никакой диалектики в действительности нет. Возьмите любой периодический процесс природы и сопоставьте две сходных его стадии, а то, что между ними и отличается от них, назовите «отрицанием», например: вчерашний день—его отрицание ночь—сегодняшний день; полнолуние—новолуние—новое полнолуние; подъем маятника—его падение—новый подъем, и так без конца. Ясно, до какой степени бесплодна, излишня и произвольна сама по себе эта схема» (Фил. жив. опыта, III изд., с. 253—254). Богданов хочет сказать, что ради излюбленного диалектического отрицания, диалектический материализм произвольно координирует процессы, комбинирует их таким образом, чтобы все же получилось отрицание, которого организационная философия решительно не терпит, ибо чудный акт творения из ничего для нее несравненно более мил, приятен, привлекателен, нежели тяжелый мучительный акт диалектического отрицания. Для оправдания своей мысли и обличения незакономерной произвольности диалектического материализма, Богданов ссылается на пример Энгельса относительно истории. Приведу цитату из Энгельса, которая Богдановым передается в некотором «эмпириомонизированном» виде. «Все культурные народы начинают с общинной собственности на землю. У всех народов, которые прошли известную ступень первобытного состояния, общинная собственность начинает, по мере развития земледелия, сковывать его производство. Она упраздняется, отрицается и после более или менее долгих промежуточных стадий превращается в частную собственность. Но на высшей ступени развития земледелия, достигаемой благодаря самой же частной собственности на землю, частная собственность, в свою очередь, становится стеснительными путями для производства, как это наблюдается теперь и в мелком и в крупном землевладении. Отсюда необходимо возникает требование отрицания частной собственности на землю и превращения ее опять в собственность общественную. Это требование означает не восстановление первобытной общинной собственности, но установление более высокой, более развитой формы общего владения, которая не только не стоит помехой производству, а, напротив того, впервые освободит последнее от стесняющих его оков и даст ему возможность полностью использовать современные химические открытия

и механические изобретения» (Энгельс. Анти-Дюринг, с. 158—159). Неужели же в этих словах наличествует произвольное комбинирование различных исторических явлений ради прекрасных глаз отрицания? Неужели же здесь нет действительного отрицания? Отрицание отрицания является у Энгельса результатом столкновения между производительными силами и производственными отношениями, которое разрешается взрывом последних, уступающих свое место высшей форме—коллективной собственности. Всякая общественная форма, которая перестала отвечать потребностям развивающихся производительных сил, неизбежно отрицается последующей прогрессивной стадией производительного процесса, которая в диалектическом смысле этого слова, является отрицанием отрицания, включающая также и утверждение, ибо этим она отличается от простого отрицания. «Очевидно,—говорит Богданов относительно приведенных слов Энгельса,—что триада получилась не вследствие «отрицаний», а вследствие сделанного нами выбора моментов для сопоставления: мы взяли фазу равновесия до борьбы определенных двух сил и фазу равновесия по ее завершении. Формальное сходство «тезиса» и синтеза получается немедленно, как результат этого способа сопоставления» (Философия жив. опыта, III изд., с. 254). Нет, совсем не очевидно. Коммунистическая собственность является отрицанием отрицания не вследствие произвольной любви к отрицаниям, а потому, что она такой является в действительности, т.-е. поскольку она отрицает капиталистическую собственность, которая в свою очередь есть отрицание первобытной общинной собственности. Отрицание отрицания имеет место в диалектическом материализме, по той причине, что оно является философией развивающегося путем отрицаний бытия, а не философией бесплотного мира, организующегося по произволу Богдановских умозрений. Богданов не перестает утверждать, что логика отрицаний подходит лишь к идеалистической диалектике понятий, но не к реальной диалектике вселенной. Логика отрицаний, согласно Богданову, есть результат способа сопоставлять их, избираемого познающим. Кроме субъективного произвола—Богданов ничего не усматривает в логике отрицаний, которую он просто объясняет произвольной деятельностью внимания, «которое фиксирует момент до начала борьбы двух противоположных сил и момент по ее завершении», в результате чего «неизбежно получается формальное сходство между этими двумя фазами равновесия, а промежуточный период борьбы может быть произвольно обозначен, как фаза отрицания» (Фил. жив. опыта, стр. 205). Кричащую произвольность такого толкования диалектического материализма бесспорно вскрывает все гениальное мышление Маркса, логика отрицаний которого применялась к реальной диалектике бытия, или, вернее, не применялась, а абстрагировалась от последней, раскрывая, уясняя, обнаруживая ее имманентно революционный характер, как определяющую основу того прогрессивного революционного ритма бытия, который никакой «оригинальный опыт» не в состоянии преодолеть. «Развитие противоречий какой-либо исторической формы производства есть единственно исто-

рический путь ее разложения и преодоления» (Маркс). Так говорит Маркс. Но Маркс, повидимому, занимался, (что, впрочем, утверждали все критики Маркса) произвольным сопоставлением реальных явлений, чтобы удовлетворить свои отрицательные революционные вожеления. Верно, что этих отрицательных вожелений нет и следа у Богданова, что, однако, не говорит об их производительности у Маркса, гениальность которого была адекватна его объективности и равнялась степени его глубочайшего проникновения в бытие и его закономерное движение. Впрочем, диалектика приобретает смысл, когда понято ее организационное содержание. Но, увы, основатели диалектического материализма не достигли этого, а их последователи вообще не пошли дальше. Только Дицген обнаружил философскую самостоятельность мысли. Он с большой энергией выдвинул требование монизма в мировоззрении, для чего воспользовался идеей Спинозы об едином всеобщем бытии, связав эту идею с реалистической диалектикой; но, кроме того, еще решительнее Маркса он высказал мысль о неизбежности выработки особых, пролетарски-классовых форм познания, «специальной пролетарской логики» (Фил. жив. оп., с. 258).

Бедные основатели диалектического материализма оказались не в состоянии выработать новую логику, не поняв «организационного содержания» диалектики! Из всех их последователей, которые не пошли дальше Маркса, лишь один Дицген удостоился, повидимому, такого понимания, обнаружив философскую самостоятельность мысли. В чем же состоит эта философская самостоятельность? Прежде всего в том, что он выдвинул идею монизма в мировоззрении. Отсюда, понятно, необходимо заключить, что диалектический материализм не монистичен. По этому поводу необходимо сказать, что диалектический материализм как логика противоречий, монистичен в самом широком смысле этого слова, как радикальная и коренная противоположность всякой нищенской эклектической похлебке. Все части диалектического материализма связаны между собой нераздельно, так что его нельзя безнаказанно разрывать и разделять. «Марксизм не только известное экономическое учение о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу. Он не только известная историческая теория (историческ. материализм), не только экономическое учение плюс известная историческая теория. У Маркса историческая теория поставлена рядом с экономической теорией, она насквозь пропитана ею. То, что говорится у него о характере и развитии производственных отношений, свойственных капиталистическому обществу, является плодом изучения экономики данной эпохи с точки зрения исторического материализма. Вот почему безусловно правы те, которые говорили, что «Капитал» есть не только экономическое, но также и историческое сочинение. Однако и это не все. Исторический материализм, с точки зрения которого Маркс изучал экономические отношения капиталистического общества, еще не составляет мирозерцания. Он только часть материалистического понимания мира — материализм в его применении к области истории. Вот почему истори-

ческий материализм,—иначе, материалистическое объяснение истории,—предполагает и материалистическое объяснение природы» (Плеханов).

Стройность и цельность диалектического материализма находят себе причину в единстве материального бытия, закономерным рефлексом которого является диалектический материализм. Утверждение Богданова, что требования монизма выдвинуты с большой энергией в мировоззрении Дицгена, который пошел дальше Маркса, просто нелепо. Дицген воспользовался идеей Спинозы об едином всеобъемлющем бытии, связав эту идею с реалистической диалектикой. А у Маркса разве была идея раз'единенного, разобщенного бытия? Поскольку Маркс брал отправным пунктом мир в его развитии, возникновении и уничтожении, постольку диалектический материализм для эклектика, каким является Богданов, всегда будет представляться дуалистическим мировоззрением, противопоставляющим материю духу. Но дух для Маркса есть, как и для Спинозы, атрибут материальной субстанции, вне которой другой субстанции нет. Маркс прежде всего исходит из материального мира, конечным преходящим модусом которого является человек, познающий объект, чей дух является, если можно так выразиться, фокусом, где скрещиваются, сходятся лучи бытия. Единство и всеобщность бытия заключаются в его материальности, которая сообщает ему это единство, проведенное с несравненно большей последовательностью и глубиной у Маркса и Энгельса, нежели у Дицгена, лучшие моменты философии которого являются только повторением и комментированием основных положений диалектического материализма. Дицген сам старательно подчеркивал свое согласие с основными положениями диалектического материализма. Таково его учение о независимом существовании материального мира и о первичности бытия над сознанием. «Есть ли мир представление, понятие? Мир можно представлять и понимать, но он есть и нечто большее, чем доступность пониманию и представлению. Он существовал, существует и будет существовать вне и помимо нашего представления, нашего понятия, он именно бесконечен в количестве и в качестве». («Аквизит», с. 68). Говоря это, Дицген просто повторяет основные положения материалистического мировоззрения о самостоятельном существовании материального мира, ограниченную часть которого представляет собой его порождение—человек. Где Дицген придерживается ясного материалистического образа мышления, он только популяризирует, комментирует основные положения диалектического материализма, не претендуя на особую философскую оригинальность. «Сознание вытекает из своей противоположности—из бессознательного и обратно переходит в последнее. Вследствие этого мы считаем бессознательное за субстанцию, а сознание за предикат или атрибут, а прочные понятия, которые мы приобретаем о явлениях природной субстанции, мы познаем, как необходимое вспомогательное объяснение природы; однако, это последнее также требует, чтобы мы считались с диалектикой, которая учит о том, как все эти прочные понятия протекают в одном текучем элементе» (Дицген). В приведенных словах Дицген стоит на точке зрения

логики противоречий, выражением которой является диалектический материализм, творцы которого обнаружили несравненно больше глубины, широты и последовательности. Когда же Богданов говорит, что Дицген решительно выдвинул мысль о зависимости форм познания от социального бытия, а именно, что мышление происходит из трудового процесса, то, если понимать эту зависимость в смысле не происхождения из трудового процесса, а его определение способом производства,—такое утверждение есть опять-таки одна из тех произвольностей, которыми так изобилует организационный опыт Богданова.

Предисловие Маркса к «Критике политической экономии» разоблачает в достаточной степени эту философскую вольность, но в этой формулировке основных положений исторического материализма Маркс стоял на точке зрения логики отрицаний и совершенно не говорит об организации, а этот-то грех и обуславливает для Богданова произвольность и «необходимость перехода к более широкой, общей точке зрения», какой, разумеется, и является организационная философия Богданова. Диалектика есть для Богданова просто частный случай, и ее схема не может стать универсальным методом. «В самом деле,—говорит Богданов,—диалектика есть организационный процесс, идущий путем борьбы противоположностей. Как только мы это констатировали, становится ясно, что диалектика вовсе не есть нечто универсальное, что она не может стать всеобщим методом познания. Она—частный случай организационных процессов, которые могут идти также иными путями». (Ф. ж. оп., изд. III, с. 261). Перед необъятной универсальностью организационной философии она обратилась в ограниченную частную схему, что покорно и печально заявляет о ее превзойденной и побежденной ограниченности, уступающей мирообъемлющей широте оригинального организационного опыта.

Логику отрицаний, как мы видели, Богданов рассматривает просто, как результат деятельности внимания, считая ее вполне подходящей «лишь к идеалистической диалектике понятий, но не к реальной диалектике вселенной» (Ф. ж. оп., с. 265).

Не говоря уже о полнейшей метафизичности разрыва между диалектикой понятий и диалектикой вселенной, так как диалектика понятий в ее материалистическом проявлении отражает именно диалектический процесс мира, следует сказать, что диалектическое отрицание не только отличается от произвольного субъективного отрицания, но отличается вообще от всякого метафизического отрицания.

Энгельс, предвидя «главные аргументы метафизиков против диалектики, вполне достойные их ограниченности» считал нужным тщательно отграничить диалектическое отрицание от метафизического отрицания, из которых метафизическое отрицание сводится к ребяческому занятию—попеременно писать и затем вычеркивать его и попеременно утверждать о розе, что она роза и что она не есть роза, в то время, как диалектическое «отрицание отрицания» является законом развития». «В диалектике отрицать,—поясняет Энгельс,—не значит просто сказать «нет», или объявить вещь несуществующей или уничто-

жить ее тем или иным способом. Уже Спиноза говорил: «Всякое определение есть ограничение или в то же время отрицание». И далее способ отрицания определяется здесь, во-первых, общей, а во-вторых, особенной природой всякого процесса. Я должен не только отрицать, но и снова снять это отрицание. Следовательно первое отрицание должен произвести таким образом, чтобы второе все-таки было или дано возможным. Но как этого достигнуть? Это смотря по особой природе каждого отдельного случая. Если я размолот ячменное зерно, или раздавил насекомое, то я, хотя совершил первый акт отрицания, но сделал «невозможным другое» (Энгельс. Анти-Дюринг, с. 163).

Диалектика, несмотря на «пристрастие» к отрицаниям, к которым она питает такую невольную склонность, однако, открыта не для всякого отрицания, а только для такого отрицания, которое определяет и делает возможным дальнейшее движение, развитие. Во всяком случае, если организационная философия Богданова является отрицанием материалистической диалектики, то именно она есть метафизическое отрицание, и, как таковое, бесплодно, пусто, и не только не ведет вперед, но, как всякая метафизика, является в данное время фактором реакции, застоя и регресса.

Итак, вместо материалистической диалектики, невольной «пристрастной» к отрицаниям, всеобщая организационная наука, тектология, в самом отрицательном смысле этого слова рассматривающая все под углом зрения организационного строительства, простирающегося как на живые, так и на мертвые активности.

Подобно познанию, о котором было сказано выше, организационным элементом в богдановской философии является и художественное творчество. «Художественное творчество,—говорит Богданов,—имеет своим принципом стройность и гармонию, а это значит организованность. Оно своими особыми методами организует представления, чувства, настроения людей, тесно соприкасаясь с познанием, часто с ним прямо сливаясь, как беллетристика, поэзия и живопись. В искусстве организация идей и организация вещей нераздельны. Например, взятые сами по себе, архитектурное сооружение, статуя, картина—являются системами «мертвых» элементов—камня, металла, полотна, красок; но жизненный смысл этих произведений лежит в тех комплексах образов и эмоций, которые вокруг них объединяются в человеческой психике» (Тектология, т. I, с. 3). Искусство, оказываясь, организует настроения, чувства людей, сознание определяет бытие, ибо искусство именно, как первичный организующий фактор, организует порядок вещей. Искусство не коренится в общественном бытии, но жизненный смысл произведений искусства лежит в тех комплексах образов и эмоций, которые вокруг них объединяются в человеческой психике. Первичной инстанцией является в конечном счете человеческая психика.

Здесь идеализм Богданова достигает, действительно, максимальной высоты, ибо даже Гегель, когда он объяснял происхождение какого-либо искусства, обращался именно к общественному бытию: стоит лишь указать на объяснение Гегелем характера голландской живописи, чтобы

в этом решительно убедиться. Но как, например, объяснить тот факт, когда искусство перестает быть организующим в том смысле, что оно выражает декаданс, бессилие, упадочность¹⁾? Когда в немецком романтизме прославляется болезнь и смерть (Новалис), в французском модернизме — порок и преступление (Октав Мирбо), а в английском — фантазия и искусственность (Уайльд), то нельзя уже говорить здесь об организации, ибо последняя есть прогрессивное формирование, возводящее формулируемый материал в степень высшего совершенства; гармонизация, приводящая к большей цельности, прочности и жизненности. В данном случае можно только говорить о дисгармонии, об отцветании, об отсутствии полноты жизни, которая является имманентной целью организующей деятельности, как деятельности творческой. Но все эти феномены, необъяснимые с точки зрения Богдановской универсальной организации, которая вообще ничего не объясняет, объясняются с точки зрения развита и идущего путем отрицаний, а не организации, порождающей бытие из небытия. Но организация Богданова обладает чрезвычайной эластичностью, гибкостью, и факты дезорганизации мало ее тревожат и страшат: дезорганизация есть только результат столкновения организационных процессов, и факты дезорганизации вовсе не выходят за пределы универсальной организационной активности. Словом, всеобщая организационная активность, создавая все, создает и дезорганизацию, как свою собственную противоположность. Могущество организации настолько велико и неизмеримо, что было бы удивительно и странно, если бы оно не могло справиться с ее же собственной противоположностью, которую она почему-то находит нужным создавать. В необъятных пределах универсальной организации укладывается все, что угодно, кроме «фетишистской материи» и произвольных диалектических отрицаний. Всеобщему принципу организации подчиняется все безраздельно под угрозой подпасть под категорию фетишизма в случае неподчинения. Так как материальное бытие в его субстанциональном самодовлении отрицается в организационной философии Богданова, то, таким образом, оказывается совершенно отсутствующим и объективное мерило истины, как соответствия сознания бытию. Организация, свободная от всяких преград, несется стремительно по безбрежному ничто, плодотворно воздвигая организационные сооружения и совершая самый настоящий акт творения. Что это так, что универсальная организующая активность имеет место не в объективной сфере, независимо существующей от человека, а в пределах творящего коллективного субъекта, организующий опыт которого идентичен с бытием, свидетельствует сам Богданов, говоря, что организационный опыт, охватывающий весь мир, есть наш опыт, лишенный всякой фетишистской материи. Организация есть, таким образом, тайна мира, и вопрос сводится лишь к формам организации. Как же происходит таинственный творческий процесс? Что является творческим с самого начала, так как творит из ничего? Само собой разумеется, что этими первоначальными формами организационного опыта являются идеологи-

1) Об искусстве см. главу „Искусство и организация“ (Вестн. Ком. Акад., кн. II)

ческие формы мышления и речи. «Человечество хранит, накапливает и систематизирует свой организационный опыт с тех пор, как развились необходимые для этого методы—символика речи и мышления... Древнейшая из этих форм, какую мы знаем—авторитарная или религиозная традиция» (Тектология, изд. I, стр. 4). Тайна организации выяснена: первичной формой является религиозная традиция. Но если помнить, что к организации Богданова совершенно не применимы те атрибуты, которые приписываются ей в обыкновенном понимании, что она является организацией мира, которого не существует вне этой организующей деятельности, то религиозная традиция фигурирует уже не как «вдох угнетенной твари», не как «душа бессердечного мира», а как творящая душа этого мира, не существующего помимо организующей активности. «От поколения к поколению передавались заветы предков, а так как уже весьма рано отношения к отдаленным предкам приняло характер культа и придало мировоззрению тип религиозный, то их заветы воспринимались и усваивались, как священные или божественные предания. В них организационный опыт концентрировался в виде обычаев, или правил, относившихся и к практике и к мышлению людей. Все определялось, все регулировалось этими правилами: организация общины и труда ее членов—технические приемы организации вещей, миропонимание, т.-е. организация идей. Авторитет, воплощавший в себе опыт прошлого, указывал, как должно жить, как должно работать, как мыслить, даже чувствовать; он систематизировал стихийно выработанные прежними поколениями организационные схемы и методы, облекая их в свои непреложные повеления» (Тектология, изд. I, с. 5). Авторитарные правила, о которых говорит организационный опыт прошлого, оказываются, как первоначальные формы организованного опыта, всеопределяющими, всерегулирующими: и организация вещей, и организация идей, и миропонимание, словом, все содержание организационного опыта выливалось в формы, которые указывались авторитетом прошлого, указывающим, как должно жить, работать, мыслить, чувствовать.

Положение из книг Бытия, гласящее: бог создал человека по своему образу и подобию, принимает в философии Богданова следующий вид: «Авторитарные правила религии создали бытие по своему образу и подобию». Имеет ли это хоть малейший оттенок истинности? Этнологические исследования, которые производятся на основе действительного развития, а не на основе универсальной организации, решительно приводят к заключению, что религиозные представления определяются общественным бытием, которое в свою очередь определяется данным состоянием производительных сил. Если островитяне представляют себе сотворение мира иначе, чем обитатели безводного плоскогорья, то это объясняется различием в характере и в способе добывания средств к существованию, а вовсе не всеопределяющим механизмом авторитарной традиции, формирующей бытие по своему образу и подобию. Тектология выступает в роли исправителя теории Маркса, которая оперирует унаследованными методами мышления, и дает в результате этого исправляющего усердия идеализм со всеми его последствиями. Освобождение организа-

ционного опыта от религиозной схемы имеет своей причиной принцип специализации, который, дробя и разделяя опыт, в конце концов, должен быть побежден всеобщей организационной наукой, как последним завершающим итогом научного философского мышления.

Если в диалектическом материализме принципы появляются в конце исследования, то в организационной философии принципы являются отправным пунктом; если в диалектическом материализме они абстрагируются от природы и истории, то в организационной философии они применяются, как законодательные нормы. Освободительный характер господствующего принципа специализации, однако, помрачается необходимо присущим ему дроблением организационного опыта, разрывающим его цельность, монистичность, превращающим его из одного целого в сумму разрозненных и специализированных моментов. Господство принципа специализации есть господство частичности, которое болезненно отражается на единстве организационного опыта и поражает его катастрофическим диссонансом. Болезненный ход жизни, потрясаемый подобными диссонансами, которые при господстве принципа специализации не могут быть устраняемы, выдвигает настоятельно задачу организации в интегральном и универсальном масштабе. «Всю сумму рабочих сил общества—десятки и сотни миллионов разнообразно дифференцированных единиц—придется ей стройно связать в один коллектив и точно координировать со всей наличной суммой средств производства—совокупностью вещей, находящихся в распоряжении общества, при чем в соответствии с этой системой должна находится и сумма идей, господствующих в социальной среде, иначе целое оказалось бы неустойчивым, механическое единение перешло бы во внутреннюю борьбу» (Текст., с. 19)* И эту несоизмеримую ни с каким прежним опытом триединую организацию людей, вещей и идей осуществляет универсальная организационная наука. Не требуется никаких политических переворотов, нет необходимости в революционных взрывах, излишних и бесплодных, не нужными оказываются отрицания, ибо всякое зло, которое выступает в лице господствующего всеодобряющего принципа специализации, устраняется мировой панацеей всеобщей организационной науки, торжество которой приближается гигантскими шагами. Общественный диссонанс, повидимому, разрешит не исход революционной борьбы классов, который заключается в обобществлении средств производства и «экспроприации экспроприаторов», а победа принципа организации над принципом специализации. История есть не борьба классов, а борьба принципов, которая близится к благополучному исходу торжеством мирообъемлющего принципа универсальной организации.

Вместо противоречий исторических сил—противоречие принципов, вместо революционной практики, опирающейся на экономическую необходимость, превращающей революционный класс в своего прогрессивного носителя—«Мориссоновы пилюли» универсальной организационной науки, как последнего исцеления от всех зол и общественных недугов. Однако, имеет ли все это хотя бы признак истинности? Гегель, напри-

мер, говорил, что философия приходит слишком поздно, и когда сова Минервы начинает свои полеты в всемирно исторических сумерках, последние указывают на упадочный характер жизни, лишенный творческих, прогрессивных, созидательных сил. Прежде чем создавать науки, человечество действует, и наука может лишь ускорять решения возникающих перед человечеством задач, именно путем усвоения, опознания и раскрытия революционному классу этих задач. Но тектология не выдает себя за философию, а претендует на «оригинальный опыт ее преодоления», и потому она совершенно безразлична и индифферентна и к полетам совы Минервы, которые ее совершенно не касаются. Тектология, универсальная организационная наука, претендует на роль мирового демиурга; фактически же она сводится к неудачному, традиционному преодолению революционного диалектического материализма и в подобной же мере к плачевному обоснованию одной из разновидностей эклектизма. Болезненный ход жизни, потрясаемый резкими диссонансами, вытекающими из господства злополучного принципа специализации, выдвигает задачу универсально-организационного характера. Представление о необходимости перехода к универсальной организации общественного производства завоевывает, согласно Богданову, «сознание мыслящих элементов», экономистов, социологов и политиков, примыкающих к различным классам. Указывая на расхождение в воззрениях различных классовых теоретиков, Богданов замечает следующее: «Нам нет надобности в данный момент разбирать, какие воззрения правильнее. Достаточно взять то, что в них есть общего, и, основываясь на этом, определить размеры и характер выступающей перед человечеством организационной задачи: они не зависят от того, какая общественная сила вынесет на себе тяжесть этого дела» (Тектология, I, с. 17). Оказывается, что организационная задача человечества не зависит от того, какая сила возьмет на себя тяжесть этого дела. Если, например, задача, стоящая перед человечеством, заключается в уничтожении классовых отношений господства и подчинения, словом, в уничтожении классов, как неизбежном и необходимом прологе к будущей истории человечества, то неужели характер этой задачи,—прибавлю,—ее решения, не зависят от той общественной силы, которая вынесет на себе тяжесть этого решения? Неужели же характер «экспроприации экспроприаторов», по выражению Маркса, совершенно не зависит от общественного положения экспроприаторов? Подобное безразличие к той общественной силе, которая должна вынести тяжелую роль отрицания отжившего общественного порядка, удивительно гармонирует с критическим отношением Богданова к той революционной логике, какой является диалектический материализм. Теоретический и практический разум философии всегда замечательно гармонирует, представляя замечательное целое, а в философии Богданова реакционный характер этого целого выступает с особой рельефностью в такое время, когда революционный пролетариат выносит на деле тяжесть исторического подвига.

Уже первые проблески революционного гения Маркса сразу сказались именно в его обращении к той революционной силе, ко-

торая только способна осуществить теорию. «Революция нуждается в пассивном элементе, в материальной основе. Теория осуществляется в каждом народе лишь постольку, поскольку она есть осуществление его потребности». Если теория осуществляется лишь в той степени, в какой осуществляется потребность ее носителя, то можно ли ее тогда отделять от этого ее носителя и предстоящих ему задач? Теория способна захватить массы, когда она доказывает *ad hominem*, а доказывает она *ad hominem*, когда становится радикальной. В безразличии к общественной силе, призванной историческим ходом вещей взорвать старое общество, сказывается реакционный характер философии Богданова, связанной нераздельно самой природой половинчатого эклектизма, философии примирения и притупления противоречий. Когда перед Марксом выступила во всей своей остроте проблема общества, как проблема цепей, которые необходимо разорвать, то Маркс не оставался на метафизических высотах безжизненной теории, безразличной к своему практическому носителю, но перенес решение проблемы именно на почву положительных и практических возможностей, т.-е. в сферу революционного действия. Почвой для этих возможностей стал для Маркса пролетариат, сокрушитель цепей, как практический решитель ставших перед человечеством задач. «Итак, в чем заключается положительная возможность немецкой эмансипации? Ответ: в образовании класса с радикальными целями, класса буржуазного общества, который не есть вовсе класс буржуазного общества, сословия, который есть разложение всех сословий; сферы, которая имеет универсальный характер вследствие своих универсальных страданий, которая не притязует ни на какое особое право, ибо над ней совершается не какая-нибудь особая несправедливость, а несправедливость вообще; сферы, которая претендует не на какой-нибудь исторический титул, а на человеческий титул; которая не находится в каком-нибудь одностороннем противоречии к последствиям немецкой государственности, а во всестороннем противоречии к ее предпосылкам; наконец, сферы, которая не может себя эмансипировать, не эмансипировав всего общества, которая, одним словом, представляет полную потерю человека и, следовательно, может себя обрести лишь полным новым возрождением человека. Это разложившееся общество, как особый класс, есть пролетариат». (Маркс, «Введ. к крит. Гегел. фил. права»). Вот классический образчик революционной логики, не безразличной к той революционной силе, что призвана неумолимой логикой исторического процесса вынести на себе тяжесть революционного подвига. Пролетарская философия, на роль которой претендует философия Богданова, все организует, создает, творит и осуществляет без посредства пролетариата, ибо «размер и характер выступающей перед человечеством организационной задачи» не зависит от того, «какая общественная сила вынесет тяжесть этого дела». После сказанного пускай судят об оригинальности такого преодолевающего опыта, который не осрамится перед любым опытом идеалистического преодоления революции!

Организационная философия Богданова выступает в роли Спасителя человечества от грехопадения специализации. В то время, как для Маркса, совлекшего теорию с метафизических высот на почву революционно-практической борьбы, все неясности теории и мистические уклоны находят свое полномерное решение в практике и практическом действии, для Богданова всяческая задача теории и практики сводится к теологическому вопросу: «О способе наиболее целесообразно организовать некоторую совокупность некоторых элементов реальных или идеальных». В тектологии Богданова все в конечном счете сводится к элементам. Перед «некоторой совокупностью элементов» ступеньвается все; любое явление получает право на внимание лишь в меру своего соприкосновения с тектологией и ее формулировкой, т.-е. с задачами организационно-универсального мышления. Организационная философия Богданова выступает в роли спасителя от грехопадения специализации. Специализация, дробность и ограниченность опыта мешает достигать полных и общих решений; тут-то и выступает тектология, роль которой, если верить Богданову, должна оказаться чрезвычайно великой. Борьба между специализацией и организацией, которая должна закончиться всеобщей организационной наукой, составляет умоизрядительный фокус тектологии. «Стремление связать в одну научную систему человеческий опыт, разорванный силой специализации, — начинает Богданов свою спасительную роль, — существовало уже весьма давно и воплощалось прежде всего в философии. Но философия не сознавала своей зависимости от жизни с ее практикой и потому не понимала, что решение задачи о единстве познания возможно только на основе объективного преодоления специализации. Решение вопроса было до последнего времени объективно невозможным, но философия верила в него и старалась найти его» (Тект., изд. I, стр. 26). Решение мировой задачи свелось к преодолению специализации. Философия, не понимая необходимости такого преодоления, думала, согласно Богданову, «представить мир, как стройную и единую систему», «объяснить ее посредством какого-нибудь универсального принципа». Но задача заключается в превращении «мира опыта в организованное целое», что, — говорит Богданов, — ни философия, ни мышление сделать не в состоянии. Последующий этап философии характеризуется, согласно Богданову, перенесением центра тяжести в область методологии, т.-е. учения о познании, что составляет, по Богданову, шаг вперед в понимании задач познания сравнительно с прежней философией. Вопросы познания, необходимо по этому поводу сказать, выдвинуты были потребностями практического характера. В этом отношении вопросы методологии выдвигались не в результате того, что характер задачи был понят правильнее, а в силу того обстоятельства, что сама практика определяла постановку вопроса в познании, а именно практика производительного процесса, ликтевавшая эмпирически-индуктивный подход в познании, поскольку последнее должно было направляться на материю и на ее практическую утилизацию. Умоизрядительное богословие и философская спекуляция совершенно для этой цели не годились, и так как они являлись господ-

ствующими, то поэтому практические потребности данного времени настоятельно выдвигали вопросы методологического порядка, имевшие своей целью превращение познания в орудие господства над природой (Декарт, Бэкон, Гоббс, Спиноза). Методологическая постановка в вопросах познания в философии Канта в свою очередь продиктована была практикой социальной борьбы, а именно примирительными тенденциями буржуазии, диктовавшими познанию эклектизм, который и вылился в философии Канта в научно-теологический эклектизм. Нераздельная связь, существующая между его гносеологией и этикой, свидетельствует об этом весьма красноречиво и показательно. Но Богданов, не видящий ничего, кроме борьбы между принципами организации, видит в принципе специализации причину сужения объема задачи, сущность которой сводится к «универсально-организационному методу. Вне своей связи с методами живой практики, методы познания не могут быть объяснены и целостно организованы» (Тек. 26). Оказывается, что теоретикопознавательные попытки Локка и Юма, обнаружившие большее понимание характера задачи, не могли быть плодотворными, в виду оторванности от метода живой практики. Но разве методы этих мыслителей находились вне связи с живой практикой? Ведь всякая вообще теория невидимыми нитями связана с практикой, хотя бы в ней замерли и угасли последние зарницы жизни, застыли и онемели ее тревожные потоки. Основное положение исторического материализма, гласящее, что общественное бытие определяет общественное сознание, говорит о практическом происхождении всякой теории. Философия Маркса состоит в обосновании этого фактами исторической действительности капиталистической фазы. Но если общественное бытие, выражающееся в производственном механизме данного общества, определяет данное его сознание, то оно также определяет революционное сознание его прогрессивных элементов, направляя его, когда прогрессивное развитие общества преграждается регрессивными факторами. Практическое изменение мира, которое Маркс выдвинул, как боевой лозунг всякой философии, есть уяснение и освещение тех условий, при которых осуществляется это революционно-практическое устранение социально-регрессивных факторов, т.-е. той оболочки, взрыв которой не отделим от перспектив общественного прогресса. Философия, как теоретический сигнал к революционной практике, «уясняет миру его собственное сознание», пробуждает его от его же собственных мечтаний о себе самом, освещает условия возможности перехода «количества в качество», т.-е. революционного переворота, деятели которого начинают не новую работу, а «сознательно оканчивают старую» (Маркс). Практическое изменение мира есть его практическое преобразование, которое, опираясь на его прошлое, опираясь на управляющие им законы, опираясь на всю эмпирическую полноту развития, отменяют это прошлое, т.-е. одновременно упраздняют и утверждают его в высшей форме, которая включает все его положительные завоевания и исторически приобретенную мощь. Практическое изменение мира осуществляется на основе его закономерного развития,

которое сообщает этой изменяющей деятельности ее силу, мощь, уверенность, размах и ритм. «Теоретики пролетариата должны отдавать себе отчет о происходящем, чтобы стать органом существующего» (Маркс). О такой революционной практике, как совпадение изменяемых обстоятельств и человеческой деятельности, которую теория должна освещать, чтобы стать ее орудием, рычагом направителем, нет и намека в организационной философии Богданова; последняя совершенно безразлична к той общественной силе, которая должна вынести на себе тяжесть революционного подвига. Мировую задачу, независимую от мира, самостоятельность которого оспаривается Богдановым и заключается в кавычки, задачу, абсолютно чуждую развитию, которое в организационной философии клеймится пренебрежительным эпитетом неопределенности и расплывчатости, Богданов сводит к универсально-организационной науке. Последняя, как противоположность злополучной специализации, исцеляет от всех бед и недугов и восстанавливает мир в его полной первобытной невинности. Первая попытка такой универсальной методологии принадлежит, согласно Богданову, Гегелю. Но Гегель, видите ли, понимал диалектику не как метод организации, а более неопределенно и абстрактно, как метод развития. Энгельс, например, усматривает все значение Гегеля, как раз в том, что он рассматривал природу, историю и человеческий дух в процессе развития и указывал их внутреннюю связь. Но организационная философия, преодолевающая «устарелые» методы, участь которых разделяет и диалектический материализм, не может, понятно, согласиться с такой оценкой. «Уже этой неясностью и отвлеченностью исключая объективный успех попытки; но помимо того, как метод, взятый из специальной идеологической области, из сферы мышления, диалектика и по существу не была достаточно универсальна» (Текст. ч. I, с. 26). С одной стороны то, что Гегель понимал метод, как развитие, а с другой стороны его недостаточная универсальность, исключали возможность объективного успеха. Постановка вопроса у Богданова отличается, таким образом, во-первых, тем, что она основана на «выяснении» его организационной сущности, и, во-вторых, что она в полной мере универсальна, охватывая и теоретические, и практические методы, и сознательные человеческие методы, и стихийные методы природы. Что же представляет собой организация Богданова? «Строительство,—отвечает Богданов,— есть самый подходящий синоним для современного понятия «организации». «Тектология,—говорит Богданов,—должна научно систематизировать в целом организационный опыт человечества» (Текст.). Но так как это есть строительство без мира и без строителей и так как организационная философия индифферентна по отношению к революционной общественной силе, призванной к действительному строительству в пределах действительного же материального мира, то ее практическая ценность равняется ее полной бесценности, и она в лучшем случае может претендовать на опыт некоторого метафизического риска, который для революционного риска бесплоден и вреден. Подлинную же революционно-преобразовательную работу, которая ба-

зируется на историческом развитии, протекающем в пределах материального мира, осуществляет революционный пролетариат, опирающийся на такое верное оружие, каким является диалектический материализм.

Тектология, как мы уже сказали, есть организация мира, но без мира, самостоятельность которого оспаривается этой философией, и без строителей, которые, как продукты этого мира и его объекты, подвергаются той же участи, т.-е. превращаются в неуловимые организационные сущности без плоти и крови, продолжающие свое существование лишь в такой бесплодной стихии, как организационная философия. Как же, однако, при таких условиях протекает и осуществляется этот мифологический организационный опыт? Посредством каких элементов он проявляется? Оказывается, что каждый человек, т.-е. неуловимая организационная сущность, обладает некоторой долей этого опыта, которую так или иначе он систематизирует. У каждого человека есть, по мнению Богданова, «своя маленькая и несовершенная, стихийно построенная тектология» (Тектол., с. 27). Этот же человек, т.-е. бесплотная организационная сущность, скомбинированный из специфических организационных элементов, в практике и в мышлении, сам того не сознавая, оперирует тектологически» (Тект., с. 27).

Но маленькая и несовершенная тектология оперирует элементами «общепринятыми», из коих тектология исходит в своем анализе. Что же это значит? Основной и важнейший элемент—ведь вообще в тектологии говорится о м и р о о р г а н и з у ю щ и х элементах,—по мнению Богданова, это—язык, речь. «Речь, по существу своему, есть процесс организационный и притом универсального характера. Посредством нее всякая практика людей организуется в их сотрудничестве; при помощи слова устанавливаются общие цели и общие средства, определяется место и функции каждого сотрудника, намечается последовательность действий и т. д. Но посредством речи организуется все познание, все мышление людей: при помощи слова опыт передается между людьми, собирается, концентрируется». «Речь—это первичный тектологический метод, выработанный в жизни человечества» (Тект., с. 27). Слово организует всякую трудовую практику, всякое познание, всякий опыт. Оно, таким образом, признается в организационной философии первичным тектологическим элементом¹⁾. Маркс в своей классической формулировке основных положений исторического материализма указывает, что при рассматривании какой-либо эпохи необходимо обращаться к материальным противоречиям, которые лежат в основе конфликта данной эпохи, определяя ее идеологическую борьбу. Маркс, как теоретик объективности, решительно предупреждал о необходимости объяснения всякого идеологического содержания, которое выражается при помощи слов, материальными условиями, способными проливать яркий свет на всякие методические aberrации и уклоны теории. Первичным моментом в теории Маркса является не речь, а материя и труд, являющиеся связующим звеном между человеком и природою, которую первый по-

¹⁾ См. главу „Мышление и речь“ (Под знам. маркс. 1925 г., кн. 2).

беждает и покоряет постоянным упорством трудовой борьбы и трудовых напряжений. Труд, как ближайший этап к материальной природе, как точка соприкосновения между субъектом и объектом, поскольку субъект является действующим на материю, является для Маркса ключом к объяснению социального процесса, ключом к разгадке исторических явлений и даже такого явления, как тектология. В тектологии же творческим демиургом является речь. Что же это значит? Не больше и не меньше, как то, что «в начале было слово». Но Фауст давно уже указал его несостоятельность и заменил это положение совершенно ему противоположным, гласящим, что «в начале было дело».

Богданов в своей тектологии ни на шаг не отступает от эмпириомонистической точки зрения. Человечество в своей деятельности—туде и мышлении,—имеет дело с комплексами и элементами, которые вполне соотносительны двум направлениям человеческой активности, разлагающему и соединяющему. «Без субъекта нет объекта». Как ни вертись, но это основное идеалистическое положение является той цепью, разрыв которой влечет необходимо катастрофический разрыв всей философской концепции Богданова. Философия Богданова, выступающая якобы под знаменем активности, разоблачает свою настоящую физиономию, она оказывается старой знакомой—волютаристической метафизикой, ведущей свое происхождение от Шопенгауэра. Известно, что основная мировая сущность в философии Шопенгауэра есть мировая воля, понимаемая по аналогии с человеческой волей, в которой она дышит и трепещет всеми своими бурями, безумствами и порывами. В философии Богданова «понятие активности вообще или энергии генетически имеет своей основой именно активность человека» (Тект., с. 30). Энергетика Богданова, являющаяся онтологическим придатком к его «практической гносеологии», есть просто неудачный снимок с шопенгауэрского волютаризма. «К стихийным явлениям идея «работы», а затем более общая отвлеченная идея «энергия» применяется вследствие того, что в нашем опыте она оказывает на различные комплексы такое же изменяющее действие, разлагающее или комбинирующее, какое достигается человеческими усилиями» (Тект., с. 30). Поскольку тело действует на наши чувства, постольку мы его воспринимаем. Таково положение материалистической гносеологии. Для Маркса наши действия являются мерилом объективности нашего познания, т.-е. говорят о степени его соответствия объективному, подвергающемуся нашему воздействию предмету. В философии Богданова наши усилия—момент чисто психологический—являются мерилем для мировых активностей, согласно которому последние берут начало в нашей активности. Богданов, повидимому, чувствует, что здесь не все обстоит благополучно, и поэтому спешит предупредить, что «его энергетику не надо понимать в том смысле, чтобы стихийная активность отождествлялась с нашей, как бывает в наивном мышлении дикарей» (Тект., с. 30). Предупреждение рациональное, но однако с одними предупреждениями далеко не уйдешь, принимая во внимание, что когда какая бы то ни была активность, разлагающая или комбинирующая, направляется на определенные комплексы, она неизбежно встречает в них более

значительное сопротивление или более слабое, т.-е. что при всевозможных предупреждениях мировое «все» продолжает вращаться лишь вокруг усилий и сопротивлений, более значительных или более слабых. Совершенно верно, что материя противодействует нашему усилию, что объясняется именно ее независимостью от субъекта и ее самостоятельностью. Но действуя на наши чувства, материя не теряет своей самостоятельности, т. к. не превращается в фикцию соотносительному нашему усилию противодействия. Определение материи, которое Плеханов разделяет вместе с Гольбахом, может быть, и не является исчерпывающим. Но Плеханов преследует в данном определении чисто полемическую цель, а именно отграничение от идеализма, который под различными формами психологизирует материю. Плеханов вполне достигает своей цели в указанном определении, т. к. в нем он подчеркивает независимость материального объекта и только в смысле такой независимости получает смысл это определение. Рассуждая об энергии, Богданов выступает с предупреждением, преследующим своей целью благотворное устранение такого зловредного предрассудка, как допущение самостоятельной активности, т.-е., выражаясь на обычном языке, материи. На это необходимо ответить, что материя, действуя на наши чувства, еще не может быть идентифицирована с соотносительным нашему усилию противодействием, ибо такое понимание вещей есть непреложный пролог к солипсизму. Но при характере богдановского умозрения подобная чудовищность принимает вполне естественный и законный смысл.

II.

Диалектическая или тектологическая закономерность.

«Метафизической всеобщностью я называю спекулятивный принцип, который не воспроизводит реальности в ее социальном или естественном содержании, подобно категории стоимости у Маркса, принципу сохранения энергии в физике, а производит реальность в согласии с его идеалистическим призванием». («Я» Фихте, «воля» Шопенгауэра, «организационный опыт» у Богданова).

«Метафизическая всеобщность» является самой подходящей характеристикой концепции Богданова. Принципы и законы, которые фигурируют в этой концепции, не абстрагированы от действительности и ее отношений, а навязаны ей. Действительность должна следовать этим законам, хочет она этого или не хочет. Метафизическая всеобщность, которая выступает в концепции Богданова в его организационной точке зрения, характерна для метафизических систем, где универсальный философский принцип становится ключом ко всем процессам природы и общества. Возьмем, например, Канта. Метафизическая всеобщность выступает у него в лице «трансцендентального субъекта». Все познание вращается вокруг этого субъекта и даже вещь в себе, которую Кант сначала допускает материалистически, как самостоятельную, независимую

сущность, как то, что'affицирует наши чувства, в конце концов преобразуется у него во внутренний мир субъекта и, в качестве категорического императива, диктует ему сверхвременные законы. Его априоризм есть также трансцендентальный субъект, который в своей собственной, чувственной и рассудочной деятельности заключает пространство, время и рассудочные категории, как имманентную законосообразность, которая не определяется бытием, но принадлежит самому существу субъекта в его трансцендентальной, т.-е. образующей предмет, деятельности. Подозреваемая метафизическая всеобщность фигурирует и у Фихте. Метафизическим всеобщим принципом у Фихте является «я», сверхличное и универсальное. Это метафизическое «я» является творческим средоточием бытия, которое имеет в нем свою онтологическую опору. «Повсюду существует только «я»; оно существует потому, что существует: все, что есть, существует только в «я» и для «я». Такова оценка Гегелем философии Фихте.

Метафизической всеобщностью является абсолютное понятие у Гегеля, которое, по выражению Маркса, выступает у него как демиург действительности, представляющей инобытие понятия. Однако необходимо сказать, что понятие у Гегеля проникнуто диалектикой, и поэтому в его диалектических превращениях вибрирует действительность, насыщенная конкретным содержанием. Понятие Гегеля в своем диалектическом развитии впервые нанесло смертельный удар формально-логическому понятию, в котором предметность подвергнута безжалостному оскоплению. Понятие Гегеля живет, окрыленное неудержимой перспективой диалектических превращений. Понятие, которое в формальной логике считается законченной абстракцией, впервые у Гегеля приобретает жизнь и устремляется динамическим потоком, разворачивающим полную эмпирическую конкретность. Так, всеобщее у Гегеля—не логическая абстракция, она пренизывает свои моменты и заимствует у них свою полноту. В то время, как формально логическое понятие характеризуется объемистой оболочкой при поражающем ничтожестве своего содержания, понятие у Гегеля отрицает свою «нишету», достигая этого в процессе различения и расчленения, в котором оно остается тождеством противоположных моментов. «Задача,—говорит Гегель,—состоит в том, чтобы привести упрощенный материал в движение и вновь возжечь свет понятия в этом мертвом материале». Проблема всеобщности у Гегеля выступает как проблема взаимоотношения всеобщего, особенного и единичного, т.-е. как проблема воспроизведения конкретного при посредстве охватывающего и проникающего его всеобщего, которое является цельностью эмпирически-образующих его моментов. Понятие у Гегеля есть не произведенная или абстрактная всеобщность, а производящая или конкретная. Понятие, как принцип своих различий, содержит в себе начало и сущность своего развития и реализации. Диалектика понятия у Гегеля есть грандиозное проникновение в конкретное бытие, когда онтологический характер, т.-е. его тождество с бытием, которое является его отражением, превращает его «в горную мелодию», преодоление которой стало проблемой для Маркса. Маркс же разрешил эту

проблему, превратив идеалистическую диалектику в материалистическую, а понятие—в снимки с вещей. Вещи в своем движении стали отправной точкой для Маркса, и вместо метафизической всеобщности выступили «всеобщие законы движения в природе и человеческом духе: два ряда законов, которые по существу тождественны, но по форме различны, т. к. человеческая голова может применять их сознательно, в то время, как в природе, а еще в значительной степени в человеческой истории они протекают бессознательно в виде внешней необходимости, посредством кажущихся случайностей бесконечного множества» (Энгельс). Закон, по верному определению Монтескье, есть необходимое отношение, вытекающее из природы вещей. Формулы же, которые выдумываются из головы, не создают законов и вообще ничего не способны создавать. Следуя действительности в ее диалектическом развертывании, Маркс не навязывает ей законов, а, наоборот, постигает ее законы в их историческом проявлении, и в этом смысле он гораздо диалектичнее Гегеля понял существо закона, когда определял его, как господствующую тенденцию. Гегель еще понимал закон, как покоящееся отражение явлений, как постоянную картину изменчивого явления, и поэтому у Гегеля действительность в законе как бы застывает. Но существенному в действительности вовсе не надлежит быть неподвижным, покоящимся. Закон социального развития в классовом обществе, выступающий в постоянно углубляющемся противоречии между производительными силами и производственными отношениями, говорит именно о существенном в развивающейся действительности, что не мешает ему быть тенденцией, направлением.

«Царство законов,—говорит Гегель,—есть покоящийся образ осуществляющегося или являющегося мира» (Наука логики, 94). Это понимание закона, блестяще преодоленное Марксом, выступает как некоторый диссонанс в его диалектическом понимании, которое разлагает все устойчивое, приводит его в неудержимое движение, исключая всякое возможное застывание. Но, однако, было бы заблуждением видеть в его царстве законов, как в сверхчувственном царстве, противоположность чувственному миру, как миру изменчивости. Куно Фишер, говоря об их противоположности, просто извращает гегелевское понимание закона в его связи и соотношении с являющимся миром. Соотношение этих миров диалектично и становится понятным в свете отрицательного момента, составляющего движущую пружину процесса, так сказать, обогащающего и снабжающего его в его последующих стадиях более глубоким и прогрессивным содержанием. По мере того, как интерпретация закона приобретает диалектическое углубление, именно он теряет свою неподвижность и становится, наоборот, движущей пружинкой являющегося мира. Приведенное определение в свете диалектического углубления, выражаясь языком Гегеля, «снимает себя, переходя в собственную противоположность». «Являющийся мир имеет в существенном мире свое отрицательное единство, в котором первый уничтожается и возвращается в свое основание. Далее, существенный мир есть также полагающее основание являющегося мира; ибо, содержа в себе абсолютную форму в ее

существенности, его тождество с собой снимается, делает себя положением, и, как эта положенная непосредственность, есть являющийся мир». (Наука логики, ч. I, кн. II, стр. 98). Мир законов, как существенная основа являющегося мира, противоположен последнему, как его отрицание, в котором являющийся мир уничтожается: противоположен, как его разум, в котором, как в своей противоположности, гибнущий являющийся мир находит свою действительность и истину. Закон являющегося мира есть его отрицание в данном его содержании, существенный смысл которого есть его непрестанное развитие, изменение и прехождение, осуществление порывающихся задатков. Закон, как тенденция, есть только логический вывод из этих мыслей, их строгая диалектическая формулировка, которая в применении к определенному конкретному содержанию капиталистической эпохи выявила свою суровую революционность. «Сущий в себе и для себя мир есть определенное основание являющегося мира и таков постольку, поскольку есть в нем самом отрицательный момент, и тем самым полнота определений содержания и их изменений, соответствующая являющемуся миру, но вместе с тем образующая его совершенно противоположную сторону. Оба мира относятся один к другому так, что то, что положительно в являющемся мире, отрицательно в сущем в себе и для себя, и наоборот, что отрицательно в первом, положительно во втором. Северный полюс в являющемся мире есть в себе и для себя южный полюс и, наоборот, положительное электричество есть в себе отрицательное и т. д. То, что в являющемся мире есть зло, несчастье и т. д., и в себе и для себя есть добро и счастье». (Наука логики, кн. I, ч. II, стр. 99). Это положение Гегеля кажется мне чрезвычайно интересным и достойным внимания. Не будет натяжкой, если я скажу, что в приведенном месте Гегель дает на своем своеобразном языке то диалектическое понимание базиса и надстройки, которое в материалистической интерпретации истории занимает центральное место. Закономерность социального процесса вращается вокруг производительных сил этого сущего в себе и для себя мира, который есть основание являющегося мира или социального политического духовного процесса жизни вообще. Поскольку он в себе самом есть отрицательный момент, т.-е. поскольку он есть рычаг движений и изменений в этом мире и тем самым полнота определений содержания и изменений, соответствующая являющемуся миру, т.-е. поскольку содержание социального процесса во всех его метаморфозах и модификациях генетически централизуется и смыкается в этом динамическом средоточии. Но это динамическое основание далеко не находится в неизменном контакте со своей периферией или окружающим его содержанием, но их взаимоотношения есть взаимоотношения антагонизма, которые преодолеваются и восстанавливаются в процессе и становлении, т.-е. в процессе осуществления, который есть «совпавшее с собой самим основание». (Наука логики, стр. 98). «Таким образом,—говорит Гегель,—закон есть существенное отношение. Истина несущественного мира есть ближайшим образом некоторый другой, сущий в себе и для себя мир, но по-

следний есть полнота, так как она есть и он сам, и тот первый мир; следовательно, оба суть непосредственные осуществления и тем самым рефлексии в их инобытие, т. к. они именно также поэтому поистине рефлексированы в себя». (Наука логики, ч. I, кн. II, стр. 110). Существенное отношение есть отношение основания явления к самому явлению, отношение, объединяющее сущность и реализацию. Закон явления есть также единство отношения с своим другим, которое составляет существенную самостоятельность содержания существенного отношения. В данном случае Гегель проводит тот монизм, в котором сочетается закон, как основа являющегося и самоявляющегося, как единство сущности и осуществления, в котором сущность выступает, как критическая и отрицательная сила, взрывающая устойчивость являющегося и превращающая это являющееся в осуществление другого противоположного, натиск которого на являющийся мир есть крах и гибель его застывших форм и возникновение закономерно положенных форм, не препятствующих развитию и углублению содержания, но вмещающих многообразие его определений и полноту его моментов. Словом, каждый мир непрерывно продолжается в его другом «и есть поэтому в нем самом тождество обоих его моментов». Словом, понимание закона у Гегеля в его связи с являющимся миром вполне отвечает диалектическому положению, гласящему: все существующее достойно гибели. Только Маркс, меньше всего занимавшийся умозрением, превратил это диалектическое понимание законов в динамит для отживающего капиталистического мира, переместив его в материальную действительность. Диалектическое понимание вещей у Гегеля, в результате такого материалистического перемещения, вырвалось из тяжеловесно логической категориальности на арену истории, и тогда Маркс имел полное право сказать, что философия развилась, ибо она не только внешним, но и внутренним образом вовлечена в муки борьбы. Короче, отрицательная сила закона перестала проявляться только в умозрении, а свою диалектическую силу стала обнаруживать в реальном мире реальной борьбы и реальных противоречий.

Но каковы законы у Богданова? Мы уже знаем, что «организационный опыт есть весь наш опыт, взятый с организационной точки зрения, т.-е. как мир процессов организующих и дезорганизующих». (Тектология, с. 4). Задача тектологии заключается в систематизации организационного опыта. Выражаясь проще, это означает, что тектология имеет своей задачей миростроительство. Ясно, что если она может строить мир, то она тем более может строить законы этого мира или, вернее, их выдумывать. Но если мы присмотримся к этим законам, то они перед нами предстанут, как модификации той метафизической всеобщности в ее наиболее абстрактном и оскопленном выражении, которое именуется организационным опытом. Так Богданов в своей тектологии выдвигает законы мировой ингрессии. Последние получаются в результате применения тектологических выводов, связанных с наличием известной однородности в организованных комплексах различного типа, к фактам труда и познания. Пытаясь отыскать условия организованной связи двух комплексов, «состоящих из элементов, частью общих, частью

различных», Богданов говорит: «Предположим, два человека объединяются в сотрудничестве. Что их тогда объединяет? Общая цель, которая входит в сознание того и другого. Это есть тот элемент психики, который здесь выполняет организующую функцию». «Организованность достигается постольку, поскольку направление активности, выражаемое целью, тождественно для обоих сотрудников». Законы ингрессии вращаются, таким образом, вокруг общей цели, как вокруг своего центра. Маркс искал закон явлений и понимал его, как господствующую тенденцию, но той причине, что он понимал самые явления в развитии и переходы от одной формации к другой в их возникновении и исчезновении. Законы стоимости, распределения, народонаселения являются обобщением тех конкретно-экономических процессов в капиталистическом обществе, динамика которых в своей сложности и спутанности послужила для Маркса адекватной средой для ставления и дедуцирования соответствующих законов, исторических и преходящих, как сама действительность. «Постоянная тенденция и закон развития капиталистического способа производства состоят в том, что средства производства все более отделяются от труда, что раздробленные средства производства все более концентрируются в значительных массах, что таким образом труд превращается в наемный труд, а средства производства—«в капитал» («Капитал», том III).

Закон Маркса материалистичен и диалектичен в его основе, ибо, с одной стороны, он служит выражением конкретных общественных отношений, покоящихся на определенном материальном базисе, отправляется от объективных процессов социального бытия, обуславливающих психологическое и идеологическое содержание в данной социальной группировке, с другой стороны, он рефлектирует это бытие в его изменчивости и противоречивости, поскольку оно и в положительное содержание включает свое отрицание и неизбежный крах. Тектологические законы отличаются как раз противоположными чертами. Мы указали на законы ингрессии, «социальной и мировой ингрессии». Законы ингрессии вытекают, как было сказано, из того обобщения, по которому различная часть определенного комплекса образует известную степень сходства путем вхождения в них общего исходного элемента. Ингрессия ведь и означает вхождение. Эти законы ингрессии не имманентны, конечно, социальной действительности, в ее диалектической динамике, а являются приложениями универсальной схемы элементарно-всеобщего механизма подбора к социальному комплексу.

Психологизация бытия в этих законах выступает с самой элементарной очевидностью. Если обратиться к содержанию этих законов, то оно оказывается психологическим. Например, в приведенном нами случае связующим моментом сотрудничества, «ингрессивным» моментом для обоих комплексов служит общая цель. «Сознание общей цели, входящей в психику обеих личностей, дает ту организованность, которая требуется для определенных усилий по отношению к определенным сопровращениям» (Тектология, изд. 2-ое, 112). «Вся задача практики, познания художественного творчества сводится к тому, что требуется орга-

низовать какие-либо аналогичные элементы или комплексы в группировке, более сложной и соответствующей определенным целям» (Тектология, стр. 29). Установление цепной связи реальной или мысленной между объединяемыми комплексами, элементами, является для Богданова простейшим типом решений всех задач. Маркс, как известно, говорил, что разрешимость социальных задач, которые ставит себе человечество, связана с самым фактом их постановки, что является идеальным показателем наличия материальных условий для их разрешения. Для Богданова все задачи практики познания и художественного творчества решаются установлением цепной связи. Но решало ли когда-либо человечество практические задачи установлением цепных связей? Человечество решает свои задачи, когда наличествуют материальные предпосылки для их разрешения. А что такое эта цепная связь? Цепная связь, — отвечает Богданов, — есть форма нашего мышления об организованных комбинациях. Если установление цепных связей решает задачи человечества, то их, следовательно, решают формы нашего мышления об организованных комбинациях. Но мысль об организованных комбинациях не возникает внезапно, как Паллада из головы Юпитера, но возникает в определенной, исторической преемственности, в определенной социальной обстановке. Могут ли формы мышления об организованных комбинациях не решать, а только объяснять мысль о какой-либо организованной комбинации технического и идеологического порядка — без предварительного обращения к производственному процессу в данной исторической обстановке и связанным с ним потребностям? С п о с о б н ы ли они объяснять это генетическое, т.-е. в ее происхождении и связи с тем накопленным опытом, наличие которого, преломленное в действенном опыте данного общества, обуславливает как мысль об организованных комбинациях, так и возможность самой организованной комбинации.

Машина является организованной комбинацией, но об ее происхождении и эволюции мы ровно ничего не узнаем, если держаться форм мышления об организованных комбинациях, как объясняющих факторах общественного развития, т.-е. не будем выступать за пределы индивида и его организующих усилий, как бы они ни были изобретательны и способны создавать всевозможные организованные комбинации. «Критическая история технологии вообще показала бы, как мало какое бы то ни было изобретение XVIII века обязано отдельному лицу» (Маркс). Но если оно не принадлежит отдельному лицу, а всему обществу, которое, прежде чем размышлять об организованных комбинациях, должно производить, то, следовательно, не формы мышления об организованных комбинациях, а способ производства должен служить исходным пунктом при объяснении любой комбинации идеологического и технического порядка. «Конечно, — говорит Маркс, — много легче посредством анализа найти земное ядро причудливых религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие религиозные формы». Последний метод есть единственно материалистический, а следовательно — научный метод.

В области социальной соед̄инение двух комплексов осуществляется, по Богданову, входящей в них общей целью. Насколько более материалистично понимал порядок бытия Спиноза, который понимал совершающееся в природе и обществе, как причинные следования, которые обуславливают, но не ставят цели. Для Спинозы цель, как бы ее ни понимать, требует способности самоопределения, которая не имеет места в порядке вещей. Порядок вещей понимается Спинозой, как постоянная причинная связь, исключающая всякую целевую и произвольную деятельность. Согласно Спинозе, объяснение на основании целей должно в конечном счете сослаться на волю бога, который устроил вещи так, чтобы случилось то или иное событие. Находим ли мы у Маркса нечто похожее на целевую постановку социальных проблем? Говоря о законах, управляющих человеческим обществом, совершенно независимо от воли составляющих его индивидуумов, Маркс с такой же решимостью, как и Спиноза, отвергал возможность целевой постановки и трактовки общественных и каких угодно проблем. Общая цель, как та ось, около которой вертятся законы ингрессии, является лишь показателем идеализма, печать которого лежит на всех построениях богдановской философии.

Но Богданов становится на точку зрения трудовой ингрессии, которая является самой первичной и основной. Однако, перемещение в эту трудовую ингрессию не вносит никакого существенного изменения. Дело в том, что в этой первичной ингрессии Богданов не выходит за пределы психологизма, и психологизация бытия модифицируется лишь при посредстве нововведенного понятия, которое по содержанию своему не отстает от прежней идеологической ингрессии. Если ингрессия труда означает «общие усилия, направленные к общей цели» (Тектология, 2-ое изд., с. 145), то бытие выступает, как продукт целевых усилий, «в координации которых лежит объективный жизненный смысл всей и всякой идеологии» (Тектология, 2-ое изд., с. 145). Нет никакого сомнения, что «формирующий тектологический механизм», основным понятием которого является ингрессия и т. п., формирует бытие при посредстве весьма сомнительного материала, способного в лучшем случае сформировать эклектическое построение весьма сомнительного свойства.

III.

Тектология и биология.

Дарвин, как известно, установил взгляд на организмы, как на фазы естественной эволюции. Т. к. рычагом эволюции в животном мире является борьба за существование, то некоторые буржуазные идеологи перенесли этот принцип на общественные явления и провозгласили его ключом к пониманию социального бытия. Но этот принцип в его дарвиновской формулировке ничего не объясняет и в общественном бытии, по той причине, что в дарвиновской формулировке он означает борьбу животного с непосредственной природой. Историческое же начало че-

ловечества предполагает искусственную среду, хотя бы в самой первичной форме. Если, например, взять форму общественной жизни у ирокезов в изображении Моргана, то уже в этой жизни проявляются различные особенности человека, выступающие в различных способах искусственного воздействия на природу с целью удовлетворения жизненных потребностей. «Когда начинается история,—замечает Лабриола,—основанная на преданиях, экономические отношения уже существуют. Люди работают, чтобы жить на земле, которую благодаря своим трудам они по большей части видоизменяют, употребляя инструменты, ими же изобретенные. С того же момента они начинают бороться с собой, стараясь одолеть друг друга, чтобы использовать с наибольшей выгодой находящиеся в их распоряжении искусственные средства; другими словами, они начинают бороться, как рабы и господа, как подданные и владельцы, как покоренные и покорители, как эксплуатируемые и эксплуататоры, и там, где они прогрессируют или регрессируют, и там, где они застывают в той форме, которую они оказывались не в состоянии изжить,—везде и повсюду они уже больше не возвращаются к животной жизни и не теряют окончательной своей искусственной почвы» (Исторический материализм, стр. 83). С тех пор, как человек становится животным, производящим орудия, принцип борьбы за существование в его дарвинской формулировке становится совершенно не состоятельным по отношению к исторической жизни человечества, определяющей основой которой является не органика, а техника, словом, способ производства, «определяющий социальный, политический, интеллектуальный процесс жизни вообще».

История есть произведение человека, который постоянно развивает и совершенствует техническую среду, динамика которой в ее общественном проявлении определяет все изменения и превращения социального бытия человека. Социальный дарвинизм есть нелепая попытка биологического истолкования таких явлений, которые требуют совершенно других путей и методов познания, соответствующих данной области явлений. Но для Богданова и его тектологии различение социальных и естественных процессов не является «принципиальным», и поэтому биологические принципы и схемы, пригодные для объяснения естественной эволюции, произвольно применяются им к общественному бытию и к такому фактору, как классовая борьба. У Богданова этот биологизм выступает в той универсальной схеме подбора, которая в биологической теории Дарвина находит применение лишь в органическом мире, у Богданова же в его тектологическом опыте—во всех областях и даже в социальных науках. Биологическая идея подбора выступает в ее классической форме у Дарвина. В животном мире, согласно теории Дарвина, происходит борьба за существование, в которой выживают те экземпляры, которые, благодаря преимуществам их организации, способны лучше приспособиться к окружающим их условиям и, таким образом, благополучно уцелеть в этой борьбе, тогда как менее приспособленные погибают. Подбор означает сохранение, выделение, уцеление более приспособленных элементов, органические особенности

которых, способствовавшие их сохранению, передаются по наследству, образуя более совершенную животную породу. Размножение и наследственность являются, так сказать, содержанием биологической эволюции, почвой для которой является органическая, естественная среда.

Применима ли эта схема подбора к социальному бытию? Богданов применяет этот метод вполне правомерно на основе того его взгляда, согласно которому «класс есть система отношений между людьми, воплощенная во взаимно-связанных психофизиологических приспособлениях» (Общественный подбор, с. 4). Если переносить центр тяжести общественности в область психофизиологии, то понятно, что биологизирование социального процесса и перенесение на него методов исследования животного мира становится неизбежным. Это есть тот социальный дарвинизм, против которого Богданов как будто восстает, но который выступает у него самым решительным образом. Материалистическое понимание истории есть прежде всего методологическая попытка восстановления, возникновения условий социальной жизни на различных ступенях ее развития, поскольку она является деятельностью самого человека. Люди, чтобы удовлетворить свои нужды, изобретают и совершенствуют орудия труда, которые в их совокупности составляют тот «вещественный производительный аппарат» (Бухарин), который определяет производственное объединение людей. Центр тяжести для материалистического понимания истории, которое стремится генетически овладеть социальным процессом в его закономерных этапах и в порядке присущей ему последовательности, начало которой есть общественное действие, коренится и в общественной анатомии, и в тех искусственных органах, которые в их целостности обуславливают исторический характер данного общественного строения, данной общественной связи.

Схема подбора у Богданова, выступающая под углом зрения энергетики, т. е. общественный подбор вертится вокруг повышения и понижения общественной энергии, которые образуют фазы положительного и отрицательного подбора, есть вариант физиологического или энергетического понимания истории, который выступает как более или менее видоизмененный социальный дарвинизм. Материалистическое понимание истории констатирует факт неустойчивости социальной организации, вытекающей из прогрессивного развития производительных сил, которые приходят в столкновение с производственными отношениями, как той оболочкой, в какой они на определенной ступени развития не могут уменшаться. Высшей точки эта социальная неустойчивость достигает в революционном перевороте, производящем выравнивание содержания и формы, т. е. техники и экономики. Но можно ли говорить в данном случае о положительном подборе, восторжествовавшем над отрицательным подбором? Что говорят эти термины в применении к историческому процессу? Согласно материалистическому пониманию истории, столкновение между производительными силами и производственными отношениями, переставшими соответствовать производительным силам, разрешается революционным взрывом этих отношений, предшествующим возникновению новой общественной формации, носителем кото-

рой является революционный класс, берущий на себя инициативу развития производительных сил. Социальная динамика развивается реальными противоречиями классовых интересов, которые, в свою очередь, коренятся в процессах производства и обмена продуктов, т. к. «в каждой исторической форме общественной жизни распределение продуктов, а вместе с ним социальное расчленение на классы или сословия, происходят соответственно тому, что и как производится и как производимое обменивается» (Энгельс, «Анти-Дюринг», с. 300). Для Богданова же отрицательный подбор в виде перенаселения и всех сопровождающих его бедствий был стихийным двигателем прогресса для родовых и феодальных обществ. «Тут отрицательный подбор, длительно подрывая социальные связи в пунктах и по линиям их наименьшей прочности, иногда приводил к разрыву самой организации и к распадению родовой и феодальной общины на две, начинавшие жить каждая самостоятельной жизнью,—в роде распада материнской клетки на две. Иногда получался разрыв общины с прежней ее территориальной средой, не дававшей для нее достаточного притока жизненной необходимой энергии. Община переселялась на новые места» (Тектология, 2 изд., с. 176).

Феодальное общество распалось не вследствие отрицательного подбора, приведшего к понижению того количества энергии, которое необходимо было обществу для положительного роста, а вследствие того, что в общество единичных производителей проник новый способ производства, общественное производство, с которым не могли соперничать продукты индивидуального производства, составлявшие основу феодальной общины. Социальная связь феодализма была подорвана ростом производительных сил, который привел к капиталистическому способу производства. Однако, для Богданова роль положительного и отрицательного подбора не ограничивается социальной динамикой, а в своем видоизменении они «стихийно организуют мир». Когда положительный и отрицательный подбор начинает фигурировать в качестве миро-организующих стихий, он лишь примыкает к тому организационному опыту, в творческую сферу которого неизбежно должны попасть все категории богдановской концепции, претендующей на универсальность. Но их гносеологическое крещение в сфере организационного опыта совпадает с их идеалистическим крещением, которое в отношении к социальному бытию принимает характер затейливой, идеалистической реакционности.

Биологизм встречал в лице Маркса самого решительного противника, вызывая с его стороны негодующее осуждение, что особенно обнаружилось в его оценке биологизма Ланге. «Ланге,—писал Маркс Кугельману,—сильно хвалит меня... с целью самого себя выставить великим человеком. Дело в том, что Ланге сделал великое открытие. Всю историю можно подвести под единственный, великий, естественный закон. Этот естественный закон заключается во фразе *struggle for life*, борьба за существование (выражение Дарвина, в этом его употреблении становится пустой фразой), а содержание этой фразы составляет мальтусовский закон о населении, или, вернее, перенаселении. Следова-

тельно, вместо того, чтобы анализировать эту *struggle for life*, как она исторически проявлялась в различных общественных формах, не остается делать ничего другого, как превращать всякую конкретную борьбу в фразу «*struggle for life*» (борьба за существование), а эту фразу—в мальтусовскую фантазию о населении. Нужно согласиться, что это очень убедительный метод... для напыщенного, притворяющегося научным, высокопарного невежества и лени мысли». Ленин по этому поводу справедливо замечает, что в основе марксовской критики Ланге лежит та мысль, «что перенесение биологических понятий в о б щ е в область общественных наук есть ф р а з а». (Ленин, «Матер. и эмпириокрит.», с. 257). Но эта фраза в тектологии Богданова принимает чудовищные и гигантские размеры. В тектологии Богданова, как мы видели, подбор выступает как универсально регулирующий механизм, при чем интересный особенностью теоретической схемы подбора является то, что «с ее точки зрения и человечество может рассматриваться, как объект подбора, деятелем которого является «среда», внешняя природа, т.-е. тут формула п е р е в о р а ч и в а е т первоначальный практический принцип подбора, для которого деятель—активность человека, а объект—разные комплексы среды» (Тект., изд. 2, с. 154).

Интересная особенность теоретической схемы подбора заключается, следовательно, в том, что среда становится д е я т е л е м, а человечество—объектом подбора. Интерес заключается в том, что в свете принципа теоретического подбора человечество перед лицом «среды» перестает быть активным субъектом исторического процесса, а творческую «подбирающую» инициативу берет на себя внешняя среда. Новизна этого принципа состоит в автоматизации человечества, которое под давлением разных комплексов среды автоматически выделяет из себя подборные комплексы. Такая новизна тем более странна, что «тектология имеет дело только с активностями» (Тектология, изд. 2, с. 157). Развитие общества определяется развитием производительных сил. Таково основное положение исторического материализма. Однако, под давлением действия производительных сил человечество не превращается в автомат, ибо и «производительные силы,—как говорит Маркс,—являются результатом практической энергии людей». Но согласно материалистическому пониманию истории человечество действует, ибо его принципы могут только рефлектировать этот его действительный процесс, в то время как в тектологии Богданова принципы, вроде универсального принципа подбора, произвольно создающие мир и произвольно его уничтожающие, могут по произволу превратить человечество в демиурга и также автоматизировать его и представить в виде объекта разных комплексов среды. Это есть тот «метафизический риск в умозрении», который в тектологии не меньше, нежели в эмпириомонизме, производит свои чудодейственные комбинации.

Теперь о влиянии подбора в идеологии. «Особенно широкое поле для идеи подбора представляет вопрос об идеологическом развитии; филологи уже ею пользовались в своей специальной области, некоторые философы, как Зиммель, признавали ее пригодность в исследовании

смены понятий и идей. Здесь неясность основной схемы в сильнейшей степени мешала достигнуть положительных результатов, и дело свелось, главным образом, к принципиальным рассуждениям» (Текст., изд. 2-е, с. 156).

Из сказанного явствует, что идея подбора, особенно «плодотворная» для разрешения проблем идеологии, должна обещать многое и в деле освещения идеологической эволюции. Как же тут быть? Перед нами определенное идеологическое содержание, например, философская или религиозная система. В идеалистической метафизике, где идея является регулирующей и формирующей, идеологическая система все объясняет, не подлежа сама объяснению. Но крушение этой идеалистической метафизики осуществилось в процессе коренного перемещения материального и идейного моментов, как факторов объяснения, в результате которого идеология вместо того, чтобы объяснить бытие, сама подлежит объяснению из последнего, а именно из «совокупности производственных отношений». Если же принцип подбора претендует освещать идеологическую эволюцию, то разве это не та же старая идеалистическая метафизика? Материалистическая концепция истории является грандиозным завоеванием человеческой мысли, которая вместо беспомощного и бесплодного блуждания среди немых призраков смело обращается к историческому опыту, представляющему грозную арену состоящих социальных антагонизмов, словом—к борьбе классов. Будет ли ясно, если на вопрос о генезисе этой концепции ответить, что она есть результат социального подбора? Почему социальный подбор не породил этой концепции во времена Томаса Мора? Или почему он не способствовал ее открытию Робертом Оуэном, который выставил принцип, что характер и нравственность людей являются необходимым результатом условий, в которых они живут, и обстоятельств, которые их окружают. Если же этого не было и не могло быть, следовательно, дело не в идее подбора, а в историческом исследовании и анализе тех условий, при которых эта концепция возникла. Тут мы имеем дело не с идеей подбора консервативного или прогрессивного, положительного или отрицательного, а с определенной исторической закономерностью, в свете которой только и уясняется данная идейная концепция.

Материалистическая концепция истории возникла не потому, что этому способствовал «социальный подбор», а благодаря тому упрощению истории, которая, в результате эволюции буржуазии, свелась к одной общей борьбе между капиталистом, превращающим в товары все необходимые для жизни продукты человеческого труда, и пролетариатом, располагающим рабочей силой, как единственным товаром.

Материалистическая концепция истории зародилась под неотвратимым давлением пролетарского движения, определившего теоретическое сознание его революционных деятелей. Она могла возникнуть в условиях напряженного развития современной техники, среди общества, непрерывно производящего и воспроизводящего рабочий класс, как необходимую предпосылку его сохранения и продолжения, словом, в условиях антагонистической обстановки упрощенной социальной борь-

бы. Подобное общество, раскрывшее в силу имманентных законов собственного развития свою внутреннюю структуру, обусловило появление материалистической теории социального прогресса, т.-е. диалектическое его преломление в сознании класса, выступившего исторически могильщиком капитализма. Пролетариат мог теоретически возвестить гибель этого общества, ибо он этим самым высказал тайну своего собственного бытия, ибо материалистическое понимание социальной диалектики непреодолимо ему диктовалось противоречивыми условиями его собственного существования. Но разве не фраза сказать, что она является результатом социального подбора, который означает выделение и сохранение в борьбе за существование лучшие приспособившихся и гибель неприспособленных экземпляров. Забыв, повидимому, что для тектологии различие «естественных» и «искусственных» процессов не является принципиальным, Богданов заявляет, «что тектологическая схема подбора отличается от «естественного подбора» биологов одним необходимым упрощением или сокращением. Биологический подбор предполагает размножение вместе с наследственностью: обще-организационная схема включить этого не может, потому что размножение—специальная черта живых организмов. Тектология берет из частных наук исходные пункты для своих построений, но всегда при этом вынуждена изменять заимствованные понятия, приспособляя их к универсальности своих задач» (Тект., 2-е изд., с. 149). Тектологический подбор, следовательно, отличается от естественного универсальностью и волшебством своей все разрешающей мощи. Оказывается, что универсальная тектология не может включать «специальных черт». Замечательно! Вот где разгадка тектологического сфинкса. Тектология есть, следовательно, универсальность без определенности, универсальная бессодержательность, бесконечность бесконечности. Фейербах был прав, когда говорил, что философия честна и добросовестна, однако только в том случае, «если она признается в конечности ее умозрительной бесконечности». Но тектология исключительно бесконечна и исключительно универсальна. «Она переступает все пределы, преодолевает все грани... и все же не выходит за пределы умозрения».

Интересы господствующего класса, преследующего исключительно охранительные задачи, определяют его ненависть к диалектике вообще и диалектическому материализму в частности, а также приверженность к идеализму в его различных формах. Дело в том, что идеалистическое мировоззрение приспособляет действительность к его интересам, под его сенью превращается в «вечные законы». Интересы господствующего класса, корнящиеся в первую очередь в его экономической гегемонии, делают для него неприемлимым материалистическое, следовательно, научное мировоззрение, ибо мировоззрение, имеющее своим предметом призраки (идея, как самостоятельный демиург), не может быть названо научным. Для Богданова же все дело заключается в биологии, «главная причина, по которой исследования до сих пор не вступили на путь, раскрывающий перед ними огромное поле работы и перспективы невиданных побед,—это индивидуализм совре-

менного научного мышления, для которого идея глубокого физиологического обмена жизни личностей должна представляться не только чуждой, но прямо отталкивающей» (Текст., изд. 2, с. 316). Преградой к научному мышлению, является, согласно Богданову, определенная форма мышления, с одной стороны, с другой,— вражда к глубокому физиологическому обмену жизни личностей мешает вступить исследованию на подлинный научный путь. Прежде всего неверно, что до сих пор мышление было исключительно индивидуалистично, ибо если считать индивидуализмом понимание вещей под углом зрения личного бытия, то и среди буржуазных философов многие поражают идеалистическим коллективизмом, т.-е. коллективизмом только в мышлении (Фулье, Вундт.) Точно так же нечего думать, что вражда к глубокому физическому обмену жизни личностей служит препятствием к научному мышлению. Буржуазному философу—в области естественных наук буржуазный ученый может оказаться в высшей степени научно-прогрессивным—мешает вступить на путь научного мышления не вражда к «физиологическому обмену жизни личностей», а классовая вражда к социальному перевороту, приводящему к «экономическому», т.-е. материалистическому, коллективизму, находящему свое гносеологическое оправдание в диалектическом материализме. Но там, где излюбленный метафизический принцип становится всем, действительность перестает быть аргументом.

И. Вайнштейн.

ВИТАЛИСТИЧЕСКИЕ БЛУЖДЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ БИОЛОГИИ.

Поводом к этой статье послужил доклад, который я сделал по приглашению Московского Института Красной Профессуры. В трех статьях я рассматриваю общую позицию виталистической биологии, вместе с тем ее отношение к формообразованию, учение о поведении (*Handlung, behavior*) и взаимоотношение биологии с психологией, так же, как и роль диалектики в затронутых вопросах. За всеми биологическими подробностями я отсылаю к моей книге: «*Grundzüge der Theorienbildung in der Biologie*» (издание 2-е, Иена; переработанное русское издание готовится). Обзор истории, содержания и системы биологии дает моя книжка на русском языке «Биологические теории и общественная жизнь».

Фридрих Энгельс в семидесятых годах прошлого столетия, при раз'яснении «переворота в естествознании, произведенного г. Евгением Дюрингом», увидел необходимость применить к тогдашнему естествознанию «перевернутую» им и К. Марксом на материалистическую диалектику гегелевскую логику; при этом он не допускал сомнения, что жизненные явления, сообразно общему порядку природных явлений, должны получить научное объяснение без допущения существования каких-либо особых принципов, действительных только для них одних. Он говорит: «Жизнь есть вид бытия белков, и этот вид бытия в существенной части состоит в постоянном самовозобновлении химических составных частей этих веществ». Свое понимание обмена веществ он выражает дальше так: «Всюду, где мы находим жизнь, она оказывается связанной с белками; всюду, где мы встречаем белки, не подвергающиеся разложению, мы непременно открываем жизненные явления. Нет сомнения, что необходима наличность и других химических соединений, которые своим присутствием в живом теле обуславливают особенности жизненных явлений; однако эти вещества прямо не участвуют в жизни, но служат пищей и превращаются затем в белки. Низшие известные нам живые вещества представляют собою именно простые комочки белка, но им свойственны уже все важнейшие проявления жизни. В чем же заключаются эти жизненные явления, присущие всем без различия живым существам? Прежде всего, в том, что белковое тело воспринимает из окружающей среды другие близкие вещества, уподобляя их себе, в то время как другие вещества, прежние составные части этого белкового тела, выделяются наружу, подвергшись разложению. Иные неживые тела также изменяются, раз-

лагаются или соединяются друг с другом в течении различных природных явлений; но при этом они перестают быть тем, чем были. Скала, которая выветрилась, уже больше не скала; металл, который окислился, стал ржавчиной. Но то, что для мертвых тел оказывается причиной гибели,—для белков является основным условием существования. С того момента, как прекращается это непрерывное превращение составных частей белка, эта постоянная смена питания и выделения, перестает существовать и сам белок, он разрушается, т.-е. умирает. Таким образом, жизнь, этот вид бытия белков, состоит прежде всего в том, что белок в каждое мгновение — он и не он, тот же и другой; и это не следствие какого-либо процесса, действующего на белок извне, подобно тому, как это может произойти и с мертвыми телами. Напротив, жизнь, обмен веществ, происходящий вследствие питания и выделения, есть процесс, производящий сам себя, прирожденный носителю этого процесса, не существующий вне своего носителя. А из этого следует, что если бы химии когда-либо удалось искусственно приготовить белок,—этот белок должен был бы проявить жизненные явления, хотя бы и в самой слабой степени. Правда, еще вопрос, откроет ли химия одновременно подходящую пищу для этого белка. От обмена веществ, происходящего вследствие питания и выделения и являющегося существенной функцией белка, и от свойственной белку пластичности происходят все простейшие факторы жизни: раздражимость, которая заключается уже во взаимодействии белка со своей пищей; сократимость, которая проявляется уже на низших ступенях при поедании пищи; рост, который на низшей ступени имеет следствием воспроизведение себя делением; внутреннее движение, без которого невозможны ни поедание пищи, ни ее ассимиляция». В оставленных им заметках и набросках к диалектике природы, относящихся к 1872—1893 г.г. и должноставших быть, так сказать, его положительным трудом в дополнение к отрицательной критике Анти-Дюринга, трудом, к сожалению, оставшимся незаконченным, — Энгельс постоянно приходит к тому выводу, что биология завершается в области естественных наук, с какой бы стороны к ней ни приступали. Он постоянно отмечает при этом значение диалектического мышления, в качестве примера которого приведем здесь лишь рассуждение о жизни и смерти. «Теперь уже такая физиология, которая не рассматривает смерть, как существенный момент жизни, должна быть признана ненаучной. Отрицание жизни необходимо заключено в ней самой, так что жизнь всегда мыслится вместе с ее неизбежным результатом—смертью, которая заложена в жизни как бы в виде зачатка. В этом как раз и состоит диалектическое понимание жизни. Но кто это однажды понял, для того и речи не может быть о бессмертии души. Смерть есть либо разложение органического тела, ничего не оставляющее, кроме химических составных частей, слагавших его вещество, либо же после смерти остается жизненный принцип, душа, переживающая не только человека, но вообще все живые существа. Здесь, значит, достаточно просто рассмотреть, пользуясь диалектикой о жизни и смерти, и древнее суеверие будет устранено. Жить значит умирать». Нелишне при-

вести еще приговор Энгельса обычному способу суждения натуралистов. «Естествоиспытатели думают освободиться от философии, игнорируя или понося ее. Но, не размышляя, они далеко не уйдут; а для того, чтобы мыслить, им нужны мысленные определения; эти же категории неосмотрительно приобретаются ими от так называемых просвещенных людей, вулгарное сознание которых находится во власти остатков давно устаревшей философии, либо почерпаются из той малости философии, которая прослушана ими по принуждению в университете (философии не только отрывочной, но представляющей, кроме того, путаницу взглядов людей различных и в большинстве случаев наихудших школ), либо берется из некритического и бессистемного чтения различных философских сочинений. Поэтому они оказываются ничуть не в меньшей власти философии, к сожалению, только философии худшего разбора, а те из них, кто больше всего поносят философию, суть рабы как раз наихудших опошленных отбросов самых скверных философов».

Новейшая биология далека от сколько-нибудь ясного и простого состояния. Она вообще не может представить выводов планомерного исследования в стройном и общеприложимом порядке. Вместо теоретической науки, здесь скорее неоднородное многообразие областей, вопросов, толкований и суждений. Заведанные науке понимания жизни не позволяют точно охарактеризовать биологию. Ее предмет оказывается не поддающимся общему рассмотрению, понуждая к изменчивому и многообразному подходу, поскольку он вообще не ускользает от наблюдателя. Действительного решения вопроса, что такое собственно жизнь, не предлагается.

Такое состояние науки имеет своей причиной хозяйственно-общественные условия научного производства. Биология в капиталистических Европе и Америке не может освободиться от неоднородности своих теоретических построений, потому что господствующий и направляющий науку буржуазный класс видит для себя угрозу в решительных выводах и окончательных заключениях. Буржуазия, ставка которой сделана на веру в вечность существующего порядка, желает, по крайней мере, того, чтобы не стало ясным, что и «святини» захвачены потоком естественных событий. Больше того, она использует каждый случай, который обещает уже пошатнувшиеся взгляды наново произвести в прочные категории.

Над победоносным шествием наук о неживой природе, отдающих своей техникой всю природу, включая и человеческую рабочую силу, на служение промышленности, высоким столпом вырастает из путаницы беспорядочных биологических спекуляций новый витализм; на этот столп готовы возложить охрану всех тайн жизни, не испытав сначала прочности его основания и солидности его постройки, ибо он держит молчаливый уговор: не мешать наукам, которые используются техникой и промышленностью, но сохранять за всем живым, а значит — и за человеком, особое положение в природе. Дело идет прежде всего о сохранении, даже об увековечении этого особого положения.

Если это обеспечено, дальнейшие выводы научного исследования не опасны, так как создается прочное основание для возобновления и продолжения привилегий.

Чему учит новый витализм?

Организмы—тела природы особого порядка. Они суть целостные системы, определенные в себе сообразно своей породе, действующие средствами некоего высшего целого, которому свойственны свои особые закономерности. Организмом управляет стремящееся к цели, индивидуализирующее «нечто»,—элементарный, неразложимый природный деятель: энтелехия, психоид, душа. Поэтому выдвигается право биологии на самостоятельность, как основной независимой науки. Она оставляет за собой те природные явления, в которых пространственные акты не могут быть сведены к пространственной же причине, но где акты непространственного порядка направляют процессы в пространстве. Это и суть организмы.

Наиболее осмотнительный и острый мыслитель между современными виталистами, Г. Дриш, исходит из фактов экспериментальной биологии. В дальнейшем, однако, он выставляет свое учение, как логическую необходимость, в расчете придать этим окончательную прочность своим последним утверждениям. Этим путем он приходит к категории индивидуальности, как к центральному понятию самостоятельной биологии. Наивный реалист, идущий на приступ, соскользнет с гладкой стены этой прочной категории, если он не умеет диалектически одолеть такое искусственно возведенное препятствие.

Сначала мы проследим вкратце корни категорического витализма и затем рассмотрим отпрыски его главного положения. Если взглянуть на биологию вообще, то мы увидим, что притязание на категоричность, хотя и ведет, правда, дальше всего, но эта категоричность несколько не независима, но удобнее всего опирается именно на неоднородность теоретического содержания науки о жизни. Наконец, мы взглянем в те факты, которые служат для построения выводов. При этом мы увидим, как вообще избирается такой путь с его многозначительным результатом.

Дриш исходит из того, что в природе переживаемые состояния действительности в различные моменты—различны. Между двумя состояниями всякой частицы природы, развившимися в своем бытии, он помещает становление (генезис) этой частицы. Два природных состояния, ограничивающие начало и конец некоторого периода развития, обладают по совокупности их признаков определенными пространственными особенностями, определенной степенью разнообразия.

Каузальное понимание естественного возникновения состоит в том, чтобы каждую отдельность его, рассматриваемую как единицу, представлять себе в виде «следствия», отыскивая, значит, «основание», иными словами, то, что неотделимо от этой отдельности, раз она принята. Каузально объяснять естественное возникновение—значит, следовательно, рассматривать его «в аналогии» с чисто логическим

представлением последовательности. «Основание» становится основанием возникновения или «причиной», а «следствие» становится последствием или действием.

Дриш различает четыре мыслимые возможности возникновения. Две из них, насколько мы знаем, в природе не встречаются. Они относятся к творчеству, именно к причинности, создающей вещи и изменения. Две прочие возможности Дриш находит в природе: причинность частности и причинность целостности.

В ходе возникновения степень разнообразия системы не может повыситься сама собой. Если степень разнообразия является повышенной, то это ни в коем случае не «самоповышение». Мы либо находим пространственные события вне нашей системы, к которым должно быть отнесено повышение степени ее разнообразия, либо таких пространственных событий, на счет которых можно было бы отнести это повышение, не оказывается. В последнем случае основание возникновения есть не пространственное явление, а нечто иное. У одного из этих двух видов возникновения, не являющихся творением, и основание возникновения и последствие суть явления пространственные. У другого — пространственно лишь последствие. Повышение разнообразия должно быть отнесено тут насчет непространственного события, как основания возникновения.

Те виды возникновения, которые остаются в области пространственных событий, осуществляются в неживой природе. В неорганической природе все, что мы в ней знаем, объясняется схемой: пространственная причина — пространственное действие (основание возникновения — последствие). Наука о неживой природе есть поэтому истинная основная наука, так как ее конечные основы могут быть уложены в исходную логическую схему.

К другому виду возникновения должна быть приложена иная основная, вполне самостоятельная наука. Дриш говорит о причинной связи целостности или единства, если при изменении наступает такое повышение степени разнообразия, при котором отнесение отдельных пространственных частных результатов к пространственным частностям причины невозможно, так что должны предполагаться, следовательно, непространственные определители возникновения. Непространственные природные деятели «направляют» процессы в пространстве. Энтелехия «вращает» материальные системы, прибавляя энергию к одной оси за счет другой. Или: энтелехия «перерывает» все происходящее, возможное в силу обычных неорганических процессов, и позволяет ему совершаться «смотря по надобности». Или: энтелехия приводит в действие по «естественно-правильным уравнениям условий» материальный двигатель и как бы навязывает этим движению материи некоторый образец, по которому оно должно в главных чертах происходить.

В таком изображении организм получает определение своих элементов в пространстве, времени и причинности, как продуктов деятельности «души», энтелехии или психонда, которые создают единство в целестремительном действии, организацию. Организация значит

тут единое целое всех органов, то-есть энергетическое средство, как орудие энтелехии. Что душа пользуется в природе для своих целей такими средствами, как раз доказывает организм.

Средство есть все, чем пользуется душа для создания и использования организма, короче говоря, вся энергетика организма, но не он сам в его особливом бытии. Средствами соответственно этому являются все виды энергии внешнего мира, в лучистой, механической, тепловой, химической или осмотической форме, так же как и энергии вещества организма—протоплазма с физической, физико-химической и химической стороны: клетки, ткани, органы, как массы, то-есть поскольку не идет речь об их организации; физические и химические продукты организма (электричество, свет, механическая энергия, секреты, экскреты).

Виталистическая биология при таком понимании может пользоваться физикой и химией сколько угодно. Для неорганического исследования не устанавливается никакой основательной границы. В этом отношении границы познания не существует. Однако, исследователю остается иметь дело лишь со средствами создания органического мира. Загадка жизни, скрытая в тайниках души, остается настолько недоступной для его исследовательских приемов, что он никогда не в состоянии даже указать ее.

Категорический витализм хорошо делает свое дело и работает не за страх, а за совесть; объявляя себя логической необходимостью, он допускает приложение естественных наук к живому без всякого ограничения, но сохраняет в качестве исходной точки для всех привилегий особое положение органической души. Расчет науки, связанной в своих решениях, оправдан. От самостоятельно существующей души путь к духам, богам и идеализмам всякого рода — совершенно свободен. В самом деле, биологи-виталисты только и ждут того, чтобы увидеть и установить тех духов, которых они вызвали.

Витализм Дриша близок к учению Юкскюлля о планомерности в живой природе. Физика утверждает, что окружающие нас вещи послушны лишь причинности. В противоположность этому, биология Юкскюлля утверждает, что, кроме причинности, существует еще другое субъективное правило, на основании которого мы устанавливаем порядок вещей; это правило—планомерность, неотъемлемая от совершенства картины мира. Наконец, Рейнке переносил на органическую природу некоторого рода одухотворенность, которая познает из самой себя переживаемое «Я». «Кто отрицает сознание, как всеобщее свойство организмов, тот мог бы отрицать его и у себя самого; ибо и человек есть органическая машина, а его мозг—орган последней».

Кто в органической природе имеет дело с душой, тот скоро будет иметь дело больше с собственными переживаниями, чем с живыми существами. Точность исследования теряется в фантазиях насчет источников жизни или творческого развития. Если у категорических мыслителей душа есть мыслимая форма оговорки насчет физики и химии, то у интуитивных виталистов представление о душе переходит

уже в фантазию, совершенно ускользающую от контроля действительности.

Интуитивистов и категориков сопровождает множество разнородных теоретиков целостности, целесообразности, приспособления, полезности, регуляции, организации, затем—психиламаркистов и биологов других толков; все они производят впечатление, будто забыли, вследствие недостаточности своей методики, о цели аналитического исследования природы и ищут в сфере духа спасения от ими самими созданной путаницы. Весь спор насчет того, что именно может быть изучено и объяснено в живой природе средствами естественных наук, не приводит к удовлетворительному решению, пока биологи не признают предположений, целей, путей и границ естественных наук. Насколько вредные представления могут быть необдуманно привнесены в науку из повседневности, показывает пример поборника дарвинизма, Л. Плате, который с чрезвычайно поверхностным и утилитарным подходом рассматривает органическую целесообразность. Исходя из преувеличения цены собственной жизни, он считает очевидным, что жизнь неравноценна смерти. «Животное или растение может потерять то, что делает их организациями, именно жизнь, и те приспособления и реакции, которые препятствуют этому обесценению вследствие смерти, мы называем приспособлениями, а их сопкупность—органической целесообразностью... Как картину или симфонию нельзя объяснить одними эфирными волнами или колебаниями воздуха, а нужно принимать во внимание эстетические чувства человека и историческую эпоху; как нельзя составить себе полного понятия о машине, если известны лишь действующие в ней физические силы, а нужно увидеть идею, которой руководился строитель, и цель, которую машина выполняет; так точно животное и растение нельзя рассматривать лишь как комплекс химико-физических процессов, а их нужно биологически представлять себе, как целесообразно построенные звенья цепи естественного целого». Биолог «должен отдать себе отчет в том, имеет ли значение для жизни организма данный орган или строение. Раз естествоиспытатель открыл назначение органа, он чувствует себя удовлетворенным, так как подобное познание имеет характер объяснения». Не по методологическим или тактическим соображениям, а ради ощущения удовлетворения, связанного с утилитарным взглядом, который всегда охраняет это удовлетворение, независимо от частного приложения подобного взгляда, предоставляется живому особое положение против неживой природы. Вопрос о назначении и цели, поставленный без доказательств его законности, дает свободу говорить на тысячу ладов о гармоничном сотрудничестве, целесообразных строениях, приспособлениях к внешним условиям, удивительных рефlekсах и инстинктах, выравнивающих регуляциях, функциональных приспособлениях, а также вести речь о стремлениях, подражаниях, об орудиях нападения и защиты и о тому подобном. В очеловеченном хозяйстве природы буржуазное общество видит, как в зеркале, свое отражение. Обсуждение этих вещей совершенно бесплодно, так как, при общей предвзятости классовой науки, некрити-

ческие диспутанты целой толпой теснятся в области, где стерты все границы между действительным фактическим сообщением, фантастическими рассказами и тенденциозными извращениями. Вернемся поэтому к категорическому витализму, который утверждает, что установил некоторые исходные частные факты.

Факты, служащие для доказательства автономности жизни, берутся из двух областей, именно из образования животных форм и из поведения (*Handlung, behavior*) живых существ. Мы ограничимся областью формообразования, с тем, чтобы посвятить особую статью поведению организмов. Из области формообразования мы изберем три характерные примеры и противопоставим данным, полагавшимся в основу доказательства, выводы новейших исследований; этими примерами будут: так называемые регуляции изолированных частей зародыша на первых ступенях развития у морских ежей и морских звезд, так называемая регенерация утраченных частей тела у амфибий и так называемое обратимое развитие животного из оболочников (*Tunicata*)—клавелины.

1. Виталист находит, что из частей любого размера и с любым содержанием, на которые разделен зародыш на ранней ступени развития, получаются целые гармонично построенные образования, если эти изолированные части предоставить самим себе; например, из четырех изолированных клеток четырехклеточного зародыша возникают не четвертушки животного, а четыре целых животных, обладающих каждое четвертью нормальной массы. Из этого делается вывод, что нечто подобное не может быть объяснено действием машины, то-есть причинностью, вытекающей из сочетания физических и химических деятелей и явлений, так как работа механизма будто бы способна вызывать лишь прочные и неизменные события, установленное развитие; энтелехия же «регулятивно» подавляет и допускает такие процессы, которые преобразованы в строении неживого как «возможные», то-есть, коротко говоря, энтелехия действует через безжизненные процессы, направляя их.

Что же происходит в действительности?

Первоначальное развитие состоит в делении яйца, в его дроблении. Оно определяется конституцией яйца, состоящей в том, что в яйце вещества различного рода пространственно разобщены, распределены в определенном количественном отношении и расположены определенным образом по отношению друг к другу. Все экспериментальные изменения, производимые в яйце или в процессе его дробления, по своим следствиям распадаются на три группы, различающиеся между собой по тому, насколько они задевают самую конституцию яйца. Конституция либо остается вовсе незатронутой, и тогда наступает типическое развитие, либо же конституция нарушается, и развитие не происходит. Либо, наконец, конституция меняется, и тогда это изменение непременно сказывается далее в атипическом развитии, столь же постоянном, как и типическое.

Полные образования из частей зародыша удаются лишь тогда, когда при эксперименте получаются типические состояния развития, например, при изоляции четырех клеток четырехлетнего зародыша таких яиц, производные которых показывают содержимое, подобное содержимому яйца, и, после своего округления, принимают расположение своего содержимого в точности такое же, какое было в яйце. Речь идет здесь лишь об определенных животных и только о физических процессах. Регуляций, создающих тип, не существует. Вместо гармонии целого следует говорить о совместном действии отдельных процессов. Каждой произвольно полученной ступени развития не дается направления к некоторому постоянному концу развития, но каждое состояние, напротив, связано со своей историей. На место целестремительности становится особенность каждого явления, соответственно особой конституции исходного состояния. Специфичность каждого органического строения лежит не в его цели, но в его однозначной определенности.

2. Виталист находит, что утраченная часть тела, как, например, отрезанная конечность тритона или саламандры, приобретаетась вновь, что, следовательно, организм при помощи своего собственного процесса восстанавливает в прежнем виде нечто бывшее раньше и затем удаленное. Из этого делается вывод, что всегда в точности восстанавливается то, чего недостает. Регенерация есть регуляция, то-есть «происходящий в живом организме процесс или видоизменение такого процесса, который компенсирует нарушение, как бы то ни было, внесенное в бывшее до того нормальное состояние; компенсирует целиком или частично, прямо или косвенно, и таким путем снова приводит к нормальному состоянию или, по меньшей мере, близкому к нему». И в еще более общем виде: «регуляция есть сохранение целостности организма от нарушений». Организм вообще остается, собственно, всегда целым; равным образом и его энтелехия, так сказать, вопреки грубой действительности в пространстве и времени, всегда пребывает целостной.

Что же происходит в действительности?

Последствием удаления частей тканей, способных вообще к образовательной деятельности, оказывается возникновение заменяющих образований. Отсутствующего не образуется вновь, но в дальнейшем ходе органического развития иногда происходит новообразование, сообразно имеющемуся налицо. Способности к восстановлению утраченного не существует. В последовательности образовательных процессов, которые делают формообразовательный процесс жизни, это всегда те же образователи и силы, которые осуществляют самое образование (живое тело). Это выступает с полной ясностью там, где можно указать происхождение образователей из запасных недифференцированных клеток. Регенерация ограничивается там лишь тем, что индифферентные клетки, освобожденные вследствие повреждения от подавляющего влияния соседних клеток, не остаются дальше индифферентными, но, под влиянием наличного остатка, размножаются и дифференцируются сообразно своей конституции. Те же образовательные силы, которые лежат в основе всей организации и диффе-

ренциации, решают и регенерацию. Далее, регенерация никогда не бывает точным воспроизведением, ибо она всегда протекает атипично. Всякое нарушение типического хода создает атипическое исходное состояние, при чем новое заложение в месте ранения происходит в иных условиях пространства и времени, чем первое, типическое заложение. За атипическим началом следует атипический процесс и атипическое же конечное образование. Ненаступление какого бы то ни было развития, рубец, разрастание, регенеративные новообразования, преобразование вследствие изнашивания, — все это может быть отмечено, как общие явления, которые, смотря по их причине и наличности остатка, могут проявиться в различном качестве, количестве и расположении своих частей в пространстве, но которым всем присуща атипическая форма.

Непременная атипичность всех заменяющих образований показывает полную невозможность восстановления нарушенного порядка.

3. Виталист находит, что каждый кусочек разрезанной клавины, состоящий из богато дифференцированных тканей, превращается в полное животное. Он принимает, что сохранившаяся в исходном куске организация претерпевает обратное развитие вследствие «раздифференцировки» клеток, которые раньше были строго дифференцированы. Из остатков органа возникают, в противоположность типическому развитию, вследствие атипического, обратного процесса, недифференцированные клетки зачатка, которые, так сказать, омолаживаясь, целестремительным порядком складывают новый зачаток. Наконец, вследствие редифференцировки «дедифференцированных» и переформированных клеток возникает обновленная и полная организация. Склонны видеть в обратном развитии, которое всегда делает возможным гармоническое образование, основное свойство автономного жизненного процесса.

Что происходит в действительности?

В течении процесса не происходит ни обратного или хотя бы обратимого развития, ни «раздифференцировки» в смысле омолаживания клеток. Части исходного куска, состоящие из дифференцированных тканей, полностью разрушаются, при чем ткани подвергаются дегенерации и распаду. Упадочные процессы зависят от самих этих клеток, так как, вследствие недостатка питания, наступившего от изоляции вырезанного куска тела, прерывается их однозначно определенная прогрессивная деятельность. Из продуктов распада отмерших дифференцировок не исходит более никакого новообразования. Зато резервы недифференцированных клеток, сохранившиеся при типическом развитии от тканевой дифференциации, освобождаются вследствие разрушения дифференцированных частей от воздействия соседства, и становится возможным их дальнейшее развитие, до того задерживавшееся. Они образуют теперь вполне типическую почку-зачаток из трех недифференцированных слоев клеток, которые путем чрезвычайно типического развития образуют новую клавилину. Атипические процессы, особенно регулятивные разрушения, дедифференцировка, клеточное омоложение и тому подобное не играют при новообразо-

вании никакой роли. Уже типично дифференцированные клетки кончают, правда, вследствие преждевременной смерти, свое существование, и индифферентные запасные клетки возобновляют, сообразно своему назначению, свое типическое развитие после типичного для них перерыва.

От утверждений витализма, опирающегося на факты и затем предъявляющего категорические требования, не остается ничего. Наше опровержение витализма потому особенно основательно, что оно вовсе не нуждается в доказательстве возможности невиталистического толкования некоторых загадочных жизненных явлений; но, углубляясь в действительные процессы развития, оно открывает, что явления, кладущиеся в основу мнимого доказательства автономности жизни, в природе вообще не происходят. «Энтелехия» не есть природный фактор особого рода, а «душе» в природе делать нечего, и не потому, что иные, физические и химические, факторы исполняют то, что надлежит делать духовным силам, а потому, что приписываемых этим последним действий вообще не существует. Проблема регулятивного формообразования — лишь кажущаяся проблема, поставленная недостаточно разработанными экспериментальными данными и не требующая никакого разрешения. Другие же виды витализма вовсе неосновательны.

Что биология вообще движется по ложным путям, зависит от определяющих науку условий и проистекающего от них недостатка методологии. Это предстоит еще разобрать.

Ю. Шаксель.

II. Стенограммы докладов, читаемых в Коммунистической Академии.

НОВЫЕ ДАННЫЕ О ПУГАЧЕВЩИНЕ.

(Доклад тов. М. Н. Покровского, прочитанный в обществе историков марксистов 1/VI-1925).

После доклада тов. Фридлянда, исчерпывающе осветившего теоретическую сторону дела (к моему величайшему удовлетворению, мы с ним, не сговариваясь,—я впервые услышал этот доклад—во многом существенном сходимся, в понимании смысла крестьянских революций; когда два марксиста, не сговариваясь, сходятся,—это очень хороший признак),—после этого доклада я не буду возвращаться к теории. Не буду я давать и социологического анализа пугачевщины. Тем более, что в этой области мне бы немного пришлось прибавить к тому, что я писал и говорил до сих пор. Сейчас меня интересует другая сторона. Сторона эта отчасти историографическая. Она показывает, до какой степени та история, которая делается, давит на ту историю, которая пишется. Мы не знали до сих пор пугачевщины. Те, кто не изучал архивных документов, не знают ее и до сих пор, потому что то, что писали на эту тему буржуазные историки, несмотря на то, что это были исчерпывающие трактаты, многотомные, опирающиеся на архивный материал, не было истинной, так как они подходили к этому архивному материалу под таким углом зрения, который искажал действительность. Вы ведь знаете, что иногда писались большие произведения со специальной целью затуманивать головы. Я не стану обвинять всех предшествующих историков в такого рода намерениях, но, во всяком случае, сознательно или бессознательно, они нам дали совершенно извращенную картину, в которой очень мало истины. И вот, когда я читал документы, передо мной кусок за куском, открывалась подлинная картина пугачевщины.

То, что говорил тов. Фридлянд об организации и способности к самоорганизации крестьянского движения, конечно, применимо к пугачевщине гораздо меньше, чем к крестьянской войне в Германии; но отдельные моменты этой самоорганизации мы найдем и в пугачевщине, в своем предисловии к I тому, перепечатанном в „Правде“, я этот момент осветил. Это отнюдь не было стихийное движение, оно вырабатывало свои определенные органы, до известной степени напоминавшие революционные импровизации всех стран и народов, до некоторой степени напоминавшие и наши революционные импровизации 6-го года и даже послеоктябрьского периода, особенно, если мы возьмем такую картину, как сибирская партизанщина: там есть моменты само-

организации, которые очень напоминают пугачевщину. Я указывал, кроме того, что материалы, которые были у меня под руками, вошедшие в первый том пугачевских документов, содержат в себе, главным образом, архив самого Пугачева. Уже самое существование этого архива бьет в лицо традицию „бессмысленного“ мужицкого бунта, — а это были только обрывки. Там я это высказывал, как предположение, а теперь, на основании изучения новых документов, могу это установить, как факт. После разгрома под Татищевой, Пугачев сжег свой архив. Это факт, который сообщается одним из ближайших помощников Пугачева в его показаниях. Любопытно, что Пугачев не только свой архив имел и сжег его лишь в крайних обстоятельствах, но что он интересовался и архивами тех городов, которыми он овладевал. В показаниях одного перешедшего к пугачевцам офицера имеется такая подробность: автору показания Пугачев велел вывести из его уездного городка „архиву“. Зачем она ему нужна была? Я не думаю, чтобы он думал заняться издательством. Мы знаем, что Пугачев во всех занимаемых им местностях устанавливал правильную систему налогов, а в уездных архивах того времени, главным образом, можно было найти финансовые документы: они и нужны были, как база для дальнейших разверсток. И это опять доказывает, что мы имеем дело не со стихийным и нелепым движением.

Теперь я не буду возвращаться к организационной стороне дела — я считаю ее, на первый случай, достаточно выявленной упоминавшейся выше моей статьей. Я спешу теперь исправить другую свою ошибку, относящуюся к личности Пугачева. В моем четвертом томе мне повнесчастливилось написать, что эта личность не играла никакой роли в восстании, — и я даже почти присоединился к характеристике Пугачева, данной одним из екатерининских сановников: „Гнусен так, как мужику простому быть свойственно, включая того, что он бродяга“. И в этом вопросе старая характеристика насквозь фальшива. Несомненно, что Пугачев — лично, персонально — был чрезвычайно крупной фигурой. Прежде всего, того немножко пьяного, несчастного бродяги, которому можно было подарить тулупчик и тем заслужить его благорасположение, совершенно не чувствуется в документах, касающихся первых выступлений Пугачева еще задолго до начала восстания. Впервые в документах он появляется перед нами, как крупный купец, и, как купец, он впервые выступает в 1768 г. на театре своих будущих подвигов около Авзяно-Петровского завода. Об этом рассказывает один из заводских крестьян, — Впрочем в то время трудно было разобрать, кто является действительно крестьянином, а кто рабочим на заводе, так как юридически они были все приписные заводские крестьяне; и только случайно узнаешь, что вот такой-то „крестьянин“ по ремеслу молотобоец с завода, — неизвестно, был ли этот крестьянин земледельцем или заводским рабочим, но заводской человек он был несомненно; и он рассказывает, что Пугачев вместе со своим товарищем скупал у них большие партии товара, преимущественно дегтя и холста, с тем, чтобы все это сплавить вниз по Волге в Саратов, при чем дегтем было нагружено даже целое судно. Из этого показания еще не видно, чтобы

Пугачев предпринимал какие-нибудь политические шаги в связи со своими поездками. Но если вспомнить, что этот завод был его первой базой, куда он обратился с манифестом после своего выступления, и был базой в течение довольно долгого времени, то мы имеем право предположить, что он там завязывал связи не только в области покупки товара—холста, деги и пр., а что Пугачев вел там систематически агитацию. И это несомненно доказывается другим показанием о его первом появлении на Яике за год до его выступления, — показание относится к осени 1772 г., а выступил он осенью 1773 г. На этот раз, появившись на Яике, он рассказывал там одному из своих будущих помощников, казаку Пьянову, вот что: позвольте мне прочесть вам отрывок из этого показания.

„А прошлого 772 года ноября 22 числа приехал к нему, Пьянову, в Яицкий городок в дом с Иргизу из Мечетного знакомой ему мужик, раскольник Семен Филипов, для продажи хлеба и с ним незнакомой ему человек, который назывался купцом, а имя ему Емельян Иванов сын (прозвания тогда не сказал), и жили у него Пьянова в доме семь дней, а как в то время на Яике слышно было, что в Царицыне явился какой-то царь, почему он Пьянов из любопытства спрашивал Емельяна Иванова о причине оного, на что Емельяка отвечал, это-де правда и тот есть подлинно царь Петр Федорович, и хотя его в Царицыне поймали, однакож он ушел, а вместо его замучили другого; на то Пьянов говорил: как этому статься, ведь Петр Федорович умер, а Емельяка говорил—не правда, он также спасся и в Петербурге от смерти, как и в Царицыне; так, он Пьянов много усумнился, однакож вдалеку любопытствовать не стал, потом начался разговор другой, и говорил Емельяка: как-де вам яицким казакам не стыдно, что вы терпите такое притеснение в ваших привилегиях. На что Пьянов говорил, что же делать, так видно тому и быть, а на то Емельяка говорил, не лучше ль вам идти с Яику в турецкую область на Лабу-реку, а на выход я вам дам денег на каждую семью по двенадцати рублей,—и сказывал притом, что на границе оставлено у него до двухсот тысяч рублей, да на семьдесят тысяч товару, из которых-де, если яицкое войско согласится бежать, то коштовать будет. А как Пьянов в том усумнился и спросил Емельяку, где ты деньги возьмешь, и что подлинно за человек,—на то Емельяка отвечал, я-де заграничной торговой, а по приходе за границу встретит всех вас с радостью турецкой паша, и если-де придет еще нужда в деньгах войску на проход, то паша даст еще хотя и до пяти миллионов рублей“.

Должен заметить, что это показание давалось перед екатерининским следователем и, может быть, даже текст его принадлежит не Пьянову, а писарю, составлявшему это показание, — этим объясняется терминология показания. Как видите, тут *Dichtung und Wahrheit* переплетались самым причудливым образом. Никакого пашы с пятью миллионами, конечно, не было, но Пугачев явился не в качестве оборванного бродяги, которому можно было подарить тулупчик, а в качестве крупного купца, ворочающего сотнями рублей, фактически крупными суммами, и притом купца, бывавшего в восточных странах. Это

подчеркивается одной подробностью: живя в Берде, Пугачев дружил с татарами, ездил к ним в гости и они к нему, и есть все основания подозревать, что Пугачев говорил по-татарски, едва ли он с ними стал бы объясняться на русском языке. В связи с этим становится понятным, почему одно из первых его обращений было к киргиз-кайсакам, у которых он, вероятно, также бывал; бывал он, вероятно, и в Турции. Это был человек с весьма обширными торговыми операциями и вместе с тем с известным политическим смыслом. Посмотрите, как он подводит Пьянова к мысли о том, что появившийся царь может оказаться освободителем яицкой войска от того угнетения, какое оно испытывало, чего и в мыслях не было у Пьянова до появления Пугачева, который, таким образом, показал себя довольно искусным агитатором.

Между прочим, встает вопрос такого рода — как это человеку такому бывалому не удалась грамота? Что Пугачев был безграмотен — это факт, который он, правда, ловко маскировал, подписывая и „пиша“, якобы свои манифесты перед публикой, видевшей, что он чертит пером по бумаге. Но он не мог скрыть этого перед своим секретарем, и его секретарь — второго периода, поволжского — Дубровский открыл, что Пугачев безграмотен. Так как ему приходилось писать под диктовку Пугачева письма, манифесты и пр., приходилось читать ему, то он очень скоро увидел, что Пугачев сам не умеет ни прочесть, ни написать. Я связываю это обстоятельство именно с восточными похождениями Пугачева; что могла ему дать там, в Киргизии, русская грамота? Он хвастался, что знает 12 языков и есть основание думать, что он знал и татарский и др. языки, но русская грамота была ему ни к чему, и этим вероятнее всего объясняется то обстоятельство, что такой человек, несомненно, выдающийся, и я вам сейчас приведу доказательства этого, был неграмотен¹⁾. Но этот неграмотный человек, удивительнейшая вещь, был превосходным артиллеристом. Есть целый ряд указаний, я не буду утомлять вас этими выписками, указывающих на то, что всеми военными, в частности артиллерийскими операциями руководил сам Пугачев, он сам ставил пушку на прицел, наводил ее, сам ездил на все рекогносцировки, словом, вся военная часть, вся стратегия пугачевских походов всегда руководилась лично им самим²⁾.

¹⁾ После моего доклада тов. С. И. Мицкевич привел мне любопытный случай одного крупного яицкого купца. 1-й гильдии, умершего в 1883 г. и не знавшего грамоты.

²⁾ „Лучшие при нем люди с доверенностью были все яицкие казаки и илечские. При артиллерии находились главными яицкой казак Федор Чумаков и сотник Демир, а лучше всех знал правило, как в порядке артиллерию содержать, сам Пугачев, и все при артиллерии были русские люди, а иностранного ни одного человека я не видал, да и быть не можно, для того, что Пугачев жестоко просвещенных отличным разумом людей подозревал, а помощи иностранной, кроме того, как писал к Киргизкайсакому хану, ни откуда не требовал, люди в толпе его собраны были казаки, крестьяне, татары, башкирцы, калмыки и всякие беглые люди, только действительно живущие в России. Сначала от Пугачева приказание было, чтоб никого дворян и офицеров не щая вешать, а потом проговорил о тех, кои сами к нему явятся и принесут повинную, таковых прощать и писать в казаки, ибо намерение его было во всем государстве людей, кто бы какого звания ни был, сделать казаками, а потому Пугачев и носил всегда казачье платье, грабительство безвинных людей он не любил, а потому многих в том причинившихся вешал без пощады“ (Показание Почталина).

Несомненно, что это был человек от природы очень одаренный, именно как военный организатор, и в то же время это, конечно, совсем не был тот пьяница, который на нас смотрит, хотя бы с картины Перова. Показания категорически устраняют алкоголизм Пугачева, позвольте мне об этом прочесть вам, тем более, что это маленькая выдержка: „Во время таких веселостей яцкие и другие все казаки напивались допьяна, а самозванец от излишнего питья воздерживался и употреблял редко“. Таким образом, как и полагается предводителю, сам Пугачев не пренебрегал кутежами, он умел спивать, где и кого ему это было нужно, по поговорке: что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Этим способом среди своих пьяных соратников трезвый Пугачев узнавал многое относительно их настроений.

При свете этих показаний отходит на второй план и самозванство Пугачева. В самом деле, как люди до известной степени развитые, вроде уральского казачьего сотника Падурова, бывшего депутата екатерининской комиссии, как они могли верить, что этот безграмотный донской казак — царь? Хотя бы уже взять то, что он бородатый, а царь бритый. Но дело разрешается очень просто: они и не верили. Все ближайшие к Пугачеву казаки великолепно знали, что он не царь, не Петр III. Верила масса, которая была жертвой своего рода коллективного гипноза, создававшегося не одним Пугачевым, а всей пугачевской верхушкой. Тот Пьянов, который познакомился с Пугачевым, как с купцом на Яике, великолепно знал, что Пугачев Донской казак, а не царь. Затем у нас есть еще показание Чики Зарубина, которое надо привести целиком.

„Пугачев зачал о себе Зарубину рассказывать, вот-де детушки я страдаю уже двенадцать лет и был-де я у черкасов на Дону и по России во многих городах, то примечал, что везде народ разорен и вы-де также терпите много обид и налог, за что и он Зарубин отвечал как-де нам разоренным не быть, рассказывая всю тягость и налоги от командиров и о тягбе между собою, а злодей говорил, что он о всем потом слышал и всегда-де так бывает, как-де пастыря не станет, то всегда народ пропадает: как-де был государь-то, все-де крепко да хорошо было, причем Зарубин и стал ему говорить, как-де батюшка, скажи-де сущую правду про себя: точно ли-де государь; самозванец отвечал точной я-де государь, а Зарубин на то говорил ведь-де нас батюшка несколько теперь только двоечка, мне-де ведь Караваев рассказывал о тебе все точно, какой ты человек, на то Пугачев и спросил, что же-де тебе Караваев—от о мне сказал? Зарубин и начал говорить, от людей де утаишь, а от бога ведь не утаишь, ты-де донской казак, на что Пугачев сказал: врешь-де дурак, то Зарубин говорил я-де в том Караваеву дал клятву, чтоб никому о том не сказывать, так теперь и тебе-де батюшка дам, ведь-де мне в том нужды нет, хоша-де ты и донской казак, только-де мы уж за государя тебя приняли так тому-де и быть, выслушав сие злодей отвечал: ну коли так, то смотри же держи в тайне, я-де подлинно Емельян Иванов, не потаил-де я о себе и сказал Караваеву и Шигаеву, также Пьянову“.

И Зарубин в одно время с другими пришел к заключению, что это не царь, но что он делает то дело, которое нужно и поэтому за него стоять нужно: „...Каранаев стал говорить, что это-де не государь, а донской казак, и вместо государя за нас заступит, нам-де все равно, лишь быть в добре, и он Зарубин услыша положив о том, что так тому и быть, ибо всему войсковому народу то было надобно“.

Это была почва довольно скользкая, на этой почве и поскользнулся Пугачев: когда казаки, окружавшие его, увидели, что его постиг решительный крах, они тут же его выдали, потому что у них не было колебаний относительно его личности.

Таким образом, значение Пугачева, как царя монархической идеологии, о которой мы много говорили,—она имела большое влияние, но только на серые низы пугачевщины, а не на организующий ее элемент. Что касается организующего элемента, то он был от этой монархической идеологии довольно таки далек и вообще его идеология не была идеологией тупой покорности выше стоящей силе, как себе обыкновенно представляют. Коллективно создавался гниоз, что Пугачев царь. На массу это действовало несомненно и действовало чрезвычайно курьезно. Я приведу два примера. Первым примером является случай под городом Осой, когда Пугачев ее осаждал. Оса соглашалась сдаться, если находившийся там отставной солдат, якобы на смотрах выдавший царя, засвидетельствует, что царь Петр, действительно, находится под городом. Солдат был выведен из Осы. Пугачев стоял, окруженный толпой, причем надо помнить, что во время военных выступлений он одевался так же, как и все—в обычное казачье платье. Таким образом, стоит себе человек, одет, как и все казаки. Солдат идет прямо к нему, валится в ноги и говорит: батюшка царь и т. д. Впечатление колоссальное, колоссальное даже и на тех казаков, которые знали, кто такой Пугачев. У них в головах помутилось. Этот случай лишний раз свидетельствовал о том, что Пугачев был крупной фигура, которая, во всяком случае, выделялась из окружающей среды. В нем определенно чувствовался, если не царь, то вождь, человек, которого нельзя смешать с толпой. И случай под Осой—не единственный. Когда Пугачев еще осаждал Оренбург, тогда не то, что один солдат, а все солдаты признавали в нем царя, приводя для большей убедительности, разные индивидуальные подробности. Один говорил: Как мне его не знать? Он меня на смотру раз так ударил, что видите,—до сих пор у меня персты не действуют. Признавали Пугачева за царя и офицеры—нашелся один, который будто бы служил еще в Голштинской его армии. Тут, положим был вероятнее всего даже не гниоз, а просто подыгрывание. Нет сомнения, что дворяне переходили на сторону Пугачева по соображениям индивидуалистического порядка и с массой пугачевцев общего имели очень мало, но характерно, что дворяне мелкопоместные были в большом количестве и переходили они к нему целыми кучами,—и это был трудный вопрос для следственных комиссий, как быть с этими людьми, которые оказывались в стане пугачевцев со своими женами и детьми. Роли политической они не играли. Все показания подчеркивают определенно, что организующую

роль играли в пугачевском стане казаки, и затем некоторые другие элементы, о которых я сейчас скажу, но не перебежчики из противоположного лагеря. Наоборот, роль этих перебежчиков была самая жалкая, потому что они оказывались на одной линии с пугачевскими полковниками и генералами из казаков и должны были им подчиняться и чувствовалось по их показаниям, как это их обижало, но ничего не поделаешь.

Между прочим, создание Пугачевым этого генералитета вовсе не было глупым чванством, как может показаться, например, переименование Чики Зарубина в графа Чернышева. Он получил это название тогда, когда Бибииков приближался к Уралу, когда восстание было на острие ножа. И в этот момент Пугачеву нужно было поднять настроение масс и показать, что он настоящий царь и что у него есть настоящие генералы. И вот, рассказывает Зарубин, до сих пор я был Зарубин, а тут вдруг получил приказ идти под Уфу и объявить себя графом Чернышевым.

Все это,—сильная выдающаяся личность Пугачева, его большие материальные средства, его титулованные генералы,—все это вместе взятое производило чрезвычайное впечатление на массу населения. Для иллюстрации этого впечатления позволю процитировать показание одного простого смертного, крестьянина Котельникова, который не стоял у Пугачева в центре, а просто был рядовым человеком.

„Под Москву отправил для покорения сто полков, под Кунгур идет с полковником Белобородовым двадцать полков и построил государь в степи пороховые и пушечные заводы и делает белой и черной порох; белый-де весьма сильно палит, а гулку не дает, пушек у государя наделано великое множество, и поставлено их в Новотроицкой крепости в шесть ярусов и ту де Новотроицкую крепость наименовал Петербургом, а Гебаркуль Московю, ево величество государь цесаревич великий князь Павел Петрович и с великою княгинею Натальею Алексеевною в Оренбурге и граф Захар Григорьевич Чернышев ныне приехал тут же в Оренбург и его высокопревосходительство господин генерал аншеф и разных орденов кавалер Александр Ильич Бибииков съехался с государем и, увидя точную его персону, устранился и принял из пуговиц крепкого зелья и умер“.

Вот как объяснил крестьянин смерть Бибиикова, которая пришлась очень кстати. Я должен сказать, что технические средства Пугачева были очень велики, хотя, конечно, не такие, как описывает крестьянин. Позвольте мне привести вам цитату из показания Падурова, депутата комиссии для сочинения Нового Уложения, сотника, казачьего офицера, который дает вот какое представление о военных средствах Пугачева: „думаю я, что если бы самозванец не привязался к Яику, то конечно бы взял он Оренбург, потому что бомбы были чрезвычайной величины, да и пушек единорогов и мортир было в Урде орудий до ста, в том числе и секретных три пушки, привезенные также с каких-то заводов, но кто из оных из канониров стрелял, я не знаю. Пушки и прочие и большою частию орудия наводил сам самозванец, а иногда и канониры“.

Как видите, военные средства Пугачева были большие, при чем он умел эти средства не только собрать в готовом виде, но и воспроизводить, так как имеется указание, что на заводе Твердышева для него лили пушки—таким образом у Пугачева была определенная техническая база.

Как видите, Пугачев вовсе не был бродягой, а крупной личностью, с несомненным агитационным талантом и с еще большим военным талантом. Это был настоящий вождь всего движения. Пользуясь случаем, чтобы исправить и другую мою ошибку—устранить другое обвинение, которое я выдвигал против него и которое т. Томсинский отвергает, а именно, что Пугачев сделал ошибку, по неосознанности застрав под Оренбургом. Вот подлинные слова Пугачева. „Если де мне удастся взять Оренбург и Яик, то я с одною конницею пойду в Казань, а по взятии оной в Москву и Петербург и тамо государыню постригу в монастырь, а боярам всем отплачу их хлеб и соль. Также самозванец говаривал иногда и такие слова, ежели-де бог велит мне царством владеть, то я велю всем старую веру держать, платье носить русское, бород брить не велю и прикажу волосы стричь по казачьи“.

Таким образом мы видим, что у Пугачева был стратегический план, и несомненно, что ему нужно было завладеть и Оренбургом и Яиком, чтобы укрепить свою базу, которая у него была с одной стороны на Яике, а с другой стороны на Уральских заводах, которыми стратегически командовал Оренбург. Это первое, и потом Яик ему нужен был для довольно странной, на первый взгляд, цели. Мы рассматриваем пугачевское восстание, как восстание яицких казаков, но интереснее всего то, что как раз яицкие казаки в большинстве своем не участвовали в этом казацко-крестьянском восстании. Падуров, перечисляя элементы, входящие в армию восставших, говорит, что у Пугачева было человек 800 яицких казаков, в то время, как 500 чел. было в Оренбурге и столько же на Яике (в Уральске) и обе эти группы—Яицкая и Оренбургская ожесточенно дрались против, как он выражается (это стиль допрашивающего) злодейских шаек, а у самого Пугачева было всего 800 чел. яицких казаков. Такое прохладное, если можно так выразиться, отношение казацких масс к пугачевскому восстанию очень любопытно, и не только яицкие казаки так относились к восстанию. Здесь Пугачев только меньшинство, так сказать, революционное крыло увлек за собой, но и донцы не приняли его, когда он к ним пришел после неудачи под Казанью. Встретив такой враждебный прием у донцев и убегая от них, он и должен был перебраться на левый берег Волги,—откуда он сделал попытку убежать в Среднюю Азию, но был схвачен сообщниками, которые видя, что игра его проиграна, выдали его императрице и ее генералам. Столкновение с донцами было последним эпизодом Пугачевского восстания. Таким образом, мы видим, что казачьи массы, как целое, вовсе не были главным элементом этого движения, хотя сам то Пугачев вышел из казаков, всем своим обликом был типичнейший казак, по казачьи одевавшийся и говоривший, во всех его приказах проглядывают типичные казацкие выражения; словом это был настоящий казак, и штаб его был казачий. Но казачья

масса, выдвинув этого человека, в целом оказалась слишком дифференцированной, чтобы выступить сплошным строем, как она выступала во дни Разина. Казацья масса к этому времени слишком разложилась.

На какие же элементы опирался Пугачев? Эти элементы были очень разнообразны. Прежде всего, вслед за казаками, которые, как я указал, далеко не все шли за Пугачевым, шло крепостное крестьянство, и поскольку мы знаем, что крепостное крестьянство было известным образом организовано, нам важно выяснить организующий элемент этой массы: тут есть весьма интересные фигуры и слои населения, на которых необходимо остановиться, так как не многие из них попали в художественную литературу. В числе этих казацких предводителей у Пугачева следует отметить такую характернейшую фигуру, как, напр., Белобородова, который об'единял в себе качества рабочего и солдата, а по профессии был торговец. Он был из приписных уральских крестьян сдан в солдаты, служил в Петербурге, оттуда был послан на пороховые заводы. Симулируя увечье, будто бы хромая правой ногой, он вырвался с царской службы, поехал на родину и занялся там торговлей. Любопытнейшая вещь, которую нужно обосновать, как-то материалистически, это тяготение к торговле всех тогдашних политических агитаторов. Пугачев был торговцем и Белобородов—также. Вот вам одна чрезвычайно типичная фигура. Другие фигуры, которые выявляются перед нами, это дворовые, которые являлись, несомненно, организующим элементом крестьянства. Изучая их показания, вы сразу видите, что все это были люди грамотные, умеющие читать и писать, это была, так сказать, крепостная интеллигенция—конторщики, парикмахеры, кондитеры и пр. Это были, повторяю, люди грамотные, составлявшие организующий слой крепостной деревни, лично близкие к господским кругам—и лично их ненавидевшие. Со столкновений в этом кругу и начиналась иногда их революция. Так, напр., один из таких дворовых начал свою „эмиграцию“, если можно так выразиться, с того, что растряс барский гардероб и, сочинив документ за подписью барина, оперировал с ним некоторое время, а потом влился к Пугачеву. Эта крепостная интеллигенция сыграла очень большую роль, которая еще и до сих пор, как следует, не отмечена. Эта крепостная интеллигенция, составляла чрезвычайно мощный, не по количеству, а по качеству, слой в деревне. Вы видите, как отдельные личности из этого слоя командовали массами, и с какой-нибудь кучкой в 12 человек такой крепостной интеллигент, грамотный дворовый, ворочал всем уездом, чуть ли не целой губернией. Несколько человек из такой группы, приезжая в деревню, моментально поднимали крестьян, арестовывали помещиков и т. д., при чем обычное изображение, что будто бы такие действия выражались в стихийном разгроме усадеб помещиков, нуждается в серьезной поправке. У Пугачева была организована не только техническая база, не только размеры податей, как я уже говорил, но была организована и расправа. То, напр., можно встретить такую фразу: „как в Саранске оная штурма производилась то со всех жительств черной народ, своих господ ловя и возили в Саранск для смертной казни“, то крестьяне, „словав своего

помещика", ждут, что с ним "ведать" делать, и когда появляется вот такой крепостной интеллигент, то на основании его вердикта с баринском поступают так, как он указал. Такая самодисциплинированность—чрезвычайно характерна. И тут нужно еще одно добавить: поголовное истребление дворянства, своеобразный красный террор Пугачева,—это явление его последних дней, явление той эпохи, когда Пугачев агонизировал, когда игра была окончена, и нужно было хоть жестоким ударом поразить дворянство. Вначале Пугачев старался вешать и казнить возможно меньше; в одном уездном городе, например, он казнил только одного „воеводского товарища“, на основании совершенно определенных жалоб на его вымогательства, ввязки и т. д. Только на основании жалоб населения был этот человек казнен, и кроме этого воеводского товарища он никого в том городе не тронул. И в других городах он производил такие же расправы с воеводами, их товарищами и их секретарями. Кто был секретарь екатерининской эпохи—это всем известно из „Убеды“ Капниста¹⁾; это была пьявка и первый грабитель. Этим людям доставалось в нервную очередь. Что касается помещиков, то масса их истребления приходится, главным образом, на конец восстания, когда Пугачеву нужно было распространить вокруг себя атмосферу ужаса для того, чтобы пробиться из железного кольца и вырваться на свободу.

Итак, тут мы наметили два слоя, пошедших за Пугачевым. Во-первых, казачий слой, но это не казацкая масса, а просто люди, вышедшие из казацкой среды, и затем грамотные дворовые. Следующий слой, приставший к Пугачеву, еще более может удивить. История взятия Саратова устанавливает тот факт, что на сторону Пугачева перешло все купечество, и тут приходится вспомнить те охранные грамоты, которые он давал купцам. Характерно, что наибольшую энергию в этом отношении проявили более зажиточные купцы; под Саратовом конное купеческое ополчение сразу перешло к Пугачеву, а пешее только разбежалось. Почему мы видим купцов на стороне Пугачева, это как будто противоречит тому, что вся революция была направлена, в конечном счете, против торгового капитала? Тут не нужно забывать, что провинциальное купечество, полу-ремесленное, было первой жертвой торгово-капиталистической эксплуатации, шедшей из столиц. Еще в 17 веке провинциальные купцы ненавидели гостей, представителей столичного торгового капитала. Поэтому участие купцов в восстании совершенно понятно. Еще более любопытно участие другого элемента—духовенства, попов. По всем селам они встречали Пугачева и его войско с крестами, хоругвями и т. д. Иногда дело шло и дальше встречи. „Поп велел в том намерении согласным быть и госпожу их из села никуда не выпускать и при том подтвердил, а как-де выпустят, то будет хуже и не минуют повешения от Пугачевской шайки, и с тем он староста пошел от него попа и пришел на мирской сход, объявив вышеписанному выборному Сергею Кондратьеву

¹⁾ „А о секретаре—дурак, кто слово тратит:

Хоть гол будь, как ладонь,—он что-нибудь да схватит“.

и всем крестьянам, то и они к тому склонны были и госпожу свою содержали и из барского дома никуда не выпускали и чинили ей всякое непослушание". Об этом не стоит много говорить, потому что тогда сельский поп очень мало отличался от мужика, но вот какого рода показания мы имеем:

„Удивительно мне, что не только крестьяне, но и священнические, монашеские и архимандритские чины делают всему государству возмущения, возмущая чувственной и нечувственной народ тем, поминая в небытность уже его, изменника, злодейское и варварское имя, в службе божьей при литургиях и молебнах, которое уже светлейшим синодом на анафеме проклято, učinено в городе Саранске архимандритом Александром, в прибытие же злодея в Саранск архимандритом, монахами и священником, купечеством и инфантильной командой, при которой был прапорщик Михайла Шехмаметов, встречен“ (Рапорт сек-майора Меллина). Здесь характерная черта. Уже Пугачев уходит из этого города, а они все продолжают упоминать в ектениях его имя. „О поминовении на литии о здравии самозванца Пугачева высочайшим титулом и спрося меня об ней, кто оную писал, на что я соответствовал и теперь утверждаю, что она записка с подлинника писана моею рукою, потому что минувшего августа 8 числа, то-есть в пятницу после полден присутствующие духовного правления протопопы Алексей Иродионов и Анисим Герасимов, призвав меня к себе в дом к реченному протопопу Иродионову и дав мне тое подлинную записку, а чьею рукою писана и где она ими тогда взята не знаю, содержащую об'явленную матерію, приказали они протопопы, в самой скорости списав копии, и ко исполнению по ним раздать в церкви священникам“ (Показание канцеляриста Саратовского духовного правления).

Есть такого рода показание, будто бы к Пугачеву приходил какой-то старик и говорил ему, что Казанский архиепископ очень охотно встретил бы его с крестами, но генералы царские заявили ему, что они тогда все хоругви и иконы его пушками разобьют. После этого казанский архиерей не решился встречать Пугачева с иконами¹⁾. Факт это или нет—трудно сказать, может быть, этот старик врал, а может быть, его и совсем не было. Но факт заключается в том, что духовенство, включая до архимандритов, протопопы и т. д., все они на Пугачева сторону, склонялись. Мы тут видим картину не только крестьянского восстания—совершенно то же, как изобразил крестьянскую войну тов. Фридлянд. Мы видим перед собой зачаток чего-то, что можно назвать буржуазной революцией, потому что все решительно угнетенные элементы становятся под знамя самозванца, правда, выжилая, когда он станет физически сильнее. Но мы прекрасно знаем политическую физиономию буржуазии во всяких революциях. Она никогда первая в бой не ринется, а выжидает, когда восстание окрепнет.

¹⁾ „На Арском поле из садов вышел какой-то старик и сказывал Пугачеву, что в Казане архиерей и все господа влата злодею и его встретить согласны—но запрещают-де им недавно приехавшей из Москвы генерал да губернатор и говорят: если-де пойдут злодея встречать со крестами, то мы и кресты из пушек разобьем“.

Теперь я перехожу к последнему элементу пугачевского движения, на который я обратил внимание в своей первой статье и на который вообще мало обращали внимания,—это к нерусскому населению окраин восточной России и к его участию в движении. Участие таких самостоятельных групп, как калмыки, киргизы-кайсаки, в сущности, сводилось к игре, так как они присоединялись к Пугачеву, когда он был в силе, и уходили от него тотчас же, когда он ослабевал. Они действовали не социально, а, если можно так выразиться, „государственно“—организованно, со своей феодальной аристократией во главе. Но вот башкиры всей массой хлынули в восстание, о чем мы знаем еще из Пушкина. Рядом с ними такую же роль играли и татары и рядяного рода другие „инородцы“. И на это были свои причины,—хорошо известные в свое время, но и хорошо замолчанные потом. У нас до совсем недавнего времени можно было встретить весьма сентиментальное отношение к нашему православному миссионерству. Полезно вспомнить, что это было такое на самом деле в XVIII веке ¹⁾.

„Они ж проповедники, разведав достаточных из оных же новокрещен жителей, будучи в тех проездах, делая прицепки, якобы необходимо знать надлежит молитвы кои они и обучаться принуждали: верую во единого бога отца, отца наш, помилуй мя боже и прочие, а как оные новокрещены так и жены по-русски говорят весьма худо, а иные и вовсе не знают, то и сии молитвы, по старости их и по непонятию на память переять не могут (чтобы не только от них, но и от самих российских христиан, не знающих грамоте, сие было выискуемо—того не слышно), за что они устраивая их новокрещен якобы за непонятие и особенное упрямство взятем и содержанием в городе для оного обучения под караулом, почему те новокрещены по совершенному чистосердечию и по уторопленности их давали им денег по немалому числу и прочим что они проповедники потребуют“...

«... Они ж проповедники, и помощники езда по новокрещенным жителям тех, кои еще и поныне не крестились, не через проповеди слова божия оных приводили в закон, но совершенным разорением, а именно иконы и двери рубили, печи, и трубы ломали, били плетью без всякого милосердия, и сему подобные дела делали, что с монашеским и священным чином нимало несогласно».

«... Буде же кто креститься не желает, а по требованиям проповедников дать не в состоянии, то во время их разездов лишались своих домов, разбегиваются в леса, если же требуемое число смотря, по пожиткам кто даст по рублю, по два и более тогда и принуждение сие оставляют, но не более как на полгода, а иногда и меньше».

Вот вам картина обращения в христианство «инородцев» восточной России. Если же все увещевания со стороны этих проповедников не помогали, тогда начиналась другая музыка.

«... Когда они ж проповедники вторично по тем же жителям поедут, уже креститься не принуждают, а настраивают повелевают дабы

¹⁾ Берем из „Экстракта“ о причинах пугачевского бунта, представленного Екатерине II.

оние некрещенные строение свое перевозили в другие места, и с новокрещеными в одном жительство не жили, но также по рублю с двора и более, смотря по пожитку оберут, тот год принужденные свое и в том оставляют, почему ежегодный побор от них проповедников происходит».

«... А если оные проповедники случались не из монахов, а из протопопов и священников, то, ездя по оным новокрещенским жителям с женами, и с детьми сами обирали деньгами, скотом, овчинами, а жены их холстами, пряжею, шерстью и льном также и всякою живностью, бывши во время тех своих проездов на их новокрещен содержание».

С крещением мучения обращенных не кончались: «новокрещенному» иногда приходило хуже язычника. Сначала доставалось за то, что не христианин, теперь за то, что плохой христианин.

«... Оные ж проповедники, бывая у тех новокрещен в среду и в пяток также и в посты, домогаясь выпрашивают не едят ли мяса, и хотя оные новокрещены знают, что и за сие от них между прочим чинятся привязки, и в неведении того с клятвою объявляют, однако не уверяясь сему, ходя по клетям, осматривают, и если у кого найдут оставшие от мясоеды початые кринки с маслом, ветчину, а от прошедшего дня вареное мясо и прочее, делая посягательство, все оное и что им еще сверх того потребно обирали».

«... Если же оные проповедники по сему их намерению, ничего во изобличение найти не могут, тогда, имея при себе нарочно для сего опыту изготовленный табак, размешивая в воде, принуждают пить. Но как оного натура человеческая снести не может, а иногда и от прошедшего дня по несварению желудка через сие рвотное хотя мало что приметить могут, уже не принимая никакого оправдания яко от изобличенного устраивают бив, без всякого милосердия, брали деньгами, скотом и прочим».

«... Теж проповедники, будучи в проездах своих в тех же новокрещенских жителях, выбирали потому же достаточных жителей, и приметя у них хороших лошадей, пчел, скота и прочая, если те новокрещены не остерегутся, то стоящие в передних углах на полках образа оборачивали в них ликом, также и в постные дни в пищу им кладывали мясо, а после делая привязку, якобы они новокрещены законопреступники и угроживали их взятъем в город для жесточайших распросов, за что брали также деньгами и по выбору лошадьми и прочим, что они хотели, кои, не имея никакого защищения и помощи, отдавали им все, а через то приходили до совершенного разорения».

Изумительная картина вымогательства и обирательства. Совершенно ясно, что духовенство шло во главе всей этой операции, поскольку она называлась — обращением в христианство. Но от духовенства не отставали и другие «сословия». Так, например, крещенные татары по старому закону могли продавать землю русским, а некрещенные — не могли. Поэтому помещик, желавший приобрести землю, принадлежащую татарину некрещеному, всеми правдами и неправдами старался «обра-

тить» его в христианство,—а потом его обезземелить¹⁾. Но «инородцев» вообще всячески эксплуатировали не одни помещики. Так, например, купцы забирали обыкновенно у инородцев сало, мед и прочие продукты и под обещанное количество давали известную сумму денег, но не больше половины действительной стоимости, так что «инородец» становился должником купца, и, не имея возможности выплатить ему деньги, становился в результате работником купца. Если же «инородец» мог расплатиться с купцом и предлагал ему деньги в счет своего долга, то купец не брал их, так как ему гораздо выгоднее было таким путем приобретать работников, чем принять от него долг и тем самым освободить «инородца» от всякой зависимости по отношению к себе²⁾. Несчастного инородца, таким образом, эксплуатировали все, кому не лень, вплоть даже до палача. Когда палачу приходилось наказывать торговой казнью, драть кнутом и плетью, то для того, чтоб держать преступника, он обыкновенно искал богатого чуваша или татарина, которого тащили, заставляли держать преступника, что, повидимому, считалось большим позором—полупалаческой должностью. Богатый чуваш или татарин, не желая подвергаться такому позору, откупался и, таким образом, за одну казнь палач набирал до 5 рублей.

Все это вместе взятое достаточно объясняет, почему нерусское население Поволжья и Приуралья приняло энергичное участие в пугачевском восстании. Но тут следует отметить, что это обсто-

1) В силу уложения у некрещеных татар русским земель покупать запрещено, но помещики делали разные тем татарам обиды и разорения, а с другими, по согласию ссылав такого татарина, который крестится и назакрестится, а иные за порохом и за прочие их преступления надлежали пыткам и наказаниям, почему оные татары, каждого от себя делавшего креститься, давали купчие, а по крещении от него брали уже купчие, — свои имела, а чрез то многих до того довели, что уже и жить по немнению земли не могли».

2) «... А по состоявшимся указам позволено неокрещеным продавать свои земли, из коих многие от разорения, а от того и совершенной бедности, переходя в другие места, прочие же и по желаниям своим переселялись, оставшие же свои земли продают разным владельцам, кои, покупая оные и населяя крестьянами оставшим некрещеными делали, великие притеснения и с настоящим своих земель сбивали, скот бьют и загоняют к себе, сено косят, посевной хлеб жнут и потравляют, просят же и присутственных местах по бедности своей не состоявши, подая, что без денег никакого удовлетворения сыскать не могут, посыл, по изнеможению, от своих земель отставать принуждены а оные, тем пользуются, наиболее усиливались».

3) «... Вышесказанное же чуваша и черемисы становили купцам сало и мед на срочное время за что, из договорной суммы по бедности своей забирали прежде положенное число денег, а если хотя мало к сроку не исправится, то безо всякой поспешности брали с них явное и второе или за сие оставшее что есть сало, то лошадыми, шорнами, хлебом и прочим за самую малую цену обирали, буде же ничего нет, то просят из них зашитителей, кои из пристрастия тем подрядчиком отдавали в работу за самую малую сумму, почти ничто не имея на то указанных никаких пополнений а иные и сами собой таких бедных забирали и, подучая их к себе, работу за рубль и за два, держали с вычетом воскресных и праздничных дней по году и более, а даваемые деньги и по продолжении столь немалого времени после с них выскидывали же, но оные по простоте своей и по чистосердечию лишившись своего имущества, не имея дневной пищи, жили у них, прочие же, хотя и исправившись тоном или деньгами заплатить в состоянии, но уже оные купцы, пользовавшиеся такими дешевыми работниками, не брали, а особливо для сих бедных людей оным разорительным торгом промышляя цыганское, кумыдомельское отчасти же и чебоксарское купечество».

ительство било лишней клин в ту революцию, которую поднял Пугачев. В пугачевском восстании участвовали другие элементы—купцы, духовенство и пр., но больше всего это восстание привлекло нерусское население, питавшее сильную ненависть ко всему русскому. Все эти грабежи хозяйственных предприятий, разгромы помещичьих усадеб, все это имело место потому, что нерусская часть населения видела во всем этом русское, т.-е. то, что она ненавидела, и она уничтожала и опустошала все то, что принадлежало русским. В своей ненависти и стремлении к уничтожению и истреблению башкиры бросились на уральские заводы, которые, как я говорил, представляли самое ценное для Пугачева в смысле его технической базы. Башкиры бросились на уральские заводы и начали их выжигать, правда, как я уже указывал в первой статье, они руководствовались соображениями политического характера, но так или иначе происходило такое повальное истребление, которое грозило подорвать силы Пугачева.

«А они злодеи, башкирцы у нас всегда и везде русаков губят, а 28 июня Каслинской и Кыштымской господина Никиты Никитича Демидова завод оные ж башкирцы все выжгли как завод, так и селение» (Из частного письма).

«А в происходившей ныне в той Оренбургской губернии от злодея Пугачева и его сообщников башкирцев бунт в самом почти начала реченной, злодей Пугачев и башкирцы прошлого 1773 года в октябре и ноябре месяцев, напад на наши, во-первых, Каргалинские медные рудники, потом на заводы медные и железные, имеющиеся на них деньги и приготовленный материал для мастеровых и работных людей провнант, всякую одежду и обувь и прочие разные припасы, какие на тех заводах и рудниках ни были, тако ж пушки, ружья и порох пограбили без остатку, лошадей и скот отогнали, железа и меди многое число разграбили ж, мастеровых и работных людей многих забрали к тому злодею в толпу, завод Покровской медной в том же октябре месяце прошлого 1773 года сожгли со всем строением и плотниною, и со времени того нападения на оных наших заводах плавка меди и чугуна и выковка железа остановилась и ныне не производится ни на одном заводе, и выплавленные в том 1773 году на всех тех заводах медь, чугун и выкованное железо имелось при оных заводах» (Из жалобы одного заводчика). Я здесь привел вам один пример, но их огромное количество, этих социальных и национальных противоречий внутри пугачевского движения, и они-то и были главной причиной его падения. Любопытно вместе с тем отметить, что в то время, как за Пугачевым шли не все казаки и даже не все крепостные крестьяне, за ним шла группа «однодворцев», очень мелкопоместных дворян¹⁾: за Пугачевым шли все, кто

¹⁾ «И куда оные не придут все как помещичьи крестьяне, так и однодворцы идут к нему в повиновение и присягают, почему и он Шубин, пристав к ним, и записан в казаки, где со оною командою, раз'езжая по разным жителям, чинили разбои и грабительства и смертные убийства только по разведыванию его Шубина об оном называющемся государем, что он заподозненно беглый помещичий дворовой человек именем Яков Иванов».

страдал от всевозможных налогов, существовавших в то время, — подушной подати, соляной пошлины, откупа и т. п. И с этим опять связана была определенная политика Пугачева. Его постоянным приемом, как только он входил в какую-нибудь деревню, село или город, была отмена соляной монополии и распродажа соли по дешевым ценам или же просто раздача даром. Все это конечно чрезвычайно сильно действовало на население, и это один из ярких примеров столкновения Пугачевской революции с торговым капиталом, выражаясь по современному, который существовал тогда в лице соляной монополии и винных откупщиков, которые эксплуатировали массы.

Внутренние социальные и национальные противоречия должны были взорвать движение, они помешали организовать национальное восстание. Восстание башкирцев чрезвычайно, ценное само по себе, лишило Пугачева технической базы на Урале раньше, чем он ее завоевал. Все его усилия спасти эти заводы, для чего им был командирован Хлопуша — тип чрезвычайно интересный¹⁾, и утишить эту национальную ненависть между эксплуатируемой и истребляемой нерусской частью населения на окраинах и русскими, не привели ни к чему.

Резюмируя все вышесказанное, мы имеем перед собой очень сложное движение, в котором участвовали решительно все элементы, находившиеся под игом торгового капитала и созданного этим капиталом торгово-капиталистического государства самодержавия. Все эти элементы поднялись одновременно. Они не оставили нам таких четких документов, как германские крестьянские программы эпохи крестьянской войны: мы их не знаем. Движению, в значительной степени, было стихийным. Но объективно это была совершенно такая же революция, и, несомненно, заключающая в себе известные моменты прогрессивные, предвещавшая будущее. Поскольку эта масса организовалась, постольку она создавала свой собственный тип государства, которое она наименовала казачьим, это постоянно подчеркивается во всех показаниях, что все пугачевцы именовали себя казаками, и это было официальным титулом, присвоенным себе ими. Все гвардейские офицеры, которые переходили к Пугачеву, все они обстригались и становились казаками. Все они были равны. Вообще никакого особого преклонения перед особой царя — Пугачева не замечается. Характерно констатировать, что когда Пугачев в разбитом состоянии бежал по Волге, то тут появился в разных концах целый ряд Пугачевых, которые ничего общего с настоящими Пугачевыми не имели.

Успеха это движение иметь не могло потому что, — и тут мы имеем стратегический урок Пугачевщины, — это восстание началось не там, где

¹⁾ "... однодворцы будут все вольны без всякого уже платежа, да и соль будет пуд по двадцати копеек".

"понеже" все керенские однодворцы, сообщась с теми воровскими толпами и зазвав их сами, к обще с ними к разграблению государственного интереса к городу нападения имели, да и ныне как неизвестно, что находится толпами ж не для чего иного, как единственно намерения имеют к нападению ж с теми ворами на Керенск".

¹⁾ "На равные заводы послан был из Оренбурга предавшийся злодей смылочный по прованию Хлопуша, который с тем от губернатора подослан был чтоб злодей убить. Но Хлопуша же пришед во всем оном признался: злодей дал ему кафтан красивый".

следует. Только захватив центр — восстание может иметь успех. Пока Москва и Петербург были в безопасности, пока императорская власть в них держалась крепко, — до тех пор Пугачев ничего не мог сделать и должен был потерпеть поражение. Это основная черта всех революций, благодаря чему громадная масса революций не удалась. Почему мы, несмотря на наше тяжелое положение удержали за собою власть, — потому что Москва и Ленинград были застрахованы от нападения белых. Поскольку пугачевская революция началась на периферии, она этим самым находилась в чрезвычайно слабой позиции. А если прибавить к этому чрезвычайное расслоение этого восстания, — то совершенно станет понятным, почему это восстание должно было рухнуть. Но, тем не менее, несмотря на то, что эта была безнадежная по объективным условиям попытка, — это была попытка, — я бы не побоялся сказать, — настоящей буржуазной революции эпохи торгового капитала.

Разрешите на этом закончить.

ФРЕЙДИЗМ И ИСКУССТВО.

(Доклад тов. В. М. Фриче)¹⁾.

Фриче, В. М. Позвольте открыть заседание Секции Литературы и Искусства при Коммунистической Академии. Секция поставила своей задачей воссоздать историю методологии в области искусствознания и литературоведения, т.-е. мы в нашей области делаем то же самое дело, какое наша секция научной методологии делает в своей области. Мы приступаем к нашей теме не с самого начала, а с конца и выдвигаем на первый план всестороннее обследование двух школ—школы формалистов и школы фрейдистов или психо-аналитиков. Это понятно, потому что если формалисты присвоили себе монополию по части истолкования формы, то школа фрейдистов присваивает себе монополию по отношению к содержанию, и так как форма и содержание, вместе взятые, исчерпывают художественное произведение, то естественно марксизму приходится внимательно присмотреться к тому и другому учению. Мы начнем с фрейдизма. Секция поручила мне сделать вводный доклад, подчеркиваю „вводный“ потому, что далеко не все стороны этого вопроса или учения об искусстве в одном докладе я смогу осветить. В конце доклада я укажу на те неосвещенные вопросы, которые должны стать темами для специальных докладов. Я не буду излагать учение Фрейда, предполагая его известным, так как нас, главным образом, интересует этот метод в применении к литературным и художественным явлениям.

Я не буду говорить о русских фрейдистах, которых много этой области, об этом должен быть специальный доклад, ибо секция поручила мне сделать отчасти информационный доклад, т.-е. показать, что западные фрейдисты сделали в области истолкования литературно-художественных явлений. После этих указаний позвольте приступить к докладу.

В своей статье „Фрейдизм и марксизм“, напечатанной в журнале „Под знаменем марксизма“, т. Юрениц указал справедливо, что фрейдизм не случайно зародился в Австро-Венгрии.

„Фрейдизм, родившийся в Вене и Будапеште, в стране, находящейся на окраине истории капитализма, не пропитанной традициями

¹⁾ Заслушан 9/IV 1925 г.

героической эпохи буржуазии, процветающей без больших усилий на спинах, высасываемых до мозга костей, кроатских, словенских, далматинских и сербских мужиков — много воспринял от духа этого капитализма“.

В дальнейшем т. Юронец дает характеристику австрийской, преимущественно венской, духовной культуры, отражающей в некоторых своих своеобразных чертах особое положение, особый характер австрийского капитализма.

Если несколько перестроить эту данную автором статьи характеристику, если опустить одни черты, для нас сейчас несущественные, и резко выделить другие, там уже намеченные, то можно сказать, что весьма выпуклыми чертами в мироощущении и мировоззрении венской буржуазной интеллигенции, являются: 1) эротизм, 2) эстетизм, 3) индивидуализм — черты, свойственные всякой буржуазии и всякой буржуазной интеллигенции, „процветающей“ в обществе „без особых усилий“.

Несколькими беглыми примерами да будет позволено иллюстрировать указанное мировоззрение.

Прежде всего эротизм.

Здесь в Вене жил и писал О. Вейнинггер, автор столь сенсационной одно время книги „Пол и характер“. Здесь обилие подобных ему писателей, писавших на аналогичные темы — издававших об’емистые „исследования“, напр., о „Трех ступенях эротика“ (Луска). Здесь в Вене воскрес, казалось навсегда умерший, образ феодальной эпохи — Дон Жуан в романе Вассермана: „Маска Эрвина Райнера“. Здесь в Вене вторая родина другого эротического типа — авантюриста XVIII в. Казановы — его мемуары издавались здесь в роскошных и популярных изданиях, и образ его был возрожден в поэзии Шницлером и Гофманшталем.

На ряду с эротизмом — эстетизм.

Венский буржуазный интеллигент вечно в жадных поисках неизведанных эстетических ощущений. В лице Г. Бара он рыщет по свету и популяризует то декадентов, то импрессионизм, то экспрессионизм. Он подходит к жизни с сугубо-эстетической меркой — жизнь для него или игра, — „вся жизнь — игра, тот мудр, кто понял это“, говорит, волшебник Парацельс у Шницлера, или сон — видение — от пьесы старика Грильпарцера: „Жизнь — сон“ — до пьесы модерниста Гофманшталя: „Свадьба Собенды“. Искусство для него — самодовлеющее над жизнью вознесенное царство — *l'art pour l'art* — как в пьесе Гофманшталя: „Смерть Тициана“, художник стоит, как чародей, высоко над миром, вне жизни.

И, наконец, индивидуализм.

Достаточно указать, что в австрийской — венской — литературе социальные проблемы чрезвычайно редки и случайны и всецело заслоняются мотивом * суверенной личности — часто одинокой, порою асоциальной.

Все эти черты, характерные для венской буржуазной интеллигенции, отчетливо проступают и в учении венской школы об искусстве.

Поставив своей задачей применить психоаналитический метод к истолкованию явлений художественного творчества, школа Фрейда, однако, далеко не все виды искусства подвергла обследованию.

Ни музыка, ни архитектура — искусства преимущественно формальные, „бессодержательные“, — естественно, не вошли в поле их зрения. Что касается живописи, то имеется, главн. образом, работа Фрейда о Леонардо-да-Винчи. Больше внимания уделили они поэтическому творчеству.

„Более чем какие-либо другие художественные произведения подлежат психологическому анализу произведения поэтические“ (Ранк и Сакс: „Значение психоанализа в науке о духе“.)

Здесь, в этой области бросаются в глаза большие работы О. Ранка, обследовавшего с своей точки зрения значительные пласты мировой литературы от седой древности и до современности, в особенности его капитальный труд: „Мотив кровосмешения в поэзии и саге“ („Das Incest-Motiv in Sage und Dichtung“), а также его статьи о „Мифе и сказке“ и о „Двойнике“ (в сб. „Psychoanalytische Beiträge zur Mythenforschung“.) Сюда относится также работа Нейфельда о Достоевском. Здесь указаны те труды венской школы, где с точки зрения психоанализа освещен и объяснен известный конкретный поэтический материал.

Эротическая установка мировоззрения венской школы достаточно отчетливо сказалась в ее объяснении происхождения и сущности художественного акта и художественного творчества.

Искусство возникает, по их мнению, вместе с культурой, а культура начинается с того момента, когда брак между ближайшими родственниками, сына с матерью, брата с сестрой, и как дополнение к этому — вражда сына к отцу и брата к братьям, был признан кровосмесительным, инцестуозным, преступным, когда и эта форма брака и связанный с ней комплекс чувств были устранены из жизни принудительными мерами и затем вытеснены в подсознательное, найдя себе выход сначала в религиозном, потом в поэтическом творчестве.

Предоставим слово Ранку:

„Начало подлинной культуры должно быть социологически отнесено к моменту воздвижения известных преград для инцеста. С этого момента эти примитивные инстинкты со всеми с ними связанными комплексами чувств подвергаются вытеснению и вместе с тем начинается отражающееся все вновь и вновь в мифе, религии и поэзии стремление фантазии к осуществлению этих детских желаний, которые и ныне так сильно противятся вытеснению, что приводят к неврозу, преступлениям или извращенности, если только нет налицо особо благоприятного предрасположения к сублимации этих переживаний в виде художественного творчества“.

Таким образом, в давнем прошлом художественное творчество и искусство стали возможностью только при наличии следующих двух условий, с одной стороны, известных сексуальных влечений, признанных кровосмесительными и вытесненных как из жизни, так и из сознания, с другой стороны, особого дара эти вытесненные в подсознательное влечения известным образом в фантазии переработать — сублимировать. Искусство вырастает, таким образом, на заре своей

жизни из сексуального момента, вне которого оно, очевидно, было невозможно.

Такое утверждение противоречит тому, что нам известно об искусстве на низших ступенях человеческой культуры. Этнологи и исследователи доисторической археологии с замечательным единодушием указывают, что у охотничьих племен—все равно—палеолита или современности—ни музыка, ни пластика, ни поэзия в своем первоначале никакого отношения к сексуальному моменту не имеют. Гроссе утверждает это категорически относительно музыки („Происхождение искусства“), Гири относительно поэзии („Происхождение искусства“), Гернес относительно пластики („Urgeschichte der bildenden Kunst in Europa“).

Искусство—это художественно-оформленное содержание. Совершенно ясно, что прежде чем можно было художественными средствами оформлять какие бы то ни было переживания — хотя бы сексуальные — необходимо было, чтобы в психике первобытного человека отложилось чувство формы, а это чувство формы—квинтэссенция искусства—зародилось, это бесспорно, в процессе работы, как производное от рабочего ритма.

Как первобытный охотник палеолита стал художником-пластиком прекрасно показал Фервори в одной из своих статей.

„Обработка длинного края кремневого скребня путем направленных на него косых ударов необходимо должна была после пробуждения чувства формы вызвать желание придать большую равномерность отдельным дощкам. Отсюда само собой создание ритмического расположения. Как зыкая правильность, так и этот ритм должен был легко запечатлеться в памяти. Развивавшееся чувство формы очень скоро возвысило это ритмическое расположение линий в идеал, вставший перед охотником при обработке камня, и очень скоро был перенесен на обработку кости“.

Так в процессе труда зародилась пластическая форма (сначала в виде геометрически-линейного орнамента) подобно тому, как из рабочих же ритмов, как показал Бюхер, возникла форма музыкально-поэтическая. И подобно тому, как на заре своей жизни художественная форма своим происхождением ни в коей мере не обязана сексуальному чувству, так и то, что на этой стадии развития оформлялось, т. е. содержание, точно так же не имело отношения к половому моменту, ибо содержанием искусства охотничьих народов как в палеолите, так и теперь—будь то охотник мадленской эпохи или современный буман—является прежде всего не сексуальное чувство, а охота и связанные с ней переживания.

Если художественный акт предполагает—как учит венская школа—вытеснение известных сексуальных чувств, признанных ницестуозными, то как с этой точки зрения об'яснить искусство охотничьего палеолита — эти превосходные изображения оленей, мамонтов, бизонов и т. д? *

Когда охотник мадленской эпохи чертил эти образы на стенах пещер или на кости, то разве ему приходилось при этом переработать известные „ницестуозные“ сексуальные влечения? Можно разве усмо-

треть в этих животных изображения тотемов? Тотемистическая группа избирала себе, как известно, того или иного зверя—покровителя, а по учению венской школы тотем есть не что иное, как сублимированный отец, тот отец, которого сыновья когда-то убивали и которого затем—на более высокой стадии культуры—в знак позднего раскаяния убивать было воспрещено (Фрейд: „Тотем и табу“). Однако такому толкованию противоречит хотя бы тот факт, что некоторые из этих животных изображены ранеными стрелой в бок, или от раны умирающими—тотема же убивать считалось грехом.

Так точно, с точки зрения венской школы, нельзя ни понять, ни объяснить орнаментального искусства следующего периода развития человечества: орнаментальный стиль—это стиль первобытного аграрного коммунизма, когда, повидимому, господствовал матриархат, когда, следовательно, тот комплекс чувств, который венская школа считает основным и главным материалом художественного творчества, еще не был вытеснен из жизни и из сознания в подсознательное, когда, следовательно, если правильна ее позиция, никакого искусства вообще быть не могло,—однако художественное творчество и на этой стадии налично.

На высоких ступенях культуры художник, по учению венской школы, ничем не разнится от художника седой древности.

Есть три типа психических организаций.

Нормальный человек в период половой зрелости вытесняет свойственную каждому ребенку сексуальную привязанность к матери при вражде к отцу и к братьям (или привязанность к отцу при вражде к матери и к сестрам) в подсознательное, где эти влечения—ныне неестественные и вредные—мирно дремлют, не нарушая равновесия организма, ибо некий добрый страж—цензура—стоит у порога к сознанию, не пропуская их туда, и только разве во сне, когда цензура сознания ослабевает, эти влечения оживают в спутанных или ярких фантазиях сновидения, которые, однако, сейчас же забываются, как только человек просыпается.

Второй тип—невротик.

У него эти вытесненные влечения детского (инфантильного) периода врываются в сознание, становятся реальными, приходят в конфликт с действительностью, вызывают необходимость в разного вида способах самозащиты от них, приводят к психической травме, к неврозу.

Третий тип—художник.

Действующие в его подсознании сексуальные влечения детского периода вызывают с его стороны усилие к их вытеснению, и это усилие перекидывает их чудесным образом в область фантазии в виде символов, так что художник безболезненно ликвидировал эти влечения, изживая их в фантазии, а не в реальности.

Предоставим слово Ранку:

„Художественное творчество есть решение конфликта, позволяющее индивидууму, избегая реального incesta, спастись от невроза и извращенности“.

Или в другом месте:

„Художник, вынуждаемый к интенсивному вытеснению, изживает свои сильные инстинкты в фантазии, подобно тому, как первобытное человечество при первоначальном вытеснении тех же самых влечений освобождалось от них, перенося их из реальности в миф и религию“.

Таким образом, художник, находясь во власти инфантильных (и вместе донисторических) влечений, представляет собою, по словам Ранка:

„Несмотря на свою высокую интеллектуальную способность сублимации в отношении аффектов как по существу (онтогенетически), так и с точки зрения прогресса человеческого рода (филогенетически) возврат назад, остановку на инфантильной стадии“.

Так именно изображает венская школа всякого художника и всякого писателя.

Леонардо да-Винчи—доказывает Фрейд—не только сделался художником именно тогда, когда, сильно вытеснив свою сексуальную привязанность к матери, изжил ее в фантазии, создав свои первые художественные опыты—„смеющиеся женские головки“ (т.-е. мать), и не только снова после продолжительного упадка своего художественного дарования (что, впрочем, противоречит известным нам фактам) ожил как художник, когда ему было пятьдесят с лишним лет, именно потому, что когда его пригласили писать портрет Монны-Лизы при виде ее снова подчинился подсознательному влечению к матери (Монна-Лиза—это мать художника), но и самый художественный акт—как доказывает Фрейд—был у Леонардо—человека асексуального, совершенно вытеснившего в подсознательное всякую сексуальность, не чем иным, как собственно тем же половым актом. В его творчестве, переходившем от порывистости к охлаждению и остановкам, отражалась—говорит Фрейд—„реальная половая жизнь“. Таким же „вечным ребенком“, сублимировавшим в своих художественных произведениях инцестуозный комплекс или комплекс Эдипа, изображает Нейфельд Достоевского, который свои отцеубийственные влечения воплотил не только в братьях Карамазовых, но и в Раскольникове, где отец заменен старухой-процентщицей.

В своем упомянутом капитальном труде „Мотив кровосмешения в поэзии“ Ранк собрал огромный материал из всей мировой литературы от древней Греции и до современности в подтверждение того положения, что европейские поэты всех времен и народов в своих произведениях не сделали по существу ничего иного, как освобождались при помощи фантазии от инцестуозного или эдипова комплекса.

Нет спора, мотив о любви сына к матери, о вражде сына к отцу, о вражде братьев друг к другу составляет в самом деле чрезвычайно часто содержание этих произведений. Но, во-первых, этот инцестуозный комплекс далеко не исчерпывает в смысле сюжета всего богатства поэзии и, тем менее, всего богатства пластического искусства европейского человечества. И, во-вторых, бесспорно и то, что венская школа часто тенденциозно сексуализирует те или иные литературные образы и вместе с тем и самого творца этих образов, ибо по ее учению поэт

может выразить в своих произведениях только самого себя, только свои желания.

Достаточно одного примера.

Шекспировский Гамлет, конечно, фигура не очень ясная, однако некоторая договоренность относительно него все же существует. Гамлет представлялся нам всегда прежде всего натурой интеллигентно-стихической, сравнительно мало эротической, к тому же легшая на него задача заслонила в его психике все остальное, и, наконец, отца он любит любовью нежной и восторженной.

Ранк дает много Гамлета.

Гамлет—тип сексуальный, он сексуально привязан к матери, если он любит отца, то только, поскольку действует сознание, в подсознательном же у него вражда к нему и желание его устранить. Он узнает, что отец убит—желание его исполнилось. По обычаю кровной мести он должен отомстить убийце, он должен убить дядю и не в состоянии—он может заколоть Полония (по пьесе он думал, что это дядя), может отправить на тот свет Розенкранца и Гильденштерна, но не дядю. Почему?—Потому что он не считает себя в праве убить человека за то, что сам хотел сделать (в подсознательном). Его меланхолия от его сексуальности, от его привязанности к матери, от его подсознательной вражды к отцу, от невозможности казнить дядю за то, что сам хотел совершить. Исчез Гамлет с его сомнениями, с его колебаниями между религией и пантеизмом, его ненавистью к подлому придворному миру—остался эротик—жертва Эдипова комплекса—венский Гамлет XX века.

И вот для параллели аналогия из творческой мастерской венского поэта.

Миф об Эдипе содержит в себе, несомненно, отголосок той седой старины (эпохи матриархата), когда сын мог жениться на матери и устранить отца, но самый миф сложился в эпоху (патриархата), когда подобные явления и чувства были признаны вредными, и потому в мифе героя постигает кара Рока. Софокл воспользовался этим старым мифом лишь для того, чтобы продемонстрировать афинской демократии урок на тему о необходимости подчинения установленным гражданским и моральным законам города-государства. Как бы там ни было, в его истолковании Эдип менее всего эротический тип. Женитьба на матери оставлена в тени. Венский поэт Гофмансталь чертит другого Эдипа—сексуально-окрашенного, и его пьеса (Эдип и Сфинкс) кульминирует в сцене страстного любовного объяснения сына и матери, которые, правда, не знают, кто они, но это прекрасно, разумеется, известно зрителю.

Оба эти образа—Гамлет Ранка и Эдип Гофмансталя—вышли из одной и той же—венской мастерской.

Ни в чем, однако, не сказалось так наглядно чрезмерное увлечение венской школы сексуальным моментом, как в ее интерпретации психологии монархоборца, образа тираноубийцы.

Известно, что венская школа усматривает вообще в массовых политических движениях не что иное, как проявления либидинозных влечений детского и доисторического периода. Здесь не место оста-

навливаться на этом вопросе, освещенном Фрейдом в его „Психологии массы“ и Ранком в том же духе в его статье „Миф и сказка“.

Нас интересуют здесь индивидуальные политические выступления писателей и литературные произведения, трактующие тему о царевубийстве.

Всякое восстание против монарха есть не что иное, как известное трансформированное проявление вражды сына к отцу, коренящееся в конечном счете в сексуальном моменте фиксации к матери.

Если Достоевский вступил в кружок петрашевцев, то потому, что в подсознательном был обуреваем жадой отцеубийства, являющейся в лейтмотивом всех его художественных произведений. В своем этюде о Достоевском Нейфельд говорит:

„Покушение на жизнь царя—это отцеубийство, на которое бессознательно толкала писателя incestуозная связанность¹⁾“.

Если Шекспир создает пьесу „Юлий Цезарь“, то она, как и Гамлет, есть не что иное, как художественная проекция его собственных отцеубийственных влечений, однако, при наличии довольно острой цензуры сознания, заставлявшей на известной стадии культуры считать эти влечения incestуозно-преступными, а художника их известным образом искажать и вуалировать—вот почему Гамлет сознательно любит отца и убивает не отца, а дядю—отчима, т.-е. подставного отца.

Юлий Цезарь только другая вариация Гамлета.

Ранк не может не признаться, что римская драма Шекспира, собственно политическая трагедия, „мужская драма“, где о любви ни слова, где нет ни отца, ни матери. Тем не менее он утверждает:

„Трагедия представляет собой классический образец поэзии, которая, не содержа никаких сексуальных намеков, тем не менее черпает свои движущие пружины в инфантильных бессознательных сексуальных впечатлениях“.

Брут, восстающий против Цезаря—это поэт, освобождающийся в фантазии от вражды к отцу. Кассий, снедаемый мыслью о самоубийстве, это тот же поэт, заранее казнящий себя за эту преступную вражду. Если Бруту накануне битвы появляется дух Цезаря, то это то же самое, что тень отца, предстающая перед Гамлетом. Оба борца—Брут и Кассий—падают не от руки врага, а от собственного меча—оба казнят себя добровольно за свое восстание против отца. Может показаться странным, почему поэт, положивший в основу своей политической трагедии биографию Брута, написанную Плутархом, если он именно это должен был выразить, не использовал имеющуюся у Плутарха подробность, а именно, что Брут был незаконным сыном Цезаря. Ведь за эту подробность он должен был ухватиться обеими руками; прячась за ней, он мог обмануть бдительность цензуры сознания и более явно высценить свои отцеубийственные влечения. Однако—

¹⁾ Идея царевубийства в кружке петрашевцев большой роли, как известно, не играла, а с другой стороны Нейфельд утверждает, что Достоевского на отцеубийство толкала не только „incestuозная связанность“, но и „скудость отца“ мотив, очевидно, ничего общего не имеющий с одиповым комплексом.

поясняет Ранк—художественное произведение художественно именно потому, что поэт не все говорит, что хотел и должен был сказать.

Но тогда спрашивается, почему двести лет спустя другой поэт итальянец Альфьери сделал своего Брута именно незаконным сыном Цезаря, убивающим в лице Цезаря и отца и монарха—причина этого совершенно ясна и не имеет никакого отношения к сексуальному моменту, ибо нельзя было лучше прославить борца за политическую свободу, как заставив его во имя своего идеала пожертвовать даже любимым отцом, подобно тому, как другой герой того же поэта (Брут старший) жертвует своими сыновьями-монархистами во имя своего политического идеала—республики. Тогда почему Шекспир все-таки опустил эту подробность? И это совершенно просто. Шекспир был монархист, и если он, всегда и всюду прославлявший власть монарха (на что были исторические причины), в своей „мужской“ драме изобразил тем не менее восстание против монарха, то потому, что это было не чем иным, как художественно преображенным восстанием Эссекса и его друзей против английского Цезаря—но этим цезарем был не монарх, не сублимированный отец, а женщина, королева Елизавета.

В интерпретации венской школы сексуальный смысл получают не только такие мотивы и образы, как борец за политическую свободу, но и всякие другие понятия и символы, которыми оперирует художник или писатель, и здесь у них порою кричащие противоречия. Один пример.

В своем эссе о Леонардо да-Винчи Фрейд говорит: „В комплексе, связанном с родителями, мы усматриваем корень религиозных потребностей: всемогущий праведный бог и благотворительная природа кажутся нам величайшей сублимацией отца и матери“.

Итак, по Фрейду—отец сублимируется в виде бога (религия, церковь, религиозно-церковный авторитет), мать же—в виде противоположности всех этих понятий, в виде—природы (научное исследование, научный и художественный натурализм).

Исходя из этого положения, Фрейд и доказывает, что Леонардо, проведенный детство без отца—как незаконный сын, росший вне авторитета отца, вследствие этого не был религиозен, не подчинялся религиозно-церковному авторитету, а так как он с детства был фиксирован к матери, то мать превратилась для него в природу, которую он и как художник и как исследователь преданию и восторженно изучал.

Итак, нужно думать, что всегда, во все времена, во всех странах отец именно сублимируется в виде церковно-религиозного авторитета, но никак не мать. Нейфельд на этот счет иного мнения. Указав на то, что Достоевский к началу семидесятых годов освободил свою психику от навязчивых подсознательных инцестуозных влечений, путем их сублимации в виде художественных образов, Нейфельд характеризует писателя, как публициста, и, казалось бы, что раз дело идет не о художественном творчестве, а о политических идеях, то здесь по крайней мере никакой сексуальной подкладки не будет—но нет.

„Вечная мелодия Эдипа слышна и в такой отдаленной области. Любовь к матушке-земле, к России, уважение к законности бога-отца-

паря, преданность матери православной церкви—эта мелодия звучит во многих вариациях“.

Итак: Леонардо сублимировал отца в виде религиозно-церковного авторитета, а Достоевский как раз наоборот—мать. Коренится ли причина этого различия в том, что в первом случае перед нами итальянский художник XV в., а во втором случае русский писатель XIX века или в чем либо ином, фрейдизм на этот вопрос не отвечает.

На ряду с эротизмом в учении венской школы об искусстве отчетливо проступает другая, характерная для венской буржуазной интеллигенции эпохи упадка черта—эстетизм.

Между тем, как последователи Дарвина, выведившие искусство в его истоке также из полового чувства, видели в нем явление в высокой степени полезное не только в биологическом, но и в социальном отношении, как средство сближения полов, в истолковании венской школы оно потеряло всякое серьезное социальное значение. Первобытный дикарь, распевая эротическую песенку или инсценируя эротический танец,—подобное эротическое искусство имеется, конечно, у низко стоящих племен, но не оно является началом искусства—был человеком социальным, ибо в нем говорил инстинкт рода и инстинкт коллектива.

Художник, как он представляется венской школе,—существо, собственно, асоциальное. Томимый подсознательными желаниями, он сублимирует эти свои индивидуальные желания в художественных образах. Искусство для него только средство восстановить равновесие своего организма. По существу он также асоциален, как невротик. Правда, поскольку, в отличие от невротика, он творит художественное произведение, которым могут наслаждаться и другие, он невольно и косвенно делает социальное дело, но социальное значение этого им творимого дела минимальное. Подобно тому, как сам художник совершенно индивидуально изживает свои инцестуозные чувства в фантастических образах, так зритель пьесы или читатель романа так-же индивидуально снова переживает заглушенное в нем—типе нормальном—влечение детского и вместе доисторического периода. Искусство не служит здесь средством спайки и объединения людей, оно не является средством организации индивидуального сознания и общественной жизни. Единственная его социальная функция заключается в том, что оно несколько обезвреживает известные культурно-вредные чувства, которые, впрочем, как увидим ниже, с точки зрения школы, благодаря росту культуры и сами собой, все более атрофируются.

Искусство,—это эстетическая игра—l'art pour l'art. В нашем обществе оно пережиток прошлого не только потому, что воплощает по существу переживания детского и доисторического мира, но еще и потому, что ему одному на нашей стадии культуры присуще свойственное людям сагой древности—периода анимизма—вера во всемогущество мысли человека. В нем есть элемент магии¹⁾. От этой веры во

¹⁾ Фрейд признается, что искусство, вероятно, не возникло, как l'art pour l'art, а преследовало тенденции „ныне заглушенные“. „среди них могли быть и цели магические“; но если искусство возникло, как магия (а это именно так), то падает вся постройка, выводящая все искусство из сублимации, в виде худож. образов инцестуозного комплекса.

всемогущество своей мысли человечество потом, перейдя от анимизма к религии, отказалось частично в пользу богов—говорит Фрейд („Тотем и табу“), а ныне, когда господствует наука, человечество, „полное самоотречения“, подчинилось реальности, „осознав свою слабость“.

„И только еще в одной области всемогущество мысли сохранилось в нашей культуре—в области искусства. В одном только искусстве еще бывает, что томимый желанием человек создает нечто похожее на их удовлетворение и что эта игра, благодаря художественной иллюзии, будит аффекты, как будто оно представляет нечто реальное“.

Но это не та социально-утилитарная магия, которую творил охотник палеолита, чертя образы животных и тем подчиняя охотничьей группе природу-жизнь, и не та, которую совершала земледельца неолита, лепя сосуд и украшая его узором под звуки песни, при чем и орнамент и песня должны были гарантировать прочность ее хозяйства; в истолковании венской школы искусство—чисто индивидуальная магия-игра, лишенная социального значения, эстетическая иллюзия переживания культурно-ненужных и даже вредных инстинктов и желаний.

На ряду с эротизмом и эстетизмом отчетливо выступает в учении венской школы об искусстве совершенно индивидуалистический к нему подход.

Художник мыслится ею, как самодовлеющая личность, творчество которой никакими внешними факторами не определяется.

Только разве на низких ступенях культуры, где преобладает коллективное творчество, оно обуславливается—такую уступку вынужден сделать Ранк под влиянием самого материала—внешними, даже экономическими и социальными причинами. Следя в интересной статье за превращением мифа в сказку, он не может не видеть, что сказка вышла из мифа в определенной экономической среде, т.-е. в обстановке обостренной материальной нужды, ибо только, если принять во внимание это обстоятельство, можно понять, почему в сказке так часто говорится о бедности, о материальных лишениях, а на ряду с этим в ней царит ваванное упоение „сверхбогатством, сверхвеличием, всемогуществом, не знающими никаких границ“. Анализируя некоторые сказки, Ранк приходит далее к выводу, что сказка родилась из мифа не только в обстановке „подавляющей материальной нужды“, но и на известной стадии социального развития, а именно когда господство отца (охотничьего орда) сменилась „союзом братьев“ (матриархат).

„Сказка отражает ту стадию культуры, когда господство отца сменилось конкуренцией братьев... Сказка, выросшая из этих конфликтов и этой борьбы, пользуется для их изображения традиционными мифическими формами патриархального периода, но уже на ином социальном и культурном уровне“.

Еще один шаг, и получилось бы социологическое истолкование перехода мифа в сказку, и Ранк готов этот шаг сделать, но не в тексте, а в примечании, где заявляет—весьма неуверенно,—что „психическая ситуация“, породившая сказку, „кажется, имеет свое соответствие в факте

общинного владения матерью-землей в эпоху перехода первобытных европейских племен от охоты и скотоводства к оседлому земледелию“.

Но это, во-первых, только „кажется“ и, во-вторых, есть лишь некое „соответствие“ и, наконец, примат принадлежит, очевидно, „психической ситуации“, породившей сказку, а не материальному фактору смены двух хозяйственных форм.¹⁾

Но, что на низших ступенях культуры до известной степени признается, отрицается на ее высотах.

Художник в „культурном“ обществе есть самодовлеющая личность, никакими внешними причинами не определяемая, а его произведения суть—по выражению Ранка—„личные, индивидуально-обусловленные проявления его своеобразной душевной жизни“.

Для того, чтобы понять творчество художника, не надо знать ни эпохи, когда он жил, ни среды, в которой он творил. Для Фрейда Леонардо да Винчи—не флорентинский художник XV в., а просто—незаконный сын нотариуса и крестьянки, проводивший детство вне отцовского авторитета, и из одного этого обстоятельства, которое могло иметь место в какой угодно стране и в какую угодно эпоху, он выводит все его творчество, художественное и научное, напр., его преклонение перед природой, его натурализм и его научный подход к искусству, тогда как все эти черты характерны для большинства типично-флорентинских художников (см. Бернсон—„Флорентинские художники“), которые, конечно, не были незаконными детьми, а все они, как и Леонардо, были вскормлены духом буржуазной флорентинской культуры XV в.—интеллектуалистической, вещественной, научной, иррелигиозной, что в переводе на язык художественного творчества давало флорентинского художника-натуралиста.

Вырывая художника и писателя из исторической обстановки, предопределяющей его творчество, венская школа бессильна вместе с тем объяснить разное и своеобразное проявление одинаковой психической предрасположенности. Ведь не то существенно, что Леонардо и Достоевский были вечными детьми, находившимися во власти—Эдипова комплекса, а то—почему этот последний—если он только не миф—дал в одном случае „смеющиеся женские головки“ или портрет Монны Лизы, или эскизы разнообразнейших машин, а в другом случае такие проекции, как Раскольников или братья Карамазовы.

И подобно тому, как художник или писатель, как самодовлеющий индивидуум, отрывается от исторической обстановки—и разумеется, от класса—так освобождается он и от литературной традиции.

Собрав огромный материал из мировой литературы европейских народов в подтверждение факта „всеобщности инцестуозного мотива у крупнейших поэтов“, Ранк вместе с тем подчеркивает, что эти „постоянно возвращающиеся образы поэтической фантазии“ не могут быть отнесены „за счет сознательного заимствования или за счет литературного влияния“.

¹⁾ Такое именно идеалистическое толкование эволюции вполне соответствует идеалистической социологии, изложенной Фрейдом в его „Тотем и табу“.

Но все таки — если ограничиться одним примером из массы им приведенного материала — с одной стороны странно, почему в немецкой литературе XIX в. процветает „трагедия рока“, где на разные лады трактовался в самом деле мотив кровосмесительной любви, а потом эта тема надолго исчезает из той же немецкой литературы (значит изменилась сексуальная природа поэта!), а, с другой стороны, не подлежит сомнению, что Грильпарцер, автор „Прародительницы“ знал аналогичные произведения своих предшественников Мюльнера и Гувальда.

Стоя на такой индивидуалистической точке зрения, венская школа естественно устраняет идею исторического развития искусства и литературы. Если с их точки зрения существует некоторое развитие литературы, то оно состоит не в социально-обусловленной эволюции литературных и художественных стилей, жанров, форм, а лишь в отражающемся в литературных произведениях постепенном торжестве сознательного над подсознательным. Для иллюстрации этого процесса Ранк останавливается на трех пьесах, построенных, по его мнению, на том же сюжете, т. е. на Эдиповом комплексе — у Софокла сын еще убивает отца и женится на матери, не зная их (первая цензура сознания), Шекспировский Гамлет сознательно любит отца, враждуя с ним лишь в подсознательном, и убивает не его, а вотчина (более сильная цензура сознания), Шиллеровский Дон Карлос враждует с отцом не за мать, а за мачеху — она же была его невеста — и не он убивает отца, а отец казнит его (еще более сильная цензура сознания).

Совершенно ясно, что это постепенное искажение сознанием первоначального рисунка инцестуозного комплекса составляет лишь незначительную часть эволюции самого сюжета и к тому же совершенно не касается эволюции формы и стиля.

Впрочем и самое торжество сознания над подсознательным, которым исчерпывается литературное развитие, весьма проблематично. В последней главе своего труда „Мотив кровосмешения в поэзии“ Ранк собрал значительный материал из новейшей литературы Запада, неопровержимо свидетельствующий, что в ней Эдипов комплекс процветает в самом оголенном виде — подсознательное снова восторжествовало над сознанием — развитие пошло вспять.

Но если допустить, что сознание в самом деле торжествует по мере развития культуры над подсознательным, то не значит ли это, что в будущем искусство должно умереть. Ранк такой прогноз и ставит:

„Если художественная творческая способность и может некоторое время следовать за процессом вытеснения сексуальности без ущерба для художественного эффекта, то с другой стороны, в виду ее преимущественной обусловленности бессознательным, она не в состоянии совсем (auf die Dauer) приспособиться к прогрессу сознания. Как позволяют угадывать некоторые явления в нашей современной поэзии, ослабевает прежде всего способность художественного созидания, способного воздействовать на широкие круги, а яatem, по видимому, и способность воспринимать и наслаждаться произведениями искусства“.

Возможно ли искусство на более высокой ступени сознания, этот вопрос Ранк ставит на последних страницах своей книги, оставляя его однако открытым.

Ограничивая литературно художественную эволюцию отражением в ней торжества сознания над подсознательным, венская школа сводит историю искусства к смене отдельных великих художников.

„История литературного развития, — говорит Ранк, — состоит в последовательном появлении и личном развитии отдельных крупных поэтических личностей“.

Венская школа возвращает нас, таким образом, к доисторическому периоду нашей науки. Между тем, как мы мыслим историю искусства и литературы, как закономерный безличный и безымянный процесс литературно-художественного развития — венская школа, верная своей индивидуалистической позиции, сводит ее — как некогда С. Бев — к портретной галлерее художников и писателей.

Устраняя проблему истории искусства и литературы, венская школа занимается, по словам Ранка, не историей искусства, а „психологией художника“, но и встающую здесь в этой области последнюю проблему — что такое художественный дар — она решить не в состоянии. Если художник в отличие от невротика сильным вытеснением своих аффектов сублимирует их в виде образов-символов, то остается открытым вопрос:

„Почему он вообще способен эти аффекты художественно обузывать, почему он не делает это, как нормальный человек или почему он не бывает вынужден прибегать к характерным для невроза симптомам самозащиты“ (Ранк).

Так и Фрейд, заканчивая свою работу о Леонардо да-Винчи, признается, что если ему и удалось объяснить психо-аналитически всего художника, то его „из ряда вон выходящая склонность к вытеснению влечений и его необычайная способность к их сублимированию“ остались необъясненными:

„Здесь конечный пункт, доступный психоанализу. С этого момента он уступает место биологии. Как склонность к вытеснению, так и способность к сублимированию должны быть отнесены за счет органических основ характера, над которыми затем выстраивается психическая надстройка“.

Предоставляя историку и социологу проблему развития искусства, венская школа уступает последнее слово в решении проблемы художника — биологу (если только „органическая основа характера“ не есть скорее всего понятие метафизическое).

Не все стороны учения венской школы об искусстве нами здесь освещены. Остались нерассмотренными их представление о механике процесса художественного творчества, их учение о происхождении героя, о комическом, об отражении в художественном творчестве нарциссизма. Оставлены в стороне работы русских фрейдистов. Наша задача заключалась в том, чтобы 1) показать, как характерные черты мировоззрения венской буржуазной интеллигенции наложили определенный отпечаток на учение венской школы об искусстве и 2) доказать следующие тезисы:

1. Выводя художественный акт в конечном счете из сексуального чувства, порою даже отождествляя их, венская школа противоречит тому, что мы знаем о происхождении искусства и об искусстве на ранних ступенях цивилизации.

2. Считая художественный акт сублимацией инцестуозного комплекса, она эротически препарирует известные литературные образы, подобно тому, как венские поэты эротически препарируют своих героев.

3. Чрезмерное увлечение венской школы сексуальным моментом особенно наглядно сказалось в их истолковании психологии и образа монархоборца.

4. Сексуализируя другие понятия—символы, которыми оперируют художники, они противоречат друг другу жесточайшим образом.

5. Искусство в их истолковании лишено характера социально-организующего начала, и его социальное значение сводится разве к некоторому обезвреживанию культурно-ненужных аффектов.

6. Допуская на низших ступенях культуры обусловленность художественного творчества внешними причинами, венская школа считает художника на более высоких ступенях культуры свободным от всяких социальных культурных и литературных влияний.

7. Рассматривая художников вне исторической среды, она превратно толкует их творчество и совершенно не в состоянии объяснить своеобразие их тематики и формы.

8. Усматривая в истории искусства лишь смену великих творцов, венская школа тем самым отрицает идею науки об искусстве, как о закономерном процессе развития.

9. Занимаясь не историей искусства, а психологией художника, она последнюю тайну художника—его способность сублимации—не разгадала.

И, наконец, — хотя об этом мы не говорили, но это явствует из всего сказанного—

10. На всем учении венской школы об искусстве, поскольку оно нами изложено, лежит печать—хотя и интересного, но явного—дилетантизма.

Прения по докладу тов. Фриче.

Лебедев-Полянский, П. И. Я не собираюсь возражать т. Фриче. То, что он говорил вообще и в частности относительно взглядов Фрейда,—это конечно, совершенно правильно. Я хотел бы остановиться на самой постановке вопроса о фрейдизме. Думаю, что та постановка, которую сделал Владимир Максимович, сужена и страдает односторонностью. Получилось от доклада впечатление, что во фрейдизме нет ничего такого, что помогло бы критикам и историкам литературы легче и яснее разобраться в отдельных вопросах искусства и вообще творчества.

Правда, т. Фриче оговорил предмет своего доклада, точно определил его рамки, но я думаю, что он напрасно сузил эти рамки.

Из доклада вытекает, что Фрейд ничего не дал, потому что он все старается объяснить эротизмом; он индивидуалист и идеалист и т. д. Если подходить к фрейдизму исключительно с этой точки зрения, то, пожалуй, законно было бы спросить: „что же сделал Ньютон, он не марксист и не диалектик? Пришлось бы, пожалуй, его отвергнуть, однако, мы не отвергаем законы, которые он открыл. Я допускаю, что сам т. Фриче не отвергает известных заслуг Фрейда, но, при данной им постановке вопроса, некоторые из присутствующих могут воспринять доклад так, как будто фрейдизм—явление абсолютно отрицательное. Вряд ли этого хочет и сам Владимир Максимович.

Вопрос нужно было расширить, взявши и биологическую сторону фрейдизма, его психоанализ. К докладу все это имеет самое ближайшее отношение. Как бы Фрейд ни объяснял происхождение искусства, какие бы принципы ни приводились им в объяснение явлений истории искусства и литературы,—остается факт, что психо-анализ, который применяет Фрейд и который достиг наивысшего развития в школе академика Павлова, помогает разбираться в отдельных частных вопросах и дает положительные результаты. Этот факт мы отрицать не можем. Мне приходилось знакомиться с фрейдизмом прежде всего в применении его к психиатрии, а потом уже к литературе и искусству; достижения фрейдизма в области психиатрии хорошо известны многим, не только специалистам, но и вообще всем, кто интересуется вопросами механики душевной жизни и творчества. Если с биологической точки зрения подойти к вопросу и вдуматься в то, чем возможно воспользоваться в выяснении отдельных вопросов психологии творчества, то думаю, что мы должны признать известные заслуги Фрейда, несмотря на то, что попытки Фрейда, что я усиленно подчеркиваю, свое учение превратить в мировоззрение, конечно, абсолютно несостоятельны. Если фрейдизм рассматривать как мировоззрение, как систему взглядов, он заслуживает полного осуждения, но если взять отдельные биологические элементы, в них есть много интересного и здорового, ими марксист может и должен воспользоваться.

Мы все хорошо, например, знаем, что в творчестве колоссальную роль играет подсознание. В вопросе о значении подсознательного Фрейд разрешил большую и важную задачу.

Я думаю, что марксисты, беря отдельные экспериментально установленные положения психоанализа Фрейда, должны ставить вопрос глубже, привлекая весь научный опыт, который имеется у академиков Павлова, Бехтерева и других. Этот опыт развивает и дополняет положения фрейдовского психоанализа. В настоящий момент научный мир не может сказать с категорической уверенностью, что те или иные выводы психоанализа правильны, но как будто бы путь, который наука избрала, правилен. Я не специалист и не могу доказывать, кто более прав Павлов или Лазарев. Первый рассматривает психическую деятельность и творчество, как электро-химический процесс, второй как гормоно-химический процесс, подчеркивая серьезнейшее значение внутренней секреции и солевого состава организма. Специалисты этот вопрос углубят и разрешат. Нас интересует самая постановка вопроса, она имеет

существенное значение. Вопрос о фрейдизме не должен нами рассматриваться совершенно изолированно от аналогичного опыта других ученых. Его следует изучать в связи с общей постановкой вопроса о психоанализе, как одном из подсобных средств в разрешении вопросов механики творчества, что нас, занимающихся вопросами искусства и литературы, особенно интересует.

Конечно, фрейдизм и психоанализ ни в какой степени не могут заменить марксизма: это ясно каждому, но не в этом только дело. Марксизм, как мировоззрение, марксизм, как метод, выясняет социальное происхождение, социальные функции искусства и литературы. Но ведь каждое произведение в отдельности, помимо его общественного характера, есть некоторая индивидуальная величина. Мы, присутствующие здесь, относимся к разряду млекопитающих позвоночных; каждый из нас имеет два глаза, два уха, и все-таки каждый из нас имеет свой особый индивидуальный облик. Если бы в вопросе о фигуре носа мы стали бы исходить исключительно из марксистских принципов, то это было бы довольно уродливо и нелепо. Тут необходимо прибегнуть еще к теориям биологического порядка, которые не исключают и не противостоят марксистскому методу, но дополняют его.

Для литературного примера остановлюсь на вопросе о роли биографии писателя в исследовании путей и содержания творчества писателя. Есть историки литературы, которые отрицают элемент биографии. Я считаю этот взгляд глубоко ошибочным, при первой возможности и устно и в печатном виде выступлю против него. Писатели, принадлежащие к одному классу, и даже к одной группе в этом классе, действующей в одинаковой исторической обстановке, все-таки имеют свою индивидуальную психологию, хотя бы и не выходящую за пределы классовой психологии. При выяснении этой индивидуальности неизбежно биографического момента никак нельзя. Я не стою на той позиции, что биографический момент все заменяет и объясняет. Он помогает выявлять отдельные черты творчества. Конечно, тут не нужно подражать профессору Ермакову, написавшему этюды о Пушкине и Гоголе, которые приводят иногда в удивление, а иногда и в веселое настроение, смотря по тому, на какую страницу попадешь. Я не принадлежу к лицам, отрицающим биографический момент в выяснении творчества отдельных писателей, но я не стою и на точке зрения французской школы, для которой когда-то биография заменяла все. За биографией я признаю ограниченную роль. И тут, несомненно, психоанализ имеет существенное значение.

Возьмем вопрос о форме и содержании. Я стою на позиции, что форма и содержание представляют из себя гармоническое целое. Я различаю форму внешнюю—повесть, драма, рассказ и т. п.—и форму внутреннюю—архитектурность, живописность, музыкальность, образность. Внутренняя форма часто абсолютно неотделима от содержания. Несомненно, биографический элемент, в данном случае, играет большую роль, и применение психоанализа весьма плодотворно. Возьмем двух пролетарских писателей. Они отражают пролетарские настроения, отражают нашу революцию. Но спрашивается, почему у одного писателя пейзаж

ярко солнечный, а у другого хмурый? Мы не сможем углубить наш марксистско-социологический анализ до того, чтобы объяснить с марксистской точки зрения—почему у одного писателя на плетне сидят галки с опущенными хвостами, а у другого, наоборот, с поднятыми трубой.

Это пробовал применять у нас Шулятиков, когда пытался отдельные повороты философской мысли объяснять развитием машины, прикреплением к ней того или иного винтика. Книга через это была лишена всякого научного значения. Думаю, что без психоанализа мы не сумеем достаточно полно объяснить и конкретного вопроса о музыкальности, живописности произведения и т. д. Придется прибегнуть и к биографическому элементу.

Эти общие соображения о постановке вопроса и заставили выступить меня.

Повторяю, я решительно не возражаю ни против одного утверждения, которые выставил докладчик, я хочу указать, что вопрос о фрейдизме следует рассматривать в расширенном, а не суженном виде, считаю нужным остановиться, главным образом, на его психо-биологической стороне, чтобы тем самым у аудитории не создалось такого впечатления, что фрейдизм в изучении искусства и в истории искусства и литературы не имеет абсолютно никакого значения, даже и второстепенного.

Владимир Максимович, хотя и мимоходом, все же указал, что фрейдизм имеет значение в выяснении психологии писателя. Это правильно, и этот вопрос надо выяснять и разрабатывать. Отрицая фрейдизм, как мировоззрение, мы должны использовать его психо-биологические достижения.

Необходимо также различать Фрейда от его последователей. Хотя на книжке о Достоевском и есть указание, что она издана под редакцией Фрейда, но мне кажется, что Фрейд не мог написать таких вещей, которые имеются в этой работе.

Еще одно замечание. Владимир Максимович сделал перед своим докладом ссылку на довольно авторитетный журнал „Под знаменем марксизма“, но на не вполне научно авторитетную статью тов. Юренца. И эту статью прочел и должен сказать, что в ней много здоровых мыслей, но научно она далеко не исчерпывает вопроса, а некоторых проблем автор даже и не видит.

Думаю, что т. Фриче сам заметил этот недочет и несколько упрощенную постановку вопроса. Фрейдизм не исчерпывается доказательством, что Фрейд идеалист, индивидуалист и т. п. Это ясно всякому знакомому с азбукой марксизма.

Вот общие мои соображения к постановке вопроса о фрейдизме.

Фатов, Н. Н. Я хочу сделать два замечания. Во-первых, по поводу первого тезиса В. М. Этот тезис не был прочтен, но он имеется в напечатанном экземпляре, и о нем говорилось в докладе. Сам по себе тезис не вызывает возражения, но его нужно несколько дополнить. Дело не только в том, что фрейдизм „сделан в Австрии“, но характерно то, что фрейдизм явление нашей эпохи; он не мыслим, напр.,

в эпоху 48 г. Я бы сказал, что фрейдизм характерен не для буржуазии вообще, а для буржуазии эпохи ее упадка. Что касается второго моего замечания, то хотя тов. Лебедев-Полянский во многом предвосхитил мои мысли, я все же хочу отметить ценные для нас элементы фрейдизма. Отрицательные стороны фрейдизма докладчиком были великолепно обрисованы. Что у Фрейда и его учеников много чепухи,—это было блестяще выяснено в докладе. Но я полагаю, что фрейдизм может дать нам кое-что и положительное. Кроме основной задачи истории литературы—изучения ее общих путей, т. е. большой дороги истории литературы—есть вторая задача, а именно монографическое изучение отдельных художников. При таком подходе нам важно учесть, в частности, и влияние сексуального элемента на творчество. Отрицать его нельзя; напомним всем известные факты, что есть писатели особо эротические, напр., Арцыбашев. Если взять пример из более ранней эпохи—можно вспомнить Пушкина, натуру крайне эротическую; напр., в воспоминаниях товарищей говорится, что когда Пушкин танцевал, то так возбуждался, что пытел, как арабский конь. Если взять его лицейские стихи, то там огромная доля эротизма, более 60% стихотворений посвящено описанию любви, женского тела и т. п. Отражение сексуальной стороны натуры Пушкина в творчестве несомненно. Потом укажу на другое положение фрейдизма—на значение психологии сновидений. Напр., в одном из вариантов автобиографии Неверова есть очень интересное замечание о том, что Неверов верит в сны и сны у него бывают особенные. В его творчестве необычайно часто его герои видят прихотливые сны. Потом есть аналогичные свидетельства и о других современных писателях. Например, недавно один из молодых писателей говорил мне о том, что сюжет одного из своих произведений он увидал во сне. Стало быть, в исследовании этих проблем фрейдизм может быть полезен. Правда, это мелкие замечания, но их тем не менее можно иметь в виду.

Таким образом, в основном всецело разделяю точку зрения докладчика, но полагал бы, что следовало все же, в конце концов, упомянуть, что при изучении отдельных проблем психологии творчества фрейдизм что-то нам дает.

Харазов, Г. А. Трудно сказать что-нибудь за четверть часа, и потому мне тоже придется ограничиться общей фразой, что я ничего не имею против сказанного докладчиком; я сделаю только несколько дополнительных замечаний.

Я считаю важным замечание докладчика о рисунках в пещерах: это не рисунки тотемов, потому что животные изображены ранеными на охоте; есть и другие ценные замечания во всем докладе, и все-таки, я, в общем, не убежден. С моей точки зрения, напр., упрек в буржуазности справедлив только в том отношении, что на фрейдизме сказывается буржуазное разделение труда: Фрейд замечателен, как психиатр, но многое из того, что он пишет по социологии, слабее. Во всяком случае, в своей области он безусловно что-то дал; несомненно, дал он также многое и в применении к искусству.

Я возражал бы еще против одного мнения, которое разделяется всеми, а именно, что сексуальность есть нечто индивидуалистическое. Сексуальность — драма, которую переживает, правда, индивидуум, но эта драма не индивидуальна, а социальна. В докладе было указано, что культура ведет к ограничению сексуальности, к ее сублимации, и что людям это стоит ума; я бы сказал, некоторые из них, пожалуй, сходят с ума, впадают в невроз, но большинство, напротив, приспосабливаются и даже творят. По-моему, ошибка подходить к сексуальности, с ограничения которой, по Фрейд, начинается культура, — подходить к этой сексуальности с точки зрения индивидуума.

Я хотел бы еще дополнить доклад, который мне в своей отрицательной части в высшей степени понравился, некоторую демонстрацию того, сколько новых фактов можно открыть по методам Фрейда. У меня в руках Пушкин, беру такую известную вещь, как сон Татьяны, и покажу вам на этом примере, что тут может получиться по Фрейд. Начну с того момента, когда гости на именинах Татьяны сидят за столом, приехал Онегин и сел против Татьяны. Здесь говорится: „Он стал чертить в душе своей карикатуры всех гостей“. Переворачиваю одну только страничку и читаю в начале той же главы: „И что же видит? за столом... (оглашается выдержка из Пушкина). Потом дальше — во сне Татьяны: „лай, хохот, пенье, шум и хлоп“... А в описании именин: „Никто не слушает, кричат, смеются, спорят и пищат; лай мосек, чмоканье девиц, шум, хохот“...

Потом, во сне, описание, как мельница в присядку пляшет, а на именинах — провинциальная мазурка. „Один в рогах с собачьей мордой, другой с петушьей головой“, — а на именинах: „Скотинины, чета седа, уездный франтик Петушков“. Или еще: „вертится в красном колпаке“, — а на именинах: „мосье Трике в фуфайке, старом колпаке“.

Исно, что Пушкин рисует нам карикатуры на людей той эпохи, и этого без Фрейда не замечали, хотя и Крылова читали, и у Фон-визина про Скотининых.

Если разобрать с этой точки зрения весь сон Татьяны, то вы бы увидели, что этот сон передает, по Фрейд, определенное желание Татьяны, — а именно, — как было бы хорошо, если бы веселый праздник именин, на который съедутся чудовища, обратился в помолвку! А в заключение той же главы, Пушкин пишет: „Не дай остыть душе поэта“ (читает). Если сопоставить это с образами сна, то вы поймете, что Пушкин сном Татьяны выражает свои чувства, — это он скучает среди тогдашнего общества, карикатуру на которое он нам дал. „Блажен, кто праздник жизни рано оставил“... Здесь теория Фрейда дает объяснение, говорит: как сны героев, так и сны самого автора — это сны, вытекающие из его положения в данную эпоху, в данных общественных условиях. Все объясняется не только этими условиями, но также и определенными индивидуальными особенностями героя или автора.

Я думаю, такой метод, если станет применяться правильно и не будет связан с определенными предрассудками, даст нам громадный материал, и для меня является цевною всякая теория, которая помо-

гает накапливать факты. А что человек, открывший метод, страдал определенными классовыми предрассудками, — это мы тоже запомним, и тогда никаких ошибок не получится. Диалектика внесет отрицания в его утверждения, и, в конце концов, установится истина. Там, где сплошь очевидные нелепости, там, конечно, можно ссылаться прямо на то, что это упадочная эпоха или буржуазная среда. Но так огульно все отрицать не приходится, потому что буржуазная среда даже и в упадочную эпоху дает кое-что, на чем вырастет новая культура. Культура, по Гегелю, *wird aufgehoben*, т.-е. сразу надо ее и схоронить, и сохранить. Не может быть иначе... Постройте Рим без египетских пирамид или Средние Века без Рима. Мы, надеюсь, в переходную эпоху перейдем от буржуазии не одну только торговлю. Но можно, пожалуй, взять и Фрейда, потому что он сделал все, что мог сделать. Тут, разумеется, есть однобокости, но мы можем их исправить, а также вправить кое-какие социологические моменты. Тогда получится другое — Фрейд будет сохранен и схоронен. Нам, как ученым, важны факты, и я убежден, что по методам Фрейда мы пойдем в литературе многое такое, чего без Фрейда не поняли бы. Потому что, надо помнить, что Фрейд не прямо начал с анализа литературы, а сначала дал медицинский анализ больных, потом стал очень осторожно применять свои методы к здоровым людям, а затем уже к поэтическим произведениям. Все научно проверено на целом ряде явлений, и если поставить себе целью опровергать Фрейда, то боюсь, что много придется опровергать. Надо признать, что он дал много положительного науке, а когда мы это признаем, то, я думаю, что мы, как поняли религиозного Ньютона, так пойдем и Фрейда, — по его же аналогии между сновидениями и поэтическими произведениями: т.-е., Фрейд видел сон, а мы его разгадаем по научному.

Основная мысль Фрейда правильна, — *что все вытекает из сексуальности*, — и сновидения и мечтания. Мечтания возникают, когда общество требует ограничения сексуальности, как ребенок ее понимает. Тут жертвы, которые индивидуум приносит общественной цензуре и приносит постоянно все в новых формах. Не надо понимать Фрейда так, будто он проповедует исключительное право чувственности. Напротив, он говорит, что когда злоупотребляют чувственной точкою зрения на сексуальность, то люди попадают из общества в сумасшедший дом. И он их нам демонстрирует и говорит: вот чем вы были, дикарями, и вот во что превратитесь все, если не станете направлять свою волю, куда следует. Он говорит и о художнике, что тот сумел направить свою сексуальную энергию на определенные общественные ценности.

Что тут страшного, если вам говорят: человек это машина, и в нем работает психо-химическая энергия, которая называется сексуальной, когда она направлена на продолжение рода? Она создает все общественные ценности, потому что общество это тоже продолжение рода. Создание общественных ценностей называется сублимацией, т.-е. перегонкою. Но в основе процесса лежит все та же самая, самая грубая половая энергия. Она является материею всего самого возвышенного общественного. Тут ничего ужасного и страшного нет, ибо

все давно отлично знают, что все—из материи и в материю возвращается.

Столлнер. Мое положение теперь сильно ухудшилось. Если бы я выступил сразу, когда меня пригласили, то я мог бы возложить ответственность за свое выступление на тов. Переверзева, но теперь вся ответственность или, по крайней мере, 90% ее падает на меня. Но ничего не поделаешь, приходится брать на себя всю тяжесть этого выступления.

Мне все казалось во время дискуссии, что я нахожусь на докладе не в Коммунистической Академии, а в кружке фрейдистов,—все здесь наполнено фрейдизмом до краев и меня потянуло высказать свое недоумение. Я не буду говорить против фрейдизма с той точки зрения, что он-де буржуазен, является продуктом буржуазного упадка, что он противоречит марксизму, еретичен и т. д. Оставим все это в стороне. Если бы это учение оказалось научно обоснованным и вместе с тем противоречащим марксизму, то что мы должны были бы сказать? Марксизм тоже научно обоснован. Но ведь бывает, что две научно обоснованные теории противоречат друг-другу. Следует искать выхода, но нельзя просто отбрасывать одну в пользу другой. Значит, основной вопрос в том, действительно ли фрейдизм научно обоснован? Но я иду дальше. Вовсе вопрос не в том, обоснован ли фрейдизм вообще. Мы здесь, кажется, находимся в литературной секции, а не в психологическом кружке, и тут не место обсуждать вопрос, развивает ли Павлов Фрейда или наоборот, как сказал т. Полянский, или между ними нет ничего общего, как это действительно и есть. Нам важно только знать, что дает Фрейд науке о литературе. Не будем слишком требовательны и спросим, имеет ли фрейдизм какое-нибудь касательство к этой области? Я утверждаю, что никакого. В своей области, в психиатрии, Фрейд, повидимому, человек гениальной интуиции. Мы можем относиться как угодно к его учению о бессознательном конфликте, вытеснении и также об инфантильной сексуальности, но в нем чувствуется большой полет. Не нам, профанам, а специалистам психиатрам, судить о том, выдерживает ли его учение испытания фактов. Мы, профаны, можем высказать лишь свое впечатление, а впечатление такое, что здесь перед нами гениальная основная идея, но в ее развитии и применении есть много натянутого, надуманного. Примером таких надуманных составных частей фрейдиана является инцестуозный и, в особенности, эдиповский комплексы. Во всяком случае, в своей области фрейдизм представляет собой теорию, имеющую все права на внимание к ней. Но другой вопрос, можно ли ее перенести в другие области. Такое расширение теории, перенесение ее в область, которая не имеет ничего общего с психиатрией, оказывается неудачным и тем более оказывается неудачным перенесение таких составных частей, которые даже в своей области не выдерживают критики. Фрейдизм это вроде резиновой нити, которую можно растягивать довольно долго, но ведь в конце-то концов она ведь лопнет и побьет больно по лицу того, кто ее растягивал. В области психиатрии фрейдизм законная, реальная гипотеза, хотя и в этой области он явно односторонен. Тут тов. Ха-

разов сказал, что это не беда, что всегда в науке творец выступает с большими претензиями, чем те, на которые в действительности имеет право его теория, а потом его учение как бы разделяется: положительная часть остается, отрицательная отпадает. Это верно по отношению к фрейдизму в его собственной области, в психиатрии. Там это специальная научная теория, и вмешательство марксизма в эту область, критика фрейдизма, с точки зрения марксизма, есть злоупотребление. Это не наше дело, марксисты тут не авторитетны. Слово здесь имеют лишь специалисты. Но вот нить еще больше растягивается. Фрейдизм распространяется на область первобытной культуры, претендует объяснить явления тотемизма и табу и для объяснения берет самый неудачный комплекс, эдиповский. Тут уже нитка натянута до последних пределов, но все же нитка еще остается цела. Есть еще какие-то точки опоры: боязнь кровосмешения, патриархат и т. д. Но затем фрейдизм переносится в область изучения литературы и помочь нам в этом должен все тот же надуманный эдиповский комплекс. Тут уже нитка лопнула. Фрейдизм в области изучения литературы ничего не дает. Это пустое место.

Я думаю, что докладчик прочтет одну лекцию о фрейдизме в области изучения литературы. Но в перерыве мне сказали, что будет об этом цикл лекций. У меня не хватило бы мужества прослушать цикл лекций об этом пустом месте. Здесь, мне сказали, будет прочитан цикл лекций о фрейдизме в области изучения литературы и затем о формализме в той же области. Мне сказал тов. председатель, что в литературной секции будут прочитаны два цикла лекций: один о фрейдизме и другой о формализме. Сравним роль фрейдизма в науке о литературе с ролью формализма. Какова роль формализма? С формализмом, можно сказать, следует бороться самым энергичным образом, он неприемлем, т. к. не хочет видеть связи литературы с другими явлениями общественной жизни, но формализм исходит из литературы, он, так сказать, вырос в литературе и кто решится сказать, что формалисты ничего не дали. Недавно был диспут между представителями марксизма и представителями формализма, и вот в этой дискуссии все марксисты, критикуя, разумеется, жестоко формализм, все же признавали, что он что-то дает науке о литературе. Можно ли это сказать о фрейдизме? Фрейдизм для науки о литературе просто не существует. С этой точки зрения я подхожу и к докладу т. Фриче. Недостаток его состоит в том, что в нем указывались только отрицательные стороны, не было показано, в чем состоят плодотворные, положительные стороны фрейдизма, в чем его значение для науки о литературе. В нем указывались только отрицательные стороны. Одно из двух: или эти положительные стороны имеются, тогда с них даже и надо было начать, чтобы показать, почему стоит его сделать предметом цикла лекций в лит. секции, или таких положительных сторон в нем нет, а докладчик их не указал, и я, разумеется, не буду спорить, что их действительно нет. Но тогда спрашивается, зачем вы, т. Фриче, читаете о нем или, вернее, зачем вы читаете так, как вы читали, с такой серьезностью излагая и Ранка и Фрейда и друг., с такой серьезностью излагая и

книжку Фрейда о Леонардо да-Винчи и книжку Нейфельда о Достоевском и книжку или статью о Гамлете и т. д. К несерьезным вещам следует относиться несерьезно.

Тов. Харазов хотел показать нам на примере сна Татьяны, что фрейдизм может помочь лучшему пониманию литературных произведений. По-моему, то, что сказал т. Харазов, не только неубедительно, но и не вразумительно. Он ссылаясь на краткость времени, на то, что нельзя исчерпать в четверть часа. Я утверждаю, что если бы т. Харазову предоставили не четверть часа, а четыреста четвертей часа, то он написал бы, может быть, книгу вроде книги профессора Ермакова, но никогда ни ему, ни кому-нибудь другому не удастся объяснить ни одного литературного произведения чем-нибудь фрейдистским. Пусть тов. Харазов прочтет нам доклад и покажет применимость фрейдизма.

Тов. Полянский говорит, биография писателя важна для изучения литературы и фрейдизм может в этой области что-то давать. Книжка Нейфельда-де не доказательство непригодности фрейдизма, это написал „ученик“, а Фрейд так не писал бы. Но книжку о Леонардо да-Винчи написал сам Фрейд, и она тоже ничего не дала. Это тоже не доказательство, покажите нам другую работу в этой области более удачную. Повторю, фрейдизм пустое место для науки о литературе. И все-таки о фрейдизме стоит поговорить, но совершенно с другой стороны. Фрейдизм, спору нет, интересен, им интересуются и на Западе, но нужно сказать, что у нас увлечение им принимает уже оттенок некоторого психоза. Я бы сказал, несколько, разумеется, преувеличивая, что сейчас в СССР есть особый эпидемический психоз, который поражает и довольно больно только некоторые слои населения—марксистов. Вот выяснение этого психоза, корней этого психоза, выяснение того, почему он поражает только марксистов представляло бы действительно очень важную задачу. Вот пример, который показывает нам, какое значение придается фрейдизму вне марксистских кругов и какое среди марксистов. У нас есть Академия Художественных Наук. Там много членов, занимающихся изучением литературы, там много говорят о литературе и ее разбирают со всех точек зрения, но я еще не слышал, чтобы фрейдизм в РАХН стал актуальным, чтобы там читали хоть один доклад о нем. А вот литературная секция при Ком. Академии с самого же начала своей деятельности обещает дать целый цикл лекций о фрейдизме. Как видно, только у марксистов фрейдизм не сходит с порядка дня. Фрейдизм, фрейдизм и еще раз фрейдизм, за фрейдизм и против фрейдиана, и с каждым днем все увеличивается заражение этим психозом, и с каждым днем все уменьшается число здоровых марксистов. Вот об этиологии этой душевной болезни, о профилактике и терапии этой болезни стоило бы поговорить, ибо это серьезный вопрос. Но об этом, разумеется, следовало бы поговорить не так, как говорил т. докладчик.

Переверзев, В. Я позволю себе сказать несколько слов по поводу доклада и развернувшихся вокруг него прений.

Последний выступивший в прениях, т. Стоппнер, старался доказать, что самая постановка таких докладов здесь едва ли может быть

оправдана, так как о фрейдизме нельзя всерьез говорить, как о методе искусствоведения, с которым нужно считаться марксистам искусствоведам. Однако сам он говорил с такой страстностью, так резко обрушивался на увлечения наших марксистов фрейдизмом, от которого они, по его словам, „как мухи мрут“, что его выступление как раз доказывает ударность и необходимость намеченных секцией докладов. В самом деле, как же марксисту не заинтересоваться такой идеологией, которая заражает ряды марксистов так, что они от нее „как мухи мрут“? Раз дело дошло до этого, то нужно же бороться с заразой, чтобы прекратить этот мор в нашей среде. Своим выступлением т. Столпнер только подчеркнул, что среди марксистов нет полного единодушия в оценке фрейдизма. Одни, подобно ему, смотрят на фрейдизм, как на методологически бесполезную вещь для марксиста искусствоведа. Но в этой же аудитории выступал ряд товарищей, которые доказывали, что фрейдизм имеет для нас большое методологическое значение. Какой же после этого смысл имеет риторическое восклицание т. Столпнера, что „доказывать здесь несостоятельность фрейдизма едва ли нужно“. Ясно, что нужно доказывать.

Обращаюсь теперь к тому, что было высказано по существу доклада. Был целый ряд выступлений, в которых пробовали доказать, что фрейдизм что-то может дать для углубления марксистского изучения искусства и литературы. Фрейдистский подход к искусству и литературе явно соблазняет многих. Тов. Харазов, напр., прямо принимает фрейдистский метод объяснения литературных явлений за материалистический, очень родственный марксизму, и пользуется им в своих статьях. Все это представляется мне опасными уклонами в сторону от марксистской мысли. Считать фрейдизм материалистической системой, родственной марксизму, — глубочайшая иллюзия. Фрейдизм и психоанализ насквозь идеалистические системы. Здесь пытались обосновать материалистичность фрейдизма, утверждая его родство с учениями Павлова и Лазарева. Но это родство — фикция. В ту пору, как подлинный материалист Павлов в своих психофизиологических исследованиях идет от объекта, Фрейд в своем психоанализе исходит от субъекта, от анализа субъективных переживаний: это два метода исследования психологических явлений, нигде не встречающиеся между собой. Точно так же, как школа Павлова ничем не может позаимствовать от фрейдизма в своих психологических исследованиях, марксизм ничем не может позаимствоваться от фрейдизма в своих искусствоведческих исследованиях. Историко-материалистическая концепция культурного процесса никоим образом не может быть связана с сексуально-мистической концепцией Фрейда.

Здесь указывается на то, будто фрейдизму принадлежит открытая им огромная плодотворная идея, а именно — идея подсознательного, которая определяет собой творческий процесс художника. Нужно сказать, что разговоры об этом, как и об открытии Фрейда, должны быть отброшены, в особенности, когда дело идет об искусствоведении. Дело в том, что искусствоведам давным-давно известна идея о подсознании, и если бы Фрейд говорил только об этом, то никакого откры-

тия он не сделал. Его открытие заключается в том, что он этому под-
сознанию придал специфический оттенок, дал новое толкование. Он
истолковывает подсознание, как явление сексуальное в человеке. Я
склонен думать, что это открытие в области психологии, действительно,
имеет некоторое значение, но подсознание, кроме этой чисто сексу-
альной трактовки, имело и иные трактовки и объяснения; в частности,
у марксистов по этому поводу существует своя собственная теория
подсознания, на наш взгляд гораздо более глубокая и плодотворная,
чем открытие Фрейда. Мы полагаем, что подсознание есть голос рода,
голос коллектива в человеческой психике. Это не то, что принадле-
жит специфически индивидууму, а это то, что идет откуда-то из
биологических глубин, из массовой стихии—это род, это коллектив, кото-
рый живет в индивидуальной психике. Вот какого рода толкование под-
сознания было у нас. Почему же полагают, что такое толкование
этого аппарата подсознания оказывается несостоятельным и пытаются
углубить марксистскую теорию сексуальной теорией Фрейда? В действи-
тельности эта сексуальная трактовка подсознания приводит к такому
истолкованию искусства и художественного творчества, которое, по-
моему, не может иметь никакого значения для построения марксист-
ской социологии искусств, потому что, как совершенно правильно
указывал В. М., оно в сущности отрицает социологическую природу
искусства. Эта теория должна сделать само искусство только пред-
метом психиатрии и предметом специального изучения, интересного
только для психиатров.

В самом деле, если у нормального человека цензура сознания
держит сексуальную подсознательную сферу в ежовых рукавицах, что
и делает его нормальным человеком, если у невротика это подсознание
захлестывает сознание, совершенно поглощает его в своей стихии и
делает человека лишенным ума, сумасшедшим, а у художника подсо-
знание, сублимируясь в новый вид психической энергии, в энергию
художественного творчества, разгружает его психику от готовых зато-
пить его сознание темных волн подсознательности, если это так, то
искусство есть своего рода психиатрическая профилактика, а художе-
ственное творчество—своего рода выработка какого-то антитоксина в
организме, пораженном болезнью, в организме, где подсознательное
готово захлестнуть сознание и отправить человека в лечебницу. Искус-
ство имеет только одно назначение—освобождение человека от пси-
хического заболевания, имеет значение только для тех, кто является
кандидатом в невропаты. Нормальному человеку, у которого сознание
настолько крепко, что оно держит подсознательное в руках и под
строгим контролем цензуры, искусство не нужно. Отсюда — прямой
вывод, а именно, что искусство целиком лежит в области невропато-
логии, что марксисту - социологу тут делать нечего. Но я сомневаюсь
чтобы кто-нибудь, кроме увлекающихся невропатологов, согласился с
мыслью, будто искусство представляет собой средство предохранить от
психического заболевания. Искусство—нормальная потребность обще-
ственного человека и имеет социологическую ценность. Вот, в сущности,
то, что я хотел сказать. Мне хотелось бы в заключение внести кор-

ректив в одно из соображений, высказанных докладчиком. Он говорил, что у самих фрейдистов иногда наблюдается что-то вроде частичной установки исследования на социологические рельсы, что они отмечают связь, например, некоторых форм художественного творчества с общим владением на землю. Я не думаю, чтобы и в этих своих высказываниях фрейдисты приближались к социологизму, к объяснению идеологических форм из социального бытия. Я помню, что и Рейнак в своей истории религии установил связь обожания животных со скотоводством, но, в качестве идеалиста чистой воды, объяснял эту связь так, что у него скотоводство оказалось следствием религиозного почитания животных. Я не знаю в точности, как толкуют фрейдисты связь форм искусства с общинным владением. Но думаю, что и здесь в основу кладется сексуальный, а не социологический принцип. Ведь общее владение на землю можно с таким же успехом выводить из сексуального коммунизма, как скотоводство от тотемизма.

Фриче, В. М. (Заключительное слово). Здесь был поставлен вопрос: стоит ли заниматься фрейдизмом? Тов. Столпнер полагает, что оттапливать свое внимание на нем не стоит, хотя тот же тов. Столпнер здесь довольно пространно и не без подема говорил о том, что фрейдизм становится „психозом“ среди марксистов и, прибавим мы, среди коммунистов. В глазах некоторых товарищей фрейдизм уже успел стать чем-то подобным вероучению, против которого возражать уже не полагается. Позволю себе привести маленький пример из моего личного опыта. Мною была написана рецензия о книжке Нейфельда о Достоевском для одного нашего библиографического журнала. В рецензии не было ничего обидного для этого учения, кроме небольшой дозы иронии в самом конце. Тем не менее рецензия не была напечатана, потому что, по мнению редактора, фрейдизм, очевидно, пользуется уже таким иммунитетом, как, скажем, евангелие или коран в глазах религиозного человека. Если преклонение перед фрейдизмом в нашей среде принимает такую уродливую форму, то с этим фетишизмом необходимо всеми мерами бороться именно здесь в Комм. Академии, и это одна из неотложных задач нашей секции литературы и искусства. Тот же оппонент предлагал поставить на очередь вопрос о причинах этого психоза среди нашей марксистской интеллигенции. Но именно подобный вопрос не может естественно входить в задачи нашей секции, которая имеет свои специальные задания. Что же касается западного фрейдизма, то я постарался показать, что он есть всецело продукт мысли буржуазной венской интеллигенции, и тов. Фатов совершенно прав, копечно, что речь идет об интеллигенции эпохи буржуазного упадка; если я не употребил этого термина, то потому что совершенно очевидно, что такие черты, как эротизм, эстетизм и крайний индивидуализм ни в коей мере не являются чертами интеллигенции восходящего класса. Тов. Столпнер полагает далее, что фрейдизм никакого отношения к литературе и искусству не имеет. Странное заявление. Фрейдизм отнюдь не только метод исследования душевных болезней, это целое мировоззрение, охватывающее прошлое и современность, индивидуум и массу, политику и социологию и, в частности, искусство.

Мы видели, что это учение отвечает на вопрос и о происхождении искусства и о значении искусства, о происхождении мифа и сказки; венская школа дала уже ряд работ о тех или иных литературных сюжетах, об отдельных художниках и писателях.

Стоппнер. Едва ли там есть что-нибудь интересное и правильное.

Фриче. Что там нет ничего правильного т.-е. правильного с марксистской точки зрения, я и постарался показать, но это надо было еще доказать тем товарищам, которые из фрейдизма уже успели сделать некий священный фетиш. Тов. Лебедев-Полянский указывает на то, что не следует смешивать Фрейда с его учениками. Фрейд хорош, а плохи только ученики, Фрейд никогда не написал бы того, что Нейфельд наговорил о Достоевском и едва ли редактировал его книгу. Это ставшее уже обычным отмежевание Фрейда от его учеников пора бы бросить. Между учителем и учениками нет существенной разницы. Нейфельд повторяет о Достоевском то, что говорил Фрейд о Леонардо да-Винчи. У Достоевского вражда к отцу будто сочеталась с преклонением перед отцом и в этой амбивалентности его чувства, из которой Нейфельд выводит творчество Достоевского, единственное отличие Достоевского Нейфельда от Леонардо Фрейда, но самое истолкование в обоих случаях совершенно одинаковое. Едва ли можно, как полагает тов. Лебедев-Полянский, использовать психоанализ для формальной и стилиевой стороны литературы. Венская школа на самом деле ограничилась только сюжетной стороной, т.-е. содержанием искусства, так как из подсознательного вытекает только содержание, т.-е. те желания, которые художник или поэт оформляет, тогда как форма есть скорее дело организующего разума, т.-е. сознания, а там, где начинается сознание, кончается психоанализ. В частности, по поводу пейзажа в литературе, о котором здесь упоминалось. С точки зрения Нейфельда, например, писатель или художник, изображающий природу, изображает не что иное, как материнское тело, а если он изображает не пейзаж, а город, как Достоевский, то он это делает из боязни incesta. Если психоанализ приводит к такого рода абсурдам, то это в достаточной мере доказывает ценность этого метода в применении к литературно-художественным проблемам. Тов. Фатов указывает на то, что в учении Фрейда есть положительная черта в том смысле, что показана сексуальность художнической психики и привел в пример Арцыбашева, но и до Фрейда было известно, что творчество некоторых художников окрашено в сексуальный цвет, но всякий марксист знает, что для этого необходимы известные общественные условия и затем сексуальность в фрейдовском смысле есть совсем иная, чем та, которую имеет в виду тов. Фатов, говоря об Арцыбашеве. Тов. Лебедев-Полянский видит положительную сторону фрейдизма в том, что он подчеркнул бессознательный характер творческого акта. Я не останавливался на этой стороне вопроса, потому что это тема следующего доклада, который хотел сделать Павел Иванович, но ведь и до фрейдизма всякий, кто занимался литературой, знал, что творческий акт есть явление в значительной степени бессознательное и, в частности ни один марксист не сомневался, что художественное творчество, обусловленное

классовой психологии, в значительной степени нечто бессознательное, ибо классовая психология художника складывается из целого ряда подсознательных элементов, но бессознательное в марксистском понимании и в фрейдовском истолковании—два понятия совершенно различного содержания. Тов. Переверзев совершенно прав, что фрейдизм идеалистичен даже в тех случаях, когда он старается стать на почву социологии, как это делает Ранк в статье о мифе и сказке. Социология венской школы ничего общего, конечно, с марксистской не имеет. Фрейд делит историю человечества на три периода в зависимости не от смены хозяйственных форм, а в зависимости от смены мировоззрений: период анимизма, период религии, период науки. Сознание движет человечество вперед. Параллельно указанному развитию идей Фрейд строит развитие человечества в зависимости от развития психо-сексуального момента: период нарциссизма, период родительского комплекса, отказ от сексуальности. Анимизму соответствует нарциссизм, религии—родительский комплекс, науке—отказ от сексуальности. Если это нечто большее, чем простой параллелизм, если здесь имеется причинная обусловленность, то, с точки зрения фрейдизма, примат принадлежит моменту психо-сексуальному, но это такой же идеалистический фактор, как и мировоззрение. Я указал также на то, что, по Ранку, исторический процесс человеческого развития есть постепенное торжество сознания над подсознательным, при чем это торжество вызвано ростом культуры, а культура, по Ранку, есть не что иное, как рост этого самого сознания.

В виду позднего времени ограничусь этими краткими замечаниями по поводу самого существенного, что было высказано в прениях, тем более, что нам предстоит еще ряд докладов о фрейдизме, сколько бы ни горевал тов. Столпнер по этому поводу, ибо, как я указал, мною не все стороны вопроса были освещены, а только всесторонний критический анализ этого модного учения позволит доказать невозможность того сочетания марксизма с фрейдизмом, о котором так хлопочут ныне некоторые из уважаемых наших товарищей.

Переверзев, В. Позвольте объявить заседание закрытым.

МАЛЫЙ ПРИНЦИП ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ¹⁾.

Изложение и критика.

Доклад Г. А. Харазова.

Часть I. — Основы²⁾.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эфир и абсолютное движение.

§ 1. *Эфир*.—В неизмеримом пространстве рассеяно бесчисленное множество звезд, или *солнечных систем*. Каждая кажется нам точкою, и мы не станем здесь вдаваться в рассуждения о ее внутреннем строении. Но спросим себя только, в какой степени одна система на другую воздействует?

Конечно, прежде всего: „звезда с звездой говорит“. Но, напр., с земли весь их совокупный хор заглушен монологом нашего солнца. Понятно, почему: сила света убывает прямо пропорционально квадрату расстояния от источника, а междוזвездные расстояния громадны, измеряются *световыми годами*, даже *тысячелетиями*, каждая секунда которых равна, круглым счетом, не более и не менее как 300.000 кил., или $3 \cdot 10^{10}$ сант.

Далее: все эти солнечные системы, будучи материальными, еще и притягивают друг друга, по закону Ньютона. Но и тут сила притяже-

¹⁾ В настоящей статье, содержащей доклад тов. Харазова, прочитанный им на заседании секции Научной методологии, 10 iv 25, выдвигается ряд возражений против „специального“ принципа относительности Эйнштейна. Было бы крайне желательно, чтобы несогласные с доводами тов. Харазова сторонники теории Эйнштейна прислали в редакцию Вестника Коммун. Акад. свои мотивированные возражения, так как в дискуссии фактически обоснованных возражений не было приведено, как по поводу самого доклада, так и по поводу статьи тов. Харазова, напечатанной в № 10 Вести. Ком. Акад.

Сомнения тов. Харазова в том смысле, что весь принцип относительности (специальный) представляет собой рискованное построение, так как может быть опровергнут единственным удачным опытом, как нельзя лучше подтверждаются сообщением в Nature от 23 мая 1925 г.,—об удачном повторении опыта Майкельсона, выполненном Дейтон-Миллером: „Этим опытом опровергается постулат Эйнштейна о постоянстве скорости света“.

А. Тимирязев.

²⁾ В части II будет дана критика теории электромагнетизма.

ния убывает прямо пропорционально квадрату расстояния, так что и в этом втором смысле междוזвездные взаимодействия ничтожны.

Они *есть* все-таки; а посему приходится предположить некоторый, несомненно, тоже материальный механизм такого взаимодействия, который в науке и получил название: *эфир*—раньше, чем кто-либо оказался в состоянии описать его более или менее удачно. Так сначала уже называют неизвестную *иксом* или *ирском*, а потом только пытаются составить ур-не, ее вполне определяющее. Значит, *эфир*—пока всего только научный *лозунг*; это имя выражает научное *требование*—понять взаимодействие между материальными массами *материально же*; ведь, и в самом деле: раз между солнцами распространяются световые (или электромагнитные) волны, а мы так именно говорим и учим,—то, значит, междусолнечное пространство *не пустое*, но заполнено чем-то,—скажем, *эфиром*.

И так: эфир, и в нем реют всевозможные солнечные системы, в том числе и наша собственная; и при его посредстве все они взаимодействуют, светя и притягиваясь. *Теперь все насквозь материально*. Можно прямо сказать, что весь мир—одно сплошное материальное тело, находящееся, в большей своей части, в эфирном состоянии, но кое-где и уплотненное до степени видимых звезд и, вообще, масс—эфирных сгустков.

Скорости этих масс до того незначительны, в сравнении со скоростью света, что можно, в первом приближении, о них и забыть. Говорим же мы о спящем, что он лежит неподвижно, „не шелохнется“,—хотя он и дышит, и кровь его обращается, и все мускулы его сокращаются тонически. Так и о мире мы в праве утверждать, в первом приближении, что это—одно сплошное неподвижное в себе тело, хотя и в вечных электромагнитных судорогах от одной блуждающей родинки-звезды к другой.

§ 2. *Движение в пустом пространстве*.—Тут возникает вопрос: ну, а во вмещающем его пустом пространстве мир тоже неподвижен или, может быть, движется поступательно или вращательно?—Вопрос всемерно праздный, с точки зрения опытной, так как современная наука не обладает и намеком на его правильную постановку, не говоря о решении. Умозрительно же, следует, пожалуй, скорее ответить на вопрос отрицательно, потому что движение для нас—это отношение между двумя массами, а не между массой и пустым пространством; это—результат инерции или сил,—все явления, наблюдаемые только в эфирной среде. Поэтому движение между материальным миром, с одной стороны, и нематериальным пустым пространством, с другой, вернее всего, даже и немыслимо.

И вообще,—что это такое, „пустое пространство“?—абстракция, уместная еще в геометрии, т. е., в методологии естественных наук. А в реальном мире не „пространство“ нам дано,—нам дана „протяженность“, как свойство материальных масс, из которого, взятого помимо материи, этим свойством обладающей, мы и сделали „пустое пространство“. само по себе столь же мало реальное, как, напр., цвет или запах. Нет в действительности „пустого пространства“, есть только пространство физическое, т. е., *протяженный эфир*.

Если так условиться говорить о пространстве, то с самого начала не стоит и вопроса подымать о движении мира в пространстве, и это как раз, при современном состоянии науки, самое правильное, потому что, все равно, на опыте ничего не выразишь.

А если перейти от пространства пустого к пространству физическому, т. е. к эфиру, то, опять-таки, вопрос о том, движется ли мир, как целое, в эфире или нет — бессодержателен, потому что мир, как целое, это и есть эфир, и ясно, что эфир в эфире наверное неподвижен.

§ 3. *Движение абсолютное.* — Спросим теперь об отдельной части мира — о солнечной системе, — неподвижна ли она в эфире или движется? В первом приближении, сказали мы выше, она неподвижна. Но на самом деле, она движется, — почти по инерции, потому что взаимодействие между солнечными системами ничтожно. Так от первого приближения к действительности перейдем ко второму: неподвижный эфир, и в нем движутся солнечные системы — по инерции, т. е. равномерно, т. е., каждая со своею скоростью v , постоянною по величине и по направлению; мы сами живем в одной такой определенной, нашей солнечной системе и участвуем в ее движении в эфире, но не замечаем этого непосредственно: нашему непосредственному наблюдению подлежат (по т. н. правилу параллелограмма) только (векториальные) разности между скоростями наблюдаемых тел и нашу собственную.

Условимся называть „абсолютными“ скорости тел относительно неподвижного эфира, т. е. скорости движений в неподвижном эфире. Если u вектор нашей собственной абсолютной скорости, v такой же вектор абсолютной скорости любой массы, то, по правилу параллелограмма скоростей, мы воспринимаем разность $v - u$ этих скоростей, как скорость массы относительно нас, или как *относительную скорость* массы. В частности, мы сами себе представляемся неподвижными; но это относительно, потому что абсолютно, т. е. в эфире, мы, пожалуй, и движемся.

Если нам всегда даны всего только относительные скорости окружающих масс, то нельзя ли, хоть каким-либо окольным путем, а добраться до определения их скоростей v в эфире, — названных нами выше *абсолютными*? Для этого необходимо и достаточно, как легко сообразить, определить нашу собственную абсолютную скорость u (т. е. скорость u нашей солнечной системы в эфире) и прибавить ее к относительным скоростям $v - u$ масс. Как будто, пустяк; но мы сейчас увидим, что это очень трудно, пока не удалось, и даже некоторые сомневаются, удастся ли это вообще когда-нибудь.

§ 4. *Принцип относительности в механике Ньютона.* — Механика тяжелых масс, построенная Ньютоном, учат сводить все взаимодействия между массами к силам, которые, со своей стороны, определяются, как произведения из масс на ускорения; а, с другой стороны, как некоторые функции от расстояний между массами. На этой основе, всякий закон природы принимает форму вполне определенного уравнения между массами, их ускорениями и расстояниями, и ни в одну из этих величин абсолютные скорости не входят. Это ясно по отношению к массам и расстояниям между ними; что же до ускорений, то каждое из них представляет собою разность двух скоростей, деленную на время, за кото-

рое она возникла; так вот, в разности двух скоростей взаимно уничтожается постоянное слагаемое u , входящее в каждую скорость, или

$$\frac{d(v-u)}{dt} = \frac{dv}{dt} - \frac{du}{dt} = \frac{dv}{dt}, \text{ — т. к. } u = \text{const.}, \text{ след., } \frac{du}{dt} = 0.$$

Отсюда немедленно следует: никакую проверку на опыте ур—вй Ньютоновой Механики нельзя дойти до знания абсолютных скоростей, или: все явления по этим законам протекают одинаково в системе, абсолютно неподвижной, и в системе, движущейся с постоянною абсолютною скоростью u . В кают-компани равномерно движущегося парохода можно играть в бильярд и обедать совсем, как на суше.

Это поразительное *несовершенство* ур—вй Ньютоновой Механики, делающее их вовсе непригодными к определению величины абсолютного движения, носит в науке название „*принципа относительности*“. Это значит: наши ур—вй движения относительны и никогда не могут стать абсолютными, т. е. Ньютонова Механика ни в коем случае не поможет нам своими ур—вьями, добраться до абсолютных скоростей наблюдаемых масс.

Почему это так, можно догадываться: Ньютон с фактом эфира не считался, и у него взаимодействия мгновенно передаются от массы к массе, тогда как, на самом деле, они наверное подлежат закону распространения с конечною (световою) скоростью. Вот этой-то световой скорости распространения взаимодействия в эфире от массы к массе мы бы напрасно стали искать в законах Ньютоновой Механики. Нужно от Ньютоновой перейти к Электромеханике, вообще, к учению о свете, о волнообразных движениях в эфире, чтобы плодотворнее поставить проблему абсолютного движения.

§ 5. *Принцип отставания*.—Во все формулы Электромеханики, т. е., учения о свете, абсолютная скорость распространения света в эфире входит откровенно, и здесь, когда говорится о силах, не забывается, что действие от одной массы к другой передается не мгновенно, но с опозданием во времени, или с *отставанием*, вследствие конечной скорости света,—что мы согласимся называть „*принципом отставания*“. Иллюстрируем его на простейшем примере видимого нами мира.

Мы видим свет в момент времени t на расстоянии r световых секунд от нас, и это значит, что он возник раньше на r сек. т. е. во время $t-r$, а не во время t , когда мы его впервые только увидели. Наше зрительное восприятие, а с ним и наша реакция на увиденное отстала от действительного события, опоздала на r секунд. Совершенно с таким же опозданием реагирует и всякая масса на электромагнитные воздействия со стороны. В этом и состоит „*принцип отставания*“.

И потому есть разница между мгновенно во время t *видимой картиною* мира и мгновенным *действительным состоянием* мира во время t . На самом деле, то, что мгновенно видимо на различных рас-

состояниях r от нас, только *кажется* нам одновременным, а вовсе не одновременно. Чтобы перейти от видимости к действительно одновременному состоянию мира, нужно от времени t , одинакового для одновременно воспринятых событий, перейти к разному для них, смотря по их расстояниям r от нас, времени $t-r$, в которое они на самом деле произошли,—что согласимся называть „поправкою на отставание, или поправкою на скорость света“. Тогда различные части мгновенно видимого окажутся, смотря по их расстоянию r от нас, перерегистрованными в различные картины действительности, соответствующие самым различным мгновениям $t-r$.

Мы скоро увидим, что это еще и не все, что указанная перерегистрация затрудняется еще и некоторым искажением *места*, в котором событие произошло, вследствие так называемой „*аберации света*“ (см. § 8), так что вообще поправка на отставание удастся не так легко, это *проблема*, очевидная в идее, но весьма затруднительная на практике.

§ 6. *Паралелограм скоростей*. — Ньютонова Механика, игнорируя принцип отставания, до сих пор ведет к смешению выражений двух совершенно различных законов, которым здесь мы дадим, чтобы строго их ограничить, два различных названия.

Во-первых: „паралелограм скорости“, по которому каждый наблюдатель в праве разлагать, как ему заблагорассудится, любую данную ему в опыте скорость—по осям координатной ли системы или еще иначе. Тут все обстоит ясно и благополучно еще у *Галилея*, предшественника Ньютона.

Во-вторых: „паралелограм скоростей“, по которому наблюдаемая абсолютная скорость v превращается в разность $v-u$ для наблюдателя, движущегося с абсолютною скоростью u . Здесь забывается, что мы свою абсолютную скорость u (а в случае вращения, свою *угловую* скорость ω) переносим с обратным знаком на *видимый* мир, что дает видимую скорость $v_r = u$, тела на расстоянии r от нас; т. е., здесь *игнорируется принцип отставания*, во времена Ньютона еще не достаточно проникший в сознание.

По паралелограму скоростей, происходит *путаница*: выражение v_r абсолютной скорости тела, свойственной ему во время $t-r$, *фальсифицировано* прибавкою u , где u , наша скорость, относящаяся к *последнейшему* времени t и возникшая в *нашей* системе, часто ни в каком значительном взаимодействии с наблюдаемым телом не стоявшая. А со скоростью, переносится и ускорения, т.-е., силы. Представляется, будто на далекие массы *раньше* действовала сила, которая *только теперь* действует на нас самих.

Очевидно, что это (за исключением только случая $u_1 = u$, т.-е., скорости наблюдателя постоянной, от времени вовсе не зависящей),—неимоверно исказит истинные законы природы, в восприятии абсолютно движущегося наблюдателя и приведет его (опять-таки, пока за исключением случая $u_1 = u$) к признанию своей собственной скорости в эфире и к отделению ее от наблюдаемых скоростей. Это открывает просвет в проблеме абсолютного движения.

§ 7. *Вращательное движение.*—Теперь мы в состоянии доказать, что видимое с земли вращение небесного свода *наверное только кажущееся*, перенесенное на видимую картину мира с обратным знаком *абсолютное вращение* земли вокруг своей оси. До сих пор это доказывали неубедительно, минуя самое главное, которое в том, что, если мы согласимся с фактом вращения земли вокруг оси, то Лапласова теория *прецессии* учтет, что эта ось—переменная, и это как раз в точности подтверждается дошедшими до нас древнейшими астрономическими наблюдениями.

По принципу отставания, вращение звездного неба, как оно наблюдается с земли, относится в каждое мгновение к звездам, взятым в самые различные, на тысячелетия различествующие времена *t-r*. И тем не менее, оно, в своем целом, представляет картину изумительного согласия: все звезды вращаются по кругам, в точности параллельным! Но самое удивительное это то, что две тысячи лет тому назад все эти параллельные круги были другими. И самое главное, что все колебания оси вращения всегда строго соответствуют положению переменной земной оси, как оно вычисляется в теории возмущений,—и все это при минимальном взаимодействии между нашею солнечною и остальными космическими системами!

В таком, случае вращение небесного свода *наверное* только кажущееся. Дико допущение такого космического закона, по которому, если только в какой-либо солнечной системе есть планета, то все небесные тела, как бы неизмеримо далеко они от нее ни располагались, *испрямленно заранее* развивают переходящую границы всякого воображения скорость вращения, чтобы только с планеты показалось, в каждый момент времени, будто небо вращается, как целое. А если даже и допустить такой „закон“, то из него следует, что других планет, кроме земли, нет во всем мире,—потому что и с ними звезды должны были бы считаться; между тем, мы знаем, что уже и в нашей солнечной системе другие планеты есть, и притом вращающиеся вокруг осей, самым различным образом расположенных в пространстве.

Одним словом, абсолютное вращение наблюдателя—факт, сомневаться в котором было бы сплошным безумием.

С поступательным движением дело обстоит куда хуже, так как ливнейная скорость видна под углом тем меньшим, чем движущийся предмет дальше. Тут и самые к нам близкие звезды могли бы дать надежные результаты разве только за столетия, и у нас нет в настоящее время под рукою достоверного материала, чтобы поставить вопрос и в этом направлении так же убедительно, как с движением вращательным. Практически, звезды для нас неподвижны, независимо от абсолютного движения их самих или нашего солнца.

§ 8. *Аберация света.*—Если свет от неподвижной звезды дошел до земли, движущейся со скоростью — и свет. секунд в секунду, то с земли, по правилу параллелограмма скоростей, должно показаться, будто звезда обладала скоростью и еще когда свет от нее излучился, и свет от нее должен дойти по диагонали параллелограмма, построенного на этой скорости и на световой, как на сторонах.

В результате самая звезда представится смещенною, и притом, — что весьма важно для точности наблюдений, — на угол, вовсе не зависящий от расстояния ее от земли, равный в полюсе эклиптики приблизительно u , т. е., скорости земли, измеренной в световых секундах, т. е., равный 0.0001.

(Под световую секунду мы понимаем линейную величину в 3.10^{10} сант.; в такой единице, скорость света равна 1. Простое правило: чтобы величины, измеренные в сантиметрах, обратить в световые секунды, их нужно, будь то расстояния, скорости, ускорения, — все разделить на $c=3.10^{10}$).

Это явление так называемой „аберации света“, или „Брадлеевой аберации света“, можно пояснить на элементарных примерах: пусть птица пролетела над неподвижно стоящею лодкою от точки A к точке B . — с лодки это так и покажется. Но если сама-то лодка двигалась в направлении $B'B$ и под птицею в последний момент оказалась не точка B , но B' , то с лодки представится, будто она пролетела в направлении AB' .

В этом и заключается правило параллелограмма скоростей: приняв за единицу время, в которое птица пролетела лодку, найдем, что AB — ее истинная скорость, BB' — это минус скорость лодки, наконец, AB' — диагональ параллелограмма, построенного на этих скоростях, — видимая с лодки скорость птицы (При этом раньше в науке регулярно забывалось, что тут надо брать скорость света и земли, какими они оказываются в разные времена, т. е. правило параллелограмма скоростей отождествлялось с правилом параллелограмма скорости).

Мы видим: по правилу параллелограмма скоростей, наблюдатель в движении припишет сигналу, до него дошедшему, не ту скорость, и по величине, и по направлению; т. е., ему представится, будто сигнал пришел по другому направлению, а след., и не с того места. На это мы заблаговременно указывали в § 5.

Другой пример (самого Бадделя): мы сидим в неподвижной карете; сваружи отвесно падает дождь; мы так и видим. Но когда мы едем в карете, то кажется, будто дождь падает откосом, нам в лицо. Станем кружить в карете по площади, — представится, будто дождь все меняет направление.

Такие элементарные примеры, обычно приводящиеся, относятся только к случаю наблюдателя, равномерно движущегося в эфире. В общем случае, если $\bar{R}_t - r$, $\bar{r}_t$ положения в эфире тела и наблюдателя соответственно в моменты времени $t - r$, t , то $\bar{R}_t - r - \bar{r}_t$ видимое положение тела в момент времени t , — если бы не было аберации; а теперь оно еще $\bar{R}_t - r - \bar{r}_t + \bar{u}_t r_t$, где $\bar{u}_t$ скорость наблюдателя в момент времени t . Полагая здесь еще $\bar{r}_t - r_t - r + ur_t$, где u — средняя скорость движения за время от $t - r$ до t , найдем видимое положение тела в момент времени t равным: $(\bar{R}_t - r - \bar{r}_t - r) + (\bar{u} - \bar{u}_t) r_t$.

Для равномерного движения, $\bar{u} = \bar{u}$, и тут приходим к след. праву: наблюдатель видит во время t тело в таком положении, в каком тело было относительно него во время $t - r$, т.-е., в момент возникновения света.

§ 9. *Годограф земного движения.*—Заменим, в примере Брэдлея, карету землею O , дождь пучком лучей, падающих от неподвижной звезды A ; звезда покажется сместившеюся в A' при $AA' = ru$ (скорость света здесь и везде ниже принята за единичную, все расстояния измеряются в световых секундах; при переходе на сантиметры, следует r, u и AA' помножить на c , т.-е. на $3 \cdot 10^{10}$).

В треугольнике $(AA'O)$ $ru : r = \sin O \sin A$; если угол A прямой, то можно положить угол O равным u .

Считая величину r постоянно в течение года, видим, что звезда представится описавшею вокруг своего центрального положения A кривую, радиус-вектор которой равен ru , т.-е. всегда пропорционален вектору u земной скорости. Это—не что иное, как *годограф* земного годовичного движения: скорость движения звезды, при r постоянном, в каждой точке равна rq , где q вектор земн. ускорения.

При достаточно точном наблюдении над аберацией звездного света, можно по звездам проверить Ньютонов закон об ускорении, воздействующем с солнца на движение земли! Итак, и неравномерное абсолютное движение может быть доказано, подобно вращательному.

Но заметим: если мысленно увеличим все скорости движения земли по орбите на одну и ту же величину, то все ускорения, а с ними и годограф, останутся прежние! Только другая точка внутри годографа сойдет за „истинное“ положение звезды. Так что и тут, совершенно как и в Механике Ньютона, вопрос об абсолютном движении солнечной системы остается неопределенным до некоторого постоянного слагаемого! Затем: по самому свойству аберации, вряд ли можно наблюдать ее современными инструментами в каком-либо другом случае: скорость движения земли равна 0,0001 световой, а если бы курьерский поезд пробегал 0,1 километра в секунду, т.-е. 360 верст в час, то это была бы всего одна трехмиллионная скорости света; угол O был бы совершенно ничтожен.

§ 10. *Об увеличении эфира.*—Мы оказываемся в положении пассажира парохода, равномерно движущегося в открытом море: желая определить скорость движения парохода в атмосфере, пассажир предпринимал всевозможные опыты,—безрезультатно; потом перешел к опытам над звуком. Но и опыты над извне долетавшими звуками оказались тщетными; остались опыты над звуками, возникающими на самом пароходе. Так и нам, в поисках за движением относительно мировой атмосферы, т.-е. эфира, остаются только опыты над *земным светом*.

И тут еще приходит в голову: если наш пассажир организует опыты над звуком в каюте, то, наверное, опять ничего не добьется,—потому что вместе с каютою движется и каютный воздух, в котором звук распространяется. Только на *малубе*, в соприкосновении со сво-

бодною атмосферою, получится положительный результат: звук от кормы к носу распространяется *медленнее*, чем от носа к корме, потому что нос убегает от звуковых волн, идущих с кормы через неподвижную атмосферу, а корма, напротив того, идет навстречу воздуху, стоявшему над носом. По разности этих двух скоростей звука можно судить о скорости движения парохода.

Так вот: если земля подобна каюте, увлекающей воздух,—если она увлекает эфир в своем движении,—ничего не получится. Выйти на палубу, где бы мы пришли в непосредственное соприкосновение с неподвижным мировым эфиром,—а где же она, эта палуба? Может быть, на такой высоте над землею, на которой мы, не чувствуя под собою твердой почвы, не сумеем поставить и провести сложные опыты? Тогда мы так ничего никогда и не узнаем об абсолютном движении!

Положение получается, может быть, и не безнадежное; но, во всяком случае, *неопределенное*.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Основы принципа относительности.

§ 11. *Принцип ли?*—Под „принципом“ понимается в науке *опытное данное*. Наука не может быть перечнем разрозненных опытов,—это значило бы отрицать внутреннюю логическую связь между отдельными опытами. Наука строится так: типические опытные данные *возводятся в принцип*, а затем уже из них умозрительно выводится все остальное. Чем принципов меньше, тем наука совершеннее, как система, чем принципы экспериментально несомненнее, тем наука солиднее. Экономия в количестве принципов непременно должна уравниваться опытною достоверностью. Идеалом науки было бы: все вывести из *одного* на каждом шагу подтверждающегося принципа.

Когда школа *Эйнштейна* говорит об одном таком всеобъемлющем принципе „относительности“, это значит: опыты в полной мере обнаружили уже невозможность определения какого бы то ни было равномерного абсолютного движения, и мы можем решительно все остальное вывести из этого фундаментального отрицательного опыта.

(Пока речь идет о *равномерном* абс. движении, говорится о „малом“ принципе относительности, в отличие от „большого“, по которому, будто бы, вообще никакое абсолютное движение неопределимо; в этом предварительном труде мы работаем исключительно над малым принципом относительности, а потому в пределах настоящей первой книжки эпитет „малый“ излишен, и мы везде в дальнейшем его опускаем).

Никак нельзя отказать Эйнштейну в остроумии и диалектике: отрицательные результаты целого ряда опытов—ясное дело, тоже опыт.

Допустим, люди бились-бились над проблемою абсолютного движения—все безуспешно: там угол зрения слишком мал, тут аберация подвела и т. п. Пришел человек и сказал: „Все это частности, а просто,

мир так устроен, что абсолютного движения не поймашь. Дайте, я вам все из этого одного выведу". Это был бы принцип.

Отчего люди умирают? Одного враги зарубили, другого сглазили, к тому знахаря поздно позвали или знахарь поперхнулся при заклинаниях. — Бросьте, товарищи, гадать: все смертны, так от чего-нибудь уж умрем.

Превосходно; и если бы невозможность определения абсолютного движения была так же достоверна, как смерть, то Эйнштейн был бы прав. Но достоверна только *большая трудность*, а не невозможность. Невозможность—это *идеализированная трудность*. Поймем же с самого начала принцип относительности так: это для нас учение о том, каким был бы мир, если бы определение абсолютного движения было прямо-таки невозможно; поскольку оно в действительности, может быть, и возможно, да очень трудно, действительный мир едва разнится от того, к какому приведет принцип относительности.

§ 12. *О сопротивлении среды*.—Мы увидим ниже во всех подробностях, что теория Эйнштейна, по собственному признанию ее автора, вся целиком покоится на допущении, что невозможна какая бы то ни было скорость, большая световой (которую принимаем за единичную). И потому, если мы хотим с самого же начала отнестись критически к принципу относительности, то прежде всего должны спросить себя: а почему бы это так?

Ответом может быть только: так как эфир материален, то и оказывает массам, в нем движущимся, сопротивление, все растущее с их скоростью и становящееся, теоретически, бесконечно большим при скорости, равной световой,—так что никакие силы в мире и не в состоянии преодолеть такого сопротивления, и скорость света (принятая нами за единичную) оказывается *предельною*.

Теперь заметим: всякое сопротивление можно выразить при посредстве *переменной массы*. Действительно, дифференциация в этом случае дает:

$$\frac{d(m\bar{v})}{dt} = (m\bar{v})' = m\bar{q} + m'\bar{v}; \text{ отсюда } m\bar{q} = (m\bar{v})' - m'\bar{v}$$

Слева стоит ускорение движения; первый член справа—действие „силы“ $(m\bar{v})'$ на массу m ; оно, как видим, не *все* переходит в ускорение, так как справа стоит еще и отрицательный член—вектор— $m'\bar{v}$, совпадающий по направлению со скоростью. Ускорение, порождаемое силой, теряется отчасти в направлении скорости—эта потеря и есть сопротивление, коэффициент которого равен:

$$\frac{m'}{m} = k, \text{ откуда } m = c^2 k dt.$$

При k данном, эта формула определяет массу m , т.-е., действительно, сопротивление всегда сводится к росту движущейся массы!

Сопротивление среды распадается на *увлечение среды* массой и на *трение*. Увлечение, раз установившись, не противоречит движению с постоянной скоростью или движению по инерции. След., в этом случае, масса чистая функция от скорости, — точнее, от квадрата скорости, — так как увлечение в *однородной* среде от направления скорости не зависит. Если положим $m = m(v^2)$, то $m' = \frac{dm}{dv^2} 2\bar{v} \cdot \bar{q}$,

и так как $2\bar{v} \cdot \bar{q}$ не что иное, как удвоенная работа единичной силы, то пока эта работа равна нулю, т.-е. пока величина скорости постоянна, сопротивления от увлечения нет, а только действие данной центростремительной силы тем меньше, чем больше данная постоянная скорость v (т. к. со скоростью v растет движимая масса).

При *трении*, т.-е., когда энергия движения отчасти тратится не только на увлечение частичек среды, но и на тепловое дрожание неувлекаемых частиц, т.-е. рассеивается, излучается, — движение по инерции, обратно, невозможно, и скорость, в силу самого трения, все уменьшается со временем, даже и при полном отсутствии внешних сил. Тут масса m функция не от одной только скорости, но еще и от времени t .

Во всяком случае, закон сохранения энергии оправдывается. Чтобы это обнаружить, пишем:

$$m^2 v^2 = m^2 (x'^2 + y'^2 + z'^2)$$

$$\text{и дифференцируем: } d(m^2 v^2) = 2m \left(\frac{d(m x')}{dt} dx + \frac{d(m y')}{dt} dy + \frac{d(m z')}{dt} dz \right) =$$

$$= 2m d \left(\frac{m v^2}{2} \right) + 2m v^2 d \left(\frac{m}{2} \right)$$

$$\text{или (т.-к. } m^2 v^2 = \bar{m} \bar{v} \cdot \bar{m} \bar{v}; \bar{v} = \frac{d\bar{r}}{dt} \text{)}$$

$$2\bar{m} \bar{v} \cdot (m \bar{v})' = 2m \left[\left(\frac{m v^2}{2} \right)' + \frac{m' v^2}{2} \right]$$

Сокращая на $2m$, и найдем, что работа силы переходит в приращение энергии $\frac{m v^2}{2}$ при постоянной массе плюс приращение энергии движения $\frac{m' v^2}{2}$, связанное с приращением массы при данной скорости v .

§ 18. — *Сопротивление эфира и принцип относительности.* — Движение масс в эфире, конечно, немислимо без излучений; это, пожалуй, даже единственный путь, по которому энергия переходит от массы к массе. И происходит взаимодействие на расстоянии. Иных сил, в смысле передаточных механизмов, в природе, кроме излучений и поглощений энергии, излученной другими массами, пожалуй, не может быть. Поэтому-то, должно быть, сила Ньютонова притяжения убывает с квадратом расстояния, подобно силе света.

Но мы забудем об этом в первом приближении, а поставим вопрос так: если эфир вообще увлекается массами, так что массы переменны со скоростями — (что необходимо допустить ради положения, по которому скорость света предельная), — то каков должен быть закон сопротивления, в его зависимости от скорости, для того, чтобы, на его основании, наблюдатель решительно не был в состоянии доказать себе свое абсолютное движение?

Если наблюдатель, сам того не замечая, движется со своею системою, то из неподвижного эфира это видно, все массы больше, и механизмы, приводящие их в движение, недостаточны. Все движения равняются слабее, или, как условимся выражаться, *все часы идут замедленнее*. Но сам наблюдатель не знает ни про скорости, как они видны со стороны, ни про замедленный ход своих часов. И может случится, что, составив для себя ур — ния наблюдаемых движений по своим часам, по своим наблюдениям над скоростями и массами, он формально придет к тем же самым во всех подробностях ур — ниям движения, к тому же самому выражению для законов природы, что и в случае системы абсолютно неподвижной. Вот тогда-то ему и не докажешь и не покажешь, что это он движется; принцип относительности окажется несомненным фактом!

Как видим, он, кроме переменных масс, основан еще и на том допущении, что часы в каждой системе *идут по своему*, что у каждого наблюдателя свое „местное“ время, по выражению Лоренца. Покажем связь между этим допущением и сопротивлением эфира.

§ 14. *Местное время.* — Декарт верил, что его бог его не обманывал. Эйнштейну пришло в голову, что таинственный бог, пожалуй, и есть, но что он принципиально водит нас, учащуюся молодежь, за нос. Что ж, может быть, это и прогресс!

Так мы посмотрим, при каких условиях этот мрачный мистицизм был бы прав.

Пригладимся к тому, сколько перемен вводит одно только представление о местном времени. Пусть дана масса m_0 в состоянии покоя в момент p времени в своей системе. В другой системе ее относят, во-первых, к моменту времени t , а, во-вторых, она обладает скоростью v , и потому она сама равна уже не m_0 но $m > m_0$. Для количества движения имеем в одной системе $m \frac{dr}{dt}$, а если передифференцируем

по времени T , то получим: $M \frac{dt}{dt} \frac{dr}{dt}$.

По принципу относительности, закон сопротивления эфира движению должен быть формально тот же самый для абсолютно неподвижного и для движущегося наблюдателя. И мы видим, что тогда необходимо и достаточно просто положить:

$M = m \frac{dt}{dT}$, или $M:dT = m:dt = m_0:dp$, где dp местное время в системе в которой масса кажется неподвижной, т.-е., нужно предположить, что местное время всегда пропорционально массе: это вполне естественно, что, чем масса больше, тем, при том же механизме, она движется медленнее.

Кроме того, масса должна становиться бесконечно большою при предельной скорости $v=1$, для чего необходимо и достаточно, чтобы в ее выражение в знаменателе входил множитель $b = \sqrt{1-v^2}$. Так вот, допустим, что масса m при скорости v равна $m = \frac{m_0}{b} = \frac{m_0}{\sqrt{1-v^2}}$ и покажем, что это, действительно, приводит нас к основным ур—ням теории относительности.

§ 15. — *Основной инвариант.* — При наших допущениях, мы имеем:

$$dt^2 : \frac{m_0^2}{m^2} = (1-v^2) dt^2 = (dt^2 - dr^2) = dp^2,$$

откуда следует: во всякой системе сохраняется квадратичная форма $dt^2 - dr^2$, и не только по своей величине dp^2 , но и по внешнему виду, как алг. сумма $dt^2 - dx^2 - dy^2 - dz^2$ четырех квадратов (если пользоваться декартовыми системами координат). При этом, значение dp^2 , как видим, выражает квадрат инкремента времени в системе, в которой dx, dy, dz нули, т.-е., в которой рассматриваемая точка представляется неподвижною.

В случае $v=1$, т.-е. для света, нужно положить $dt^2 - dr^2 = 0$, и потому инвариантность нашей кв. формы в то же время и необходимое условие к тому, чтобы все наблюдатели приходили к одному ур—нию света, к равной во все стороны и во всех случаях единичной скорости его распространения. Несколько ниже мы дадим формулы (т.-н. Лоренцовы) соответствующих преобразований кв. формы; пока мы только обращаем внимание читателя, что тот путь, которым мы шли, привел нас, действительно, к основному инварианту теории относительности, причем еще с самого начала ясно, что дело не может обойтись без некоторого „местного“ времени, и что объяснения всего нужно искать в определенном сопротивлении эфира.

Тут еще следующее важно: при сохранении нашей формы, не только сохраняется условие постоянной единичной скорости, но подробнее: если $1-v^2$ величина положительная в одной какой-нибудь, то и вообще во всякой системе координат, — след., скорость v , меньшая световой в одной системе, так и остается меньшею световой во всякой другой системе. Обратно, — если бы хоть в одной системе была дана скорость, большая световой, то dp^2 получилось бы отрицательное, или dp мнимое, и это сохранилось бы во всех системах. Вот в виду всего

этого, заранее предполагается, что скоростей, больших световой, быть вообще не может, что скорость света *предельная*. Из этого предположения мы с самого начала и исходили, объяснив его себе сопротивлением эфира.

§ 16.—*Механика теории относительности*. Стоит подчеркнуть лишний раз строгую логичность наших рассуждений: 1) скоростей, больших световой, быть не должно; 2) значит, есть определенное сопротивление эфира, пусть притом такое, влияние которого на ход часов не должно смущать наблюдателя, не отражаясь на формальном выражении законов природы; 3) в таком случае, в результате сказывается, что определенная кв. форма должна оставаться инвариантною; 4) и теперь обнаруживается, что инвариантность этой формы как раз и выражает требование сохранения световой скорости именно еще к тому же, как *предельной*. Круг замкнут, и мы нигде не натолкнулись на противоречия.

Теперь имеем:

$$m^2(1 - v^2) = m_0^2 = m^2 - m^2 x'^2 - m^2 y'^2 - m^2 z'^2.$$

Это ур—не справедливо во всех системах, при соответствующих значениях m, x, y, z, t . Дифференцируя, сокращая на $2m$ и перенося члены из одной части равенства в другую, найдем:

$$(mx')'dx + (my')'dy + (mz')'dz = dm,$$

и тут слева стоит *работа* силы,—значит, справа приращение энергии движения. Итак, в теории относительности число, измеряющее массу m , является в то же время измеряющим и энергию движения, или масса и энергия—одно. Теперь мы создали своеобразную механику, соответствующую идее принципа относительности, и сколько бы ее сторонники ни восхищались ее полною противоположностью механике Ньютона, для нас, напротив, с самого начала ясно, что все сводится к тому простому допущению, что сопротивление эфира ведет к переменной массе, по формуле: $m = \frac{m_0}{\sqrt{1 - v^2}} = \frac{m_0}{\sqrt{1 - v^2}}$

С другой стороны, поклонники Эйнштейна, с его полною противоположностью механике Ньютона, не забывают восхититься и тем замечательным фактом, что механика Ньютона получается из теории относительности, как предельный частный случай (в чем, опять, ничего удивительного нет, потому что у Ньютона нет вовсе сопротивления эфира, а здесь оно есть, но для ничтожных скоростей ничтожное).

Имеем для энергии:

$$m = \frac{m_0}{\sqrt{1 - v^2}} = m_0 (1 - v^2)^{-\frac{1}{2}} = m_0 + \frac{m_0 v^2}{2} + \dots$$

Тут первый член разложения—это масса m_0 , или *энергия покоя*. Второй—энергия движения, как ее определил Ньютон,—что теперь справедливо только для скоростей v , весьма малых, сравнительно

со световой (При счете на сантиметры, тут нужно еще прибавить в знаменателе множитель c^2). Но есть еще и последующие члены разложения, тем значительнее, чем скорость v больше. При $v=1$, и масса, и энергия становятся бесконечно большими. Вот потому-то и никакие силы в мире ее не могут ускорить массу, уже двигающуюся со скоростью света. *Скорость света предельная!*

§ 17.— *Преобразования Лоренца.*—Принимаем скорость света в неподвижном эфире за 1; тогда в декартовой системе координат, неподвижной относительно эфира, ур—не света будет:

$$1 - v^2 = 0, \text{ или } dt^2 - dx^2 - dy^2 - dz^2 = 0.$$

Если наблюдатель движется по оси X-ов со скоростью u , то для него $X = x - ut$, след., $dx = dX + udt$, и ур—не света принимает вид: $dt^2 - (dX + udt)^2 - dy^2 - dz^2 = dt^2(1 - u^2) - 2u dX dt - dX^2 - dy^2 - dz^2 = 0.$

Тут уже, помимо квадратов инкрементов, есть член $2u dX dt$, меняющийся знак, вместе с dX , что показывает, что по оси X-ов свет для нашего наблюдателя, при отсчете времени t , распространяется назад и вперед с различными скоростями. Но легко сообразить, что всегда можно преобразовать данную квадратичную форму в виду, содержащему только квадраты переменных; а в данном специальном случае легко и доказать, что, действительно, наш наблюдатель может ввести такой отсчет времени, при котором свет для него во всяком направлении будет распространяться назад и вперед с той же самою скоростью.

В самом деле, представим себе в двух различных точках А, В пространства, движущегося вместе с наблюдателем и, след., кажущегося ему неподвижным, зеркала и часы. Пусть часы А, отразившись в зеркале В, а оттуда еще и в зеркале А, показывают в зеркале А время t , когда сами часы А тут же рядом показывают $t + 2\alpha$. Это значит, что свет потратил время 2α на путь АВ плюс обратный путь ВА. Ставим часы В так, чтобы они показывали время $t + \alpha$, когда рядом в зеркале В часы А показывают время t . В зеркале А это даст отражение времени t на часах В и времени $t + \alpha$ на часах А в то время, как часы А рядом показывают время $t + 2\alpha$. Теперь положение в той и другой точке одинаковое: часы показывают на α больше, чем другие часы в зеркале рядом, так что выходит, что свет тратит туда и сюда одно и то же время α , хотя бы это и не так было. Все время 2α поделено поровну между путями АВ и ВА,—конечно, за счет совпадения одновременных показаний часов А и В. Можно ли это обнаружить на опыте? Мы разберемся в этом в следующем § е; а пока обратимся к нашему ур—ию света:

Дополним его первые два члена до квадрата двучлена, приписав $+\frac{dX^2}{1-u^2}$, и, чтобы сохранить равенство, прибавим к его последующему члену $-\frac{dX^2}{1-u^2}$. Тогда получим:

$$\left(dt\sqrt{1-u^2} - \frac{udX}{\sqrt{1-u^2}}\right)^2 - \left(\frac{dX}{\sqrt{1-u^2}}\right)^2 - dy^2 - dz^2 = 0; \text{ но } dX = dx - udt,$$

$$\text{след, } dt\sqrt{1-u^2} - \frac{udX}{\sqrt{1-u^2}} = dt\sqrt{1-u^2} - u\frac{dx - udt}{\sqrt{1-u^2}} = \frac{dt - udx}{\sqrt{1-u^2}}.$$

Это показывает, что квадратичная форма, стоящая слева в ур-ни света, сохраняется при следующих замещениях или преобразованиях:

$$dT = \frac{dt - udx}{\sqrt{1-u^2}}, \quad dX = \frac{dx - udt}{\sqrt{1-u^2}}, \quad Y = y, \quad Z = z.$$

Это и есть знаменитые преобразования Лоренца, лежащие в основе всей теории относительности. (Сам Лоренц вывел их не так и не по тому случаю). Первая формула определяет местное время. При $dx = 0$, т.-е. для точки, неподвижной в эфире, имеем: $dT = \frac{dt}{\sqrt{1-u^2}}$, в полном согласии с выводами § 14.

§ 18. Условия реальности местного времени. — Конечно, не знаменатель $\sqrt{1-u^2}$ в формуле для местного времени может внушать какие-либо сомнения, потому что нет существенной разницы в том, в каких единицах время измерять. А помимо знаменателя, все дело в добавочном слагаемом — udx . Примем его или нет, — все равно, одновременные события, случившиеся в одной точке эфира, так и останутся одновременными, а последовательные — последовательными, так что никаких противоречий в этом отношении не получится. Но если дело касается разных точек, удаленных различно от начала, т.-е. с различными абсциссами x , — то из двух событий, имевших место в эфире в двух таких точках одновременно, — событие, случившееся в точке, более удаленной от начала, представится, по местному времени, более ранним. Это могло бы повести к извращению причинной связи, где события в эфире причинно связаны между собою. Но тогда действие должно передаваться на расстояние x за время их меньшее, чем x (так как u меньше 1), т.-е., со скоростью, большею 1, или большею световой. А в основе всей теории лежит, как мы уже неоднократно подчеркивали, предположение, что никаких реальных скоростей, больших единичной световой, вообще нет. Тогда местное время ни в каком случае не может оказаться в противоречии с законом причинности, и тогда оно, упрощая ур-не света, а с ним и всю электромеханику, вполне приемлемо.

К тому же, оно почти не разнится от действительного времени t . В нашем написании предполагается, ведь, что расстояния и скорости измеряются в световых секундах, т.-е. при их измерении в сантиметрах, нужно писать $\frac{ux}{c^2}$, где c^2 равно $9 \cdot 10^{20}$. Значит, даже при скорости u , равной световой, разность в показаниях достигает всего секунды

на каждые 300.000 километров по оси движения! А если возьмем $\alpha = 0,0001$, что соответствует наибольшей известной нам скорости массы—поступательному движению земли по ее орбите, и возьмем еще x равным 3 кил., или, в световых единицах, равным 0,000001, то и получится разность $\frac{\alpha x}{c^2}$, равная $0,1 \cdot 10^{10}$! Т.-е., в пределах земного

бытия местное время практически вовсе и не разнится от абсолютного.

§ 19. *Переносные часы.*—Во всяком случае, не следует забывать, что мы живем в эпоху, в которую как раз начали ставиться опыты над электрическими частицами, движущимися со скоростями, достигающими световой, а, по убеждению некоторых ученых, и превзошедшими уже световую. Так что принципиально местное время вещь весьма сомнительная.

Кроме того, Эйнштейн трогательно заблуждается, полагая, будто идея абсолютного времени связана в нас непременно с представлением возможности сношения с различными местами пространства моментально, и, таким образом, установить, что в них совершается одновременно. Когда мы постулируем идею одновременности в различных точках пространства, мы просто допускаем, что одинаково выверенные часы были перенесены из начала координат во все точки пространства. Навязно возражение Эйнштейна: откуда это мы знаем, не портятся ли часы при переноске? Допустим, что мы переносили их бесконечно медленно, всех возможных конструкций, и что разность αx вскрыта,—станет ли Эйнштейн и тогда упираться или же сознается, что его теории относительности опровергнута, хотя местное время практически и осталось приемлемо в прежних границах?

Эйнштейн выезжает единственно на том, что таких чувствительных переносных часов еще не построено, что мы вообще фактически еще не в состоянии непосредственно проверить, сколько времени свет тратит на путь AB и сколько на обратный путь BA . Все это экспериментально самые трудные проблемы, и вот, он *трудность* возводит в *невозможность*, и притом, без всякой пользы для науки: потому что, чем тут гадать, все равно, нужно неустанно делать проверочные опыты и быть готовым на всякий их результат, если ты, действительно, серьезный ученый, а не фантазер, выдумывающий науку из головы.

Заметим еще: если никакие опыты не обнаружат отклонения местного времени от абсолютного, то это значит только то, что земля, в своем движении, увлекает эфир, и что наше время—фактически абсолютное.

§ 20. *Вращение небесного свода.*—Обратим еще внимание на одно весьма забавное следствие из принципа относительности.

При всяком вращении с угловой скоростью ω , точки, удаленные от оси больше, чем на $\frac{1}{\omega}$ световых секунд, движутся со скоростями, большими световой. И если таких скоростей в действительности нет, то никакое вращение неопределенно продолженного пространства немислимо.

След., видимое вращение небесного свода, несомненно, только кажущееся, т.-е., это земля вращается—относительно чего же другого, если не эфира? Или можно дать еще и какое-нибудь иное объяснение видимому вращению звезд, кроме абсолютного вращения земли?

Таким образом, именно отрицание скоростей, больших световой, подготавливает, с одной стороны, почву для утверждений, будто наверное никакие в мире опыты не обнаружат нам нашего абсолютного движения, поскольку оно равномерно; а с другой стороны, именно оно и вскрывает абсолютное вращение земли. Значит, эфир-то *есть*, а поступательного движения в нем никак не докажешь?

Что Эйнштейн сам прекрасно понимает всю трагически очистительную силу этого несложного рассуждения, показывают его не менее трагические попытки видоизменить свой принцип так, чтобы он из малого вырос в „большой“, т.-е., чтобы оказалось, будто вообще-то никакого,—не то, что поступательного,—абсолютного движения доказать нельзя,—так что, может быть, звезды и впрямь кружат в пространстве, а земля не вертится.

Но об этом мы поговорим во второй части нашего труда, специально посвященной критическому разбору большого принципа относительности; а пока, ограничимся рамками малой Эйнштейновой теории, при чем, конечно, несколько предварительных вылазок по адресу большого принципа—не в счет!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Анализ явления аберации.

§ 21. *О сокращении движущейся системы.*—Если бы местное время было единственною особенностью преобразований Лоренца, а потому и всей теории относительности, то с этим еще можно было бы примириться,—хотя бы как с удобным приемом трактовки опытных данных. Но есть еще и вторая формула Лоренца, знаменатель которой, как сейчас увидим во всех подробностях, ведет к недоумениям. Чтобы тут разобраться, как следует, начнем с указания на то, как отсчет времени влияет на определение длины движущихся предметов.

Дело в том: если по оси X —ов со скоростью v летит стрела, то в каждое мгновение где-нибудь на оси находится ее начало и ее конец,—след., и обратно: в каждой точке прямой когда-нибудь будет и острье, и конец стрелы. Извольте, наблюдая стрелу в таком состоянии движения, вычислить, где было острье и где был конец стрелы в одно и то же время T ? Если мы ошибемся, связав, как одновременные, положения начала и конца, на самом деле неодновременные, то ясно, что ошибемся и в определении длины: стрела может показаться и вовсе без длины, и даже—летающею в обратном направлении. Это все и неизбежно при переходе от „абсолютного“ времени t к местному времени T .

Местное время, как мы в том уже убедились, само по себе непротворчиво (поскольку нет скоростей, больших световой), оно только наиболее подходящее для упрощения ур-ня света. Но допустим, что наблюдатель в неподвижном эфире, не считаясь с формой своего ур-ня света, ввел местное время, ему неподходящее, по первой формуле Лоренца, и затем приступил к наблюдению стрелы, длиною в d , летящей по оси X —ов со скоростью u . Полагая начало времени в тот момент, когда конец стрелы был в начале координат, он заключит, что острие стрелы, на расстоянии d от начала, было в точке с абсциссою d не во время 0, а во время $T = \frac{t - ud}{\sqrt{1-u^2}}$, т.е. раньше, т.е., когда

стрела еще не долетела до истинного положения острия в момент времени нуль. След., стрела покажется ему длиннее, и легко вычислить насколько: если ей предстоит еще лететь время τ со скоростью u , то ее длина будет $d + u\tau$, и подставляя эту величину в формулу Лоренца для времени $T = 0$, получим: $\tau = u(d + \tau u)$, откуда $\tau = \frac{ud}{1-u^2}$, и, след., длина стрелы окажется равною

$$d + \frac{u^2 d}{1-u^2} = \frac{d}{1-u^2}.$$

Итак, стрела представится вытянутою в $1 : (1 - u^2)$ раз. Значит, и наблюдателю, движущемуся совместно со стрелою и пользующемуся местным временем, все представится во столько именно раз длиннее по оси движения, чем наблюдателю, неподвижному в эфире и пользующемуся отсчетом времени t . Т.е.: наблюдатель, неподвижный в эфире, должен заключить, что движущийся наблюдатель пользуется, при измерении предметов, для него неподвижных, масштабом, укороченным в $1 : (1 - u^2)$ раз по оси движения, — иными словами, что с движением предметов связано такое именно укорочение их по оси движения.

§ 22. *Значение второй формулы Лоренца.* — Мы в точности определили влияние местного времени на длину движущихся предметов. Но при таком выводе, принцип относительности был бы нарушен, потому что сразу было бы видно, кто из двух наблюдателей движется, кто в покое. А такой вывод и прямо следует из первой формулы Лоренца, если связать ее с обыкновенною формулою движения со скоростью u : подставляя в эту обыкновенную формулу ($X = x - ut$) значение $t = \frac{T\sqrt{1-u^2} + ux}{\sqrt{1-u^2}}$ из первой формулы Лоренца, мы получим, в самом деле: $X = x(1 - u^2) - T u \sqrt{1 - u^2}$, откуда, во-первых, следует сокращение абсцисс X в $1 - u^2$ раз, в сравнении с абсциссами x , при том же времени T , а во-вторых, еще следует, что движущемуся наблюдателю неподвижный покажется движущимся со скоростью $-u \sqrt{1 - u^2}$, а не $-u$. Вот потому то, чтобы достичь взаимности в положениях наблюдателей, обычная формула движения, по первой формуле Лоренца, изменена прибавлением множителя $\sqrt{1 - u^2}$ в знаменатель. Тогда получается, во-первых, укорочение в $1 : \sqrt{1 - u^2}$ раз, а не в $1 : (1 - u^2)$ раз, и, во-вторых,

скорость первого наблюдателя в глазах второго равна уже— u , в то время, как скорость второго в глазах первого равна u . Сокращение движущихся предметов теперь тоже оказывается взаимным, в чем легко убедиться, решая формулы Лоренца обратно в X, T : получим опять совершенно такие же формулы,—только знак при u перейдет в обратный, а знак при u^2 останется; конечно, тот же.

Итак, принцип местного времени недостаточен для теории относительности. Нужно еще предположить, что движущийся наблюдатель воспринимает отрезки в направлении движения в $\sqrt{1-u^2}$ раз большими, чем это нами ожидалось,—почему, это остается непонятным; так уже состояние его движения действует, очевидно, на его глаз, заставляющий при движении своеобразным астигматизмом!

Подойдем к этой чрезвычайно важной проблеме еще и с другой стороны, чем мы это делали до сих пор.

§ 23. *Схема опыта Майкельсона*¹⁾.—Представим себе в неподвижном эфире две точки E и F , на расстоянии $2ut$ друг от друга, и всевозможные лучи, доходящие из первой точки во вторую за одно и то же время $2t$, при посредстве зеркальных отражений. Возьмем один такой луч, который, выйдя из точки E , отразился в зеркале A и попал в точку F , потратив на все путешествие время $2t$.

Проведем в треугольнике EFA' бисектр $A'O$ угла A' , который разделит сторону EF в отношении сторон EA' и FA' . Полагая, что $EA' = t + \beta$, $A'F = t - \beta$, найдем: $OE = u(t + \beta)$, $OF = u(t - \beta)$.

Далее получим, полагая отрезок между серединою стороны E и основанием высоты $A'B$ равным x , а высоту $A'B$ равною y , что

$$(x + ut)^2 + y^2 = (t + \beta)^2; \quad (x - ut)^2 + y^2 = (t - \beta)^2.$$

Почленное вычитание даст:

$$(t + \beta)^2 - (t - \beta)^2 = (x + ut)^2 - (x - ut)^2,$$

т. е., если возьмем произведение суммы на разность:

$$2t \cdot 2\beta = 2x \cdot 2ut,$$

откуда

$$\beta = ux.$$

Теперь имеем:

$$y^2 = (1 - u^2)(t^2 - x^2),$$

что даст, при $y = u \sqrt{1 - u^2}$: $x^2 + y^2 = t^2$;

след., при $y = \frac{u}{\sqrt{1 - u^2}}$: $x^2 + \frac{y^2}{1 - u^2} = t^2$.

¹⁾ Самый опыт Майкельсона описывается во всякой популярной брошюрке о теории относительности, и мы предполагаем, что читатель с ним достаточно уже знаком.

Первое ур-ие определяет круг с радиусом, равным t . Мы видим, что геометрическое место всех точек A' , для которых $EA' + A'F = 2t$, получается из круга с центром в середине отрезка EF и радиусом t , если все высоты y' помножить на $\sqrt{1-u^2}$: след., это—эллипс с эксцентриситетом u ; E, F —его фокусы.

Между прочим, получим:

$$(x \pm ut)^2 - (t \pm ux)^2 = (x^2 - t^2) (1 - u^2)$$

что, по существу, представляет собою не что иное, как формулы Лоренца. Вообще, в описанном воображаемом примере заключена в зародыше вся теория относительности, и мы потому-то наложили его так элементарно, избегая всякой высшей математики, чтобы читателю стали ясны несложные чисто арифметические основания теории.

§ 24. *Значение закона аберации.*—Теперь допустим, что наблюдатель двигался в эфире от точки E к точке F со скоростью u , так что ему показалось, будто луч u вышел из начала и вернулся в начало неподвижное. Он увидит, по закону аберации, зеркало A' в том направлении от себя, в каком оно было относительно него в момент отражения луча. Тогда он был в точке O , след., он увидит зеркало в направлении бисектра OA' , т.е. он найдет для зеркала абсциссу $OB = x - u\beta = x(1 - u^2)$ и ординату y , т.е. для него, сравнительно с наблюдателем, неподвижным в эфире, абсцисса помножилась на $1 - u^2$; это и значит: отрезки в направлении оси движения сократились для него в $1:(1 - u^2)$ раз.

Один видел все точки A' , которые только ни лежат в плоскости чертежа, на эллипсе с большою полуосью t в направлении скорости u и с малою полуосью $bt = t\sqrt{1-u^2}$ в направлении, к скорости нормальном. Наш наблюдатель увидит эллипс с большою полуосью bt в направлении, нормальном к скорости, и с малою полуосью b^2t в направлении самой скорости. Оба эллипса—того же эксцентриситета u .

И теперь понятно: если все вдруг для нашего наблюдателя расширится по оси движения в $1:b = 1/\sqrt{1-u^2}$ раз, то эллипс для него станет кругом, и он сам увидит себя в центре круга и решит, что свет для него во все стороны распространяется с одинаковою скоростью b . Эту скорость он может принять равною 1, при условии, если введет новую счетную единицу времени, стоящую к прежней в отношении $b:1$, т.е. при условии пользования часами, в $1:b$ раз медленнейшими, сравнительно с часами наблюдателя, в эфире неподвижного.

И тогда-то, не входя в разбирательства о том, сколько именно времени луч тратит на путь OA' и сколько на обратный путь $A'O$, он скажет себе: „Мой свет распространяется совсем как в неподвижном эфире.—след., никакого моего абсолютного движения нет!“

Это все можно истолковать просто, как тот факт, что если даже земля эфира не увлекает и если можно доказать ее абсолютное движение опытами над земным светом, то единственно по уклонению опи-

саниого от действительности, т.-е. по отсутствию перехода светового эллипса в круг, по отсутствию дополнительного растяжения в направлении оси движения в $1:b$ раз.

А всего-то, уклонение выражается в ничтожно от 1 уклоняющемся множителе $b = \sqrt{1-u^2} = 1 - \frac{u^2}{2} + \dots$, где, для земного поступательного движения, нужно положить u^2 равным около 0,00000001!

Но можно и утверждать: никакого уклонения не получится, потому что растяжение фактически имеет место! Но почему? А хотя бы потому, что закон аберации не тот, какой предположим Брэдлеем: абсцисса точки A' , по истинному закону аберации, равна для движущегося наблюдателя не x , но $x:b$, — вот и все!

§ 25. Теория аберации. — Раньше мы просто смотрели на аберацию, как на вывод из общего закона параллелограма скоростей: Но теперь выходит, что обратно, закон аберации света основной: с его изменением, скорость света оказывается постоянной при любом движении наблюдателя, что противоречит привычному правилу параллелограма скоростей. Итак, в зависимости от закона аберации, изменится и самое правило сложения абсолютной скорости внешнего тела и минус абсолютная скорость наблюдателя.

Что характерно в явлении аберации? Если наблюдатель, неподвижный в O , видит свет в точке A , то в то же время наблюдатель, движущийся в точке O со скоростью u , видит свет в точке A' , а не A , при чем направление смещения AA' , конечно, не может быть иным, кроме направления скорости u , но величина смещения AA' может быть тою или иною функциею от величины скорости u . Решим задачу в общем виде. Чертеж показывает, что

$$OA^2 - AB^2 = OB^2 = OA'^2 - A'B^2$$

или

$$R^2 - X^2 = r^2 - x^2,$$

т.-е.,

$$(R + X)(R - X) = (r + x)(r - x),$$

а потому, понимая под e^μ некоторый неопределенный множитель, должно быть в отдельности:

$$R + X = e^\mu (r + x); \quad R - X = e^{-\mu} (r - x).$$

Слагая и вычитая почленно, найдем:

$$R = \frac{e^\mu + e^{-\mu}}{2} r + \frac{e^\mu - e^{-\mu}}{2} x$$

$$X = \frac{e^\mu - e^{-\mu}}{2} r + \frac{e^\mu + e^{-\mu}}{2} x.$$

Обратные замещения найдутся по совершенно таким же формулам, но только знак при μ нужно переменить на противоположный. Неопределенные коэффициенты в этих преобразованиях носят в алгебре названия: „гиперболический косинус и синус угла μ “. Мы условимся обозначать их: $\text{Cos}\mu$, $\text{Sin}\mu$, с прописных букв, тогда как $\cos\mu$, $\sin\mu$ означало бы обычные тригонометрические функции от угла μ . Итак, пишем:

$$\text{Cos}\mu = \frac{e^{\mu} + e^{-\mu}}{2}; \text{Sin}\mu = \frac{e^{\mu} - e^{-\mu}}{2};$$

$$R = r\text{Cos}\mu + x\text{Sin}\mu; X = x\text{Cos}\mu + r\text{Sin}\mu.$$

В оправдание названий, укажем прежде всего: если бы требовалось преобразовать не разность двух квадратов $R^2 - X^2$ в разность же квадратов $r^2 - x^2$, а сумму в сумму, то аналогичные рассуждения привели бы к известным формулам поворота осей декартовых координат на угол μ , при чем, вместо гиперболических, стояли бы обычные тригонометрические функции. Кроме того, напомним читателю некоторые положения так называемой гиперболической тригонометрии.

§ 26. *Гиперболическая тригонометрия.*—Прежде всего, прямое вычисление даст:

$$\text{Cos}^2\mu - \text{Sin}^2\mu = 1.$$

Затем:

$$\text{Cos}(\mu + r) = \text{Cos}\mu \text{Cos} r + \text{Sin}\mu \text{Sin} r$$

$$\text{Sin}(\mu + r) = \text{Sin}\mu \text{Cos} r + \text{Sin} r \text{Cos}\mu.$$

Вообще, все обычные формулы тригонометрии остаются и тут справедливыми,—при одном только добавочном условии: менять знак на обратный при каждом члене, в который гиперболический синус (все равно, какого угла) входит множителем дважды.

Вводя еще функцию „гиперболический тангенс“, по ур-нию:

$$\text{Tg}\mu = \frac{\text{Sin}\mu}{\text{Cos}\mu}$$

легко найдем:

$$\text{Tg}(\mu + r) = \frac{\text{Tg}\mu + \text{Tg} r}{1 + \text{Tg}\mu \text{Tg} r}; \text{Sin}\mu = \frac{\text{Tg}\mu}{\sqrt{1 - \text{Tg}^2\mu}}; \text{Cos}\mu = \frac{1}{\sqrt{1 - \text{Tg}^2\mu}}$$

и при $\text{Tg}\mu = w$:

$$\text{Sin}\mu = \frac{w}{\sqrt{1 - w^2}}; \text{Cos}\mu = \frac{1}{\sqrt{1 - w^2}}.$$

Теперь общему решению аберации можно придать следующий вид:

$$R = \frac{r + wr}{\sqrt{1 - w^2}}, X = \frac{x + wr}{\sqrt{1 - w^2}}.$$

Эти формулы нам, собственно, уже известны, как „преобразования Лоренца“, — нужно только, вместо w, R, r , читать $u, — T, — t$. Они вступают в свои права вообще всякий раз, как надлежит преобразовать разность двух квадратов в разность же двух других квадратов. Мы дали несколько выводов этих преобразований, на которых построена вся теория относительности, и притом все наши выводы до известной степени оригинальны и отличаются от обычно принятых. Особенно интересно, что простые рассуждения по поводу чертежа в § 24 приводят, при некотором их углублении, которое мы смело можем предоставить самому читателю, непосредственно к формуле Лоренца для местного времени, так что можно прямо проследить, как движущийся наблюдатель, раз он не в состоянии для себя определить, сколько именно времени луч потратил отдельно на пути $OA', A'O$, само собою приводится к местному отсчету времени.

Но и несколько более отвлеченный аналитический вывод в § 17 заслуживает внимания по своей простоте и прямому подходу к теме.

§ 27. *Критика Бродяевой формулы.* Теперь вспомним: по Бродяеу,

$$X = x + ut$$

и затем мы пришли к идеальному закону, где правая часть еще разделена на $\sqrt{1 - u^2}$, что соответствовало бы значению $w = u$ в общей формуле, нами установленной в предыдущем §-е. Тогда скорости оказались бы гиперболическими тангенсами некоторых воображаемых углов, и правило паралелограмма скоростей перешло бы в правило: брать разность не самих скоростей, а углов, им соответствующих. Скорость V , наблюдаемая наблюдателем, который сам бы двигался со скоростью u , стала бы для него не просто $v - u$, но (по формуле для $Tg(\mu - \nu)$):

$$V = \frac{v - u}{1 - uv}.$$

При ничтожных скоростях u, v , сравнительно со световою единичною, это попрежнему дает, с большою точностью, обычное правило паралелограмма, т.е. это не противоречит всему нашему опыту, относящемуся к движению масс. Но если $u = \frac{1}{n}$, где n достаточно малая величина, то получается:

$$V = (u - v) \left(1 + \frac{1}{n} uv \right) = \frac{1}{n} - v + \frac{v}{n^2} + \dots,$$

а это — как раз известная формула Физо, которую тот нашел, исследуя распространение света в жидкости с коэф. преломления n , движущейся со скоростью v ! При $n = 1$, получали бы (и по приближительной формуле Физо, и вполне точно по общей формуле): $V = 1$, т.е. скорость света оказывается, по предположенному закону сложения скоростей,

постоянною, или: какой бы „ветер“ в эфире ни дул, с какой бы скоростью наблюдатель в эфире ни двигался,—свет, несмотря ни на что, представляется распространяющимся все с тою же самою скоростью, равною 1!

Ясно, что если таков, действительно, закон аберации, то, во-первых, это не только не противоречит опыту, но, напротив того, сводит в одно все опыты,—как над движениями масс, так и над движением света; а во-вторых, никакими опытами над светом не удастся определить абсолютных скоростей.

И обратно: если две системы движутся друг относительно друга так, что ни одна из них не имеет преимущества абсолютного покоя перед другою, то w , в общей формуле для аберации, должно быть функциею от u , только меняющею знак при обратном преобразовании, что, при $w = u$, в точности осуществляется.

§ 28. *Относительна ли аберация?*—Брадлеева формула отличает одного наблюдателя, неподвижного в эфире, от всех прочих, движущихся в эфире; это видно из ее обратного решения:

$$X = x + ur; \quad x = X - ur, \quad \text{а не } x = X - uR,$$

и тут мы приходим к принципиальному вопросу: если представим себе, что все массы, в первом приближении, движутся равномерно, и что все они увлекают эфир в своем движении, то, значит, эфир дан нам, как состоящий из отдельных частей, равномерно друг относительно друга движущихся; и можно ли, в таком случае, и по какому признаку отличить из всех этих частей ту, которая одна действительно неподвижна и относительно которой именно все остальные части движутся?

Мы знаем, что ньютонова механика, хотя явственно и не постулировала эфира, но, по существу, отвечала на поставленный вопрос отрицательно, и мы рассчитывали получить на него ответ в теории светового движения,—в Электромеханике. Но теперь оказалось, что прежде надо решить вопрос о сущности аберации.

Когда две системы равномерно движутся друг относительно друга, когда одна часть эфира равномерно скользит относительно другой, то между ними происходит *сдвиг*, механически ведущий к аберации, и если эта аберация не абсолютна, как предполагал Брайлей, но относительна, то, в связи еще с изложенным нами о сопротивлении эфира, другой формулы для аберации, как именно со множителем $\sqrt{1 - u^2}$ в знаменателе, быть не может, и, след., в этом случае щекотливая проблема о растяжении движущихся предметов разрешается без всяких затруднений. Обратно, если прав Брайлей, то теория относительности, в вопросе об аберации, несомненно поведет к противоречию с опытом.

К сожалению, самые опыты чрезвычайно трудны и, в применении к земной аберации, вряд ли в наши дни возможны. Опыт Майкельсона как будто решил против Брайлея, но его повторение Миллером как будто дало нарек на положительный результат. Тут нужно ждать и не увлекаться теориями, выдуманнами из головы.

До чего еще не разработана теория майкельсонова опыта, показывает хотя бы то обстоятельство, что в обычных изложениях, вместо растяжения движущихся предметов, говорится об их укорочении: это, конечно, *результат*, но, как мы показали, прежде всего, переход к местному времени ведет к сокращению в отношении $1:(1-u^2)$; потом, благодаря („идеализованной“) аберации, происходит растяжение в отношении $1:\sqrt{1-u^2}$.

Окончательное сокращение в отношении $1:\sqrt{1-u^2}$ является, как видим, последствием перехода к местному времени, так что, помимо местного времени, перед нами очевидное растяжение, а не сокращение.

§ 29. *Опять преобразования Лоренца.*—Если примем идеализированную в направлении относительности формулу для аберации, то нетрудно из нее немедленно вывести преобразования Лоренца.

Пусть наблюдатель отправился в момент времени $t=0$ из точки O , отнесенной к неподвижному эфиру, по прямой OE со скоростью u . Через время t , когда он отложил путь ut , в точке A с координатами (x, y) , относительно осей, неподвижных в эфире, блеснул свет, с которым он встретился в точке E еще через время r , отложив в общем путь $OE = u(t+r)$. По закону аберации Брайля, наблюдатель увидит свет в таком положении относительно себя, в каком он был относительно источника света в момент t возникновения света, т. е. он припишет источнику A в момент времени t абсциссу

$$X = x - ut,$$

вместо чего мы, по идеализированному закону аберации, пишем

$$X = \frac{x - ut}{\sqrt{1-u^2}},$$

и теперь вопрос: *к какому времени* отнесет наблюдатель появление света? Пользоваться паралелограмом скоростей, как рекомендует Брайль, он не может, потому что и не подозревает, что сам движется в эфире. Для него эфир неподвижен, и он заранее исходит из предположения, что скорость света постоянна, и с этой точки зрения его событие только, доказав ему, что она его приводит к противоречиям. А пока еще никаких противоречий нет, и он рассуждает так: „во время $t+r$ (или во время $\beta(t+r)$, если допустить, что его часы идут несколько ускоренней или замедленней) я увидел свет на расстоянии R от себя, равном

$$R = \frac{r + u(x - u(t+r))}{1-u^2} = r\sqrt{1-u^2} + \frac{u(x-ut)}{\sqrt{1-u^2}}.$$

Полагая β выбранным так, чтобы скорость света у меня была 1, я прихожу вот к какому времени возникновения света:

$$T = \beta(t+r) - r\sqrt{1-u^2} - \frac{u(x-ut)}{\sqrt{1-u^2}}.$$

что проще всего выглядит в предположении $\beta = \sqrt{1-u^2}$ и дает тогда:

$$T = \frac{t - ux}{\sqrt{1-u^2}}.$$

„Вот, значит, когда свет блеснул, в предположении скорости света, равной для меня 1, и такое допущение не приводит меня ни к каким противоречиям. Так зачем же мне предполагать что-либо другое, пока опыт меня не опровергнул?“

§ 30. *Итоги.*—Теперь мы дали себе полный отчет в основаниях теории относительности. Читатель, привыкший, по другим изложениям, смотреть на эту теорию, как на нечто весьма премудрое, таинственное и даже простому здравому смыслу недоступное, видит, что это не так; что на самом деле можно все понять, хотя и не со всем необходимо соглашаться. Но зачем напускать туману и поднимать излишний шум по поводу следующих вполне выраженных допущений:

1. Аберация относительна, а потому дана не формулою Брадлея, но формулою, которую мы выше окрестили „идеализированною“.

2. Ошибшись в положении светящейся точки, вследствие аберации, а кроме того, упустив в том, что для него свет распространяется с постоянною единичною скоростью, наблюдатель, *при поправках на скорость света*, ошибается и во времени, когда свет блеснул, и приходит, таким образом, к „местному“ времяисчислению.

3. Обе ошибки, однако, так взаимно нейтрализуются, что никакого противоречия в результатах не получается, и наблюдатель незаинтересован в том, чтобы отказаться от них в пользу „абсолютного“ определения времени и места каждого события.

4. В таком случае, каждый вправе считать себя неподвижным в эфире, а это и есть принцип относительности.

Далее, выяснилось, что опровергнуть всю теорию можно так:

1. Совершенно,—доказав действительность хотя бы одной какой-нибудь скорости, большей световой.

2. Опровергнув идеализированную формулу для аберации, после чего все формулы, однако, сохраняют свое значение, при условии, считать, в направлении оси движения, отрезок $\sqrt{1-u^2}$ единичным (то есть, при условии измерения отрезков в направлении скорости и искусственного, противоречащего показаниям чувств и инструментов).

3. Доказав, что свет тратит на путь AB иное время, чем на обратный путь BA , после чего станут необходимыми поправки на абсолютное время.

Наконец: так как, даже если теория неправильна, то поправки к ней минимальны, то практически ее выводы в известной степени вполне приемлемы. Но не надо забывать необходимых корректур.

Таков наш подход к теории. Может быть, бесполезно дать теперь еще схематическое изложение в духе самого творца теории—Эйнштейна.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Принцип относительности по Эйнштейну.

§ 31. *Метод проекции.*—Есть древнее предание о загадке, которую предложили, мол, египетские жрецы Фалесу: измерить высоту пирамиды;—а тот ответил: „измерь тень пирамиды в час дня, когда твой посох, поставленный отвесно, отбрасывает равную себе по длине тень“.

Это значит: иногда можно, вместо законов действительности, заняться формулировкой более простых законов некоторого воображаемого мира, если только он связан с действительным однозначно, как проекция с проектируемою фигурою или как тень с предметом. Можно по теням изучать самые предметы. Согласимся называть этот важный методологический принцип принципом *проекции*, или еще: *принципом подстановки*.

Так, напр., Кеплер, чтобы найти положение планеты на ее эллипсе, заменил эллипс, для удобства, кругом. Замечательно, что гораздо позднейший Ньютонов закон притяжения привел к решению в форме интегралов, которых прямо никак не возьмешь, а надо произвести, по общим правилам интегрального вычисления (о котором в дни Кеплера и помину не было), именно подстановку, заранее выраженную Кеплером в его знаменитом ур-ии $E - \cos E = M$. Без помощи величины E не обойдешься; а это, в геометрическом ее толковании, как раз „эксцентрическая аномалия“ воображаемой планеты, движущейся вокруг солнца не по эллипсу, но, эксцентрически, по кругу. Вот уж как тут действительность сраслась со своею воображаемою проекцією!

Нам думается, что и в теории относительности следовало бы видеть всего только проекцию действительности, правда, чрезвычайно к ней близкую. Все остальное, ведь, не доказано и может быть каждую минуту опровергнуто на опыте. Заменяв трудность определения абсолютного движения невозможностью, Эйнштейн создал идеализированную в своеобразном духе проекцию действительности, в пользу которой он может привести один только тот сомнительный аргумент, что было бы забавно, если бы эфир существовал, а движения в нем полностью нельзя было бы доказать.

А вдруг, окажется можно? С какой стати нам принимать на веру в науке хоть что-либо, как бы оно ни было парадоксально?

§ 32. *Главные наблюдатели.*—Под *главным* наблюдателем понимается у Эйнштейна такой, который видит распространение света во все стороны с постоянною скоростью, принимаемою за единичную. Все главные наблюдатели связаны между собою преобразованиями Лоренца, каждый видит всех других в состоянии равномерного движения. Но нельзя утверждать, что они все равномерно движутся в эфире, так как каждый из них считает себя неподвижным в эфире, и эфир представляется, благодаря этому, неблагонадежным по существованию.

Принцип относительности—в том, что законы природы остаются формально теми же при переходе от одного главного наблюдателя к другому, и потому закон природы, сформулированный одним каким-нибудь главным наблюдателем, справедлив для всех; напр., что скорость света постоянна.

Это—только распространение на всю механику, включая сюда и электромеханику, Ньютонова принципа относительности, по которому законы природы не изменяются от прибавления ко всем движениям любой постоянной скорости.

У всякого главного наблюдателя своя система координат, понимая под этим отсчет как пространственных величин, так и времени; к этой-то системе координат он относит законы природы. С нашей точки зрения, законы природы оказываются теми же самыми „в проекции“; а в действительности, их еще следует преобразовать от местного к „абсолютному“ времени, буде такое определится; равно как нужно, может быть, отказаться от гипотезы сокращения в направлении равномерного движения.

Если нам возражат; „да какой же смысл вечно об этом напоминать? ведь, абсолютная система до сих пор не найдена, как же к ней преобразовать?“, то мы ответим: Эйнштейн как бы вовсе отрицает на все неизмеримое будущее возможность, а потому и необходимость такого преобразования,—ну, а мы рекомендуем неослабно памятовать, что вдруг, да и выяснится его возможность и необходимость. Чем прямо выдавать законы природы в проекции за действительность, нужно неустанно проверять эти законы природы в проекции *на опыте*; это не беспечно, это как раз и может привести к необходимости корректур, т.-е. к определению, наконец, на опыте таинственного абс. движения.

Оговариваемся, что местами, как будто, и сам Эйнштейн и, особенно, некоторые его поклонники, которые поосторожнее, не отрицают проверки своего принципа на опыте, даже требуют ее. Но наперед пророчествуют о своей правоте, а потому и не подчеркивают в самом названии своего принципа, что это всего только принцип относительности в проекции. И получается не наука, а вера наперед.

§ 33. *Эфира нет?*—Свет распространяется для одного, а потому и для всех главных наблюдателей, с постоянною (единичною) скоростью, или как бы в неподвижном эфире. Отсюда, чисто математическим путем, Эйнштейн приходит к преобразованиям Лоренца. Затем он раньше заключал, что эфира нет, потому что не может же вещь действительная быть сразу неподвижна для всех главных наблюдателей.

Такой теоретической позиции Эйнштейн, однако, выдержать не мог: ведь, если нет эфира, то как распространяются световые волны от массы к массе? Теперь он, кажется, успокоился на том, что эфир есть, а только „нельзя определить его скорость относительно (главного) наблюдателя; т.-е., обратно, (главный) наблюдатель не в состоянии определить свою абсолютную скорость“.

В этих положениях есть логический смысл, но только нельзя его уловить, — ответим мы в том же духе. Вот что значит об'явить трудное невозможным: вместо того, чтобы притти к неоспоримому положению, что эфир есть, да очень трудно определить на опыте абсолютную скорость движения в нем (м. б., потому, что он не неподвижен, а состоит из систем, равномерно движущихся друг относительно друга), декретируется: „нет“.

Ну, а как выводить законы распространения света, если ничего физически определенного мы об эфире не знаем?

Очень просто: мысленно переходя от одного главного наблюдателя к другому. Например, если упругий шар ударился нормально об однородную стену (или луч отразился в зеркале), то, по закону симметрии, он отскочит нормально же от стены. Пусть главный наблюдатель движется параллельно стене; перенося свою скорость с обратным знаком на шар, он придет к выводу, что синусы падения и отражения пропорциональны скоростям падения и отражения. При полной упругости стены и шара, эти скорости равны, и след., равны тогда и углы падения и отражения. — Все рассуждение применимо и к случаю преломления луча в прозрачной стене.

То, что справедливо для одного главного наблюдателя, справедливо для всякого; и потому всякий придет к этим законам об углах падения и отражения (преломления).

Так можно выводить один закон природы за другим, и в этом, действительно, то чудесное, что дал Эйнштейн науке. За его принцип относительности ухватились потому, что это, действительно, принцип, т.-е. метод получения законов природы теоретическим путем. Но первый, пошедший по этому пути, был Лоренц, и он осторожно прибавлял, что все это справедливо при „местных“ системах координат, которые нужно еще преобразовать к абсолютной. Лоренц прав при любых дальнейших результатах опытов, а Эйнштейн может обанкротиться. Надо принять принцип относительности „в проекции“.

§ 34. *Аберация света*. — Если один наблюдатель увидел свет в момент времени $t = 0$ на расстоянии r от себя, то он припишет возникновение света моменту времени — r ; другой наблюдатель, движущийся относительно первого со скоростью u , получит, по преобразованиям Лоренца, для своего времени

$$T = -R = \frac{r - ux}{1 - u^2}, \text{ т.-е., } R = \frac{r + ux}{1 - u^2}.$$

Конечно, вывод математически корректен; а фактически, гораздо правильнее, обратно, из формулы для аберации вывести преобразования Лоренца, как это сделали мы в гл. 3-й: тогда понятно, как приходишь к этим преобразованиям по свидетельству своих чувств, и тогда понятно, что, если аберация не зависит от абсолютных скоростей, то вообще она непригодна для раскрытия абсолютного движения. А если, обратно, прав Брэдли со своею формулою, то заранее известно,

какую именно ошибку мы делаем, принимая преобразования Лоренца: мы вводим, вместо 1, величину $\sqrt{1-u^2}$, почти равную 1.

По Брэдлею, аберация зависит от абсолютной скорости; по видоизмененной формуле,—от относительных скоростей наблюдателей. Тогда нельзя даже и вопрос поставить, как видит данный наблюдатель, сравнительно с наблюдателем, неподвижным в эфире. Значит, именно *тут* корни всей теории относительности: *теория относительности возможна только, поскольку самая формула для аберации берется не абсолютная, но относительная.*

В учении об аберации перед нами закон природы, выражение которого зависит от скорости наблюдателя, и все такие законы, обратно, приводятся к аберации. Если есть неподвижный эфир, то все такие законы выражают некоторый „обман чувств“, толкающий наблюдателя, ради упрощения формул, на точку зрения абсолютную, т. е. неподвижную в эфире. Но в теории относительности, вместе с законом аберации, и все такие законы становятся относительными. Наблюдатель ничего не выигрывает с переменою точки зрения, след., *может* смело оставаться при своей. Таковы, первым счетом, законы об укорочении движущихся предметов и о замедленном ходе движущихся часов,—нам уже известные.

§ 35. Укорочение движущихся предметов. Чисто формально, Эйнштейн так выводит это укорочение из формул Лоренца. Подстановка в первую формулу Лоренца для X значения $t = T \sqrt{1-u^2} + ux$ из второй формулы дает:

$$X = \frac{x - ut}{\sqrt{1-u^2}} = \frac{x(1-u^2) - uT\sqrt{1-u^2}}{\sqrt{1-u^2}} = x(1-u^2) - uT$$

Для двух разных точек 1, 2, наблюдаемых в одно и то же время T , мы получим, вычитая:

$$X_2 - X_1 = (x_2 - x_1) \sqrt{1-u^2}$$

Это и значит, что в системе, движущейся со скоростью u , все предметы кажутся укороченными в $1:\sqrt{1-u^2}$ раз в направлении оси движения. *Каждому из двух* наблюдателей, движущихся со скоростью друг относительно друга, это так кажется относительно предметов в системе другого.

Опять и тут: если ставить формулы Лоренца во главу угла, то приведенное формальное математическое рассуждение приходится счесть за доказательство. Но на самом деле, мы знаем, что укорочение получается „вследствие „местного времени“, вопреки растяжению по видоизмененному закону аберации. Главное—в различном понятии одновременности. Если, наир., неподвижная стрела меняет с каждым мгновением свою окраску, то, при наблюдении ее в состоянии движения, она не только окажется короче, но и пестрою, как леопард,—все потому, что она мозаически составлена из сечений, неодновремен

ных для неподвижного наблюдателя, причем разность времен между началом и концом стрелы, при ее длине d , равна du — величина, равная 1 сек. для стрелы в 300.000 километров, при максимальной скорости ее движения, равной опять 300 000 километров в секунду.

Пишут и сами удивляются: два наблюдателя, мчащиеся друг относительно друга со скоростью, почти равной скорости света, покажутся друг другу сиюминутными наподобие червонных вальсов! Это — в результате вычислений, поправок на скорость света. А покажутся они друг другу, по мгновенному зрительному восприятию, — *исобъятными*, т. е. в формуле для аберации знаменатель стремится к нулю для $u = 1$!

§ 36. *Эйнштейн этого не понимает.* — На стр. 63 русского перевода „Четырех Пренстонских Лекций“, читанных года два тому назад, Эйнштейн описывает воображаемый опыт: окружность круга рассматривается, как составленная из множества прямых бесконечно коротких палочек, в если все придет во вращение с постоянною угловою скоростью, то — рассуждает Эйнштейн — каждая палочка, будучи расположена в направлении движения, сократится, по Лоренцу, между тем как ее расстояние от центра, нормальное к движению, по Лоренцу же, не сократится; итак, отношение окружности к радиусу окажется уже равным не 2π , но меньше!

„Строго говоря, эти рассуждения исходят из предположения, что ... влияние ускорения не в точности противоположно влиянию скорости“ — оговаривается Эйнштейн в примечании; но в тексте — то у него, несмотря на оговорку, прямо значится: „Недостаточность Эвклидовой Геометрии“.

Т. е., иными словами: Эйнштейн и сам глухо чувствует, что аналогия с преобразованиями Лоренца не совсем точная: там движение предполагалось по прямой, без ускорения. Но, — полагает он, должно быть, — ускорение не может же *вовсе* уничтожить Лоренцово сокращение.

Почему это не может, когда все предпосылки теперь другие? Свет от всех точек окружности доходит одновременно до центра, вертится ли она или не вертится. По соображениям симметрии, тут и поправка на скорость света, и аберация для всех точек окружности равная — по величине и по направлению относительно радиуса. След., окружность так и перейдет в окружность — другого радиуса, быть может, но с тем же отношением 2π к радиусу. Никакой неэвклидовой геометрии не получится — не для чего! Во второй части нашего труда мы еще подробнее разберем этот очевидный промах Эйнштейна.

Вот что значит все выводить из формул, из преобразований Лоренца, прямо описывающих результаты, не задумываясь над физическим значением записанных на бумагу букв. Если бы Эйнштейн в основу всех своих выводов положил явление аберации, то не попался бы так примитивно на окружности. Но он пишет о световых явлениях и ни разу и нигде не дает систематического перехода от видимого пространства к реальному. Он оперирует с формулами, ни разу себе не уяснив, что, собственно, их символы выражают, к каким

реальностям относятся. Таков поп; о приходе и говорить не приходится.

§ 37. *О ходе движущихся часов.*—Если в первой формуле Лоренца положим $dx=0$, что соответствует предположению точки, покоящейся в системе (x, y, z, t) , то для измерения всех событий, протекающих в этой точке, сторонний движущийся наблюдатель получит:

$$dT = \frac{dt}{\sqrt{1-u^2}}$$

т.-е. ход событий для него представится замедленным в отношении $1:\sqrt{1-u^2}$, а самая точка — движущаяся. Это и есть положение о замедленном ходе часов в движении. Каждый из двух движущихся друг относительно друга наблюдателей считает часы другого замедленными.

Многие отказываются понять такой парадокс; но его можно объяснить просто как следствие аберации. Пусть в начале координат стрелка часов, неподвижных в эфире, описала полный оборот за время t . Наблюдатель, мчащийся мимо со скоростью u , увидит стрелку опять в исходном положении, т.-е. показывающую время t , на расстоянии ut от себя, по Брэдлею, и на расстоянии $\frac{ut}{\sqrt{1-u^2}}$ по идеализированной формуле для аберации. Он скажет себе, что на таком расстоянии часы, движущиеся со скоростью u , были тому назад время $t:\sqrt{1-u^2}$, а показывают время t , т.-е., что они идут замедленно в сравнении с его собственными часами. И теперь он, совершенно по тому же типу рассуждения, объяснит себе, почему тому наблюдателю, обратно, кажется, будто это у него часы идут замедленно.

В результате, перед нами два наблюдателя, каждый из которых считает себя неподвижным, а другого движущимся, каждый находит, что часы другого идут замедленно в отношении $1:\sqrt{1-u^2}$, и что неподвижные в системе другого предметы укорочены в направлении движения в $1:\sqrt{1-u^2}$ раз. И оба правы!

§ 38. *Параделлограм скоростей.*—Для преобразования Лоренца почленно друг на друга, найдем известную нам формулу сложения скоростей (см. § 26-й):

$$\frac{dX}{dT} = \frac{v+u}{\sqrt{1-u^2}} = V.$$

Кроме того, из первой формулы следует:

$$\frac{dT}{dt} = \frac{1+uv}{\sqrt{1-u^2}};$$

и потому:

$$M = m \frac{dT}{dt} = \frac{m_0 (1+uv)}{\sqrt{1-u^2} \sqrt{1-v^2}}.$$

С другой стороны, мы уже знаем, что

$$M = \frac{m_0}{\sqrt{1-v^2}}.$$

Поэтому должно быть тождественно

$$\sqrt{1 - \left(\frac{v-u}{1-uv}\right)^2} = \frac{1 - v^2}{1-uv} \sqrt{1-u^2}$$

что легко проверить простым вычислением:

$$(1-uv)^2 - (v-u)^2 = 1 - v^2 - u^2 + u^2v^2 = (1-v^2)(1-u^2)$$

$$1 - \left(\frac{v-u}{1-uv}\right)^2 = \frac{(1-v^2)(1-u^2)}{(1-uv)^2}.$$

Заметим еще от себя: если прямо разделим все преобразования Лоренца на dt , а затем еще помножим на m , то, так как $\frac{m}{dt} = \frac{M}{dT}$,

мы получим формулы преобразования величин m , $\frac{mdx}{dt}$, $\frac{m dy}{dt}$, $\frac{m dz}{dt}$, совершенно во всем подобные Лоренцовым. Это и показывает, что разность квадратов энергии m и количества mv движения — величина постоянная, именно, равная квадрату m^2 массы в покое: $m^2 - m^2 v^2 = m^2(1-v^2) = m_0^2$.

Последний вывод распространяется и на массу и количество движения целой системы точек, поскольку те находятся в одной точке пространства, а потому относятся, в любой системе координат, к одному и тому же моменту времени: в самом деле, преобразования Лоренца линейны, след., сразу применимы и к сумме совместно преобразуемых количеств.

Эти замечания позволяют легко проверить определения массы и количества движения на учении об эластическом ударе двух масс.

§ 39. *Эластический удар.* — Допустим, что две массы, двигавшиеся по оси X —ов, столкнулись, на мгновение остановились и затем отпрыгнули друг от друга — каждая со скоростью, противоположную начальной. Это и есть эластический удар, и притом, для выбранного нами наблюдателя, количество движения обеих масс равно нулю в момент столкновения, а потому и вообще во всякое время, поскольку скорости до и после удара предполагаются постоянными.

Для всякого другого наблюдателя, движущегося со скоростью u количество движения $M\bar{U}$ и энергия M , не завися от знаков при скоростях масс до и после удара в начальной системе, будут тоже величинами постоянными до и после удара, — а это и есть условия эла-

стического удара, которые, след., полностью сохраняются в теории относительности.

Заметим, что если нам дана система из любого числа точек, движущихся каждая с *постоянною* скоростью, то мы тоже вправе говорить об их общей энергии и общем количестве движения, как о величинах, независимых от времени и преобразующихся от системы к системе, по преобразованиям Лоренца. След., есть система координат, в которой все количество движения наших масс равно нулю, и мы можем сказать про такую систему, что в ней „центр тяжести (или инерции)“ наших масс — в покое.

Это применимо, в первом приближении, как раз ко всему миру, и потому и здесь *есть система координат, особенная перед всеми другими*, и про нее мы всегда вправе сказать, что она дана нам в „неподвижном эфире“, — так что, строго говоря, даже если принять преобразования Лоренца, нельзя утверждать, будто все системы координат вполне эквивалентны: есть *одна* такая, в которой все количество движения мира постоянно равно нулю, а вся энергия движения получает значение *минимум*, и она этим свойством от всех прочих систем, несомненно, отличается, — совсем как и у Ньютона!

§ 40. *Сила и ускорение.* — Мы уже знаем, что в теории относительности векторы силы и ускорения не совпадают. Для того, чтобы уяснить себе законы, по которым эти векторы изменяются от системы к системе, выберем и здесь систему координат, в которой зависимость между этими векторами простейшая.

Вообще нужно заметить, что в основе теории относительности лежит именно принцип: выводить некоторый закон природы при простейших условиях, а затем обобщать его, посредством преобразований Лоренца, на случай любого движения наблюдателя. Эйнштейн выражает эту мысль так, что теория относительности позволяет от условий покоя переходить к условиям, справедливым для движущейся системы, — и в этом-то он видит громадное значение теории — особенно если вспомнить, что в электромеханике, как и вообще во всей механике, условия равновесия гораздо легче выражаются, чем у-ва движения.

Так вот, — простейший случай, что касается силы и ускорения, дан тогда, когда оба вектора совпадают, т.-е., когда масса, на которую действует сила, в покое. След., естественным было бы для теории относительности дать у-ия движения при покоящейся массе, т.-е. установить, прежде всего, как *видимый* мир воздействует на массу, а затем, пользуясь преобразованиями Лоренца, перейти и к случаю массы в движении, что ничего нового, по существу, не даст уже, но будет только выражением основного закона воздействия при других условиях наблюдения, — когда масса, находящаяся под влиянием внешних воздействий, представляется не в покое, но движущаяся.

Но удивительное дело! Теории относительности свойственна как раз обратная тенденция — исходить, при формулировке закона силовых взаимодействий, из предположения покоящегося воздействующего центра, а не покоящейся страдательной, под влиянием взаимо-

действий, массы. Тут сказалось влияние электромагнитных теорий, существовавших еще до возникновения теории относительности. С этим влиянием теория относительности не справилась, как следует; она подражательна там, где, как раз напротив, следовало бы ожидать от нее максимальной активности и критичности. Потому что, в самом деле, к чему и все преобразования Лоренца, если не для самостоятельной проверки, не для сведения к единству ранее высказывавшихся гипотез о сущности силовых воздействий?

Особенно ярко сказывается эта поразительная непоследовательность теории, критике которой мы специально посвятим всю вторую часть нашего труда, в смелых и красивых построениях *Г. Минковского*. С ними-то нам нужно теперь познакомиться в общих чертах, чтобы всесторонне довести все изложение этой первой нашей части до той центральной проблемы о сущности силовых взаимодействий, которая ватем целиком захватит наше внимание. И потому мы здесь пока обрываем нашу критику Эйнштейна и обращаемся к изложению и критике основ теории относительности, как они выражены у другого основоположника теории—у Минковского.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Мир по Минковскому.

§ 41. *Система элементарных событий*.—Теория относительности, несомненно, находит свое совершеннейшее выражение в идеях Минковского, и так называемый большой принцип относительности является у Эйнштейна, в значительной степени, обобщением именно этих идей. Знакомство с ними для нас во всех отношениях неизбежно, и только после него мы можем приступить к плодотворной критике главной части учений Эйнштейна,—его динамики.

Чтобы понять Минковского, расширим, прежде всего, свою терминологию. Мы постоянно говорим о том, что совершается где-нибудь и когда-нибудь,—так назовем *элементарным событием* то, что совершается в одной только точке пространства и длится один только момент времени. Всякое сложное событие может быть разложено на элементарные; след, весь мир — это система элементарных событий, *мировых точек*.

Если у каждой пространственной точки три координаты: (x, y, z) , то, значит, их четыре (x, y, z, t) у каждого мирового события, или у каждой *мировой точки*. Другими словами: весь мир — *четырёхмерная* система точек, элементарных событий. Он сложнее пространства, мы его сразу зрительно представить себе не можем.

Кроме того, между каждыми двумя точками пространства есть твердая связь — расстояние между ними, и это делает пространство подобным твердому телу, *метрическим* (измеримым), как принято выражаться. Но где такая твердая связь между двумя мировыми точками?

Крупная заслуга Минковского состоит в том, что он, в облегчение понимания мира, показал, что она *есть*, эта твердая связь, между любыми двумя точками, во всем подобная расстоянию, та же самая для всякого главного наблюдателя. Это как раз тот инвариант, который лежит в основе теории относительности; но у Минковского интересна попытка сделать чувственно близким представление об этом инварианте.

Идя в этом направлении дальше, мы, со своей стороны, попробуем не оставаться здесь на почве абстрактной аналитической формулы, а дать физически созерцаемый образ этого инварианта.

§ 42. *Мировое расстояние.*—От всякого события распространяется во все стороны, по сфере все растущего радиуса, световая волна, представляющая собою *мировую память*, или *отблеск* события. Чем событие позже случилось, тем радиус его отблеска в данный момент меньше. Все события можно представить, как сферы, заключающиеся в одном пространстве, но данные не только положениями своих центров, а еще и своими радиусами в данное время, — это и есть зрительный образ четырехмерного мира: центр сферы дается тремя пространственными координатами, а ее радиус — это время, истекшее с момента события.

Возьмем два события: если одна сфера включает в себе центр другой сферы, то, значит, от одного центра до другого возможен переход со скоростью, меньшею световой, и тогда, значит, между событиями мыслима причинная связь. Но между точками, лежащими вне сферы, и событием в центре причинная связь невозможна.

К сожалению, мировое расстояние может быть наглядно показано проще на случае двух событий, не стоящих в причинной связи друг с другом.

Дело в том: в какое бы время мы ни построили общую касательную плоскость к двум отблескам, расстояние dr между точками касания всегда получится одно и то же, так как оно равно катету, при другом катете, равном разности dt радиусов, или времен. А гипотенузой является расстояние dr между центрами. В написании дифференциальном получим для этого расстояния dr между точками касания:

$$dp^2 = dr^2 - dt^2 = -t^2 + dx^2 + dy^2 + dz^2$$

Это и был бы наш инвариант, если бы переменить знаки, или это наш инвариант, но в случае *минимости* величины dr . Нужно для действительного случая взять центр одной сферы внутри другой, а вместо касательной — величину перпендикуляра, восстановленного из этого центра к прямой, соединяющей оба центра до пересечения его с обволакивающей сферой, как показано на другом рисунке. Тогда получим именно:

$$dp^2 = dt^2 - dr^2 = dt^2 - dx^2 - dy^2 - dz^2.$$

Вот эту-то величину, фактически связывающую во всякое время два события, мы и примем за „мировое расстояние“ между ними. Можно, конечно, взять и первую величину, и так, собственно, Мин-

ковский, а за ним и Эйнштейн, делают, и тогда приходится только примириться с положением, что в мире все расстояния даются *мнимыми* числами.

Теперь обратим внимание на следующее: если бы в нашей формуле для dr^2 все знаки были положительные, то была бы теорема Пифагора, распространенная на четырехмерный мир. Тогда вся трудность понимания мира сводилась бы единственно к числу его измерений; а теперь — мы его не можем себе наглядно представить не по одной, а по целым двум причинам: во-первых, потому, что у него четыре измерения, вместо трех; а во-вторых, и потому, что, не по обычному, в формуле для квадрата мирового расстояния не все члены положительные.

Остается упразднить последнее обстоятельство, прибегнув к мнимым числам вида it (где $i = \sqrt{-1}$), — или в отношении одного только времени (и тогда самое мировое расстояние dr будет мнимым) или же (что удобнее), в отношении ко всем трем пространственным координатам. Тогда получим:

$$dp^2 = -dt^2 + dx^2 + dy^2 + dz^2$$

и придем к следующему выводу:

„Мир четырехмерен и метрически *евклидов* (т.-е. в нем справедлива теорема Пифагора); но или действительные времена действительных событий даются мнимыми числами, или, обратно, времена даются числами действительными, а все пространственные координаты — мнимыми числами.

43. *Пространство и время.* — Мы до сих пор привыкли различать две формы созерцания, по *Канту*: внешнюю, или пространство, и внутреннюю, — время. Сопоставляя эту двойственность созерцания с наличием двойных чисел — действительных и мнимых, — мы и можем утверждать, что живем не в трехмерном пространстве, а в четырехмерном *мире*, и притом, не в действительной, а в той его части, в которой, напр., три его главных направления мнимые — это и есть наше пространство: а одно четвертое — действительное, с пространственными направлениями несоизмеримое, и оно-то ощущается нами *внутренне*, как время.

Явление света вскрывает перед нами определенную соизмеримость времени и пространства, которые мы склонны были считать вовсе друг с другом несоизмеримыми: научились же мы, в теории света, измерять время секундами, а пространственные расстояния — световыми секундами! Так вот и числа t, xi, yi, zi , с одной стороны, несоизмеримы, а с другой стороны — все-таки, числа, т.-е., до известной степени, соизмеримы. В конце концов, раз уж и время, и пространство измеряются, хотя бы и различными единицами, так почему бы им и не сойтись за две стороны одного измеримого сложного (комплексного) целого?

Так что, по существу, есть всего одна форма созерцания — „пространствовремя“. Нужно понимать этот термин на манер „голово-

грудь", как сращение двух по назначению различных органов в один комплексный, или сложный. И в этом-то „пространствовремени“ развернут весь мир,— не через час по столовой ложке, как мы его воспринимаем во временной последовательности,—нет: мир дан в пространствовремени сразу— за всю бесконечность времен и на всем протяжении пространства.

§ 44. *Фильмы и нити.*— Попробуем применять к миру Минковского методы Аналитической Геометрии. Что тут выражает *ур-не* $t = \text{const.}$?— Совокупность всех событий (x, y, z) , совершившихся в одно и то же время t , или „пространство в момент времени t “, короче: „пространство t “, наконец, совсем уже коротко и образно, согласимся говорить: „фильма t “ и еще: „горизонталь t “.

Мы сказали: в мире дано сразу все за все время. А нам дается мир — фильма за фильмом: мы со временем как бы переходим от одной фильма к другой; в этом особенность наших отдельных форм созерцания времени и пространства, в отличие от слитного пространствовремени.

Далее: пусть мы по-своему наблюдаем движущуюся точку. Это значит, что в мире соответствующая точка дана сразу в различнейших фильмах,— в каждой фильме в пном положении. Соединение всех таких положений приведет нас к представлению *мировой нити*, передающей историю рассматриваемой точки за всю бесконечность времени. В мире не точка движущаяся, но застывшая нить.

С каждой фильмом нить пересекается в одной точке — это одно звено в истории точки,— „точка во время t “.

Что выражает, в таком освещении, ось времени, или точка (O, O, O, t) при t переменном?— Очевидно, это история *начала*, это наблюдатель мира— мы сами— за все время. Поднимаясь от фильмы к фильму, с течением времени, мы следуем в мире по оси времени— это наша нить.

Теперь ясно, что параллельная оси времени прямая нить (a, b, c, t) при t переменном, выражает точку (a, b, c) , кажущуюся нам неподвижною.

Далее, точка, движущаяся в плоскости XT со скоростью u , дана прямою (ut, y, z, t) , при t переменном, наклоненною к оси времени под углом, тангенс которого равен u (причем надо помнить, что все пространственные величины, а потому и скорости, величины мнимые, так что и угол мнимый).

§ 45. *Мир и абсолютное движение.* — Кто верит в действительное существование эфира и в абсолютные движения, тот вынужден согласиться со следующим: не только всякий наблюдатель построит, исходя из своих опытных данных, непременно все тот же мир, но и более того, он затем, по ходу своей нити в мире, определит безошибочно свое абсолютное движение.

Это значит, во-первых: наблюдатель способен, исходя из своих данных, правильно определить все мировые расстояния между событиями, т.-е. правильно рассчитать, на основе данных своего опыта, и время t , истекшее между двумя событиями, и расстояние r между точками, в которых события произошли. А потому он может еще, по формуле

$dr^2 = dt^2 - dr^2$ (чтобы не прибегать к мнимым числам, упоминание которых выше было чисто теоретическое) вычислить все мировые расстояния между событиями и прийти к представлению об их *относительном* расположении в мире, т.-е. прийти к представлению о мире, как об *одном* *твердом* *четырёхмерном* теле.

Во всем этом пока нет еще никакой теории относительности, со всем этим формально должен согласиться и самый ярый приверженец ньютоновой механики, он может только поставить вопрос о том, ради чего это все понадобилось проделывать? Ну, так вот: Минковский полагает, что ради того, чтобы теперь обнаружить, что мир, как четырехмерное твердое тело, получился, да нельзя решить *как* его следует относительно наблюдателя *поставить*.

Сторонник абсолютного движения должен, ведь, согласиться, что если сам он движется с абсолютною скоростью u , то у него в его картине мира его нить так и должна получиться наклоненною к оси времени самым определенным образом; а это, ведь, уже больше простого относительного расположения событий в мире,—так откуда еще и это взялось?

Иными словами: как доказать, будто, по данным своих опытов, наблюдатель придет к миру, отнесенному непременно к одной и той же, вполне для всех определенной, системе координат (x, y, z, t) , ось времени которой выражает *неподвижность в эфире*? Вот вопрос, к которому нас вплотную подводит конструкция мира по Минковскому. И теория относительности решает его в том смысле, что каждый наблюдатель поставит перед собою мир, как четырехмерное твердое тело, *по-своему*, так что никаких абсолютных движений, ни абсолютного покоя, нет.

§ 46. *Местное время*.—Мы уже выше (см. § 44 й) называли фильмы еще и „горизонталями“; ось времени назовем „вертикалью“. Тогда получается: если абсолютные движения есть, то в мире есть одно для всех общеобязательное вертикальное направление, а с ним и для всех общеобязательные, к нему нормальные „горизонтальные“ сечения мира. Т.-е., получается впечатление (и весьма сильное), будто тезис об абсолютном движении окончательно дискредитирован: это так напоминает затхлое средневековье с его учением о плоской земле „внизу“ и о небе с боженькою „наверху“. Открытие Америки покончило с этим первобытным суеверием; мы знаем, что просто каждый человек называет „верхом“ то, что над его головою, и „низом“—то, что под его ногами. У всех людей, сразу живущих на земном шаре, у каждого свое понимание вертикального направления и горизонтального положения, что не мешает нам общаться друг с другом.

Что, если и в мире это так? если каждый наблюдатель, равномерно движущийся в эфире, принимает свою прямую нить за ось *своего* *местного* времени в своей местной мировой системе координат, а за фильмы—„горизонтальные“ сечения мира, т.-е. сечения, к его нити перпендикулярные? Тогда у каждого *свое* время, *свое* понимание покоя и движения, так что и вопроса об абсолютном движении, о том, кто же, собственно, в покое, и кто в движении, решить невозможно; и,

все-таки, у всех один и тот же общий мир. Абсолютного движения нет, но есть абсолютный мир.

Очень мило; но почему же все эти рассуждения, кажущиеся такими убедительными в своем общем виде, все-таки, неверны, если есть скорости, большие световой? Значит, в них есть недочет; и в самом деле, *опыт*, несмотря на все вышеизложенное, может прекрасно заставить данного наблюдателя отказаться от своего представления о горизонтальном и вертикальном в пользу некоторого общеобязательного. Все, что пока доказано,—это только то, что, действительно, каждый естественно склоняется к некоторому *своему* представлению о главных направлениях. Но именно пример с жителями различных полушарий, если его продумать, обращается против теории относительности: несмотря на всю убедительность для чувств, местное представление о горизонтальном в вертикальном заменяется в астрономии, напр., общеобязательным представлением Лапласовой неизменяемой плоскости и к ней нормального направления.

Но подождем со своими замечаниями. Дадим сначала Минковскому высказаться до конца.

§ 47.—*„Время и пространство—только тени“*. Возьмем отрезок dp прямой и проектируем его на вертикальную ось и в горизонтальную плоскость. Ясно, что полученные отрезки dt , dr не абсолютны, но зависят от выбора вертикального направления. А что же в этих отрезках-проекциях абсолютно? Их определенная комбинация $dt^2 + dr^2 = dp^2$. Сами же проекции—только две несовершенные тени абсолютного отрезка dp . Каждая из них в отдельности—только одним глазом воспринимаемая действительность, тогда как вся действительность открывается только тому, кто глядит в оба.

Так и в мире Минковского: ни пространство, ни время сами по себе не абсолютны; абсолютна только их определенная комбинация—*„пространствовремя“*.

И в *„пространствовремени“* абсолютно *„мировое расстояние“* $dp^2 = dt^2 - dr^2$ между двумя данными событиями. А проекции dt , dr мирового расстояния на ось времени и в пространство—то, что мы привыкли называть *„временем, истекшим между событиями“*, и *„расстоянием между точками пространства, в которых события произошли“*,—только две несовершенные тени.

Никогда все наблюдатели не согласятся между собою в том, сколько времени dt прошло между двумя событиями, ни в том, на каком расстоянии dr друг от друга в пространстве события разыгрались,—да и пусть их не соглашаются, не беда! Лишь бы все согласилось в мировом расстоянии $dp^2 = dt^2 - dr^2$ между событиями—и тогда *есть* у всех один и тот же мир, и тогда вопрос об абсолютном движении пуст.

Реален, абсолютен только мир, данный с абсолютными, т.-е. общеобязательными, *„мировыми расстояниями“* dr между его точками. Каждый наблюдатель может, по своим данным, построить этот мир, как твердое четырехмерное тело. А потом каждый повернет это твердое тело для себя так, чтобы его нить пошла вверх, вертикально.

Спорить о том, как нужно повернуть, поставить тело,—ничего, так как, вертя его, мы не изменяем отношений между его частями, но только свой взгляд на тело, как целое.

Хорошо поет Минковский; но послушаем дальше.

§ 48. *Еще раз преобразования Лоренца.*—Мы знаем, что, в предположении действительных измерений мира, наблюдатель, движущийся по оси X —ов со скоростью u , дан в мире прямою нитью в плоскости XT , наклоненной к оси времени под углом μ , для которого

$$tgu = u; \quad \sin\mu = \frac{u}{\sqrt{1+u^2}}, \quad \cos\mu = \frac{1}{\sqrt{1+u^2}}$$

Так как оси времени, X —ов, Y —ов и Z —ов все между собою перпендикулярны, то плоскость XT перпендикулярна к осям Y —ов и Z —ов, а с нею и всякая в ней прямая, в частности, нить нашего наблюдателя. Ему нужно только выбрать по-своему еще четвертую ось своей „местной“ прямоугольной системы координат. Она должна быть нормальна, во первых, к осям Y —ов и Z —ов, т. е. лежать в плоскости XT ; во-вторых, еще и к его нити, которую он выбрал для себя за свою ось времени. Итак, вопрос сведется к повороту на угол μ осей времени и X —ов в их плоскости XT . Из чертежа немедленно следует для любой точки A :

$$X = (x - tgu) \cos\mu = x \cos\mu - t \sin\mu = \frac{x - tu}{\sqrt{1+u^2}}$$

$$T = (t + xtu) \cos\mu = t \cos\mu + x \sin\mu = \frac{t + ux}{\sqrt{1+u^2}}$$

Но эти формулы предполагают измерение пространственных отрезков действительными числами; а нужно, как мы знаем, положить здесь x, y, z, u мнимыми. А если считать их действительными, то нужно их дополнить мнимым множителем i . В таком случае, нужно переменить знак при членах, в которые пространственные отрезки входят множителями попарно, а именно, при u^2, ux . Иско, что мы получим тогда преобразования Лоренца!

§ 49. *Часы и отрезки в движении.*—Каждый наблюдатель считает длину t , отложенную им на своей оси времени, за истекшее время для всех событий, лежащих в сечениях, нормальных к оси времени на расстоянии t от начала. Из треугольника OBC следует, что когда часы одного наблюдателя показывают время $T = OB$, другой наблюдатель полагает, что прошло время $t = OC$. Так как оба отрезка стоят друг к другу в отношении $\cos\mu : 1 = 1 : \sqrt{1-u^2}$, то и получается тезис о замедленном ходе движущихся часов.

Точно так же отрезок, неподвижный в глазах одного наблюдателя, представлен в его системе координат, полоскою между двумя прямыми, параллельными его оси времени. Другой наблюдатель пересекает эту полоску своими фильмами под углом μ , так что, в его

глазах, одновременные состояния отрезка мозаически составлены из точек, для первого наблюдателя разновременных, при чем разность времен для начала и конца равна, как легко сообразить, nd [а при счете на сантиметры $= \frac{nd}{c}$]. Кроме того, самая длина отрезка теперь другая, а именно, равна первоначальной, деленной на $\cos \mu$, или помноженной на $\sqrt{1-u^2}$. Это и есть положение об укорочении отрезков в движении.

Как видим, у Минковского все наглядно, и только нужно менять знак при u^2 на обратный, так что то, что на геометрическом чертеже кажется короче, помножаясь на $\cos \mu$, нужно считать, напротив того, удлиненным, и обратно.

§ 50. *А все-таки движется.*—Все превосходно и очень забавно, да вот беда, что для того, чтобы радикал $\sqrt{1-u^2}$ был действителен, нужно ограничить скорости u величинами, меньшими световой. И вообще, в реальном опыте скорости всех масс ничтожны, в сравнении со скоростью света. След., какого бы наблюдателя мы ни взяли, все вообще нити, соответствующие действительным массам, почти параллельны его оси времени. След., все нити образуют едва расходящийся пучок в мире, а все остальные направления пространств времени свободны от нитей. Выходит, что есть-таки некоторая особая ось времени, которая всегда проходит внутри пучка и которая—увы!—как это ни претит возвышенным чувствам Эйнштейна и Минковского—*выражает абсолютное время, при неподвижном эфире.*

И нечего ссылаться на антиподов: если бы звезды не были равномерно рассеяны по всей тверди, а кучились все в одном преимущественном направлении, то и все люди живо согласились бы в том, где *абсолютный* верх и низ.

Утверждение о том, что если даже наблюдатель станет двигаться со скоростью, почти равной скорости света, и, значит, если весь мир станет для него мчаться в противоположном направлении со скоростью света, то и тогда нельзя доказать, кажется ли это или так в действительности,—утверждение это звучит очень либерально и делает честь благородным побуждениям сторонников теории относительности,—но, к сожалению, только сумасшедший станет всерьез заверять, будто огромные массы все движутся в одну сторону, а он, ничтожное горчичное зерно,—неподвижен. И если можно все в мире объяснить при минимальной энергии движения масс, то как неэкономно пристегивать еще неизмеримую энергию поступательного движения всего мира куда-то в неизвестное и—добиться тех же самых результатов, в смысле закономерного описания всех явлений!

Так что доказано только одно: что всякий наблюдатель естественно тяготеет к своей местной системе координат и несклонен заменить эту прямоугольную систему *косую*, в которой для него ур-не света потеряло бы свой симметричный вид и обогатилось бы членами, содержащими попарные произведения из различных координат. Доказано еще и то, что если нет скоростей, больших световой,

и если аберация света следует не Брэдлееву, но идеализированному закону (что все еще на опыте не доказано), то каждому наблюдателю удастся, со своей точки зрения, притти к формально тождественному описанию действительности. Однако, *не доказано* главное: что в таком формальном описании мира все; а напротив того, доказано, *что есть-таки закон природы, не для всех наблюдателей один и тот же*, а именно: закон о минимальной энергии движения всех данных масс. Эйнштейну и Минковскому этот закон кажется неинтересным и неважным, а между тем, с философской точки зрения, он весьма необходим, и он оправдывается далеко не для всех, но всего только для *одного* главного наблюдателя, и с этим ничего не поделаешь, — это так.

Но все это оставим; не забудем, что мы еще незнакомы с главным отделом теории относительности, с ее учением о силах, действующих в мире. Все до сих пор было только введением в истинную механику, рассуждениями о времени, о пространстве, о движении. Это все пустяки; в пользу теории или против нее может, в конечном счете, решить только *динамика*. С нею-то нам еще предстоит познакомиться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Переход к электродинамике.

§ 51. *Мировые векторы.*—Вернемся к миру Минковского. Он—мы видели—единственная реальность, независимая от систем координат. С его конструкцией, вопрос о предпочтительности той или другой системы координат отходит на задний план, а проблемою становится: определить законы мира вообще независимо от каких-либо систем координат. Весь „большой“ принцип относительности Эйнштейна заключен в зародыше в изысканиях Минковского.

Мир четырехмерен, и потому отношения между его частями даются четырехмерными векторами—„кватернионами“, т.-е. отрезками мировых расстояний; а наблюдатель, в своем созерцании, разбивает каждый такой кватернион, прежде всего, на две „тени“—на временное и на пространственное слагаемые, и притом, каждый наблюдатель—по-своему. Тени—суб'ективны, сами по себе нереальны; реально, всякий раз, их определенное сочетание, и проблема, стоящая перед наблюдателем, состоит в том, со своей суб'ективной, относительной точки зрения поднаться до созерцания мира, как абсолютной, общеобязательной реальности.

(Тут нужно заметить, что уже сам Минковский ясно протестовал против названия „теории относительности“; нужно, вместо этого, говорить, —заявил он,—об *абсолютном мире*).

Если наблюдатель, со своей точки зрения, склонен различать время события и его место в пространстве, то всего этого в мире нет; а есть в мире один кватернион (t, x, y, z) , представляющий собою мировое расстояние между событием и начальным событием $(0, 0, 0, 0)$, т.-е. тем, что случилось в *начальный момент времени 0* и в *началь-*

ной точке $(0, 0, 0)$ пространства. Так в этом случае наблюдатель может от своих двух теней: t и (x, y, z) подняться до комплексной реальности $(t, x, y, z) = t + \bar{r}$, где t действительное число, $\bar{r} = (x, y, z)$ — пространственный вектор.

Перед нами четырехмерное комплексное число, или *кватернион* (t, x, y, z) ; и что нам выяснилось в этом простейшем случае, то справедливо всегда: всегда наблюдателю надлежит сочетать пространственный вектор, которому он придает теоретическое значение, с определенной действительной величиной (или *скаларом*, как принято выражаться) — так, чтобы получился кватернион, имеющий уже не субъективное, но мировое значение.

§ 52. *Инварианты.* — В четырехмерном мире, как и в нашем трехмерном пространстве, кватернионы сочетаются в определенные инвариантные, независимые от системы координат, отношения. Так, например, инвариантно геометрическое произведение двух кватернионов, представляющее собою произведение из их длин на косинус угла между ними:

$$\bar{Q}_1 \cdot \bar{Q}_2 = t_1 t_2 - x_1 x_2 - y_1 y_2 - z_1 z_2.$$

Это выражение *инвариантно*, — в том смысле, что, во-первых, его численное значение абсолютно, дано в мире помимо той или другой системы координат; а, во-вторых, в самой формуле для численного значения можно понимать под $t, x, \dots$ координаты взятых двух кватернионов в *любой* (прямоугольной) системе координат.

Если один из кватернионов единичный, то геом. произведение обращается в проекцию другого кватерниона на ось, определяемую первым, единичным кватернионом. Так как координаты в прямоугольной системе — не что иное, как проекции на оси системы, то таким образом легко можно вывести преобразования Лоренца, как проекции любого вектора (t, x, y, z) на новые оси

$$Y = \left(\frac{1}{b}, -\frac{u}{b}, 0, 0 \right) \text{ и } Z = \left[-\frac{u}{b}, \frac{1}{b}, 0, 0 \right]$$

при $b = \sqrt{1 - u^2}$; оси Y — ов и Z — ов остаются прежние. При такой трактовке преобразований Лоренца особенно ясно, что они относятся ко всем вообще мировым кватернионам, а не только к выражающим мировые расстояния.

Замечательно, что кватернион $(-r, x, y, z)$, длина которого равна 0, (при $r = \sqrt{x^2 + y^2 + z^2}$), — тем не менее, дает неравную нулю проекцию на любую ось, например, на ось

$$\left(\frac{1}{b}, -\frac{u}{b}, 0, 0 \right)$$

Получается, при такой оси времени, видимое расстояние между концами нулевого кватерниона, равнос R , по формуле:

$$R = \frac{r - ux}{b}$$

В этой формуле легко узнать закон аберации.

Затем, еще важно умение определять момент данных двух кватернионов, или площадь образуемого ими параллелограмма, по ее проекциям в главных плоскостях. А последних целых шесть, так что момент получается шестимерный: его координаты представлены определителями следующей матрицы:

$$\begin{vmatrix} t_1 x_1 y_1 z_1 \\ t_2 x_2 y_2 z_2 \end{vmatrix}$$

откуда

$$\begin{vmatrix} t_1 x_1 y_1 z_1 \\ t_2 x_2 y_2 z_2 \end{vmatrix} = t_1 x_2 - t_2 x_1, t_1 y_2 - t_2 y_1, t_1 z_2 - t_2 z_1, y_1 z_2 - y_2 z_1, \dots =$$

$$E_1, E_2, E_3; H_1, H_2, H_3$$

При этом, если рассматривать эти шесть координат по три, как координаты двух векторов E и H в трехмерном пространстве, то их геометрическое произведение оказывается равным 0. т.е. самые трехмерные векторы взаимноперпендикулярны:

$$E_1 H_1 + E_2 H_2 + E_3 H_3 = 0$$

Значит, — любая „мировая площадь“, данная любыми своими шестью проекциями в главных плоскостях, не обязательно плоская. Отмечаю самый факт, мы здесь в подробности по его поводу не входим.

Применяя к нашим кватернионам Q_1, Q_2 преобразования Лоренца, убеждаемся, что координаты их момента преобразуются так:

$$E'_1 = E_1; E'_2 = \frac{E_2 - uH_3}{\sqrt{1-u^2}}; E'_3 = \frac{E_3 + uH_2}{\sqrt{1-u^2}}$$

$$H'_1 = H_1; H'_2 = \frac{H_2 + uE_3}{\sqrt{1-u^2}}; H'_3 = \frac{H_3 - uE_2}{\sqrt{1-u^2}}$$

§ 53. Переменные кватернионы. — Если дана функция U от всех четырех координат, то применение преобразований Лоренца дает:

$$\frac{\partial U}{\partial T} = \frac{\partial U}{\partial t} \frac{\partial t}{\partial T} + \frac{\partial U}{\partial x} \frac{\partial x}{\partial T} = \frac{\partial U}{\partial t} \frac{1}{b} + \frac{\partial U}{\partial x} \frac{u}{b}, \quad \text{или} \quad \frac{\partial U}{\partial T} = \frac{\frac{\partial U}{\partial t} + u \frac{\partial U}{\partial x}}{b}$$

и т. д.

Отсюда следует, что символы $-\frac{\partial}{\partial t}, \frac{\partial}{\partial x}, \frac{\partial}{\partial y}, \frac{\partial}{\partial z}$ преобразуются по Лоренцу!

Пашем $\frac{\partial}{\partial \tau}$ вместо $-\frac{\partial}{\partial t}$, и тогда получаем: символический вектор

$$A = \left(\frac{\partial}{\partial t}, \frac{\partial}{\partial x}, \frac{\partial}{\partial y}, \frac{\partial}{\partial z} \right)$$

преобразуется по Лоренцу; поэтому его квадрат инвариантен:

$$\frac{\partial^2}{\partial t^2} - \frac{\partial^2}{\partial x^2} - \frac{\partial^2}{\partial y^2} - \frac{\partial^2}{\partial z^2} = \text{inv.}!$$

Далее, инвариантно, при любом кватернионе $\bar{Q} = (L, A, B, C)$, произведение $A\bar{Q}$, которое распадается, во-первых, на геометрическое произведение $A \cdot \bar{Q}$; это последнее, со знаком —, назовем „расхождением“ $\text{div} \bar{Q}$ нашего кватерниона:

$$\frac{\partial L}{\partial t} + \frac{\partial A}{\partial x} + \frac{\partial B}{\partial y} + \frac{\partial C}{\partial z} = \text{div} \bar{Q}$$

Во-вторых, взяв символический момент кватерниона A и данного $\bar{Q}$:

$$\begin{aligned} & \left| \begin{array}{cccc} \frac{\partial}{\partial t} & \frac{\partial}{\partial x} & \frac{\partial}{\partial y} & \frac{\partial}{\partial z} \\ L & A & B & C \end{array} \right| = \\ & = \left(-\frac{\partial A}{\partial t} - \frac{\partial L}{\partial x} - \frac{\partial B}{\partial t} - \frac{\partial L}{\partial y}, -\frac{\partial C}{\partial t} - \frac{\partial L}{\partial z}, \frac{\partial C}{\partial y} - \frac{\partial B}{\partial z}, \frac{\partial A}{\partial z} - \frac{\partial C}{\partial x}, \frac{\partial B}{\partial x} - \frac{\partial A}{\partial y} \right) = \\ & = (E_1, E_2, E_3; H_1, H_2, H_3), \end{aligned}$$

получим шестимерный вектор, который назовем „вихрем“ $\text{curl} \bar{Q}$ кватерниона $\bar{Q}$. Это — тоже инвариант (но не каждая из шести его координат). Нельзя утверждать, будто и здесь, как в случае момента 2-х кватернионов, векторы E и H непременно взаимноперпендикулярны. Но зато между ними есть явная связь; а именно: из выражения для H следует, что это — (трехмерный) вихрь вектора (A, B, C) , и потому его расхождение равно нулю:

$$\frac{\partial H_1}{\partial x} + \frac{\partial H_2}{\partial y} + \frac{\partial H_3}{\partial z} = 0$$

Затем имеем:

$$\frac{\partial E_2}{\partial x} - \frac{\partial E_1}{\partial y} = -\frac{\partial}{\partial t} \left(\frac{\partial B}{\partial x} - \frac{\partial C}{\partial y} \right) = -\frac{\partial H_3}{\partial t}$$

и т. д., т. е., $\text{curl } E = -\frac{\partial H}{\partial t}$.

Далее:

$$\begin{aligned} \operatorname{div} E &= \frac{\partial}{\partial t} \left(\frac{\partial A}{\partial x} + \frac{\partial B}{\partial y} + \frac{\partial C}{\partial z} \right) - \left(\frac{\partial^2 L}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 L}{\partial y^2} + \frac{\partial^2 L}{\partial z^2} \right) - \\ &= \frac{\partial \operatorname{div} Q}{\partial t} + \frac{\partial^2 L}{\partial t^2} - \frac{\partial^2 L}{\partial x^2} + \frac{\partial^2 L}{\partial y^2} - \frac{\partial^2 L}{\partial z^2}, \end{aligned}$$

откуда видно, что $\operatorname{div} E$, инвариант—только, если $\operatorname{div} \bar{Q} = 0$.

Шесть координат вихря преобразуются совсем, как проекции мировой площади:

$$E'_1 = E_1, \quad E'_2 = \frac{E_2 - nH_3}{\sqrt{1-n^2}}, \text{ и т. д., см § 52.}$$

§ 54. *Мировое количество движения.*—Для полной дифференциации кватернионов нам нужна независимая переменная—нужно *мировое время*. Если установить его в том смысле, что есть одновременные точки всех мировых нитей сразу, то придем, очевидно, к абсолютному времени для мира, а потому и для пространственных движений. Хотя это формально и не противоречит идее мира, как такового, но у Эйнштейна идея относительности выражена, как отрицание мирового времени, и потому Минковский обходится без какого-либо мирового времени. Дело в том: при всяком отсчете времени направление скорости по нити совпадает с направлением касательной к ней, изменяется только тангенциальное ускорение, а нормальное изменяется тоже, пропорционально квадрату скорости, но, раз будучи дано, уже не может никак стать равно нулю. Простейшее предположение в том, чтобы положить величину скорости неизменной, равную единице, и это-то предположение и делается Минковским. Вообще, если q —мировое время, получим для мировой координаты $t + \bar{r}$:

$$\frac{d}{dq} (t + \bar{r}) = \frac{dt}{dq} \left(1 + \frac{d\bar{r}}{dq} \right) = \frac{dt}{dq} (1 + \bar{v}),$$

а если еще p „местное“ время массы, рассматриваемой, как неподвижная, то

$$\frac{dt}{dq} = \frac{dp}{dq} \frac{dt}{dp}; \quad \frac{d}{dq} (t + \bar{r}) = \frac{dp}{dq} \cdot \frac{dt}{dp} (1 + \bar{v})$$

Теперь остается понять $\frac{dp}{dq}$ как мировую массу m_0 , затем положить $m_0 \frac{dt}{dp} = m$, чтобы прийти к знакомым формулам Эйнштейна, при чем вообще можно считать m_0 величиною переменной; но у Минковского она постоянна.

Теперь мировая скорость точки определена, как единичный кватернион $\frac{(1 + \bar{v})}{b}$, отложенный в направлении, касательном к нити массы. Если помножим его на m_0 , то получим „мировое количество движения“ $m_0 \frac{(1 + \bar{v})}{b} = \dot{m}(1 + \bar{v}) = m + m\bar{v}$.

Следовательно: чтобы подняться от своих теоретических данных к мировым реальностям, наблюдатель должен, в рассматриваемом случае, соединить то, что он признал за „массу“ m точки, с тем, что он назвал ее „количеством движения“ $m\bar{v}$, в один кватернион, или мировой вектор $m + m\bar{v}$, — это и будет мировое количество движения.

Так как $m \neq 0$, то ни в какой действительной системе координат не получится просто трехмерный вектор $m\bar{v}$. Такие кватернионы, никогда полностью не проектирующиеся в какое-либо действительное пространство, у Минковского называются „временными“ (в том смысле, что их можно выбрать за ось времени в некоторой действительной системе координат), тогда как векторы „пространственные“, т.-е. полностью проектирующиеся в какое-либо действительное пространство, не могут ни для какого наблюдателя (движущегося со скоростью, меньшею световой) служить осью времени.

§ 55. Мировое ускорение. — Если продифференцируем мировое количество движения по q , то получим кватернион „мировой силы“, отношение которого к массе m_0 назовем „мировым ускорением“. У Минковского m_0 постоянно, а с ним постоянна (по величине) и мировая скорость; мировое ускорение, поэтому, направлено всегда по нормали к скорости, т.-е. оно только центростремительно, а ускорения тангенциального, или по касательной к нити, изменяющего величину скорости, — в мире Минковского-Эйнштейна — *вовсе нет!*

Обобщая заранее изложение Минковского на случай постоянной мировой скорости, но непостоянной мировой массы, имеем, при $\frac{dx}{dt} = \dot{x}$ и т. д.:

$$m_0^2 \left[\frac{1}{b^2} - \left(\frac{x'}{b} \right)^2 - \left(\frac{y'}{b} \right)^2 - \left(\frac{z'}{b} \right)^2 \right] = m_0^2,$$

$$\begin{aligned} \frac{m_0}{b} \frac{d}{dq} \left(\frac{m_0}{b} \right) - \frac{m_0}{b} \frac{d}{dq} \left(\frac{m_0 x'}{b} \right) x' - \frac{m_0}{b} \frac{d}{dq} \left(\frac{m_0 y'}{b} \right) y' - \frac{m_0}{b} \frac{d}{dq} \left(\frac{m_0 z'}{b} \right) z' = \\ = m_0 \frac{dm_0}{dq} \end{aligned}$$

Если масса m_0 постоянна, то справа получается нуль, и мировая сила и оказывается нормальною к мировому количеству движения.

Теперь видно, как наблюдателю расширить свой вектор пространственной силы до общеобязательного, единственно реального кватер-

ниона мировой силы: прежде всего, ему надлежит дополнить вектор пространственной силы скаларом $\left(\frac{m''}{b}\right) = m'$, который представляет собою не что иное, как приращение массы-энергии, или эффект движения (произв. силы на скорость).

Этот скалар равен нулю в том единственном случае, когда наблюдается масса в покое, и тут прямо пространственный вектор силы приводит к мировому кватерниону силы. Это показывает, во-первых, что кватернион мировой силы — „пространственный“, а не „временный“, во-вторых, что естественнее всего формулировать законы движения на случай покоящейся массы.

Пополнив пространственную силу скаларом m' , и получив кватернион $(m', (mx')', (my')', (mz')')$, нужно еще заменить здесь внешнюю дифференциацию по t дифференциацией по q , а для этого (в случае постоянной мировой массы m_0), нужно помножить на $\frac{dt}{dq} = \frac{1}{b}$, т.-е., разделить на b . [А так как объем как раз изменяется от системы к системе, вместе с расстоянием по оси движения, пропорционально b , то, значит, мировая сила получается из пространственной „объемной“ силы].

§ 56. Преобразование вектора силы. — Если (E_1, E_2, E_3) вектор пространственной силы, действующей на единичную массу в покое, то соответствующий кватернион в мире получается, как $(E_1, E_2, E_3, 0)$. Применяя преобразования Лоренца, при $u = -v$, получим, как мировой кватернион, выражение: $\left(\frac{E_1}{b}, E_2, E_3, \frac{E_1 v}{b}\right)$, при чем точка обладает уже скоростью v , в направлении оси X — ов, а потому и массой $\frac{1}{b}$. Поэтому, для единичной массы, обладающей скоростью v , мы получаем:

$$(E_1, E_2 | 1 - v^2, E_3 | 1 - v^2, \quad E_1 v = E \bar{v}).$$

Здесь первые три величины — координаты движущей силы, а последняя величина $E \bar{v}$ — эффект m' движения.

Мы видим, что если система от покоя перешла в движение, то для стороннего наблюдателя координаты всех сил по оси движения *возрали* в отношении $1 : b$, тогда как мы знаем, что для него же все расстояния в системе в том же направлении оси движения *сократились* в том же самом отношении $1 : b$. Следовательно, моменты сил, как произведения из сил на „плечи“, изменились: если раньше направления сил совпадали с соединительными прямыми между массами, и система была в равновесии, и вся сумма моментов была равна 0, то теперь, выходит, векторы сил отклоняются от направлений соединительных прямых, и сумма моментов сил уже не нуль; а между тем, система должна остаться в равновесии, потому что оттого, что, напр., сторонний наблюдатель пришел в движение сам, а ему только кажется,

будто это система перешла в движение,—она, очевидно, вращаться не станет.

Таким образом, теория относительности приходит к оригинальному непоследовательному утверждению, — будто некоторый момент сил, определенно неравный нулю, не вызывает вращения в системе, равномерно движущейся. И ломают голову над объяснением этой странной непоследовательности.

Между тем, человеку, заранее непредрасположенному принимать на веру все построения Минковского—Эйнштейна, просто ясно, что данное в теории определение „силы“ *нереально*.

В самом деле, от силы перейдем к „ускорению“, для чего нужно только вычесть из вектора силы вектор $m\vec{v}$,—а это, в нашем случае, сводится к вычитанию $E \cdot v^2$ из первой координаты силы. Получим

$$\left(\text{для } m = \frac{q}{b} \right) \frac{q}{b} = \sqrt{1-v^2} \frac{q}{b} = (E_1 - E_1 v^2, E_2, E_3) \sqrt{1-v^2} = \\ = \sqrt{1-v^2} (E_1 \sqrt{1-v^2}, E_2, E_3); \quad q = (1-v^2) \cdot (E_1 \sqrt{1-v^2}, E_2, E_3).$$

В результате, перед нами вектор, изменяющийся, по направлению, по тому же закону, что и расстояния между точками системы, пришедшей в движение со скоростью v . Следовательно, сумма моментов ускорений, как была, так и останется нуль. А вращение системы, очевидно, зависит *реально* от ускорений, а не от того, что мы назовем „силами“.

§ 57. *Дальнодействия и аберация.*—Мы повторяем: ускорения—реальны, и закон, по которому именно они изменяются, позволяет нам закономерно описывать наблюдаемые нами движения. Поэтому, странно настаивать на *понятии* силы, которая непосредственно не выясняет нам ничего о свойствах ускорения, и странно приписывать моменту этой силы, там, где он не связан с моментом ускорения, какое-то реальное значение и спрашивать себя, почему это такой момент остается без видимого действия? Ясно, что момент, вообще,—только *понятие*, действительное только там, где ему соответствует нечто действительно реальное.

И даже нечего ссылаться, в оправдание, на то, что, вот, введенное Эйнштейном-Минковским понятие силы так тесно связано с „мировым ускорением“. Нужно не теорию оправдывать ссылками на мир Минковского, а напротив, единственное оправдание мира Минковского в том, что он помогает нам теоретически разобраться в действительности.

К тому же, если, напр., проанализировать шестимерный момент мирового количества движения и мировой силы, то немедленно придем и к пространственному ускорению, и к формулам его преобразования, от системы координат к системе, что мы предоставляем самому читателю. Так что формально и тут дело обстоит совсем, как и для силы.

Перейдя от „силы“ Минковского-Эйнштейна к ускорению, мы убеждаемся вот в чем: если статическая система пришла в движе-

ние с постоянной скоростью v , и если раньше силы действовали по соединительным прямым между массами, то так и останется, что, в случае передачи ускорений со скоростью света от массы к массе, показывает, что такая передача, при движении, сопряжена с аберацией. Каждая масса получает ускорения в направлениях, в которых она, так сказать, „видит“ другие массы.

Во второй части нашего труда мы узнаем, сводится ли вся теория относительности, вопреки замыслу ее авторов, всего только к этому замечательному положению; но, в случае статической системы, мы его уже и тут доказали; при этом, наличие множителя $\sqrt{1 - v^2}$ irrelevantно, т.-е. важно самое сочетание факта аберации с фактом взаимодействия между массами,—независимо от закона аберации, который можно брать и по Брэдлею, и в его идеализированном виде.

Относительность равновесия коренится в законе аберации. Этим замечанием ликвидируются многие спорные опыты, о чем мы поговорим подробнее во второй части нашего труда.

§ 58. О законе притяжения.—Если в дальнейшем удержать эйнштейнов вектор силы, просто как вспомогательное понятие, то остается еще решить вопрос: каков мировой закон, по которому он изменяется?

Допустим, что такой закон выражен вектором E для неподвижной точки, при чем E функция от положений, скоростей, ускорений всех остальных массовых точек, воздействующих на взятую, — функция совершенно произвольная, так как в теории нет решительно никаких указаний на необходимо ей присущую форму. Положим далее, что точка нам дана не неподвижная, но движущаяся со скоростью v .

В таком случае, перейдем от данной системы координат к системе, движущейся со скоростью v ; точка представится неподвижной, и вектор движущей силы окажется равным E' , получаемым из вектора E , в выражение которого нужно ввести положения, скорости, ускорения остальных масс, взятые в рассматриваемой системе координат. Переходя опять к системе, в которой точка представляется движущейся со скоростью v , мы получим вектор силы E', bE'_1, bE'_3 . Этим сказано все о законе притяжения, и пока что мы ничего по его содержанию сказать не можем, кроме того, что он зависит от скорости v притягиваемой точки—если только координаты E_1, E_2, E_3 вектора E не инвариантны во всех системах координат,—что тоже вполне мыслимо и возможно.

Итак, в малой теории относительности нет решительно никаких указаний на то, каков должен быть закон притяжения,—что и послужило для Эйнштейна толчком к его изысканиям, носящим название большого принципа относительности. Но можно тут рассуждать формально так:

Вектор E' равен E плюс некоторое приращение, зависящее от скорости v . Положим же:

$$E'_1 = \frac{1}{b} \left(E_1 - v H_3 \right), \quad E'_3 = \frac{1}{b} \left(E_3 + v H_1 \right)$$

где H_2, H_3 некоторые функции от координат с их производными в исходной системе. Дополним эти два ур-ия еще двумя, в которые введем как раз две же новые неизвестные H'_2, H'_3 :

$$H'_2 = \frac{1}{b} \left(H_2 + v E_3 \right), \quad H'_3 = \frac{1}{b} \left(H_3 - v E_2 \right).$$

Теперь из четырех наших ур-ий, представляющих собою две пары, преобразующиеся по Лоренцу, следуют обратные решения, отличающиеся только знаком при v :

$$H_2 = \frac{1}{b} \left(E'_2 + v H'_3 \right); \quad E_3 = \frac{1}{b} \left(E'_3 - v H'_2 \right); \quad H_3 = \frac{1}{b} \left(H'_3 - v E'_2 \right);$$

$$H_3 = \frac{1}{b} \left(H'_3 + v E'_2 \right).$$

При некоторых дальнейших допущениях, в анализ которых мы здесь еще не входим, могут получиться общие ур-ия преобразования шестимерного момента ($E_1, E_2, E_3; H_1, H_2, H_3$) (см. § 52 и 53), и тогда, если назовем вектор E „электрическим“, а вектор H „магнитным“, то и придем к формальному утверждению ур-ий Максвелла.

Сторонники теории относительности таким путем не идут, они просто подгоняют свою теорию к заранее данным ур-иям Максвелла; между тем, намеченный здесь путь, которым мы еще подробно займемся в дальнейшей части нашего труда, интересен тем, что он вскрывает *формальную* зависимость ур-ий Максвелла от мира Минковского. В сущность явлений и таким путем проникнуть не удастся.

§ 59. *Теорема о выре скорости.*—Интересен еще следующий подход к проблеме закона притяжения. Мы уже показали в статье, напечатанной в № 10 „Вестника Ком. Академии“, что теоретической механике, в ее историческом развитии, свойственна тенденция—от ускорений, определяемых по какому-либо формальному закону, перейти к непосредственному закономерному определению самых скоростей движущихся масс. Допустим, что и в мире Минковского скорости даны, как некоторые совершенно произвольные функции от координат,—что, конечно, мыслимо на бесчисленное множество ладов, так как между самими координатами существуют, вполне определенные траекториями масс, соотношения. Теперь, каков бы ни был полуквадрат U скорости (u, u_1, u_2, u_3) имеем с одной стороны:

$$u^2 = u_1^2 + u_2^2 + u_3^2 = 2U, \text{ след., } u du = u_1 du_1 + u_2 du_2 + u_3 du_3 = dU,$$

а с другой стороны, напр.;

$$du = \frac{\partial u}{\partial t} dt + \frac{\partial u}{\partial x} dx + \frac{\partial u}{\partial y} dy + \frac{\partial u}{\partial z} dz$$

и такие же дифференциальные ур-я для u_1, u_2, u_3 . Деля на инкремент мирового времени p , полагая $\frac{dt}{dp} = u$, $\frac{dx}{dp} = u_1$ и т. д., получим для ускорения:

$$\frac{du}{dp} = \frac{\partial u}{\partial t} u + \frac{\partial u}{\partial x} u_1 + \frac{\partial u}{\partial y} u_2 + \frac{\partial u}{\partial z} u_3, \text{ и с другой стороны:}$$

$$\frac{\partial U}{\partial t} = \frac{\partial u}{\partial t} u - \frac{\partial u_1}{\partial t} u_1 - \frac{\partial u_2}{\partial t} u_2 - \frac{\partial u_3}{\partial t} u_3.$$

Вычитание приведет к ур-ию:

$$-\frac{du}{dp} = \frac{\partial U}{\partial t} - \left(\frac{\partial u}{\partial x} + \frac{\partial u_1}{\partial t} \right) u_1 - \left(\frac{\partial u}{\partial y} - \frac{\partial u_2}{\partial t} \right) u_2 - \left(\frac{\partial u}{\partial z} - \frac{\partial u_3}{\partial t} \right) u_3.$$

Точно так же получим:

$$\frac{du_1}{dp} = \frac{\partial u_1}{\partial t} u + \frac{\partial u_1}{\partial x} u_1 + \frac{\partial u_1}{\partial y} u_2 + \frac{\partial u_1}{\partial z} u_3 \text{ и еще:}$$

$$\frac{\partial U}{\partial x} = \frac{\partial u}{\partial x} u - \frac{\partial u_1}{\partial x} u_1 - \frac{\partial u_2}{\partial x} u_2 - \frac{\partial u_3}{\partial x} u_3; \text{ сложение даст:}$$

$$\frac{du_1}{dp} = \frac{\partial U}{\partial x} + \left(\frac{\partial u}{\partial x} + \frac{\partial u_1}{\partial t} \right) u + \left(\frac{\partial u_1}{\partial y} - \frac{\partial u_2}{\partial x} \right) u_2 + \left(\frac{\partial u_1}{\partial z} - \frac{\partial u_3}{\partial x} \right) u_3.$$

Подобные же ур-ия справедливы и для u_2, u_3 .

Теперь, в случае $U = \text{const}$, члены $\frac{\partial U}{\partial t}, \frac{\partial U}{\partial x} \dots$ справа отпадают, и получаются, при

$$-\frac{\partial u_1}{\partial t} - \frac{\partial u}{\partial x} = c_1 \text{ и т. д.; } \frac{\partial u_1}{\partial z} - \frac{\partial u_3}{\partial x} = h_2 \text{ и т. д.,}$$

след. выражения для координат „мирового ускорения“:

$$\frac{du}{dp} = -c_1 u_1 - c_2 u_2 - c_3 u_3,$$

что представляет собою (пространственный) эффект вектора $-c$; затем $\frac{du_1}{dp} = -c u_1 - h_2 u_2 + h_3 u_3$ и т. д., т. е. $\left(\frac{du_1}{dp}, \frac{du_2}{dp}, \frac{du_3}{dp} \right) = -c \cdot \vec{u} + [\vec{u}, -\vec{h}]$

Таким образом, кватернион мирового ускорения, оказывается, можно получить из минус вихря мировой скорости совсем по законам электромагнитного притяжения. Это ведет, очевидно, к совершенно новым ур-ям между движущимися точками, которые нужно тщательно проверить на их совместимость; а сверх того, это существенно допол-

плет наши данные в указанной выше предшествующей статье, высказывая об ур-ии Гамильтона на случай, когда все 4 координаты скорости не производные от одной потенциальной функции W .

§ 60. *Заключение.*—Из намеков, рассеянных в §§-ах 58-м и 59-м, с достаточною очевидностью явствует уже, насколько еще не разработана сторонниками малого принципа относительности проблема закона взаимодействия между массами. Вот потому-то представляется неизбежным, прежде чем спешно переходить к дальнейшему порядку дня, т.-е. к обобщениям, носящим название большого принципа относительности, еще раньше продумать, как следует, основы динамики в пределах малого принципа относительности. Ведь, тут все еще очень неразработано. Почему вводится понятие силы, непропорционального ускорению? Каким образом ничтожные изменения в выражениях скоростей и ускорений, сводящиеся к прибавке тут и там множителя b , приводят к коренному перевороту в электродинамике? Каковы преобразования, от системы координат к системе, при сохранении времени,— что, очевидно, в мире Минковского *тоже допустимо*? И еще много вопросов надлежит разрешить! Не только в опытном отношении малый принцип относительности представляется нам произвольным, но и в логическом. Ничего не сделано,—только заранее данные ур-ии Максвелла преобразованы от системы к системе. И точно так же и все остальные ур-ии динамики включены в рамки теории чисто механически, и все ограничивается тем, что, раз при этом все остается по-прежнему, с прибавлением тут и там недоказуемого множителя b , то, значит, можно принять малый принцип, не теряя привычных ур-ий динамики. Ничего решительно нового, кроме сомнительного объяснения сомнительного опыта Майкельсона.

Прения по докладу т. Харазова.

Тамм (Краткое взложение речи). Из сегодняшнего доклада коснусь только трех вопросов. Определить движение центра тяжести звездных масс по отношению к земле и приписать этому центру масс состояние „абсолютного покоя“, конечно, можно, но не говоря уже о неоднозначности подобного определения, введение такого понятия сводится просто к словотворчеству, ибо состояние того или иного равномерного движения данной системы по отношению к центру масс никакого влияния на происходящие в ней физические явления не оказывает. Приведенный докладчиком вывод формулы аберации представляется мне совершенно необоснованным и лишенным физического значения. Указание докладчика, что принцип относительности покоится на отрицании, а не на утверждении, конечно, верно, но вряд ли это может подорвать доверие к теории относительности, ибо, ведь, и принцип сохранения энергии покоится на отрицании возможности вечного двигателя.

Обращаюсь к докладу тов. Харазова, напечатанному в № 10 „Вестник Комм. Академии“. Меня интересовала в нем только его критическая часть, ибо, прежде чем обращаться к построению новой тео-

рии, нужно убедиться, что основные принципы теории относительности нуждаются в изменении. Должен сказать, что из чтения вашего доклада я вынес убеждение, что все выдвигаемые вами возражения против теории относительности основаны на недоразумениях. Позвольте ограничиться несколькими отдельными примерами.

На стр. 274 вы пишете курсивом: „Нигде не обращается внимания на то, что уравнение света, как и всякое вообще уравнение, определено только до некоторого общего множителя. Это характерно, так как выдает страстное желание превозгласить“ и т. д. К тому же вопросу вы возвращаетесь на стр. 283, придавая ему, повидимому, очень большое значение. Так вот, на это обстоятельство, т.-е. на то, что из наблюдений над распространением света метрический тензор может быть определен лишь вплоть до некоего общего множителя, в теории относительности обращается совершенно достаточное внимание, и ему не только посвящены отдельные исследования, но этот вопрос подробно разъясняется в каждом сколько-нибудь полном учебнике теории относительности (Вейль, Пауля и т. д.). Указанное обстоятельство не только не подрывает теорию, но, наоборот, находится в связи с рядом основных ее положений, в частности с тем, что по Вейлю называется „Eichinvarianz“.

Далее, вами неоднократно подчеркивается, что по вашему мнению „большой“ принцип относительности подорвал „малый“. Несомненно, однако, что общая теория относительности не только не подорвала специальную, но что, напротив, она целиком на ней покоится и что специальный принцип относительности является необходимым и основным фундаментом обобщенного. В частности, в общей теории вовсе не замалчивается вопрос о местном времени, как вы это утверждаете на стр. 276. Местное время, т.-е. наиболее простой и удобный счет времени, может быть введено только в псевдо-евклидовом пространстве специальной теории относительности. Основное утверждение общей теории заключается в том, что псевдо-евклидова система координат может быть построена для любого достаточно малого участка мира, но ни в коем случае не для всего мира в целом. Отсюда вытекает невозможность определить понятие местного времени для мира в целом.

Мне совершенно непонятны выделенные курсивом рассуждения ваши на стр. 284—285, согласно которым, будто бы, по Лоренцу, Минковскому и Эйнштейну только благодаря какому-то особому психо-физическому закону все наблюдатели приходят к одному и тому же миру. Мы наблюдаем не фикцию, а реальные явления реального мира.

Каждый наблюдатель, будь он на Сириусе или на земле, наблюдает один и тот же реально существующий мир, но наблюдает его, конечно, со своей точки зрения. Из ваших же рассуждений нужно, повидимому, и вне всякой теории относительности сделать тот вывод, что раз для американца и для европейца понятия вверх и вниз не совпадают, то притти к построению одного и того же мира они могут только на основании какого-то особого психо-физического закона.

На стр. 289 вы утверждаете, что для последовательного материализма нужен эфир. Мне же кажется, что для последовательного материализма нужно прежде всего непредвзято изучать факты и воздерживаться

ваться от введения бесплодных и необоснованных гипотез только потому, что они отвечают привычным формам нашей мысли.

В заключение, позвольте отметить следующее. В начале сегодняшнего доклада вы сказали, что готовы вести дискуссию не только по существу ваших работ, но и по форме и стилю ваших докладов. В связи с этим, считаю долгом отметить, что та форма полемики, которую вы избрали в вашем печатном докладе, представляется мне для серьезного научного спора в высшей степени нежелательной и неуместной.

Богданов, А. А. Начну с частного вопроса. Вы вводите разграничение понятий параллелограмма *скорости* и параллелограмма *скоростей*, при чем под вторым понимаете соотношение между той скоростью небесного тела, которую оно имело, находясь где-то много лет тому назад, и нынешней скоростью движения земли. Это совершенно абстрактный, отвлеченно-математический подход к вопросу, а не физический, не астрономический. Такого сложения скоростей нет, существует физически только простой параллелограмм из последнего элемента скорости луча там, где он достигает земли, и элемента скорости самой земли.

Отвергнуть абстрактно-математический подход для меня важно вот почему: я понимаю принцип относительности иначе, чем его обычно понимают. Я полагаю, что сущность его заключается как раз в *переменном* характере скорости света, в том, что скорость света определяется той средою, через которую он проходит, подобно тому как это бывает при рефракции. Если свет из эфира—вы понимаете в каком смысле я здесь употребляю это слово—попадает в преломляющее тело, он меняет скорость, свойственную эфиру, на скорость, свойственную этому именно телу. Так и в эфире, который, ведь, представляет систему напряжений, скорость света должна меняться в зависимости от этих напряжений; в „большом“ принципе относительности она и принимается переменной, может быть, даже в довольно широких размерах: мы, ведь, не знаем, насколько большие массы находятся в пространстве.

В моем понимании физический принцип относительности глубоко связан с философским. Философский же принцип относительности первоначально означал только соотносительность между человеком и его средой, при чем понимался индивидуалистически. Но в своем развитии принцип от этого узкого значения перешел к широкому, которое можно выразить, примерно, так: всякое явление протекает в известной среде, его нельзя взять вне этой среды, оно ей соотносительно в полном смысле слова, ей эквивалентно. Если бы можно было математически выразить это явление и выразить так же все остальное в природе, с чем оно связано, то величины были бы эквивалентны. И соответственно этому, выражая соотносительность биологическим термином, я бы сказал, что каждое явление „приспосабливается“ к своей среде.

Возьмем луч света, идущий к нам от Сириуса. Он имеет первоначально скорость C по отношению к Сириусу, следовательно нулю, по отношению к земле; но он идет к нам через пространство с рассеянной материей и разными электромагнитными напряжениями и т. п. Всюду его скорость должна приспособляться к этому, и когда он попадает в земную атмосферу, его скорость соотносительна условиям этой атмосферы.

До сих пор не делалось измерений скорости света вне атмосферы; все измерения производились только в атмосфере; а она по отношению к свету есть материальное тело, принципиально не отличающееся от всякого другого преломляющего тела. Скорость света и получается именно по отношению к атмосфере, и именно такая, какая соответствует ее показателю преломления, — вы знаете, она, приблизительно, на 90 километров меньше скорости в эфире. Это совершенно так, как если бы свет попал из эфира в стеклянную призму: он получит определенную скорость по отношению к этой призме, приспособляясь к новой среде. Первоначально вступая в нее из эфира, он имеет еще „эфириную“ скорость C ; но среда, условия обстановки заставляют его *принять* новую скорость C , деленное на показатель преломления. Только такое понимание представляется вполне физическим: скорость света относится к реальным физическим системам, а не к абстрактно-математическим системам координат, как это делается в „малом“ принципе относительности, не к отвлеченным геометрическим фикциям. И если луч из эфира попадает в атмосферу, то в первый момент он имеет еще прежнюю скорость, но, как и в призме, лишь более медленно подчиняется условиям этой новой среды, получает скорость по отношению к ней и соответствующую ее показателю преломления.

К такому пониманию принципа относительности, как я убедился, уже начинают подходить с разных сторон. Так, года два—три назад в Эдинбургском Королевском Обществе был доклад В. Педди: „Механизм, скрытый за относительностью“, где, насколько можно понять по краткой передаче в „Nature“, основная мысль, иначе выраженная, близка к той же: соотносительность скорости света со всякой данной системой напряжений,—при чем он берет за такую систему атом.

Ясно, что с такой точки зрения бесполезно и нецелесообразно говорить о сложении прежних скоростей с нынешними, и сложение всюду относится только к последним элементам скоростей во всякой данной точке.

Далее, относительно аберации вы говорите, что нет особого противоречия с ньютоновскими принципами, если в ее формулу ввести тот обычный поправочный множитель, которого требует теория относительности. Если наблюдатель на земле измеряет скорость движения земли масштабом, соответственно укороченным по сравнению с тем, каким измеряется скорость света, то у него и получится эйнштейнова формула аберации; а затем из нее можно чисто математически вывести все прочие уравнения малого принципа относительности. Но это—иллюстрация не слабости, а силы теории относительности. Вы показываете, что достаточно ввести ее множитель в одну частную формулу—аберации, чтобы сами собой получились и все ее другие общие формулы. Такова, действительно, сила ее формул,—а ведь только формулы в ней для нас и важны; именно это показывает, как мало для нее требуются „лишние“ предпосылки.

Вы говорите: „пока не доказано претивоположное, мы примем абсолютную систему“. Почему абсолютное вы принимаете заранее, как будто оно не требует лишней предпосылки и принимается само по себе?

Вы говорите, что можно найти центр тяжести всей нашей вселенной и он будет хорошим центром для абсолютной системы координат. Но ясно, что это так только пока имеются данные границы известной нам вселенной; если их затем удастся расширить, придется заново вычислять центр тяжести, и, значит, он не абсолютный, а относительный.

Дело в том, что вообще „абсолютного“ решения заранее принимать нельзя; и назвать его „абсолютным“—значит только преградить путь дальнейшему исследованию. У вас странное значение имеет понятие абсолютного. Вы говорите, что верить ни во что нельзя; но как же тогда вы употребляете термин „абсолютное“? Абсолютное—это и означает высшую степень веры. Таков исторический смысл этого слова, другого оно никогда не имело. Абсолютное, это значит—стремление от всяких условий и ограничений; а этим и вводится элемент полной, безусловной веры. Принимать его—значит именно вводить анти-научную гипотезу. Поэтому тем, кто хочет держаться в рамках научности, надо быть осторожным по отношению к термину „абсолютное“; вы вкладываете в него изменяющееся значение; но принцип абсолютного не меняется, он всегда тот же.

Для проверки принципа относительности вы предлагаете искать в опыте скорости, большей чем скорость света, и говорите: „Пока ее не нашли, будем верить, что она существует“. Но в теории относительности принимается определенное соотношение между материей и энергией, их эквивалентность, выражаемая формулой $\frac{E}{c^2}$. Я понимаю это таким образом, что вещество есть организованная энергия, а лучистая энергия—есть форма минимальной организации. Понятно, что при движении в эфире (я употребляю это выражение как привычное) материя должна тогда встречать всегда большое сопротивление. Вы говорите „или как раз наоборот“, но если бы это было наоборот, то материя всегда двигалась бы быстрее лучистой энергии.

Так или иначе, но здесь опять сказывается сила теории относительности, которая заключается в ее стройной связанности. Вы взяли маленький вопрос,—об аберации; от него сразу получаются решения по вопросам общего характера, и наконец, вы приходите к вопросу такой широты и важности, как отношение материи и энергии. Главное же недоразумение у вас заключается в том, что вы пользуетесь понятием абсолютного, которое применяете в непонятном для меня значении, соединяя его с отрицанием веры.

Харазов, Г. А. (Заключительное слово). Прежде всего, отвечу Ал. Ал. Богданову.—Под „абсолютным“ я понимаю всего только—движение относительно эфира и думаю, что в науке так это слово всегда и понималось. Впрочем, у Минковского есть предложение называть теорию относительности учением об абсолютном мире; не знаю, насколько это вас смущает.

Если ввести в формулу для аберации определенную поправку, то, конечно, все получается, как желал бы Эйнштейн, но я не верю, будто нужны такие поправки только для того, чтобы формулы получались

покарасивее, а нужно согласоваться с опытом. Формула—только слово, и наука—не во всемогуществе слов.

Если вы понимаете принцип относительности не так, как другие, то мне с вами легче прийти к соглашению. Если вы представляете себе тела увлекающими эфир, то я с этим мог бы согласиться. И эту мысль развил еще в брошюрке, напечатанной в 1916 году. Но так как сложение настоящей моей скорости с прежнею скоростью звезды фактически происходит в моем глазу, то мне неясно, почему вам этот факт кажется неосновательным.

Еще раз повторяю: опасны красивые формулы, которые могут быть опровергнуты одним единственным опытом. И если мне говорят, что принцип сохранения энергии тоже отрицательный, то я отвечу (и тут я перехожу уже к возражениям т. Тамма): опыт, доказывающий существование источника с бесконечным запасом энергии, должен длиться бесконечное же время, а опыт, доказывающий существование скорости, большей световой, может быть моментальным. Для вас это не представляет никакой разницы?

Принцип сохранения энергии не стесняет, ищите себе, пожалуйста, сколь угодно обильных источников энергии, вам только говорят: вы не найдете такого, который бы вечно снабжал вас энергией, не оскудевал. А постулат Эйнштейна стесняет: вы никогда, мол, не найдете скорости, хоть немного большей световой. И почему? Потому что тогда красивые формулы упраздняются.

Ваше первое возражение основано на недоразумении. Минковский дал идею мира, а вы мне возражаете, что этот мир всегда останется недостроенным, потому что всех масс не пересчитать. Но, во-первых, у Эйнштейна есть учение о конечности мировой массы,—след., вы его не принимаете? Во-вторых, в идее, все-таки, мир Минковского принят теорией относительности, и вот, я указываю: это—не аморфное, а кристаллическое тело, т.-е. в нем есть одна преимущественная нить, соответствующая мировому центру тяжести, и этой нити соответствует, в идее, особый, абсолютный отсчет времени. А вы на это возражаете, что движение центра тяжести не отражается на движении остальных масс. Ну да,—по ур-ням движения вы абсолютного времени не найдете, допустим; а, все-таки, оно есть,—оно представлено в мире Минковского нитью мирового центра тяжести, и мы можем дойти до него опытным путем. Опровергайте вот это,—что мир, по Минковскому, не аморфен, а вы уклонились от трудности в сторону общих заявлений.

Второе: вам не нравится мой вывод формулы для абсорации; в рукописи у меня их еще несколько, так, может быть, другие вам больше понравятся. Но я не понимаю, как отыскание общих формул преобразования разности двух квадратов в разность двух квадратов же может показаться „совершенно необоснованным и лишенным физического значения“. А выводы Эйнштейна, Лауэ и других, с неопределенными коэффициентами,—вам, очевидно, кажутся имеющими физическое значение?

Вы не опровергаете, что Эйнштейн-то сам не обратил достаточно внимания на множитель при ур-ии света, но за то Вейль,—говорите вы. И вам этого совершенно достаточно. Почему же вы не показали, где,

скажем, Паули обнаруживает, что материальный центр притяжения в Эйнштейновом поле смирно стоит себе на месте, вместо того, чтобы описывать геодезическую линию, что ли? А я это обнаружил,—должно быть, потому, что обратил некоторое внимание на некоторые множители. Вам кажется это лишним,—так это ваше субъективное мнение. Я дал дифференциальное уравнение для функции расстояния и показал его сродство с Гамильтоновым,—у Вейля всего этого, слава те господи, нет,—так зачем вы мне на него ссылаетесь?

Вы говорите: „Невозможно определить местное время в неевклидовом мире“. Тогда, значит, в моем обобщении соответствующих формул Лоренца таятся некая фатальная ошибка. Вот, вы бы ее нам и показали. А пока, позвольте вам заметить, что у Эйнштейна, правда, местное время считается для неевклидова мира невозможной роскошью, а я доказал и показал, что это очень возможно. И пока вы меня не опровергли, вы уж не со мною полемизируйте по этому поводу, а с Эйнштейном.

Вам непонятно, как это я доказал, что у каждого должно быть свое психофизическое время, и вы ссылаетесь на американцев. Неужели вы сомневаетесь в том, что и американцы созерцают пространство не только как трехмерную, но и как вполне определенно измеримую совокупность? Если вы скажете, что для этого нужно только, чтобы каждый ввел для себя какую-либо абсолютную кв. форму, то я и напомню вам соответствующие исследования Гаусса, по которым, если абсолютные формы двух совокупностей указаны друг другу, то совокупности всего только подобны друг другу в бесконечно малом; а у нас и у американцев пространство не только подобное в бесконечно малом, но и тождественное. Это откуда взялось? Вы понимаете, что множитель при уравнении абсолютной кв. формы очень-таки важен, или вы и теперь этого не признаете?

Не я первый и не я последний утверждаю, что для последовательного материализма нужен эфир, и это вполне конкретно, так как мы ссылаемся на факт взаимодействия между массами, разделенными кажущейся пустотой. А что значит: „прежде всего непредвзято изучать факты“? Это—неконкретное декретирование; к тому же, еще и предвзятое,—потому что вы у меня ни на какое другое изучение сослаться не можете.

Вот, у вас—предвзятость: вы открыто заявляете, что вам неинтересны доказательства, данные на нескольких страницах, ибо вы не убеждены, что основы теории относительности нуждаются в изменении. Чего нет у Эйнштейна,—напр., определения местного времени в неевклидовом мире,—то уж и абсолютно невозможно? Это—предвзятость, а еще меня же и упрекают в какой-то вере в какой-то абсолют.

Что сказать на возражения тов. Андрова? У меня на стр. 260 „Вестника“ № 10 сказано: „Приравнение коэффициентов... приводит к знаменитым уравнениям Лагранжа“. Сомневается ли т. Андров в том, что именно так наука приходит к уравнениям Лагранжа? Нет, но он возражает, что нет к такому приравнению математически достаточных оснований, и, конечно, из этого заключает, что не наука, а т. Харазов ничего не смыслит в механике. Мое изложение общепризнанных научных

положений т. Андр-ов принимает за мое собственное математическое доказательство принципов механики,—принципов, т.е. опытных данных. Я, Харазов, ответствен за то, что нельзя чисто годовным математическим путем вывести принципы механики. Вся наука позволяет себе приравнивать коэффициенты и даже называет это „принципом наименьшего действия“; а виноват—Харазов.

Если бы я писал учебник для начинающих студентов, то меня еще можно было бы упрекнуть в неясности изложения, непедagogичности, раз уж она подает повод к кривотолкам для молодых неокрепших умов. Но я в серьезной статье на двух первых страницах даю схематическое изложение всей механики, чтобы поскорее перейти к собственным теориям,—так вы уж потрудитесь искать ошибок не на первых двух страницах, а начиная со стр. 261 и по 299. Это было бы куда поучительнее.

Прибавлю, что в моих „Началах Теоретической—Механики“, Баку, 1923 г., стр. 195, примечание,—вполне определенно оговаривается: „Так как предполагается, что скорость никоим образом не входит в выражение силы, а потому и ускорения, то остается только положить...“ (идет приравнение вектора ускорения градиенту силовой функции). Так что там, где я преподаю, я преподаю, а где напоминаю,—напоминаю.

Разрешите всех поблагодарить за собеседование. Что до тона, то у меня свои понятия о неуместном; напр., я ждал дискуссии, а безапелляционных выговоров я не допускаю. Открывая дискуссию по вопросу о тоне, оперирую фактами, а не ссылками на предания или на свой собственный дурной вкус. Уместно ли, когда, напр., Зомерфельд в тексте статьи признает расхождение большого принципа относительности с фактами, а потом, вдруг, при корректуре, сенсационно приписывает, что, по последним подсчетам последнего затмения, „теория относительности—доказанный факт“?

Зомерфельд и мы с ним знаем отлично, что так легко вычисления не проверяются, а научные убеждения не меняются. Но почему-то в теории относительности независимый тон считается исключаящим возможность всякого иного возражения, кроме поверхностного, а заискивания перед модною знаменитостью или, еще хуже, перед издательством считаются уместными.

III.—КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Реабилитирована ли теория „национализации“ русского капитализма.

(Ответ т. А. Леонтьеву).

„Все кажется в другом ошибкой нам,
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже“.

(Из басни Крылова).

Характеристика русского капитализма начала XX века, данная нами в книжке „Финансовый капитал накануне мировой войны“, подвергнута „критическому“ разбору.

В № 11 „Вестника Ком. Академии“ т. Леонтьев принялся добросовестно „исправить“ ошибки и перегибы палок, восполнить пробелы и установить „абсолютную неопровержимость“ теории национализации русского капитализма, взятой под сомнение в критикуемой т. Леонтьевым работе.

Отнюдь не претендуя на „непогрешимость“ папы Римского, а, напротив, сознавая неизбежность ошибок и недочетов в исследовании проблемы, так мало освещенной в экономической литературе, мы, однако, должны признать, что критика т. Леонтьева, по крайней мере, в той формулировке и аргументации, которые даны на страницах прошлого № журнала, не в состоянии исправить хоть кое-что в нашем анализе экономической системы империализма в России, так как она малоубедительна во всех доказательствах „абсолютной бесспорности“ точек зрения ее (критики) автора.

Разберем в порядке последовательности все возражения т. Леонтьева. Начнем с его „исходного пункта“.

Тов. Леонтьеву „представляется, что важнейшие ошибки и перегибы палок выступят наиболее отчетливо, если взять за исходный пункт критики вопрос о национализации русского капитализма“ (стр. 348). Не желая приуменьшать значения вопроса о „национализации“ или „денационализации“ русского капитализма, мы все же должны подчеркнуть расхождение мнений и по вопросу об исходном пункте критики. Нам кажется, что сама попытка обосновать возражения, исходя непосредственно из теории „национализации“ русского капитализма, является наименее благоприятствующей ходу рассуждений рецензента. Ведь, следует помнить, что вопрос о „национализации“ и „денационализации“ русского капитализма находится в органической связи со всей конкретной

экономической действительностью России начала XX века. Выхватить „национализацию“ из совокупности всех экономических явлений, значит оторвать ее от конкретности, обезличить ее и свести спор о „национализации“ к лишенной содержания болтовне. Во избежание этого следовало бы выбрать исходным пунктом критики анализ экономической действительности.

„Национализацию“ следовало рассмотреть в связи с общей схемой развития капитализма в России, тем более тогда, когда „денационализация“ выступает в наших рассуждениях лишь в итоге рассмотрения всей схемы развития русского капитализма в эпоху кризиса — депрессии первого десятилетия XX века и предвоенного подъема.

По существу вопроса т. Леонтьев, исправляя теорию „денационализации“, таким образом, брал на себя и большую задачу: исправить всю нашу схему развития русского капитализма начала нынешнего века.

Конечно, возможность такого исправления отнюдь не исключена, но она требует солидной фактической аргументации, которая у нашего критика, увы, отсутствует. Правда, у тов. Леонтьева есть попытка доказывать „национализацию“ цифровыми подсчетами, но сделано это так неумело, что вносимые поправки до такой степени изменяют лицо этих подсчетов, что ими не „исправить“ и не „выпрямить“ наших выводов. Об этом подробнее ниже.

Остановимся пока на общей критике схемы.

Основным недостатком этой критики является некоторая искусственность ее построения. Резко отрицательно относясь к „денационализации“ русского капитализма, т. Леонтьев почему-то „менее всего склонен брать под сомнение ценность работы в целом“ (стр. 367).

У т. Леонтьева, должно быть, ум за разум зашел: в пылу полемического задора он упускает из виду, что вся-то „работа в целом“ является лишь обоснованием той же „денационализации“, против которой он так ополчился. Признать „работу в целом“ и одновременно отрицать „денационализацию“, составляющую сущность работы, возможно только либо, выражаясь словами самого же тов. Леонтьева, в „пылу критической инерции“, либо когда содержание книжки остается для читающего ее вещь за семью печатями.

Казалось бы так просто: раз „денационализация“ обосновывается анализом всей схемы развития русского промышленного капитализма в XX веке, а т. Леонтьев убежден в обратном, то не следует ограничиваться комплиментами по адресу работы, а необходимо взяться за критический разбор этой схемы (работы в целом) которая обоснована богатыми фактическими данными, чтобы затем перейти к развертыванию своей схемы, доказав ее не меньшим по богатству материалом ¹⁾.

Что же мы имеем по существу этого вопроса в критике тов. Леонтьева?

¹⁾ Оговорки о размерах рецензии были бы в данном случае неуместны: рецензия занимает печатный лист с „газетом“.

Не поняв своей основной задачи, он ограничивается несколькими строками об авторитете „Биржевки“ и о нашем превращении к „заскорузлым умам царских чиновников“.

Трудно понять, почему они так обеспокоили тов. Леонтьева, ведь не в них суть вопроса. „Заскорузлые“ умы фигурируют в изложении лишь как допустимое разрешение вопроса о живучести теории „национализации“, а отнюдь не как довод в пользу соображений о „денационализации“. Пожалуй, нас можно было бы упрекнуть лишь в некоторой недооценке всех до последнего доводов, приводимых сторонниками „национализации“ русского капитализма, но в этом—их вина: все они выпячивают на первый план уменьшение прилива иностранных капиталов по официальной акционерной статистике и статистике эмиссии ценных бумаг. Здесь можно указать на Кафенгауза ¹⁾, Левина ²⁾, Боголепова ³⁾ и друг. Да и, признаться, т. Леонтьев сам находится под влиянием статистики акционерных компаний, работавших на основании иностранных уставов. „Отлично понимая, что капиталы иностранных обществ—это еще не вся сумма иностранных капиталов в русском акционерном деле“, он все же допускает, „что изменения первых дают известное представление о движении вторых“.

На чем основано это суждение?

Цифры статистики иностранных капиталов в русском акционерном деле, приводимые самим же т. Леонтьевым (стр. 360-361), говорят об обратном. Вероятно, лишь слепое преклонение перед теорией „национализации“ принудило его к столь доверчивому отношению к официальной статистике.

Но далеко не только т. Леонтьев и экономисты, писавшие до революции, вводились в заблуждение статистикой царских министерств. Еще совсем недавно проф. С. Г. Струминин в статье „К проблеме капитала в СССР“ ⁴⁾ без критики оперирует цифрами иностранного капитала по статистике мин. финансов. Не думаем, что в таком случае на замечаниях об официальной статистике, сделанных к тому же мимоходом, должно было быть фиксировано внимание тов. Леонтьева. Ведь эти замечания не могут ни придать серьезности критике, ни заставить кого-либо отказаться от каких бы то ни было положений.

Еще менее убедительными становятся доводы т. Леонтьева, когда он переходит к авторитету „виднейшего представителя теории национализации в марксистской литературе“,—тов. М. Н. Покровского. Он пытается цитатами из трудов маститого историка показать ложность нашей схемы. Цитатам из сочинений такого влиятельного историка русского капитализма, как Мих. Ник. Покровский, почти всегда нельзя отказать в убедительности, но в данном случае мы имеем некоторое исключение из общего правила. Возражения тов. Леонтьева безусловно выиграли бы, если бы он не поспешил с свидетельскими показаниями М. Н. Покров-

¹⁾ Н. Б. Кафенгауз. „Промышленный подъем 1909—1913 г. г. в ближайшие перспективах промышленного развития России“. Труды В. Э. О. 1914 г. № 1-2.

²⁾ Н. Левин. „Германск. капиталы в России“. СПб. 1913 г.

³⁾ „Биржевые ценности“ 1914-15 г. г., стр. 178.

⁴⁾ „Плановое хозяйство“ № 2, 1925 г.

ского, так как, во-первых, можно быть только одного мнения (а не разного!) насчет пригодности цифры капиталов разрешенных акционерных компаний, во-вторых, эти показания ставят т. Леонтьева перед весьма курьезной необходимостью пользоваться цитатами из Покровского, как „виднейшего представителя теории национализации“, для опровержений просто Мих. Ник. Покровского.

В начале текущего года Госиздат выпустил 4-е, дополненное, издание „Очерков истории русской культуры“, где М. Н., возведенный было т. Леонтьевым в „виднейшие представители теории национализации“, следующими словами определяет свое отношение к ней:

„Таким образом, „национализацию“ русского капитализма не следует (курсив Н. В.) понимать в смысле его независимости от мирового капитала: это была лишь независимость русского капиталиста от царского казначейства. Русская буржуазия стала экономически, а, стало-быть, и политически, независимее внутри страны, — но зато она все более и более входила в шеренгу европейского империализма. Капитализм отсталой России был захвачен общим перерождением капитализма более передовых стран и царскую политику гораздо более определяли мировые, чем местные причины.

„В 1913 году французская биржа прямо заказывала царскому правительству постройку военных железных дорог против Германии, ссужая его деньгами. И когда дело дошло до боя за мировую монополию между империалистическими колоссами запада, Россия не могла не принять в нем участия... На поводу у финансового капитала Европы Николай рсшил на эту авантюру“¹⁾ (курсив наш).

Следует ли еще доказывать, что национализацию русского капитализма, как ее понимает тов. Леонтьев, можно обосновывать всем чем угодно, только не цитатами из Покровского?

Ведь, как видно из приведенного, Мих. Ник. Покровский всецело стоит на точке зрения тех основных положений, которые нашли свое обоснование в нашей работе.

Серьезной может показаться кому-либо цитата из Тугана-Барановского о том, что „за 5 лет сумма вкладов в кредитных учреждениях России возросла более, чем на два с четвертью миллиарда рублей“ (стр. 350).

Но ведь здесь т. Леонтьев ломится в открытую дверь. Мы нигде не отрицали накопления капиталов в России, да и вряд ли кто-нибудь другой, хоть мало-мальски знакомый с конкретной экономикой, пытался или попытается опровергнуть действительно „абсолютно неопровержимую вещь“. Мы ведь только установили, что „процесс усиливается“²⁾ накопления туземного капитала с 1909 года отставал в своем темпе

¹⁾ М. Н. Покровский — „Очерки истории русской культуры“, ч. I. Изд. 4-е. Москва. Изд. 1925 г., стр. 124-125.

²⁾ Подчеркиваем это слово, чтобы обратить внимание читателя на передержку, встречающуюся у т. Леонтьева в конце стр. 364 и в начале 365. Из усиления накопления с 1909 года отнюдь не вытекает, что „в течение 1906—1909 гг. накопления не происходило“. Это явная передержка, которая неуместна в наших обсуждениях.

от потребностей в наличных средствах со стороны банкового и промышленного капиталов" (см. стр. 37 нашей работы).

Пусть т. Леонтьев попытается опровергнуть положение, как оно ставится. Сомневаемся, что ему удастся с цифрами в руках доказать его несостоятельность. Ведь исчисления самого же т. Леонтьева, с одной стороны, указывают на факт *усиления* накопления с 1909 г. (см. стр. 365), с другой—его же цифры об участии иностранных капиталов в русских акционерных компаниях (см. стр. 360 и 361) только подтверждают им же критикуемое положение, что туземное накопление не удовлетворяло запросов со стороны промышленности.

Кстати заметим, что статистика накопления капиталов в России в эпоху монополистического капитализма ничего еще не в состоянии сказать об удельном весе этого туземного накопления в хозяйственной системе. Европейский финансовый капитал, расширяя свою монополию в хозяйственной системе России, подчинял себе и добился распоряжения солидной долей капиталов, накопленных в самой России. Спорной, конечно, может быть конкретная величина подсчета этого распоряжения, произведенного нами по отдельным отраслям промышленности, но мы и не настаиваем на абсолютной его точности. Эта точная величина, действительно, может быть установлена только „коллективными усилиями авторов“. Но подвергнуть этот подсчет „исправлению“ цитатой из Тугана-Барановского о поступлении вкладов в кредитные учреждения совсем не к лицу критику, претендующему на исключительную добросовестность и поучающему нас, что „действительно знать предмет“ можно, только „изучив его, охватив все его стороны, связи и опосредствования“. Его замечания, к сожалению, рождают лишь сомнения в том, что он лично действительно изучил и охватил предмет, который берется с такой неимоверной легкостью критиковать.

* * *

Покончив с нашим презрением „к царским чиновникам“, реабилитировав их цитатами из Покровского и Тугана, тов. Леонтьев делает попытку несколько ближе подойти к существу вопроса: он берется за „выпрямление“ положения, что „начало развития русского монополистического капитализма тесно связано с международным банковым капиталом, который к кануну войны фактически монополизировал всю систему русского промышленного капитализма, по крайней мере, — ее командные высоты“.

Как же „исправляется“ этот, основанный на богатом фактическом материале, тезис?

Леонтьев заявляет: „Следует признать, что в такой категорической форме тезис автора остается недоказанным“ (стр. 352).

Мы вряд ли ошибемся, если ответим на это, что „в такой категорической форме“ заявление тов. Леонтьева несколько затрудняет сведение концов его же рассуждений. Ведь в другом месте для него „совершенно ясно, что автору (т.-е. мне — Н. В.) удастся недурно иллюстрировать

самый факт господства (курсив наш — Н. В.) иностранного капитала во всех отраслях" ¹⁾).

Здесь явная недоговоренность. Чтобы избежать ее не следовало быть скупым на слова (это совсем не в стиле тов. Леонтьева!), а необходимо было подкрепить голословное заявление о недоказанности тезиса разбором того фактического материала и тех подсчетов, которые приводятся для подтверждения положения.

Скромность по части излишнего злоупотребления словами при внимательном чтении статьи, однако, получает специфическую окраску. Т. Леонтьеву оказывается нечего сказать по существу наших доказательств кроме того, что работа эта проделана с чрезвычайной добросовестностью" (стр. 352).

Читатель в недоумении: почему же в таком случае настаивать на необходимости "исправления" тезиса? В чем же тут дело? Почему же так запутывается вопрос, в котором правильность тех или иных выводов разрешается арифметическим подсчетом величин?

Вероятно, потому, что т. Леонтьев хотел остаться до конца выдержанным "представителем" теории "национализации". Факты говорят против этой теории — международный финансовый капитал господствует в русской капиталистической промышленности, остается один выход из положения: — пойти против фактов, сказать, что не в них дело и... заявить, что "повидимому (почему такая неуверенность?) причина этого (т.-е. недоказанности тезиса — Н. В.) заключается в известной неправильности исходных пунктов автора".

Каковы эти исходные пункты и в чем их неправильность?

Этих исходных пунктов насчитывается три: 1) "диктатура финансового капитала", 2) далеко недостаточное использование ленинской схемы империализма и 3) не совсем правильное понимание ленинской схемы империализма.

По существу эти три пункта имеют мало общего с нашим исходным моментом — им являлась конкретная экономическая действительность, на которой мы и развернули всю проблему. Указанное же касается не столько исходных основных моментов, сколько метода исследования. Остановимся на нем.

Вся методологическая сторона вопроса целиком и полностью заимствована у Ленина. Против этого-то заимствования выступает т. Леонтьев. "Нельзя", — говорит он, — русскую экономическую действи-

¹⁾ Совершенно справедливо, как будто недурно: банковый капитал распоряжался акционерными предприятиями в железной промышленности, основной капитал которых составлял 81,3% ко всему акционерному капиталу железной промышленности. Из этого количества предприятий на долю банковых объединений Антанты приходилось 60,1%, а германских — 21,7%. Французские банки возглавляли "незаконный" металлургический трест и руководили синдикатом "Продамета". Парижские банки являлись распорядителями русской угольной промышленности, контролируя общества с капиталом в 75% всех вложенных в угольную промышленность акционерных капиталов. Французские банки возглавляли "Продуголь" и руководили концентрацией всей угольной промышленности. В области нефтяной промышленности французские банки выступили, в сотрудничестве с английскими, в трестовом объединении "Russian general Oil Corporation" и т. д., и т. п.

тельность кануна мировой войны уложить в узкие рамки схемы, к тому же не совсем правильно понятой". Оставим пока в стороне вопрос о том, правильно или неправильно поняли мы схему Ленина, поговорим о схеме вообще.

Не может быть двух мнений о том, что абстрактной схемой злоупотреблять не следует, но мы не согласимся, как и любой другой исследователь, приступить к работе, теоретически не осмыслив той проблемы, разрешение которой стоит перед нами. Эта теоретическая, вполне абстрактная, схема должна определять анализ разбираемой проблемы. Без применения теоретической схемы в изучении экономической действительности можно, в лучшем случае, написать скверный справочник по конкретной экономике, но полностью исключена возможность научного исследования. Схема должна быть применима в изучении конкретной экономики.

Упрек же в том, что мы не столько применяем схему, сколько укладываем в ее рамки экономическую действительность, по существу ничего не говорит, т. к. тов. Леонтьев не попытался конкретно указать, на основании чего он приходит к подобного рода выводу, не попытался также установить грань между „применением“ и „укладыванием“. Если в работе действительно имеется неумелое использование схемы, то на немногих примерах это следовало показать, а то ведь даже цитата из Ленина о „познании предмета“ получает характер модного ныне „красного слова“.

Несколько серьезнее указание т. Леонтьева на то, что мы неправильно поняли Ленина. Его возражение по сему сводится к одному моменту—к переоценке нами значения банкового капитала в системе монополистического капитализма. „Тов. Ванг самым сильным образом подпал под диктатуру финансового капитала и под диктатуру довольно жесткую... Наш автор везде употребляет термин „сращивание“, но вкладывает он в этот термин такое содержание, которое весьма родственно „творимой легенде“ Гильфердинга насчет „6 банков“, владеющих всей страной“ (стр. 353).

Этот вопрос имеет действительно актуальное значение, и в одинаковой степени конкретно-экономическое и теоретическое. В последнем отношении работа вряд ли может дать,—да мы на это и не претендуем,—многое теоретиче для его абстрактных рассуждений, т. к. мы не создавали новых теоретических построений, а брали их в готовом виде, при чем не видим расхождения нашего понимания схемы империализма с его трактовкой у Ленина. Ленин так говорит о роли банков в эпоху империализма:

„По мере развития банкового дела и концентрации его в немногих учреждениях, банки превращаются из скромной роли посредников во властных монополистов, распоряжающихся (обращаем внимание т. Леонтьева! — Н. В.) почти всем денежным капиталом всей совокупности капиталистов и мелких хозяев, а также большую часть средств производства и источников сырья в данной стране и в целом ряде стран. Это превращение многочисленных скромных посредников

в *жорстку монополистов* ¹⁾ составляет один из основных процессов превращения капитализма в капиталистический империализм" (собр. соч. т. XIII, стр. 258).

В другом месте Ленин так уточняет мысль о взаимоотношениях банкового и промышленного капиталов в эпоху империализма: "Что касается до тесной связи между банками и промышленностью, то именно в этой области едва ли не нагляднее всего сказывается новая роль банков. Если банк учитывает векселя данного предпринимателя, открывает для него текущий счет и т. п., то эти операции, взятые в отдельности, ни на йоту не уменьшают самостоятельности этого предпринимателя, и банк не выходит из скромной роли посредника. Но если эти операции учащаются и упрочиваются, если банк "собирает" в свои руки громадных размеров капиталы, если ведение текущих счетов данного предприятия позволяет банку... все детальнее и полнее узнавать экономическое положение его клиента, то в результате получается *все более полная зависимость промышленного капиталиста от банка...*

"Вместе с тем развивается, так сказать, личная уния банков с крупнейшими предприятиями промышленности и торговли, *слияние тех и других посредством владения акциями, посредством вступления директоров банков в члены наблюдательных советов (или правлений) торгово-промышленных предприятий и обратно*" (там же, стр. 266)...

"Получается; с одной стороны, все большее слияние или, как выразился удачно Н. И. Бухарин, *сращивание банкового и промышленного капиталов*, а, с другой стороны—перерастание банков в *учреждения поистине универсального характера*" (там же, стр. 268)...

"Со стороны торгово-промышленных кругов нередко слышатся жалобы на "терроризм" банков. И неудивительно, что подобные жалобы раздаются, когда крупные банки *"командуют"* (там же, стр. 263) ²⁾.

Так трактуется вопрос о банках в системе финансового капитала у Ленина.

Какие же специфические особенности (отличительные от *развитых тов. Лениным*) "финансовой диктатуры" и "сращивания" найдет читатель в нашей работе?

Никаких. Они существуют только в уме тов. Леонтьева. Наши рассуждения разворачиваются по схеме:

1) Конец XIX века — период подготовительный для грядущего торжества финансового капитализма. Концентрация производства не создала еще монополий. Банковский капитал (в основном) не вполне еще вышел из роли посредника в "платежах".

2) Начало XX века (период, промышленного кризиса и затяжной депрессии) — ставит перед промышленным капиталом вопрос о разрешении проблемы свободной конкуренции; путь ее разрешения — смена свободной конкуренции монополиями, вырастающей на основе дальней-

¹⁾ Курсив везде наш.

²⁾ Принесли извинение за слишком длинную цитату, но раз нам брошен упрек в непонимании Ленина в вопросе о роли банкового капитала в империалистической системе, мы не считаем возможным не указать на все основное, что сказалось Лениным по этому вопросу в "Империализме".

шей концентрации (в годы депрессии) производства и капитала. Концентрация вплотную приводит к монополии к началу второго десятилетия XX века.

3) Условия востойного положения русской промышленности, при неизбежной для нее концентрации, заставляют, с одной стороны, промышленников учащать операции с банками, упрочивать отношения с ними (нужда в долгосрочных кредитах). С другой стороны, банки (иностранцы!) стараются усилить свое влияние на русскую промышленную систему. Русский капитализм входит в стадию „финансовых реорганизаций“, открывая собой эпоху „сращивания банкового и промышленного капиталов“. Этому „сращиванию“ способствует неблагоприятная промышленная кон'юнктура, она же облегчает задачу банковому капиталу поставить русских промышленников в большую зависимость от себя. Европейские банковые консорциумы подчиняют себе русскую систему банков и превращаются к кануну войны в монополистов основных отраслей русской промышленности.

Содержат ли эти положения, являющиеся основными в нашем изложении, что-нибудь дающее хоть какое-нибудь основание „выпрямлять“ наше понимание Ленина?

Ничего. Только во вопросе о национальном характере банковых монополий, о сращивании русской промышленности с иностранным банковым капиталом мы можем встретить возражение критика, но это вопрос не принципиально-теоретический, а конкретного анализа экономической действительности.

Лишенные возможности более подробно остановиться на нашем непонимании Ленина, т. к. автор рецензии, ограничиваясь констатированием факта, не прибегает к его обоснованию, остановимся, однако, на затронутой им проблеме „соотношения элементов, составляющих единство финансового капитала“.

Мы не ставили себе в работе специальной задачи осветить вопрос о том, какой из составных элементов (банковский или промышленный капитал) имел перевес в русской системе империализма, т. к. наша работа является не узко-экономической, а в значительной степени исторической. Все же из всего данного анализа вытекает ответ и на поставленный т. Леонтьевым вопрос. Перевес, если взять систему в целом, в русской системе империализма приходится на банковый капитал. Не исключены, правда, и отклонения от этого положения, особенно, когда дело касалось отраслей легкой индустрии (напр., текстиль, стекло и др.).

Симпатии т. Леонтьева не на стороне такого разрешения вопроса о „соотношении элементов“. Русская промышленность, „являясь—полагает он—представительницей более мощного иностранного капитала, вряд ли была слабейшей стороной...“ (стр. 354).

Эта „мощность“ русского промышленного капитала в годы глубокого кризиса должна быть взята под большое сомнение. Больше того,—не может быть двух мнений о том, что в начале XX века, когда именно протекал у нас процесс формирования империалистической системы, соотношение склонялось в пользу европейского

(конечно, не русского, о нем у нас и речи нет)¹⁾ банкового капитала, принявшегося за реорганизацию русских промышленных предприятий, так как европейская экономическая система после непродолжительного кризиса переживала весьма благоприятную конъюнктуру, а русская... продолжала корчиться в судорогах кризиса.

Так представляется нам разрешение проблемы „соотношения элементов“ в ее применении к русской системе империализма. Оно вряд ли может быть поколеблено цитатой из теоретических рассуждений А. Менделсона и отвлеченными разговорами о „мощности“ русской промышленной системы.

„Утвердив“ гегемонию промышленного капитала в русской монополистической системе, тов. Леонтьев, конечно, не может согласиться с тем, что европейский финансовый капитал становится к кануну войны монополистом (вершителем ~~судеб~~) русской промышленности. Он решительно протестует и берется доказать всю ложность такой постановки вопроса... Но не везет сегодня нашему критику и доказательствах „неопровержимости“ его точек зрения, он и здесь допускает маленький ляпсус, устранение которого сводит на-нет его рассуждения.

А. Л. сюда ставит знак равенства между иностранным капиталом вообще и его специфической формой—финансовым капиталом, а между тем этого знака равенства ставить нельзя.

„Как понятно без дальнейших рассуждений,—заявляет т. Леонтьев,—иностранный капитал не мог стать вершителем судеб в целом ряде отраслей тяжелой индустрии по той простой причине, что он был таковым (т.-е. вершителем) с самого возникновения этих отраслей... Между тем т. Ванагу необходимо доказать, что иностранный капитал становится владыкой важнейших отраслей“ (стр. 355).

В том-то и дело, что нам абсолютно не необходимо доказать, что иностранный капитал становится владыкой важнейших отраслей русской промышленности в XX столетии, нас интересует не просто проблема иностранного капитала в русской экономике, а процесс ее (т.-е. экономики) включения в орбиту монополий европейской системы империализма, в частности—в орбиту монополий системы англо-французского финансового капитала.

Что этот процесс развернулся именно в XX ст., как будто не имеет оснований отрицать и т. Леонтьев, по крайней мере он не попытался даже „выпрямить“ положение первой главы книжки, что процесс формирования империалистической системы в России относится к эпохе несколько поздней, чем прилив иностранных капиталов в 90 х г. г. прошлого столетия.

Ставя полный знак равенства между иностранным капиталом вообще и специфической формой этого капитала—финансовым капиталом, т. Леонтьев облегчает, правда, задачу „исправления“ нашей

¹⁾ Подмена европейского банкового капитала, о котором речь в тексте, русским банковым капиталом—передержка т. Леонтьева.

„денационализации“, но снова затрудняет выяснение процесса по существу.

„Всякий поймет,—заявляет он лаконически,—что денационализировать можно лишь то, что раньше носило национальный характер. Этот мистический процесс обнаруживается тов. Ваногом в области таких старых, можно сказать, исконных доменов иностранного капитала, как южная металлургия, польская металлургия, крупнейшее машиностроение, каменноугольная, нефтяная и электротехническая промышленность“ (стр. 356).

Оставим пока в стороне вопрос о возможных пределах „денационализации“ русской промышленности, о них мы поговорим, рассматривая цифровые вычисления вложений иностранного капитала, а задержимся вкратце на результатах денационализации“ отраслей, которые „никогда (?—Н. В.) национальными не были.

Здесь поневоле приходится несколько вернуться к замечанию, сделанному в самом начале: неудачна попытка Леонтьева „исправлять“, перегибы палок, исходя непосредственно из теории „национализации“ русского капитализма. Она сама по себе только затрудняет выяснение вопроса. Кто не знает о тех крупных вложениях иностранного капитала, которые сыграли весьма-таки немаловажную роль в деле расцвета русской капиталистической промышленности в 90-х г. г.? Но по существу поставленного вопроса, речь идет не о простом вложении иностранного капитала, а о таком, которое повлекло за собой овладение русской промышленностью европейской системой империализма. Этот процесс абсолютно не мистического происхождения, а вполне реального, и нашедший, на наш взгляд, довольно конкретное подтверждение в критикуемой Л. работе.

В таком случае, может быть, спросят нас, какое же отношение имеет этот вопрос к теории „национализации“ или „денационализации“?

А вот какое. Русский капитализм подвержен в XX веке перерождению, становясь достоянием *властных монополистов* (не просто иностранного капитала!) Парижа, Лондона и, в некоторой своей части, Берлина.

Совместима ли эта монополизация экономической системы иностранным *финансовым* капиталом с „национализацией“ русского капитализма?

Конечно нет.

Доказать обратного не удастся даже вычислениями относительной доли вложений в акционерные компании иностранного и русского капиталов, произведенными т. Леонтьевым на стр. 360—361, исходя при этом не только из соображений, что доля иностранного капитала у него же возросла в XX веке с 28,8% до 33,8%, но и из соображений, совершенно учтенных из виду нашим критиком. Тов. Леонтьев забывает о том структурном перерождении капитализма, которое упрочивало положение иностранного капитала в русской экономике, где он сделался величиной, с которой считалось царское правительство во всей своей внешней политике кануна мировой войны.

Тов. Леонтьев возразит: „До тех пор пока нам не докажут, что элемент владения теряет свое значение при новом этапе капитализма..., мы будем твердо считать, что отношения собственности кое-какое значение, притом не из последних, имеют... Надо на отношения собственности и владения опираться, как на исходные пункты анализа“ (стр. 359).

Успеем т. Леонтьева. Доказывая здесь несостоятельность его доводов, мы не намерены готовить переворота в области экономической науки, мы собираемся только снова настаивать на необходимости критического отношения к цифрам акционерной статистики. *Не значение отношений собственности и вложений в эпоху новейшего этапа капитализма должно быть подвергнуто критическому разбору, а лишь вопрос о том, возможно ли о развитии отношений собственности и владений в русской промышленности начала XX века судить по движению сумм основных капиталов акционерных предприятий регистрированных министерством финансов.*

— Мы полагаем—нет.

— Почему?

— Потому, что это движение основных капиталов далеко не отражает всех изменений в отношениях собственности. Во-первых, оно не отражает структурных изменений, во вторых, необходимо иметь в виду, что в XX веке происходило, если можно так выразиться, своеобразное „обновление“ капиталов русских акционерных компаний. Иностранные финансовые консорциумы скупали новые выпуски акций лишь после списания со счетов основного капитала значительной доли, доходившей иногда до очень крупного %, старых вложений. Этими списаниями в значительной степени маскировались изменения в отношениях собственности—номинальный приток капиталов оказывался ниже фактического вложения, что сводит почти на-нет возможность простого сравнения иностранной доли капиталов к 1900 г. и 1914 г., с целью выяснения колебаний отношений иностранных капиталов в русской промышленности. Поясним нашу мысль на конкретном примере. Возьмем Донецко-Юрьевское о-во. Французский банковый синдикат решил скупить в 1910 году новый выпуск акций при условии списания с основного капитала (в 8 млн. р.)—4,8 млн. руб. и увеличении его на 12 млн. р. Фактическое вложение капитала в это об-во в 1910 году составляло, таким образом, 12 млн. рублей, а номинальное увеличение капитала по официальной статистике выразилось в 12 млн. руб.—(минус) 4,8 млн. руб., списанных с основного капитала и значившихся по счетам до гарантии выпуска акций 1910 г.—фактическое вложение в 12 млн. р. выразилось лишь в номинальном увеличении капитала в 7,2 млн. р. Таким образом, судить по движению номинальных величин капиталов об их вложении нам предоставляется ошибочным. Это же приходится оговорить по поводу движения номинальной величины доли иностранных капиталов. Известно ведь, что иностранные капиталисты участвовали в Дон.-Юрьевском обществе и до 1910 года; списание основного капитала в 1910 году в одинаковой степени коснулось и иностранной части вложений, чем вызвано изве-

стное преуменьшение номинального увеличения иностранной доли, по сравнению с фактическим вложением иностранных капиталов.

Пример с Донецко-Юрьевским о-вом типичен,—поэтому отпадает возможность простого сравнения долей вложения в акционерные предприятия, в те или иные сроки начала XX века, для доказательства изменений в отношениях собственности.

Этого не учитывает т. Леонтьев, но мы уверены, что если бы он только несколько внимательнее относился к тому, что берется критиковать, если бы он действительно руководствовался только одним желанием познать все стороны „финансовых реорганизаций, если бы он учел действительные вложения капиталов с 1900 по 1914 год, если бы он учел при этом структурные формирования русского капитализма, то „национализация“ не представилась бы ему в виде „абсолютно-неопровержимой“ вещи. Ведь „неопровержимость“ его „национализации“ держится на весьма шатких основаниях: не следует совсем прибегать к тому сложному учету, на который, мы только что указали, чтобы поколебать эту „абсолютную неопровержимость“. Надо только *внимательно и грамотно* проследить движение даже номинальных величин иностранных капиталов, как в их акционерной форме, так и во всех других видах, чтобы убедиться в „устойчивости“ „неопровержимой теории“.

Что вопрос о развитии русского капитализма в XX веке следует поставить именно не в плоскость „национализации“, показывают и факты не экономического порядка. Архивы бывш. мин. иностранных дел и канцелярии министра финансов вскрыли любопытную картину зависимости политики царского правительства кануна войны от парижской и лондонской бирж. Здесь не место приводить цитаты из документов, ограничимся лишь указанием на ставшую уже общеизвестной в кругах интересующихся историей русского капитализма переписку по поводу предложения парижского биржевого маклера об условиях железнодорожного займа в 1913 г.

Запутав вопрос в основном, т. Леонтьев—ясное дело—продолжает блуждать во всех случаях доказательства ошибочности наших положений.

„Сопоставим,—говорит он,—окончательные результаты исследования тов. Ванага о роли иностранного капитала в донецкой угольной промышленности с теми сведениями, которые имеются на счет этой роли к началу века. Получим следующую картину. В 1899—1900 г. г.—57% (продукции—Н. В.), а у нашего автора при гораздо более легком зачислении в „иностранный легион“ в 1913 году оказалось 63,1%. При таких условиях толковать о „денационализации“ угольной промышленности, разумеется, не приходится“ (356 стр.).

Здесь ошибка т. Леонтьева снова сводится к тому, что он попытался сравнить по существу несравнимые величины — долю продукции компаний, работавших на иностранные капиталы, или при их участии, и долю продукции компаний, представлявших монополию французской системы империализма. Это — вещи, которые простому сравнению не поддаются.

Нельзя с такой легкостью, как это делает т. А. И., „исправлять“ и приводимые конкретные случаи включения нескольких акционерных компаний в орбиту монополий иностранного финансового капитала. По Алексеевскому обществу ему „не удалось проверить сообщение автора“. Жалко, а мы ведь указываем не один источник (см. стр. 114), по которым, при некотором наличии желания, легко было проверить сообщаемое нами.

Но легкость, с которой тов. Леонтьев относится к конкретному материалу, особенно непростительна в примере с обществом „Ртутное и угольное дело А. Ауэрбах“. Посмеиваясь над нашими примерами „денационализации“, он заявляет: „В одном из компетентных источников мы находим утверждение, что это предприятие раньше принадлежало бельгийцам, а теперь находится исключительно в русских руках“ (стр. 357).

Цитата из Боголепова звучит убедительно..., но по существу ею никого не переубедишь. Не знаем, потрудился ли тов. Леонтьев узнать, когда это предприятие („Ауэрбах“) стало бельгийским, когда и при каких условиях оно из бельгийского превратилось снова в „русское“. Мы склонны полагать, что он этого не сделал, т. к. в противном случае следовало бы отказаться от формулировки „компетентного источника“, по крайней мере—для данного случая. Вкратце история о-ва „Ауэрбах“ такова: по своему происхождению оно—русское общество, не только на словах, но и по вложенному капиталу. В пору промышленного кризиса общество, наряду с целым рядом других предприятий, попадает в администрацию. В конце 1906 г. (!) на бирже начинают поговаривать о восстановлении дел общества. В 1907 г. (!) в Бельгии, по инициативе соответствующих банков, организуется бельгийское общество, которое берет в аренду русское общество „Ртутное дело Ауэрбах и К^о“.

Видите, какая нужна осторожность при пользовании даже компетентными источниками. Казалось, цитата из Боголепова подтверждает точку зрения т. Леонтьева, а на деле—общество „Ауэрбах“ в период промышленной депрессии, т. е. в пору, когда во что бы то ни стало необходимо реабилитировать национализацию, попадает в руки франко-бельгийских банкиров, которые впоследствии, за несколько лет до войны, находят более удобным „командовать“ обществом через русский—по уставу—Азовско-Донской банк, скупивший по приказу из Парижа львиную долю акций этого общества. Скупка же акций русским—лишь по уставу—Азовско-Донским банком рассматривается Боголеповым, как переход общества „исключительно в русские руки“.

Что касается указания на Рутченковское общество, то ограничимся советом внимательно прочесть строки, предшествующие у нас перечислению случаев вертикальной монополизации угольной промышленности (см. стр. 115). В этих строках мы говорим:

...Остановимся несколько на вопросе о включении добычи каменного угля в сферу влияния французского финансового капитала через русские металлургические заводы.

Концентрация русской железной промышленности... проходила при активном участии иностранного банкового капитала. *Французский банковый капитал решился финансировать русскую железную промышленность лишь при условии и с целью ее концентрации, при чем, любопытно отметить, в первую очередь—вертикальной...*

Нет буквально ничего смешного, а ведь т. Л. с улыбкой на устах упоминает о Рутченковском обществе, о том, что вертикальной концентрации подверглось и общество, работавшее в России по иностранному уставу: устав здесь не меняет существа дела.

Отвечать на упрек, что „не лучше обстоит дело у нашего автора при анализе других важнейших отраслей“ (стр. 358), нам не приходится, т. к. не приведен ни один конкретный пример подтверждающий правильность такого мнения. По всей вероятности, эти примеры похожи на только что разобранные. В таком случае, ими вряд ли можно кое-что „исправить“ и „выправить“.

* * *

Мы покончили с одной частью рецензии, пожалуй, самой трудной, т. к. „исправления“ т. Леонтьева или совсем не аргументировались здесь фактами, или в лучшем случае аргументировались лишь цитатами из Покровского, Тугана и друг. Последующие же соображения носят уже несколько иной характер, претендующий на реабилитацию теории национализации цифровыми подсчетами. В этой части и тон рецензии носит более «наступательный» характер.

„Казалось бы чего проще,—говорит т. Л.,—требуется доказать денационализацию—поэтому прежде всего следует дать сравнение, сопоставление доли участия иностранного капитала до этого процесса и после него, т. е., примерно, к 1900—1901 г.г. и к 1913—14 г.г. Однако, такого сопоставления мы напрасно стали бы искать у нашего автора“ (стр. 358).

Мы уже имели случай заметить, что когда дело касается структурного перерождения капитализма, то вопрос отнюдь не разрешается так просто, как полагает т. Леонтьев. Но в целях упрощения разбора его доводов, положим, что метод, применяемый им, правилен, что по увеличению номинальных величин иностранного капитала действительно возможно разрешить вопрос об изменениях в отношениях собственности, вопрос о „национализации“ или „денационализации“ русского капитализма. Посмотрим, что в таком случае получается из попытки „восполнить пробел“.

Начнем с данных об участии иностранного капитала в промышленных (акционерных и паевых) предприятиях.

Для сопоставления величин вложения иностранного капитала в эти предприятия к началу века (1900 г.) и к кануну войны (1914 г.) т. Л. пользуется исчислениями „юрисконсульта“ общества для содействия русской торговле и промышленности—А. Воронова—и данными Зива, примерно, на 1 января 1914 г. Сначала несколько слов об источниках. По нашему глубочайшему убеждению первый источник сомнительного

характера, недаром ведь книжка Воронова, выпедшая еще в 1901 г., осталась совсем незамеченной, несмотря на полное отсутствие каких бы то ни было работ, содержащих подсчет иностранным капиталам на пороге к XX веку.

Многие ли слышали о существовании „труда“ „юрисконсульта“ А. Воронова?

Несмотря на скептическое отношение к работе Воронова, мы все же предпочтем здесь отнестись к ней с некоторым доверием, внося поправки только там, где это представляется абсолютно необходимым.

Первая из таких поправок касается суммы иностранных капиталов. Цифра 691 миллион рублей, указанная Вороновым и заимствованная у последнего т. Л., исчислена чрезвычайно своеобразным способом. Известно, что по большому количеству, примерно 40% всего числа иностранных, компаний, действовавших в России в конце XIX и в начале XX в., в официальных изданиях не имеется никаких сведений о величине их капиталов. Поэтому подвести какой бы то ни было итог иностранным капиталам по этим источникам не представляется возможным. Воронов, однако, нашел выход из положения: он берет среднее число рублей, приходившееся на каждое предприятие, публиковавшее свои отчеты, и умножает его на 269—число якобы существовавших иностранных компаний „по сведениям проф. Русского к первому января 1900 года“, а отсюда произведение—691 млн. руб.

По официальным данным число компаний, работавших на основании иностранного устава к началу XX века, не превосходило 200. К этим 200 предприятиям еще с натяжкой, пожалуй, в худшем случае, можно было бы применить исчисление А. Воронова, но его метод подсчета является уже абсолютно произвольным в применении к 69 компаниям „проф. Русского“, которые, вероятно, работали на основании русских уставов, но с некоторым участием иностранного капитала. В итоге мы должны признать подсчет г. Воронова мало пригодным для наших целей.

К сожалению, мы не в состоянии противопоставить вычислениям г. Воронова наши собственные подсчеты, т. к. их у нас не имеется,—они могут быть вычислены только на основании архивных материалов, вероятнее всего, материалов бывшей кредитной канцелярии, документы которой пока остались вне пределов нашей работы.

„Но это ведь не аргумент против моих вычислений,—скажет т. Л., критикуя вороновскую цифру,—вы должны противопоставить ей другую, по вашему мнению более или менее вероятную“.

Согласны. Такой более или менее вероятной цифрой мы считаем подсчет Верстраата, того самого француза, на которого ссылается и наш рецензент. Этот француз устанавливает (не по методу Воронова, а на основании конкретных сведений) участие иностранного капитала в русской торговле и промышленности в 1900 году в размере 778 млн. руб. (по 348 предприятиям). Но эти 778 млн. руб. представляют собой сумму всех капиталов, поэтому, поскольку мы должны будем заниматься сравнением (т. Л. часто упускает из виду, что срав-

нить возможно только сравнимые величины), нельзя брать отношение этой суммы только к акционерному капиталу, следует взять ее отношение к суммам акционерных и облигационных капиталов вместе взятых. Сумма акционерных капиталов к 1900 г. составляла—2396 млн. р. (не расходится с цифрой, данной Вороновым и Леонтьевым), а сумма облигационных капиталов — 199 млн. р.¹⁾ В результате соотношение капиталов к началу XX века выразится:

Сумма акционерных и облигационных капиталов	
в кредитных и торг.-пром. предприятиях . . .	2.599 млн. р.
Из них: иностранных	778 "
% иностранных капиталов ко всей сумме капит.	29,94%

Следовательно, при внесении коррективов в цифры Воронова-Леонтьева, мы получим около 30% участия иностранных капиталов в акционерных и паевых торгово-промышленных и кредитных предприятиях.

Теперь перейдем к вычислениям 1914 г. Чтобы цифры 1914 г. могли быть сравнимы с цифрами 1900 г., следует все величины свести к общему знаменателю. Для этого снова учтем не только суммы акционерных капиталов, что имеет место у т. Л., но и облигационных²⁾. Сумма акционерных капиталов определяется по нашим подсчетам в 4.400 млн р. (она несколько ниже данной Л. Расхождение объясняется примерностью подсчетов), а облигационных капиталов — в 340 млн. р. Итого, следовательно, акционерных и облигационных капиталов 4.740 млн. р. Иностранных же капиталов числилось в акционерной форме около 1.600 млн. р. (точнее 1.603 млн.р.). Эта сумма представляет результат самостоятельного подсчета. Она несколько больше (на 68 млн. р.) суммы Зива и очень близка к сумме, вычисленной М. Галицким (см. "Иностранные капиталы в русской промышленности перед войной". Н. Х. № 3, 1922 г.), которая равна 1.343,5 млн. р. без иностранных капиталов в кредитных учреждениях. Прибавив к этой цифре сумму, приходившуюся на коммерческие банки, мы получим цифру, весьма близкую к установленной нами величине. Из облигационного капитала на долю иностранцев приходилось около 300 млн. р.

В итоге получаем такое соотношение долей иностранного и русского капиталов в русских акционерных компаниях перед войной:

Сумма акционерн. и облигац. капиталов в кред.	
и торг.-пром. предприятиях	4.740 млн. р.
Из них: иностранных	1.900 "
% иностран. капитал. ко всей сумме капиталов	40,08%

¹⁾ Воронов на стр. 13 упоминает сумму облигационного капитала в размере 172,5 млн. р. Мы предпочитаем пользоваться цифрой официальной статистики.

²⁾ Промышленные облигации, фигурирующие у т. Л. к 1900 г. под рубрикой обязательств долгосрочного кредита, совсем выпали из подсчета, относящегося к началу войны.

Сравнивая результаты вычислений 1900 и 1914 г. г., мы установили, что доля иностранных капиталов в торгово-промышленных предприятиях возросла с 29,94% до 40,08%, т.-е. свыше 10%.

Таково положение в наиболее важном и решающем участке фондового капитализма. Полагаем, что теперь читатель усомнится в „нео-провержимости“ „национализации“ русского капитализма. Достоверность „национализации“ может быть поколеблена даже простым сравнением долей иностранного капитала по статистике акционерных и облигационных капиталов на 1900 и 1914 г. г. Если же мы примем во внимание, что движение акционерных капиталов не в состоянии отражать структурных изменений в отношениях собственности и вложения, не в состоянии отражать структурных изменений, приведших к превращению горстки западно-европейских банков в монополистов, распоряжавшихся большею частью средств производства и источников сырья, что это движение капиталов неточно отражает изменения фактического вложения иностранных капиталов, преуменьшая его, то читатель согласится, что у нас нет оснований пересмотреть сказанное о „денационализации“ русского капитализма.

Т. Л., а может быть и кое-кто из читателей, упрекнул нас в преждевременности таких суждений. „Вы не разобрали еще подсчетов по государственным обязательствам,—возразят они нам,—а в них „гвоздь вопроса“.

Должны согласиться, что в этих подсчетах действительно—„гвоздь“ всех вычислений т. Л. Он допустил здесь такую, мягко выражаясь, неосторожность, что все его вычисления теряют всякую серьезность и вместе с ней убедительность. Мы не говорим уже о произвольно установленной г. Вороновым и заимствованной у него т. Л. цифре государственной задолженности на 1-е января 1900 г. Ни один автор, в том числе даже официальные писак из „Вестника Финансов“, не решались устанавливать количество находившихся за границей фондов по публиковавшимся кредитной канцелярией данным о наличии этих бумаг у ее клиентов¹⁾, а Воронов, а за ним и т. Л., решаются на это, накиннув произвольные 20%²⁾ на учтенную кредитной канцелярией сумму „наличности“. Высчитав полученный результат из общего количества бывших в обращении ценностей, Воронов и Л. получают внешнюю задолженность к 1 января 1900 г., равную 4.250 млн. р.

Помня, что эта цифра иностранной части государственного долга произвольна, что ею нельзя аргументировать в вопросах, требующих

¹⁾ Вот доказательство: „Считаю не лишним вновь оговориться, что по данным о наличии следует, как и в прежние годы, понимать только наличность бумаг на известный срок в кассах корреспондентов канцелярии и что, таким образом, данные эти не могут служить основанием для обобщений в области определения всего количества бумаг, помещенных в России“ („В. Финансов“, 1905 г. № 5, стр. 177).

²⁾ „При этом следует оговориться, что публикуемые сведения относятся только к наличности бумаг на известный срок в кассах корреспондентов кредитной канцелярии, и поэтому данные эти далеко не могут служить основанием для обобщения в области определения всего количества правительственных бумаг, имеющихся в России“ („В. Финансов“, 1906 г.).

научной разработки, мы все-таки воспользуемся ею, конечно, не для того, чтобы дать реальные соотношения внешней задолженности к 1900 и 1914 г.г., а лишь с целью показать тов. Леонтьеву, что его вычисления никак не реабилитировать теории „национализации“.

Условившись, таким образом, о государственной внешней задолженности к началу 1900 г., мы, однако, ни под каким видом не можем примириться с цифрой, выражающей государственный внешний долг к кануну войны. В данном случае имеются более или менее установленные величины, поэтому и коррективы могут быть внесены вполне определенные. Вносимая поправка выражается в увеличении заграничной задолженности на *весьма солидную сумму* в 925 млн. р. (около миллиарда!). Такой корректив нуждается, разумеется, в веской аргументации. Она сводится в сущности к очень элементарным вещам.

Дело вот в чем: в подсчет заграничной государственной задолженности к 1 января 1900 г., т. Л. был включен (вне всякого сомнения!) как долг странам буд. Антанты, так и долг Германии. Из подсчета же 1914 г. какие-то действительно мистические силы выкинули парскую задолженность Германии, сделав таким образом исчисления (1900 и 1914 г.г.) абсолютно несравнимыми. Чтобы *трезво* сопоставить результаты вычислений к 1900 и 1914 г.г., необходимо было включить в общую сумму государственного внешнего долга накануне войны и задолженность Германии. Этот долг и выражается в 925 млн. р. (государственный долг—400 млн. р., долг по облигациям ж. д., гарантированным правительством—525 млн. р.).

Корректив этот взят из вполне авторитетного источника, из статьи одного из наших экспертов по претензиям, проф. Любимова,—„Требования России на Генуэзской конференции к державам, ответственным за интервенцию и блокаду“. Эта статья, появившись в журнале Наркомфина—„Финансы и экономика“ (№ 1 1922 г.), послужила основой для недавно появившейся брошюры того же автора—„Баланс взаимных требований СССР и держав Согласия“, из которой почерпнул сведения о государственной задолженности и т. Леонтьев. Но из статьи, касающейся всей русской задолженности, при переработке в брошюру о „задолженности России странам Согласия“, понятно, должна была выпасть цифра долга Германии. По какой-то „случайности“ этот долг выпал и у т. Леонтьева. Мы склонны винить в этом профессора Любимова, указавшего на стр. 20-й брошюры, что у него „отдельные цифры приведены для Германии (но с нею и расчеты совершенно отдельные)“, а в действительности в дальнейшем своем изложении Любимов приводит только одну цифру в 50 млн. р. (учтена и Леонтьевым по группе долгосрочных обязательств) по ипотечному долгу государственных земельных банков (см. стр. 363).

Основываясь на замечании проф. Любимова о приведении им отдельных цифр для Германии, т. Леонтьев, должно быть, предположил,

что эти 50 млн. р. и составляли весь долг Германии. Какая, с позволения сказать, наивность! ¹⁾

Замечание же проф. Любимова приходится объяснить скверной авторской корректурой статьи, вошедшей существенной своей частью пеляком в брошюру. В статье Любимова имеется совершенно уместная фраза, но веуместно перенесенная в брошюру. На стр. 7-й указанного выше журнала мы читаем: „Отдельные цифры приводятся для Германии (но с нею и расчеты совершенно отдельные)“ ²⁾. Чтобы избежать недоразумений, профессору следовало выбросить из брошюры, на ряду с таблицей о русском государственном долге Германии (стр. 13 журнала), и фразу об отдельных цифрах для нее.

К каким недоразумениям может иногда привести „профессорская“ перышливость!

Внося указанный корректив в 925 млн. р., мы получим следующее соотношение государственной внешней задолженности на первое января 1900 г. и на 1914 г.

Долг по госзаймам и гарантированным облигациям н. д.

	Весь долг.	Внешний долг.	0/0 внешн. долга ко всему долгу.
1900 г.	7.805.6	4.250	54.40/0
1914 г.	10.583	6.100	57,60/0

Что же оказывается: даже при явном преувеличении государственной внешней задолженности к 1900 г., мы к кануну войны обнаруживаем как абсолютный, так и относительный прирост внешней задолженности за счет внутренней (1900—54,4%, 1914—57,6%).

Если же мы попытаемся хоть незначительно уменьшить цифру государственной внешней задолженности на 1900 г., т.-е. попытаемся внести к сумме наличных, по данным кредитной канцелярии, ценностей не 20%-ый вороновский корректив, а 33%-ый (вернее $\frac{1}{3}$ суммы), как это рекомендуется в некоторых обзорах „Вестника Финансов“, то относительный прирост внешней государственной задолженности в XX веке выразится в весьма внушительных размерах³⁾.

Кому, спрашивается теперь, следует выпрямить „перегиб“ палки? Внимательный читатель легко разберется в этом.

К третьей группе вычислений, касающихся всевозможного рода долгосрочных обязательств, кроме облигаций промышленных предприятий,

¹⁾ Что касается 450/0 внешней задолженности по Заку, то она произвольна поскольку произвольны в значительной степени все случайные цифры. Но, вероятно, лишь исключительные симпатии к „национализации“ побудили т. Леонтьева воспользоваться цифрой Зака и пренебречь ок. 50% проф. Шнитца и 60% Ишаниана. Ведь „приблизительная точность“ этих трех вычислений—одинакова.

²⁾ Сравни с фразой, приведенной выше из брошюры.

³⁾ Несколько тов. Леонтьев невраг, наставив на национализацию русской внешней задолженности, показывают и цифры Л. Посольского и Г. Моультона. В появившейся недавно в русском переводе книжке „Русские долги и восстановление России“ авторы приводят следующие исчисления: процент внешнего государственного долга в 1899 г. составлял к общей сумме госдолга—37%, а к 1914 году этот процент подвинулся до 48% (См. стр. 22 указанного сочинения).

очень значительных поправок вносить не приходится. Все необходимые из них сводятся к следующим:

1) Из общей суммы обязательств на 1900 г. необходимо вычесть учтенные выше 172,5 млн. р. (см. брошюру Воронова, стр. 13) облигаций промышленных предприятий.

2) Из суммы этих же обязательств, но из части, реализованной за границей, следует вычесть ту же цифру (172,5 млн. р.) (см. Воронов, стр. 13), как учтенную выше, при рассмотрении иностранных капиталов в торгово-промышленных предприятиях.

3) Сумма всех обязательств долгосрочного кредита учтена статистикой на 1914 г. вполне точно и выражается в 5.260 млн. р. (см. „Статистика долгосрочного кредита России“ в 1914 г., изд. кред. канцелярии мин. финансов), поэтому мы предпочтем оперировать этой цифрой вместо неопределенных 5—6 млн. р., т. Л.

4) Сумму долгосрочных обязательств, реализованных за границей, на 1914 г. необходимо увеличить на 100 млн. р., т. к. Л. не учтены городские займы на эту сумму, размещенные в Германии (ипотечный долг Германии 50 млн. р. Л. учтен)¹⁾.

Внося эти необходимые поправки, получим следующую картину обращения долгосрочных обязательств к началу века и к кануну войны.

Сумма долгосрочных обязательств, в млн. руб.

Годы.	Всех обязательств.	Обязат., реал. за гр-н.	% отнош. загранич. задолж. ко всему долгу.
1900	1.834	28.5	1,55%
1914	5.260	67.0	12,77.

Таким образом, и русская внешняя задолженность по долгосрочным не государственным обязательствам в XX ст. увеличилась в абсолютных и относительных величинах. За границей таких обязательств находилось в 1900 г. на сумму, равную 1,55% всех обращавшихся обязательств, а к 1914 г. эта величина поднялась до 12,70%.

Итак, мы рассмотрели все вычисления т. Леонтьева. В состоянии ли он реабилитировать опровергнутую нами теорию „национализации“?

— Нет!

Нельзя же серьезно претендовать на оправдание „национализации“ единственным, оставшимся в распоряжении т. Леонтьева, доводом о „народных сбережениях и вкладах в кредитных учреждениях“. Эти данные сами по себе могут свидетельствовать только о процессе усиленного туземного накопления, но в свете наложенного они устанавливают, что, несмотря на значительность роста абсолютных величин туземного накопления, оно являлось все же недостаточным, что процесс „денационализации“ русского капитализма совершался вопреки быстрому развитию внутреннего накопления.

В критике тов. Леонтьева встречается еще ряд частных доводов в защиту „национализации“, но придавать им серьезного значения не

¹⁾ См. Любимов. „Требования России на Генуэзской конференции“.

приходится. К числу этих доводов, напр., относится указание, что „если бы зависимость России от мирового денежного рынка была бы так сильна, как это думает тов. Ванаг,—наступление кризиса было бы неизбежно в 1913 г. или в первые же месяцы 1914 г.; как известно, этого не случилось“ (стр. 367).

Тов. Леонтьев, хорошо усвоивший „условия познания предмета“, однако, упустил из виду необходимость познания самых фактов русской экономики. Если ознакомиться с основными показателями биржевой конъюнктуры конца 1913 г. и начала 1914 г., то влияние наметившегося в Зап. Европе кризиса на промышленную конъюнктуру в России выступит совершенно отчетливо. Россия безусловно переживала тогда полосу биржевой депрессии, предвещавшей промышленный кризис, который не получил своего оформления лишь благодаря ряду условий, вступивших в силу с началом военных заказов.

Серьезности лишены также соображения тов. Леонтьева в заключительной части его выступления, где он должен „реабилитировать теорию национализации, и потому, что не поняв этого процесса, мы не поймем ряда явлений и событий предвоенного периода в области политической жизни страны“ (стр. 367).

Да простит тов. Леонтьев то, что мы говорим о вещах так, как думаем,—нам кажется, что ему следовало бы несколько глубже вникнуть в этот „ряд явлений в области политической жизни“ России, прежде чем реабилитировать им „национализацию“. В этом ряде явлений встречаются такие события, которые никак не укладываются в рамки „национализации“. К примеру:—не понять всей внешней политики царизма кануна войны, его участия в империалистической бойне 1914—1918 г. г., не рассматривая русской экономики с точки зрения звена в цепи империалистической системы Зап. Европы. Мы полностью разделяем взгляд Мих. Ник. Покровского, „что (только) *на повод* у финансового капитала Европы Николай решился на эту авантюру“.

Если соображения Мих. Ник. Покровского верны (а они верны!), то „национализация“ является только помехой в объяснении явлений политической жизни России и в реабилитации, с этой точки зрения, не нуждается.

Она не нуждается в реабилитации и с точки зрения „нашего нынешнего положения в капиталистическом окружении“ (там же). В условиях „национализации“ русского капитализма в дооктябрьский период, наше нынешнее положение, нет сомнений, значительно отличалось бы от того, что констатируется в начале 1925 г.

Что же касается необходимости оправдать точку зрения т. Леонтьева, исходя из „перспектив революции в ряде полуколониальных и отчасти колониальных стран“ (367 стр.), то тов. Леонтьев переусердствовал, превзойдя все ранее сказанное. Нужно же ухитриться связать вопрос о „национализации“ или „денационализации“ русского капитализма в начале века с нынешними перспективами мировой революции! Не найти же тов. Леонтьеву таких простачков, которые приняли бы на веру серьезность этого довода—ясно, что перспективы революции в колониальных странах стоят вне всякой связи с решением вопроса

о „национализации“ русского капитализма. Эти перспективы устанавливаются конкретным анализом экономических и политических факторов каждой из этих стран, но их не установить реабилитацией теории национализации русского капитализма!

Выдвинуть же против нас перспективы революции, очевидно, потребовалось лишь для создания психологического эффекта. Дешевенькая „революционная фраза“—нечего сказать!

Итак, мы разобрали всю аргументацию т. Леонтьева и не находим достаточных оснований приняться за реабилитацию теории, своевременно похороненной даже „виднейшим ее представителем“ (по т. Л.).

Русский капитализм в XX столетии стал не только более зависимым от притока иностранного капитала, но, подверженный своеобразному перерождению, стал фактически, звеном в цепи могущественной системы англо-франко-бельгийского империализма.

Таков тот вывод, к которому мы приходим и после попытки т. Леонтьева продемонстрировать „сомнительную услугу“, оказанную нами в оспаривании „совершенно верно подмеченной тенденции в экономическом развитии“ России.

Н. Ваняг.

Hermann Levy. „Die Grundlagen der Weltwirtschaft“. Leipzig—Berlin, 1924 г. 185 стр.

Как известно, экономическая литература о мировом хозяйстве, не являющаяся только простым набором сырых статистических материалов, весьма немногочисленна. К числу прочих симптомов упадка буржуазной цивилизации надо отнести и тот факт, что буржуазная экономическая мысль оказалась неспособной к широким теоретическим обобщениям при изучении мирового хозяйства как раз в тот период, когда равновесие мировой капиталистической экономики было нарушено империалистической войной, когда каждый год вносил что-либо новое и непредвиденное в общую ситуацию и когда казалось, больше чем когда-либо, научный прогноз в области мирового экономического развития был действительно необходим. Дефицит на экономическую литературу, посвященную мировому хозяйству, существует не только в буржуазных, но и в марксистских кругах, хотя мы, марксисты, находимся в более выгодном положении в сравнении с буржуазными экономистами в том отношении, что мы, обладая методом, можем часто читать смысл происходящего прямо по сырому статистическому материалу.

Появившаяся в прошлом году в Германии книга германского профессора Германа Леви, автора известной работы о современных капиталистических трестах, представляет собой некоторый шаг стороны буржуазной экономической науки и деле понимания процессов, совершающихся в современном мировом хозяйстве. Несмотря на свой, сравнительно малый объем, эта книга дает гораздо больше обобщений и содержит гораздо больше принципиальных выводов, чем значительно более обширная книга профессора Шульце, рецензированная мною в „Вестнике Коммунистической Академии“.

В настоящей рецензии я отнюдь не собираюсь высказываться по всем основным вопросам, затронутым автором, и противопоставлять его пониманию процессов, происходящих в мировом хозяйстве, мою собственную точку зрения на этот вопрос. Этой рецензией я хочу дать читателю самое общее представление о книге профессора Леви.

Экономической основой развития мирового хозяйства автор считает прогрессирующее разделение труда между различными нациями. Привлекая к рассмотрению основные элементы всякого хозяйственного процесса: природные богатства той или иной страны, себестоимость производства, издержки на транспорт и т. д.,—автор показывает, каким образом, чем дальше, тем тесней увеличивается экономический переплет, между различными странами, как в связи с удешевлением транспорта все новые и новые национально-изолированные единицы в той или дру-

гой отрасли хозяйства начинают присоединяться в качестве составных звеньев к мировому хозяйственному целому, и как это растущее разделение труда приводит к уменьшению стоимости производства и к более полному удовлетворению потребностей жителей земли. Он показывает, далее, что увеличение международного разделения труда усиливает разделение труда и внутри национальных экономических комплексов, приводя к распадению на отдельные элементы до сих пор единого производственного процесса в какой-либо отрасли производства в той или иной стране.

Давая в книжке краткий очерк развития мирового хозяйства на протяжении XIX века, автор дает сжатую, в общем верную, хотя и не новую характеристику экономических особенностей английского, германского и американского капитализма. Эта характеристика является в то же время объяснением успехов германской промышленной конкуренции перед войной, растущей отсталости английской промышленности в одних отраслях и незаменимости ее для мирового хозяйства в других, наконец, объяснением специфических преимуществ американской промышленности в отраслях стандартизированного массового производства. Вместе с тем, автор показывает особенности типа торговца каждой из этих стран, типа, который вырабатывается на базе производственных особенностей этих стран. Он констатирует также процесс выработки нового типа „интернационального человека“ на базе мирового хозяйства. Автор дает очерк таможенной политики различных стран и ее значения для развития национальных организмов, с одной стороны, и ее противодействующего значения в деле развития и дальнейших успехов мирового разделения труда—с другой. Далее автор дает очерк международных трестовских объединений и рассматривает влияния монопольных производственных объединений на цены мирового рынка, влияния думпинга и т. д. Мы находим также в книжке как очерк тенденций мирового хозяйства, создающих элементы для мировой войны, так и тенденций, противодействующих войне. Автор полагает, что последние тенденции недостаточно еще оценены и что значение реального пацифизма, вытекающего из развертывания мирового хозяйства и из заинтересованности в мире всех участников этого мирового хозяйства, гораздо сильнее, чем это принято думать. Однако, сам автор, делая анализ монополистических тенденций мирового капитализма, сам того, быть может, не замечая, приводит ряд аргументов, которые неопровержимо доказывают неизбежность новой мировой войны. По его же собственному утверждению (см. стр. 126) для всей структуры современного мирового рынка имеет огромное значение тот факт, что ряд источников сырья и готовых продуктов из этого сырья находится в монопольном обладании отдельных стран или отдельных трестов, что цены на мировом рынке на эти продукты складываются не на основе конкуренции, а на основе монополии. Как раз именно оборонительная борьба против такого рода монополии сама приводит к объединению обороняющихся в мировые тресты и усиливает стремление к новому переделу мира.

Основным методологическим недостатком книги, поскольку дело идет об анализе современного состояния мирового хозяйства, заключается в том, что автор исходит из не раз уже повторявшегося положения о перепроизводстве в мировом хозяйстве, с одной стороны, и о падении покупательной способности населения в результате войны — с другой. Он недостаточно понимает динамику основных процессов, происходящих в современном мировом хозяйстве. Приведу один пример. В такой стране, как Англия, например, в результате перестановки производительных сил индустрия, в период войны, часть промышленности оказалась просто излишней. Современный мировой капитализм в своем развитии закрепляет *новую расстановку производительных сил*; задача исследователя заключается в том, чтобы понять динамику этого нового равновесия и предвидеть судьбу отраслей производства, выбитых из старой колеи, которых не спасет уже и возрастание покупательской способности мирового потребительского рынка довоенного уровня. В свою очередь эта ошибка мешает автору понять доминирующую роль Америки в современном мировом хозяйстве, а тем самым и судьбу европейской промышленности.

Вторым основным недостатком книги является то, что автор не понимает социологического значения некоторых своих собственных положений. Он не понимает того, что тенденции к развитию мирового хозяйства, как единого организма, находятся в неустранимом противоречии с капиталистической и национально-капиталистической формой организации всего процесса производства. Успехи мирового разделения труда, которые описывает автор, есть, в сущности говоря, успехи в развитии экономической базы для мировой социалистической экономики, которая в свою очередь может утвердиться лишь в результате длительного периода социалистических революций и мировых войн.

В заключение несколько отдельных замечаний. На стр. 8—9 книги автор дает неправильную характеристику политики меркантилизма, забывая, что эта политика была неизбежна для периода первоначального капиталистического накопления. На стр. 40 своей работы автор, приводя цифры о сокращении с 1879 по 1913 год стоимости транспортных издержек как по железным дорогам Америки, так и по морскому транспорту между Америкой и Европой, совершенно правильно подчеркивает важность этого удешевления транспорта в качестве фактора для ликвидации („ausschaltung“) так называемого закона убывающего плодородия почвы. Рекомендую это соображение вниманию тов. Варги. Наконец, необходимо отметить, что всю работу проф. Леви правильно рассматривать как теоретическое отражение стремления теперешнего немецкого капитализма к восстановлению своей роли в мировом хозяйстве, несмотря на постигшие этот капитализм несчастья неудачной мировой войны.

Книга проф. Леви, несмотря на ряд принципиальных и в том числе методологических недостатков, заслуживает перевода на русский язык. К числу достоинств книги надо отнести хорошо подобранный цифровой материал по важнейшим проблемам мирового хозяйства.

Е. Преображенский.

Обзор основных направлений во французской литературе государственного права.

L. Duguit. „Traité de droit constitutionnel“, 2-me éd. t. I—IV, 1921—1923.
H. Berthélemy. „Traité élémentaire de droit administratif“, 10-me éd. 1923.
M. Hauriou. „Précis de droit constitutionnel“. 1923.

Французская буржуазная литература по государственному и административному праву, если ее рассматривать с точки зрения методологических направлений, разбивается на три главных лагеря. Это, во первых, представители т. наз. юридического метода в государственном ведении; несмотря на критику, которой это направление подвергалось и подвергается с разных сторон, оно все же остается господствующим, общепризнанным и, так сказать, классическим. Зародившись в Германии (Гербер, Лабанд, Пеллинек) оно давно уже стало интернациональным. Во Франции это течение представляют Эсмен, Ларнод, Моро, Мишу. Известный административист Г. Бертелеми равным образом примыкает к этому направлению.

Несмотря на различие в оттенках, у представителей этой школы есть одна общая черта, один общий им всем методологический прием. Он состоит, по определению Орву в том,—чтобы „приводить различные социальные элементы, над которыми оперирует право, к юридическим лицам, к проявлениям воли, происходящим от этих лиц, к юридическим отношениям между ними, к субъективным правам, являющимся результатом этих юридических отношений“. Однако в рамках этого общего догматического задания, составляющего сущность юридической трактовки проблем государственного права, возможны и на деле встречаются весьма большие расхождения. Все зависит от того, как понимается государство— субъект в какой мере формально нормативные элементы этой конструкции оттесняют на задний план социологическую и историческую точки зрения. Так в немецкой юридической науке мы имеем, с одной стороны органическую школу (Гирке и его последователи), которая понимает государство, как реальный живой организм, наделенный волей в том же смысле, в каком наделены ею индивиды. В этом случае, усиленное желание подчеркнуть реальность, чуть ли не биологическую, государственной организации привело, как и следовало ожидать, к некоторой социальной мифологии. На противоположном полюсе стоят новейшие нормативисты, во главе с Кельзеном, для которого государство есть лишь логическая категория, логическое единство нормативного порядка.

Во французской юридической литературе мы не встретимся с подобными крайностями. Эсмен, который более, чем другие представители юридического метода, склонен рассматривать государство в его развитии, как реальный исторический факт, разумеется не может быть причислен к органической школе. С другой стороны, Ларнод и Мишу, у которых превалирует формально юридическое рассмотрение, далеки от методологической «чистоты» Кельзена, изгоняющего из юридических понятий все социологические и исторические элементы ценой полного разрыва своих государственно-правовых конструкций с действительно существующим государством. Отделяя государство, как замкнутый в себе, логически-мыслимый порядок норм, от грешной действительности, наш теоретик австрийского нео-либерализма, как бы подчеркивал этим (в довоенных условиях), что реальные исторические силы слишком недостаточны, чтобы обеспечить государственное единство империи Габсбургов. Теперь, после войны, воплощением его государства, понимаемого лишь как логическая конструкция, является в полной мере австрийская республика. Ибо она-то подлинно может быть названа государством лишь в своей мысленной сущности, в своей, так сказать, нормативной идее, представляя на деле провинцию, управляемую комиссаром Ляги Пацциг г. Циммерманом.

Французская буржуазия не нуждается пока в теории, которая бы превращала реальную государственную власть в мысленную сущность. Юридическая точка зрения, концепция государства — субъекта необходимой ей в сугубо практических целях, а именно, как „великолепное средство разграничения ответственностей и рисков“ (Орву) в сфере той „юридической коммерции“ (*commerce juridique*), которая существует между отдельными буржуа и их совокупностью, т.-е. государством. „Дело не в том, является ли идея моральной личности абстракцией (она, конечно, есть абстракция, но не более, чем всякая другая юридическая идея), по делу в том, не отвечает ли эта абстракция гораздо лучше техническим потребностям юриспруденции, чем то, что предлагают взамен“¹⁾.

С другой стороны, эта концепция оставляет достаточно идеологического флера для того, чтобы прикрыть голый факт классового господства. „Юридическая теория, — заявляет тот же Мишу, — позволяет правильно понять, что государственная власть не является простым фактом, простым явлением силы, что она выполняется в силу права физическими лицами не за свой собственный счет, но за счет коллектива“.

Дюги, предпринявший пересмотр традиционного юридического понимания государства, направил удары своей критики именно против этого положения. Он отрицает необходимость и возможность легитимировать государственную власть, которая, по его мнению, есть не что иное, как социологический факт, результат общественной дифференциации, приводящий к „господству сильных над слабыми“. Вследствие этого он совершенно последовательно отрицает и понятие суверенитета и концепцию государства — субъекта и самое понятие субъективного

1) L. Michoud, „La théorie de la personnalité morale“, 2-me éd. 1924, I, p. 47.

права. Однако, изгоняемая им из учения о государстве юридическая идеология немедленно водворяется им же обратно в виде весьма туманной концепции объективного права, покоящегося на законе социальной солидарности, идею которого Дюги заимствует у Дюркгейма. Господство буржуазии получает необходимую санкцию, но не при помощи устаревшего, схоластического etc. понятия суверенитета, а при помощи самого новейшего социологического открытия: закона обще-человеческой, а, стало быть, и между-классовой солидарности, вытекающей из разделения труда. Разоблачив государство как аппарат угнетения, Дюги тут же наделяет его функцией осуществления социальной солидарности. Если марксисты говорят об отмирании государства после захвата власти пролетариатом, когда уничтожение классов позволит перейти от „управления людьми к управлению вещами“, то Дюги обещает эту эволюцию современному капиталистическому и милитаристическому государству. „Государство вместо публичной власти становится совокупностью публичных служб (service public)“. Государство перестает быть властью, которая командует, чтобы стать организацией, которая работает“ ¹⁾. Поэтому теорию Дюги можно охарактеризовать как наиболее тонкую попытку затушевать противоречия современного буржуазного государства, скрыть его звериный лик под благовидной идеологической маской.

Учение Дюги уже приобрело интернациональное значение. Своеобразное англо-саксонское преломление его теорий мы находим, например, у молодого английского государствоведа Гаральда Ласки ²⁾.

Главнейшим представителем третьего направления среди французских буржуазных государствоведов является Ориу. Он пытается сочетать объективный, социологический метод с теми догматическими преимуществами, которые заключает в себе традиционное юридическое воззрение. Политически и социально он выражает собой реакцию более осторожных слоев буржуазии против слишком поспешных идеологических перегруппировок. Ориу не только видит глубокую связь „индивидуалистических и метафизических концепций субъективного права“ с самыми насущными практическими интересами буржуазии, но и убежден, что между буржуазными мирозерцанием и коммунизмом нет места для сколько-нибудь серьезной идеологической эволюции. Для этого писателя вообще характерно обостренное чутье к тем революционным опасностям, которые грозят буржуазному обществу. Он поэтому не склонен выбрасывать за борт испытанное идеологическое наследие буржуазного индивидуализма ради сомнительных приобретений солидаризма. Наоборот, он, как мы увидим, не прочь подкрепить устои буржуазного общества и некоторыми традициями прошлых веков.

Ориу начал свою ученую карьеру как сторонник юридического метода. В конце 90-х годов, почти одновременно с первыми выступлениями Дюги, он совершает некоторую эволюцию, развивая основы своего дуалистического метода.

¹⁾ L. Duguit, „Traité“, I. p. VII.

²⁾ См. Вестник Ком. Академии, кн. 10.

Из трех книг, заглавия которых приведены выше, две представляют собой расширенные и переработанные издания ранее вышедших работ. Курс конституционного права Ориу — это новая книга, появившаяся в 1923 г. первым изданием. Однако отпечаток современной т.-е. послевоенной эпохи лежит одинаково на всех трех книгах. Он проявляется прежде всего в том обостренном внимании к политическим проблемам и политическим выводам, которое проявляет каждый автор. Особенно характерны предисловия, которыми Дюги и Бертелеми снабдили новые издания своих трудов. Интересно, что спор идет не столько об отдельных частных вопросах, которые раньше служили предметом контроверз (напр., право государственных служащих — объединяться в синдикаты). На сей раз политической проверке подвергаются основные методологические принципы, применяемые тем или иным автором. Методология теряет свою сугубую отвлеченность, она перестает быть занятием для одних лишь профессоров. Она сплетается с политикой и ищет в последней своего оправдания.

В центре разворачивающихся споров стоит, как и следует ожидать, учение Дюги, ибо предпринятые им преобразования юридических понятий внушают слишком большую тревогу его буржуазным коллегам. Дюги сам чувствует потребность проверить свои теоретические построения на опыте последних лет. Начиная с 1901 г., когда появился его первый труд „L'Etat, le droit objectif et la loi positive“, он не устанно разоблачал и ниспровергал „живую и бесплодную“ фикцию государственного суверенитета, доказывал, что не существует никакой особой воли государства, которая „по своей природе была бы выше воли подданных“, что эта суверенная власть — ни на чем реальном не основанная химера и т. д. Это уничтожение на бумаге государственного суверенитета приходится теперь сопоставлять с реальными фактами, с той чудовищной силой, которую развило во время войны буржуазное государство. Химера оказалась в состоянии пожирать миллионы человеческих жизней.

Отвергнув понятие суверенной государственной власти, Дюги должен дать теоретическое истолкование наиболее наглядному проявлению государственного суверенитета. Для марксистского классового анализа задача сводилась бы к выяснению тех социально-экономических условий, которые довели до такого небывалого могущества машину государственного угнетения и сообщили юридической абстракции суверенитета столь ужасающую реальность. Но г. Дюги озабочен главным образом тем, как оправдать империалистическую войну, обойдясь в то же время без понятия государства суверена. Он сомневается, что во время войны „государство было действительным и сильным“ (еще бы!), но вместе с этим он находит, что „во время великой войны принцип авторитета показал себя лишенным смысла, содержания и действительности“. Оказывается, что „воля, которая реализовала оборону страны“, это вовсе не та могущественная воля французского государства, как утверждают, но просто индивидуальная воля французов, больших и малых, правящих и управляемых, соединившихся в одном высшем напряжении для победы над тевтонским варварством“.

Более того, Дюги полагает, что понятие верховной воли государства также бесполезно и бесплодно, когда речь идет о борьбе против внутреннего врага. Останавливаясь на примере майской стачки французских железнодорожников 1920 г., сорванной благодаря предательству вождей конфедерации труда, Дюги рассуждает: „И когда, в мае месяце этого года, несколько тысяч заблуждающихся и преступных людей хотели, побуждая к стачке на железных дорогах, обречь на голод и разорение страну и, создав нищету и страдания, осуществить какую-то там большевистскую революцию, то опять-таки и в данном случае вовсе не верховная власть государства сломила это движение, но только лишь совместное, решительное действие индивидуальной воли французев“.

Другими словами, Дюги полагает, что можно, без всякой опасности для буржуазного государства, отказаться от устаревшего, схоластического учения о государственном суверенитете, заменить его более современным представлением чисто социологического порядка. Достаточно, чтобы воля буржуазии была на деле решающей. Нет надобности утверждать ее юридическое превосходство.

Учение Дюги подвергается критике с различных сторон. Менее всего интересны те возражения, которые видят в теории Дюги то, чего в них разумеется нет: проповедь насилия. Так Эсмен¹⁾ высказал опасение, что отказ от понятия суверенитета означает признание того, что всякое правительство покорится только на силе. К этому он добавил веский упрек в заимствовании у немцев. Дюги не трудно было парировать это нападение: доктрина государственного суверенитета — тоже развита немцами; наоборот, та книга, где он, Дюги, развил свои идеи, написана в ответ и в противовес труду Иеллинека „Система субъективных публичных прав“, появившейся в 1892 г. Доктрина государственного суверенитета ставит государство выше права и, следовательно, санкционирует произвол правящих; ведь тот-же Эсмен отрицает право граждан на сопротивление власти; у него же, Дюги, правящие подчинены объективной норме, вытекающей из солидарности и т. д. Словом, Дюги нетрудно было доказать, что в области эквилибристики понятиями „сила“ и „право“ у него дело обстоит ничем не хуже, чем у других юристов.

И, пожалуй, с большим основанием можно упрекать Дюги, как это делает Мишу, в прямо противоположном грехе „юридического автоматизма“. Ибо, мол, Дюги забывает, что государство являясь „органом осуществляющим право“ имеет помимо того и „цивилизаторскую миссию“²⁾. Проще говоря, Мишу сомневается, чтобы одних „законов солидарности“ было достаточно для того, чтобы обосновать, ну хотя бы, колониальную политику любого буржуазного государства.

Более интересные и более меткие возражения делает Орву. Он направляет их против попыток Дюги уничтожить понятие субъективного права, заменив его понятием социального долга, вытекающего все из той же солидарности.

¹⁾ Esmein, „Droit constitutionnel“, 6-e éd. 1914, p. 42.

²⁾ Ср. Michoud, и. с. I, стр. 52.

Ориу сомневается, чтобы солидарность была достаточным мотивом для буржуазного собственника не только в сфере эконо-мической деятельности, но даже и в политической жизни. Уничтожение субъективистской концепции уничтожит, по его мнению, все, что может интересовать гражданина в игре политической машины. Если бы она (теория Дюги) распространилась в массах, это привело бы к всеобщему абсентеизму¹⁾. Ориу призывает к более осторожному обращению с индивидуалистическими принципами. „Тех неразумных людей,—пишет он,—которые, повинувшись моде, считают признаком хорошего тона ополчаться без оговорок против индивидуализма, можно спросить, что же они предпочитают, чтобы это, пускай, несовершенное, индивидуалистическое евангелие было заменено коллективистическим или коммунистическим“ (там же, стр. 40)? Ориу не доверяет началам солидаризма и в другом смысле. Он сомневается, чтобы эти принципы могли бы послужить плотиной против распространения революционных идей, угрожающих существованию самого буржуазного общества, он предлагает дополнить „декларацию прав“—это евангелие индивидуализма и свободы—той декларацией обязанностей, которая содержится... в христианском катехизисе. Еще в первом издании своих „Принципов публичного права“ Ориу предостерегал против увлечения антиклерикализмом, ибо государственная мудрость, состоит в том, что „государство берет себе на службу враждебные силы, после того как они лишены возможности вредить“ („Principes du droit public“, I éd, p. 193—194). Там же Ориу защищал христианский аскетизм, как одно из средств излюбленного им равновесия. „Вознаграждение в будущей жизни избавляет от необходимости осуществлять справедливое распределение на земле“. Заявление достаточно откровенное; впрочем, Ориу не хочет, чтобы его понимали вульгарно в смысле известного изречения „религия нужна для народа“. Нет, поправляет наш государствовед „религия нужна для государства“.—Дело не в том, нравится или не нравится церковь, дело в том, цените вы или не цените режим индивидуалистического государства, намерены вы или не намерены уважать его жизненное равновесие“. В своем „Курсе конституционного права“ Ориу продолжает и углубляет эту пропаганду союза с клерикализмом. Он выражает недовольство тем, что публичное воспитание до сих пор „использовалось в жалких политических целях—разрушения того, что еще осталось от традиций“ (стр. 39, 40). Он призывает французов подражать англо-саксонской демократии, которая не совершила ошибок анти-клерикализма, которая соединила индивидуалистические начала с религиозными верованиями. И это соединение, по мнению Ориу, придало индивидуализму лишь большую жизненность. Французская буржуазия в лице Ориу выражает задним числом свое недовольство по поводу того, что Великая Французская Революция шагнула дальше, чем ее предшественница—английская революция XVII века. Ориу мечтает о повороте вспять от просветителей и материалистов к набожным пуританам. Руководимый верным инстинктом, он указывает буржуазному обществу ту идеологическую силу, которая может явиться гораздо более надежной гарантией

1) M. Hauriou, и. с., стр. 7.

против пролетарской революции, чем измышления солидаристов. Ориу вообще призывает к активности на идеологическом фронте. „Абсурдно— утверждает он,— думать, что можно позволить говорить все, ограничиваясь полицейскими мерами против тех, кто переходит к делу. В тот день, когда массы целиком перейдут к делу— жандармов не хватит“ (н. с., стр. 38). И он со всей откровенностью рассуждает о борьбе с превратными идеями о контр-пропаганде, о поддержании „морального здоровья нации“, которое так же создается „разумными мерами“, как и здоровье физическое.

Критика воззрений Дюги носит, пожалуй, наиболее ожесточенный, наиболее политически заостренный характер в предисловии, которым известный административист — Бертелеми снабдил 10-е издание своего курса. Бертелеми вообще настроен пессимистически. Когда он был молод, все говорили, что „французская администрация вызывает зависть за границей“. Теперь дело обстоит гораздо хуже. „Сомнению подвергаются самые основы, здание расшатывается, недисциплинированность становится всеобщей, уважение перед иерархией уступает место духу хулы, несовместимому с регулярным ходом службы“¹⁾. Целый ряд причин способствует тому, что добрая слава французской администрации сходит на нет. Наиболее важная причина, по мнению Бертелеми, политического характера: это „бесцеремонное достойное осуждения вмешательство парламентских деятелей в самые незначительные функции исполнительной власти. Мы столь часто наблюдаем, — как общественный интерес приносится в жертву целям избирательной кампании, как интрига берет верх над действительными заслугами, как знание уступает место приспособляемости, как беспечность масс поощряется правящими, что стали считать это обычными явлениями“ (там же, стр. 10). Но имеются и другие моменты, которые, по мнению Бертелеми, также способствуют упадку французской администрации: государство слишком много взваливает на свои плечи. „Склонность к универсальному вмешательству („interventionnisme“) не имеет границ. Государство — естественный поставщик правосудия и безопасности — становится, кроме того, комиссионером, банкиром, строителем и собственником кораблей, библиотекарем, коллекционером, гравером, приказчиком, школьным учителем, антрепренером зрелищ, торговцем минеральных вод, врачом, филантропом, типографом, лесоводом, воспитателем, фабрикантом сигар, продавцом спичек, страхователем, журналистом, букмекером и т. д. Когда администрация сама не принимает участия, она контролирует и регламентирует частную деятельность. Она во все вмешивается“. В результате растущее раздражение против стеснительной регламентации и вопли обывателя против вездесущего „господина Лебюро“.

Далее Бертелеми переходит к рассмотрению тех рецептов, которые предлагаются для административной реформы. Их всего три, и они определяются лозунгами: районирование (регионализм), „индустриализм“ и синдикализм. Первое предложение сводится к тому, чтобы создать новое административное деление, более крупное, чем ныне существующие депар-

¹⁾ H. Berthelémy. „Traité“, p. X.

таменты, в целях децентрализации и уменьшения бюрократической волокиты. Бертелеми сурово критикует регионалистов; по его мнению из их проектов не может получиться ничего, кроме увеличения штатов, роста бюрократизма и роста расходов. Точно так же отвергает он и предложения „индустриалистов“—этих отчаявшихся буржуа, которые, выражаясь на нашем языке, хотят всю французскую администрацию перевести на хозяйственный расчет и идеалом которых является „Франция, управляемая на манер торгового дома“. Но если эти проекты представляются Бертелеми просто непрактичными, то в предложениях „синдикалистов“, (к которым причислен и Дюги) Бертелеми усматривает грозную политическую опасность. Перед ним встает призрак не более не менее, как Советской власти, которую он представляет себе именно как управление через профсоюзы. Бертелеми недоумевает: „Как Дюги решается одобрить эту циничную фразу учителя Родрига: „Синдикаты чиновников, как и рабочие синдикаты, являются просто корпоративными ассоциациями защиты, призванными, однако, стать со временем правящими органами. Место чуждого управления сверху постепенно занимает автономная администрация, образовавшаяся внизу, в своей же среде“. Нужно ли это опровергать? Разве можно укрепить законную власть, которая должна принадлежать избранным, восстановить необходимую дисциплину, обязательную для всех, но, главным образом, для масс, доверив самим массам избрание тех, которых они облекут властью? Подобная система уже имеет свое название: это анархия. Она нашла свое применение: это Советы“ (там же, стр. 20).

И, установив таким образом не подлежащую никакому сомнению связь между политическими идеями Дюги и советской системой, Бертелеми заканчивает следующим мрачным предостережением: „Синдикаты чиновников успели пока серьезно скомпрометировать добрую славу французской администрации. В тот день, когда Франция, забывшая жестокий урок, преподанный нам несчастной великой Россией, соблазнится столь желанным для многих опытом,—ужасные последствия которого неизбежны,—она погибнет“ (там же, стр. 20). Можно охотно поверить, что синдикаты чиновников внушают тревогу апологетам буржуазной Франции. Но, тем не менее, упреки по адресу Дюги, что его теория чуть ли не лежит в основе советской системы, конечно, представляет собой лишь обычное в таких случаях полемическое увлечение. Дюги симпатизирует синдикатам именно потому, что видит в них оплот против революции. „Синдикалистское движение,—заявляет он,—это не пролетарское движение, это не война пролетариата, предпринятая для того, чтобы раздавить буржуазию. Применяя термин, ставший ныне во Франции распространенным, я скажу, что синдикализм—это не большевистское движение“¹⁾. Для Дюги синдикаты—это такое юридическое оформление классов, которое смягчает классовую борьбу, ибо последняя якобы тем менее остра, „чем более гетерогенны классы и чем более они юридически оформлены“. Синдикалистские симпатии Дюги, его предложения дополнить парламентское представительство профессиональным, его мечты о „социальной интегра-

¹⁾ Duguit. „Traité“, I. p. 507.

ции“ отражают собой эпоху финансового капитала, когда всевозможные капиталистические кооперации открыто выступают на политическую арену, отбрасывая устаревшую фикцию сверх-классового суверенитета (Ведь не надо забывать, что под синдикатами Дюги понимает и профсоюзы рабочих, и предпринимательские организации, и ассоциации мелких коммерсантов). Они—эти капиталистические организации непосредственно решают важнейшие государственные вопросы, имея при этом к своим услугам оппортунистическую верхушку профессиональных организаций. Не советская система, разумеется, а, например, договор, который профессиональные союзы Германии заключали после ноябрьской революции с предпринимателями на предмет спасения капитализма—вот истинный пример практического применения идей Дюги.

Кстати, о советской системе мы имеем ныне непосредственные высказывания самого Дюги, не оставляющие ничего желать по части ясности. Вот как, например, изображает он Октябрьский переворот „В ноябре 1917 г. банда авантюристов, именующая себя большевиками, с помощью Германии захватила власть и с тех пор осуществляет над несчастным русским народом,—состоящим из развинченной (*detraché*) интеллигенции и невежественных крестьян, обреченных на рабское подчинение и неспособных дать себе свободное правительство,—самую ненавистную и кровавую тиранию“ („*Traité*“, р. 22). Это преподносится не в агитационной брошюре, а в серьезном научном труде, претендующем на объективность. „Революционная“ сущность идей Дюги не помешала ему в оценке величайшей из революций остаться на уровне буржуазной ограниченности. Обвинять в близости к советским идеям человека, который в 1920 г. продолжал повторять сказки о германской помощи и который, на вопрос о будущем советской России, с серьезным видом изрекает такие истины „не исключена возможность, что она (Россия) сделается территорией колонизации для германской экспансии“ (там же)—это поистине значит возводить напраслину.

Но, между прочим, такого рода необоснованные подозрения фатально преследуют г. Дюги на всем протяжении его научной карьеры. Он всегда заявлял себя противником социализма. Это не мешало некоторым представителям нашей университетской науки объявить его доктрину „монистическим социализмом“¹⁾. Он сделал попытку заменить чем-либо более современным обветшалую доктрину государственного суверенитета, для того, чтобы укрепить идеологические позиции буржуазного государства; его заподозрили, что он желает разрушить это самое государство. Он попытался истолковать право собственности, как социальную функцию ради вящего возвеличения капиталистической собственности, и нашлись люди, которые усмотрели в его теории правовое обоснование экспроприации экспроприаторов; наконец, он мечтал восполнить современный парламентский режим профессионально-корпоративным представительством, а его обвиняют в пропаганде советской системы.

¹⁾ См. С. П. Покровский. „Методологические различия в направлении главных школ французского государственного права“. 1913, стр. 5.

Эта судьба Дюги весьма показательна. Она свидетельствует не об индивидуальных свойствах его теорий, которые всегда оказываются ложно понятыми, но о том, что буржуазной теории права и государства заказаны пути прогрессивного развития. Поэтому всякая попытка сделать шаг вперед немедленно истолковывается, как намерение выйти за пределы буржуазного общества, хотя бы сам автор искренно желал не столько двигаться, сколько топтаться на месте.

Для буржуазной теории осталось либо проповедывать откровенный союз с реакцией, во всех ее видах, сочетать индивидуализм с катехизисом и т. д., либо уйти „из мира сущего в мир должного“ и предаваться бесконечному и бесплодному разматыванию формально-логической паутины, на подобии Кельзена и его последователей.

Е. Пашуканис.

IV.—ХРОНИКА.

ПРОТОКОЛ

общего собрания членов Коммунистической Академии.

2-го июня 1925 года.

Присутствовали члены Академии: т. Богданов, Горев, Ерманский, Крицман, Лебедев-Полянский, Лукин, Милютин, Покровский, Тимирязев, Фриче, Шмидт.

Научные сотрудники: т.т. Айзенштадт, Вейц, Иванов, Мёницкий, Цыпкин.

От Института мирового хозяйства: т.т. Нахиссон-Спектатор.

От Института советского строительства: т. Михайлов.

Зав. библиот.: Дерман

От журнала „На Аграрном Фронте“: т. Батурский.

От Курсов марксизма: т.т. Подгорный, Малиновский, Никулихин.

Ученый секретарь: т. Малецкий.

Управляющий делами: т. Мелентьев.

В качестве гостя: т. Босса.

Председатель т. Покровский.

Секретарь т. Малецкий.

ПОРЯДОК ДНЯ:

- 1) Отчет Президиума Академии (доклад Милютина).
- 2) О Большой Советской Энциклопедии.
- 3) Текущие дела.

Покровский, М. Н. (председательствующий).—Разрешите открыть наше заседание. За истекшее с последнего пленума время наша Ком. Академия понесла несколько утрат. Мы потеряли тов. Мархлевского, который был одним из старейших членов Ком. Академии и которого я помню с очень давнего времени, и Иосифа Иванова, одного из самых ревностных работников Ком. Академии. Преллагаю почтить их память вставанием.

В повестке дня нашего заседания стоит отчет Президиума Ком. Академии за промежуток времени, истекший со времени нашего последнего общего собрания. Так как в курсе всех дел больше всего т. Милютин, который фактически и руководит всеми делами Ком. Академии, а я был целый месяц в отпуску (совершенно официально), то по нашему взаимному уговору решено, что доклад этот сделает т. Милютин, которому и предоставляется слово.

Тов. Милютин.—За последнее время наблюдается несомненный сдвиг в области оживления теоретической работы, и, по-моему, не будет преувеличением, если я скажу, что в ближайшие годы к теории пред'явятся

значительно большие требования, чем это было до сих пор. Это обусловливается, главным образом, тем, что в нашей внутренней жизни встают значительно более сложные задачи, которые требуют теоретической проработки. Этот переломный период, в который мы вступаем, и те практические задачи, которые встают перед нами не могут быть разрешены на основе той проработки, которая была сделана до сих пор в области общественных наук, и требуют новой теоретической работы. Современные проблемы нашего общественного развития становятся не только в плоскость практических решений, но и в плоскость определенного теоретического анализа. И те уклон, тот неправильный подход, который мы наблюдали в наших рядах со стороны некоторых товарищей, и вокруг которых разгорелась довольно сильная дискуссия, свидетельствуют о том, что потребность в теоретической углубленной проработке сейчас быстро назревает. Точно так же и в международном масштабе проблема состояния международного капитала является не только практической проблемой, но и проблемой, требующей своего теоретического освещения, и те товарищи, которые слышали последний доклад т. Варги в Госплане, ясно почувствовали, насколько у нас сейчас недостаточно проработаны проблемы мирового экономического развития в новой обстановке и в новых условиях, и насколько требуется новый анализ и новый подход к тем формам, которые сейчас выдвигаются жизнью.

Наконец, достижения буржуазной и мелкобуржуазной науки не подвергались до сих пор почти никакой проработке с нашей стороны и требуют также оценки с точки зрения марксистского и ленинского метода. Объясняется это, конечно, целым рядом объективных условий, но в настоящий момент потребность в этом назрела.

Вот три момента, которые здесь следовало отметить и, наконец, 4-й момент, который также необходимо подчеркнуть — это опасность того, что те уклоны, свидетелями которых мы были, и те ошибки, которые начинают делаться, но пока не приняли еще серьезных размеров в нашей среде, могут углубиться и дойти до больших размеров, вырасти в серьезное оппортунистическое направление, борьба с которым впоследствии будет гораздо более затруднительна.

Несомненно, что непосредственная практическая работа, захватывавшая всех нас целиком в предыдущие годы, и вместе с тем уверенность, покоящаяся на базе тех теоретических достижений, которые были сделаны раньше; тот теоретический капитал, который был нами накоплен за прежнее время, и которым мы широко пользовались, родили, я бы сказал, задержку в области теоретической работы и поверхностный подход к разработке теоретических проблем. Несомненно также, что все у нас сознают, и особенно сейчас чувствуют эту неряшливость в области теории, господство, я бы сказал, публицистики в теоретической работе. Анализ явлений, требующий серьезнейшего подхода, в общественной области или в области точных наук, или естествознания производится на основе крайне поверхностной проработки. Что в настоящее время нужно поставить этому предел, мне кажется, для всех совершенно очевидно, тем более, что сейчас мы имеем возможность это сделать и заняться более серьезной теоретической работой. Сейчас мы вступаем в тот период

органического роста, когда для теоретической работы мы имеем объективные условия значительно лучше, чем раньше. Таким образом, мы имеем не только объективную потребность в более углубленной теоретической работе, но и объективная возможность для этого сейчас созревает. И мы это должны признать, чтобы не прозевать этого момента и использовать его в наиболее полной степени.

Обращаясь теперь к работе Коммунистической Академии за отчетный период, мы видим, что она отражает этот сдвиг в области теоретической работы и возможность ее развертывания. За отчетный период у нас возник вокруг Академии ряд новых научных организаций и также примкнул к нам ряд научных организаций.

За отчетный период, который равняется 6-ти месяцам, у нас возникли следующие учреждения: 1) Институт мирового хозяйства и мировой политики; 2) Секция естественных и точных наук; 3) Секция Советского Строительства развернулась в Институт Советского Строительства; 4) создана Аграрная Комиссия, занимающаяся изучением аграрной революции; 5) к Ком. Академии примкнуло Общество Историков-Марксистов, а также 6) Общество Статистиков-Марксистов; 7) в нашу Академию передана Большая Советская Энциклопедия. Вот те научные учреждения, которые за отчетный период образовались вокруг Академии.

Это, несомненно, свидетельствует о том, что известный сдвиг получился, но сейчас приходится сказать, что мы должны стремиться не столько к умножению этих учреждений, которые у нас сейчас возникают, сколько к улучшению и углублению качества их работы. Мне представляется, что сейчас мы должны сугубо осторожно относиться к образованию новых научных учреждений, обуславливая это образование назревшей потребностью и наличием достаточно подготовленной почвы; в противном случае, я полагаю, возникновение новых учреждений сопровождалось бы излишней затратой сил и средств.

За истекшее полугодие мы видим, приблизительно в три раза большее количество прочитанных докладов в Академии, чем за предшествующий период. В это полугодие у нас было прочитано 17 публичных докладов. Доклады следующие:

заседание Ком. Академии в годовщину смерти т. Ленина, где сделаны доклады:

- тов. Преображенского — „Маркс и Ленин“,
- „ Милютин — „Научная коммунистическая мысль без Ленина“,
- „ Крицмана — „Ленин и путь к социализму“,
- „ Рудаша — „Ленин и задачи марксистов ленинистов в Европе“.
- Милютин — „Ревизионизм т. Варги в аграрном вопросе“.
- Орлов — „Логические основы теории множеств“.
- Скворцов Степанов — „Что такое политическая экономия“.
- Радек — „Итоги 24 года в области международной политики“.
- Полонский — „Ставрогин в Бесах“.
- Спектатор-Нахимсон — „Итоги мирового хозяйства за 24 г.“.
- Фриче — „Фрейдизм и искусство“.
- Харазов — „Аберрация и принцип относительности“.

Никольский— „Новая периодизация истории“.

Стучка— „Пролетарский суд и буржуазное право“.

Вейц— „Движущие силы мирового хозяйства“.

Вейц— „Кинетические и потенциальные производительные производ. силы мирового хозяйства“.

Покровский— „Пугачевщина“.

Фридлянд— „Крестьянская война в Германии“.

Затем напечатаны следующие работы: По секции права были изданы: „Маркс и Энгельс о праве“ под ред. научного сотрудника Разумовского; сборник „Революция права“; по тогдашней секции советского строительства, совместно с журналом „Власть Советов“, сборник „Советское Строительство“; по кабинету международной политики „Мировая политика в 24 году“ и „Мирные договоры империалистической войны“ в изложении научного сотрудника Ключникова; по кабинету экономики В. П. Милютина „Аграрный ревизионизм т. Варги“, Осинского „Мировое хозяйство и кризисы“; по кабинету истории общественной мысли и революционного движения в России И. А. Меницкого „Революционное движение военных годов“ (1914—1917). Том I. и вне кабинетов Рудаша „Против новейшей ревизии марксизма“ и Волгина „Сен-Симон и сен-симонизм“ (второе издание).

И, наконец, сделана была сводка теоретических работ коммунистов за 1924 г. За этот же период вышли 10 и 11 №№ „Вестника Ком. Академии“ и сдан в печать № 12.

В области теоретической работы следует отметить следующее. Во-первых, общий ее характер все же недостаточно углублен, это является серьезным недостатком, и это нужно признать. Второе — это то, что у нас в наших работах и докладах нигде не была проведена идеологическая критика Второго Интернационала. Это, несомненно, крупный недостаток, на который в будущем Ком. Академии необходимо обратить внимание. Это — не просто академический, но и боевой вопрос; оставаться пассивным к идеологии Второго Интернационала — невозможно.

Теперь я перейду к изложению работ по отдельным секциям. У нас в секциях мы переходим от формы индивидуальной теоретической работы, которая у нас раньше была, к коллективной проработке вопросов. Мы обычно ставили ряд докладов, проработанных отдельными товарищами.

Мы печатали работы точно также отдельных т. т., но, повторяю, не было коллективной теоретической работы. Сейчас у нас, несомненно, в этой области замечается сдвиг, т.-е. у нас уже доклады не ставятся так, как раньше, а прежде они должны подвергнуться систематической проработке в секциях, так что это будет уже не индивидуальное творчество Иванова, Степанова и т. д., хотя бы эти т. т. и были в данной области хорошо известны, но эти доклады будут являться коллективным трудом и плодом коллективной проработки секций. Точно также и печатные работы будут носить характер коллективных работ и будут получать преобладающее значение над работами индивидуальными. Например, у нас, в настоящее время, секция Права и Государства, которая работала в составе т. т. Адоратского, Вышинского, Гурвича, Максимовского,

Михайлова, Меницкого, Пашуканиса, Прушицкого, Рзумовского, Раевича, Стучки, Эстрина, Штейна сосредоточила сейчас свои силы на коллективной работе по подготовке „Энциклопедии права и государства“. На-днях уже выйдет первый выпуск первого тома этой работы и почти совершенно готов уже второй выпуск, который сдается в печать в течение будущих дней. Вся работа рассчитана приблизительно на 120—130 печатных листов. Секции удалось привлечь к работе очень широкий круг товарищей. Кроме того, ею издан сборник: „Революция права“. Из переводных работ, намеченных к изданию секцией, переведена и редактируется книга Саньяка „Гражданское законодательство французской революции“; заканчивается перевод работы Ориу „Принципы публичного права“. Наконец, секцией издана работа под названием „Маркс и Энгельс о праве“. Вместе с тем секция установила связи с провинцией: Ленинградом, Харьковом, Киевом, Саратовом, Ростовом. Связь эта выразилась в авторском участии провинциальных авторов в Энциклопедии, в присылке для отзыва своих работ и в информации о научной работе на местах. Секция права и государства является одной из лучших секций, в наибольшем размере развившей свою работу.

Секция советского строительства. Я уже указывал, что в результате ее работы совместно с редакцией журнала „Власть Советов“ был издан сборник по сов. строительству. Секция эта сейчас реорганизована в Институт советского строительства во главе с т. Кагановичем. В Президиум Института вошел целый ряд ответственных товарищей в области сов. работы, как, например, т. т. Куйбышев, Киселев, Енукидзе и др. Институт намечены четыре основные проблемы, которые предполагается проработать в течение ближайших двух лет, с таким расчетом, чтобы к 10-летию Октябрьской революции получились бы труды Института, которые могли бы лечь в основу уже непосредственно практических выводов. Секция до своей реорганизации сыграла очень большую роль в работе, которая была предпринята ЦИК СССР по оживлению работы Советов. Секция была по существу рабочим аппаратом в этой работе. Проблемы, намеченные этой Секцией следующие: „диктатура пролетариата, как новая форма классовой борьбы, и советы, как форма диктатуры пролетариата“, вопрос этот рассматривается не с точки зрения теории, а заполнения конкретным историческим содержанием; следующая проблема— „пролетарская и буржуазная демократия“; в нее входят система и практика выборов и вовлечения масс в государственную работу, реальность этого вовлечения и изживание бюрократизма и чиновничества. Третья проблема— „Национальный вопрос“—здесь должен быть учтен опыт федерального строительства и национальной политики Советской власти. Наконец, последняя проблема—„экономические основы диктатуры пролетариата“. Соответственно этим четырем проблемам Институт организует четыре секции. Пятая создается с целью изучать и обобщать текущие вопросы советского строительства.

В настоящее время при Институте создалась довольно солидная библиотека в 30 тысяч экземпляров. Институт за короткое время своего существования сумел пополнить эту библиотеку приблизительно 9-ю тысячами названий. Предстоят крупные передачи из НКВД, РКИ и Нарком-

фина. При Институте имеется Бюро газетных вырезок, и уже создаются кабинеты местного управления и федеральный. С этим же Институтom в тесном контакте работает сейчас журнал „Власть Советов“, орган ВЦИК, издающийся при Ком. Академии.

Перехожу к Секции научной методологии. Среди ее работ надо прежде всего отметить коллективную работу руководителя секции т. Смит и научного сотрудника т. Вейца — „Кривые капиталистического хозяйства“; далее, секция работает над анализом и критикой школы предельной полезности в ее математическом выражении. Из серии „Кривые капиталистического хозяйства“ выпуск I — „Потенциальные и кинетические производительные силы мирового хозяйства“ и работа члена секции т. Щипкина „Мировая металлопромышленность в последнее десятилетие перед войной“ в скором времени сдаются в печать. Секцией организованы были два доклада.

Секция естественных и точных наук только что организована под руководством члена Академии т. О. Ю. Шмидта. Она начала коллективную разработку ряда наиболее актуальных для борьбы за материализм вопросов по трем разделам: биологическому, физико-математическому и психо-неврологическому. К работам секции, по 30, приблизительно, темам, привлечены, с одной стороны, ряд крупных научных деятелей: проф. Новашин, Кастерин, Фесенков, Костицын, Хинчин, Каган, Завадовский. Рубинштейн (Одесса) и др., с другой, начинает группироваться та часть научной молодежи, которая стремится к наиболее четкому научному мировоззрению. Работы носят отчасти литературный, отчасти экспериментальный характер. В последнем случае Секция дает задания существующим лабораториям и институтам. Результаты работы, естественно, еще впереди.

Кабинетом международной политики была издана книга „О плане Лауэса“; подготовлены к печати книга Гарфаса „Мировые запасы нефти“ и Лагарда „Признание правительства Советов“, перешедшие в Литиздат НКВД. Последней была выпущена в свет книга „Мирные договоры империалистической войны“ проф. Ключникова. Тем же кабинетом издавался журнал „Международная Летопись“, восполнявший значительный пробел в нашей специальной литературе печатанием документальных материалов, относящихся к основным явлениям современной международной жизни. Журналом был издан ежегодник „Мировая политика за 1924 г.“ Журнал, который раньше издавался кабинетом международной политики, превращается теперь в журнал Института мирового хозяйства и мировой политики. Институт в своей работе несомненно будет иметь уклон в сторону разработки политических проблем в области мировой политики, и, поскольку мы политические проблемы ставим на основе экономической базы, постольку будут разрабатываться и экономические проблемы. Но однако, имея в виду такую его задачу, мы не полагаем поставить наш Институт, как конкурирующее учреждение с тем Институтom по мировой экономике, который сейчас создается при Госплане, и с тем, который имеется в ВСНХ. Эти институты будут заняты конъюнктурой мирового хозяйства. Наш же Институт будет работать в направлении разработки, главным образом, проблем политического характера, конечно с уче-

том всех тех экономических факторов, которые определяют развитие этих политических проблем. Во главе Института стоит тов. Ф. А. Ротштейн, член Президиума Ком. Академии и член коллегии Наркоминдела и ученый секретарь т. Спектатор; кроме того, к Институту, привлекаются ряд работников. Так, намечены к привлечению т.т. Павлович, Фин-Ено-таевский и ряд др. В настоящее время Институт приступил к разработке вопроса о мировой роли С. Штатов.

Не буду здесь упоминать о большой Советской Энциклопедии, о которой здесь нам доложит т. Шмидт, а остановлюсь на работе Аграрной комиссии.

Аграрная комиссия при Ком. Академии создана под моим председательством в количестве 15 чел. наших аграрников и тех товарищей, которые специализировались в области аграрного вопроса. Выдвинуто рабочее Бюро под председательством проф. Ляшенко в составе специалистов статистиков, которое ведет теперь подготовительные работы по разработке статистических материалов. Материалы эти должны лечь в основу теоретической проработки нашей аграрной революции. Немного забегаая вперед в связи с этим, должен сказать, что создан журнал „На аграрном фронте“, вышедший уже в количестве 4-х номеров. Журнал этот, несомненно, станет центром объединения наших аграрников-коммунистов и марксистов, работающих над проблемами текущей аграрной политики и аграрной теории. Благодаря тому, что уже образовалось такое ядро аграрников здесь в Академии и благодаря совершенно актуальной необходимости теоретической проработки аграрного вопроса, Президиум Ком. Академии считал правильным на настоящем заседании поставить вопрос о создании в стенах Ком. Академии специального Аграрного кабинета и Аграрной секции. Для этого настало время. Есть силы из 15—20 аграрников-коммунистов, которые объединились вокруг журнала и Аграрной Комиссии, и с этими силами можно приступить к дальнейшей организации научного учреждения, которое должно заниматься теоретической проработкой аграрного вопроса. Я бы полагал, что будет осторожнее и целесообразнее ограничиться пока созданием аграрного кабинета и секции с тем, чтобы впоследствии, если работа их развернется, иметь возможность и средства для того, чтобы превратить их уже в научное учреждение более солидное, чем секция, именно в Аграрный Институт, но сейчас, на первых порах назрела потребность и имеется в наличии возможность создания Аграрного кабинета и секции.

Теперь позвольте мне сказать о работе Курсов марксизма, которые работают при Ком. Академии. Состав их не изменился по сравнению с тем, о котором докладывал т. Преображенский на прошлом заседании Ком. Академии. В настоящее время на курсах марксизма ведутся занятия в трех семинариях по следующим предметам: по истории РКП, по политической экономии и русской экономике. Предстоит поставить цикл лекций по мировому хозяйству и рабочему движению и провести осенью семинарскую проработку основ ленинизма. Закончен цикл лекций по государственному праву. Состав курсов следующий: в настоящее время имеется 71 чел., из которых рабочих — 70,4%, интеллигентов — 19,7%,

служащих—4,2%, крестьян—4,2%. Из них вступили в партию до 1917 г.—44%, в 1917 г.—33,8%, с 1918—22,5%.

Теперь я остановлюсь на нашей библиотеке. За время с 1 сентября 24 г. по 1 апреля 1925 г. выдано билетов на право пользования библиотекой 1126. Число посещений за отчетное время 31.148, в среднем в день 415; число выдач (обращаемость) за январь—март 25 г.—92.233; в среднем 1230 в день. Из этого числа на кабинет экономики падает 39%, на читальный зал 30% и на остальные кабинеты 31%. Число требований на книги по отделам (читаемость): по кабинету экономики 34%, по кабинету истории революционного движения 29%, идеологии 13%, рабочего вопроса 8%, международной политики 7%, III Интернационала 6%, советского строительства и права 3%. Выдача на дом—3.041 том.

Справочный отдел организован в сентябре 1924 г. Число выданных справок в среднем 15—20 в день. За 6 месяцев дано около 140 библиографических списков по разным вопросам, преимущественно, по вопросам экономики и мировой политики. Число устных справок и указаний библиографического характера в среднем 150 в месяц. Учащаются случаи обращения за справками по существу вопроса. Учреждения также пользуются услугами отдела.

Кабинеты много поработали над улучшением условий хранения и выдачи книг, уточнением и развитием систематизации. Фундаментальная библиотека привела в порядок отделы социологии, педагогики и прикладных наук. Остается еще привести в порядок отдел истории.

К 1 июня 1925 г. библиотека НОТ'а насчитывает всего 600.047 книжных единиц.

За отчетное время поступило в библиотеку 42.783 печати. единиц без газет. Из них книг—30%, брошюр—32%, периодических изданий (без газет)—38%. Кроме того, в обменный фонд поступило 7.166 экз. В среднем в день 333 единицы. По источникам поступления: из Книжной Палаты—49%, обязательных экземпляров от издательств—26%, приобретено бесплатно—16%, куплено—9%. В последней категории приобретено за границей—1.704 тома. Заказано—2.923, приготовлено к заказу—1.500, заявлено кабинетами, но не проверено—4.000. Периодических изданий к 1 апреля библиотека получает: русских (без газет) 586 названий, иностранных 217. Поступление иностранной литературы неуклонно растет в связи с открытием деятельности новых научных учреждений, располагающих крупными средствами. В настоящее время усиленно приобретается литература по естественным и точным наукам, и производится комплектование отдела мирового хозяйства. Полученная в прошлом году библиотека В. В. Каллаш разобрана, но еще не влита. Выяснилась ее значительная ценность, особенно в отделах истории литературы и библиографии.

К 1 мая закончена регистрация всех периодических изданий, кроме газет. Библиотека теперь имеет алфавитную карточку периодических изданий, группирующую путем ссылок по учреждениям и организациям все изданные ими журналы. Для каждого издания дана его краткая история, и указана связь с другими изданиями (преемственность). Особенно тща-

тельно описаны русские издания революционной эпохи. Окончание регистрации журналов дает возможность произвести подсчет. К 1 апреля библиотека имеет: названий 8.965, из них русских—6.698, иностранных—2.267; томов—172.702; кроме того, в обменном фонде—55.047. Собрание периодических изданий центральных учреждений и связанная с ним библиографическая работа будут закончены в течение ближайших трех месяцев.

За истекшее полугодие зарегистрированы, кроме текущих поступлений, все эмигрантские газеты; газеты, выходившие на территориях белых правительств; наиболее крупные русские газеты с 1917 года; начата регистрация важнейших провинциальных газет за период с 1917 по 1922 год. Газеты с 1923 года были полностью зарегистрированы раньше.

С 1 февраля 1925 г. все поступающие в библиотеку книги на русском языке, изданные в 1925 г., а также все иностранные прежде, чем поступить в кабинеты и другие места хранения, подвергаются библиографическому описанию и классификации. Описание производится в форме предметного каталога, в котором книги группируются по авторам и по содержанию. Составление предметного каталога производится одновременно и для 1-го МГУ, Архива Окт. революции и Института им. Ленина. Все эти учреждения участвуют в работе своими силами и средствами. Такой же каталог составляется и для кабинета экономики. По соглашению с Институтом им. Ленина и при его материальном содействии, библиотека начала составление предметного каталога всех произведений Ленина, литературы о нем и трудов по ленинизму. Каталог охватывает материал, имеющийся в библиотеке Ком. Академии и Института Ленина.

В начале текущего года Президиум утвердил положение о библиографическом отделе и план его работы. С 1 февраля библиотека начала составление предметной библиографии имеющейся у нее литературы к 1-й русской революции, в связи с ее предстоящим юбилеем. К 1-му апреля описано 402 книги, на которые составлено 505 карточек, описание снабжается аннотациями, раскрывающими содержание книг и их историю. Вместе с тем из картотеки статей нелегальных периодических изданий выбирается и включается в каталог 1905 года весь материал, имеющий отношение к этой теме. Всю работу по 1905 г. предполагено закончить к октябрю текущего года. Начата работа по раскрытию псевдонимов и авторов анонимных книг и статей, предварительная к составлению библиографии революционного движения. Просмотрено около 100 книг по истории революционного движения, воспоминаний и т. п., составлена картотека, заключающая уже около 2.000 карточек. Выработан анкетный лист для опроса старых подпольных работников.

Библиотека опубликовала библиографию научной коммунистической мысли за 1924 год. В настоящее время окончено дополнительное собрание материала, напечатанного после составления основного списка и в него не попавшего. Наконец, библиотека приступила к составлению каталога статей важнейших журналов. Список таких журналов состоит из 195 названий (90 русских и 105 иностранных). Описание будет вестись в форме предметной библиографии.

Теперь позвольте остановиться на нашем издательстве.

Издательство возникло в мае месяце 1923 г. и начало свою деятельность с очень скромными средствами, образовавшимися путем выделения из бюджета Ком. Академии суммы в 5.000 руб. В 1923 году на эти средства были выпущены 7 названий, составлявшие 94,25 п. л., в результате чего капитал Издательства удвоился, достигнув на 1/1—1924 г. 10.650 руб. 79 к. В 1924 году, с присоединением к нашему Издательству редакции „Власть Советов“, было получено на печатание этого журнала дополнительное ассигнование в 15.000 рублей, да к тому времени были получены средства в остальных редакциях в сумме 6.045 руб. 22 к. Таким образом, к началу 1924 г. Издательство располагало капиталом в 31.696 р. 01 к., с чем и начало свою деятельность в этом году.

За 1924 год было выпущено 29 названий с общим об'емом в 350,875 п. л., или 3.640.875 печ. листов-оттисков, оцениваемых по номиналу в 317.450 руб. Продукция была реализована на 240.769 р. 97 к. по продажной цене, т.-е. по номиналу, за скидкой 30—35%, что в результате увеличило первоначальный капитал больше чем в 2 раза, достигнув на 1 января 1925 г. 79.856 руб. 51 к.

За отчетное время текущего года, т.-е. за январь—апрель, Издательством выпущено 39 названий об'емом в 374,35 п/л, или 6.747.850 л/оттисков, оцениваемых по номиналу в 587.400 руб., а по себестоимости в 197.152 р. 54 к., т.-е. за 4 месяца текущего года Издательством выпущено продукции почти в 2 раза больше, чем за 9 месяцев 1924 г. В виде арифметического отношения продукция этих 4 месяцев по отношению к продукции 1924 года может быть представлена:

За 1925 г. (4 м.). 39 наз. 374,350 п. л. 6.747.850 587.400 р.

„ 1924 „ (12 „) 29 „ 350,875 „ „ 3.640.875 317.450 „

Продажа книг и журналов в этом году за 4 месяца выразилась в сумме 205.008 руб. 65 к., т.-е. в среднем 50.000 руб. в месяц, что по отношению к прошлому году составляет 5:2—т.-е. месячный оборот этого года увеличился в $2\frac{1}{2}$ раза.

По части распространения периодических журналов из намеченного количества в 109.200 единиц собрано заказов на 52.120 экземпляров. По отдельным журналам распространение представляется в следующем виде.

	Тираж.	Достигнуто подписчиков.
Власть Советов	60.000 экз.	32.850
Советское Строительство.	15.000 „	9.221
Вестник Ком. Академии . .	6.200 „	1.432
На Аграрном Фронте . . .	10.000 „	2.767
Международная Летопись.	3.000 „	379
Энциклопедия.	15.000 „	5.401
	109.200 „	52.120

Необходимо при этом заметить, что эти журналы сбываются путем розничной продажи:

Журнал	Власть Советов	3.000 — 4.000 экз.
"	Вестник Ком. Академии	700 — 1.000 "
"	На Аграрном Фронте	700 — 1.000 "
"	Междуна. Летопись	300 — 500 "

На 1 мая 1925 года капитал Издательства достиг 157.258 руб. 51 коп. Однако, с расширяющейся деятельностью институтов Ком. Академии и расширяющимися в связи с этим выпуском продукции, капитал Издательства недостаточен для планомерного финансирования производства, и отсюда целый ряд перебоев в работе и финансовые затруднения. Целесообразно его увеличить до 300.000 рублей, т.-е. по отношению к производству в 600.000 руб. 2 оборота капитала в течение года в издательском деле— вполне достаточная скорость обращения.

В заключение приведу лишь маленькую справку о нашем финансовом положении. У нас на время с 1 октября по 29 мая 25 г. по смете назначено было 552.869 р. Из них израсходовано 279.902 рублей и остается еще 272.966 р. Главная часть этой суммы падает на заработную плату сотрудникам и содержание слушателей курсов марксизма, и сумма эта выражается в 186.296 р. 80 к. В общем расходы представляются в следующем виде:

Ст. Ст.	Наименование сметного подразделения.	Назначено по смете.	Использовано кредитов по смете.	Остаток кредитов по смете 29 мая 1925 года.
1.	Зарплата сотруд. и содерж. курсов марксизма около	300.000 р.	186.296,80	113.703,20
2.	Ученая деятельн.	50.000 "	34.551,94	15.448,06
3.	Опер.-хоз. расх.	15.270 "	11.295,44	3.974,56
4.	Отопление	3.000 "	3.000,—	—
5.	Капит. ремонт	3.250 "	2.167,93	1.082,07
6.	Агр. ком. сек. естеств. и точн. наук и ИМХМП	112.000 "	23.126,48	88.873,52
7.	Инст. Сов. Стронт.	69.349 "	19.463,42	49.885,58
		252.869 р.	93.605,21 к.	159.263,79 к.
	Всего с зарплатой	552.869 р.	279.902,01 к.	272.966,99 к.

Вот те расходы, которые мы имели за отчетный период. Смета, представленная нами на 25/26 г. г., выражается приблизительно в сумме полутора миллиона руб. Необходимо отметить, что у нас вырос ряд новых учреждений. Благодаря расширению нашей библиотеки тоже увеличивается штат сотрудников, и поэтому прежняя сумма по зарплате в 300 тыс. сейчас значительно увеличивается. На ученую деятельность мы просим 394 тыс. р., в то время, как расход на ученую деятельность

за прошлое время выражался в сумме 50 тыс. р. Мы предполагаем построить книгохранилище, так как у нас такое количество книг, что для них необходимо специальное здание. Здесь же они находятся в таком помещении, которое представляет большую опасность в пожарном отношении. Такое книгохранилище тем более необходимо, что у нас в библиотеке имеется много ценных книг. На это мы просим 360 тыс. р. Вот тот финансовый отчет, который я мог сделать перед собранием.

Какие же предложения может сделать Президиум Ком. Академии? Мы предлагаем следующие выводы, которые можно сделать из обзора деятельности Ком. Академии. Прежде всего ясно, что наша работа должна в большей степени базироваться на работе наших Секций и на Институтах, где ведется действительно коллективная теоретическая работа. Поэтому Президиум предлагает сейчас общему собранию членов Академии принять такое предложение — обратить особое внимание на работу Секций и Институты и на то, чтобы Президиум разработал ряд мер, которые усиливали бы эту работу.

Второе — то, о чем я говорил выше, а именно, что в настоящее время созрела потребность создания Аграрного кабинета и Аграрной секции для изучения аграрных проблем.

Третье — до сих пор большим дефектом в нашей работе является то, что мы были оторваны и продолжаем быть оторваны от других научных коммунистических, марксистских учреждений, которые ведут такую же теоретическую работу. Но уже из сообщенных фактов, а именно, что к нам сейчас примкнули общество историков-марксистов и общество статистиков-марксистов видно, что наша Академия становится центром, куда начинают стягиваться научные учреждения, напр., Институт имени Ленина ведет с нами совместную работу в области библиографической работы. Согласно постановления Президиума я посетил Ленинград. Там имеется три научных учреждения: Общество марксистов при госуниверситете, Научно-Исследовательский Институт при университете имени Зиновьева и Институт экономических исследований, и нужно сказать, что те проблемы, которые ставятся там и разрабатываются, сплошь и рядом являются параллельными с теми вопросами и проблемами, которые разрабатываются здесь у нас. Затем взять хотя бы Институт экономических исследований, объединяющий всех экономистов Ленинграда, где имеется ряд профессоров, как Буковецкий, Бенедиктов, Твердохлебов и др., всего человек 15—20, с которыми у меня было заседание, где выяснилось, что там люди меньше заняты текущей административной работой и больше времени могут уделять чисто теоретической работе, и действительно там сейчас ведется ряд серьезных теоретических работ, в частности, назову ряд актуальнейших сейчас проблем, напр., по налогам, по бюджету, по целому ряду финансовых проблем. В виду всего этого, мы полагаем необходимым установить тесную связь со всеми этими научными учреждениями, но установить связь, конечно, не платоническую, а такую связь, чтобы была налажена передача разработки некоторых научных проблем этим научным учреждениям. Необходимо будет субсидировать эти учреждения, так как они очень бедны и за недостатком средств не в состоянии выписывать нужные книги и пособия.

Вот на этот путь нам, несомненно, нужно встать в нашей работе. Во всяком случае, не нужно здесь закрывать глаз на то, что мы не раз постановляли,—относительно создания связи с другими научными организациями, но эти постановления оставались на бумаге. Связь будет расти только по мере роста работы нашей Академии. Когда ценность наших работ будет настолько велика и ощутительна, что те или иные учреждения будут сами к нам приходить, тогда Ком. Академия станет центром, притягивающим другие научные учреждения. Мы к этому и идем. Правда, это путь очень медленный, но форсировать его нет надобности. Несомненно, необходимо в этой работе идти путем качественного улучшения нашей работы, не заводить только формальных связей, а заводить связи, которые диктуются ходом нашей работы. И вот ходом нашей работы диктуется сейчас передача проработки некоторых научных проблем этим учреждениям. На этот путь необходимо вступить, и это следующее предложение, которое делается Президиумом.

Наконец, Президиум считает необходимым поставить на утверждение Академии еще другое постановление. Сейчас, несомненно, жизнь уже вступила в такую полосу, что ряд т. т., работающих в области теории, мог бы быть освобожден от текущей административной работы исключительно для ведения теоретической работы. Несомненно, ведь каждый из более или менее серьезных и ценных теоретиков у нас ведет другую повседневную работу: у них не остается ни часа времени, сплошь и рядом, для того, чтобы заниматься теоретической работой. Сейчас нужно перед соответствующими учреждениями этот вопрос поставить. Объективные условия, повидимому, таковы, что соответствующие учреждения могут уделить известное количество товарищей на теоретическую работу, и поэтому мы этот вопрос и полагаем поставить с тем, что Президиуму будет поручено составить список этих товарищей.

Вот те предложения, которые вносит Президиум на утверждение пленума.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Есть ли какие-нибудь вопросы к докладчику?

Шмидт, О. Ю. Владимир Павлович упомянул об Аграрном Институте. Находится ли это в связи с тем институтом, который проектируется при Крестинтерне? То не было ни одного, то вдруг сразу два.

Милютин, В. П. Повторяю, это только проект. Аграрный Институт при Крестинтерне будет занят почти исключительно вопросом аграрного движения за границей. Это—институт конъюнктурного развития сельского хозяйства за границей; конъюнктуры крестьянского движения и политической борьбы там же. Если у нас будет создаваться аграрный институт, то с теоретическим уклоном, по изучению проблем аграрного вопроса, но пока мы не ставим вопроса в плоскости организации института, а лишь организации аграрной секции и кабинета.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Если нет больше вопросов, то может быть кто-нибудь желает высказаться по существу доклада.

Шмидт, О. Ю. В отчете не был затронут вопрос, от которого в значительной мере зависит внутреннее содержание работы. Несомненно, что линия, которую взял Президиум на более или менее самостоятельную и

ответственную работу дифференцированных институтов, в которой можно сплотиться тесным коллективом на основе однородной работы,—эта линия совершенно правильная и своевременная. Но этот вопрос сталкивается сейчас же с внешними возможностями или невозможностями. Например, в этом прекрасном здании, где мы имеем большие столы, сплошь заполненные обычно рядом сотрудников,—насколько здесь возможна научная работа? Мне бы хотелось знать, какие меры Президиум принял и какие успехи он может зарегистрировать, гарантирующие возможность научной работы в этих помещениях. Заведую одной из наших секций, о которой В. П. совершенно правильно сказал, что она только начинается, я чувствую, что секция не развернет своей научной работы до тех пор, пока все ее штатные работники не получат достаточного помещения для работы. Я говорю о секции естественных и точных наук—сотрудники ее помещаются под столами кабинета искусств, ибо столы заняты альбомами искусств, достаточно ценными и не особенно удобно над этими альбомами производить сверху надстройку второго этажа—биологического и т. д. Очевидно, так работа не развернется. Позвольте воспользоваться данным мне словом, чтобы этот вопрос поставить—удастся ли Президиуму к осени каждой секции, каждому кабинету предоставить возможность спокойно работать, возможность сосредоточиться каждому над своим делом, без чего у нас будет кустарническая работа, из которой никакого толка не получится.

Ерманский, В. А. Я хотел сказать несколько слов не о лучшей проработке уже поставленных вопросов, а об отношении нашей Академии к проблеме, о которой до сих пор не было речи. Конечно, я не собираюсь по этому поводу доклад делать; если бы я это хотел, то своевременно бы сговорился с Президиумом.

Речь идет о проблеме, которая сделалась очень модной, сделалась именнинником, перед которым все раскланиваются. И в то же время эта проблема находится фактически в загоне,—на деле ей не уделяют почти никакого внимания. Это—проблема, так называемой, Научной Организации Труда или НОТ. Нет области, в которой царил бы столько авантюризма, столько случайностей, столько предрассудков, столько безграмотности и даже фальсификации, как именно в этой области, хотя она и возводится в один из устоев нашего строительства. Ведь все признают и неустанно говорят, что организация—это есть социалистическое строительство, что организация именно и должна нас вывести из всех трудностей, которые нас окружают. И ведь, по существу, это, несомненно, верно. И потому-то перед научной организацией и отвешивают поклоны. Но, к величайшему несчастью, она находится в руках совершенно несоответствующих элементов.

Отчасти, конечно, это неизбежно, потому что это проблема сравнительно новая. Но в общем она вовсе не так уж абсолютно нова, и не только потому, что вообще в мире ничего нового не бывает. Эта проблема подготовлена всем развитием знания: и развитием экономической науки, и философией техники, и современным состоянием естественных наук,—подготовлена в такой мере, что остается надлежащим образом, на марксистской базе, ввести сюда научное, синтетическое

построение. Нельзя допустить, чтобы эта прикладная область знания была предоставлена грубому эмпиризму и знахарству.

А между тем факт налицо: эта область целиком находится у нас в руках случайных элементов, которые не только чужды марксистского, да и вообще какого-либо мировоззрения, но которые неповинны ни в каком научном учении в какой-либо области и, уже само собою разумеется, неспособны строить какой-либо научный синтез. Что такое положение не может быть долго терпимо, мне кажется совершенно очевидным. Мне кажется также, что это положение было одним из условий, в значительной мере содействовавших тому временному уклону, который наблюдался в нашей официальной политике и который, быть может, имел свои резоны. Уклон, как известно, был направлен в сторону не рационализации, а интенсификации труда. Этим, может быть, и объяснялось выступление, под флагом НОТ, многих элементов, которые во всех отношениях—и в смысле научного мировоззрения, и в смысле политических умонастроений—принадлежат к абсолютно чуждому нам прошлому, но которых, в виду их некоторой практической полезности, приходилось приглашать на работу и до некоторой степени поддерживать.

Я поднимаю этот вопрос в данный момент не зря: хотя попытки в этом отношении с моей стороны делались не раз и раньше, но сейчас мы переживаем как раз момент перелома: сейчас официальный уклон нашей политики в данной области направлен именно в сторону рационализации, а не интенсификации труда. Я не вхожу сейчас в подробности на этот счет: здесь, во-первых, сидят люди грамотные, а во-вторых, сейчас по существу вопроса не приходится говорить. Нам сейчас важен результат: получается такое положение, что почти совершенно не ведется подготовки той молодежи, которая в близком будущем должна будет заняться организационным строительством. В частности, у нас почти совершенно нет людей для воспитания этой молодежи.

В виду всего этого я и обращаю на это положение внимание товарищей по Академий—в том числе и главы Гуса (тов. Шмидт, не я глава Гуса, а М. Н. Покровский). Тем лучше, если здесь на лицо двое глав Гуса. К их сведению я отмечу здесь такое прямо поразительное явление, что студенты одного из крупнейших ВУЗ'ов, при наших советских условиях, оказываются вынужденными „выставить своего профессора“, т. е. буквально закрыть перед ним двери и не пустить его на порог. И не единичный случай. А когда надо приглашать на место выставленного, то, к несчастью, это по большей части падает на меня. Дело, конечно, не в этом последнем обстоятельстве, а в том, что такое положение явно ненормально.

Совершенно очевидно, что это дело нельзя оставить в тех руках, в каких оно было и остается до сих пор. Ведь тут перед нами не исключительно* техническая проблема, как в том случае, когда идет речь о том, чтобы сконструировать машину или, скажем, руководить применением этой машины. Совсем другое дело, поскольку речь идет о проблеме рационализации, организации предприятий, учреждений, коллективов и т. п., Тут, конечно, тоже нельзя обойтись без целого ряда специалистов несоциалистического, некоммунистического, немарксистского склада,

может быть, вообще чуждых нам и даже держащих камень за пазухой, но во всяком случае в той или иной мере нужных нам в данный момент. Однако из того, что мы ими должны пользоваться, вовсе не вытекает то, что мы не должны иметь и подготавливать своих людей, могущих взять организационное дело в свои руки.

Одну маленькую попытку я сделал в Институте Красной Профессуры; там нашлось некоторое количество молодежи, которая сильно хотела работать в этой области, но когда я свою попытку облек в форму семинарских занятий, то получилось вопиющее внутреннее противоречие, из-за которого эту попытку пришлось прекратить. У будущих красных профессоров, при всем их желании, не было возможности посещать семинарий, вследствие большой перегруженности: чуть не каждый раз, когда назначался семинарий, у нас оказывался конкурент в лице т. Покровского или иного, которые ведут обязательные семинарии, от которых никак нельзя уйти. Когда я хотел закрыть семинарий, слушатели долго не соглашались, но сделать это все-таки пришлось.

Потом была еще одна попытка. Здесь возник союз коммунистов-инженеров, которые как-то раз пригласили меня на заседание. Я возликовал, думая, что вот, наконец, выступили марксисты-инженеры, которые поймут важность поставленных в настоящее время проблем и пойдут в направлении их научно-практического разрешения. Но этот союз оказался весьма слабым и вряд ли даже не прекратил своего существования. Плохо еще прививается марксизм в инженерской среде.

Одно время я начал вести отдел Научной Организации в „Вестнике Ком. Академии“ и принимал участие в редактировании отдела, но ничего из этого не вышло: я написал одну статью, потом другую, — но ведь нельзя же заполнять отдел только своими статьями. Нашел я одно лицо, так сказать исполняющее обязанность марксиста, но и на нем долго выезжать нельзя было.

Кстати упомяну, что в Академии есть библиотечка по вопросам НОТ, которая берет не столько количеством, сколько качеством, хотя и по количеству своему она представляет довольно большую ценность. Вообще я полагаю, что она принадлежит к числу лучших библиотек в этой области, — следовательно, и она может оказать некоторую службу.

Из всего сказанного мною я делаю такой вывод: — я, конечно, не против создания Институты, о которых говорил т. Милютин. Но я согласен с т. Милутиным и в том отношении, что в этих случаях надо идти с особой осторожностью и органически преемственно развивать работу. Здесь, мне кажется, Ком. Академии лучше было бы вместе с Институтом Красной Профессуры соединить некоторую часть марксистской молодежи, может быть, на добровольческих началах, чтобы началась подготовка, быть может, самоподготовка молодежи. Эта молодежь могла бы начать работать в этом направлении на началах семинарских занятий или, м. б., консультации, но во всяком случае на началах самодеятельности, так как люди здесь могут быть подобраны достаточно грамотные и подготовленные. Это — дело, жизненно необходимое, и в нем Ком. Академия не может и не должна плестись в хвосте.

Я далек от мысли выставить здесь какое-нибудь точно сформулированное практическое предложение по этому вопросу; я лишь возбуждаю его с той целью, чтоб он был обсужден и двинут вперед. Может быть, он подлежит обсуждению Президиума, может быть, где-нибудь еще, одно только ясно, что эта задача навязывается сама собой.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Угодно кому-нибудь высказаться по поводу предложения т. Шмидта.

Лебедев-Полянский, П. И. Я бы хотел только дополнить предложение тов. Шмидта. Не только предложить Президиуму вопрос разработать, но и указать, что желательно включение изучения НОТ в нашу программу и организация соответствующей секции. Вопрос о форме можно не предрешать.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Может быть еще кому-нибудь угодно высказаться по поводу желательности или нежелательности постановки этого вопроса. Желających нет. Тогда позвольте проголосовать это предложение. Прежде всего, предложение Отто Юльевича Шмидта сводится к тому, чтобы президиум занялся этим вопросом. Против этого никто, мне кажется, не возражает. Затем дополнительное предложение тов. Лебедева-Полянского—признать желательным учреждение такой секции, не предрешая вопроса о ее форме, и признать желательным включение изучения НОТ в нашу программу. Кто за это предложение? Единогласно принято.

Горев, Б. И. Разрешите мне сделать несколько запоздалое замечание в виде вопроса. Дело в том, что в Академии имеется очень хорошо составленный, в смысле библиотечном, кабинет исторической общественной мысли в России и, насколько мне помнится, когда-то была такая секция. В докладе об этом не сказано, и я бы хотел знать, есть ли какие-нибудь намерения продолжать работу в этом отношении. Я полагаю, что наряду с другими секциями—подобного рода секция была бы бесполезна и соответствовала бы задачам Академии.

Покровский, М. Н. Мне известен кабинет по истории революционного движения. Позвольте сообщить, что организованное сейчас общество историков-марксистов и ставит своей задачей одну из тех проблем, которые вы называли. Как раз его первое заседание вчера было посвящено истории крестьянских революций и их идеологии, так что мы до некоторой степени начали эту работу, не предполагая сразу исчерпать задачи исключительно этой темой. Поэтому мы намерены посвятить этому вопросу еще одно, а может быть, пару заседаний. Доклады, которые были вчера прочитаны, вызвали желание дать содоклады, есть определенные предложения дать содоклады, выдвигающие противоположные точки зрения, так что вопрос о крестьянских революциях у нас поставлен.

Разумеется, в таком же порядке может быть у нас поставлена и история социализма, поскольку некоторые формы крестьянского движения представляются ранним коммунизмом,—все это будет в дальнейшем поставлено. Так что намеченная нами работа будет развиваться обществом историков-марксистов в тесной связи с работой кабинета. Мне пришлось бы долго делать пояснения, но я должен все же сказать, что всецело опереться на этот кабинет мы, к сожалению, не можем, так как, хотя при нем

и есть библиотека Ком. Академии, но при очень больших размерах она далеко не обладает разнообразием. Мы хотим ее пополнить, а затем опереться еще на работу таких учреждений, как, например, Центрархив и т. д.

Миялютин, В. П. Прежде чем перейти к предложениям я должен сделать некоторые дополнения. Я действительно пропустил кабинет по истории революционных и общественных движений в России. У нас подготовлено к печатанию собрание сочинений Ткачева в 8 томах, I и II том уже сданы в печать. Затем мы готовим к изданию собрание сочинений тов. Воровского. Сейчас собрано 104 статьи из тех журналов, в которых сотрудничал тов. Воровский,—собрание его сочинений тоже выйдет в свое время. Точно так же я не упомянул и о секции литературы и искусств, деятельность которой выразилась только в докладе тов. Фриче и тов. Полонского, при чем и по внутрисекционной работе, которая была проделана, деятельность секции не получила какого-нибудь выражения. По поводу того вопроса, который задал т. Шмидт,—относительно помещения, то мы таковое получили—на Волхонке, бывший Лесной Институт в помещении бывших Голицинских курсов, здание, требующее серьезного ремонта. Мы все-таки ведем с Моссоветом борьбу за помещение. Рядом с нами—школа, здание удобное для нас во всех отношениях. Оно сперва нам было отдано разгрузочной комиссией, потом Малым Совнаркомом было отдано Моссовету, и теперь мы внесли дело во ВЦИК, где вопрос должен был рассматриваться вчера, но перенесен на следующий понедельник. Следовательно, здесь ведется борьба за то, чтобы отстоять это помещение. В случае неудачи нам придется сейчас же приступить к ремонту того здания, которое мы уже получили (там три дома и все они требуют большого ремонта). Конечно, мы будем отстаивать здание рядом с Ком. Академией, потому что иначе придется разбрасывать Академию по разным помещениям. Ограничиться же нынешним помещением—значит продолжать работать в физически невыносимых условиях. Надо сказать, что здесь нам обещана всяческая поддержка со стороны ВЦИК и ЦК, а также и НКВД; имеются всяческие бумажки, но пока мы получили лишь помещение на Волхонке, которое и придется ремонтировать в случае неудачи.

В заключение я хотел бы еще раз повторить то, что я говорил в самом начале своего доклада, а именно то, что Президиуму на предстоящий период придется проявить большую строгость к нашей теоретической работе, как в отношении печатных работ, так и тех докладов, которые мы ставим от имени Ком. Академии. Сейчас у нас вынесено такое постановление, что ни одна секция не ставит доклада без обсуждения в Бюро Президиума или в Президиуме, а также без представленных подробно разработанных тезисов, которые подлежат предварительному обсуждению не только в секции, но и в бюро Президиума или Президиуме. Точно так же нам нужно отнестись с большой строгостью к выбору и печатанию тех трудов, которые выходят под маркой Ком. Академии.

Что же касается развертывания идеологической работы, то должен сказать следующее: имеется столько важных и интересных проблем, что

все их выполнить сразу невозможно, и, если мы выполним самые важные и обязательные из них, это будет не плохо.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Разрешите приступить к голосованию предложений по резолюции.

(Милютин, В. П., оглашает по пунктам резолюцию о деятельности Президиума Ком. Академии, которая единогласно принимается).

Лебедев-Полянский.—Предлагаю Президиуму принять практические меры в смысле улучшения возможности работы секций.

Шмидт, О. Ю. Я присоединяюсь к этому предложению, но предлагаю формулировать его таким образом: „Собрание считает абсолютно немыслимым осуществление постановления о расширении работы секций и институтов Ком. Академии при той скученности и физически невозможных условиях“, которые имеются, по словам, докладчика.

Милютин, В. П. Это правильно, но только не нужно забывать того, что скученность существует, как правило, в Москве для всех, поэтому занимать нам какое-нибудь привилегированное положение не совсем удобно. Я изложил вам все, что было нами предпринято в этом отношении, и я не возражаю против включения этого добавления, но нельзя выставлять его в виде определенного требования с нашей стороны. Может быть, формулировать лучше таким образом. „В частности, обратить особое внимание Президиума на необходимость создания чисто технических условий для работы секций и институтов“.

Лукин, Н. М. В такой форме я считаю неудобным принять это добавление и присоединяюсь к формулировке, сделанной тов. Шмидтом, т. е., что общее собрание членов Ком. Академии подтверждает, что при сложившихся условиях без получения дополнительного помещения невозможно дальнейшее развертывание теоретической работы Ком. Академии. Это будет лишним авторитетным аргументом в борьбе Президиума за получение помещения. Только в таком виде постановление общего собрания может иметь значение.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Если все согласны с последней формулировкой, то ее, мне кажется, можно принять, ибо эта форма очень убедительная. Но позвольте сделать маленькое разъяснение. Было заявление комиссии по разгрузке, что в Москве нет абсолютно никаких свободных зданий, за исключением тех, которые освобождаются благодаря переводу некоторых ВУЗ'ов в Ленинград. Будут ли вывезены эти ВУЗ'ы сейчас или через некоторое время—неизвестно и сделать здесь что-либо в смысле ускорения мы не можем, то же самое и комиссия по разгрузке ничего сделать не могла. Формулировку же, сделанную т. Шмидтом, мы принять, конечно, можем.

(Оглашаются пункты 1-й и добавление к нему, затем пункты 2-й и 3-й, которые единогласно принимаются).

Шмидт, О. Ю. Среди учреждений, названных т. Милутиным, есть такое учреждение, как, напр., Институт экономического исследования, бывший в свое время служебным органом Наркомфина и самостоятельной научной физиономии не имевший, хотя по собранному там количеству

специалистов это учреждение интересное. Академии следует использовать это учреждение, но не блокироваться с ним на равных правах.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Я думаю, что это приложимо и к остальным учреждениям. Есть учреждения, несомненно, слабее Ком. Академии. Возьмите хотя бы то же Общество Историков-Марксистов. Что касается исследовательского института имени Зиновьева, то он состоит из зеленой молодежи; отчасти там играют довольно большую роль т. т., окончившие Институт Красной Профессуры, и поэтому рядом ставить эти учреждения не приходится. Но я думаю, что В. П. имел в виду разработку определенных научных проблем и т. д. Нет возражений против редакции 3 пункта? Принята.

(Милютин В. П. оглашает 4 пункт, см. резолюцию).

Покровский, М. Н. (председательствующий). Я, конечно, несколько не думаю возражать против этого предложения, исходящего от Президиума, но боюсь, что мы только увеличим тот материал, который употребляют для мощения улиц. Я практически на себе это испытал. Было постановление Агитпропа Ц. К. уже раза три или четыре о том, чтобы меня отпустить, но из этого ничего не вышло.

Прежде всего, нужно поставить дело так, чтобы т. т., освобожденные в таком порядке, были переданы в распоряжение Ком. Академии для теоретической работы, иначе получится то, что произошло с тем, который сейчас председательствует. В 22 г. Полит. Бюро Ц. К. постановило освободить тов. Покровского от всякой административной работы для того, чтобы он имел возможность все свободное время отдавать работе теоретической и преподавательской. Я в настоящее время занимаю 12 должностей, при чем на все я назначен тем же Ц. К., который дважды вносил это предложение,—один раз под председательством тов. Ленина, а второй раз, когда тов. Ленин заболел, это было проведено и подтверждено вторым заседанием. Дело было сделано, я был освобожден—и в результате 12 должностей и вновь постановление о разгрузке, хотя бы в пределах этих 12 должностей. Это произошло потому, что когда я был освобожден, то оказалось, что человеком все-таки можно как угодно пользоваться. 12 это я считаю, а Ц. К. считает больше—это целый перечень в четыре страницы. Есть такие должности, о которых я не знаю совершенно, забыл, что они есть. Так что это предложение необходимо дополнить таким образом, чтобы эти т. т. были освобождены для теоретической работы в Коммунистической Академии и ее учреждениях.

Это необходимо оговорить, так как иначе произойдет то же обстоятельство, которое произошло и со мной. Кажется, в такое же положение попал и тов. Ларин, но на него никакой теоретической и преподавательской работы не было возложено. Неоднократно пытались использовать тов. Скворцова-Степанова, но он оказался несокрушимой стеной, о которую разбивались всякие вражьи козни, так что он до сих пор пребывает в состоянии полной свободы. Вот эти три лица, которые были освобождены—ничего решительно не получили.

Относительно Скворцова-Степанова. Пробовали признать работу тов. Степанова в таком-то учреждении его основной работой, после чего он в течение года в это учреждение не заглядывал. Это—способ более

реальный. Если добиваться освобождения т. т., то для конкретных определенных целей. А если просто—освободить для такой-то работы, то, пожалуй, ничего не выйдет.

Лукин, Н. М. Я считаю, что, выдвигая такое предложение, мы стоим на почве более подготовленной, чем 2—3 года тому назад. Во-первых, Ком. Академия выросла значительно, а во-вторых, в целом ряде ее предприятий очень заинтересованы и наши партийные органы и высшие органы Советской власти, и, таким образом, откомандирование соответствующих товарищей может быть получено легче, чем мы это думаем и чем это было год или два года тому назад. Возьмите вы такое предприятие, как учреждение Энциклопедии. Если мы будем испрашивать определенных лиц для определенных заданий, то, может, быть мы и не добьемся освобождения таких т. т., как Михаил Николаевич, которого освободить мудрено, но, во всяком случае, мы можем добиться прикомандирования к Академии некоторых молодых т. т. из числа окончивших Институт Красной Профессуры. Я считаю, что просьба откомандирования т. т., хотя бы и не очень большого калибра, но полезных работников, не будет выстрелом впустую.

Крицман, Л. Н. Я хотел внести некоторое редакционное изменение. Здесь сказано—закрепление т. т. научных работников, нужно сказать некоторых.

Горев, Б. И. И вообще академиков, или научных сотрудников, или только исключительно членов Академии?

Милютин, В. П. Предлагаю поручить Президиуму составить список.

Попровский, М. Н. (председательствующий). Я поддерживаю то, что предложил Николай Михайлович, а именно: поставить вопрос перед соответствующими органами об освобождении т. т. для работы у нас, а не вообще освободить.

Милютин, В. П. Тогда так—договориться с соответствующими учреждениями об освобождении некоторых т. т., работающих в области теории, от текущей административной работы, но с оставлением их полностью для работы в Академии. Список этих т. т. поручить составить Президиуму Ком. Академии.

Попровский, М. Н. (председательствующий). Есть ли какие-нибудь замечания по поводу этой последней редакции? Голосуется 4 пункт, предложения Президиума. — Кто за это предложение. Принимается.

Резолюция по докладу Президиума.

Пленум Ком. Академии постановляет:

1) Принимая во внимание, что работа секций и институтов является основой, как показывает уже имеющийся опыт коллективной теоретической работы, поручить Президиуму Ком. Академии обратить особое внимание на углубление и улучшение работы секций и институтов, разработав для этого соответствующие меры;

2) признать необходимым усилить изучение аграрного вопроса, в виду того, что в Ком. Академии уже работает комиссия по изучению аграрной революции и издается журнал „На аграрном фронте“, объеди-

няющие аграрников-коммунистов, признать своевременным образование в Ком. Академии Аграрного кабинета и соответствующей секции для систематической теоретической разработки аграрного вопроса;

3) поручить Президиуму установить прочную связь с другими научными учреждениями, в частности, путем привлечения их к разработке определенных научных проблем. В первую очередь привлечь Ленинградские организации: Общество марксистов, Научно-исследовательский институт при университете имени Зиновьева, Институт экономических исследований;

4) обратиться в соответствующие учреждения с просьбой об освобождении некоторых товарищей, работающих в области теории, от текущей административной (но не партийной) работы с оставлением их полностью для работы в Ком. Академии. Список таких товарищей поручить составить Президиуму Коммунистической Академии.

5) Пленум Ком. Академии констатирует, что дальнейшее развитие работы Ком. Академии, объединяемых ею учреждений—секций, институтов, обществ и библиотеки—абсолютно невозможно без предоставления Академии достаточно обширного и удобного добавочного помещения, почему и поручает Президиуму принять соответствующие меры.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Вопрос этот надо считать исчерпанным, позвольте приступить к следующему вопросу—докладу о большой Советской Энциклопедии. Слово предоставляется т. Шмидту.

Шмидт, О. Ю. Мысль о создании нового энциклопедического словаря на основе материалистического мировоззрения и по своему подходу вполне удовлетворяющего требованиям современного читателя, не новая. И как раз Ком. Академии, если не ошибаюсь, принадлежит честь первой отчетливой формулировки этой мысли. Соответствующие постановления выносились не раз и иногда приближались к конкретному осуществлению этой мысли. Первоначальное предположение сводилось к созданию такой социалистической энциклопедии, которая, однако, не совсем то, что нынешняя советская энциклопедия, поскольку социалистическая энциклопедия предполагала охватить общественные науки, во всяком случае, Академия все время подавала голос за это. Одновременно с этим производились попытки к переделке на современный лад лучшей из старых энциклопедий—энциклопедии бр. Гранат. Однако после того, как в Госиздате пришлось убедиться в том, что нет никакой возможности приспособить старую энциклопедию к современным требованиям, что невозможно в старый организм влить достаточно новой жизни, после этого встал вопрос реально о том, что нужно найти что-то, аналогичное по форме, т.-е. попробовать сделать энциклопедию своими силами. Прошло, однако, немало времени, в течение которого вопрос этот ставился в ряде коллегий Госиздата по моему докладу, и был одобрен высшей партийной инстанцией. Начались подготовительные работы в Госиздате. Затем, при перемене руководящего органа Госиздата встал опять вопрос о том, где продолжать это дело, так как были возражения по поводу того, что всякие перемены в Госиздате могут неудовлетворительно отразиться на этом деле, которое, как ни как, а требует ряда лет для

своего осуществления. Тогда естественно взгляды обратились на Ком. Академию, как на высший идеологический центр, в котором подобное дело в смысле редактирования могло бы находиться. Что же касается коммерческой стороны, то так как это явно прибыльно, почему и не нуждается в поддержке, то это предприятие будет, так сказать, самостоятельно и организовано в виде акционерного общества. Такое постановление состоялось по партийной и по советской линии. ЦИК Союза это одобрил и поручил Ком. Академии наладить дело и вести общее редакционное руководство, впрочем основная редакция утверждена непосредственно Президиумом ЦИК по советской линии. Редакция состоит из главного редактора, постоянно работающего в этом деле, и 8 товарищей, входящих в состав редколлегии или, как это еще называется, президиумом редакции. Туда входят т. т. Покровский, Куйбышев, Крицман, Милютин, Мещеряков, Скворцов-Степанов и, пока не работающие, т. т. Ларин и Кржижановский. Вот вкратце история того, как дело составления Энциклопедии попало в Ком. Академию, которая в лице своего президиума утвердила широкий состав редсовета с участием редакторов всех под'отделов и отделов, а также некоторых авторов лиц, могущих оказать влияние на это дело; впрочем и мы старались не слишком расширять партийную часть совета с таким расчетом, чтобы дать возможность лучше выявить себя беспартийной и профессуре по специальностям в области точных и прикладных наук. Что касается организации акционерного общества, то устав его уже прошел все инстанции, кроме последней, т. е. СТО, где он подготовлен и уже находится на повестке дня и в течение двух недель, не больше, будет утвержден. Пайщики собрались в достаточном количестве, реальная обеспеченность есть, так как внесено уже две трети капитала.

Теперь несколько слов о плане и характере издания. Кроме тех лиц, которых я перечислил в самом начале, близкое участие в организации Энциклопедии приняли еще несколько товарищей. Например, В. Брюсов в свое время с большой энергией откликнулся на предложение принять участие в составлении Энциклопедии, и он сделал в этом направлении очень много как раз тогда, когда мы бились с вопросами чисто техническими—шрифта, языка и пр. Затем проф. А. Ф. Каган организовал весь отдел естественных наук с привлечением лучших специалистов—словом, целый ряд профессоров привлечен в качестве авторов. Привлечено также много инженеров: тов. Лапиро-Скобло, один из членов ИТО, использовал свое широкое знакомство с наиболее активными инженерными силами с целью привлечения наибольшего числа лучших специалистов к созданию и редактированию отдела техники. В последнее время близко к нашей работе стал т. Фриче, который редактирует отдел литературы и искусства после смерти В. Брюсова. Упомяну еще о т. Леборине, редакторе отдела философии; затем у т. Крицмана, руководящего отделом экономики, близкое участие принимает целый ряд видных работников в этой области.

Что касается типа словаря, то после долгих обсуждений этого вопроса решено было остановиться на привычном для России энциклопедическом словаре, преследующем две задачи, а именно задачу научно-

пропагандистскую, т.-е. в виде целостных статей дать определенную установку-ориентацию в том или ином вопросе, и справочную. Правда, объединение таких двух задач несколько раздувает объем словаря, но несомненно усиливает интерес к нему со стороны тех слоев населения, на которые рассчитывается словарь. Кто же этот читатель? Мы имеем в виду не широкие массы рабочих и крестьян, (этим широким массам очевидно нужно будет дать иной словарь, и эта задача гораздо более трудная, чем дать словарь для верхушки)—мы имеем в виду тех рабочих, которые являются проводниками культурной советской общечественности и т. д. Мы формулировали это положение таким образом, что основным читателем этого словаря является, по выражению т. Куйбышева, „советский функционер“ в разных областях, в советской, профессиональной, партийной и др. работе. Это слово, конечно, немножко непривычное, но хорошо выражающее то, что имеется здесь в виду. Каков же уровень этого функционера, каков уровень образования? В смысле чисто словесной подготовки прежние словари рассчитывали на лиц, окончивших гимназию с различными языками, преимущественно с так наз. мертвыми, и с литературно-филологическими интересами. Настоящий же словарь будет рассчитан на читателя, незнакомого с языками, но имеющего очень большой общественный опыт, великолепно разбирающегося в вопросах общечественности... Мы пишем статьи так, чтобы их могли бы читать развитые люди, обладающие средним образованием. Так как ряд вопросов не поддается трактовке в этом виде,—ну скажем „любой термин органической химии,—то мы поместили также статьи, специально рассчитанные на определенные группы читателей, но эти статьи со специальной трактовкой даем мелким шрифтом. При таком подходе мы произвели подсчет и остановились на цифре от 20 до 25 томов. На практике скорее будет 25 нежели 20, не считая дополнительных. Каждый том будет заключать в себе 30 листов бумаги, но мы остановились на шрифте довольно мелком, чтобы не увеличивать цены издания тем, что в томе 75 обычных листов печати. Тем не менее, там будут иллюстрации, таблицы, диаграммы, картограммы и хорошие карты. Наше преимущество будет в том, что мы не будем их помещать в отдельный атлас, а дадим карты тут же. Общий размер будет меньше старого Брокгауза, но по существу это не есть уменьшение, так как мы достигли тут большого отжатия. Я стал поневоле спецом в этих вопросах и поразился, до чего несурово редактировал Брокгауз. Гранат гораздо более тщательно редактировал, а Брокгауз гораздо неряшливее в этом отношении. Мы работали интенсивно над буквой А, которая заключала в себе 1½ тома, и мы старались, по возможности, работать тщательнее предшественников. Через две недели половина тома будет слана в набор, к концу месяца будет готово остальное, и 1—2 запоздавших статьи войдут, вольются при наборе, так что первый том выйдет вероятно в октябре.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Кто желает взять слово по докладу?

Горев, Б. И. Здесь был оглашен состав редакции, назначенный Госиздатом. Каков состав, который наметил Президиум Коммунистической Академии?

Боссэ. Здесь, по моему, встречаются некоторые трудности в области естественных наук, и я к сведению только хотел сообщить, что по целому ряду вопросов, связанных с естествознанием, в Тимирязевском институте ведется ряд работ. Между тем Тимирязевский институт только частным образом узнает о привлечении Новашина, а у нас есть ряд работников, которые разрабатывают отдельные проблемы и которые этим самым могли бы принести пользу в данном деле.

Шмидт, О. Ю. В Президиуме были в этом направлении сделаны известные шаги. Что же касается редакционной части, то мы конкретно ничего не предлагаем, а просить об одобрении мы не можем.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Что касается одобрения, то я не думаю, чтобы были возражения со стороны членов Академии, но нужно обратить внимание на то, что не от нас исходит инициатива по изданию Энциклопедии. Нам было это предложено той инстанцией, при которой мы состоим, т.-е. Президиумом ВЦИК'а, так что тут мы действовали до известной степени просто, как ученый орган, состоящий при ВЦИК'е, и фактически Большая Советская Энциклопедия может считаться изданием ВЦИК'а, но так как он сам не может взяться за издание ученых книг, хотя и имеет ряд ученых учреждений, он передал это дело нам и мы нашли возможным его принять. Вот как можно расценивать наш поступок.

Идея издания Энциклопедии была у самой Ком. Академии, когда она еще называлась Соц. Академией и когда из этого ничего не вышло, так как не было организующих сил и средств, а теперь, когда у нас в лице тов. Шмидта есть организующая сила, есть и средства и надлежащий научный аппарат, теперь говорить об одобрении или неодобрении—по меньшей мере странно. Мне кажется, мы можем лишь радоваться тому, что наша идея, хотя и в несколько другой форме, находит свое выражение.

Я предлагаю принять доклад Шмидта к сведению и сказать, что издание Большой Советской Энциклопедии входит в кадр тех изданий, которые выпускает Ком. Академия, вопрос же об одобрении или неодобрении, не ставить на голосование, так как издание Б. С. Э. есть предписание центра, при котором мы состоим (предложение принимается).

Относительно добавления к составу членов Ком. Академии предоставляется слово т. Крицману.

Крицман, Л. Н. Президиум выдвигает три кандидатуры, которые и ставятся на обсуждение собрания, т. т. Струмилина, Фалькнер-Смит и Рудаш.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Т. Рудаш известен своим статьям в „Вестнике Ком. Академии“ и если члены Академии читают его, то они, следовательно, знакомы и с т. Рудаш. Что касается двух остальных, то, может быть, есть желающие высказаться за или против таких кандидатур? Желающих нет, значит ли это, что я могу поставить на голосование эти три кандидатуры? (Один из членов Академии предлагает по примеру прежних выборов решить вопрос закрытой баллотировкой; предложение принимается и производится закрытая баллотировка, результаты которой оглашает т. Милютин).

Милютин, В. П. Тов. Струмилин получил 11 голосов, Фалькнер-Смит—10 и т. Рудаш—8.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Итак, позвольте считать т. т. избранными.

Милютин, В. П. Разрешите сделать заявление о выбытии Анжелики Балабановой—это не ее заявление, но она сейчас перешла в другой лагерь, организовывает новый интернационал, близко стоящий ко второму.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Никто не имеет против. Принято. Переходим к текущим делам. Слово имеет тов. Тимирязев, А. К.

Тимирязев, А. К. У меня имеется такое предложение. В Ком. Академии возникла новая секция—секция естественных и точных наук. Работа этой секции соприкасается с работой научно-исследовательского Тимирязевского института. У нас уже получается некоторый параллелизм в работе, поэтому я предлагаю в состав Президиума К. А. делегировать одного из членов президиума Тимирязевского института, и обратно из К. А. делегировать в президиум Тимирязевского института, для того, чтобы была более тесная связь в работе и чтобы план работы обсуждался совместно.

Кривцов, С. С. Здесь вопрос идет о президиуме секции или Академии. Тут у нас, насколько я знаю, в Президиум входят только члены Академии и это будет новый прецедент, потому что у нас в Президиум будет взят не академик.

Покровский, М. Н. (председательствующий). До сих пор у нас члены президиума Академии выбирались из числа членов Академии.

Боссэ. Я думаю, что этот вопрос можно обойти, тов. А. К. Тимирязев является членом президиума нашего института и если предложение будет принято, институт решил делегировать тов. Тимирязева. Так что вопрос разрешается просто.

Покровский, М. Н. (председательствующий). В таком случае это дело института имени Тимирязева уполномочить члена Президиума Ком. Академии тов. Тимирязева представлять этот институт, быть своего рода полпредом Тимирязевского института.

Боссэ. Но с другой стороны, вторая сторона касается К. А. Ведь вопрос поднимается о представительстве в президиуме Ком. Академии с соответствующим представительством в президиуме института им. Тимирязева. У нас есть второе предложение, чтобы делегировать представителя от вас.

Шмидт, О. Ю. Вопрос нуждается в подработке. Может быть, его решит президиум. Об этом заранее нужно переговорить.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Президиум Академии считает более уместным такого рода вопросы передавать на разрешение общего собрания, а вопрос о лице персонально можно перенести, конечно, в Президиум.

Шмидт, О. Ю. Я не настаиваю.

Покровский, М. Н. (председательствующий). Итак, позвольте поставить на голосование первый вопрос, относительно установления связи между Ком. Академией и институтом имени Тимирязева в той форме,

в какой это предлагалось, следовательно, чтобы один из членов президиума по указанию института представлял интересы института в Президиуме К. А. Предложение принимается.

Теперь другое предложение—о выделении представителя К. А. в президиум Тимирязевского института. Кто за него? Тоже принимается. Теперь следующее предложение,—намечаем ли мы сейчас лицо, которое от имени Академии вступит в состав президиума института имени Тимирязева или мы это поручим сделать Президиуму? Кто за то, чтобы решить сейчас этот вопрос? Принимается. Большинством голосов решено, что мы будем это лицо намечать сейчас. Представитель института предлагал выделить тов. Шмидта, О. Ю. Кто за эту кандидатуру? Принимается единогласно.

Таким образом, повестка дня исчерпана. Позвольте объявить наше заседание оконченным.

ПЛАН РАБОТ

Секции Естественных и Точных Наук Коммунистической Академии на 1925 год, доложенный завед. секцией О. Ю. Шмидтом и принятый в заседании Президиума Ком. Академии 28 III—25 года.

1.

Секция Естественных и Точных Наук учреждена для борьбы за строго материалистическую науку. Ее задачей должны быть в равной мере отражение нападков на материализм и содействие построению материалистической науки, для которой в современной, обще-распространенной (т.-е. буржуазной) науке имеются элементы, искажаемые идеалистической идеологией.

Секция должна ставить себе в указанной области совершенно конкретные задачи, не превращаясь в еще одно место дискуссионных собраний и не конкурируя с научными институтами и лабораториями, а организуя их коллективную работу по совершенно точным заданиям.

На ближайшие годы Секция должна организовать указанные ниже работы, не разбрасываясь на другие. Все эти задачи имеют характер коллективной черновой работы, на основе которой только и возможны дальнейшие обобщения.

Эти три конкретные задачи следующие:

- а) Составление полного перечня конкретных нападков на материализм в области наших наук и учет работ по опровержениям нападков.
- б) Детальный просмотр новейших научных теорий, выяснение идеалистических и материалистических элементов в сложных теориях.
- в) Детальная работа по выяснению истории развития науки, как подготовка к построению марксистской истории науки.

2.

Первая работа предполагается в следующем виде. На основании тщательного просмотра литературы, в особенности, текущей новейшей, должны быть взяты на учет и нанесены на карточки все утверждения в наших науках, из которых делаются анти-материалистические выводы. Всякое утверждение естественно-научного характера нуждается в выяснении и опровержении. После нанесения на карточку, утверждения, выясняется, было ли оно кем, когда и где опровергнуто. Если опровержение еще не последовало, то на Коммунистической Академии лежит обязанность организовать это опровержение, т.-е. дать задание

одному из существующих специальных институтов или отдельным группам и лицам о постановке такой-то работы. Академии придется иногда и помочь такой работе морально и материально.

Некоторые анти-материалистические утверждения нелегко будет опровергнуть; в этом случае Академия стимулирует длительную работу над определенным вопросом, большое принципиальное значение которого выяснилось благодаря организуемой проверке.

Полезно будет периодически опубликовывать перечни враждебных утверждений и победоносных опровержений.

3.

Вторая задача — детальный просмотр научных теорий — имеет актуальное значение по отношению к тем новейшим теориям, в которых обобщаются последние достижения европейской науки.

Примеры — теория относительности Эйнштейна, теория квант, психоанализ. Большое значение предполагаемой работы состоит в том, что в этих крупных теориях заключаются, несомненно, отдельные объективно-научные, т. е. материалистические элементы, охваченные, как правило, теоретической оболочкой, сотканной из не-материалистической идеологии.

Было бы величайшей ошибкой просто огулом отвергнуть такие теории, как нельзя их и целиком принять. Происходящие в настоящее время на этой почве споры обычно бесплодны, так как борются слишком огульные, т. е. неосновательные утверждения.

Наша задача проделать кропотливую научную работу по разбору теории на кирпичики и по оценке самой теоритической связи. Работа должна протекать с участием философов в необходимых случаях.

Лишь после такой предварительной работы возможен будет синтез выдержавших пробу утверждений в чисто материалистические общие теории.

4.

Третья задача — детальные работы по истории науки. Мы все знаем, что история науки невольно фальсифицирована буржуазными учеными. Марксисты обладают методом, единственно способным выяснить действительную картину развития науки. Но построение материалистической истории науки совершенно невозможно без тщательнейших предварительных работ. Каждую эпоху, каждый шаг вперед надо отдельно исследовать, надо накопить огромный фактический материал, а потом уже обобщать его. В этой работе необходимо участие историков и экономистов.

5.

Общие черты предлагаемых работ ясны: это длительные коллективные работы чернового характера, требующие большой тщательности и научной добросовестности. В нашей секции должна соблюдаться строжайшая научная дисциплина, у нас не должно быть места легковесности и скороспелым обобщениям. Марксизм не только общий метод, но и образец тщательного изучения фактов.

Внешне работу предполагается поставить следующим образом:

План работ (более детальный), результаты за известный период и возникающие в процессе работы принципиальные вопросы обсуждаются в пленуме Секции, составленном из членов Коммунистической Академии, близких к естественным и точным наукам, и отдельных ученых, утверждаемых в качестве членов Секции Президиумом Академии.

Текущая работа ведется заведующим Секцией и постоянными штатными сотрудниками (в первый год 3—физик, биолог и невролог). Отдельные вопросы поручаются заведующим отдельным лицам и институтам вне Академии.

При Секции организуется библиотека в строгом соответствии с ее задачами.

Секция делает периодически доклады в пленуме Академии и в печати.

ОПЫТ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО УКАЗАТЕЛЯ ПО ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ.

Продолжение *)

1911—1924 гг.

1. **Авдеев, Н.** Революция 1917 года. (Хроника событий). Т. I. Стр. 80, 98, 100, 101, 117. (Крестьянское движение).

2. **Авдеев, Н.** Революция 1917 года. (Хроника событий). Т. II. Стр. 24, 71, 174—176, 211 (Крестьянское движение); 29, 39, 47, 90, 107, 112, 126—127, 129, 138, 143, 150, 154, 170, 196, 202, 211, 217, 220. (Советы Крест. Депут.); 32 (Крест. Союз).

3. **Аверин.** Октябрьская революция в деревне. «Мат. по ист. револ. движ.», под ред. Илларионова. Т. 3. Стр. 251—254. (Нижегородский уезд).

4. **Амурский.** Вооруженная борьба крестьян Амурской области с 14 по 24 янв. 1924 г. «Воля России», Прага, 1924, № 8—9, стр. 257—259.

5. **Андреев, Н.** Организация советской власти в Уманском уезде. «Путь борьбы». 1. Тамбов, 1923, стр. 65—76 (Тамбовская губ. 1917—1918).

6. **Антонов-Овсеенко, В. А.** Записки о гражданской войне. Т. I. М. 1924. Стр. 63—69. (Донское казачество в начале гражданской войны. 1917).

7. **Антоновичина.** Статьи, воспоминания и другие материалы к истории асиро-бандитизма в Тамбовской губ., под ред. С. В. Евгенова и О. С. Лисовского «Путь борьбы», сборник Тамбовского Губистпарта. Сборник 2-й. Тамбов, 1923 (1917—1921).

8. **Арбатов, З. Ю.** Екатеринослав 1917—1923 гг. «Арх. Русск. Револ.», изд. Гессеном. Т. XII, стр. 114—116. (Потребление крестьянами продоволь-

ственных отрядов в Екатеринославск. губ. 1920).

9. **Архипова.** Эвакуация Красноярского совета. «Прол. Рев.», 1922, № 5, стр. 313—314. (О настроении енисейских крестьян в 1915 г.).

9а. **Аршинов, П.** История махновского движения (1918—1921 гг.). Бел-лины 1923.

10. **Беденко, Н.** Октябрьская революция в Морховской. «Прол. револ. на Дону», 1922, № 2. Стр. 72—74. (Донск. обл. 1917—1918).

10а. **Бессонов.** Борьба за советы в Приморье. «Дальинтпарт», кн. 2. Стр. 217—139 (1919—1920).

11. **Бович, А. (Геннин).** Кровавый опыт. М. 1919. Стр. 8—9. (О крестьянском движении в Самарской и Уфимской губ. в эпоху «Комитета Учредит. Собр.» 1918).

11а. **Богданов, П.** Крестьянство в Эстонии. «Крестьянск. Россия», Прага, 1922, № 1. Стр. 63—92 (1917—1921).

11б. **Бош, Е.** Год борьбы. Стр. 109—122. (Уманское крестьянство в гражданской войне. 1917—1918).

11в. **Брун, В.** Ангарские партизаны. «Прол. Револ.», 1925, № 3 (35), стр. 222—236. (Партизанское движение в Енисейской и Иркутской губ. 1919—1920).

12. **Будин, Д. С. (Бич).** Партизанско-повстанческое движение в низовьях реки Амура (1919—1920 гг.). «Рев. на Дал. Вост.», Вып. I, 1923, стр. 5—63.

13. **Буревой, И.** Колчаковщина. М. 1919. Стр. 28—30. (О крестьянских восстаниях против Колчака в Сибири. 1918).

14. **Буцевич, Ал.** Первые дни чехословаков. В Челябинском районе.

*) См. «Вестник Соц. Акад.», кн. 3, 4, 5, 6. Вестник Ком. Акад., кн. 7.

«Прол. Рев.», 1922, № 5, стр. 272—273. (О настроении крестьян в Курганском уезде, 1918).

15. **Вардин, И.** Реакционная демократия. (О «христианском союзе»). «Красн. Рев.», 1921, № 2, стр. 258—263. (Тамбовск. губ. и Сибирь, 1920).

16а. **Виниченко, В.** Відродження нації. Київ-Відень, 1920. Частина I. Стр. 174—179, 227—230. (О крестьянском движении на Украине в 1917 г.).

17. **Виниченко, В.** Відродження нації Київ-Відень, 1920. Частина III. Стр. 123—133, 147, 201—204, 244—247, 325—348, 476—477. (О крестьянском движении на Украине в 1918—1919 г.г.).

18. **Владимирова, В.** Революция 1917 г. (Хроника событий). Т. III. Стр. 59, 73, 90, 95, 127, 131. (Крестьянское движение): 32—33, 49, 54, 62, 70, 76, 93, 120, 126, 132, 137—138, 142—146, 151—152, 158—159, 167—168, 178—180, 215, 239 (Советы Крест. Депут.); 238, 241, 249 (Всерос. Крест. Союз): 39—40, 43, 50, 55, 59, 61, 68, 73, 76—77, 78—79 (Всерос. казачий съезд).

19. **Владимирова, В.** Революция 1917 г. (Хроника событий). Т. IV. Стр. 82, 290—291, 339—340. (Амурские движения): 72, 82, 87—88, 103—105, 116, 131—132, 140—142, 144, 157, 194, 201 (Советы Крест. Депут.); 20, 23, 73 (Крестьянский Союз): 18—43, 77, 143, 169, 201, 207—208, 217 (Казачий съезд).

20. **Волин, В.** Дон и добровольческая армия. Очерки недавнего прошлого. Ростов н/Д. 1919. Стр. 47, 50—59.

21. **Володин, М.** Тригедия Николаевска на Амуре. Очерки из истории сибирского повстанчества. «Анархич. Вестник», 1923, № 1, стр. 47—50; № 2, стр. 44—46 (1920).

22. **Воронович, Н.** «Зеленая книга». История крестьянского движения в Черноморской губ. Сборник материалов и документов. Изд. Черном. Крест. Делегации 1921. (1918—1920).

23. **Воронович, Н.** Меж двух огней. Славянский зеленого. «Арх. Русск. Рев.», изд. Гессеном, Т. VII. Стр. 53—184 (passim), 321—334. (О крестьянском движении в Черноморье, 1918—1920).

24. **Восстание в Сибири.** «Револ. Р.», 1921, № 6, стр. 29—30 (Иркутская губ., 1920).

25. **В селах Донецкого округа.** «Пролет. Револ. на Дону», № 4, стр. 77—82. (1917—1918).

26. **В станице Каменской.** «Пролет. Револ. на Дону», № 4, стр. 217—219 (Съезд фронтового казачества и образование военно-революционного комитета 10 января 1918 г.).

27. **В Тамбовской губернии.** «Рев. Р.», 1921, № 14—15. Стр. 37. (О крестьянском движении в 1921 г.).

27а. **Галынский, Т. (А. Ф. Ливанов).** Очерки по истории аграрной революции Сердобского у., Саратовск. губ. Сердобск, 1924. Стр. 107—154. (Крестьянское движение 1917—1918 г.г.).

28. **Ган, Анатол. (А. Гутман).** Россия и большевизм. Материалы по истории революции и борьбы с большевизмом. Часть I. Шанхай. Стр. 298—299 (Крестьянское восстание против белых в Слангородском уезде, 1918).

29. **Гендлер, М.** О революционных событиях в Волынской губ. (м. Березина), 1917—1919 г.г. «Летоп. Револ.», 1922, № 1, стр. 202—205.

30. **Герасименко, К. В. Махно.** «Историк и Современник», Берлин, 1922, № 3, стр. 151—201 (1918—1921).

30а. **Гинис, Г. К.** Сибирь, союзники и Колчак (Guins, G. Siberia. Allies and Koltschak). Т. I, часть 1. Пекин, 1921. Стр. 32—34, 50—56, 60 (Сибирское крестьянство при колчаковщине, 1918).

30б. **Гольденвейзер, А. А.** Из княжеских воспоминаний. «Арх. Рус. Рев.», изд. Гессеном, Т. VI. Стр. 224, 255 (О крестьянском движении в Киевской губ., 1918—1919).

31. **Горбань.** Из истории повстанческого движения. «Страницы борьбы», Николаев, 1923. Стр. 214—216 (Херсонская, Таврическая и Екатеринославская губ., 1919).

32. **Горелик, С.** Наброски из истории революции на Украине. «Крас. Летопись», 1922, № 4, стр. 234—241 (Партизанское движение 1918—1919 г.г.).

32а. **Горн, Вас.** Гражданская война на Сев.-Западе России. Берлин, 1923. Стр. 21—24 (Крестьяне Пековской губ. в 1919 г.).

33. **Горский, И.** После Октября. «Красн. Белья», № 1, Рязань, 1923. Стр. 64—66. (Кулацкое восстание в Егорьевск. уезде, Рязанской губ., 1918).

33а. **Греков, А. Н.** Союз Казачьих Войск в Петрограде в 1917 г. «Донск. Летопись», 1923, № 3. Стр. 229—283.

34. **Григорьев, А. В.** Чумайское восстание. «Путь борьбы», вып. I. Томск, 1923. Стр. 94—96 (Крестьянское восстание против белых, Томская губ. 1918).

35. **Громов-Мамонов.** Партизанское движение Западной Сибири. «Сборн. Партизта», № 1. Новоиколаевск, 1923. Стр. 128—136 (1918).

36. **Грунт, Як.** Коломенская организация Р. С. Д. Р. П. (6) в Октябрь 1917 г. «Путь к Октябрю» Вып. 3. М. 1923. Стр. 341—342, 345 (О настроении крестьян в Коломенском уезде Московской губ. в 1917 г.).

37. **Гуревич, В.** Всероссийский Крестьянск. Съезд и первая коалиция. «Летопись Революции», изд. Гржебинна, Берлин—Петроград—Москва. Кн. 1, Стр. 176—196. (май, 1917).

38. **Гуськов, Е.** Кулачко-эсеровское восстание в Голдине. «Красн. Быль», № 1. Рязань, 1923. Стр. 56—58 (Рязанская губ., 1918).

39. **Гутман, А. Я. (Анатолий Ган).** Гибель Николаевска на Амуре. Страницы из истории гражданской войны на Дальнем Востоке. Берлин, 1924. (passim) (О партизанском движении в Восточной Сибири 1919—1920).

40. **Дегтерев, Л.** «Румчерод» и организация Красной Армии. Сборн. «Гражданская война», Изд. В. В. Р. С. Д. П. М. 1923. Стр. 45—49 (О повстанческом движении против румын среди бессарабских крестьян в 1918 г.).

41. **Деникин, А. И.** Очерки русской смуты. Париж, Т. I. вып. I. Стр. 133—138 (О крестьянском движении в 1917 г.).

42. **Деникин, А. И.** Очерки русской смуты. Т. II. Париж. Стр. 171, 175—180, 218—220, 231—232, 240—241, 253—255, 313—315 (Дон и Северный Кавказ в гражданской войне, 1917—1918).

43. **Деникин, А. И.** Очерки русской смуты. Т. III. Берлин, 1924. Стр. 12—13, 33, 153, 206, 218 (О движениях среди крестьянства и казачества в 1918 г.).

44. **Добраницкий, М.** Зеленые партизаны (1918—1920 гг.). «Пролет. Ре-

вол.», 1924, № 8—9 (31—32), стр. 72—98 (Черноморье).

45. **Добрынин.** Борьба с большевизмом на Юге России. Участие в борьбе Донского казачества (Февраль 1917—март 1920). Прага, 1921.

46. **Дорогойченко, А.** Крестьянство и учредилловщина. Сборн. «Четыре месяца учредилловщины», Самара, 1919. Стр. 24—35 (Крестьянство Самарской губ. в гражданской войне, 1918).

47. **Дорогойченко, А.** Крестьянство и учредилловщина. «Красн. Быль», № 3, Самара, 1923. Стр. 39—62 (Сахарская губ., 1918).

48. **Драницын.** Летопись революционных событий в Нижегородской губ. с 1917 по 1921 г. «Мат. по ист. револ. движ.», под ред. Илларионова, т. 3. Стр. 30—75 (passim) (Февральская революция). 75—190 (Октябрьская революция).

49. **Дровяников.** Воспоминания о революционных событиях и Октябрьском перевороте в Майкопском отделе, 1917—1918. «Октябрь на Кубани и в Черноморье», Краснодар, 1924. Стр. 72—85.

49а. **Дубровский, С. М.** Крестьянское движение в годы столыпинщины. «На аграрном фронте», 1925, № 1, стр. 99—115.

50. **Дубровский, С. М.** Очерки русской революции. Вып. I. Сельское хозяйство. Изд. 2-е. Стр. 175—191. (Крестьянское движение в 1917 г.).

51. **Еврейские погромы.** «Соц. Вестник», 1921, № 13. Стр. 13—15 (Подвиги банды Пв. Галаки в Витебской, Могилевской, Минской и Черниговской губ.; отнош. к ним крестьянства, 1921).

52. **Ермилов, И. А.** Казачьи части в Октябрьской революции на Дону. «Прол. Револ. на Дону», 1922, № 2. Стр. 75—77 (1917).

53. **Ерохин.** История возникновения Болодиневской волостной ячейки Р. К. П. (6). Рязанск. у. «Красн. Быль», № 1. Рязань, 1923. Стр. 54—55. (1917—1919).

54. **Ефремыч.** Тамбовские крестьяне и власть. «Рев. Рос.», 1921. № 14—15. Стр. 31—33 (Крестьянское восстание в Тамбовской губ. 1920—1921).

55. **Железов, И.** Из истории Лысковской организации РКП (Мат. по ист.

рев. движ., под ред. Илларионова. Т. III. Стр. 248—250 (Нижегородская губ. 1917—1918 г.).

56. **Жизнь советской деревни.** «Рев. Россия», 1921, № 3, стр. 23 (О крестьянском движении в Тамбовской губ. 1920).

57. **Жохов.** История организации Советской власти в Верефском уезде. «Путь к Октябрю», вып. 2, М. 1923. Стр. 349—352 (Крестьянское восстание в Верефском уезде Московской губ. в 1918 г.).

58a. **З.** К досланно произошедшего. «Русск. Мысль», Прага—Берлин. 1923, № 3—5. Стр. 232—256; 1923—1924, № 11—12, стр. 194—223 (О деревенских настроениях. 1917—1919).

58a. **Зуев, В. С.** Организация сов. власти в Верхне-Муллинской волости, Пермской губ. и уезде. «Прол. Револ.», 1924, № 12 (35), стр. 160—171; 1925, № 2 (37), стр. 160—169 (1918—1919).

59. **Зуев, Д. Д.** Фортанское басмачество (1918—1922). (Борьб. «Гражданская война», изд. В. В. Р. С. Т. III, М. 1924, Стр. 11—58).

60. **Иванов, М.** Октябрь в Сибири. «Прол. Рев.», 1922, № 10, стр. 363—368 (О партизанском движении на Дальнем Востоке. 1918—1919).

61. **Иванов, С. В.** Крестьянство и «Октябрь» (П различных воспоминаний о настроении крестьян в Ельнинском у. Смоленской губ., с февральской революции до октябрьского переворота и после октябрьских дней). «Кр. Летоп.», 1923, № 6, стр. 281—286.

62. **Игнатьев, И. Е.** Борьба за советн в Ростовском округе. «Прол. Револ. на Дону», № 4, стр. 82—84 (1917—1918).

63. **Игренев, Г.** Екатеринбургские воспоминания (Август 1918—июль 1919). «Арх. Рус. Рев.», изд. Госизном. Т. III. Берлин. 1921. Стр. 234—242 (О партизанщине и бандитизме).

64. **Из архива истпарта.** «Красная Гилья», № 1. Рязань. 1923. Стр. 67—71. (О работе Р. К. II. в Рязанской губ. 1917—1918).

65. **Из революционных дней.** «Летоп. движения в Сибири. «Омск Отин», 1922, № 1, стр. 74—76 (Барнаульский у. Томской губ. 1919—1920).

66. **Из революционных дней.** «Летоп. револ. борьбы в Курской губ.», Курск.

1923. Стр. 17—38 (Крестьянство Курской губ. в 1917—1918 г.).

67. **Илларионов, В. Т.** Исторические этюды. «Матер. по ист. револ. движ.», под ред. Илларионова. Т. II. Нижний. 1922. Стр. 157—158, 160, 174—176, 179 (Крестьянское движение в Нижегородской губ. 1917—1918).

68. **Иогансон, О.** Воспоминания красной сестры. «Ремиз. на Далеи. Восто.», вып. I. 1923. Стр. 424—426 (О работе амурской организации РКП в 1918—1919 г.).

69. **И.** «Загроможденное восстание». «Рев. Рок», 1921, № 11. Стр. 27—28 (О крестьянском движении в Саратовской губ. 1921).

70. **Кантышев, Ив.** К истории крестьянского движения в Алтайском округе в 1919 г. Сб. «Три года борьбы за диктатуру пролетариата». Омск. 1920. Стр. 130—138.

71. **Кантышев, Ив.** Партизанщина в Алтайском округе (1919 г.). «Прол. Рев.», 1923, № 10 (22), Стр. 160—175.

72. **Капустин.** РКП в Нижегородском уезде. «Мат. по ист. револ. движ.», под ред. Илларионова. Т. III. Стр. 250—251 (1917—1918).

73. **Катковский, М.** Октябрьская революция в Пошехонье-Володарске. Сб. «Рыбинск в революции». Рыбинск. 1922. Стр. 67 (О восстаниях крестьян Пошехонского у. Ярославской губ. против Советской власти в 1918—1919 г.).

74. **Кашников.** Переворот в Мышкине. Сб. «Рыбинск в революции». Рыбинск. 1922. Стр. 45—46 (Крестьянство Мышкинского у. Ярославской губ. в эпоху Октябрьской революции. 1916).

75. **Келлер, В. и Романенко, И.** Первые итоги аграрной реформы. Воронеж. 1922. Стр. 29—31 (О крестьянском движении в Воронежской губ. в 1917 г.).

76. **Коваль, И.** Борьба за власть в крестьянском уезде (Звенигородск. Киевской губ. в 1918—1920 г.). Сб. «Октябрьская Революция». Харьков. 1922. Стр. 639—644.

77. **Коганский, И.** В черные дни в Сибири. «Прол. Рев.», 1922, № 5. Стр. 255 (О помощи крестьян красным отрядам в Тобольской губ. в 1918 г.).

78. **Климушкин, П.** История аграрного движения в Самарской губ. Сб. «Революция 1917—1918 гг. в Самарской губ.», Т. I. Стр. 1—55 (1917).

79. **Колосов, Е. Е.** Сибирь при Колчаке. Изд. «Былое», 1923. Стр. 9—56, 105—141 (Крестьянское движение в Сибири при Колчаке. (1918—1919)).

80. **Коммунисты и левые эсеры.** «Рев. Росс.», 1921. № 8. Стр. 27 (О крестьянских настроениях в Новотереевском у., Тверской губ. 1921).

81. **Коммунисты на работе.** «Револ. Россия», 1921. № 5. Стр. 25—28 (О крестьянских настроениях в Тамбовской губ. 1920).

82. **Кошкин, А.** Булавинская ячейка. «Красная Белья», № 1. Рязань, 1923. Стр. 59 (Рязанская губ. 1918).

83. **Красильников, Н.** История Советской власти в Красном Холму и его уезде. Сб. «Рыбинск в революции», Рыбинск, 1922. Стр. 58—65 (Крестьянство Вельского у., Тверской губ. в эпоху Октябрьской революции. 1917—1918).

84. **Краснов, В.** Из воспоминаний о 1917—1922 гг. «Арх. Русск. Рев.», изд. Гессеном, Т. VIII. Стр. 110—113 (Крестьянские волнения в Ставропольской губ. в связи с введением земства. 1915); 151 (Крестьянство Ставропольск. губ. в 1917—1918 гг.).

85. **«Красный террор».** Казань, 1918. № 1. Стр. 15—22 (Сведения о контр-революционном движении в волостях Казанской, Симбирской, Вятской и Пермской губ. 1918).

86. **Крестьянск. восстания в 1918 г. в Кунгурском уезде.** «Из прошлого». Второй сборник воспоминаний, Кунгур, 1922.

87. **Кровожадный манифест.** «Рев. Россия», 1921. № 7. Стр. 30 (Обращение В. Ч. К. к населению Кубанской области и Черноморского побережья в связи с повстанческим движением. 1920).

88. **«Крот».** Ежемесячный сборник. Кунгур, 1923. № 3. Стр. 4—8. № 6. Стр. 1—16 (О крестьянском движении в Кунгурском уезде. Пермской губ. 1918—1919).

89. **Крюков, Ф.** Нов. в. Впечатления толпы от станции. «Рус. Бог», 1917. № 4—5. стр. 291—315; № 6—7.

стр. 192—209 (Февральская революция на Дону).

90. **Лагздин, Э.** На Гурьевском заводе. «Сборник Истпарта», № 1. Новоиколаевск. 1923. Стр. 91—107 (О партизанском движении в Кузнецком уезде, Томской губ. 1918).

91. **Ладоха, Г.** Очерки гражданской борьбы на Кубани. Краснодар. 1923 (1917—1918).

92. **Лебедев, Г.** Пять лет революционной борьбы на Якутском фронте. «Рев. на Дал. Вост.». Вып. I. 1923. Стр. 340—356 (О революционном движении и бандитизме в Якутской обл. 1920—1921).

93. **Лелевич, Г.** Из истории крестьянского движения в Мордовск. губ. накануне Октябрьской революции. «Прол. Рев.», 1922. № 11. Стр. 116—129. (1917).

94. **Липенков, Х.** Жизнь в Октябрьские дни (Мат. по ист. рев. движ.). под ред. Илларионова, Т. 3. Стр. 216—217 (Ардатовский уезд, Нижегородской губ.).

95. **Локарман, А.** 74 дня Советской власти (Из истории диктатуры большевиков в Ростове-на-Дону). Изд. Донск. Ком. РСДРП. 1918. Стр. 92—93, 96—98, 100—102 (Крестьяне и казаки Донской области в гражданской войне. 1918).

96. **Лукумский, А. С.** Из воспоминаний. «Арх. Рус. Револ.», изд. Гессеном, Т. VI. Стр. 111, 122, 130, 132—133, 137, 147—149 (О крестьянском движении на Юге. 1918—1919).

97. **Любарский, Л.** Борьба за советское Полесье. «Рев. борьба в Гомельской губ.», Вып. I. Гомель. 1921. Стр. 127—128 (Повстанческое движение в Гомельском уезде в 1918 г.).

98. **Майский, И.** Демократическая контр-революция. Стр. 133—136, 158, 161—163 (Крестьянство Самарской губ. в гражданской войне. 1918).

99. **Малева, А. Ф.** Тридцать дней еврейского погрома в м. Кривое Озеро. 1921. Стр. 17—18, 20—22, 26 (Крестьяне в гражданской войне. Подольская губ. 1920).

100. **Мандельштам (Одиссей).** Сб. из воспоминаний. «Пролет. Револ. на Дону», № 4. Стр. 155—157 (Станица Каменская во время Каледонщины. 1917).

99. **Мар-ши.** Крестьянство в неслыханности. Крым. Крестьянская Россия. Прага. 1923. № 3—6. Стр. 190—193 (1920).
100. **Маркелов, В.** Воспоминания из партизанского движения на Дальнем Востоке. «Револ. на Дальн. Вост.». Вып. I. 1923. Стр. 411—419.
101. **Марков, В.** Октябрьские дни в хут. Романовском, Кавказского отдела. «Октябрь на Кубани и в Черноморье». Краснодар. 1924. Стр. 64—71.
102. **Мартинов, А. С.** Мои украинские впечатления и размышления. Красная Новь. 1923. № 1 (11). Стр. 146—147, 156—157, 163—164, 169. (Крестьянство Подольской губ. в 1918—1922 гг.). (Есть отдельное издание).
103. **Маслов, Д.** Октябрьская революция в Городец. (Нижегород. губ.). «Мат. по ист. револ. движ.», под ред. Цыриленова, Т. 3. Стр. 232—242.
104. **Махин,** полк. Крестьянство в гражданской войне. «Рев. Рос.», 1921. № 11. Стр. 20—22. (По поводу «Зеленой книги» Н. Вороновича).
105. **Махно,** Нестор. Записки. «Анархич. Вестник», 1923. № 1. Стр. 16—29. № 2. Стр. 27—37 (Украинск. крестьянство в гражданской войне. 1918).
106. **Мировой.** Партийная организация и работа на Дальнем Востоке. «Рев. на Дальн. Вост.». Вып. I. 1923. Стр. 303—325 (Общедвижения о коммунистической работе в деревне).
107. **Миротновский.** Из старого прошлого (Из истории гражданской войны в Самарской губ.). «Красная Звезда». № 1. Самара. 1922. Стр. 74—75 (О партизанском движении в Пугачевском уезде. Самарской губ. в 1918 г.).
108. **Митревич, А.** Воспоминания о рабочем и революционном движении. «Пролет. Револ.», 1922. № 4. Стр. 233—237 (Крестьянство Режницкого у. Витебской губ. в 1917 г.).
109. **Молотов, К.** Контр-революция в Сибири и борьба за Советскую власть. Саратов. 1921. Стр. 14—21, 33—36, 52—55, 67—70. (Крестьянское движение в Сибири в 1918—1919 гг.).
110. **Мучник, Г.** (Сибиряк). Борьба с советами в Приморье. «Дальневосток». Вып. 2. Стр. 31—35 (1919—1920).
111. **Наблюдатель.** Револ. Россия. 1920. № 1. Стр. 26—30. (Крестьянское движение в Таврической губ. при Врангеле. 1920).
112. **Наживин, Ив.** Записки о революции. Вена. 1921. Стр. 9—65, 141—144 (Крестьянство Владимирской губ. в 1917—1918 гг.).
113. **На переломе жизни.** Сборник воспоминаний и материалов по истории РКП и крестьянского восстания в Кустанайском районе. Кустанай. 1924. (1918—1919).
114. **На Украине.** «Рев. Рос.», 1921. № 11. Стр. 28—31. (О крестьянском движении в Харьковской губ. 1921).
115. **Николаев, С.** Политическое положение крестьянства на Дальнем Востоке. «Крестьянск. Россия». Прага. 1922. № 1. Стр. 75—82 (1918—1921).
116. **Никитин, Я.** На фронте гражданской войны (1918—1921). 1925. (Тамбовская и Воронежская губ., Донская обл. и Кавказ).
117. **Обвинительные заключения** по делу о Незнаменско-Балаковский контр-революционной организации. Ново-Николаевск. 1923 (Западная Сибирь. 1921—1922).
118. **Обзор истории революционного движения на Терек.** Ист. рев. движ. на Терек. № 1. Питтсбург. 1924. Стр. 37—51, 62—65, 70—71, 73—77, 80, 84—88, 196—211 (Движение среди крестьян и казаков Терской обл. 1918—1922).
119. **Образовский, Н. А.** Тобольское антикоммунистическое крестьянское восстание первой половины 1921 г. «Рев. Рос.», 1921. № 14—15. Стр. 33—36.
120. **Отчет о деятельности Елецкой Чрезвычайной Комиссии.** Юбилейный сборник «Годовщина Октябрьской революции». Елец. Стр. 34—37 (Контр-революцион. движения в Елецком уезде, Орловской губ. 1918).
121. **Павлуновский.** Сибирский Крестьянский Союз. «Сиб. Оттис» 1922. № 2. Стр. 126—131 (1920—1921).
122. **Панкратов.** История Всесоюзной революционной организации РКП (б). «Путь к Октябрю». Вып. 2. М. 1923. Стр. 352—354 (О партийной работе в Звенигородском уезде Московской губ. 1918—1920).
123. **Партизан.** Партизанский отряд полк. Иосифа. «Сборн. Партизана». № 1. Новониколаевск. 1923. Стр. 113—127 (Енисейская губ. 1918—1919).

122. **Партизанщина в Тобольской г.** (Материалы по истории партизанского движения в Сибири при Колчаке). «Прол. Рев.», 1923. № 5 (20). Стр. 156—221 (1918—1919).

122а. **Парфенов, П. С.** (Петр. Алтайский). Гражданская война в Сибири. Стр. 9—10, 61—68, 103—106 (О крестьянском движении в Сибири. 1918—1920).

123. **Парфенов, П.** Расстрел славгородских крестьян (В августе 1918 г.). «5 лет Советской власти». Новоиколаевск. 1922. Стр. 35—41 (О борьбе крестьян Славгородского уезда с белыми).

124. **Парфенов, П.** Сибирские эсеры и расстрел славгородских крестьян в августе 1918 г. «Прол. Рев.», 1922. № 7. Стр. 59—71.

125. **Перелом в крестьянстве.** «Рев. Рос.», 1921. № 10. Стр. 27. (О крестьянском движении в Иркутской г. 1921).

126. **Петров, П.** Два года тому назад. (Воспоминания партизана-коммуниста). Сб. «Три года борьбы за диктатуру пролетариата». Омск. 1920. Стр. 118—124 (Партизанское движение в Западной Сибири. 1918—1919).

127. **Поволжский, В.** Перед октябрем и в Октябре (По Казани и Казанской губ.). «Прол. Рев.», 1922. № 10. Стр. 335—341 (О крестьянском движении в Казанской губ. в 1917 г.).

128. **Повстанческое движение на Украине.** «Рев. Рос.», 1921. № 11. Стр. 22—25 (Сводка данных по Киевской, Черниговской, Волынской, Подольской, Херсонской, Полтавской, Харьковской и Екатеринославской губ. Январь—март 1921).

129. **Подгорный, А.** История революционной борьбы в Сальском округе. «Прол. Рев. на Дону», 1922. № 1. Стр. 74—84 (Об участии крестьянства в гражданской войне на Дону. 1918—1919).

130. **Покровский, Г.** Деякинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918—1919). Берлин. 1923. Стр. 30—23, 41—53 (Крестьянство и казачество на Кубани в гражданской войне. 1917—1919).

131. **Покровский, Ф.** Жертвы октябрьской революции (в Ардатском уезде). «Мат. по ист. рев. движ.», под ред. Илларионова. Т. 3. Стр. 214. (Нижегородская губ.).

132. **Полин, С.** Последние дни эсеров-бандита Антонова. «Путь борьбы». Сборн. I. Тамбов. 1923. Стр. 46—53. (Тамбовская губ. 1921—1922).

133. **Положение на Амуре.** «Револ. Россия», 1924. № 35—36. Стр. 17—18 (О крестьянском восстании в Приамурье. 1924).

134. **Положение на Кубани.** «Револ. Россия», 1921. № 4. Стр. 27—28 (Крестьянство и казачество в 1915—1920 гг.).

135. **Положение на Урале.** «Рев. Россия», 1920. № 4. Стр. 30—32 (О крестьянских настроениях в Екатеринбургской губ. 1920).

136. **Полозов, С.** Октябрьский переворот в Ардатском уезде (Нижегородской губ.). «Мат. по ист. рев. движ.», под ред. Илларионова. Т. 3. Стр. 212—213.

137. **Попов, А. А.** Октябрьский переворот. Факты и документы. Стр. 81—83 (Крестьянское движение в Екатеринбургской, Тамбовской, Саратовской, Волынской, Подольской, Воронежской, Самарской, Черниговской, Пензенской, Нижегородской губ. и в Донской обл. 1917).

138. **Правдин, Н.** Чехо-словаки в Бузулуке. «Красн. Белья», № 3. Самара. 1923. Стр. 97—98 (Крестьяне Бузулукского уезда и чехо-словаки. 1915).

139. **Преднаказье под Советской властью.** «Револ. Россия», 1921. № 7. Стр. 25—27 (О повстанческом движении на Тереке и в Ставрополье. 1920—1921).

140. **Приказ русским страдам на территории Советской Сибири.** № 15. «Рев. на Дал. Вост.». Вып. I. 1923. Стр. 429—433 (Приказ ген. Унгерна от 21 мая 1921 г.).

141. **Раковский, Г. Н.** Гражданская война на юге России. В стане белых (от Орла до Новороссийска). Константинополь. 1920. Стр. 11—13, 27—28, 101—102, 123—124, 202—219, 336—337 (Крестьянство и казачество Дона и Кубани в гражданской войне. 1919—1920).

142. **Раковский, Григорий.** Конец белых. От Днепра до Босфора. Прага. 1921. Стр. 81—87, 144—129, 150—151, 165—167 (Крестьянское движение и казачество в гражданской войне. 1920).

143. **Резников (Изгой).** Революционная хроника Забайкалья 1917—1918 гг. «Рев. на Дал. Востоке». Вып. I. 1923. Стр. 281—302. (Сведения об участии забайкальских крестьян в революционном движении).

144. **Риш, Арн.** Из жизни Спильки. «Летоп. Рев.» 1923. № 5. Стр. 126—135. (О работе среди крестьян в Киевской и Полтавской губ. 1906—1912).

145. **Ромас, Е.** Первая деревенская газета в Москве и настроение в деревне. «Путь к Октябрю». Вып. I. М. 1923. Стр. 164—174. («Деревенская Правда» и ее корреспонденты. 1917—1918).

145а. **Рубач, М.** История гражданской войны на Украине. «Летоп. Револ.». 1924. № 3 (8). Стр. 175—188; № 4 (9). Стр. 151—165 (Партизанское движение на Украине. 1918—1919).

146. **Руднев, В.** Около земли. «Совр. Записки». Париж. 1924. № 18. Стр. 351—403. (О деревенских настроениях в 1917—1922 гг.).

147. **Рябцев.** К истории Боровской организации РКП. («Из партийного прошлого». Вып. 2. Калуга. 1923. Стр. 168—175. (Калужская губ. 1918—1922).

148. **С.** Зарождение Архангелского совета. «Револ. Прошлое». № 1. Уфа. 1923. Стр. 100—112. (Об участии крестьянства в гражданской войне Челябинск. у., Оренбургск. губ. 1918).

149. **Садовский, Як.** Как я делил землю. (Из воспоминаний 1918 года). «Русская Мысль». Прага—Берлин. 1923—1924. № 11—12. Стр. 321—359. (О деревенских настроениях. Курская губ.).

150. **Самурский, Нажмуддин (Эфендиев).** Октябрьская революция и дальнейшие этапы ее развития в Дагестане. «Пролет. Револ.», 1924. № 10 (33). Стр. 83—104.

151. **Сахаров, К. В.** Белая Сибирь. Мюнхен. 1923. Стр. 157—161. (О крестьянских восстаниях в Западной Сибири. 1919).

152. **Серышев, С.** Вооруженная борьба за власть Советов на Дальнем Востоке. «Рев. на Дал. Востоке». Вып. I. 1923. Стр. 65—128. (1919—1920).

153. **Сибирские авантюры и генерал Гайда.** (Из записок русского революционера). Прага. Стр. 10—14, 79—87. (О расправе котляковцев с крестьянами Западной Сибири за сочувствие большевикам. 1918—1919).

154. **Ситалов, П.** Революционное движение в РКП в Воскресенском уезде. (Нижегородской губ.). «Мат. по ист. револ. движ.», под ред. Илларионова. Т. 3. Стр. 218—232. (1917—1918).

155. **С. М.** Крестьянство Украины. «Револ. Россия», 1921. № 8. Стр. 25—26. (О крестьянском движении 1918—1921).

156. **С. М.** Махновщина. «Револ. Россия», 1921. № 7. Стр. 23—25. (1918—1920).

157. **Соколов, Борис.** Наделение Северной области. «Арх. Русск. Револ.», под. Гессен. Т. IX. Стр. 22—25, 31—32. (Крестьянство Архангельской губ. в гражданской войне. 1919—1920).

158. **Солин.** Прошлое РКП в Пустынской волости Пактовского уезда. «Мат. по ист. револ. движ.», под ред. Илларионова. Т. 3. Стр. 259—261 (Нижегородская губ. 1918—1919).

159. **Соловейчик, Л.** Очерк возникновения и развития современного басмачества в Бухаре. (1921—1922).

160. **Соловьев, И. П.** Из истории революции и гражданской войны в Онежском уезде. Архангельск. 1924. (1917—1920).

161. **Сперанский, Н.** Самарский Ревком и самарские рабочие и крестьяне в борьбе с чехо-словаками. «Красная Белья». № 3. Самара. 1923. Стр. 184—185. (Самарские крестьяне и чехо-словаки. 1918).

162. **Струве, П.** Идеология махновщины. «Русск. Мысль». София. 1921. № 1—2. Стр. 226—231. (Из протоколов съезда маховцев в феврале 1919 г.).

163. **С юго-востока России.** «Рев. Рос.», 1921. № 10. Стр. 26. (О повстанческом движении в Воронежской и Тамбовской губ. и в Донецкой обл. 1921).

164. **Тамбовец, Н.** Чехо-словаки в Пугачеве. «Красная Белья». № 3. Самара. 1923. Стр. 100. (Крестьяне Пугачевского уезда и чехо-словаки. 1918).

165. **Теньков, Бошкин и Лавровский.** Революция в Кулинской вол. Омской губ. «Сборн. Нетпарта». № 1.

Новоиколаевск. 1923. Стр. 60—65. (1917—1918).

165а. **Тепер, И.** (Гордеев). Махио. — «единого анархизма» к стопам русского короля. (О крестьянском движении на Украине 1918—1920).

166. **Тр., И.** К истории партизанского движения в Алтайской губ. Сб. «Три года борьбы за диктатуру пролетариата». Омск. 1920. Стр. 125—129. (1918—1919).

167. **Трайнин, И.** Из пережитого. «Красная Белья». № 3. Самара. 1923. Стр. 83—86. (Крестьянство Самарской губ. и чехо-словаки. 1918).

168. **Тура, Н.** Баштанская республика. «Страницы борьбы», сборн., под ред. В. Фибровского и Гр. Магри. Николаев. 1923. Стр. 207—214 (О повстанческом движении в Херсонской губ. в 1919 г.).

169. **Урманский, Н.** Воспоминания о прошлом. Сб. «Три года борьбы за диктатуру пролетариата». Омск. 1920. Стр. 139—143. (Повстанческое движение в Зап. Сибири 1918—1919).

170. **Усмирение крестьян в Тамбовской губ.** «На чужой стороне». Изд. «Ватага» и «Пламя». Берлин—Прага. 1923. № 3. Стр. 127—130. (1919 или 1920).

171. **Учительница.** Из деревенских настроений. «Крестьянская Россия». Прага. 1924. № 7, стр. 145—148 (1923).

172. **Учительница.** Три года в деревне. «Крестьянская Россия». Прага. 1923. № 5—6. Стр. 153—159. (О крестьянских настроениях. 1919—1922).

173. **Фавицкий, В.** Зеленая армия в Черноморье. (1919—1920 гг.). «Пролет. Революция». 1924. № 8—9 (31—32). Стр. 43—71.

174. **Феденко, П.** Внутренние положения на Украине. «Вільна Україна», Львів-Київ. 1921. № 1, стр. 52—53 (О крестьянском движении на Украине в 1920 г., в частности в Херсонской губ.).

175. **Фирсов, Н. Н.** Крестьянская революция 1917 г. (до октября) и Временное Правительство. (Очерки по архивным документам). «Пути Революции». № 1. Казань. 1922. Стр. 51—84.

176. **Фурманов, Д.** Мятёж в Верном 12—19 июня 1920 г. «Пролет. Революция». 1923. № 11 (23). Стр. 65—96. (О клас-

совой и национальной борьбе в Семиречье: 1916 и 1920).

177. **Х. В деревне.** «Социал. Вестник». 1924. № 15 (55). (О крестьянских настроениях).

178. **Хлебников и Трусов.** О Горбатовской организации Р. К. П. «Мат. по ист. рев. движ.», под ред. Илларионова, Т. 3. Стр. 264. (Нижегородская губ. 1918—1920).

178а. **Христюк, Павло.** Замітки и матеріали до історії української революції 1917—1920 рр. Т. I. 1921. Стр. 24—26, 38, 42—48, 65—69, 99—102 (Крестьянское движение на Украине 1917 г.).

178б. **Христюк, Павло.** Замітки и матеріали до історії української революції 1917—1920 рр. Т. III. 1921. Стр. 50—62 (Крестьянское движение на Украине 1918 г.).

179. **Черниковер, И.** Антисемитизм и погромы на Украине. 1917—1918 г. (К истории украинско-еврейских отношений). Со вступительной статьей С. М. Дубнова. Берлин. 1923.

180. **Шалыгин, И.** История Октябрьского переворота в Угличе. Сб. «Рыбинск в революции». Рыбинск. 1922. Стр. 45—57. (Крестьянство Угличского у. Ярославской губ. в эпоху Октябрьской революции. 1917—1918).

181. «Шестнадцать дней». Матер. по истории Ярославского белогвардейского мятежа. Под ред. Н. Г. Пальгунова и О. Н. Розановой. Ярославль. 1924. Стр. 185—190, 195—197. (Белогвардейский мятеж и крестьянство).

182. **Шидловский, С. И.** Воспоминания. Ч. II. Берлин. 1922. Стр. 198—212. (О крестьянском движении в Воронежской губ. в 1918 г.).

183. **Шишкин, Н. Р. К. П.** (6) и Октябрьская революция по Княгининскому уезду Нижегородской губ. (1918—1921). «Мат. по ист. рев. движ.» под ред. Илларионова, Т. 3. Стр. 242—248.

184. **Шлыкова, А.** Из истории Павловской организации Р. К. П. «Мат. по ист. рев. движ.» под ред. Илларионова, Т. 3. Стр. 258—259. (Нижегородская губ. 1917—1919).

184а. **Шляков, А.** Крестьянство и Советская власть. «Крестьянск. Россия». Прага. 1922. № 1. Стр. 69—74.

185. **Штери, Сергей.** В огне гражданской войны. Париж. 1922. Стр. 32—42.

(О доли крестьянства в революции. 1917—1920).

186. **Щербина, Ф. А.** Законы эволюции и русский большевизм. Белград, 1921. Стр. 59—66. (О крестьянских восстаниях против Советской власти. 1918—1920).

187. **Щетинкин, Н. К.** Воспоминание из прошлого. «Сборн. Петпарти», № 1. Новоиколаевск. 1923. Стр. 108—112. (О партизанском движении в Енисейской губ. 1918).

188. **Ю. П.** Восстание тамбовских крестьян «Революц. Россия», 1920, № 6, стр. 23—28. (Автоновизна. 1920—1921).

189. **Юрцовский, Н. С.** Сибирское земство в первый год его существования. Вып. 2-й. Омск, 1919. (Сибирское крестьянство и волостное земство 1917—1918).

189а. **Яковенко, В. Г.** Записки партизана (О партизанском движении в Енисейской губ. 1917—1919).

190. **Яковлев, Я.** Махновщина и анархизм. (К итогам махновщины). «Красная Новь», 1921, № 2, стр. 243—257. (Украина, 1918—1920).

191. **Яичевский, Н.** Краткий очерк истории революции на Юго-Востоке (1917—1920). Ростов н/Д, 1924. (Северный Кавказ).

192. **Яременко, А. Н.** Дневник коммуниста. «Рев. на Дая. Вост.», Вып. I. 1923. Стр. 184—279. (О партизанском движении на Дальнем Востоке. 1919—1920).

193. **Яременко, А.** Партизанское движение в Приморской области (1918—1920). «Прол. Рев.», 1922, № 7, стр. 72—96.

194. **Яременко, А.** Роль интеллигенции в партизанском революционном движении (1917—1920 гг.). «Прол. Рев.», 1922, № 9, стр. 293—298 (Приморская обл.).

Е. Морозовец.

Т А Б Л И Ц А

и указателю по истории крестьянского движения в России¹⁾. 1911—1924

Общие очерки и сводки: материалы
общего характера: 1, 2, 9а, 116, 16, 17,
18, 19, 30, 32, 33а, 37, 41, 49а, 50, 58,
94а, 105, 145а, 146, 155, 156, 162, 165а,
171, 172, 175, 177, 178а, 178б, 179,
184а, 185, 186, 160.

Губернии:

Архангельская: 157, 160.
Астраханская—
Бессарабская: 40, 137.
Виленская—
Витебская: 51, 108.
Владимирская: 111.
Вологодская—
Волынокая: 29, 128, 137.
Воронежская: 75, 114, 137, 163, 182.
Вятская: 55.
Гродненская—
Донецкая обл.: 6, 10, 20, 25, 26, 42,
43, 45, 52, 62, 88а, 94, 98, 114, 129, 137,
141, 163.
Екатеринославская: 8, 31, 63, 128.
Казанская: 85, 127.
Калужская: 147.
Киевская: 76, 128, 144.
Ковенская—
Костромская—
Курляндская—
Курская: 66, 149.
Лифляндская—
Минская: 51.
Могилевская: 51, 92, 95.
Московская: 36, 57, 120, 145.
Нижегородская: 3, 48, 55, 67, 72, 93,
103, 131, 136, 137, 154, 158, 178, 183,
184.

Новгородская—
Олонекская—
Оренбургская: 148.
Орловская: 118.
Пензенская: 137.
Пермская: 58а, 85, 86, 88, 135.
Подольская: 97, 102, 128, 137.
Полтавская: 128, 144.
Псковская: 32а.
Рязанская: 33, 38, 53, 64, 82.
Самарская: 11, 46, 47, 78, 96, 107,
137, 138, 161, 164, 167.
С.-Петербургская—
Саратовская: 27а, 69, 137.
Симбирская: 85.
Омская: 61.
Таврическая: 31, 99, 110, 142.
Тамбовская: 5, 7, 15, 27, 54, 56, 81,
114, 132, 137, 163, 170, 188.
Тверская: 80, 83.
Тульская—
Уфимская: 11.
Харьковская: 113, 128.
Херсонская: 31, 128, 168, 174.
Черниговская: 51, 128, 137.
Эстляндская: 11а.
Ярославская: 73, 74, 160, 181.
Польша—
Кавказ: 22, 23, 42, 43, 44, 49, 84, 87,
90, 101, 104, 114, 116, 130, 134, 139, 141,
142, 150, 179, 191.
Сибирь: 4, 9, 10а, 11в, 12, 13, 14, 15,
21, 24, 28, 30а, 30б, 34, 35, 39, 60, 65, 68,
70, 71, 77, 79, 89, 91, 100, 106, 109,
109а, 112, 113а, 115, 117, 119, 121, 122,
122а, 123, 124, 125, 126, 133, 140, 143,
151а, 152, 153, 165, 166, 169, 187, 189,
189а, 192, 193, 194.
Туркестан: 59, 159, 176.

¹⁾ Деление на губернии udržано до-
революционное, в видах соответствия
с предыдущими частями указателя.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА.

(Указатель литературы на русском языке)¹⁾.

(Окончание).

V. Положение рабочего класса в разных странах (кроме России).

1. Австралия и Н. Зеландия.

Отдельные издания.

Лер. Э. Царство демократии (обеспечение труда в Австралии и Новой Зеландии). Москва, Изд. «Радикал».

Меттен. Альберт. Аграрный и рабочий вопрос в Австралии и Новой Зеландии. Пер. Л. П. Никифорова. Москва, Изд. В. Немчинова, 1903. 6+439+IV стр. Ц. 1 р. 50 к.

Михуев. П. Г. Передовая демократия. Изд. Львовича, 1905 г.

Новский. К. Рабочее царство. (Как живут рабочие в Австралии). Москва, Изд. Д. М. Куманова, 1917. 15 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки.

Мэн. Том. Положение рабочих и социализм в Австралии. «Звено» — международное социальное обозрение. Спб. 1906. № 1.

Меттен. А. Рабочий вопрос у антиподов [в Австралии]. Пер. с франц. «Мир Божий». 1901. № 4.

Потресов. В. За рубежом. [Положение врачебного труда в Австралии]. «Практический Врач». 1908. № 38.

Рыкачев. А. Рабочий вопрос в Новой Зеландии. По исследованию В. Кларка. «Народное хозяйство». 1904. № 4 и 5.

2. Австрия и Венгрия

Отдельные издания.

Тейфен. Имущие и обездоленные классы в Австрии. Изд. «Век». 1907.

Статьи, отдельные главы, заметки.

В—р. А. Положение рабочего класса Венгрии. «Красный Интернационал Профсоюзов». 1923. № 2. (Экономич. обозрение).

Дома для рабочих в Будапеште. «Трудовая Помощь». 1909. № 3. (Хроника).

Жилища для рабочих в Будапеште. «Городское Дело». 1912. № 8. (Хроника иностранной городской жизни).

Жилища для рабочих в Вене. «Вестник Московской Городской Думы». 1906. Вып. 13—15 (июль—август).

Заренко. Н. М. Белые рабы (Письмо кочегаров суда «Нанюния»). «Азово-Донско-Кубанский Водник». 1923. № 9—10.

Квартирный вопрос служащих казенных железных дорог в Австро-Венгрии. «Вестник Финансов, Пром. и Торговли». 1910. № 45.

Несчастные случаи с рабочими в Австрии в 1911 году. «Вестник Финансов Промышленности и Торговли». 1912. № 49.

Несчастные случаи с рабочими в Австрии за последние годы. «Вестник Финансов, Пром. и Торговли». 1912. № 45.

Положение рабочего класса в Австрии. «Красный Интернационал Профсоюзов». 1923. № 1.

Положение рабочих в производстве табачной монополии в 1907 г. в Ав-

¹⁾ См. книги 3—7 и 8 «Вестника Академии».

стрип. «Вестник Финансов. Пром. и Торговли». 1909. № 10.

Положение рудничных и горнозаводских рабочих в Верхней Силезии. «Южно-Русский Горный Листок». 1885. № 128—129.

Положение сельского пролетариата в Венгрии. «Бюллетень Исполнительного Бюро Красного Интернационала Профсоюзов». 1921. № 6.

Положение служащих на венгерских казенных железных дорогах. «Железнодорожное Дело». 1904. № 16 (Новости).

Р. Л. Несчастные случаи с рабочими в Венгрии в 1900 г. «Промышленность и Здоровье» 1903. № 4 (Сообщения из области профессиональной гигиены и общества экономия).

Романсв. Н. Краткое описание Гарца, его управления, положений о горнорабочих и производительности. «Горный Журнал». 1902. № 4.

Седов. Л. Современное положение школы и учительства в Австрии. «Вестник Воспитания». 1898. № 3.

Среди чехо-словацких углекопов. «Горнорабочий», орг. ЦК Всерос. Союза Горнорабочих. 1922. № 18—19.

Статистика несчастных случаев среди рабочих в Австрии по данным страховых касс с 1890 г. по 1903 г. «Вестник общества гигиены, учебной и практической медицины». 1907. № 5.

Страхова. М. И. Народный учитель в Венгрии. [Сведения о материальном положении]. «Русская Школа». 1902. № 5—6.

Теплов. П. Из Австрии. (Положение Моравосилезских углекопов). «Начало». 1909. № 3.

Тотомианц. В. Ф. Формы аграрного движения. Спб. Изд. Гликозев. [1906]. Глава VI. Положение сельскохозяйственных рабочих в Венгрии.

Т. П. Положение сельских рабочих в Австрии. «Новое Слово». 1896. № 12 (сентябрь).

Труд за рубежом: Венгрия. «Труд и Хозяйство». 1921. № 33.

Ш. Ф. Санитарное состояние рабочих на австрийских табачных фабриках. «Еженедельник Практической Медицины». 1899. № 40 (Рефераты).

3. Америка.

Отдельные издания.

Зомбарт. В. Очерки из истории развития северо-американского пролетариата (статьи из «Архива социальных наук и социальной политики». 1905 г. т. XXI). Пер. К. М. М. Москва. 1906 г. 174 стр. Ц. 30 к.

Зомбарт. В. Пролетариат в Северной Америке. Пер. с нем. Б. Н. Смирнова. Спб. Изд. «Просвещение». 1906 г. 160 стр. Ц. 30 к.

Зомбарт. В. Судьбы американского пролетариата. Пер. с нем. А. Кулишера. Спб. Изд. О. Поповой. 1906 г. 149+1 стр. Ц. 25 к.

Каутский. К. Американский и русский рабочий. Пер. Е. и П. Леонтьевых. Спб. Книгоизд. Марковского. 1906 г. 76 стр. Ц. 15 к.

Кольб. Как я был рабочим в Америке. Пер. с 3 нем. изд. В. Кожевникова и С. Кертнера. Спб. Изд. О. Поповой. 1905 г. 164 стр. Ц. 50 к.

Курбский. А. Русский рабочий у северо-американского плантатора. Спб. 1875 г. 448 стр.

Курский. Л. Американский рабочий. Москва. Изд. «Колокол». 1905 г. 20 стр. Ц. 4 к.

Митчелль. Д. Организованный труд. Его проблемы, задачи, идеалы, настоящее и будущее американских рабочих. Пер. В. М. Шулятикова. Москва. Изд. бр. Гранат. 1907 г. XI+418+11 стр.

Назаревский. М. К вопросу об отношениях между капиталом и трудом в Америке. Публичная лекция. Спб. 1912 г. 24 стр.

Статьи, отдельные главы, заметки.

Абрагамсон. А. Дома рабочих в американских городах. «Инженер». Киев. 1894. № 2.

Айрамовская. В. Сравнительные данные о несчастных случаях в угольных копях Америки и Англии. «Вестник Труда»—орг. ВЦПС. 1923. № 2—3.

Аргентина и сельскохозяйственные рабочие. «Финансовое Обозрение». 1911. № 24.

Аргентина. Иммиграция и рабочий вопрос в сельском хозяйстве. «Вестник Финансов, Пром. и Торговли». 1911. № 47.

Б. Г. Письмо из Америки: «The Gungle» Спикера и мясной трест. [Об условиях труда на мясных фабриках и бойнях]. «Семь дней». Москва, 1906. № 18.

Бранот. Б. Обзор иностранных экономических изданий. 1. К характеристике американских рабочих. «Русское Экономическое Обозрение», 1903. № 6.

В. Увечность рабочих в Америке. «Вопросы Страхования», 1915. № 11.

Г. И. Из Северо-Американских Соединенных Штатов. К вопросу о положении рабочих. «Новое Слово», 1897. Октябрь.

Гобсон. И. Условия работы и производительность американских сталелитейных заводов. «Вестник Инженеров»—Игр. 1915. №№ 14—15—16 (Технические заметки).

Гофштаттер. И. В стране свободы. Положение рабочих в Америке. «Нахаль», 1905. №№ 5, 6.

Дьяконов. П. Несчастные случаи среди рабочих в Соединенных Штатах С. Америки. [Реферат]. «Общественный Вестник», 1915. № 7—8.

Зомбарт. В. Очерки развития северо-американского пролетариата. «Русская Мысль», 1906. № 1.

К положению морских врачей в Северо-Американских Штатах и Фраппиде. «Медиц. Прибавления к Морскому Журнику», 1888. № 4 (Рефераты).

К. А. Русский рабочий у американского плантатора. «Вестник Европы», 1873. Ноябрь-сентябрь.

К—в. И. Среди рабочих (в Америке). «Мир Божий», 1899. № 12.

К. И. Число несчастных случаев на каменноугольных копях С. Америки. Горно-Заводский Листок», 1901. № 7.

Курбский. А. С. Американские гуртовщики. Воспоминания и рассказы. «Вестник Европы», 1876. Май.

Лалчинская. В. Из жизни американского рабочего. (По книге Кальба). «Образование», 1905. № 1.

Лум. Поль. Будущее социализма. Глава VII. Труд в американских колониях. Москва, 1906.

Матросов. Е. Заработные платы и стоимость жизни рабочего в С.-А. Соединенных Штатах по сравнению с главнейшими промышленными странами нашего времени в русских еди-

ницах меры, веса и ценности. «Записки им. русского Технического Общества», 1914. № 8—9.

Матросов. Е. Н. Русский рабочий в С.-А. Соед. Штатах. «Вестник Финансов. Пром. и Торговли», 1910. № 3.

Моршанский. Ю. Русские рабочие за океаном. «Крестьянское Дело», Сиб. 1910. № 14.

Назаровский. М. К вопросу об отношениях между трудом и капиталом в Америке. «Записки Ново-Александровского Института Сельского Хозяйства и Лесоводства», 1911. Т. 22. Вып. 2.

Нестров. П. Быт американских рабочих и американской приросту. «Новый Век», 1901. Кн. 1.

Несчастные случаи в каменноугольных копях Северо-Американских Соединенных Штатов. «Горно-Заводское Дело», 1910. № 18—19.

Несчастные случаи с поездками в Соединенных Штатах. Пер. В. Г. «Железнодорожное Дело», 1901. № 43—44.

Несчастные случаи со смертным исходом в Англии и Америке. «Горно-Заводский Листок», 1905. № 27.

[О смертности текстильщиц в С.-А. Соединенных Штатах] «Врачебная Газета», 1914. № 11 (Вопросы общественной гигиены за границей).

Островский. Экономическое положение и рабочее движение в республике Уругвай. [Бюллетень Исполнит. Бюро Красного Интернац. Профсоюзков]. [1921]. № 5.

Памятников. Н. Горная промышленность Соедн. Штатов и положение рабочих в ней. «Новый Экономист», 1912. № 14.

Пименов. З. Американские рабочие. «Мир Божий», 1905. № 7.

Поездка по району хлопчатобумажной промышленности Северной Америки. Пер. с нем. под ред. Н. Н. Кукина. [Главы: Продолжительность рабочего времени. Работа малолетних. Пища, одежда, жилище рабочих] «Известия Общества для сод. улучшения и развития мануфакт. промышленности», 1909. № 6.

Положение северо-американских углекопов. «Вестник Финансов. Пром. и Торговли», 1914. № 52.

Рабочий вопрос в американском стальном тресте. «Вестник Финансов. Пром. и Торговли», 1908. № 41.

Розенберг, И. Раса пролетариев. (Экономическое и социальное положение негров в Соед. Штатах Америки). «Русская Мысль», 1904. Октябрь.

Рубинов, И. Об американской проблеме. «Русская Мысль», 1906. № 2.

Русские рабочие за океаном. «Хлебоборок». Харьков, 1911. № 4.

Русские [рабочие] на Гавайских островах «Хлебоборок». 1911. № 10.

Рыкачев, А. Бюджеты рабочих и стоимость жизни в Соединенных Штатах. «Народное Хозяйство». 1904. № 1.

Святловский, В. За океаном. Условия труда и промышленности в Канаде. «Записки Им. Русск. Технич. Общ.», 1909. № 4.

Святловский, В. В. Рабочий труд в Северо-Американских Соединенных Штатах. «Наблюдатель». 1896. №№ 4—5—6.

Соединенные Штаты Северной Америки. Положение горнорабочих. «Экономический Журнал». 1893. № 4.

С. П. Травматизм в металлообрабатывающей промышленности Соединенных Штатов за период времени 1907—1920 гг. «Гигиена Труда», 1923. № 8—9.

Сувилов, Н. И. К вопросу о положении рабочих в Америке и Европе. «Вестник Знания». 1905. № 3.

Тверской, П. Рабочий вопрос в Северо-Американских Соединенных Штатах. «Вестник Европы». 1894. №№ 10 и 11.

Т—и. Картины положения труда в Соединенных Штатах. «Словес». 1880. Февраль, март и октябрь.

Типичный дом американского рабочего. «Вестник золотопромышленности». Томск. 1894. № 12 (Новостр.).

Трамвайные служащие в Северной Америке. (Спец. корресп. из Вашингтона). «Вестник Финансов, Промышленности и Торгов.». 1906. № 6.

Тржемеский, И. И. Морские враты в Соединенных Штатах Северной Америки. «Морской Врач». 1914. № 7.

Условия труда в Канаде в 1909 г. «Вестник Финансов, Пром. и Торгов.». 1910. № 10.

Ушли, Чарльз. Странствующие рабочие в Соединенных Штатах Северной Америки. «Красный Интернационал Профсоюзов». Москва. 1923. № 3.

4. АНГЛИЯ.

Отдельные издания.

Бутс, В. В трущобах Англии. Пер. с англ. под ред. и с пред. Р. И. Сементковского. Сиб. изд. Павленкова. 1891 г. XVI+341+6 стр. Ц. 1 р.

Вобб, С. Положение труда в Англии за последние 60 лет. СПб. Изд. «Знание». 1898. Ц. 15 к.

Гельд, А. Развитие крупной промышленности в Англии. С прилож. лекции А. Гельда «Ремесло и крупная промышленность». Пер. с нем. Н. С. Т-ва. СПб. 1899. VIII+362+2 нестр.

Гобсон, Д. А. Задачи бедности. Исследование промышленного положения бедных в Англии. Пер. с англ. Под ред. Н. В. Лучинского. Киев—Харьков. Изд. Ногансов. 1900 г. 228+V стр.

Гольденвейзер, С. А. Социальные течения и реформы XIX ст. в Англии. [О рабочем классе]. Москва. 1893.

Гранат, И. Н. Статистические данные и тезисы к докладу И. Н. Граната в Московском Юридическом обществе 22 марта 1899 г. «К вопросу о происхождении рабочего пролетариата в Англии (XIII—XVI стол.)». Москва. 1899. 6 стр.

Дмитриев, Н. В. Жилищный вопрос в Совете Лондонского графства. СПб. 1914 г. 71 стр. Ц. 75 к.

Зотов, А. Очерки современного положения рабочих в Англии. СПб. 1895.

Каблуков, Н. Вопрос о рабочих в сельском хозяйстве. [Имеются сведения о положении сельских рабочих в Англии]. Москва. Изд. ред. «Юридического Вестника». 1894 г. XXIV+299 стр.

Калиновский, Б. Ф. О рабочем классе в Англии. СПб. 1859.

Кларк, Аллан. Фабричная жизнь в Англии. Пер. с англ. А. Н. Коншина. С предисловием акад. Н. Н. Янжула. Москва. Изд. «Посредник». 1904. 116 стр. Ц. 60 к.

Курский, Д. И. Английский рабочий. СПб. Изд. «Колокол». 1906 г. 23 стр. Ц. 5 коп.

Михуев, П. Г. Как живут рабочие в Англии. Книгоиздат. Ясного. 6. Понява. Изр. 1917 г. 48 стр. Ц. 45 к.

Мижуев, П. Г. Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Игр. Изд. Суворина. 1916 г. XV+494 стр.

Николаев, П. [пер.] Рабочий класс Англии в XIX в. Пер. с нем. Москва. 1902 г. XIX+741 стр. Ц. 3 р.

Ностиц, Ганс. Рабочий класс в Англии в XIX столетии. Из общественной истории нашего времени. Изд. К. Т. Солдатенкова. Москва. 1902 г. XIX+741 стр. Ц. 3 р.

Покровская, М. П. Улучшение жилищ рабочих в Англии. 1898 г. 60 к.

Работники. Рабочие классы в Англии. 3 части. Пер. с английского М. Л. Денисьева. Москва. 1868 г.

Рабочая кабала в Англии. Причины этого экономического зла и меры к его устранению. Пер. с англ. А. Яновского, под ред. М. И. Туталя-Барановского. Спб. Изд. Звонарева. 1900 г. 40 стр.

Роджерс, Ч. История труда по заработной плате в Англии от XIII по XIX век. Спб. Изд. «Издатель». 1899 г. XX+476 стр.

Суздальцев, И. Английские рабочие прежде и теперь. Ростов н/Д. Изд. «Донская Речь». 1905 г. 28 стр. Ц. 4 коп.

Тойнби, А. Промышленный переворот в Англии в XVIII столетии. Пер. с англ. Москва. Изд. «Научно-образоват. библиотеки». 1898 г. 329 стр. Ц. 50 к. То же. Изд. «Мир». 1924 г. 171 стр.

Турин, С. П. Проблемы труда в Англии. Лондон. Книгоиздат. «Возрождение». 1920 г. XI+68 стр.

Ширард, Р. Белые рабы Англии. Пер. с англ. А. Н. Копытина. Москва. Изд. «Посредник». 1904 г. 106+1 стр. Ц. 50 к.

Энгельс, Ф. Положение рабочего класса в Англии. Спб. Изд. «Обществ. Пользы». 1905 г. 319 стр. То же. Изд. «Жизнь и Знание». 1917 г.

Статьи, отдельные главы, заметки.

А., Н. Гигиенические условия на фабриках фарфора [в Англии]. «Гигиена и Санитария». 1911. № 5. (Рефераты).

Англия. [Голод и нищета рабочих]. «Горнорабочий», орг. ЦКРСТ. 1922. № 12.

Англия. Заработная плата и условия работы докеров (грузчиков) в

главнейших портах. «Транспортный Рабочий», орг. Ц. К. В. О. Т. Р. 1922. № 22—23.

Англия. Положение углекопов. «Горнорабочий»—орг. ЦКРСТ. 1922. № 7—8.

Английский рабочий. (De la situation des ouvriers en Angleterre par M. le comte de Paris) «Вестник Европы». 1883. № 8.

Антипов. О горном законодательстве Англии и взгляды на положение там горнорабочего класса. «Горный Журнал». 1861. № 2.

Бюхнер, Л. Искусство долго жить. (Микробиотика). Спб. Изд. Королесникова. 1892. Глава: Английские рудокопы.

Ватсон, Э. Рабочие классы в Англии и манчестерская школа. «Современник». 1864. № 8 и 9.

Воблый, К. Сельскохозяйственные рабочие в Англии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1908. № 22.

Вольфензон, Б. Л. Из жизни еврейского пролетариата (в Англии). «Русская Мысль». 1902. №№ 1 и 2.

Гельд, А. Развитие крупной промышленности в Англии. Спб. 1899. Гл. V. Положение фабричных рабочих.

Г., И. Статистика несчастных случаев на электрических установках в Англии. «Известия Московского Общества для надзора за паровыми котлами». 1913. № 10. (Разные известия).

Гигиенические помещения для рабочих в Англии. «Журнал Русского Общества Охран. Народного Здравия». 1891. № 10. (Рефераты).

Г., М. О положении английских рабочих. (Отзыв о книге Кеббеля). «Юридический Вестник». 1888. № 11.

Гольдштейн, И. Англия. Несчастные случаи со служащими на железных дорогах и предлагаемые парламентской комиссией меры для уменьшения их числа. «Народное Хозяйство». 1900. № 4.

Городские жилища для рабочих в Баттерси (Лондон). «Известия Моск. Городской Думы». 1903. Вып. 19.

Гранат, И. Н. К вопросу о проносе жилищ рабочего пролетариата в Англии (XIII—XVI в.в.). «Право». 1899. № 13.

Давыдова, Л. Из жизни английских рабочих. Paul de Roussiers «La question ouvrière en Angleterre». Paris. 1895. «Мир Божий», 1902. № 1.

Дайш, Д. А. Евреи рабочие и их значение в Англии. «Восход». 1898. №№ 11, 12.

Дэйвис, С. О. Положение английских углекопов. «Горнорабочий». Москва. 1922. № 20.

Доказательство бедности рабочего класса народа в Англии. «Журнал Мануфактур и Торговли». 1831. № 8. (Статистика).

Дома для рабочих в Лондоне. «Врач». 1895. № 11. (Хроника и мелкие известия).

Дома для рабочих в Лондоне. «Известия Московской Городской Думы». 1901. Вып. 1.

Еще о железнодорожных служащих в Англии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1912. № 5. (Специальные корреспонденции из Лондона).

Жаринцов, Н. Прислуга в Англии. «Семейный Журнал», прилож. к «Почтово-Телеграфному Вестнику». 1912. № 2.

Жизнь английского рабочего. «Профессиональный Вестник». Царицын. 1918. № 19 (декабрь).

Жилища рабочих в Глазго. «Врач». 1896. № 36. (Хроника).

Жилища рабочих в Лондоне. «Известия Московской Городской Думы». 1885. № 3.

Заботы совета Лондонского графства о жилищах рабочих. «Известия Московской Городской Думы». 1896. Вып. 1. (Июль—август).

Зотов, А. В. Очерки современного положения рабочих в Англии. «Русское Богатство». 1895. №№ 1—3.

И—в, Д. Как живет английский рабочий. «Мир Божий», 1900. № 4.

Индия. Отчаянное положение рабочего класса. «Бюллетень Международного Совета Проф. Союзов». 1921. № 31—32.

К квартирному вопросу рабочих в Соединенном Королевстве. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1908. № 21.

К. А. Как живут горнорабочие Англии. (Из доклада члена Бюро Профинтерн тов. Воткина). «Горнорабочий». Москва. 1922. № 1—2.

К. А. Несчастные случаи на рудниках, копях и каменоломнях в Великобритании в 1909 г. «Горно-Заводское Дело». 1910. № 40.

Каблуков, Н. Вопрос о рабочем в сельском хозяйстве в Англии. «Юридический Вестник». 1884. №№ 7, 8 и 9.

Каменский, Г. Рабочий народ в Англии. «Вестник Промышленности». Москва. 1859. №№ 10—11; 1860. №№ 8—9.

Кеннингем, У. Рост английской промышленности и торговли. Ранний период и средние века. Москва 1904. Кн. III, гл. IV. Ремесленные гильдии. Кн. IV, гл. II. Купеческий класс и рабочие.

Кеппен, А. Несчастные случаи в рудниках Великобритании. «Горный Журнал». 1897. № 7.

Керженцев, В. Английский сельский рабочий. «Просвещение». 1914. № 2.

Керженцев, В. В рабочем Лондоне. «Современник». 1914. № 11.

Керженцев. Рабочий вопрос в Ирландии. «Современник». 1913. № 12.

К. И. Среди рабочих. [Пересказ книги W. A. Wuckoff. «The Workers, an experiment in reality»]. «Мир Божий». 1899. №№ 5, 6.

Конайф, Н. Положение углекопов в Англии и причины их забастовки. «Жизнь для всех». 1912. № 3.

Курский, Д. Муниципальные дома для рабочих в Ливерпуле и Голдерсфильде. «Известия Московской Городской Думы». 1902. Вып. 19.

Л. И. Положение английских углекопов. «Горнорабочий», орг. Ц. К. Всех Союзов Горнорабочих. 1922. № 18—19.

Лондонские стачки. Причины стачки и положение торговых рабочих в Лондоне. «Северный Вестник». 1889. № 10.

Маркс, К. Капитал. Критика политической экономии. Т. I. Кн. I. Москва. Изд. «Пролетарий». Пгр. 1923. Отдел 7, глава 23, п. 5. Иллюстрация всеобщего закона капиталистического накопления. [О рабочем классе Англии и Ирландии].

Михуев, П. Жены и дочери английских рабочих. «Русская Мысль». 1909. № 11.

Мимухв. П. Как живут рабочие в Англии. «Вестник Европы». 1910. № 2—3, 1911. № 3.

Мимухв. П. Практика и теория одной образцовой английской фабрики. «Вестник Европы». 1914. № 5.

М—ов. Д. Как живет английский рабочий. (Записки немецкого рудокопа Эрикта Дюккерсгофа). «Мир Божий». 1900. № 4.

Мытник. П. Kollis. Смертность угольщиков и рудокопов в Англии и Уэльсе. «Гигиена Труда». 1923. № 8—9. (Реферат).

Мытник. П. Смертность среди мужчин в некоторых профессиях в Англии за 1910—1912 год. «Гигиена Труда». 1923. № 8—9. (Реферат).

Надеждина. Е. Вопрос о положении рабочего класса в Англии. «Записки Моск. Отд. Им. Русского Технического Общества». 1898. Вып. 1—2.

Н., Д. Профессиональные болезни в Великобритании в 1912 г. «Журнал Русского Общ. Охраны Нар. Здравья». 1913. № 3—4. (Реферат).

Несчастные случаи в Англии от неосторожного обращения с взрывчатыми веществами. Сентл. С. «Горный Журнал». 1898. № 2—3.

Несчастные случаи в английских рудниках в 1863 году. «Горный Журнал». 1864. № 11. (Новости и смесь).

Несчастные случаи в английских рудниках за два последние года. «Горный Журнал». 1862. № 12. (Новости и смесь).

Несчастные случаи и профессиональные болезни в 1909 г. в Великобритании. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1910. № 29.

Несчастные случаи на английских фабриках. «Вестник Промышленности». 1884. № 8.

Несчастные случаи на великобританских железных дорогах. «Железнодорожное Дело». 1893. № 27—28. (Новости).

Несчастные случаи с железнодорожными служащими в 1905 г. в Англии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1907. № 50.

Несчастные случаи с рабочими в Соединенном Королевстве в 1906 г. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1907. № 17. То же в 1907 г.—В. Ф. II, и Т. 1908 г. № 21. То

же в 1910 г.—В. Ф. 1911 г. № 46. То же в 1911 г.—В. Ф. 1912 г. № 7. То же в 1912 г. В. Ф. 1913 г. № 29.

Несчастные случаи со смертным исходом в промышленности 1908 г. в Англии. «Записки Русского Технического Общества». 1909. № 5. (Из промышленности жизни).

Никольский. Д. П. Ошпитарный очерк по обработке волокнистых веществ в Англии. «Медицинская Беседа». 1896. № 1.

Новицкий. Е. Современное положение сельскохозяйственных рабочих в Англии. «Хозяин». СПб. 1902. № 26.

О несчастных случаях в английских каменноугольных копях вследствие воспламенения горячего воздуха. «Горный Журнал». 1834. Ч. I. Кн. 3. (Смесь).

Орлова. Е. Лондонские жилища для рабочих. «Известия Московской Городской Думы». 1902. № 7.

О смертности служащих на английских железных дорогах. «Журнал Министерства Путей Сообщения». 1874. Кн. 1.

Памятнов. К. Сельское хозяйство Англии в начале XX столетия. [Сведения о положении с.-х. рабочих]. «Народное Хозяйство». 1904. № 1.

Пещуров. Содержание матросов в английском и французском флотах. «Морской Сборник». 1857. № 12 (Смесь).

Пинегин. Г. Муниципальные жилища для рабочих в г. Ливерпуле. «Известия Московской Городской Думы». 1916. Январь—февраль.

Погосская. А. Две недели среди шотландских рудокопов. «Северный Вестник». 1889. № 11 и 12.

Покровская. М. И. Вопрос об улучшении жилищ рабочих в Англии. «Трудовая Помощь». 1902. № 7.

Покровская. М. Лондонский центральный комитет для улучшения жилищ бедного населения. «Русская Мысль». 1899. № 11.

Покровская. М. И. Улучшение жилищ рабочих в Англии. «Вестник Благотворительности». 1897. № 3; 1898. № 4.

Положение почтово-телеграфных служащих. (Спец. корресп. из Англии). «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1906. № 23.

Положение рабочих в текстильной промышленности в Англии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1906. № 16.

Положение рабочих на казенных заводах в Англии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1896. № 7.

Положение рабочих угольных копей и каменоломен Великобритании в 1911 г. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1912. № 42.

Положение труда в Соединенном Королевстве. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1905. № 39.

Р. Комиссия о рабочих. [Отчет меньшинства Королевской комиссии для изучения положения рабочих в Англии]. «Неделя». 1894. № 18.

Р. Трудовая Англия. (Письмо из Лондона) «Неделя». 1895. № 17.

Рабочие в Англии «Знание». 1873. № 5.

Рабочие в горных предприятиях Великобритании за 1909 г. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1911. № 10.

Рабочие и несчастные случаи с ними в горной промышленности Великобритании за 1912 г. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1913. № 38.

Рабочий вопрос в Англии. «Вестник Труда». Екатеринбург. 1919. № 7.

Рабочий рынок и условия труда в 1909 г. в Великобритании. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1910. № 6.

Рабочий труд на рудниках и каменноугольных в 1907 г. в Соед. Королевстве. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1908. № 29.

Расслоение. С. П. Хлебобобы в Англии. [О с.-х. рабочих]. «Неделя». 1900. № 35.

Рузье. П. Из жизни английских рабочих. «Мир Божий». 1902. № 1.

Салов. В. О несчастных случаях на железных дорогах в Англии. «Журнал Министерства Путей Сообщения». 1872. Т. 22. (Смесь).

Сатурин. Д. Поездка в Манчестер. (Письмо из Англии. Среди рабочих). «Жизнь». 1901. 3—4.

Сельскохозяйственные рабочие в Англии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торг.». 1905. № 22.

С., Л. Из жизни школы и учителей в Англии. «Вестник Воспитания». 1905. № 4. (3-й отдел).

Смертные случаи в разных отраслях труда за 1909 г. в Великобритании. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1910. № 23.

Смоленский. П. О. О продовольствии рабочих в Эдинбурге. «Врачебная Газета». 1906. № 11.

Статистика несчастных случаев в английской промышленности. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1902. № 13.

Статистика смертности в каменноугольных коях Великобритании. «Горный Журнал». 1865. № 8. (Повесть и смесь).

Сувилов. П. И. К вопросу о положении рабочих в Америке и Европе. «Вестник Знания». 1905. № 3.

Тюрин. С. П. Проблемы труда в Англии. Лондон. 1920. Отдел II. Статистические данные о рабочем движении и о положении труда в Англии.

Тяжелое положение углекопов в Англии. «Союз Потребителей». 1922. № 8—9.

Улучшение положения рабочих классов в Англии за последние 50 лет. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1884. № 12.

Условия труда в Великобритании в 1910 г. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1911. № 20.

Условия труда в Индии. «Гигиена Труда». 1923. № 8—9. (Хроника).

Условия труда низших служащих на городских трамваях и больницах в Англии. «Известия Московской Городской Думы». 1905. № 7. (Хроника иностр. городск. жизни).

Ф., Н. Современное положение рабочей силы в Европе и в Америке по доведениям английских дипломатических агентов и новейшим результатам статистических работ. «Вестник Европы». 1873. №№ 6—11.

Х., М. Несчастные случаи в Англии в 1910 году. «Общественный Врач». 1912. № 2.

Шелгунов. Н. В. Рабочий пролетариат в Англии и во Франции. «Советские». 1901. №№ 10 и 11.

Ш. Е. Положение рабочего класса в Индии. «Вопросы Труда». Изд. НКТ. 1923. № 9.

Шершевский, М. Английский рабочий класс в 1922 г. «Красный Интернационал Профсоюзов». 1923. № 3.

Шиппель. Современная бедность и современное перенаселение. Главы II и III: Английский пролетариат.

Шлосс, Д. Ф. Еврей-работник [в Англии]. «Восход». 1892. № 4.

Шульц, П. А. О сельских рабочих в Англии. «Современник». 1855. Т. 73.

Шульц, П. А. О хозяйственном устройстве рабочих классов в разных странах. [Положение книги В. Т. Сарганта: „Economy of the Sabouring classes“, в части, трактующей о сельскохозяйственных рабочих в Англии]. «Журнал Землевладельцев». 1858. Т. I. № 4.

Штеини, Н. С. Рабочий вопрос в сельской Англии. (Исторический очерк). «Русское Богатство». 1905. № 4.

5. БАЛКАНСКИЕ ГОСУДАРСТВА И ТУРЦИЯ.

Статьи, отдельные главы, заметки.

Болгария. Материальное положение медико-санитарных и ветеринарных служащих. [Из «Рабочнического Вестника»] «Медицинский Работник». Москва. 1922. № 10.

Горцев. Младотурки и рабочий вопрос. [II. Положение рабочих в Турции]. «Современник». 1912. № 4.

Ефременков, В. По фабрично-заводскому вопросу в Болгарии. «Технический Сборник и Вестник Промышленности». 1900. № 7.

Милонов, А. Болгарские горняки. «Горнорабочий». Москва. 1922. № 20.

Милонов, А. У болгарских горнорабочих. «Горнорабочий». Москва. 1923. № 6.

[Пенев.] Положение медико-санитарных работников в Болгарии. «Медицинский Работник». Москва. 1922. № 10.

Положение рабочего вопроса в Болгарии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1909. № 1.

Положение рабочих в Турции. «Святое». 1872. № 1.

Стоянов, М. Положение болгарских горнорабочих. «Горнорабочий». Москва. 1923. № 9.

Транспортные рабочие Болгарии. [Сведения об условиях труда]. «Рабочий водного транспорта». Москва. 1923. № 2.

Турция. Условия жизни и борьба горнорабочих Анатолии. «Международное Рабочее движение». 1923. № 36.

Шиперович, М. В. Врачи в Сербии. «Медицинский Современник». 1915. № 4.

Эйдус, Х. Положение рабочего класса в Турции. [Бюллетень Испол. Бюро Красного Интернационала Профсоюзов]. [1921]. № 4.

6. БЕЛЬГИЯ И ГОЛЛАНДИЯ.

Отдельные издания.

Вандервольде, Э. Положение рабочего класса в Бельгии. Изд. Н. Глаголева. СПб. 1906. II. 40 к.

Вини-де, Ог. Среди фламандских рабочих. Пер. с французского З. Кочетковой. СПб. Изд. «Образование». 1904. 153 стр. II. 50 к.

Статьи, отдельные главы, заметки.

Бельгийская комиссия для исследования положения рабочих. «Юридический Вестник». 1887. № 5.

Гук-фон, В. Заметка о рабочем вопросе в бельгийском Конго. «Известия Минист. Иностр. Дел». 1914. № 4.

Данковский. Об условиях свободного труда и положении рабочих на горнозаводской промышленности в Бельгии. «Горный Журнал». 1859. №№ 2—5.

Добрейцер, И. Профессиональная заболеваемость среди горнорабочих Льежского района. «Гигиена Труда». 1923. № 5.

Наблуксв, Н. Положение рабочего класса в Голландии. «Юридический Вестник». 1888. № 10.

Международное движение деревообделочников: Голландия. [Удлинение рабочей недели на 3 часа, понижение заработной платы на 30%].

«Деревообделочник». Москва. 1922. № 2.

Несчастные случаи на бельгийских рудниках в 1883 г. «Южно-Русский Горный Листок». 1885. № 116—117.

П., А. Положение рабочих классов в Бельгии. (D-r H. Herkenr). «Юридический Вестник». 1889. № 10.

Покровская, М. И. Улучшение жизни рабочих в Бельгии. «Русская Мысль». 1898. № 12.

Положение рабочих в Голландии. «Сияние». 1872. № 6.

Положение рабочих в Бельгии. «Сияние». 1872. № 5.

Положение труда в металлической промышленности в Бельгии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1908. № 25.

Положение горнорабочих в Бельгии. «Горнорабочий», орг. Ц. К. Всер. Союза Горнорабочих». 1922. № 18—19.

Смирнов, Е. Иностранное обозрение. Стачка 220.000 углекопов в Рурском бассейне. Стачка углекопов в Бельгии. [Положение углекопов до стачки]. «Правда». 1905. № 2.

Тотомиянц, В. Среди бельгийских рабочих. (Два дня в Вервье). «Начало». 1899. № 1—2.

Условия труда замужних женщин в промышленных предприятиях Голландии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1912. № 48.

Шляпников, А. О бельгийских металлстах. «Просвещение» 1914. № 4.

7. ГЕРМАНИЯ.

Отдельные издания.

Альбрехт, д-р. Дешевые квартиры в Германии и самопомощь в их устройстве. Жилища для рабочего люда. Пер. с нем. А. Н. Полевицкого. СПб. 1899. 78 стр.

Болявский, Н. Н. Домашняя прислуга во Франции и Германии. Социально-юридический очерк. Юрьев. 1907. 54 стр. Ц. 40 к.

Билимович, Ал. Положение служащих на государственных железных дорогах Германии и России. Киев. 1906. 29 стр. (Оттиск из «Университетских Известий» за 1906 год).

Браун, Адольф. Положение рабочего класса в Германии. Пер. с рукоп.

под ред. П. Теплова. Изд. Н. Глаголева. 1906. 141 стр. Ц. 60 к.

Бурнашев. Русские рабочие в Пруссии. Извлечения из донесений Императ. Российск. Консулов. СПб. Изд. Второго Департамента Минист. Иностран. Дел. 1896.

Бурнашев, А. Русские рабочие в Пруссии. (Извлечения из донесений русских консулов в Германии). СПб. 1901.

Верхолетов. Рабочие в Германии. Под ред. Н. Рожкова. СПб. Изд. «Колокол». 1906. 66 стр. Ц. 15 к.

Вурм, Э. Жизнь немецких рабочих Их питание, квартиры, доходы, косвенные налоги, болезни и смертность. Редакция Д. Протопопова. СПб. Изд. Т-ва «Знание». 1899. 153+11 стр. Ц. 80 к.

Герс, Павел. Заводский рабочий. Пер. Ф. Н. Латернера. СПб. Изд. книж. К. Фельдман. 1906. 39 стр. Ц. 20 к.

Герс, П. 3 месяца фабричным рабочим. Москва. Изд. «Колокол». 1906. 237+V стр. То же. Москва. Изд. Сытина. 1907. 272 стр.

Голк, Венцель. Автобиография немецко-чешского рабочего, изложенная Паулем Герс. Сокращ. перев. с нем. У. Я. Моргулса. Москва. Изд. «Красная Новь». 1924. 137 стр.

Жизнь современного рабочего. [Автобиография Т. Бромме]. Под ред. и с пред. П. Герс. Пер. с нем. Э. Бернштейн. СПб. Изд. Павленкова. 1908. 320 стр.

Жизнь странствующего батрака в Мекленбурге, описанная берлинским безработным. С предисловием Августа Беселя. СПб. Изд. «Новый Мир». 1906. 55 стр. Ц. 10 к.

Записки рабочего. С предисл. П. Герс. Пер. с нем. Я. А. Лурье. СПб. Книгоизд. Т-во «Просвещение». 1896. IV+281 стр. Ц. 1 р. 75 к.

Кампфмейер, П. История общественных классов в Германии. Пер. с нем. П. Вилька под ред. В. Базарова. СПб. Изд. «Молот». 1907. 200 стр. Ц. 75 к.

Кампфмейер, П. История современных общественных классов в Германии. Москва—Игр. Госуд. Изд. 1923. 373+[2] стр.

Лейтес, К. С. Русские рабочие в германском сельском хозяйстве. Игр.

1914. 129 стр. Ц. 1 р. (Минист. Фин. Материалы к пересмотру торговых договоров).

Линдеман. (Н. Гуго). Пролетариат и городское хозяйство. (Рабочий вопрос в германских муниципалитетах). Пер. с нем. А. Рожештейн, под ред. и с пред. В. Канеля. Москва. Изд. Скирмунт. 1904. XXI+538 стр. То же. Москва. Изд. С. Дороватовского и А. Чурушиной. 1910 г. 538 стр.

Лурье. М. Письма о Германии. Вып. I. I. Рабочие эпохи войны. Пгр. Изд. «Книга». [1917]. 79 стр.

Лурье. М. (Ю. Ларин). Состав пролетариата (в Германии). Пер. Изд. Пгр. Совета Р. и К. Д. 1918 г. 32 стр.

Лурье. М. (Ю. Ларин). Стачки, дороговизна и заработки в Германии. [Известия о заболеваемости, травматизме, питании]. Птб. Кни-во «Социалист». 1917. 16 стр.

Мариузон. Ф. Д. Труд в Германии. Трудовые учреждения. Положение трудящихся. Москва. Издат. «Вопросы Труда». 1923 [январь. 1924]. 81 стр.

Мариузон. Ф. Д. Труд и быт рабочих в Германии. Москва. Изд. «Вопросы Труда». 1925 г.

Миклашевский. Рабочий вопрос и социальное законодательство в Германии. СПб. 1896. Ц. 30 к.

Погоже. Фабричный быт Германии и России. Москва. Изд. тип. А. Карцева. 1882. 172 стр.

Псморцев. В. Почтово-телеграфные ведомства Германии, Франции, Англии. Опыт врачебно-санитарного исследования. Ч. 1-я. Германия. [1912]

Рабочий класс Германии в послевоенные годы. Статистический сборник под ред. [и с предисловием] Н. Ангарского. Москва. 1924. 135+ [1] стр.

Рившо. О. Технический пролетариат в Германии. СПб. Изд. журнала «Труд инженера и техника». 1907. 40 стр. Ц. 20 к.

Статьи, отдельные главы, заметки.

А—в. А. Иностранное обозрение. [Отчет Гамбургской сенатской комиссии по исследованию условий портовой работы] «Русское Экономическое Обозрение». 1895 № 2.

Билимович. А. Д. Положение служащих на государственных дорогах

Германии и России. «Университетские Известия». Киев. 1906. № 6.

Богословский. С. Санитарное состояние рабочих керамической промышленности в Германии. («Общественный Врач». 1914. № 1 (Реферат)).

Болезненность и смертность берлинских наборщиков. «Врач». 1891. № 28 (Хроника и мелкие известия).

Борецкий. М. Германия. Жертвы труда. «Борьба». Птб. 1914. № 3.

Боткин. С. Рабочий вопрос в Вюртемберге. («Сборник Юнкерских Докладов»). 1900. Вып. 4.

Бутовцев. К. Таблица несчастных случаев при горном производстве в Саксонии: с 1825—1831 год включительно. «Горный Журнал». 1833. Ч. 3. Кн. 9 (Смесь).

Бутовцев. К. Таблица несчастных случаев при горном производстве в Саксонии: с 1832—1833 г. «Горный Журнал». 1835. Кн. 5. (Смесь).

Вагнер. На распутьи (Из жизни германских медработников). «Медицинский Работник». Москва. 1923. №№ 14 и 19.

Вендрих-фон. А. Условия железнодорожной службы женщин в Пруссии. «Железнодорожное Дело». 1899. № 3 (Новости).

Вигдорчик. Н. Врачебные отклики. Страница из жизни немецких врачей. «Практический Врач». 1911. № 47.

Вилец-Горовиц. Е. Из области жилищного вопроса в Германии. «Общественный Врач». 1911. № 10.

Витт. Иосиф. В тисках нищеты и реакции. (Письмо из Германии). «Горнорабочий» — орг. ЦКВСТ. 1922. № 18—19.

Витт. Иосиф. Германия. Положение горнорабочих. «Горнорабочий»—орг. ЦКВСТ. 1922. № 7—8.

Вопрос о положении рабочих классов в Пруссии. Какое значение имеет у нас вопрос о положении рабочих классов. Перемена в судьбе рабочих классов вследствие уничтожения крепостного права. «Отечественные Записки». 1865. Кн. 2 (Полит. хроника).

Германия. Два отчета фабричной инспекции. «Вестник Финапсов, Промышленности и Торговли». 1907. № 35.

Германия. Рабочий вопрос. «Экономический Журнал», 1890. Кн. 1 (Экономич. жизнь других государств).

Германия. Сельские рабочие северных провинций. «Экономический Журнал», 1893. № 2—3. (Экономич. жизнь иностр. государств).

Германские рабочие гостиницы в 1906 г. «Трудовая Помощь», 1907. Ноябрь (Хроника).

Германские торговые служащие. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», 1913. № 50.

Горнорабочие из Пруссии. (Из журнала Мин. Внутр. Дел). «Промышленность», 1861. Т. 4. Кн. 1.

Государственная субсидия на постройку жилищ для рабочих в Пруссии (Корреспонд. из Германии). «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», 1905. № 15.

Г., П. Л. Мукомольное производство в Баварии. (По отчетам Баварской инспекции за 1901 г.). «Промышленность и Здоровье», 1902. Кн. 2 (Сообщ. из обл. проф. гит. и обществ. эконом.).

Гребенщиков, В. И. Инвалидность и смертность среди членов Саксонской пенсионной кассы рудокопов за 1891—1900 гг. «Вестник общ. гигиены, суд. и практич. медицины», 1906. Май. (Медико-статист. сведения).

Деятельность германских рабочих гостиниц (в 1898, 1899 и 1902 годах). «Трудовая Помощь», 1899. Октябрь; 1902. Ноябрь (Хроника).

Деятельность городов Франкфурта на Майне и Шарлоттенбурга по улучшению жилищных условий городских служащих. «Известия Московской Городской Думы», 1904. Вып. 5 (март).

Дома для холостых рабочих [в Германии]. «Промышленность и Здоровье», 1903. № 7 (Сообщ. из обл. гигиены и общественной экономии).

Жилищный вопрос в Германии. «Трудовая Помощь», 1902. № 5 (Хроника—Благотворительность за границей).

Заболелость германских горнорабочих в 1912 году. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», 1914. № 2.

Заболевания горнорабочих Рурского бассейна в 1911 году. «Горнозаводское Дело», 1913. № 1—2.

Законопроект о помещениях для рабочих в Германии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», 1895. № 18.

З., Л. Условия труда в муниципальных предприятиях Германии. «Известия Московской Городской Думы», 1914. Апрель (Хроника иностранной городской жизни).

Из-за границы. Из жизни табачников в Германии. «Жизнь Табачника», 1907. № 1.

Иностранные рабочие в Германии в 1910 году. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», 1912. № 6.

Иностранные рабочие в германской промышленности. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», 1912. № 16.

Иностранные рабочие в германской сахарной промышленности. «Вестник Сахарной Промышленности», 1913. № 11.

Иностранные рабочие в Пруссии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», 1913. № 11.

Иоллос, Г. На жизни рабочего населения Берлина. «Вестник Европы», 1898. № 5.

И. Промышленный и рабочий вопрос в Пруссии. «Вестник Европы», 1868. №№ 6 и 8.

К вопросу о домашней промышленности и ее нуждах в Германии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», 1906. № 9.

К вопросу о служащих в ресторанах и гостиницах в Германии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли», 1906. № 51.

К положению сельскохозяйственных рабочих в Германии. «Хозяин», СПб. 1905. № 18.

Канель, В. А. На муниципальной жизни в Германии. (Рабочие на городской службе. Жилищный вопрос). «Русская Мысль», 1905. №№ 1, 3—4.

Ковров, А. Немецкая прилада. «Правда», 1905. №№ 1—2.

Курский, Л. Городское самоуправление в Германии и рабочий класс. «Семь дней», Москва. 1906. № 12—13.

Л. Рабочие на службе у городской общины в Германии. «Русская Мысль», 1903. № 4.

Л., А. Заболелость и смертность рабочих углекопов в Пруссии в 1919 г. «Гигиена Труд», 1923. № 3—4. (Важ-

нейшие вопросы проф. гигиены в американской журнальной литературе).

Лангфельд, К. Положение о горно-рабочих при саксонских коренных горных работах, преимущественно Фрейбергского горного округа. «Горный Журнал». 1855. № 5.

Левицкая, М. Из жизни народного учителя в Германии. «Вестник Воспитания». 1910. № 1.

М., Федор. Дома для одиноких рабочих в Германии. «Общественный Врач». 1913. № 10 (Рефераты).

Маркузон, Ф. Вопросы труда в Германии. (Из личных впечатлений и наблюдений). «Вопросы Труда» — изд. Нар. Комиссар. Труда. 1923. №№ 1 и 2.

Маркузон, Ф. По Германии. «Профессиональное Движение» — орг. Московского Совета Профессиональных Союзов. 1923. №№ 3, 10.

Миллашевский, А. Н. Рабочий вопрос и социальное законодательство в Германии. «Сборник правоведения и общественных знаний». 1899. Т. 3.

Мир—н, Нох. Домашняя промышленность в Германии. «Истина» — Спб. 1906. № 3.

Моравек, В. О санитарном положении служащих на германских ж. д. в 1885 г. «Железнодорожное Дело». 1887. № 13.

Моравек, В. Сравнение отчетов о санитарном положении железнодорожных служащих германских железных дорог и русских казенных железных дорог. «Железнодорожное Дело». 1886. № 9.

Несчастные случаи на горных промыслах за 1906 г. в Германии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1907. № 44.

Несчастные случаи со смертельным исходом на рудниках Дортмундского Горного Управления в 1912 г. «Гигиена и Санитарное Дело». 1914. № 7—9. (Научная хроника)

Несчастные случаи со смертным исходом на рудниках Дортмундского Главного Горного Управления в 1912 г. «Горно-Заводское Дело». 1913. №№ 44—45.

Несчастные случаи среди рабочих в Германии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1916. № 2.

Никитин, Б. Женская прислуга в Берлине. «Известия Московской Городской Думы». 1903. № 1.

Пажитнов. Водорожание жизни и положение рабочих в Германии в 1922 г. «Промышленность и Торговля». 1923. № 11—12.

П., М. К. Женская прислуга в Берлине. «Русская Мысль». 1899. № 2.

Погудев, А. Фабричный быт Германии в связи с современным фабричным строем России. «Устои». 1882. №№ 3 и 4.

Положение аптекарских служащих (в Германии). «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1905. № 15.

Положение берлинских рабочих в металлургической промышленности. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1911. № 41.

Положение домашней прислуги в Германии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1911. № 7.

Положение рабочих в Германии. «Сияние». 1872. № 2.

Положение рабочих на ситарных фабриках в Бадене. «Юридический Вестник». 1891. № 1. (Разные известия).

Положение служащих в германских городских управлениях. «Городское Дело» — Спб. 1911. № 2.

Положение труда в Германии в 1911 году. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1912. № 27.

Положение труда в металлургической промышленности в Германии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1912. № 34.

Положение фабричных рабочих в Германии. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1911. № 11.

Посещение рабочих слобод в Мюльгаузе. «Живописный Сборник». 1869. № 8.

Постоянные рабочие в Германии. «Тесной Журнал». 1879. № 12.

Продовольствие, месторыболовие, почлег и т. д. железнодорожных служащих в Пруссии. «Трудовая Помощь». 1903. Июнь (Хроника).

Прокопович, С. Новые исследования бюджетов немецких рабочих. «Труды Вольно-Экономического Общества». 1910. № 6.

Р., А. Дома с казенными квартирами и с квартирами, отдаваемыми в наем своим служащим, а также бани (ванные) на восточных железных дорогах. «Железнодорожное Дело». 1904. № 10—11 (Новости).

Варга, Е. Условия жизни рабочего класса в капиталистических странах. «Народное Хозяйство». 1921. № 6.

Восточная Африка. Условия труда туземцев в Кении. «Международное Рабочее Движение». 1923. № 39.

Гагемейстер, Ю. А. Опыт исследования о работах, домашней жизни и нравственном положении рабочих классов в Европе (по Лепле). «Вестник Русского Географического Общества». 1856. № 1.

Геркиер, Г. Рабочий вопрос. Вып. I. Социальная реформа. Пер. В. Гефдингга с 5 расшир. и перераб. издания. Москва—Пг. 1917. Главы: I. Положение промышленных рабочих в современном обществе. II. Социальные условия жизни рабочего класса.

Г—н, М. Положение коммунальных рабочих в европейских городах. «Известия Московской Городской Думы». 1913. Декабрь.

Готлиб, А. Г. О материальном и служебном положении учебно-административного персонала средних учебных заведений в некоторых государствах Европы. «Русская Школа». 1901. № 2 и 10—11.

Гюдри-Мено. Наша прислуга. [Положение домашней прислуги в разных странах]. «Вестник Знания». 1905. № 6.

Д. [..Положение фабричных рабочих людей у нас и за границей]. «Отечественные Записки». 1870. № 8. (Наши обществ. дела).

Датан, Г. Еврейский пролетариат. (Пер. с франц.). «Книжки Восхода». 1902. №№ 6 и 7.

Деготь, В. Наступление капитала. К положению рабочего класса на Западе. «Труд». Иваново-Вознесенск. 1922. № 7.

Дриль, Д. А. Улучшение жилищных условий нуждающихся классов населения (из впечатлений заграничной поездки 1901 г.). «Трудовая Помощь». 1902. № 3.

Жизнь извозчиков за границей. «Голос Извозчика». СПб. 1906. №№ 2, 5—6.

Жилища для рабочих в Вюртемберге, Галле, Дании и во Франции. «Трудовая Помощь». 1901. Март и сентябрь. (Хроника).

Зимовьев, Г. Сочинения. Том III. Госиздат. 1924. Отатья: Как живут рабочие за границей.

И. Несчастные случаи на угольных копях главнейших государств за десятилетие 1901—1910 г.г. и в 1911 г. «Горно-Заводское Дело». 1914. № 10.

Каринцев, Н. Иностранное обозрение. [Имеются сведения о положении учителей в Тунисе и о смертности учителей в некоторых странах]. «Русский Учитель». 1912. № 4.

Кеппен, А. Смертельные случаи в копях, рудниках и каменоломнях разных стран. «Горно-Заводский Листок». 1899. № 2.

Керкиер, Проф. Профессиональные заболелания рабочих на Западе. «Вестник Европы». 1900. № 9.

Кулишер, И. Предприниматели и рабочие и их взаимное отношение в капиталистической промышленности XV—XVIII ст. «Народное Хозяйство». 1905. № 5.

Мурский, Д. Городские рабочие в муниципалитетах на Западе. «Самоуправление», орг. гор., сельск., земск., и обл. обществ. управлений. Москва. 1907. № 4.

Несчастные случаи на железных дорогах Сев. Америки, Англии, Германии и России. «Железнодорожное Дело». 1890. № 41—42.

Несчастные случаи на угольных копях главнейших государств за последнее десятилетие. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1914. № 20.

П., А. Д. Статистика несчастных случаев с рабочими у нас и за границей. «Промышленность и Торговля». 1908. № 11.

Пажитнов, К. Жилищные условия рабочего класса на Западе и у нас. «Городское Дело». 1910. № 19.

Пажитнов, К. А. Сравнительный очерк положения рабочего класса на Западе и в России. «Труды Имп. Вольного Экономического Общества». 1911. № 1.

Политическая летопись. [Рабочий в Англии. Рабочий во Франции. Рабочий в Германии]. «Северный Вестник». 1892. № 1.

Положение рабочих в разных странах. «Гражданин». 1872. №№ 6 и 7.

Положение сельскохозяйственных рабочих в Англии, России, Пруссии

и Голландии. «Сельское хозяйство и лесоводство». 1870. Декабрь.

Постройка жилищ для рабочих в Египте. «Промышленность и Здоровье». 1902. № 1. (Хроника и смесь).

Процентное вычисление несчастий, случившихся в рудниках различных стран. «Горный Журнал». 1861. № 1. (Известия и смесь).

Рабочий вопрос в Самоа. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1911. № 43.

Райхсберг, Н. Сущность социального вопроса в западно-европейских странах. «Мир Божий». 1899. № 4.

Смертность горнорабочих в Трансваале. «Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1907. Т. III. № 32.

Сравнительное положение рабочего класса. «Сын Отечества». 1872. № 31.

Сравнительные данные об условиях труда промышленных рабочих в Англии, Германии, Франции, Бельгии и С.-А. Соединенных Штатах.

«Вестник Финансов, Промышленности и Торговли». 1912. № 9.

Статистика несчастных случаев в каменноугольных копях Европы. «Горный Журнал». 1866. № 2. (Известия и смесь).

Условия жизни рабочих и влияние этих условий на работоспособность (в разных странах З. Европы). «Горно-Заводское Дело». 1910. № 11.

Фриче, В. Из жизни интеллигентного пролетариата (в разных странах). «Образование». 1904. № 1.

Яковлев, Н. Н. Рабочие каменноугольной, железной и сталелитейной промышленности в Европе и Америке (составлено по Гульду). «Известия Общества Горных Инженеров». 1894. № 4.

Янжул, И. Великаны европейской промышленности. Положение рабочих и виды обеспечения их в крупнейших предприятиях Европы. «Вестник Европы». 1898. № 6.

С. Напалу.

Редакционная коллегия:

Бухарин, Н. И., Милютин, В. П., Пенровский, М. Н., Преображенский, Е. А., Крицман, Л. Н., Ретштейн, Ф. А., Деборн, А. М., Давалайский, Ш. М.

**Главнейшие опечатки, замеченные в статье тов. Харазова,
напечатанной в № 10 „Вестника Ком. Академии“.**

Стр. 263, ур - не (1): вместо $+\frac{\partial W}{\partial x}$ читай $+\frac{\partial W}{\partial t}$,

Стр. 282, стр. 9 сверху, напечатано: $-\frac{\sum g(a, a)}{\sqrt{1-g(a, a)}} dt$, следует: $+\frac{g(a, a)}{\sqrt{1-g(a, a)}} dt$.

Стр. 294, стр. 8 снизу, вместо „сохранялась“ читай „сокращалась“.

ИЗДАТЕЛЬСТВО Коммунистической Академии.

ОТКРЫТА подписка на 1925 год

ж. а.

„Вестник Коммунистической Академии“ 3-й год издания.

(Выходит раз в 2 месяца книгами размером в 26 печатных листов).
Научно-исследовательский журнал, выходящий под редакцией т. т.:
Бухарина Н. И., Милиутина В. П., Покровского М. Н., Преображенского Е. А., Крицмана Л. Н., Ротштейна Ф. А., Деборина А. М., Дзюлайцкого Ш. М.

Журнал ставит своей задачей разработку вопросов методологии и исследование отдельных проблем в области общественных и точных наук в свете марксизма. Являясь органом Коммунистической Академии, журнал отражает на своих страницах ее работу, как научно-исследовательского коллектива.

Помимо статей и исследований, в приложениях к журналу даются систематические, библиографические указатели по различным вопросам.

Подписка принимается исключительно собственным аппаратом Издательства Академии. В связи с тем, что в прошлом 1924 году, когда издание находилось не в ведении изд. Академии, отмечались недочеты и жалобы, как на несвоевременное печатание, так и на неаккуратную доставку подписчикам, **Издательством Академии приняты все меры к своевременному печатанию издания и правильному снабжению подписчиков**

Условия подписки: На 6 книг 14 руб., на 3 книги 7 руб. 50 коп.

СПИСОК СОТРУДНИКОВ.

Адоратский, В., Авербух, Р., Аксельрод, Л. (Ортодокс), Базаров, В., Бавыкин, С., Баммель, Г., Бешкин, Г., Богданов, А., Бронский, М., Бухарин, Н., Вайнштейн, И., Варьяш, А., Вейц, В., Виноградская, П., Волгин, В., Горев, Б., Гурвич, Г., Дзюлайцкий, Ш., Деборин, А., Дитякин, В., Дрей, М., Дубровский, С., Ерманский, О., Капалун, С., Келер, В., Кривцов, С., Крицман, Л., Кузовков, Д., Ларин, М., Лейкин, Э., Леонтьев, А., Литвинов, И., Лововский, С., Лукин, Н., Луначарский, А., Меерсон, Г., Мещеряков, Н., Милиутин, В., Моносов, С., Морозов, Е., Мотылев, В., Нахимсон, М. (Спектатор), Никольский, В., Осинский, В., Орлов, И., Павлович, М., Пашуканис, Е., Переворзев, А., Покровский, М., Попов, П., Преображенский, Е., Пригожин, А., Пятаков, Г., Рауковский, И., Рейснер, М., Ротштейн, Ф., Рудаш, Л., Рязанов, Д., Сказин, Е., Смит-Фалькнер, М., Степанов-Скворцов, И., Стучка, П., Тальгеймер, А., Тимирязев, А., Троцкий, Л., Тюменев, А., Харлазов, Г., Удальцов, А., Фриче, В., Циперович, Г., Шмидт, О., Шпиальрейн, И.

Адрес Редакции: Знаменка, 11, тел. 1-94-66.

Подписку направлять по адресу: Москва, Знаменка, 10. Главная Контора Издательства Коммунистической Академии. Тел. 1-94-54.

В провинции подписка принимается областными представительствами издательства в городах: Ленинграде, Мянске, Ростове-на-Дону, Свердловске, Ново-Николаевске, Ташкенте, Харькове, Оренбурге, Казане, Иркутске, Самаре, Саратове — и агентами, снабженными соответствующими документами.